



Сомадева

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОХОЖДЕНИЯ
царевича
НАРАВАХАНАДАТТЫ

Annotation

Книга завершает сказание о Нараваханадатте, лежащее в основе сказочного эпоса «Океан сказаний», созданного в XI в. замечательным кашмирским поэтом Сомадевой. В этой книге много забавных и в то же время поучительных рассказов о йогах и красавицах, о крестьянах и царях, о мудрых и глупых, о хитрых и простоватых, об алхимиках и волшебниках.

- [Сомадева](#)
 - [Читателю — Переводчик](#)
 - [Книга о Веле, жене купца](#)
 -
 - [Волна первая](#)
 - [Книга о Шашанкавати](#)
 -
 - [Волна первая](#)
 - [Волна вторая](#)
 - [Волна третья](#)
 - [Волна четвертая](#)
 - [Волна пятая](#)
 - [Волна шестая](#)
 - [Волна седьмая](#)
 - [Волна восьмая](#)
 - [Волна девятая](#)
 - [Волна десятая](#)
 - [Волна одиннадцатая](#)
 - [Волна двенадцатая](#)
 - [Волна тринадцатая](#)
 - [Волна четырнадцатая](#)
 - [Волна пятнадцатая](#)
 - [Волна шестнадцатая](#)
 - [Волна семнадцатая](#)
 - [Волна восемнадцатая](#)
 - [Волна девятнадцатая](#)
 - [Волна двадцатая](#)
 - [Волна двадцать первая](#)
 - [Волна двадцать вторая](#)

- [Волна двадцать третья](#)
 - [Волна двадцать четвертая](#)
 - [Волна двадцать пятая](#)
 - [Волна двадцать шестая](#)
 - [Волна двадцать седьмая](#)
 - [Волна двадцать восьмая](#)
 - [Волна двадцать девятая](#)
 - [Волна тридцатая](#)
 - [Волна тридцать первая](#)
 - [Волна тридцать вторая](#)
 - [Волна тридцать третья](#)
 - [Волна тридцать четвертая](#)
 - [Волна тридцать пятая](#)
 - [Волна тридцать шестая](#)
- [Книга о Мадиравати](#)
 -
 - [Волна первая](#)
- [Книга о пяти красавицах](#)
 -
 - [Волна первая](#)
 - [Волна вторая](#)
 - [Волна третья](#)
 - [Волна четвертая](#)
- [Книга о Великом Помазании](#)
 -
 - [Волна первая](#)
 - [Волна вторая](#)
- [Книга о Суратаманджари](#)
 -
 - [Волна первая](#)
 - [Волна вторая](#)
 - [Волна третья](#)
 - [Поэт и его наследие](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)

- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!



Сомадева

**Дальнейшие похождения
царевича Нараваханадатты, во время
которых он встретил свою возлюбленную
и достиг великого сана верховного
повелителя видьядхаров, наделенных
могущественными знаниями и утвердил
справедливость на земле и на небе, и
слышал множество увлекательных,
правдивых и мудрых историй о купцах и
богатырях, игроках и путешественниках,
колдунах и ведьмах, разбойнике,
обманувшем бога смерти, о суде правом и
неправом, о любви, не знающей высоких и
низких, а также немало других,
волнующих душу и занимающих ум
повествований**

Читателю — Переводчик

Величественны вершины древних Гималаев, обители снегов, устремленные в небо, днем пронзительно синее, а ночью — бархатно-черное, усыпанное серебряными блестками звезд. Высятся те древние вершины, увенчанные голубоватыми ледяными шишаками, одетые в вечнозеленые плащи лесов, прошитые серебристыми нитями ручьев и рек. Неукротимые ветры проносятся меж гордыми вершинами, льет на них жемчужно-молочный свет месяц, яростно палит солнце. Оплавляет оно льды, и капля за каплей собираются весело журчащие ручьи. Набирают они силу и, яростные, с шумом и ревом вырываются на равнину, чтобы отдать людям таящуюся в них мощь!

Приходит время, и неприступные кручи окутываются бесчисленными полчищами иссиня-черных туч и снежно-белых облаков, покрывающими все небо. То обгоняют они друг друга, то сталкиваются, и тогда все мрачнеет кругом, и начинается небесный бой — только сверкают мечи молний да громовые раскаты наполняют все поднебесье. Но истощаются силы враждующих, и над гордыми пиками, над клубящимися, подобными кручам облаками возносится, как стяг торжествующей Справедливости, веселое семицветье радуги.

В зеленом шуме могучих лесов и реве бурь, в журчании ручьев и щебете птиц, в гуле горных лавин слышали люди множество самых причудливых и устрашающих, величественных и забавных историй о жизни земной и небесной. И капля за каплей, слово за словом стекались эти сказания в реки и, словно устремляющиеся из горных теснин к океану потоки, слились в «Океане сказаний» кашмирского поэта XI в. Сомадевы, повествующем о необычайных похождениях царевича Нараваханадатты, сына блистательного царя Удаяны.

Труден путь от вершин Гималаев до океанских просторов, идет он через суровые хребты, песчаные пустыни, иссушенные палящим солнцем дебри. Но не страшись, друг-читатель! Будут сопутствовать нам ручьи и реки, полные животворной мудрости народа, его искрометного веселья, несокрушимой веры в торжество правого дела!

Книга о Веле, жене купца



Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары^[1], взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор^[2], — а сладость их воистину подобна животворной амрите^[3], извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

Волна первая

Хвала Слоноликому^[4], устраняющему все препятствия, помогающему во всем достичь успехов и переправиться через океан трудностей!

Обретя Шактияшу, развлекаясь с ней и с другими женами, ранее добытыми, — Ратнапрабхой и прочими, среди которых главной была Маданаманчука, — царевич ватсов Нараваханадатта вместе со своими друзьями пребывал подле своего отца в городе Каушамби.

Однажды, когда гулял он в саду, приблизились к нему двое юношей, пришедших из другой страны, и склонились перед ним. А когда царевич приветствовал их как гостей, один из них обратился к нему с такой просьбой: «Мы — сыновья царя, правящего в городе Вайшакха, и родились от разных матерей. Имя мое Ручирадева, а его — Потака, и есть у меня быстроногая слониха, а у него два коня, и из-за них возник между нами спор: говорю я, что моя слониха быстрее, а он — что его кони. Если кони его быстрее, то отдаю я ему, проигравший, слониху, а если она их обгонит, то он отдает мне коней. Никто, кроме тебя, не может рассудить, кто же из них резвее, и поэтому, повелитель, пожалуй к нам в дом и испытай их. Окажи нам такую милость — ведь ты же истинное «пожелай-дерево», щедрое ко всем просящим! Ради этого и пришли мы к тебе издалека».

И тогда сын повелителя ватсов согласился на эту просьбу, потому что был он великодушен и знал толк в конях. Взошел Нараваханадатта на колесницу братьев, запряженную стремительными, как ветер, конями, двинулись они в путь и вскоре достигли города Вайшакхапура, а когда царевич вступил в этот великолепный город, то изумленные горожанки, потупясь, бросали на него взгляды из-под ресниц и спрашивали друг друга: «Кто бы это был? Уж не Кама^[5] ли, возродившийся из пепла? Но где же тогда Рати? Или это явившийся в сиянии дня Месяц? Но куда делись его приметы? Или это стрела Камы, которую творец выточил в виде человека, чтобы полностью сокрушить девичьи сердца?»

Увидел царевич в городе храм Камы, выстроенный людьми давних времен и посвященный только лишь одной Любви, вступил в него и склонился перед божеством, доставляющим страсть и любовь, и тотчас же исчезла у царевича усталость от дороги. Затем с радостью вошел он в стоявший неподалеку от храма дворец Ручирадевы, а тот из почтения к сыну повелителя ватсов дал гостю войти первому. По случаю приезда Нараваханадатты во дворце был устроен праздник — было вокруг него

полным-полно отменных коней и слонов. Ручирадева оказывал гостю всевозможные почести, и сын повелителя ватсов испытал при этом великую радость, а когда увидел сестру Ручирадевы — девушку изумительной красоты по имени Джаендрасена, она пленила его сердце столь сильно, что забыл царевич о том, что находится на чужбине и разлучен с близкими. И она тоже, только лишь заметив его, мысленно избрала царевича в мужья, бросив на него, словно венок из голубых лотосов^[6], сияющий взор. С этого мгновения все помыслы его были обращены к ней одной, и тщетно пыталась завладеть им даже богиня сна — что уж говорить о других женщинах?!

На следующий день Потака привел своих несравненных коней, быстрых, как ветер, а Ручирадева — слониху, и Нараваханадатта, искушенный в тайнах верховой езды и обучения слонов, сел на слониху и выиграл состязание — и слониха бежала быстрее, и сам он был искусным наездником. А Ручирадева стал обладателем двух великолепных коней.

Только сын повелителя ватсов вернулся во дворец, как прибыл туда гонец от его отца и, низко поклонившись царевичу, сказал: «Царь, узнав от твоих приближенных, что ты здесь, послал меня с таким наказом: «Как ты мог, не уведомив нас, уехать так далеко? Беспокойство овладело нами. Возвращайся немедленно, оставив все прочие дела!»».

Выслушал из уст гонца отцовский наказ Нараваханадатта и, погруженный в размышления о том, как добыть возлюбленную, закачался в паланкине сомнений и колебаний. А в это время появился некий купец, преисполненный радости, и, еще издали начав кланяться, обратился к царевичу: «Слава тебе, владыка стрел, сплетенных из цветов! Слава тебе, владыка, слава грядущему верховному повелителю видьядхаров^[7]! Разве еще мальчиком не привлекал ты сердца? Разве, став взрослым, не вселяешь ты трепет в сердца врагов? Нет сомнений, божественный, что вскоре увидят тебя движущиеся в небесах наделенным несокрушимыми добродетелями, подобным Вишну, устремляющемуся в походе через небеса и лишаящему Бали^[8] победы!» Почтил царевич своим вниманием богатого купца, так усердно его восхвалявшего, и стал расспрашивать, а тот поведал обо всем, что с ним случилось.

«Есть такой город — Лампа, истинное украшение земли. А жил в том городе знаменитый и богатейший из купцов Кусумасара, и была ему вера единственным прибежищем. Благодаря истовому поклонению Шиве родился у него единственный сын — это я, — нареченный Чандрасарой.

Однажды пошел я с друзьями посмотреть на торжественную

процессию, во время которой выносят изображение божества, и увидел там других богатых купцов, одаривавших нищих. И тогда возникло во мне страстное желание добыть как можно больше денег, чтобы совершать жертву подаянием, и хоть несметны были богатства, накопленные отцом, но было мне их мало, и решил я отправиться морским путем в другие страны, наполнил корабль различными сокровищами и поплыл на нем. Словно благоприятствовавшая мне судьба, ветер подгонял мой корабль, и через несколько дней достиг я острова. Правивший на нем царь, узнав, что кто-то неизвестный торгует ценным товаром, возгорелся алчностью, велел схватить меня и бросить в темницу, подобную аду. Стенания злодеев, страдавших от жажды и голода и ставших похожими на духов, не стихали там ни днем, ни ночью. Пока я томился в темнице, богатый купец по имени Махидхара, который жил на острове и хорошо знал мою семью, пошел похлопотать за меня и обратился к царю с такими словами:

«Этот юноша, о божественный, сын знатного купца из города Лампа и ни в чем не виноват. Не к чести твоей держать его в цепях и подвергать мучениям». Так и по всякому другому убеждал купец царя, и тот наконец повелел освободить меня и доставить во дворец. А там принял он меня с почестями. Благодаря помощи друга, по царской милости, остался я на острове и торговал с большой прибылью.

Однажды в саду во время праздника Весны увидел я прекрасную девушку — дочь купца Шикхары. Глядя на нее, я почувствовал, что меня словно захлестнуло волной океана любовной дерзости, и тут же направился к отцу красавицы просить, чтобы отдал он ее мне в жены.

На мгновение задумался ее отец, а затем сказал: «Не могу я отдать тебе дочь сам, и на это есть причина. Поэтому я отправлю ее на Львиный остров к деду по матери, а ты поезжай вслед и там проси руки моей дочери вторично и женись на ней. А чтобы дело твое увенчалось успехом, извещу я того обо всем в письме». Сказав так, простился со мной Шикхара, и я отправился домой. На следующий день посадил Шикхара дочь со свитой на корабль и отправил на Львиный остров.

И что же?! Лишь только я решил последовать за той, к которой стремился всем сердцем, как дошли зловещие слухи, поразившие меня как громом. Корабль, на котором плыла дочь Шикхары, потерпел крушение, и никому не удалось спастись. Как услышал я злую весть, рухнуло мое мужество, и, одолеваемый ужасными думами о судьбе корабля, погрузился я в безбрежный океан скорби, но старшие утешали меня, и в душе зажглись искры надежды — решил я отправиться на тот остров, чтобы обо всем узнать самому. И хотя был я обласкан царем и нажил несметные богатства,

взошел я на корабль и отправился в плавание.

Но как только вышли мы в море, взвился из воды громыхающий громами ужасный ураган-разбойник. Со страшным шумом обрушил он на корабль подобные вереницам стрел потоки дождя, а противный ветер, словно сама могущественная судьба, швырял корабль то вверх, то вниз, пока не разбил. Волею судьбы все было поглощено океаном — и спутники мои, и деньги, — и лишь мне удалось схватиться за бревно, на котором, словно на протянутой мне на помощь руке творца, подгоняемый ветерком, и добрался я до берега. Подавленный невзгодами, отчаянно кляня неразумную судьбу, выбрался я на берег, и вдруг неподалеку от берега увидел я оставленный кем-то небольшой слиток золота. Продал я его в ближайшем селении, а на вырученные деньги купил одежду и поел. Тут я почувствовал, как начинает проходить моя усталость от борьбы с волнами.

Разлученный с возлюбленной, не знающий куда идти, блуждал я по незнакомому острову. Вдруг набрел я на площадку, уставленную лингамами Шивы, сделанными из песка. Меж ними бродили дочери мудрецов. И вот увидел я девушку, прекрасную даже в одеянии отшельницы, самозабвенно поклоняющуюся лингаму. «О, как похожа она на мою любимую! А вдруг это она?! Но этого не может быть. Не столь судьба милостива ко мне» — такие мысли проносились в моей голове. Вдруг задергался мой правый глаз, радостно возвещая: «Это она!» Подошел я и спросил: «Кто ты, стройная? Ты создана, чтобы жить во дворце, но что ты делаешь в лесу?» Ничего не сказала мне девушка.

Чтобы не проклял меня мудрец, отошел я от девушки, а затем укрылся в гуще лиан и не спускал с нее жадного взора. Она же, закончив молитву, поднялась и пошла неторопливо, как будто думая о чем-то, и, поминутно оборачиваясь, бросала на меня взгляды, полные любви. Когда же исчезла она из виду, показалось мне, что все страны света погрузились в кромешный мрак, и почувствовал себя я, разлученный с милой, так сиротливо, словно птица чакравака^[9] в безлунную ночь.

И тут я увидел Ямуну, дочь мудрого Матанги, которая с самых юных лет выполняла обет целомудрия. Благородный лик ее, подобно яркому солнцу, излучал сияние, тело ее было изнурено воздержанием. Вот что сказала мне она, воплощение твердости, владевшая даром предвидения: «Наберись терпения, Чандрасара, и выслушай меня. Живет на соседнем острове знаменитый купец по имени Шикхара. Родилась у него прелестная девочка, и друг его бхикшу^[10] Джинаракшита, наделенный высшим знанием, сказал ему: «Смотри, не отдавай сам свою дочь замуж — ведь у

нее другая мать. Не послушаешь меня — примешь на душу великий грех. А если сделаешь, как я говорю, все кончится благополучно».

Когда дочь купца стала невестой и ты пришел просить ее в жены, решил он, что отдаст ее тебе дед, отец ее матери. Тогда, снарядив корабль, отправил он дочь на Львиный остров к деду. Корабль же тот потерпел крушение, а девушку выбросило в море. Но суждено ей было жить долго — могучая волна, словно сама судьба, вынесла ее на берег. А в это время отец мой, досточтимый мудрец Матанга, пришел со своими учениками к океану, чтобы совершить омовение, и увидел девушку почти бездыханной. Милосердный мудрец привел ее в чувство и взял к себе в обитель и промолвив: «Ямуна, заботься о ней», поручил ее моим заботам. А затем сказал он: «На берегу, омываемом волнами, нашел я ее — и потому нарек полюбившуюся отшельникам девушку именем Вела, что означает «волна». Полюбила я Велу всей душой и хотя давно уже отрешилась от мира, соблюдая обет целомудрия, но, увы, тревожит мир мое сердце чувством материнской любви и нежности. Мне жаль, Чандрасара, что эта девушка, цветущая и юная, все еще не жена тебе. Всякий раз, как смотрю я на нее, печаль сжигает мое сердце— ведь была она тебе женой в прежнем рождении. Иди за мной, возьми в жены свою Велу. Пусть невзгоды, которые выпало вам пережить, принесут плоды счастья». Слова ее принесли мне облегчение, словно ласкающий дождь. Затем досточтимая отшельница проводила меня в обитель муниса ^[11] Матанги, обо всем поведала отцу, и тот отдал мне Велу, красавицу, подобную сокровищу из царства мечты.

Счастливо я зажил с женой на том острове. Однажды, придя на озеро, мы стали с ней забавляться, плескаясь в веде, и не заметили мудрого Матангу, совершавшего там в этот час омовение. Во время игры, брызгая друг на друга, мы случайно обрызгали его. Разгневанный старец обрушил на нас грозное проклятие: «Разлучитесь вы, грешные супруги!» Тут Вела пала к его ногам и смягчила гнев мудрого своими смиренными речами. Поразмыслив, он сказал: «Когда, о Чандрасара, ты увидишь, как слониха, управляемая Нараваханадаттой, сыном властителя ватсов, будущим повелителем видьядхаров, победит двух несравненных коней, спадет проклятие и ты соединишься с женой». Закончив речь, мудрец Матанга совершил омовение и прочие церемонии и, взмыв в небо, направился к Шветадвипе ^[12], чтобы повидать Хари ^[13].

За ним последовала и Ямуна, сказав нам с женой на прощание: «Возьмите вот эту сандалию с ноги Шивы, украшенную редчайшими

драгоценностями. В давние времена подобрал ее один видьядхар, когда выскользнула она из-под ноги Повелителя, а я по детской беспечности утащила ее у видьядхара».

Ничто более не удерживало меня на острове — жизнь в лесу наскучила, я обрел любимую и теперь страшился разлуки. — Потому и охватило меня неодолимое желание вернуться на родину. Снарядившись в путь, пошли мы с женой на берег океана, и там нашел я торговый корабль, только посадил на него жену и уже готов был подняться сам, как налетел ветер и отнес корабль далеко в море. Проклятие мудреца сбылось. Увидел я это, и обморок, словно налетевший грабитель, похитил мое сознание. Только оказавшись в это время неподалеку какой-то аскет, увидев, как упал без сознания, из сострадания привел меня в чувство и приводил к себе в обитель. Поведал я ему свою историю, и когда он узнал, что надо мной тяготеет проклятие и срок его ограничен, то посоветовал не падать духом.

Тем временем добрался до берега некий купец, корабль которого погиб в океане, и вот обрел я друга и вместе с ним снова отправился на поиски любимой. Только надежда на то, что когда-нибудь наступит конец проклятию, поддерживала мои силы. Много стран я прошел и много пережил дней, прежде чем попал в город Вайшакху и узнал, что ты, драгоценная жемчужина благородного рода властителей ватсов, изволил пожаловать сюда. А потом увидел я издали, как слониха, управляемая тобой, победила двух великолепных скакунов. Груз проклятия спал с меня, и на сердце стало легко! В ту же минуту увидел я и свою Велу — подобрали ее добрые купцы и привезли на корабле в Вайшакху. Подаренные Ямуной драгоценности и встреча с тобой помогли нам преодолеть океан проклятия. Я пришел сюда, о сын царя ватсов, чтобы выразить тебе почтение. А сейчас я, радостный, отправляюсь домой со своей женой».

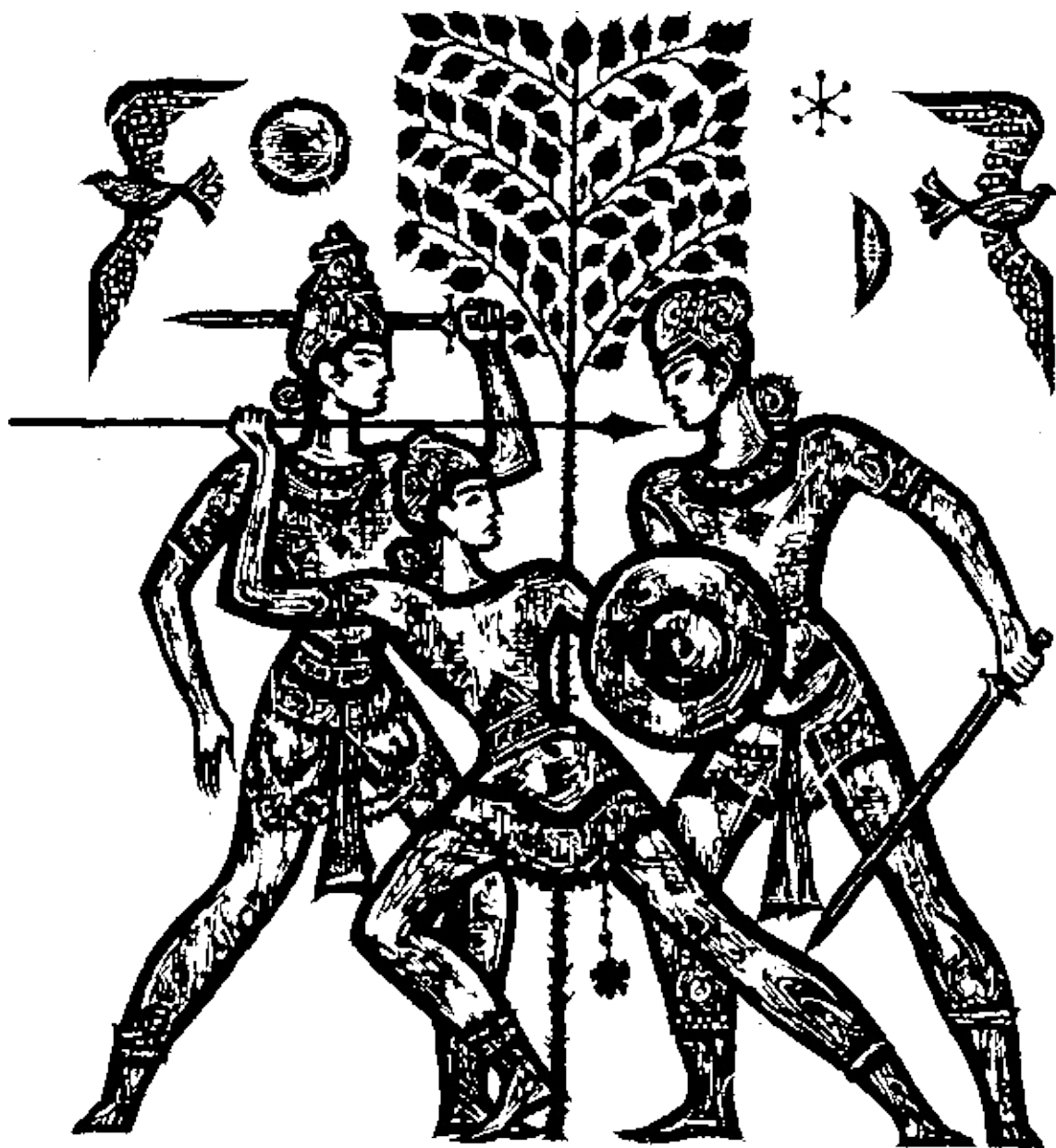
Когда же купец Чандрасара окончил рассказ и, склонившись перед сыном властелина ватсов, простился с ним и ушел, Ручирадева, убедившись в том, что гость его велик и могуществен, возрадовался и стал угождать ему еще более. Кроме слонихи и скакунов отдал Ручирадева царевичу и свою сестру, пленившую того. И будто долг гостеприимного хозяина повелел ему поступить так, а не давно уже хотел сам Ручирадева выдать сестру замуж за Нараваханадатту.

Вскоре Нараваханадатта покинул дом Ручирадевы и вместе с новой женой, осыпанный дорогими подарками — слонихой и скакунами, — прибыл в Каушамби и жил там счастливо, радуя отцовское сердце, с Джаендрасеной и другими женами, первой из которых была

Маданаманчука.



Книга о Шашанкавати



Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

Волна первая

Да охранит вас Ганапати^[14], вскидывающий, забавляясь, хобот, словно триумфальную колонну по случаю победы над препятствиями, вокруг которого, подобно затейливой вязи надписей, свидетельствующих о его торжестве, выются пчелы.

Слава Харе, совершенству страсти, лишенному страстей, искусному художнику, не ведающему красок, творящему все новые и новые дивные картины!

Победа стрелам Смары^[15] — попадая, они лишают силы оружие всех богов и даже саму ваджру в руках Индры^[16]!

Итак, сын повелителя ватсов, добыв себе одну за другой множество жен, живет в Каушамби. Но хоть и много жен у Нараваханадатты, а из всех была ему милее — и даже дороже самой жизни — Маданаманчука: как Мадхаве Рукмини^[17] была она ему.

Однажды ночью приснилось царевичу, что слетевшая с небес божественная дева уносит его куда-то. Проснулся он и увидел, что сидит на камне таркшья^[18] на вершине высокого холма, поросшего деревьями, покрытыми густой листвой, а рядом с собою ту деву, подобную волшебному снадобью, с помощью которого Смара зачаровывает весь мир; и, казалось, она рассеяла ночную мглу, нависшую над рощей.

«Она-то меня сюда и принесла», — подумал он и, заметив, что стыдливость мешает ей обнаружить свои желания, притворился спящим. Он, хитрец, словно бы сквозь сон проговорил: «Где ты, милая Маданаманчука? Подойди сюда и обними меня!» Она же, услышав эти слова, воспользовалась ими и, приняв облик супруги Нараваханадатты, обняла его, отбросив сдерживавший ее стыд. Он же, раскрыв глаза, увидел эту деву в образе Маданаманчуки, улыбнулся и обнял ее, воскликнув: «Какое волшебство!» Тогда она, избавившись от стыдливости, предстала пред ним в своем облике и молвила: «Возьми меня, благородный! Тебя избрала я в супруги!» А он в ответ на ее слова сочетался с ней по обряду гандхарвов^[19] и взял ее в жены. Так провел Нараваханадатта с ней ту ночь, а когда забрезжило утро, желая как-нибудь узнать, из какого она рода, сказал: «Послушай, милая, расскажу я тебе одну забавную историю

В некоей обители жил мудрец Брахмасиддхи, обладавший могущественным знанием, а неподалеку от жилья этого волшебника устроила себе логово в пещере старая шакалиха. Однажды в несчастный день, когда она, отощавшая, вышла на поиски пищи, случилось по воле судьбы так, что кинулся на нее, желая растоптать, обезумевший без подруги слон. Увидел это волшебник и, будучи мудрым и сострадательным, по доброте своей обратил шакалиху в слониху — и было это на благо обоим существам: увидав пару себе, успокоился слон и привязался к ней, а она избавилась от смерти.

Стал он с ней повсюду бродить и однажды зашел в поисках лотосов в пруд, образовавшийся после осенних дождей, и стал там тонуть. Что ни делал он, а выбраться не мог и остался стоять недвижно, словно гора, упавшая с небес ^[20] после того, как ваджра Индры перебила ей крылья. Шакалиха же, обращенная в слониху, увидев, что он тонет, пошла к другому слону и с ним ушла.

Тем временем случилось так, что пришла туда по воле судьбы прежняя подруга тонувшего слона; она, благородная, разыскивавшая его, увидев, что затянуло его болото, и желая последовать за супругом, устремилась к нему. Как раз в это время проходил там мудрец Брахмасиддхи со своими учениками. При виде того, что случилось, преисполнился он состраданием, наделил учеников небывалой силой и велел им вытащить попавших в беду слонов из болота. Ушел мудрец в сопровождении учеников оттуда, а слоны, избавившись и от смерти, и от разлуки, стали развлекаться, как хотели.

Вот так, милая, души благородные даже в несчастье не покидают друга, а, напротив, помогают ему преодолеть беду, что до низменных, то им не свойственны ни любовь, ни мужество.

Когда закончил на этом рассказ сын повелителя ватсов, молвила божественная дева: «Нет в том никакого сомнения. Но мне ведомо, благородный, с какой целью ты это рассказал. Послушай теперь, что я тебе расскажу

Жил некогда в Каньякубдже лучший из брахманов Шурадатта. Владел он ста деревнями, и очень почитал его великий царь Бахушакти. Была у того брахмана жена, почитавшая мужа, как бога, и звали ее Васумати. Родила она Шурадатте красивого сына, имя которому дали Вамадатта. И стал он любимцем отца. Скоро стал Вамадатта сведущим во всех науках, и взял он себе в жены Шашипрабху.

Миновало какое-то время, и вознесся отец Вамадатты на небо, а за отцом последовала и мать, и стал Вамадатта с женой хозяйничать в доме. Но неведомо ему было, что его своенравная жена, то ли по воле судьбы, то ли по какой иной причине, оказалась наделенной способностями злой колдуньи.

Раз, когда Вамадатта нес службу при царском дворе, прибежал к нему из дому кто-то из родичей отца да и говорит по секрету: «Погублена, сынок, честь рода нашего — сам я видел, как твоя-то жена сошлась с твоим же пастухом!» Выслушав все это и оставив того за себя, устремился Вамадатта, с мечом сам друг, домой и укрылся в беседке, увитой цветами. А тем временем наступила ночь, и пришел туда тот самый пастух, буйвол пасущий, а ему навстречу выбежала с разными угощениями жаждущая встречи с любовником Шашипрабха. И затем, когда утолил он голод, улеглась с ним на ложе.

При виде этого выскочил к ним, занеся меч, Вамадатта с криком: «Вот до чего вы, грешники, дошли!» Но тут поднялась его хозяйка и со словами: «Тьфу на тебя, дурень!» — бросила ему в лицо пригоршню пыли, и тотчас же обратился он из человека в буйвола, но не утратил при этом ни ума, ни памяти. Прогнала его, подлая, в буйволиное стадо и велела тому пастуху отколотить его дубиной, а как стал какой-то купец приторговывать себе буйвола, так она, жестокая, и вовсе от мужа избавилась, продав его купцу. А тот навьючил на буйвола груз немалый.

Но вот, мучимый своим буйволиным состоянием, Вамадатта оказался в какой-то деревне неподалеку от Ганги. Убивался он: «Злобная жена, вступившая в дом доверчивого, все равно что змея, поселившаяся в доме! Разве будет кому-нибудь от нее польза?» — и заливался слезами. Увидала однажды его, отощавшего от тяжелой работы и исхудавшего до самых костей, какая-то йогини^[21] и, узнав, благодаря своей мудрости, что с ним случилось, прониклась жалостью и, спрыснув заговоренной водой, избавила от буйволиного обличья, отвела его, снова обретшего человеческий облик, к себе домой и отдала ему в жены дочь свою Кантимати. Затем насыпала ему горчичных зерен, особым образом

заговоренных, и сказала: «Кинь их в злодейку-жену, и она обратится в кобылу».

Взял Вамадатта зерна и пошел вместе с новой своей женой Кантимати к себе домой, убил пастуха, кинул зерна горчичные в Шашипрабху и обратил ее тем в кобылу, которую и привязал в стойле. А чтобы исправить ее дурной нрав, положил себе за правило каждый день перед едой наносить ей палкой семь ударов.

Так живет он в своем доме со своей женой Кантимати. Но вот однажды пришел к ним в дом гость. Начали его угощать, и вдруг, трапезы не завершив, выбежал Вамадатта, вспомнив, что не дал сегодня семи ударов палкой злой жене. Когда же выполнил он это — ударил кобылу семь раз, — вернулся успокоенный и продолжал еду.

Гость был удивлен и из любопытства спросил: «Куда это ты, почтенный, в тревоге уходил, оставив трапезу незавершенной?»

Тогда поведал ему Вамадатта свою историю от самого начала, а гость, выслушав его, промолвил: «Трудно все это понять, и что тебе в том, что она в скотину обращена? Лучше бы ты у тещи своей попросил какой-нибудь волшебной силы!» И согласился Вамадатта с гостем и поутру проводил его, почтив должным образом.

Пришла по какому-то случаю к нему в-дом его теща, добрая йогини, и стал он всячески потчевать и ублажать ее и попросил о желанном. Тогда она, искушенная в йоге^[22], пожаловала ему и жене волшебные знания, продлевающие время жизни, наставив их перед этим, как полагается, что и как делать.

Затем отправился Вамадатта на гору Шрипарвата и применил то знание, и явилось оно пред ним в облике девы, вручившей ему чудесный меч. И как взял Вамадатта его в руки, так и сам он, и жена его Кантимати обратились в блистательных видьядхаров. После этого он создал силой достигнутого им знания на вершине Раджатакута, украшающей горы Малая, прекрасный город. Со временем родилась у них дочь, и назвали ее Лалиталочаной, а когда появилась она на свет, возвестил с небес голос: «Рождена она, чтобы стать супругой верховного повелителя видьядхаров!».

Знай, благородный, что я и есть та самая Лалиталочана и когда полюбила тебя, то силой своего знания перенесла к себе в горы Малая».

Таким образом узнал Нараваханадатта, что она видьядхари^[23], и еще больше полюбил ее и остался там с нею, а владыка ватсов и другие узнали всю эту историю благодаря прозрению Ратнапрабхи и прочих жен

Нараваханадатты.

Волна вторая

Обретя в Лалиталочане новую жену, Нараваханадатта развлекался с ней на горах страны Малая, в лесах, разбросанных по их склонам, украшенным деревьями, пышно расцветшими с наступлением весны. Забавляясь в одной из рощ, его подруга, собиравшая цветы, вдруг исчезла в чаще, и он, разыскивая ее, увидел большое озеро, полное чистой воды, все усыпанное цветами, осыпавшимися с росших на берегу деревьев, и уподобившееся из-за этого небу, усыпанному звездами, и подумал Нараваханадатта: «Пока не вернулась моя милая, пока собирает она цветы, искупаюсь в этом озере и посижу на берегу». Потом он искупался, помолился божеству и сел на камне в благоуханной тени сандалового дерева, любясь стайками красных гусей, походка которых напоминала плавную поступь его любимой, слушая подобное ее сладостному шепоту воркование птиц, укрывшихся в манговых деревьях, оплетенных лианами, глядел на газелей, блеск глаз которых вызывал в его памяти сверкание ее очей, и все приводило ему на память находящуюся далеко отсюда Мадаманчуку. И так были сильны воспоминания, что, опаленный порывом пламенной любви к ней, упал он в беспамятстве. Как раз в это время пришел на озеро совершить омовение средоточие добродетелей Пишангаджата. Увидел он Нараваханадатту в таком состоянии, сбрызнул сандаловой водой, освежающей, как ласковое прикосновение руки возлюбленной, и, когда тот пришел в себя и склонился перед мудрым, сказал: «Если хочешь, сынок, достичь желанного, то надо обрести терпение! Именно с его помощью можно достичь всего, а пока пойдем в мой ашрам, и я поведаю тебе сказание о Мриганкадатте, если ты его прежде не слышал». С этими словами мудрец, совершив омовение, отвел Нараваханадатту в свое жилище и, прочитав дневную молитву, угостил гостя плодами и, сам их отведав, начал рассказывать обещанную историю

о царевице Мриганкадатте и о его верных друзьях

«Есть город Айодхья, прославленный во всех трех мирах. А правил там в прежние времена великий царь Амарадатта. Любил он единственную

свою жену Суратапрабху, свет страсти, и она была привязана к нему, как жертвоприношение к жертвенному огню, и родился у них сын Мриганкадатта, наделенный десятью миллионами достоинств, могучий, как лук его с тетивой, сплетенной из десяти миллионов жил. Было у Мриганкадатты десять министров: неукротимой силы Прачандашакти, могучерукий Стхулабаху, Викрамакесари, превосходящий доблестью льва, Дридхамушти, обладатель железных кулаков, тьма силы Мегхабала, несокрушимо грозный доблестный Бхимапаракрама, проницательный Вималабуддхи, Вьягхрасена, истинное войско из тигров, Гунакара, воплощение добродетели, и Вичитракатха, сведущий в забавных историях. И все десять были из высоких родов, юны, мудры, мужественны и преданны своему повелителю. Весело жил с ними в отцовском доме царевич Мриганкадатта, и только не было у него равной ему жены.

Однажды сказал ему по секрету министр Бхимапаракрама: «Послушай, божественный, что со мною этой ночью было. Лег я спать на крыше дворца и, словно проснувшись среди ночи, увидел, что собирается броситься на меня лев, и когти его ужасны и беспощадны, словно молнии. Вскочил я, схватил кинжал и кинулся на него, а он побежал. Гнал я за ним до той поры, пока он, перепрыгнув через реку, не попытался достать меня языком, а я тот длинный язык отрубил. Когда же я по этому отсеченному языку, словно по мосту, пересек реку, тот лев обратился в страшного великана. «Кто ты, почтенный?» — спросил я. А он мне ответил: «Я — Ветала^[24], и доволен я, герой, твоей доблестью!» Тогда спросил я его: «Коли истинно ты мной доволен, то скажи мне, кто будет женой моему повелителю?» Выслушал мои слова Ветала да и говорит: «Славится правящий в Удджайини царь Кармасена, и есть у него дочь, посрамившая своей прелестью самих апсар^[25], истинная сокровищница красоты, созданной самим творцом, а имя ее Шашанкавати — она и будет супругой твоему повелителю. Когда же он ее добудет, то станет царствовать над всей землей». И с этими словами Ветала исчез, а я возвратился домой. Вот что, повелитель, случилось со мной этой ночью».

Все, что поведал Бхимапаракрама, выслушал Мриганкадатта, созвал всех министров и, когда они тоже выслушали все это, сказал им: «Послушайте теперь, что я вам расскажу.

Приснилось мне, будто все мы, измученные тяжелой дорогой, оказались в каком-то дремучем лесу. Мучимые жаждой, с трудом отыскивали мы воду. Только собрались напиться, как вдруг откуда ни возьмись явились пятеро мужей с оружием в руках и не позволили нам напиться.

Убили мы их и хотели было, истерзанные жаждой, попить, но теперь уже ни воды не увидели, ни этих мужей. Когда совсем стало нам тяжело, увидели мы великого бога, озаренного сияющим во лбу месяцем, приближающегося к нам верхом на быке. Склонились мы перед ним, а он, исполнившись к нам состраданием, выронил из глаза слезу, которая, упав на землю, обратилась в целое море. Из этого моря добыл я жемчужное ожерелье и надел себе на шею, а море выпил из черепа, измазанного кровью.

Проснулся я, а ночь уже миновала».

Когда закончил Мриганкадатта свой рассказ о чуде, виденном во сне, обрадовались все его министры, а Вималабуддхи заметил: «Счастлив ты, божественный, что Шива явил тебе свою милость. Добытое тобой во сне жемчужное ожерелье и выпитое море означают, что, взяв Шашанкавати в жены, станешь ты править всей землей, но до этого придется тебе претерпеть и немало мучений, как на это указывает все прочее, виденное во сне». Умолк Вималабуддхи, и обратился Мриганкадатта ко всем министрам: «Хотя и неизбежно достанется мне то, что сон предвещает, — да и слышал об этом Бхимапаракрама от Веталы, — но все же придется мне добыть Шашанкавати у отца ее Кармасены, гордящегося несокрушимостью своих крепостей и войска, с помощью силы и мудрости, а мудрость — главнейшее средство во всех делах. Вот послушайте, я вам расскажу историю о том,

***как министр Мантрагупта извел слона и тем помог царю Бхадрабаху
добыть красавицу Анангалилу***

Некогда правил у магадхов царь Бхадрабаху, и был у него министром лучший из мудрецов по имени Мантрагупта. Однажды сказал по секрету раджа министру: «Есть у Дхармагопы, правителя города Варанаси, дочь, названная им Анангалила, — красота ее покорила все три мира. Просил я отдать ее мне в жены, но из-за вражды ко мне не отдает ее Дхармагопа. Не одолеть мне его, потому что есть у него слон Бхадраданта. Я же не смогу жить без его дочери Анангалилы. Нет ли, друг, какого-нибудь способа, с помощью которого можно это дело, достойно разрешить?» И тогда ответил на это радже министр: «Почему ты думаешь, божественный, что успеха достичь можно только доблестью, а не умом? Не тревожься — улажу я это

дело с помощью своего ума».

Так успокоив царя, на следующий же день он, переодевшись подвижником, почитающим Шиву, и взяв с собой пять или семь спутников, выдававших себя за его учеников, отправился в Варанаси, а те ученики, ему сопутствовавшие, говорили всем, кто приходил почтить его: «Это могущественный волшебник!»

Однажды ночью бродил он с одним из спутников, размышляя, как бы осуществить задуманное, и вдруг увидел, что из дома смотрителя слонов трое или четверо мужчин с оружием в руках вывели испуганную жену смотрителя и куда-то увели ее. Тотчас же подумав: «Верно, бежала она из дому. Пойдем-ка посмотрим, куда это ее ведут!» — последовал он вместе со своим спутником за ней. Заметив, в какой дом она вошла, поспешил он вернуться туда, где сам поселился.

Когда же наступило утро, смотритель слонов стал разыскивать похищенные сокровища и исчезнувшую жену, а министр подослал к нему своих спутников, а те, увидев, что смотритель, не нашедший ни того, ни другого, отравился, с помощью знаний своих как бы из сострадания дали ему противоядие и посоветовали: «Ты ступай к нашему наставнику — мудр он и во всем сведущ». Затем привели они его к министру, и смотритель слонов, увидав того, украшенного сиянием своего обета, поклонился ему в ноги и спросил, что случилось с его, смотрителя, женой.

Притворился министр, что задумался, хоть и было ему уже все известно, а потом указал смотрителю слонов место, куда ночью была уведена его жена чужими мужчинами. Тогда поклонился подвижнику смотритель слонов, взял с собой городских стражников, нашел тот дом, и, вступив в него, убил грешников и злодеев, похитивших его жену, и вернул себе и супругу, и сокровища.

На следующее утро пришел смотритель слонов к мнимому подвижнику и пригласил его на угощение, а поскольку тот под предлогом, что только по ночам вкушает пищу, отказался, то устроил ему угощение ночью в слоновых стойлах. Пришел туда министр со своими спутниками, взяв с собой скрытую в колене бамбука зачарованную змею, и отведал угощения. А когда смотритель слонов и все прочие уснули, пустил он змею в ухо спящему слону Бхадраданте, и провел в слоновнике ночь, и, изведя слона, ушел к себе в Магадху.

Возрадовался раджа Бхадрабаху возвращению лучшего из министров, истребившего слона Дхармагопы, словно высокомерие раджи, и послал в Варанаси посла, чтобы попросить Анангалилу в жены. Пришлось гордому Дхармагопе, мощь которого была ослаблена гибелью слона, отдать дочь в

жены радже Бхадрабаху: цари, понимающие смысл во времени, когда следует упорствовать, а когда покориться, сгибаются перед силой обстоятельств, как тростник под ударами ветра.

Так благодаря мудрости своего министра Мантрагупты добыл раджа Бхадрабаху себе в жены Анангалилу. Так же с помощью ума должна быть добыта жена и мне!»

И тогда рассказавшему все это Мриганкадатте сказал министр Вичитракатха: «Все сбудется, что по милости Шивы видел ты во сне! Чего не свершит милость богов?»

Вот соизвольте послушать, расскажу я

о влюбленных, претерпевших превращение в пчел

Жил в городе Такшашиле царь по имени Бхадракша. Страстно хотелось ему сына, и он совершал жертвоприношение Лакшми^[26] — каждый день приносил ей сто и восемь белых лотосов. Однажды совершал он жертвоприношение и, не нарушая молчания, в уме пересчитал лотосы, и, обнаружив, что одного не хватает, тотчас же вырвал лотос своего сердца, и отдал его богине, а она», обрадованная этим, оживила царя, пожаловала ему в награду сына, которому суждено было стать повелителем всей земли, и тотчас же исчезла. После этого родила сына прекрасная жена царя, и царь, подумав, что достался ему сын благодаря тому, что вырвал он лотос своего сердца, назвал мальчика, обладавшего добрыми приметами, Пушкаракша, что означает «лотосоокий».

Когда же со временем сын достиг юности, помазал царь его, добродетелями украшенного, на царство, а сам удалился в лес. Пушкаракша же, вступив на трон, каждый день приносил жертвы великому Харе, и однажды попросил его о супруге, и тогда услышал голос с небес: «Все, сынок, свершится, как ты того пожелаешь!» Очень обрадовался этому Пушкаракша.

Однажды поехал Пушкаракша в лес, полный зверей, поразвлечься охотой. Увидел он там свившихся в соитии змей и верблюда, готового их сожрать, и, преисполнившись сострадания, убил верблюда. Но только тело верблюда рухнуло наземь, как предстал перед Пушкаракшей избавившийся от обличил верблюда красавец видьядхар и сказал ему:

«Обязан я тебе за помощь, почитаемый! Слушай, что я скажу. Есть

царь, по имени Ранкумалин, славнейший из видьядхаров. Случилось Таравали, дочери лучшего из видьядхаров, восхитительной, прелестной, увидеть его, и тут же вспыхнула она к нему страстью и избрала его в мужья. За то, что сочетались они по своей воле, прогневался на них ее отец и наложил на обоих проклятие, обрекающее их на какой-то срок на разлуку.

После этого Таравали и Ранкумалин веселились и жили как муж с женой на землях, им принадлежавших, до тех пор, пока однажды, гуляя в лесу, из-за этого проклятия потеряли друг друга из виду и оказались разлученными друг с другом. В поисках супруга красавица Таравали дошла до леса на другом берегу Западного океана^[27], в котором жил мудрый волшебник. Там увидела красавица цветущее дерево джамбу, которое утешало ее, словно любовью, сладостным гудением пчел. Когда же подошла она к нему и села отдохнуть, тотчас и сама обратилась в пчелу и увидела своего супруга также в облике пчелы, пьющей мед из цветка на том же дереве.

И когда по воле судьбы увидели после долгой разлуки супруги друг друга, то он от радости изверг в цветок семя, и тотчас же избавились они от облика пчел и слились друг с другом, как месяц и его сияние, а после этого вернулись к себе домой.

А в цветке, орошенном им, созрел плод, и внутри него со временем родилась девушка — ведь семя божественных никогда не бывает бесплодным. Пришел туда как-то раз в поисках плодов и корней мудрец, которого звали Виджитасу, и плод этот зрелый упал с дерева джамбу и раскололся от падения, и вышла из него девушка, склонилась в поклоне, почтительная, к стопам мудреца, а он, обладающий божественным провидением, сразу понял, что случилось, и, изумленный этим, привел ее к себе в обитель и дал ей имя Винаявати, что значит «смиренная». Так и росла она в обители этого мудреца.

Однажды случилось мне, пролетая в поднебесье, увидеть ее. Спустился я тогда и, объятый страстью и упоенный своей красотой, попытался овладеть Винаявати против ее желания. Тотчас же донеслись до слуха Виджитасу рыдания девушки, и пришел он, исполненный гнева, и проклинал меня: «Будь ты, своей красотой чванящийся, всеми презираемым верблюдом! Избавишься ты от проклятия, когда сразит тебя царь Пушкаракша — его женой станет Винаявати, а он ей — мужем». Так и стал я жить на земле верблюдом. Но сегодня благодаря тебе избавился я от проклятия. Ты же ступай в тот лес, стоящий на другом берегу океана и зовущийся Сурабхимарута, то есть полный благоуханий, и возьми в жены

Винаявати, божественную красавицу, красотой своей способную унижить саму Шри, богиню счастья». Рассказав все это Пушкаракше, исчез видьядхар в небе, а царь вернулся к себе в столицу, поручил царство министрам, вскочил на коня и в ту же ночь уехал, сам себе товарищ. Вот едет он, едет и, наконец, доезжает до берега Западного океана. Стал он думать, как переправиться через океан. Увидал он тут пустой храм Чандики^[28], вошел в него, совершил омовение и поклонился богине. Заметил он кем-то оставленную вино, взял ее и стал славить прекрасную богиню сочиненными им самим песнями, подыгрывая себе на вине. Очень была обрадована богиня пением и, когда он заснул, велела сопровождающим, ее духам перенести его на другой берег океана.

Наступило утро, и проснулся раджа в лесу на океанском берегу. Но нигде не было видно храма Чандики. Удивился он, поднялся и стал бродить по лесу. Вскоре заметил Пушкаракша обитель, словно приветствовавшую его ветвями, согнувшимися под тяжестью плодов, предлагаемых в угощение гостю, и благословлявшую его приход разноголосым щебетанием птиц. Вошел он в обитель и, увидев мудреца, окруженного учениками, приблизился и склонился в поклоне к его стопам, а исполненный мудрости старец обласкал гостя и проговорил: «Та, ради которой ты, Пушкаракша, пришел, ушла ненадолго — пошла Винаявати за хворостом — и скоро вернется, и ты сегодня же возьмешь ее в жены — она и в прежнем рождении была твоей женой».

Когда сказал все это мудрец, подумал Пушкаракша: «Верно, это-то и есть тот самый мудрец Виджитасу, это-то и есть тот самый лес. Быстро же перенесла меня богиня через океан! И что это мудрец сказал, будто была она моей супругой в прежнем рождении?». А подумав, спросил обрадованный Пушкаракша мудреца: «Соблаговоли, почитаемый, поведать, как это была Винаявати моей женой в прежнем рождении?»

И тогда молвил мудрец: «Слушай, если тебе интересно,

о купце Дхармасене и его жене Видьютлекхе, обратившихся в гусей

Жил прежде в Тамралипти купец Дхармасена, и была у него красавица жена по имени Видьютлекха. По воле судьбы был он ограблен ворами и в схватке с ними тяжко изранен. Желая умереть, готов он был уже взойти вместе с женой на костер, да вдруг увидели они летящую в поднебесье

красивую пару гусей. Взошли они вслед за тем на погребальный костер, но были их сердца сосредоточены на тех увиденных гусях, и потому в новом рождении оказались они супругами в облике виденных ими птиц. Однажды ночью, когда бушевали дожди, с корнем вырвало ветром финиковую пальму, у подножия которой было устроено ими гнездо, и они оказались разлучены. Когда на следующее утро утихла буря, стал гусь искать свою супругу, но нигде не мог найти ее — ни на озерах, ни в небесах.

Полетел он тогда на озеро Манаса, куда в это время года собирались все гуси, и сказала ему там одна гусыня, что найдет он, любовью одолеваемый, свою подругу. И правда, нашел он ее там и провел с ней на озере Манаса время дождей, а потом поселились они вместе на какой-то горной вершине.

Но случилось так, что подстрелил гусыню птицелов, и, увидев ее мертвой, от горя и страха улетел тогда ее супруг прочь. Птицелов же, взяв было гусыню, заметил, что приближаются по дороге во множестве какие-то вооруженные люди. Быстро нарезал он ножом травы и, бросив добычу на землю, забросал ее травой из опасения, что, увидев гусыню, захотят они ее унести. Но скрылись из виду те люди, и птицелов захотел взять гусыню, да случилось так, что среди той травы, под которой он скрыл птицу, была целебная трава, оживляющая мертвых, и благодаря ее соку ожила гусыня и прямо перед его носом взлетела в небо.

Тем временем супруг гусыни, улетев на берег какого-то озера, сел среди стаи гусей и, обезумевший от горя, все же стал высматривать свою любимую. В это мгновение рыбак бросил сеть на них, поймал всех гусей и собрался было уже поест, как прилетела туда та самая гусыня, высматривавшая мужа, увидала его, запутавшегося в сети, и стала осматриваться. Заметила она, что некий человек, пришедший на озеро совершить омовение, положил поверх своей одежды жемчужное ожерелье. Подлетела она к нему и, незаметно схватив, стала медленно перелетать с места на место, показывая ожерелье рыбаку. А тот, увидев в клюве у птицы ожерелье, схватил палку и бросился за гусыней, забыв про сеть с птицами. А гусыня бросила ожерелье на вершине отдаленного холма, и рыбак, в жажде заполучить драгоценность, стал туда карабкаться. Когда увидела это гусыня, поспешила она к плененному супругу, клюнула в глаз обезьяну, спавшую на соседнем дереве, та от удара перепугалась, свалилась и порвала сеть. Благодаря этому и освободились все гуси.

Снова супруги соединились, рассказали друг другу о том, что с ними было, и снова стали весело жить вместе. А рыбак тем временем не только радовался, что досталось ему жемчужное ожерелье, но и, побуждаемый

жадностью своей, еще и птиц хотел поймать. Но тут его самого поймал хозяин ожерелья, разыскивавший пропавшую драгоценность, вырвал у того, дрожащего от страха, ожерелье, да своим же мечом еще и правую руку этому рыбаку отрубил. Те же два гуся, взяв с собой лотос вместо зонта, в полдень покинули озеро и взвились в небо. Когда же пролетали они над берегом какой-то реки, где жил отшельник, усердно совершавший омовение, некий охотник сразил обоих супругов одной стрелой, и рухнули они, бездыханные, на землю, а лотос, служивший им зонтом, упал прямо на лингам Шивы, перед которым совершал поклонение отшельник. Охотник же разыскал их и, забрав гуся себе, гусыню отдал подвижнику, а тот принес ее в жертву Шиве. Раз лотос упал на лингам Шивы, гусь этот стал в новом рождении тобой, Пушкаракша, царским сыном, а гусыня стала Винайавати, дочерью видьядхара, потому что Шива был весьма доволен ее мясом, принесенным ему в жертву. Вот так была сна тебе в прошлом рождении женой».

Когда окончил рассказ Виджитасу, спросил его царь Пушкаракша: «Скажи, благоустый, как это, вступив в огонь, испепеляющий все грехи, обрели мы оба рождение из птичьей утробы?»

И сказал Пушкаракше на это мудрец: «Душа принимает в следующем рождении^[29] телесный облик того, о ком или о чем думала она в миг смерти. Да вот послушай

***о целомудренной Лаваньяманджари, ставшей в другом рождении
гетерой***

Жила в давние времена в Удджайини девушка из брахманской семьи по имени Лаваньяманджари, твердо хранившая целомудрие. Случилось ей однажды увидеть юного брахмана, которого звали Камалодая, и тотчас же была она охвачена огнем страсти. Преисполненная мысли о соединении с ним, но не желающая расставаться со своим обетом, пошла Лаваньяманджари на тиртху^[30] на берегу Гандхавати и рассталась там с жизнью. Но потому, что была она перед смертью сосредоточена на мысли о плотской радости, родилась в облике гетеры Рупавати из города Экалавья. Поскольку умерла девушка на святой тиртхе, даровано ей было помнить о прежнем своем рождении. Повела она однажды о том, что

случилось с ней в прежнем рождении, в поучение дваждырожденному Чодакарне лопоухому, погруженному в одно лишь бормотание молитв. В конце концов она, очистившая свои думы, хотя и была гетерой, стала на путь добродетели. Вот так, царь, соответственно думам своим перед смертью и обретает человек облик в следующем рождении».

Окончив свою речь, отпустил мудрец царя для омовения и сам совершил полуденное омовение.

Пошел царь Пушкаракша на берег реки, протекавшей в лесу, и увидел собиравшую цветы Винаявати, сверкавшую красой тела своего, подобно солнцу, словно бы из любопытства проникшему в никогда прежде не виданную им глушь леса. Пока Пушкаракша, охваченный любопытством, раздумывал: «Кто же это?» — она заговорила, обращаясь к сидящей вблизи подруге: «Знаешь, милая, тот самый видьядхар, который когда-то хотел меня похитить, избавился от проклятия, прилетел утром сюда и сказал, что получу я сегодня супруга». И, услышав это, отвечала подруга дочери мудреца: «Так это и должно быть. Слышала я, как мудрый Виджитасу велел своему ученику Мунджакеше: «Ступай и поспеши привести сюда Таравали и Ранкумалина. Будет, сынок, сегодня здесь свадьба их дочери Винаявати с царем Пушкаракшей». А на эти слова наставника Мунджакеша ответил: «Так тому и быть!» — и пошел делать то, что ему было велено. Поспешим и мы, подружка, — вернемся в обитель».

Послушалась ее Винаявати, и пошли они в обитель, а Пушкаракша, не замеченный ими, слышал все, что они говорили, и, окунувшись в реку, точно спасаясь от огня палящей его любви, вернулся в ашраму^[31] мудрого Виджитасу. Пришедшие туда Таравали и Ранкумалин приветствовали склонившегося перед ними царя, и всех их окружили подвижники. А затем у алтаря, озаренного пылавшим жертвенным огнем и сиянием мудрого Виджитасу, телесного воплощения жертвенного огня, была Винаявати отдана святым мудрецом в жены царю Пушкаракше. Подарил царю Ранкумалин колесницу, которая могла мчаться в поднебесье. «Благодаря ей будешь ты править всей землей, окруженной четырьмя океанами!» — предрек ему великомудрый Виджитасу.

После этого с разрешения Виджитасу царь с юной женой взошел на божественную колесницу, взмывающую в поднебесье, и, пересекши океан, прибыл в город свой и предстал перед очами горожан, словно только что взошедший месяц. А затем благодаря чудесной колеснице покорил он всю землю, и утвердил на ней свою верховную власть, и долго жил с Винаявати, вкушая счастье.

Так дело, хотя бы и трудноисполнимое, может быть успешно

завершено, если боги будут милостивы. Так и твое дело, божественный, скоро завершится благодаря явленной тебе во сне милости дочери Гималая».

Выслушав эту занимательную историю от министра и жаждущий соединиться с Шашанкавати, царевич Мриганкадатта вместе со своими министрами укрепился в решении отправиться в Удджайини.

Волна третья

Итак, Мриганкадатта, преисполненный желания добыть Шашанкавати, дочь царя Кармасены, о которой Бхимапакраме говорил Ветала, посоветовался с министрами и решил, переодевшись отшельником, тайно покинуть свой город и отправиться в Удджайини. Приказал он Бхимапакраме приготовить посохи, украшенные черепами, чаши, сделанные из черепов, и прочее. А пока тот собирал все это в своем доме, стало о том известно от соглядатая главному министру отца Мриганкадатты. И получилось так, что, пока нашептывал тому соглядатай свой донос, Мриганкадатта, прогуливаясь по крыше дворца, жевал бетель^[32]. А потом сплюнул он пережеванный бетель, и нужно же было случиться так, что угодил он по воле судьбы прямо на голову главному министру, притаившемуся с соглядатаем под стеной! Узнал министр, кто на него сплюнул, обмылся, но затаил в душе злобу на царевича.

А тут на следующий день по воле судьбы схватила царя Амарадатту, отца Мриганкадатты, холера, и министр, решив, что пришел его час, царю, корчившемуся от боли, сказал, прежде выпросив у того обещание не гневаться на него, министра: «Твой Мриганкадатта, государь, затеял в доме Бхимапакрамы колдовство — от него ты и мучаешься. А слышал я об этом от соглядатая, да и своими глазами видел. Потому изгони сына из страны, как болезнь изгоняют из тела». Встревожился, услышав такую весть, царь и послал в дом Бхимапакрамы своего военачальника, а тот, забрав там накладные волосы, чаши из черепов и прочее, тотчас же все доставил к царю.

«Алчет власти мой сын — стал он врагом моим, а потому следует его изгнать из города вместе с его советниками, а сделать это нужно сегодня же без промедления!» — повелел разъяренный раджа военачальнику. Слепо доверяя своим министрам, разве может царь догадаться об их злодействе? Военачальник тотчас же отправился и передал Мриганкадатте и его министрам царскую волю и изгнал их всех из города.

Но Мриганкадатта обрадовался изгнанию — он ведь все равно хотел уйти из города. Поклонился Мриганкадатта Винаяке^[33], устранителю несчастий, мысленно простился с родителями и покинул город. Когда же Айодхья осталась далеко позади, Мриганкадатта обратился к своим десяти министрам, главным среди которых был Прачандашакти, с такими словами: «Есть великий царь, властвующий над киратами, которого зовут

Шактиракшита. Он тверд в целомудрии, искушен в науках — с детства мы друзья с ним. Когда-то был взят его отец в плен и, чтобы освободиться, отдал сына в заложники. Когда же умер его отец, то родичи собрались было силой захватить его царство, но мой отец по моей просьбе посадил его править царством отца. Так пойдёмте, друзья, пока к нему, а потом и в Удджайини отправимся за Шашанкавати».

Согласились с Мриганкадаттой его советники и двинулись в путь. А когда уже начало смеркаться, дошли они до страшной пустыни, и не было там ни деревца, ни воды. С большим трудом нашли они озерцо, на берегу которого стояло высохшее дерево, совершили то, что ввечеру совершать надлежит, попили воды и усталые уснули под тем деревом.

Проснулся ночью Мриганкадатта и при лунном свете увидел вокруг, что сухое дерево пустило зелёные побеги, затем распустились на нём цветы, после покрылось оно плодами. А как заметил он, что созревшие плоды начали падать, тотчас же разбудил своих министров и показал им совершившееся чудо. Изумились они, а поскольку были голодны, то стали есть сочные и вкусные плоды с того дерева. Вот едят они эти плоды, и вдруг у них на глазах сухое дерево обращается в молодого брахмана. Бросился пораженный Мриганкадатта расспрашивать его, и тот сказал: «Слушай же

рассказ Шрутадхи о самом себе

Живёт в Айодхье лучший из брахманов — Дамадхи, а я его сын, и имя мое Шрутадхи. Однажды во время голода скитался он вместе со мной и полумертвые добрались мы до этих краёв. Где-то здесь раздобыл он пять плодов, и вот он, истощенный от голода, отдав мне три из них, а себе оставив два, пошел совершить омовение в озере. А пока ходил он, съел я все пять плодов и притворился спящим. Вот возвратился он, совершив омовение, и, увидев меня, лежащего как бесчувственное бревно, понял обман и так меня проклял: «Расти здесь на берегу этого озера сухим деревом. Лишь ночью при лунном свете будешь ты покрываться цветами и плодами. Когда же насытишь ты пришедших сюда измученных голодом гостей своими плодами, избавишься от проклятия». Так-то силой отцовского проклятия стал я сухим деревом. Но теперь, после того как насытились вы моими плодами, избавился я от него».

Так поведал свою историю Шрутадхи, а после и Мриганкадатта рассказал о том, что случилось с ним. Затем Шрутадхи, который был один в целом свете, испросил у Мриганкадатты разрешения служить ему.

Так провели они ночь. Но вот пришло утро, и отправился в путь Мриганкадатта со своими десятью министрами. И Шрутадхи пошел вместе с ними.

Шли они, шли и дошли до леса, называвшегося Каримандита. А там увидел Мриганкадатта пятерых мужей, страшных обликом, заросших волосами. Те же почтительно приблизились к царевичу, исполненному удивления, и молвили: «Родились мы в городе Каши брахманами, а пропитание себе добывали, разводя коров. Да случилась в нашей стране засуха, и вся трава высохла. Покинув родину, пришли мы со своими коровами в этот лес, изобилующий травой, и поселились у озера. А вода в этом озере волшебная — падают в озеро с деревьев, растущих по его берегам, плоды трех сортов, и уже пятьсот лет прошло, как живем мы здесь, в этом безлюдном лесу, питаюсь молоком и утоляя жажду этой водой. Вот что было с нами, божественный, а сегодня судьба наградила нас гостями. Так соблаговоли войти в нашу обитель».

И Мриганкадатта по их просьбе вступил в обитель вместе со всеми спутниками, отведал и молока, и прочей снеди и провел там день. Когда же наступило следующее утро, снова двинулись все в путь и, прежде чем дойти до страны киратов, увидели по дороге много всяких чудес. Послал Мриганкадатта к своему другу повелителю киратов Шактиракшите брахмана Шрутадхи, чтобы известить о своем приходе, а тот, узнав о его приближении, сам вышел к нему навстречу и почтительно проводил Мриганкадатту с друзьями в свою крепость. Остался Мриганкадатта у друга на несколько дней, и тот всячески его ублажал. Рассказал царевич повелителю киратов о цели своего странствия и условился с ним о том, что тот поможет ему, когда наступит благоприятный день.

Но вот уже снова все двенадцать странников во главе с царевичем, сердце которого было похищено красавицей Шашанкавати, продолжили свой путь к Удджайини.

Так дошли они до какого-то пустынного места и увидели там под деревом совершенно нагого подвижника. Тело его было посыпано пеплом, на плечи наброшена оленья шкура, волосы заплетены в косу. Приблизился к нему царевич вместе со своими спутниками и спросил: «Зачем ты здесь, в этом безлюдном месте, где и укрыться негде, живешь в одиночестве?» Ответил на это подвижник: «Я — ученик великого наставника незапятнанной славы, имя которого Шуддхакирти, и знаю я различные

заклятия. Однажды попался мне мальчишка-кшатрий, обладавший нужными приметам, и, когда удалось мне добиться, чтобы вселился в него дух, стал я разными способами выпрашивать у него, где растут волшебные целебные травы и скрыты клады, а дух тот так сказал: «Стоит здесь, на севере Виндхийского леса, одинокое дерево шиншапа^[34], а под ним вход в роскошный дворец повелителя нагов, змеиноного племени. Пруды в его садах скрыты под водяной пылью, но их можно заметить в полдень, когда резвятся на них супружеские пары красных гусей и белых лебедей. Живет во дворце могучий змей, лучший среди нагов, по имени Паравата. Это ему после битвы богов и асуров достался несравненный меч, называющийся Вайдурьяканти. Человек, который завладеет этим мечом, станет повелителем сиддхов^[35], и никто не сможет победить его. Добыть же этот меч, говорят, может только герой». Когда дух, вселившийся в мальчишку, сказал мне это, отпустил я его. Тогда, в жажде раздобыть этот меч, отвратившись от всего прочего, стал я скитаться по земле. Нигде не нашел я помощников и, утратив надежду, пришел сюда, чтобы умереть».

Выслушал Мриганкадатта все, о чем поведал подвижник, и сказал ему: «Я и мои друзья поможем тебе». Обрадовался подвижник этому обещанию и, натерев ноги себе, Мриганкадатте и его спутникам волшебной мазью, благодаря которой они могли летать в поднебесье, отправился вместе с ними к жилищу нага. Отыскав приметку, по которой можно было узнать вход в него, он по направлению к каждой из десяти стран света произнес заклинания, чтобы не было оттуда помех, и оставил там до ночи Мриганкадатту с его спутниками, наказав, что и как делать.

Бросив заговоренные горчичные зерна, заставил подвижник рассеяться густой туман над водой и начал тогда под деревом шиншапа совершать жертвоприношение, сопровождая его мантрами, укрощающими змей, и одолел он силой своих заклинаний все злые стихии — и землетрясение, и грозовые тучи, и всякие иные. Но тут вышла из дерева шиншапа божественной красоты дева, и позванивание ее браслетов и других драгоценных украшений было подобно произносимой мантре, очаровывающей мир. Приблизилась она к подвижнику и в один миг кокетливым взором пронзила его сердце, и он утратил стойкость. Тут она, полногрудая, прильнула к нему, и он, зачарованный, позабыл все мантры и выронил из рук чашу, с помощью которой совершал жертвенное возлияние.

И в то же мгновение явился из своего жилища нага Паравата, мрачный и грозный, как туча, окутавшая весь небосвод в день конца света, яростно

сверкающий очами и издающий грозный рев. При виде его упал подвижник мертвым. Тогда Паравата обратил гнев свой на Мриганкадатту и его друзей, помогавших подвижнику, и проклял их: «Вы все, безо всякой причины связавшиеся с ним, будете разлучены на какое-то время!»

С этими словами исчез нага, и тотчас же Мриганкадатта и его друзья утратили способность слышать, а на их глаза опустилась тьма. Разбрелись они все кто куда, и хотя и искали друг друга, и звали, а оказались разлученными. Когда же миновало наваждение ночи, после долгих блужданий то в одну сторону, то в другую, обнаружил Мриганкадатта, что занесло его совсем одного в какой-то лес.

Прошло то ли два, то ли три месяца, и он все скитался по этому лесу, как вдруг однажды очутился перед Мриганкадаттой брахман Шрутадхи. Пал к ногам царевича Шрутадхи, и глаза его были полны слез. И молвил он царевичу, ласково утешающему его и расспрашивающему о судьбе своих друзей: «Не видел я их, повелитель, но куда же им еще идти, как не в город Удджайини? Ведь и тебе следует его достичь!» И побуждаемый такими речами Шрутадхи устремился царевич вместе с ним к славному городу Удджайини.

Несколько дней шли они вдвоем лесом, но вдруг перед Мриганкадаттой предстал Вималабуддхи, неизвестно откуда появившийся, и склонился перед царевичем. Радость встречи вызвала слезы на глазах у Вималабуддхи, а Мриганкадатта обнял его, усадил подле себя и спросил, не знает ли он чьего-нибудь о других пропавших. Отвечал ему, любимому всеми слугами, Вималабуддхи: «Неведомо мне, божественный, кто из них и куда девался, но ты их всех обретишь. А как это стало мне известно, я тебе расскажу. Слушай же

о чуде жизни или о круге земного бытия, сансаре

Проклятие нага обрекло меня скитаться неведомо где. Вот и блуждал я в восточной части этих злых дебрей до той поры, пока не привел меня, уставшего, какой-то добрый человек в обитель великого мудреца Брахмадандина. Угостил меня мудрый плодами, дал воды, и исчезла моя усталость. Пошел тут я прогуляться и, когда отошел от обители, заметил большую пещеру. Из любопытства вошел я в нее и увидел дворец из драгоценностей.

Стал заглядывать я в решетчатые его окна, и взор мой упал на женщину, вращающую колесо, обвитое роем пчел. Пчелы же устремлялись к стоявшим здесь же быку и ослу и пили одни изрыгаемую быком молочную пену, а другие извергаемую ослом кровавую пену, и от этого первые становились белыми, а другие черными и превращались в пауков. Те же плели паутину, и раз были они двух родов, то одни оплетали ею благоуханные цветы добра, а другие — ядовитые цветы зла.

А пока пауки бегали по своей паутине, явился двуглавый змей, и одна глава его была белая, а другая — черная, и стал он беспощадно жалить пауков.

Тогда собрала женщина мертвых пауков и побросала их в разные сосуды, и они ожили и снова начали ткать паутину, как прежде. Те из них, которые ткали ее на ядовитых цветах, начали рыдать от мучений, причиняемых ядом, а вслед за ними застонали и те, которые были на других цветах. Стоны тех и других нарушили размышления сидевшего там подвижника, и он, сострадательный, изверг огонь и спалил их сети. Когда сети сгорели, пауки скрылись в полом стволе бамбука, а на вершине его возникло сияние.

И тогда куда-то исчезли и женщина с колесом, и бык, и осел, а я, охваченный от всего виденного великим изумлением, продолжал бродить, пока не увидел наконец радующее взгляд озерцо, все заросшее лотосами, над которыми гудели пчелы. Оно словно звало: «Подойди сюда и полюбуйся!» Подошел я к берегу и вдруг увидел в воде густой лес, а в нем — охотника с десятилапым львенком, которого он поймал. Вырастил тот охотник львенка, а затем в гневе на его непокорность выгнал из леса. Услышал юный лев призывное рычание львицы, доносившееся из другого леса, и устремился к ней. Но тут вдруг налетел вихрь, оторвал львенку все десять лап, разметал их по сторонам. Вслед за этим явился некий муж с отвислым брюхом^[36] и вернул ему все десять лап. Снова лев пошел искать львицу, и немало бед пришлось ему претерпеть. Но когда добыл он львицу — а она в прежнем рождении была его женой, — ушел с нею в свой лес.

Охотник же, видя, что юный лев вернулся с супругой, отдал ему лес, называвшийся Каримардана, что означает «погибель слонов», а сам исчез. Все это видел я, а вернувшись в ашрам, поведал мудрому Брахмадандину об обоих чудесных видениях. Тот же, знающий суть трех времен — минувшего, нынешнего и грядущего, — ласково объяснил мне: «Счастливец ты — все показал тебе довольный тобой Ишвара^[37]. Та жена, которую ты видел, зовется Майей, иллюзией, а колесо, которое она

вращала, — колесо земного бытия, сансары. Пчелы же — живые существа, бык и осел — праведность и неправедность, а молочная пена, изрыгавшаяся быком, — дела добрые, кровавая пена, извергавшаяся ослом, — дела злые. Белые пчелы садились на быка, а черные на осла, и обращались те и другие в пауков двух видов и начинали ткать паутину соответственно двух свойств. А паутина эта — сыновья и все прочие житейские привязанности, а цветы благоуханные и цветы ядоносные — это счастье и горе. И пока лепились пауки к своим паутинам, сразила их смерть в облике двуглавой змеи, и пасть белой головы у нее для добрых, а пасть черной головы — для злых. Майя в образе женщины бросила их в разные утробы, которые показались тебе горшками.

Те существа снова выбирались наружу и снова делились на белых и черных и продолжали ткать паутину мирских тягот, обрекавших их на счастье и горе. Наконец черные пауки, запутавшиеся в своих же тенетах и отравленные ядом горестей, стали взывать к Парамешваре. Слыша это, и белые пауки, опутанные своими же тенетами и жаждущие избавиться от них, тоже стали взывать к верховному богу. Пробудился он и, приняв облик подвижника, истребил опутавшие тех и других тенета огнем знания. Проникнув благодаря этому в посох Парамешвары из кораллового дерева, увенчанный диском солнца, достигли они высшей обители. Были этим погублены и Майя, вращавшая колесо сансары, и сопутствовавшие ей бык, воплощавший праведность, и осел, воплощавший неправедность.

Вот так существа с доброй или дурной кармой, влекомые колесом сансары, почитая верховного бога, достигают спасения. Все это великий Ишвара показал тебе, желая избавить от наваждения, с помощью которого Майя помрачает людские умы.

А что значит виденное тобой в пруде — слушай. В том, что верховный бог явился тебе в воде, отразилась судьба Мриганкадатты. Ведь десятилапый львенок, отпрыск истребителя зверей, — это сам царевич, возвращенный в окружении десяти министров, подобных его рукам. Был царевич изгнан разгневанным отцом из родной страны так же, как и львенок из леса изгнан охотником. Призывное рычание львицы, донесшееся до слуха юного льва, подобно разнесшейся из страны Авантийской славе о красоте Шашанкавати. Как вихрь оторвал львенку все его десять лап, так и проклятие нага лишило царевича министров. Затем с помощью Винайки, мужа с обвислым, брюхом, обрел львенок все свои лапы — как будто к Мриганкадатте вернулись его министры. Как юный лев, пройдя через многие трудности, обрел львицу из другого леса и вернулся в свой, так и Мриганкадатта, добыв Шашанкавати, вернется на

родину. И когда увидит Мриганкадатту, истинного льва, сразившего врагов, как молния слона, сопровождаемого супругой, его отец, отдает он сыну свое царство, как охотник отдал лес, а сам удалится в леса и отречется от мира. Показал тебе могущественный будущее твоего повелителя как бы свершившимся — и тебя, и своих министров, и супругу встретит царевич, и царство получит».

Так объяснил мне лучший из мудрецов все виденное, и я, преисполнившись уверенности, отправился из обители в путь и, мало-помалу одолев дорогу, встретился сегодня с тобою. Достигнешь ты желанного, встретишь министров своих во главе с Прачандашакти, ибо, прежде чем уйти из города, почтил ты жертвоприношением Ганешу, устранителя препятствий».

Мриганкадатта, выслушав историю о чудесных видениях своего министра, был очень доволен и, посоветовавшись с Вималабуддхи, устремился к городу Аванти в надежде на встречу с другими своими министрами и на то, что достанется ему Шашанкавати.

Волна четвертая

На пути к Удджайини Мриганкадатта, отправившийся туда ради Шашанкавати, сопровождаемый Шрутадхи и Вималабуддхи, достиг реки Нармады, которая словно в радости оттого, что встретился он с двумя своими министрами, кружилась в пляске водоворотов, всплескивая гибкими руками волн, и смеялась белым смехом^[38] пены. И когда царевич спустился к реке, чтобы искупаться, подошел к ней, желая совершить омовение, предводитель шабаров^[39] по имени Маябату. Но лишь окунулся он в воду, набросились на него три водяных чудища, а сопровождавшие этого вождя в страхе разбежались. Схватил Мриганкадатта меч и, кинувшись на водяных, сразил их и спас тем вождя бхилов. Избавившийся от угрозы гибели, вышел из воды царь бхилов и, пав в ноги Мриганкадатте, спросил: «Скажи мне, кто ты, приведенный сюда творцом ради моего спасения? Род какого счастливого отца украшаешь ты? И в какую страну, населенную добродетелями, ты направляешься?»

Поведал тут ему Шрутадхи подробно всю историю, и тогда с превеликим почтением склонился Маябату перед Мриганкадаттой и заговорил снова: «Так стану я тебе помощником в достижении тобой желаемого, а вместе со мной будет мой друг Дургапишача, повелитель матангов. А сейчас окажи мне милость, соблаговоли посетить дворец твоего раба!» Такими и подобными речами уговорил он Мриганкадату, привел его в свою палли^[40] и старался услужить ему как только мог, и все жители этой палли почитали царевича как могли. И пришел туда повелитель матангов, поклонился спасителю жизни друга и положил свою голову на землю в знак того, что стал он Мриганкадатте рабом. После этого по просьбе Маябату, повелителя бхилов, провел Мриганкадатта сколько-то дней в этой палли.

Пока он там жил, случилось однажды, что вождь шабаров стал играть в кости со своим пратихарой^[41] Чандакету, и как раз в это самое время загрохотало в небе среди туч, предвещая дождь, и ручной павлин заплясал, и Маябату встал, чтобы полюбоваться его танцем. Тогда и говорит ему пратихара, очень любивший играть в кости: «Что смотришь, владыка, на шумные прыжки этой неученой птицы? Вот у меня дома есть павлин, так равного ему нигде на земле не сыщешь. Завтра на заре я тебе его покажу, если интересно тебе на это посмотреть». Выслушав его, сказал вождь бхилов: «Обязательно покажи мне его» — и после этого совершил все, что

положено на этот день, а Мриганкадатта, все слышавший, поднялся вместе со своими спутниками, совершил омовение, поел и занялся прочими делами.

Когда же приблизилась ночь и все было уже окутано мраком, царевич, натерши тело камфарой, в одежде темно-синего цвета, по своей воле, в поисках геройского дела, оставив спутников спящими, вышел из отведенных им покоев один одишешенек с мечом в руке. И когда двигался Мриганкадатта в темноте, то шедший по дороге какой-то человек, не заметив царевича во мраке, больно ударил его плечом, а царевич разгневался и вызвал того сразиться, но тот, с которым царевич столкнулся, вполне разумно ему возразил: «Что это ты так нерассудителен? Если бы подумал, то понял бы, что осудить нужно повелителя ночи за то, что не рассеял он ночную тьму, или же творца, не воспользовавшегося полностью своей властью — не наделил человека возможностью видеть во мраке. Из-за того и возникают беспричинные ссоры». И тогда, довольный ответом горожанина, Мриганкадатта проговорил: «Истинно, истинно!» А потом спросил его: «Ты кто?» И когда тот ответил: «Вор я!» — взял царевич его за руку и сказал ему неправду: «И я тоже!» Затем напросился он ему в друзья и, желая узнать, куда и зачем вор идет, последовал за ним.

Пошли они к старому колодцу, заросшему травой, забрались в него и по подземному ходу проникли в антахпур^[42] дворца царя Маябату. При свете светильника узнал царевич того человека — был им пратихара Чандакету, а вовсе не вор. Пратихара же, бывший тайным любовником жены повелителя бхилов, царевича не узнал, потому что был тот одет в другое платье и стоял в темном углу. Царская жена по имени Манджумати, страстно влюбленная в пратихару, обняла его за шею и, увлекши на ложе, спросила: «Скажи, почитаемый, кто тот муж, которого ты сегодня привел с собой?» «Друг он мой верный, — отвечал ей пратихара. — Будь спокойна!» «Да как же быть мне спокойной, — возразила она, — если вызволил Мриганкадатта повелителя из самой пасти смерти». А он ей на это: «Да не тревожься, милая, скоро я убью и его, и Мриганкадатту!»

И тогда она возьми да и скажи ему на это: «Что хвастаешься? Когда сегодня в водах Нармады напали на царя чудовища и Мриганкадатта кинулся спасать того, ты не то что погубить его не решился, а, напротив, перепугался и убежал. Так уж лучше помолчи, а не то услышит кто-нибудь твои речи и будет тогда тебе худо от героя Мриганкадатты». Выговорила она это, и не стерпел ее любовник: «Подлая! Быстро же ты влюбилась в Мриганкадатту. Так ты немедля вкусишь плоды такого оскорбления!» Выхватил он кинжал и бросился на нее. Но тут вбежала ее верная служанка

и схватила рукой кинжал, желая остановить злодея, а Манджумати успела скрыться в других покоях. Злодей же, вырвав кинжал из руки служанки и порезав ей пальцы, бросил его и в смятении скрылся тем же путем, что и пришел, а вместе с ним и изумленный Мриганкадатта.

«Дошли мы, почтенный, до дома, и пойду я теперь к себе», — сказал пратихаре Мриганкадатта, оставшийся из-за темноты неузнанным. Пратихара же предложил ему: «Оставайся здесь, у меня, ведь ты очень устал». Согласился царевич и сказал: «Пусть так и будет». Уж очень хотелось ему разузнать все о делах пратихары. А тот, позвав слугу, наказал ему: «Помести этого гостя туда, где павлин живет, да дай ему на чем поспать и отдохнуть». «Как повелишь!» — ответил слуга, отвел Мриганкадату в дом, устроил ему ложе и дал светильник, и, после того как ушел слуга и закрыл снаружи дверь на цепь, заметил Мриганкадатта павлина в клетке: «Это, видно, и есть тот павлин, о котором говорил пратихара». А подумав так, из любопытства взял и открыл клетку. Вышла птица из клетки, поглядела пристально на царевича и вдруг пала ему в ноги и стала кататься по полу. Тут заметил Мриганкадатта, что шея птицы перевязана веревочкой, и, думая, что из-за этого-то птица и мучается, взял и развязал ее. И только упала с шеи павлина веревочка, как предстал перед царевичем как ни в чем не бывало его министр Бхимапаракрама.

В великом изумлении и радости обнял Мриганкадатта склонившегося перед ним верного министра и спросил: «Поведай мне, друг, что все это значит?» И тогда вот что рассказал обрадованный Бхимапаракрама: «Выслушай, божественный, поведаю я тебе обо всем, что со мной случилось с самого начала. Когда унесло меня от повелителя силой проклятия нага, скитаясь по лесу, дошел я до одного дерева шалмали^[43] и увидел на нем изображение Ганеши. Поклонился я ему и сел под тем деревом отдохнуть. Стал я размышлять: «Проклятие всему, что из-за меня приключилось после того, как рассказал я повелителю о ночной встрече с Веталой. Так расстанусь же я здесь со своей грешной душой». И, придя к такому решению, остался я сидеть перед изображением божества и не принимал никакой пищи.

Прошло несколько дней. Но вот как-то проходил мимо этого дерева дряхлый путник. Расположился он отдохнуть в его тени. Заметив меня, тот святой человек спросил с интересом: «Что делаешь ты здесь, сынок, в этом безлюдье и почему так осунулось твое лицо?» И когда поведал я ему обо всем, что со мной произошло, странник с любовью и ободряюще укорил меня: «Зачем ты, герой, хочешь убить себя, предаешься терзаниям, словно малодушная женщина? Но ведь и женщины не теряют стойкости в

несчастье! Послушай, расскажу я тебе историю

о Хансавали и Камалакаре

Жил в городе Кошала раджа Вималахари, и был у того раджи сын по имени Камалакара, столь доблестный, красивый и щедрый, что, казалось, создал его творец, желая посрамить бога войны Сканду, бога любви Кандарпу^[44] и волшебное дерево кальпа, выполняющее любые желания. Однажды пришел странствующий поэт к этому царевичу, достойному того, чтобы восхваляли его поэты по всем странам света, — а этого поэта царевич знал раньше, — и прочел ему такой стих:

Какой страсти может достичь Хансавали,
Если недосыгаем для нее Камалакара,
Воспеваемый радостно щебечущими
Брахманками, усевшимися на лотосе?

Когда же он прочел этот стих несколько раз и Камалакара спросил, что это значит, поэт, имя которого было Маноратхасиддхи, ответил так: «Скитаясь по земле, божественный, достиг я славного города Видиша, подобного саду небесному, где развлекается сама богиня счастья, а в том городе правит царь Мегхамалин. Остановился я там в доме учителя пения Дардураки. Однажды сообщил он мне в разговоре: «Завтра будет здесь перед царем показан царевной Хансавали новый танец». Из любопытства на другой день пошел я с ним в царский дворец, вошел в театр и увидел ее, царевну Хансавали, танцующую перед отцом под звуки барабана, — она, с тонкой талией, была подобна колеблемой ветром юности лиане, опутавшей дерево Смары, и руки ее, увешанные драгоценностями, были словно гибкие ветви, усеянные цветами. И подумал я: «Нет никого, достойного быть супругом газелеокой, кроме царевича Камалакары. Если она не сочетается с ним, то зачем берется Кама за тетиву своего лука, сплетенного из цветов?! Найду я способ соединить их!»

Досмотрев до конца танец, пошел я к дверям царского дворца и повесил кусок бумаги с надписью: «Да напишет на этом месте картину художник, если найдется здесь художник, равный мне!» Никем, однако, не

была уничтожена эта надпись, а царь, узнав о ней, назначил мне расписать покои дочери. Тогда расписал я стену в покоях Хансавали, изобразив тебя, божественный Камалакара, окруженным министрами, а про себя так решил: «Если я прямо объявлю о своих мыслях, то подумают обо мне: «Вот плут-то!». Лучше будет, если я каким-нибудь другим способом дам царевне понять о них!» И, подумав так, уговорил я одного надежного друга, обладавшего приятной наружностью, прикинуться безумцем.

Вот идет он, мнимый безумный, поет и пританцовывает. Заметили его царские слуги и привели к себе, чтобы позабавиться. А потом заметила его Хансавали и взяла в свои покои, и он, увидав расписанную стену, вознес тебе хвалу: «О, благодарение судьбе, вот Камалакара, обладатель бесконечных достоинств, подобный Вишну, длань которого отмечена знаками лотоса и раковины^[45], ласкаемому самой богиней счастья» — и пел при этом, и приплясывал. Тогда, слыша и видя все это, спросила меня дочь раджи: «Что этот говорит и кого ты нарисовал?» И ей, так меня спрашивавшей, отвечал я: «Видно, безумец прежде видал изображенного мною, красавица, а изобразил я этого царевича потому, что уж очень он красив». Тут я ей и твои добродетели описал, и имя назвал. И выросло в сердце Хансавали юное древо страсти, политое живительной водой вспыхнувшей любви. Но явился раджа и, увидев безумца, приплясывающего перед картиной, и меня, пришел в гнев и выгнал нас.

С этого времени стала Хансавали худеть и бледнеть, точно луна в темную половину месяца, и исхудала до того, что осталась от нее одна лишь красота. Под предлогом нездоровья укрылась она в храме Хари, истребителя грехов, и с позволения отца стала жить там в одиночестве и служить божеству. От мыслей о тебе, почтенный, не могла она спать, и даже лунные ночи опаляли ее. И жила она, не замечая ни дня, ни ночи. Как-то зашел я в храм — заметила она меня, позвала и одарила одеждами и украшениями и сделала это с большим почтением. Когда же вышел я со всеми подарками из храма, увидел на кайме подаренной одежды вышитое то самое двустишие. Послушай его снова:

Какой страсти может достичь Хансавали,
Если недосыгаем для нее Камалакара,
Воспеваемый радостно щебечущими
Брахманками, усевшимися на лотосе?

Прочел я его и понял, что сердце девушки пришло к решению, и тогда

поспешил я сюда и прочел тебе этот стих, а вот и одежда, на кайме которой он вышит».

Выслушав все, что рассказал ему поэт, и прочитав стих, обрадовался Камалакара и стал непрестанно думать о Хансавали, проникшей в его душу через уши и глаза. Стал он старательно размышлять, как бы ее добыть, да случилось так, что позвал его отец и сказал: «Ленивые цари, сынок, погибают подобно зачарованным змеям, а как погибшему воскреснуть?! Ты все еще не собрался на дела ратные, погружен в наслаждения. Так, пока жив я, попрощайся с негой и забудь про леность. Ты должен одержать победу над врагом моим, — повелителем ангов, — он уже покинул пределы своей страны и угрожает нам».

Обрадованный такой речью отца и жаждущий попасть в страну, где живет его возлюбленная, Камалакара молвил: «Так тому и быть!»

По отцовскому приказу выступил он с войском, от мощи которого содрогнулась земля и в страхе затрепетали сердца врагов. В несколько переходов достиг он армии повелителя ангов, вынудил того сразиться с ним и будто выпил все вражеское войско, подобно тому как пророк Агастья выпил океан^[46]. Торжествующий, захватил доблестный Камалакара царя ангов живым. Одолев и смилив врага, отправил его Камалакара пленником к своему отцу, поручив надежному пратихаре, и наказал ему передать радже такие слова: «Теперь, батюшка, устремляюсь я отсюда на других врагов».

Затем, одного за другим смиряя своим войском царей, подошел Камалакара к городу Видише и, остановившись под его стенами, послал к Мегхамалину, отцу Хансавали, посла просить его отдать дочь в жены ему, Камалакаре. Мегхамалин же, узнав, что Камалакара пришел не со злым умыслом, а просить его дочь в жены, с радостью вышел к нему, принял, как гостя, и с почтением произнес: «Зачем ты изволил сам переносить все тяготы ради дела, которое можно было бы исполнить через посла? Желаю я этого брака, а по какой причине, слушай. Уже в детстве Хансавали стала великой почитательницей Несокрушимого^[47]. Видя, что нежна она, как цветок шириши^[48], тревожила меня забота, кто будет для нее, наделенной таким качеством, достойным женихом. Но не видел я достойного жениха, и потому лишился я сна и случилась у меня страшная лихорадка. Измученный болезнью, чтобы умерить ее, молился я Вишну, о тревоге моей поведал я ему. Ночью снизошел на меня сон и явился мне Вишну и повелел: «Пусть дочь твоя, сынок, из-за которой случилась у тебя лихорадка, коснется твоего тела рукой — от этого избавишься ты от хвори.

От пламени поклонения мне, горящего в ее душе, рука твоей дочери стала такой святой, что одно ее прикосновение, без сомнения, укротит твою страшную лихорадку. И не тревожься о ее свадьбе — станет ей мужем царевич Камалакара. Но придется какое-то время дочери твоей претерпеть мучения».

Услыхал я сказанное Держащим лук^[49] и на исходе ночи проснулся. Исполнил я все, и прикосновение руки Хансавали избавило меня от лихорадки. Сам бог предназначил вам быть мужем и женой, и отдаю я тебе Хансавали в жены». Затем назначил он день свадьбы. А потом уж вернулся к себе в столицу. Там он рассказал дочери обо всем, Хансавали же призвала самую близкую подругу по имени Канакаманджари и сказала ей: «Ступай и посмотри, тот ли это похитивший мое сердце царевич, что здесь нарисован. Не выдал бы меня отец за какого-нибудь другого, носящего то же имя, пришедшего сюда с войском, из страха, в качестве подарка».

Так наказала она Канакаманджари, и та, нарядившись подвижницей, уложив пирамидой волосы на голове, с четками в руке, поспешила в стан к царевичу и, смешавшись с его приближенными, разглядела его, подобного божеству, покровительствующему оружию бога Камы, способного очарованием победить весь мир. И тотчас же сердце ее было похищено его красотой, и она подумала, словно углубившись в самадхи^[50]: «Если не сойдуся я с ним, значит, напрасно я родилась! Будь что будет, а я этого добьюсь!»

Приблизилась она затем к нему, благословила и дала камень драгоценный. Он принял его с благодарностью, а она сказала: «Не раз видела я действие этого лучшего из камней. Пока ты его держишь, любое оружие врага будет остановлено, а-отдаю я его тебе восхищенная твоими достоинствами— не мне он нужен, а тебе, царевич». И, сказав так, удалилась она, отговорившись тем, что дала обет жить только подаянием, хотя и оставлял ее царевич погостить.

Сбросив одежду подвижницы и сделав печальное выражение лица, явилась она к Хансавали и, когда стала та расспрашивать ее, рассказала такую небылицу: «Хоть и не должно говорить об этом, но из преданности открою я тебе великую тайну. Когда, одевшись подвижницей, явилась я в стан царевича, подошел ко мне вдруг какой-то человек и спросил: «Не знаешь ли ты, почтенная, как бесов изгонять?» Услышала я это и ему, который, как показалось мне, был пратихарой, ответила: «Хорошо я это дело знаю. Подумаешь, невидаль какая! Это для меня пустяки!» И тотчас же отвел он меня к царевичу Камалакаре, и увидела я его корчившегося,

мучимого бесом, увенчанного рогами, а около него стояли успокаивающие снадобья, а на нем самом был надет исцеляющий талисман. Сделала я тогда несколько движений, будто заклинала его, и сразу же вышла оттуда, сказав при этом, что приду на следующее утро, чтобы избавить его от недуга, а затем, крайне удрученная неожиданно увиденным, поспешила сюда, чтобы все тебе рассказать».

Выслушала Хансавали из ее уст всю эту ложь, и поразила она ее, как удар грома. Тогда сказала она, простодушная, Канакаманджари: «Хоть и хорошо рукоделье судьбы, она — сама себе завистница — все портит. Вот ведь даже на светлый лик луны посадила пятно! Выбрала я себе мужа, а теперь и думать о нем не могу! Уж лучше умереть мне или скитаться в лесу! Скажи же, что мне делать?» — спрашивала простодушная Хансавали обманщицу Канакаманджари. А та ей: «Когда придет время свадьбы, вели кому-нибудь из служанок надеть твой свадебный наряд, и, пока все будут суесться около нее, ты куда-нибудь убежишь!»

Выслушав такой совет, попросила царевна предательницу: «Так ты и нарядись в мое платье для венчания с этим царевичем. Кто же еще так верен мне и так похож на меня?!» И ответила ей на это злодейка Канакаманджари: «Найду я какой-нибудь способ так устроить, а ты, коли веришь мне, поступай так, как я скажу!»

Так подбодрив царевну, пошла она к своей подруге Ашокакари, от которой у нее не было секретов, и открыла ей все, что задумала совершить, и вместе с ней стала прислуживать совсем отчаявшейся Хансавали, послушно делавшей все, о чем говорила ей Канакаманджари.

Пришел день свадьбы, и, когда наступил вечер и все были заняты встречей царевича Камалакары, прибывшего в сопровождении пеших воинов, всадников и слонов, отвлекши чем-то других служанок, Канакаманджари увела царевну Хансавали, словно желая нарядить ее, в потаенные покои, а там сама оделась в ее одежду, а ей отдала платье Ашокакари, а свое отдала той. Когда же сгустился ночной мрак, сказала она Хансавали: «Если выйдешь ты из города через западные ворота, то всего в одном кроше^[51] от них стоит старое высокое дерево шалмали. Ступай к нему и спрячься в нем, да жди, пока я не появлюсь. Когда закончится обряд, обязательно я приду к тебе».

Согласилась Хансавали на то, что предложила ей коварная подруга, — одетая в одежду Ашокакари, она вышла из антахпура в ночную тьму, незаметно прошла через ворота, заполненные народом, и добралась до того дерева шалмали. Как увидела она мрак, таившийся в расщелине его ствола,

испугалась и не вошла в нее, а забралась на росшее рядом дерево вата^[52], уселась там, скрытая листьями, и стала высматривать, не идет ли ее подруга-предательница. Ведь не знала простодушная царица о подлой натуре Канакаманджари.

А тем временем в царском дворце, когда наступил благословенный час, привел царь к алтарю Канакаманджари, одетую, как Хансавали, и Камалакара взял ее в жены. И никто в сумерках не заметил обмана, даже когда жених поднял покрывало невесты, чтобы взглянуть ей в лицо^[53]. Когда же завершился свадебный обряд, Камалакара вместе с мнимой Хансавали и Ашокакари, выдававшей себя за Канакаманджари, поспешил к себе в лагерь так быстро, словно спешил не утратить расположения благоприятных к нему созвездий. Он тоже выехал из города через западные ворота и через некоторое время доехал до дерева шалмали, вблизи которого стояло дерево вата, укrywшее обманутую Хансавали. Когда приблизился его слон к дереву, словно в страхе обхватила мнимая Хансавали Камалакару и на удивленный вопрос его в притворном испуге прошептала: «Знай, благородный, что приснилось мне, будто из этого дерева выскочила ракшаси, принявшая образ женщины, и схватила меня, чтобы сожрать. Но вдруг явился какой-то брахман и вызволил меня, успокоил и сказал так: «Это дерево, доченька, надобно сжечь, а ту женщину, которая из дерева выскочит, тотчас же нужно бросить в огонь, и будет тебе от этого благо!» И, сказав это, он исчез, а я проснулась. А вспомнила я об этом при виде этого дерева и испугалась».

И когда она все это рассказала, приказал Камалакара своим слугам: «Спалите и дерево, и ведьму!» Сожгли они то дерево, и мнимая Хансавали решила, что настоящая Хансавали тоже сгорела вместе с деревом, так как никто из огня не выскочил, и была этим довольна. Камалакара же, считавший, что обрел подлинную Хансавали, прибыл к себе в лагерь, а на следующее утро поспешно отправился в свой город Кошалу. А там отец, обрадованный быстрым завершением дела, помазал его на царство, а когда удалился на святое подвижничество в лес, стал Камалакара править землей, а обманщица Канакаманджари, выдававшая себя за Хансавали, была ему женой. А что до поэта Маноратхасиддхи, то он, опасаясь за свою жизнь, постарался уехать подальше от дворца.

А Хансавали, сидевшая в ту ночь на дереве вата, услышав и увидев все, поняла, что случилось: «Обманута я!» Когда же удалился Камалакара, подумала: «О, горе! Обманом похитила у меня супруга подруга-предательница! Хочет она ради спокойствия своей души спалить меня!

Кому не причинит горя доверие к злодеям?! Так кинусь я в пламя пылающего дерева шалмали и избавлюсь ценой моего ненужного тела от долга этому дереву, сожженному из-за меня!» Так горько сетуя, спускалась она с дерева, решившая уже, что жизнь ее ничего не стоит, но, когда спустилась на землю, словно по воле судьбы, вернулась к ней рассудительность, и она подумала: «Но зачем мне губить себя напрасно? Если останусь жива, то вскоре сумею достойно отплатить нарушительнице дружбы. Ведь когда батюшке, охваченному лихорадкой, явился Вишну и сказал ему, что избавится он от болезни, если я прикоснусь к нему рукой, бог ведь еще и предсказал: «Будет мужем Хансавали царевич Камалакара, но какое-то время придется ей немного помучиться». Так пойду я куда-нибудь да посмотрю, что будет!» И пошла она по лесу, где не было ни одной живой души, а когда далеко ушла от того места, и устала, и стала спотыкаться, ночь словно из жалости к ней удалилась, желая дать ей увидеть дорогу, а занимавшийся день словно из сострадания, рожденного ее видом, уронил слезы росы, и солнце, друг добродетельных, как будто желая стереть с ее лица слезы, утешить и обнадежить ее, протянуло к ней лучи-руки свои.

Немного прибодрившись, шла она не по большой дороге, а тропинками, избегая взглядов людей. Больно резали ей ноги острые стебли травы куша, а она шла и шла и, наконец, достигла леса, полного птиц, — словно обрадовался он при ее появлении и зазывал ее к себе их криками:

«И-ди! И-ди! И-ди сю-да!» Вступила она, усталая, в тот лес, любовно овеивавший ее колышущимися на ветру лианами, опутавшими деревья, и увидела, тоскующая по возлюбленному, лес в весеннем цветении, и перекликались в нем на цветущих магнолиях коялы. Удрученная, подумала она так: «Хоть и обжигает меня здесь ветер, дующий с гор Малая и несущий красноватую цветочную пыльцу, и бьют меня, словно ливень из стрел Камы, падающие с деревьев цветы, вокруг которых гудят пчелы, но останусь я здесь и буду приносить жертвы этими цветами супругу Лакшми^[54], пока не избавлюсь от грехов»^[55]. И, решив так, осталась она там, и совершала омовения в прудах, и питалась плодами, и приносила жертвы Вишну, мечтая о встрече с Камалакарой.

Тем временем в Кошале случилось так, что Камалакара заболел — напала на него лихорадка, и забирала она его через каждые четыре дня. Перепугалась, видя это, мнимая Хансавали, Канакаманджари, и подумала тогда: «Одного только я боялась — что Ашокакари может выдать мою тайну. А тут другая беда явилась. Рассказывал мне прежде повелитель, что когда отец Хансавали мучился от лихорадки, то исцелило его одно

прикосновение руки дочери. Ну, как теперь, когда самого Камалакару лихорадка терзает, вспомнит он об этом? Нет ведь у меня такой силы — обнаружится все, и погибну я! Рассказывала мне, правда, одна йогини о заклинателе лихорадки — что, если умилю его, этого погубителя лихорадки, по всем правилам? А для этого убью я как-нибудь Ашокакари, потому что, только если умилю его, принеся в жертву человеческие внутренности, выполнит он мое желание. И лихорадка у царя пройдет, и Ашокакари не будет — от обеих бед разом избавлюсь! Иначе не могу я быть спокойна!».

Рассудив так, рассказала она Ашокакари, что задумала совершить жертвоприношение, но не сказала, что для этого нужно убить человека. Та согласилась ей помочь и собрала все необходимое для такого жертвоприношения, и Канакаманджари, отпустив под каким-то предлогом слуг, вышла во мраке ночи, тайком, через черный ход из антахпура. Отправилась она, держа меч в руке, в заброшенный храм Шивы, где стоял только лингам. Войдя в храм, заколола она мечом козла, омыла его кровью лингам, принесла ему жертву козлиным мясом и повесила на него гирлянду из внутренностей козла. Затем особо почтила она лингам, возложив на его вершину лотос козлиного сердца, окурив сожженными козлиными глазами, и принесла ему в жертву голову козла. Обмазала она и алтарь кровью и сандалом, а желтой краской изобразила на нем лотос с восемью лепестками и в середине его соком раздавленного плода манго нарисовала демона лихорадки — трехногого и трехглавого, держащего вместо оружия пепел в горсти, а на лепестках лотоса поместила она все семейство демона и тогда призвала его, произнеся заклятие.

После этого, вознамерившись совершить жертвоприношение человеческими внутренностями, сопровождаемое омовением, возлиянием и прочими церемониями, как это она задумала раньше, обратилась Канакаманджари к Ашокакари:

«Теперь, подружка, соверши поклон перед божественным, приникни всем телом к земле, и благо тебе будет!» Когда же та, злосчастная, проговорив: «Так тому и быть», распростерлась на земле, Канакаманджари ударила ее мечом.

Но случилось по воле судьбы так, что только слегка задел меч плечо Ашокакари, и та, перепуганная, вскочила и побежала. А увидев, что Канакаманджари гонится за ней, завопила: «Спасите! Спасите!» И тотчас же кинулись к ней на помощь городские стражники, оказавшиеся поблизости. Увидели они разъяренную Канакаманджари с мечом в руке и, думая, что это ракшаси, ударами мечей обратили ее в почти мертвую, а

после этого, узнав из уст Ашокакари, как и что было, доставили обеих на царский двор.

Встревожился раджа Камалакара, когда ему обо всем доложили, и велел привести к нему и жену подлую и ее приятельницу, а когда притащили их, то и от страха, и от жестоких ран покинула Канакаманджари жизнь. И тогда царь, тяжело удрученный всем виденным, спросил у раненой Ашокакари: «Скажи мне, что это значит? Не бойся» Рассказала она ему обо всем с самого начала, и в том числе о жестоком обмане, совершенном Канакаманджари. Когда понял Камалакара суть происшедшего, был он этим сражен и горько сетовал: «О, как жестоко обманут я был этой мнимой Хансавали! Глупец, своей рукой спаливший дорогую Хансавали! Эта злодейка, хоть и стала царицей, но пожала плоды своего злодейства, обретя такую смерть. Но как я, словно младенец, обманулся внешностью и принял за алмаз кусок плохо сваренного стекла, недоумок! Как не вспомнил я, что для исцеления от лихорадки достаточно прикосновения руки Хансавали— ведь об этом Вишну говорил ее отцу!»

И о том вспомнил Камалакара, что сказал Вишну Мегхамалину: «Обретет Хансавали супруга, но придется ей претерпеть немного мучений!» А божественное слово, объявленное ее отцу, не может быть ложным! «Видно, где-то и как-то живет она, — решил он. — Разве кто-нибудь и когда-нибудь знал сокровенные пути судьбы, неисповедимые, как и пути женской души? Нет, никто мне теперь не поможет, кроме поэта Маноратхасиддхи». Подумав так, велел царь отыскать и позвать к нему лучшего из поэтов. А когда прибыл тот, так спросил его: «Почему это не видно тебя во дворце, дорогой и почитаемый нами? И где сбываются, Маноратхасиддхи, заветные желания тех, кто обманут плутами?»

«Мой ответ, государь, в том, — промолвил Маноратхасиддхи, — что умерла здесь обманщица от страха, ибо стала известна тайна ее, и стоит здесь Ашокакари, едва не убитая злодейкой из страха, что может выдать та ее замысел. А о Хансавали ты не печалься — как повелел Хари, так и придется ей какое-то время пострадать. Хранит он ее, занятую постоянным его почитанием. Ведь справедливость торжествует— разве не видишь ты этого в том, что случилось? Пойду я, божественный, разузнать что-нибудь о Хансавали». Кончил говорить поэт, а Камалакара ему: «И я с тобой пойду. Не могу я здесь оставаться ни мгновения». И, порешив так, на следующий день Камалакара, поручив царство министру Праджнядхье, вершине мудрости, хотя тот и отговаривал царя, вместе с Маноратхасиддхи тайно отправился в путь.

В поисках проходили они через поля, леса и ашрамы, не обращая

внимания на неудобства и трудности, — ведь неумолим зов живущего в сердце. Со временем по воле судьбы дошли они до леса, где жила Хансавали, и увидел Камалакара ее у подножия дерева ашоки, истаявшую и бледную, словно убывающая луна, и спросил у поэта: «Кто эта молча стоящая в задумчивости богиня, принявшая облик земной женщины?» Услыхав это и взглянув на нее, ответил поэт: «Милостива к тебе судьба, божественный, — вот и нашел ты Хансавали! Это она стоит перед тобой!»

Она же при звуке голосов подняла свой взор, и, когда узнала поэта, с новой силой охватило ее горе, и она вновь зарыдала: «О отец мой! Убита я горем, о благородный! О Камалакара! О Маноратхасиддхи! О судьба, устроительница превратностей!» Так и по всякому иному стенала она, пока не упала без памяти наземь, а видя и слыша все это, упал в беспамятстве и Камалакара. Привел их обоих в чувство Маноратхасиддхи, и когда они уверились в том, что вновь обрели друг друга и почувствовали себя, будто переправились через океан печали, полный яда разлуки, то испытали несказанную радость и поведали друг другу обо всем, что с каждым из них случилось. Взял Камалакара с собою Хансавали и в сопровождении поэта отправился к себе в Кошалу, и там сыграли свадьбу, на которую пожаловал и сам Мегхамалин, отец невесты. Камалакара же, взяв в жены устраняющую обман и исцеляющую болезни Хансавали, засверкал радостью и чистотой, словно пруд, покрытый цветущими лотосами, а Хансавали была прекрасна, словно лакомящаяся на нем лотосами лебединая стая. Жил он с той, терпение которой было вознаграждено, счастливо управляя землею. И был с ними Маноратхасиддхи. Так те, кто и в несчастье не потерял самообладания, всего достигают. Так что, сынок, не следует расставаться с телом: будешь жив, так и со своим повелителем встретишься!..» Такую историю, божественный, поведал мне дряхлый странник и, не дав мне расстаться с жизнью, пошел куда ему хотелось.

Закончив эту историю в ту ночь в доме Чандакету, снова обратился Бхимапаракрама к Мриганкадатте: «Так вот, после того как получил я столь полезное наставление, ушел я из той глуши, и, зная, что Удджайини самая желанная для тебя цель, в надежде встретиться с тобой, отправился и я туда. Но, не найдя тебя в городе и чувствуя усталость, остановился я в доме какой-то женщины, дав ей денег, чтобы купила она еды, а сам, в изнеможении упав на указанную ею постель, тотчас же заснул. Когда же проснулся я, то увидел, из любопытства затаившись, как эта женщина, взяв пригоршню ячменя, высеяла его прямо в доме по всем углам. А при этом шептала она заклинания и губы ее дрожали. Тотчас же поднялись колосья ячменя и налились зерном, и вызрело оно, и она его сжала, отвеяла,

высушила и истолкла в крупу, а потом ссыпала ту крупу в медный горшок, привела дом в порядок, как прежде было, и пошла совершить омовение.

Догадался я тогда, что это ведьма. Быстро встал я, пересыпал ячменную крупу из той медной посуды в простой горшок, а из того другую порцию ячменной крупы в медную посудину, остерегаясь смешивать обе порции, а после этого снова улегся. Тут снова вошла женщина, разбудила меня и угостила ячменной кашей из медной посуды, а сама взяла из простого горшка наговоренной каши, не зная о том, что я поменял их местами, и, съев эту кашу, обратилась в козу. Взял я ее да и в отместку продал мяснику.

Прибежала ко мне после этого мясничиха: «Обманул ты мою подругу, так уж тебе за это будет!» Услышав от нее такую угрозу, ушел я тайно из города и, когда устал в дороге, прилег у корней дерева ньягродха^[56]. А пока я там спал, отыскала меня мясничиха, злая колдунья, и повязала мне на шею ладонку. Когда же она исчезла, проснулся я и обнаружил, что обращен в павлина, хотя и сохранил человеческую память. Сколько-то дней провел я, удрученный таким состоянием, бродя туда и сюда, пока однажды не попался в сеть птицелова, а тот отдал меня Чандакету, главному пратихаре царя бхилов, а тот подарил меня своей жене. Она же меня поместила в эти покои и стала держать для забавы. А сегодня сама судьба привела и тебя сюда, и ты снял с шеи моей ладонку. Благодаря этому, божественный, снова обрел я человеческий облик. Но давай сейчас же убежим отсюда — убивает пратихара всякого участника своих ночных походов из опасения, как бы его не выдали, а ты был сегодня свидетелем его ночных дел. Повяжи, повелитель, эту ладонку себе на шею, и, обратившись в павлина, выйдешь ты отсюда через слуховое окошко, а потом я просуну руку и сниму ее с твоей шеи, повяжу себе и тотчас же выберусь отсюда, и ты тогда снимешь ее с моей шеи, и оба мы примем свой обычный облик! А через дверь нам не выйти — заперта она снаружи!»

И как сказал мудрый Бхимапаракрама, так они и сделали, и выбрались оба, и Мриганкадатта вернулся в свои покои, где жил со своими двумя друзьями. Там они друг другу рассказали о том, что с ними случилось, и весело провели ночь.

Когда же наступило утро, пришел к Мриганкадатте предводитель бхилов Маябату, страны той повелитель, и спросил царевича, хорошо ли он провел ночь, а затем предложил ему: «Давай сыграем в кости!» Но, видя, что бхил пришел вместе с пратихарой, спросил у него Шрутадхи, друг Мриганкадаты: «При чем тут кости? Или ты забыл? Сегодня нам надо

посмотреть, как пляшет павлин пратихары, — ведь это нам обещано». Услышал это повелитель бхилов, вспомнил и из любопытства послал пратихару привести павлина.

«Как это забыл я прикончить вора, свидетеля моих ночных походов, запертого в комнате с павлином? Так поспешу же сделать оба дела!» — так сетуя на свою забывчивость, спешил пратихара к себе домой, а когда пришел туда, то не увидел в той комнате ни вора, ни павлина. Отчаянно перепугавшись, прибежал он к своему повелителю и говорит: «Повелитель, какой-то вор похитил ночью павлина моего». Улыбнулся при этих словах Шрутадхи и говорит: «Видно, искусен этот вор, укравший павлина!» Видя, что Мриганкадатта и его друзья пересмеиваются да друг с другом переглядываются, захотелось Маябату, предводителю бхилов, узнать о причине этого, и спросил он: «Что это значит?» Тогда Мриганкадатта рассказал ему, как ночью столкнулся с пратихарой, как пробрался тот в покои жены повелителя бхилов, как в ссоре с ней выхватил он кинжал, как добрались они потом до дома пратихары, как царевич нашел там обращенного в павлина Бхимапаракраму, как вернул он ему человеческий облик и как, избавившись от опасности, пришли они сюда. Узнав о служанке в антахпуре, пораненной кинжалом, и увидав ее, а затем, воочию увидев, как ладонка, надетая на шею Бхимапаракрамы, обращала его в павлина, казнил Маябату своего пратихару как нарушителя чистоты антахпура. Жену же повелителя бхилов Мриганкадатта оберег от его гнева, и тот, избегая соприкосновения с ней, ускакал ее подальше от дворца.

Провел еще несколько дней у бхилов Мриганкадатта, наслаждаясь гостеприимством Маябату, хотя в жажде встречи с Шашанкавати и со своими другими друзьями был готов немедленно отправиться в путь.

Волна пятая

А пока Мриганкадатта с Вималабуддхи и другими министрами жил у повелителя бхилов Маябату, явился к тому его военачальник. Был он весьма возбужден и так сказал владыке: «По твоему велению, господин, искали мы человека, которого можно было бы принести в жертву Благостной^[57], и поймали такого; он уложил пятьсот наших лучших бойцов, но и сам много ран получил и двигаться не может — доставил я его сюда».

Промолвил на это Маябату, обращаясь к полководцу: «Приведи его сюда ко мне — хочу на него посмотреть!» Велел полководец притащить того человека, и все увидели его, покрытого пылью битвы, истекающего кровью от многочисленных ран, нанесенных различным оружием, ворочающегося в цепях и путах, словно обезумевший от страсти слон, запутавшийся в стеблях лотосов, по вискам которого текут потоки грязи, смешанной с пылью шафрана. Тотчас же узнал в нем Мриганкадатта еще одного своего министра — Гунакару, подбежал к нему и, рыдая, обнял. Узнав от друзей царевича, кто был этот человек, повелитель бхилов подошел к Гунакаре, лежавшему в ногах у своего господина, утешил его, велел отнести в свои покои, обмыть и перевязать ему раны и потчевал всякой едой и питьем, позволенными лекарями.

Затем, когда Гунакаре стало лучше, обратился к нему Мриганкадатта с просьбой: «Поведай мне, друг, что с тобой было?» И все приготовились слушать, а Гунакара начал: «Соблаговоли выслушать, божественный, поведаю я тебе обо всем, что со мной случилось.

Когда из-за проклятия нага оказался я разлученным с вами, ничего я не соображал и в помрачении блуждал в той глуши. Когда же вернулся ко мне рассудок, то, удрученный всем случившимся, подумал я: «Что это за забавы дурно воспитанной судьбы! Как будет существовать в этом лесу Мриганкадатта, которому трудно оставаться одному даже на дворцовой террасе? И как будут жить его друзья?» Пока предавался я таким размышлениям и сетованиям, посчастливилось мне наткнуться на храм богини, живущей в Виндхийских лесах^[58]. Вступил я в этот храм — в нем день и ночь приносили в жертву ей различных живых существ, и подобен он был дворцу самого Смертного часа^[59], — поклонился великой богине и увидел тело человека, принесшего самого себя в жертву, перерезав себе мечом горло. При виде его решил и я, в горести от разлуки с тобой,

принести себя в жертву богине и тем самым порадовать ее. Но когда кинулся я за спасительным мечом, то остановила меня какая-то сострадательная подвижница, издали наблюдавшая за мной и неодобрительно покачивавшая головой. Подошла она ко мне и, не дав мне умереть, спросила о том, что со мной случилось, а потом сказала мне: «Не поступай так! Бывает, и покойники встречаются, а что уж говорить о живых? Вот послушай, я тебе расскажу историю

о том, как Винитамати победил в споре царевну Удаявати и взял ее в жены

Славился по всей земле город, называющийся Ахиччхатра, и правил там в давние времена Удаятунга, слон среди раджей. Был у него пратихарой благородный Камаламати, а у того был несравненных достоинств сын по имени Винитамати. А достоинства того были таковы, что ни лотосу с ним не сравниться — пуст его стебель внутри, сплетенный из волокон, ни луку — крив лук! Однажды поднялся Винитамати на крышу дворца, выбеленного известью, и увидел, как сверкнула на челе ночи прохладнолучистая луна, подобная блистающей, сделанной из бутона «пожелай-дерева» бога любви серье на восточной стороне неба, и, наблюдая, как поток ее лучей заливают светом мир, в душевном упоении подумал: «О, как выбелила луна все дороги и как хорошо они видны! Почему бы не пойти мне по какой-нибудь из них?».

И, подумав так, взял лук и двинулся в дорогу. Когда же прошел он всего один крош, донесся до его слуха плач. Пошел он в ту сторону, откуда доносились рыдания, и увидел девушку, сидящую у дерева и заливающуюся слезами. Спросил он ее: «Кто ты, красавица, и зачем ты испятнала слезами подобное луне лицо твое — уж не хочешь ли ты сравниться с нею и пятнами?» Она же ему проговорила в ответ: «Дочь я повелителя нагов Гандхамалина, а имя мое, великий духом, Виджаявати. Однажды бежал он с поля битвы и был проклят самим Васуки: «Потерпишь ты, грешник, поражение и будешь врагом своим обращен в рабство!» Вот из-за этого то проклятия потерпел поражение мой отец от якши Каладжихвы, его врага, и был обращен в раба, который должен носить за господином корзину с цветами. Ради отца умилила я подвижничеством Гаури^[60], и она явилась предо мной и, благостная, так

велела: «Слушай, милая, растет на озере Манаса божественный лотос из хрусталя с тысячью лепестков, и когда касаются лотоса лучи солнца, то сам излучает он драгоценные лучи, переплетающиеся между собой так, словно распустился капюшон на голове божественного змея Шеши^[61].

Однажды, купаясь в том озере, Вайшравана^[62] увидел этот лотос и страстно захотел добыть его. Стал он молить об этой милости Хару, а тем временем сопровождавшие Вайшравану якши, приняв вид обычных гусей и других живущих на воде существ, плескались и веселились в озере. И случилось тогда по воле судьбы так, что старший брат твоего врага якша Видьюдджихва, призывно маня к себе ударами крыльев подругу, ударил крылом по жертвенной чаше, которую его господин держал пред собою, и она упала. Разгневался повелитель богатств и проклятием своим обрек Видьюдджихву с супругой жить на этом озере в облике гусей. Зная, что это проклятие разлучает его старшего брата на ночь с женой, Каладжихва что ни ночь принимает облик его возлюбленной и ласкает его, исстрадавшегося от разлуки, а днем Каладжихва принимает свой собственный облик, а твой отец Гандхамалин служит ему как раб. Поэтому, доченька, попроси сына пратихары из Ахиччхатры, мужественного и предприимчивого Винитамати, отправиться туда — с этим конем и мечом одолеет он якшу и освободит твоего отца. Тот муж, у которого в руках это сокровище среди мечей, всех врагов одолеет и станет править землей».

С этими словами дала мне богиня коня и меч, а сама исчезла. Вот и пришла я для того, чтобы побудить тебя отправиться на такой подвиг. Увидав тебя, озаренного милостью богини, сумела я ночью громким плачем, достигшим твоих ушей, привлечь тебя сюда. Так исполни, достойный, мое желание!» Так умоляла она его, и Винитамати согласился и молвил: «Так тому и быть».

Затем девушка из племени нагов ушла, но вскоре вернулась, ведя за собой молодого белого коня, подобного сгустившемуся молочному свету лучей месяца, устремившемуся до самых краев земли, чтобы истребить ненавистную тьму, и держа тот меч, истинное сокровище среди мечей, подобный взгляду богини счастья, ищущей героя, небу, сверкающему звездами. Отдала она и коня и меч Винитамати.

Схватил он меч, и вскочил на коня, и отправился с Виджаявати в путь. И таков был конь, что тотчас же достигли они озера Манаса, которое словно бы из сострадания к Каладжихве пыталось раскачивающимися от ветра ладонями лотосов и тревожными криками чакравак^[63] умолить

героя: «Не вступай сюда! Не надо, не надо!» Увидел Винитамати, что сторожат Гандхамалина несколько якшей, и, чтобы освободить его, ринулся на презренных и немало ран нанес им своим мечом. Заметив это, Каладжихва сбросил облик гуся и с ревом поднялся из озера во всем своем грозном облике, словно грозовая туча, готовая излиться ливнем. В начавшейся битве взвился якша в небо, но догнал его на своем коне Винитамати, схватил за волосы и уже готов был отсечь злодею голову, как тот взмолился о пощаде и попросил у него прощения. Отдал Каладжихва Винитамати волшебное кольцо, отвращающее ливень, засуху, саранчу, крыс, попугаев и вражеское вторжение, и со всяческим почтением освободил нага Гандхамалина. Гандхамалин же на радостях отдал в жены Винитамати свою дочь Виджаявати и вернулся домой.

Как только наступило следующее утро, отправился герой с чудесным мечом, волшебным кольцом, могучим конем и доставшейся невестой к себе домой. Поклонился он отцу и в ответ на расспросы порадовал его рассказом о случившемся, и тогда сам раджа совершил свадебный обряд сына пратихары с девушкой из племени нагов.

Вот однажды говорит Винитамати, обладателю четырех сокровищ, всеми добродетелями украшенному, его отец Камаламати с глазу на глаз: «Есть у царя Удаятунги дочь Удаявати, сынок, всем наукам обученная, и он объявил, что отдаст ее в жены тому — брахману ли, кшатрию ли, все равно, — кто одолеет ее в споре. Одного за другим побеждала она своим мастерством в спорах, а красотой своей, весь свет повергая в изумление, превзошла она бессмертных дев. Что же ты, такой герой, не отстоишь честь свою кшатрийскую, не одолеешь ее в споре да не возьмешь в жены?» Возразил отцу на это Винитамати: «Да достойно ли, батюшка, такому воину, как я, сражаться в споре со слабыми женщинами? Но раз велишь ты мне, сделаю так, как ты хочешь!» А когда он, гордый, так выразил свое согласие, пошел его отец к царю и сказал: «Утром придет сюда Винитамати спорить с царевной!» — и, получив согласие царя на это, Камаламати вернулся домой и сообщил о том сыну.

Когда же наступило следующее утро, в царский совет, на который собрались мудрецы, украшенный присутствием самого царя, подобно тому как красный гусь украшает собой озеро, заросшее лотосами, пришел вызвавшийся на спор с царевной Винитамати. Как только, сверкающий, вступил он в зал совета, полетели к нему со всех сторон стремительные пчелы взглядов. И в тот же миг величаво вступила в зал и царевна Удаявати, украшенная многими достоинствами и совершенствами, подобная оттянутой их силой тетиве лука бога любви. Сладостное же

позвякивание ее драгоценных украшений словно уведомляло заранее о том, что будет ее первым доводом в споре. Подобно блеснувшей среди чистого неба юной луне, украсила она собой изумрудный трон, а затем произнесла, словно сплетя из искусно выточенных из драгоценностей цветов венки, свою первую посылку, нанизав в блеске зубов изящные и точные слова. Но доказал Винитамати слабость ее доводов и в ходе спора по каждому пункту опроверг ее и заставил прекраснолицую умолкнуть. Все собравшиеся мудрецы восхвалили его, но она сама, хотя и потерпела поражение, считала себя победительницей, так как обрела супруга, а царь Удаятунга, обрадованный, отдал ее, добытую Витинамати победой в ученом споре, ему в жены и осыпал жениха драгоценностями. С тех пор стал Винитамати жить с дочерью нага и с дочерью царя.

Однажды, когда играл он с другими в кости и был опечален проигрышем, пришел к нему какой-то брахман и стал просить еды. Тогда разозленный его настойчивостью Винитамати сказал на ухо слуге: «Возьми-ка и заверни чашу с песком в тряпку, да дай этому!» Взял брахман то, что ему было дано, да и подумал, поскольку милостыня-то была тяжела весом, что там золото! А подумав так, обрадовался и, уединившись, развернул тряпку и тогда увидел, что там чаша с песком. Со словами «Обманут я!» бросил он ее на землю и убитый горем пошел домой. А Винитамати об этом и думать забыл и, когда кончил играть в кости, стал в своих покоях развлекаться с женами, как ему хотелось.

Шло время, и радже Удаятунге от дряхлости стало не вмоготу заниматься делами мира и войны и прочими, составляющими дела государственные, и тогда помазал он на царство своего зятя Винитамати, поскольку сына у Удаятунги не было, а сам пошел на реку Ганг, чтобы там расстаться со своим телом. Немного прошло времени с той поры, как досталось Винитамати царство, а он благодаря силе меча своего и стремительности коня покорил все десять стран света, и благодаря волшебному кольцу, отвращающему несчастья, не было в его царстве ни болезней, ни голода — прямо как в царстве Рамы^[64].

Однажды пришел к царю бхикшу^[65] из другой страны по имени Ратначандра, а славился он тем, что для всех искусных спорщиков был тем же, чем лев для слонов. Когда царь оказал ему гостеприимство — ведь царь любил умных людей, — бхикшу предложил ему сразиться в споре на такую ставку: «Если ты, царь, будешь побежден, то должен будешь принять веру Сугаты, если ты меня одолеешь, сброшу я одежду буддийского монаха и буду слушать брахманов». Согласился на это царь, и

начался у Винитамати с бхикшу спор, и длился он семь дней, а на восьмой одолел буддийский монах царя, хоть и одолел тот в свое время Удаявати, прозванную «Сокрушительницей бритых». И тогда царь воспринял ту веру, о которой говорил монах и высшей добродетелью которой является помощь существу, и стал строить вихары, ступы и жилища для бхикшу, брахманов, последователей Джинны и всяких других вер^[66].

Достигнув душевного мира благодаря таким делам, спросил он однажды у Ратначандры, с помощью каких добродетельных свершений можно стать бодхисаттвой. Ответил на это бхикшу. «Только те достигают великого сана бодхисаттвы, кто избавился от грехов, не иные. В твоих же поступках ныне нет никаких зримых прегрешений, которые могли бы быть заметны людям, подобным мне. Но ты убедись, нет ли какого-нибудь требующего искупления хотя бы и ничтожного греха с помощью вот чего» — и с этими словами бхикшу сообщил ему о средстве, вызывающем сны. Увидел царь с помощью этого средства сон и поутру рассказал о нем бхикшу: «Видел я, учитель, будто попал в другой мир и, мучимый голодом, просил о пище, а люди, вооруженные палками, сказали мне: «Съешь, царь, сколько хочешь того раскаленного песка, который ты дал когда-то голодному брахману, обратившемуся к тебе за подаванием. Освободишься ты от этого греха, если раздашь десять кроров^[67] золотых в милостыню». И тогда я проснулся и увидел, что ночь уже миновала». Так рассказав все это бхикшу, царь по его совету роздал в милостыню богатство в десять миллионов золотых и снова воспользовался средством, вызывающим сны.

Снова увидел он сон и, проснувшись еле забрезжила заря, рассказал наставнику: «Хоть и роздал я милостыню, но и сегодня снова увидел себя в другом мире, и снова был голоден и молил о пище, и опять вооруженные палками люди дали мне песка, а когда спросил я их, почему же, раздав такую милостыню, должен есть песок, они объяснили мне: «Бесплодна вся милостыня — среди тех ста миллионов золотых монет была одна, принадлежавшая брахману». Выслушав эти слова, проснулся я». Поведав о виденном сне, царь опять роздал десять кроров золотых всем нуждающимся.

И снова, приняв средство, вызывающее сны, увидел сон и, пробудившись на заре, поведал о нем: «Увы, и на этот раз люди, вооруженные палками, дали мне вместо еды чашу, полную песка, а когда спросил я их о причине этого, сказали: «И на этот раз бесплодна милостыня твоя, царь, потому, что в пределах твоей страны в лесу разбойники ограбили брахмана и убили его, а ты его не защитил. Раз ты не

защищаешь людей, бесплодна твоя милостыня, и потому искупить ее можно, если раздашь в два раза больше». При этих словах я проснулся». Так сообщил царь наставнику о том, что привиделось ему во сне в этот раз, и роздал в два раза большую милостыню.

Спросил после этого царь: «Скажи, наставник, как людям, подобным мне, следовать закону, в котором так много нарушений?» И ответил ему на это бхикшу: «Мудрый, чей ум устремлен на защиту и поддержание веры, не должен, царь, позволять отвлекать себя такими делами. Стойких и решительных, не пренебрегающих своей верой охраняют боги и помогают осуществиться их желаниям. Да не приходилось ли тебе, царь, слышать джатаку о том, как благословенный Бодхисаттва был вепрем? Если не слышал, то послушай

историю о мудром и добродетельном вепре и его друге обезьяне

Давным-давно в пещере в горах Виндхья жил мудрый вепрь, воплотивший в себе частицу Будды, вместе со своим другом из обезьяньего племени. Так жил он, гостеприимный и благожелательный ко всему существу, вместе со своим приятелем, и проходило время в приличествующих ему делах. И случилась там однажды непогода, и длилась она целых пять дней, и была она такая жестокая, что непрекращавшийся все пять дней ливень остановил движение всех живых существ. На пятые сутки ночью к пещере, где спали вепрь и обезьяна, пришел лев с львицей и львенком. Обратился лев к львице и сказал так: «В эту злую непогоду все мы умрем, давно уже никакого зверя не попадалось нам, и голод нас мучит». Молвила ему на это львица: «Мы, конечно, не сможем все выжить, а поэтому съешьте меня, и да будет вам обоим благостна жизнь. Ведь ты мне — повелитель, а в сыне нашем все, что дорого нам обоим в жизни. Ты же найдешь себе другую львицу. Да будет вам обоим благо».

Пока так переговаривались муж с женой, по воле судьбы проснулся великодушный вепрь и подумал, обрадованный: «Что мне ночь, что непогода, когда пришли ко мне такие гости! О, заслужу я сегодня награду! Да не помешает мне ничто — почему бы не отдать мне в жертву гостям это недолговечное тело?» С такими мыслями поднялся он, и вышел ко льву, и ласково молвил ему: «Не кручинься, любезный! Пусть я послужу пищей и

тебе, и львице твоей, и львенку. Съешь меня!» И когда договорил это вепрь, лев обрадовался и сказал львице: «Пусть сначала поест львенок, потом я, а затем уже и ты». И она согласилась на это, и львенок стал насыщаться, а за ним и сам лев стал рвать мясо борова, и, пока он ел, добродетельный вепрь ему сказал: «Поспеши выпить кровь мою, пока не ушла она в землю, насыться плотью моей, а остальное пусть съест твоя милая». Пока же он говорил так, лев продолжал рвать его мясо и добрался уже до костей, но жизнь не покидала вепря, словно бы желая увидеть, насколько хватит его терпения. Тем временем измученная голодом львица издохла, а лев со львенком куда-то ушли, и вот уже кончилась ночь.

Проснулся друг вепря, обезьяна, вышел, увидел друга своего в таком жалком состоянии и в смятении спросил: «Скажи мне, кто с тобой это сделал, друг мой, если можешь!». А тот, терпеливый, рассказал, как все случилось. Тогда пал ему в ноги друг и в рыданиях проговорил: «Видно, несешь ты в себе частицу божества, почему и смог ты избавить душу свою от звериного облика. Если есть у тебя какое-нибудь желание, скажи мне — я его выполню». И тогда ответил вепрь другу своему обезьяне: «То желание, которое есть у меня, столь трудно, что и сама судьба его не выполнит. Мучительно видеть мне эту несчастную львицу, издохшую от голода, и потому хотелось бы мне, друг, чтобы, как прежде, обрел я тело и смог бы, вернув ее к жизни, накормить этим телом. Вот чего я хочу!» В то время, когда кончил вепрь говорить, явился перед ним сам Дхарма^[68], коснулся его рукою, и дал ему божественное тело владыки мудрецов, и молвил: «Это я принял облик льва и львицы со львенком, желая испытать твердость твою в служении благу других существ. Но ты, непреклонный в решимости служить благу других, хотя бы и ценой своей жизни, победил меня, самого Дхарму, и обрел сан главы мудрецов».

Слыша эти слова и поняв, что стоит перед ним сам Дхарма, промолвил мудрый: «Не возрадуюсь я, повелитель, пока и друг мой не избавится от звериного облика и не обретет сана главы мудрецов». А тот в ответ на это и обезьяну обратил в мудреца, а потом исчез. Исчезла и мертвая львица. Быстро приносит плоды встреча великого с великими.

Так вот, государь, сами боги способствуют достижению успеха теми, кто, и достигнув добродетели, не забывает о дхарме, — нет для них ничего недостижимого». Выслушав бхикшу, снова Винитамати, царь, щедрый на подаяния, когда спустилась ночь, воспользовался средством, вызывающим сны, а когда настало утро и он проснулся, вот что рассказал он наставнику: «Когда охватил меня сон, увидел я божественного мудреца, обратившегося ко мне с такими словами: «Освободился ты от грехов, сынок, ступай теперь

по стезе бодхисаттвы». И только услышал я его слова, как тотчас же проснулся успокоенный». Сообщив все это своему наставнику-бхикшу, в благоприятный день с его позволения возложил он на себя этот великий обет и стал непрестанно осыпать дарами всех просящих, и богатства его не истощались, ибо корень богатства в добродетели.

Вот пришел однажды к нему проситель-брахман и говорит: «Я, божественный, брахман, а живу в городе Паталипутра. Служил я в храме богу Агни^[69], да брахмаракшаса отнял у меня этот храм, да и сына моего забрал, и никакими средствами не могу я изгнать злодея. Потому пришел я к тебе, о истинное «пожелай-дерево», исполняющее желания всех просящих, попросить тебя, чтобы дал ты мне на благо свое кольцо, уничтожающее всякие беды». Когда же кончил брахман свою просьбу, не колеблясь отдал царь свое кольцо, добытое у якши Каладжихвы, и ушел брахман с кольцом, а слава царя, выполняющего великий обет боддхисаттвы, разнеслась по всем странам до самых краев земли.

Другой раз пришел к царю из Уттарапатхи, северной страны, царевич по имени Индукалаша. Оказал ему почести мужественный царь в соответствии со славным родом царевича и спросил, что за просьба у него. Сказал ему царевич: «Славишься ты по всей земле как истинное сокровище для просящих, и, если кто-нибудь попросит у тебя саму жизнь, не отвернешься ты от негр. Напал на меня брат мой Канакакалаша и изгнал из царства, доставшегося мне от отца. Дай, герой, твой меч и твоего коня, и благодаря их силе верну я себе царство». Выслушав царевича, отдал ему Винитамати и меч, и коня, хотя они и защищали его собственное царство, и нисколько не колебался, твердый духом, хотя все министры стояли, понуря головы и затаив от ужаса дыхание. А царевич, получив меч да коня, отправился восвояси и с их помощью отвоевал у брата царство.

Теперь его брат, изгнанный из царства, пожаловал в столицу царя Винитамати и от горя решил взойти на костер и сгореть, и когда царь узнал об этом, созвал министров и сказал: «По моей вине этот добрый человек пришел в такое состояние — освобожусь я от долга перед ним, только лишь отдав свое собственное царство. Что за радость мне в царстве, если не смогу я послужить благу другого? Раз нет у меня детей, то пусть станет он мне сыном и унаследует царство». И после этого призвал Канакакалашу и отдал ему царство, хотя министры и не желали этого.

Сам же он, отдав царство и нисколько не сокрушаясь из-за этого сердцем, вместе с обеими женами тот же час вышел из города. «О, горе! Увы нам! Взошла бы луна, льющая лучами своими амриту, да закрыла ее вдруг налетевшая туча! Был у нас государь, готовый всякое желание

исполнить, да увела куда-то от нас судьба наше «пожелай-дерево»!» — с такими и прочими причитаниями и с рыданиями, орошая слезами землю, в горести понуря головы, шли за Винитамати горожане. Кое-как удалось ему отговорить их от этого и упросить вернуться, а сам он, бестрепетный, пешком отправился в пустыню. Со временем добрался он до нее, раскаленной солнцем и полной песка и высохших безжизненных кустов и деревьев, словно бы нарочно созданной судьбой, чтобы испытать его стойкость. Где-то в ней, истомленный жаждой, изнемогший от долгого и трудного пути, остановился он вместе с женами передохнуть. Внезапно охватил его сон, а когда проснулся Винитамати, то увидел словно бы возникший благодаря его могучей добродетели дивный сад, заросший зеленой травой, украшенный прудами, полными прохладной и чистой воды и покрытыми лотосами, со множеством деревьев, склонившихся под тяжестью зрелых плодов, и в тенистых местах были там плоские и широкие камни, на которых можно сидеть, а весь сад походил на спустившийся с небес благодаря добродетельной щедрости Винитамати чудесный сад Нандана.

«Что это? Уж не сон ли? Уж не обман ли это? Или, может, явили мне боги свою милость?» — не переставал удивляться царь, и вдруг услышал он голоса двух сиддхов, летевших в поднебесье в обличье пары гусей: «Что ты, царь, так дивишься величию своей добродетели? Живи в этом саду, вечно украшенном плодами и цветами, как тебе захочется». И по их слову остался там Винитамати с обеими супругами и стал предаваться разным благочестивым подвигам.

Однажды, когда отдыхал он на плоском и прохладном камне, заметил Винитамати человека, готового покончить с собой, повесившись на дереве. Поспешил к нему царь, и ласковыми словами остановил его, и спросил, по какой причине тот хочет расстаться с жизнью. Ответил ему на это человек: «Слушай, поведаю я тебе обо всем с самого начала. Я — продавец сомы, и зовут меня Сомашура, а имя моего отца Нагашура. Когда родился я, предрекли звездочеты, что назначено мне заниматься воровством. Испугался этого отец и усердно наставлял меня законам, но и законы выучив стал заниматься я воровством и сошелся с дурной компанией — разве может кто-нибудь изменить то, что предназначено ему кармой? Однажды поймали меня городские стражники прямо во время воровства и потащили на место казни, чтобы посадить меня на кол. И как раз в это время, разорвав путы, примчался на то место взбесившийся слон из царского слоновника, истребляя по пути все живое. В испуге разбежались палачи кто куда, про меня позабыв, а я в этой суматохе взял да и убежал.

Услышал я от людей, как при известии, что ведут меня на казнь, расстался мой отец с жизнью, а за ним и мать. Охватило меня горе, и в жажде расстаться с телом стал я повсюду блуждать, пока не привела меня судьба в этот обширный лес. Только вступил я в него, как явилась откуда-то некая божественная женщина и, утешая, промолвила:

«Это, сынок, обитель царственного мудреца Винитамати, и раз ты достиг этого места, то избавлен от грехов, а он сам даст тебе наставление». При этих словах исчезла она, но я, сколько ни скитался здесь, не смог найти того царственного мудреца, чистого душой, и уже готов был расстаться с душой, как ты меня увидал». И когда Сомашура обо всем поведал, отвел его Винитамати в свою хижину и, приняв, как гостя, назвал себя. Угостив его, царственный мудрец рассказал для отвращения от невежества много разных историй о вере, и среди них такую: «Невежество, сынок, нужно изгонять, в обоих мирах оно пагубно для тех, чей ум неустойчив, ибо ведет к греху. Послушай вот сказание

о брахмане, его жене, стиральщике и его осле и о мудром приговоре

Жил некогда в стране панчалов^[70] брахман по имени Девабхути, и у него, искушенного в ведах, была добродетельная жена по имени Бхогавати. Однажды пошел он совершить омовение, а она — на огород, и только зашла туда, как увидела, что осел стиральщика пожирает овощи. Схватила она палку и кинулась на него, а осел, спасаясь от нее, побежал и, упав в яму, вывихнул ногу. Услыхав об этом, разозлился его хозяин и так отколотил брахманку и палками, и ногами, что у той — а она была на сносях — случился выкидыш. Стиральщик же, забрав осла, отправился домой.

Совершив омовение, возвращается домой брахман и, узнав обо всем, что случилось, и видя жену в таком состоянии, спешит удрученный к начальнику городской стражи и жалуется ему. А тот велел немедленно призвать стиральщика, имя которому было Баласура, и так рассудил, глупец, его спор с брахманом: «Раз у осла вывихнута нога, пусть брахман таскает стиральщику ту ношу, которую таскал осел, пока у того не поправится нога. Раз из-за стиральщика погиб у жены брахмана первенец, пусть он же и сделает ее снова беременной». И когда таким образом назначил начальник городской стражи каждому из них наказание, от

нестерпимого оскорбления брахман и его жена отравились и умерли. Узнав об этом, казнил царь начальника городской стражи, так нелепо рассудившего дело и тем самым надолго обреченного родиться из звериного чрева.

Так вот окутанные мраком невежества блуждают по тропам своих грехов, не освещенным светочем мудрости шаштр^[71], и непременно падают».

И, закончив такими словами эту историю, Винитамати, желая вывести Сомашуру из тьмы невежества, рассказал ему, жаждавшему наставлений, еще такую историю: «Расскажу я тебе, что есть совершенство, а ты внимательно слушай

о царевиче, обращенном в «пожелай-дерево»

Жил некогда в Курукшетре раджа Малаяпрабха. Однажды случилось так, что наступил голод, и хотел он раздать свое богатство людям, но министры из жадности не дали ему так поступить. Тогда сказал ему сын Индупрабха: «Зачем пренебрегаешь ты народом, батюшка, слушаясь дурных советчиков? Ты для народа — «пожелай-дерево», они для тебя — камадхену^[72], коровы, питающие тебя!» Но был царь во власти министров и в раздражении сказал сыну: «Разве неистощимо, сын, мое богатство? Разве без него буду я для подданных «пожелай-деревом»? Почему бы тебе самому не попробовать стать без денег таким «пожелай-деревом»!» Услышав от отца такие слова, поклялся царевич: «Либо умру я, либо с помощью подвигов веры стану таким «пожелай-деревом»!»

Решив так, удалился он, высоко-добродетельный, в лес для подвигов, и только вступил в него, как голод в стране прекратился. Обрадованный жестокими подвигами царевича, сам великий Индра предложил ему самому избрать награду и по просьбе Индупрабхи сделал его в его же городе «пожелай-деревом», простиравшим свои ветви во все страны света, как бы зазывая тех, кто далеко жил, и приглашая их к себе щебетом обитавших на нем птиц. И что ни день, выполнял он желания нуждающихся, даже и такие, что казались неисполнимыми, и так он избавил людей от забот, что казалось им, будто живут они в раю.

Прошло какое-то время, и пришел к нему сам великий Индра и сказал

ему, желая разжечь в нем жадность: «Достиг ты совершенства в помощи другим, и следует тебе теперь отправляться на небо». Ответил ему царевич, обращенный в «пожелай-деревом»: «Там, где другие деревья бескорыстно и постоянно служат другим плодами, цветами и семенами, как же я, будучи «пожелай-деревом», ради своего счастья уйду на небо, обманув людские надежды?» Возразил на эту достойную речь Шакра^[73]: «Что же, пусть и весь твой народ идет на небо!» Но и на это не согласился царевич: «Если доволен ты мной, то возьми народ на небо, а я буду продолжать великий подвиг, единственная цель которого — помощь другим». И тогда царь богов, восхвалив так говорившего царевича, в котором воплотилась частица Будды, и молвив: «Так тому и быть», взял с собой весь народ и ушел к себе на третье небо, а царевич, освободившись от облика дерева, обрел собственный облик, остался в лесу и благодаря своим подвигам достиг сана бодхисаттвы. Так достигают успеха те, кто достиг совершенства в щедрости, о котором поведал я тебе в этой истории^[74].

Теперь же послушай о совершенстве в целомудрии. Расскажу я тебе

о попугае Чарумати, страстно любившем свою супругу

Некогда жил в горах Виндхья царь попугаев, в котором воплотилась частица Будды, совершенство в целомудрии, — таким стал он благодаря своим деяниям в прежних рожденьях, а имя его было Хемапрабха. Помнил он о случившемся с ним в прошлых рожденьях и потому был наставником в делах веры. Служил у него пратихарой попугай Чарумати, глупый и преданный страстям, у которого птицелов изловил силком жену и убил ее. Потому и горевал Чарумати и, тоскуя от разлуки с ней, пришел в жалкое состояние. Желая каким-нибудь способом отвлечь его от горя, мудрый царь попугаев Хемапрабха сказал ему неправду: «Да не умерла твоя жена. Сумела она спастись из силка охотника. Вот только что видел я ее живой. Летим, покажу я тебе ее». И с этими словами Хемапрабха полетел вместе с Чарумати к озеру и там, показав на его же отражение, сказал ему: «Вот жена твоя, здесь она и живет!»

Посмотрел при этих словах в воду несильный умом Чарумати, обрадовался и кинулся в воду обнять да поцеловать ее. Но не ответила она ему на объятия, и ничего не услышал он от нее в ответ, подумал: «Что же

любимая не обнимает меня и не говорит мне ласковых слов?» И, подумав, что, верно, она на него гневается, слетал он и принес плод амалаки, чтобы умиловить ее, и бросил его в свое же собственное отражение. Плод, сначала потонувший, всплыл, и подумал неразумный, что супруга отвергла его приношение. Полетел он к царю Хемапрабхе и в горе сказал ему: «Не обнимает меня супруга, божественный, ни слова не произносит и даже амалаку, мной принесенную, не взяла — почему это?» И тогда в ответ ему молвил, как бы через силу, царь: «Хоть и не следовало бы тебе говорить это, но все же от любви к тебе скажу я. Нынче влюблена она в другого — как же может она ответить тебе на любовь? Пойдем, покажу я тебе в воде воочию, что любит она другого».

И с этими словами снова полетел царь с пратихарой на то же озеро и показал ему в воде на свое и на его отражения, словно бы обнявшиеся. Решил глупый, что это жена с другим обнимается, отвернулся и, полный отвращения, сказал царю: «Не слушал я, божественный, твоих советов, и вот что получилось. Посоветуй, что же теперь делать?»

И тогда раджа Хемапрабха, выслушав его, решил, что наступил удобный момент для поучения, и сказал пратихаре: «Лучше проглотить страшнейший яд халахала^[75], лучше повязать на шею ядовитую змею, чем верить женщинам — не спасет от них ни амулет, ни заклятие, порочат они тех, кто идет путем добродетели, и губят их — изменчивы они, как ветер. Поэтому-то разумным и стойким не следует к ним прилепляться, а надлежит упражняться в целомудрии, чтобы избавиться от желаний». Получив такое наставление от раджи, стал Чарумати целомудренным, и забыл о женщинах, и со временем стал равным самому Будде.

Так что, видишь, те, кто тверд в целомудрии, спасают от несчастий других. Рассказал я тебе о совершенстве в целомудрии, а теперь послушай о совершенстве в терпеливости. Расскажу я тебе

о мудреце

Жил когда-то на горе Кедара великий мудрец по имени Шубханая, постоянно омывавшийся в струях реки Мандакини, терпеливый, от непрестанных подвигов во имя веры исхудавший до костей. Пришли туда однажды, чтобы выкопать зарытое ими прежде золото, разбойники, но почему-то ничего не смогли найти. Никто там не жил, кроме этого

мудреца, и поэтому решили они, что именно он похитил их золото. Вошли разбойники к нему в хижину и накинулись на него: «Ну, ты, лицемерный мудрец, отдавай нам золото, которое ты выкопал из земли. Да ты вор из воров по сравнению с нами!» Когда эти грешники так лживо оговорили мудрого старца, возразил тот им: «Ничего я не брал и ничего не видел!» И хотя избивали они наилучшего и правдивейшего из мудрецов дубинками, он все твердил то же самое. Тогда решили разбойники: «Ну и упрям же он!» — а затем отрубили ему одну за другой руки и одну за другой ноги и вырвали оба глаза. Но и при этом твердил он все то же и стоял на своем, и тогда они подумали, что, действительно, кто-то другой забрал их золото, и ушли, как и пришли.

А на заре пришел туда раджа Шекхараджьоти, ученик мудреца Шубханаи, чтобы посоветоваться с ним. Увидел он наставника в таком горестном состоянии. Удрученный горестной участью учителя, расспросил его и узнал обо всем. Повелел он тотчас же найти разбойников и привести к нему. Чувствуя, что раджа готов казнить злодеев, стал убеждать его мудрец: «Если ты, государь, их убьешь, то я себя убью. Если мечом свершено все то, что ты видишь, то разве кто-нибудь из них виноват? И если они пустили его в ход, то повинен их гнев. А в гневе их повинна утрата золота. А в этом виноваты мои дурные дела в прежних рождениях, а в них — мое невежество, и поэтому вина за все случившееся — на мне. Так если по вине судить, божественный, так меня и надо убить. Зачем же их убивать? Напротив, их защитить и поблагодарить надо. Ведь если бы не сделали они такого злодейства, разве смог бы проявить я терпеливость, приносящую в виде своего плода мокшу, конечное избавление? Так что тем, что они свершили, оказали они мне благодеяние!» Такими и подобными этим словами мудрец, для которого ничего не было выше прощения, убеждал царя — и избавил он разбойников от казни. Когда же добился он этого благодаря великодушию, тотчас же тело его стало, как и прежде, неповрежденным и достиг он наивысшего избавления. Так терпеливые преодолевают море бытия.

Рассказал я тебе о совершенстве в терпеливости, а теперь послушай о совершенстве в настойчивости. Поведаю я тебе

Давным-давно жил брахманский сын по имени Маладхара, и случилось однажды ему увидеть, как летел в поднебесье юный сиддха. Желая быть равным ему, привязал он себе к бокам крылья, сделанные из листьев, и стал подпрыгивать, пытаясь научиться летать в поднебесье. Так изо дня в день безуспешно старался он, и увидел это тот юноша-сиддха, пролетая случайно над ним. И подумал сиддха: «Так он настойчиво старается достичь этой трудно-достижимой цели, что заслуживает моего сочувствия и помощи» — и своей силой волшебной взял он его с собой и сделал одним из своих слуг. Так помогают боги тем, кто радуется их настойчивостью.

Сказано о совершенстве в настойчивости, а теперь слушай о совершенстве в размышлении. Слушай же

о наваждении любви

Жил когда-то в стране карнатов^[76] богатый купец по имени Виджаямалин, и был у него сын — Малаямалин. Случилось однажды, что пошел отец с ним во дворец и там юноша увидел дочь царя Индукесарина, имя которой было Индуяшас. И была она прекрасна, словно лиана бога любви; только лишь взглянул на нее купеческий сын — и как вошла она в его сердце.

Пришел он после этого домой и ночью не спит, и днем никуда не выходит, словно принял обет подражать цветку кумуды^[77], закрывающемуся на день. И днем, и ночью помышляя о ней, перестал он и пить, и есть и ото всего прочего отвернулся, а когда родные его спрашивали, что случилось, молчал и ничего не отвечал, словно немой. Однажды, застав его, одолеваемого разлукой, в таком горестном виде, сказал ему с глазу на глаз его приятель — царский художник Мантхарака: «Друг, что стоишь ты, прильнув к стене, словно нарисованный? Словно одни очертания от тебя остались, лишённые жизни, — ничего ты не слышишь и не видишь!»

Тогда настойчиво спрашивавшему другу поведал Малаямалин о своем чувстве. «Не годится тебе, купеческому сыну, мечтать о царевне. Пусть лебедь мечтает о лотосах, украшающих собой обычные озера, но зачем ему помышлять о счастье наслаждения лотосом, украшенным Лакшми,

растущим из пруда, плещущегося в углублении пупка самого Хари?» Но не смог художник уговорить друга оставить напрасные помыслы, и, чтобы помочь Малаямалину утолить тоску и сделать для него бремя времени более легким, изобразил он на полотне царевну и подарил тому эту картину. И почудилось тогда купеческому сыну: «Вот воистину настоящая Индуяшас!» — и стал Малаямалин на нее смотреть, ласкать и украшать, и со временем так поддался он этому обману, что и впрямь решил, что перед ним живая царевна и что она отвечает ему, и целует, и чего только еще не делает, хотя всего лишь была она нарисованной.

Так и жил он, счастливый, считая, что обладает возлюбленной, и весь мир для него слился в ее изображении. Однажды, когда поднялась луна, взял он картину и пошел в сад погулять с любимой. Поставил он там у корней какого-то дерева картину, а сам отошел, чтобы нарвать для милой цветов. Как раз в это время увидел его с небесной тверди мудрец Винаяджьоти, светоч смирения, и проникся жалостью к нему, и, желая избавить юношу от заблуждений, спустился на землю. Благодаря волшебной силе изобразил он в углу картины черную кобру, и получилась она у него как живая, а сам, незамеченный, стал в стороне. Тем временем, нарвав цветов, вернулся Малаямалин, увидел на картине змею, подумал: «Откуда взялась здесь змея? Чего судьба не сделает! Видно, для того, чтобы защитить красавицу эту, средоточие всего великолепия красоты!» И с такими мыслями украсил он возлюбленную на полотне цветами, и, обнимая ее, спросил об этом, и увидел в это время, будто падает она замертво, укушенная черной змеей, хотя это было лишь наваждение, вызванное волей мудреца. Совершенно забыв, что перед ним всего лишь изображение на полотне, восклицает он: «Ха! Увы мне!» — и сам падает на землю без памяти, словно видьядхар, лишившийся знаний^[78].

Придя через некоторое время в себя, залился Малаямалин слезами и, рыдая, исполнившись жажды умереть, залез на высокое дерево и кинулся с его вершины вниз. Когда же падал он, то наивысший из мудрецов сумел поймать его руками, открылся ему и, утешая, сказал; «Глупый, разве не ведаешь ты, что царевна твоя сидит спокойно в своем дворце, а эта-то, на полотне, всего лишь бездушная картинка? Кого же ты обнимаешь? И кого укусила черная змея? И кто же она, порожденная обманом чувств, придуманных тобою, без памяти влюбленным? Что ж не хочешь ты познать истину с помощью глубокого размышления, чтобы не стать снова жертвой таких несчастий?» Когда мудрец сказал все это, кончилась мрачная ночь ослепления, очнулся купеческий сын и, придя в себя, произнес: «Благодаря твоей милости, благостный, избавился я от

наваждения. Так просвети же меня, чтобы смог я преодолеть море бытия!»

Когда Малаямалин попросил так бодхисаттву, бывшего в облике мудреца, передал мудрый ему свое знание, а сам исчез. Тогда Малаямалин поселился в лесу и силой своего подвижничества понял истину и того, что должно быть принято, и того, что должно быть отвергнуто, и достиг тем сана архата^[79]. Лишь после этого, исполненный сострадания, вернулся он в город, и благодаря его поучениям и сам раджа Индукесарин, и все его подданные смогли достичь избавления. Вот так даже неистинное может послужить истинному с помощью тех, кто обладает совершенством в размышлении. Поведал я тебе о нем, а теперь слушай о совершенстве в мудрости. Расскажу я тебе

о разбойнике Синхавикраме, сумевшем провести самого бога смерти

Жил на Львином острове в давние времена разбойник, который с юных лет поддерживал свое существование тем, что до нитки грабил других, а когда состарился, оставил он свое ремесло и подумал: «Кто поможет мне на том свете? У кого найду я защиту? Если пойду просить покровительства у Шивы или Вишну, что я для них, окруженных мудрецами и всякими прочими слугами. Послужу-ка тому, кто записывает и дурные и добрые дела всех живых существ, — только Читрагупта защитит меня своею властью. Ведь каястха^[80] — писарь ведет все дела и у Брахмы^[81], и у Рудры^[82]. В одно мгновение он вписывает или стирает все в мире, находящемся в его власти».

Решив это, стал он поклоняться Читрагупте и, чтобы угодить ему, постоянно ублажал брахманов. Так он делал, и вот однажды Читрагупта в облике гостя пришел к нему домой посмотреть, истинно ли душа его полна такого усердия. Почтил разбойник гостя, накормил его, и еще милостыню дал, и молвил: «Следует говорить: «Да будет благосклонен к тебе Читрагупта!» Тогда тот, прикинувшийся брахманом, спросил: «Скажи мне, что тебе в Читрагупте, когда есть такие боги, как Хари, Хара и, другие?» Ответил ему на это вор Синхавикрама: «Тебе-то что за дело? Ни к чему мне другие боги!» Но снова спросил его Читрагупта, скрывшийся под обликом брахмана: «Коли отдашь мне свою жену, скажу так, как ты хочешь!»

Тогда обрадовавшийся Синхавикрама сказал на это: «Ради того, чтобы порадовать моего любимого бога, отдам я тебе ее». И предстал перед ним Читрагупта в своем настоящем виде и изрек: «Вот он я, Читрагупта, и доволен я тобой. Проси чего хочешь, и исполню я». Обрадовался Синхавикрама и попросил у него милости: «Сделай так, благостный, чтобы не было мне смерти». Ответил на это Читрагупта: «Хотя и невозможно избавить от смерти, но все же придумаю я способ, как это сделать. Слушай-ка! С самого начала времен Шива сжигает Смерть, разгневавшись на нее из-за мудреца Шветы, но пришлось ему возродить ее снова. Там, где живет Швета, не может бог Смерти убивать никакое существо — так повелел Шива. Сейчас мудрый Швета живет на другом берегу Восточного океана, в лесу подвижников за рекой Тарангини. Вот туда, куда бог Смерти не может попасть, помещу я тебя, но чтобы ты никогда не переправлялся через Тарангини. Если случится тебе по небрежности переправиться на этот берег, и бог Смерти убьет тебя, и ты попадешь на тот свет, тогда попробую я найти другой способ вызволить тебя из беды».

Так пообещал Синхавикраме довольный Читрагупта. Взял он Синхавикраму в обитель Шветы, оставил там, а сам незаметно исчез.

Прошло сколько-то времени, и пришел бог Смерти на этот берег Тарангини, чтобы заманить вора к себе. Но никакими способами нельзя было провести Синхавикраму на этот берег, и вот создал бог Смерти силой волшебства женщину божественной красоты и подослал ее к Синхавикраме. Приблизилась она к разбойнику и ласками, и всеми прелестями своими зачаровала его и подчинила себе.

Прошло сколько-то дней, и она, под тем предлогом, что захотелось ей повидать родных, вошла в покрытую бурными волнами Тарангини, чтобы переправиться через нее, а Синхавикрама за ней не пошел и остался на берегу. Дошла она до середины реки и притворилась, будто поскользнулась и уносит ее поток. Испустила она раздирающий душу вопль: «Что ж смотришь ты, благородный? Почему не спасаешь? Напрасно зовешься ты Синхавикрама — не лев ты, а подлый шакал!» Услыхав это, кинулся в реку Синхавикрама, а красавица, притворяясь, будто уносит ее течением, привела его, следовавшего за нею, чтобы ее же спасти, на тот берег Тарангини, на который никак нельзя было ему ступить. И только выбрался он из воды и вступил на землю, как тотчас же бог Смерти накинул ему на шею свою петлю-удавку, произнес при этом: «Тому, кто погряз в страстях, не миновать гибели!»

Привел его, неосторожного, бог Смерти во дворец Ямы, а там увидал его тот самый Читрагупта, которого он когда-то ублажал, и шепнул: «Если

спросят тебя, куда хочешь сначала — в ад или в рай, то скажи, что в рай. А пока будешь в раю жить, то совершай трудные подвиги, чтобы вечной была твоя жизнь в нем, и предавайся самым жестоким подвигам, чтобы вовсе стерлись твои грехи!» И Синхавикрама, стоявший повеся голову, — так как было ему и стыдно, и страшно, — согласился с ним.

Как раз в это время спросил Дхармараджа у Читрагупты: «А что, есть у этого разбойника какие-нибудь добрые дела?» И ответил на это Читрагупта: «Есть. Гостеприимен он, готов ради своего любимого бога даже жену отдать просящему, и за это причитается ему, о повелитель, провести в раю один день богов»^[83]. Посмотрел Дхармараджа при этих словах на Синхавикраму. «Эй, ты! Изволь сказать, чего ты сначала хочешь — доброго или недоброго?» Тогда вор попросил сначала доброго. По велению Дхармараджи прилетела воздушная колесница, взошел на нее Синхавикрама и отправился в рай, помня о сказанном Читрагуптой.

Истово соблюдал он все обряды, молился и совершал омовения в небесной реке, не предавался никаким развлечениям и заслужил так еще один день богов в раю, а потом силой своего сурового подвижничества умиловил Шанкару^[84], обрел высшее знание, истребил грехи, и поэтому посылавшиеся за ним из ада гонцы не могли даже увидеть его лица.

Читрагупта же тем временем выскреб из своей берестяной книги все его грехи, а Яма промолчал. Таким образом, благодаря истинной мудрости достиг вор Синхавикрама успеха и полного избавления. Вот и поведал я тебе о совершенстве в мудрости.

Вот так, сынок, разумные переплывают море бытия с помощью шести указанных Буддой совершенств, словно на ладьях».

И пока царь Винитамати, достигший сана бодхисаттвы, наставлял в лесу Сомашуру, солнце, наслушавшись умиротворяющих наставлений в вере, оделось в темно-шафранные одежды^[85] и скрылось в пещере горы Заката. Выполнив, как положено, все то, что надлежит совершать вечером, провели ночь царь Винитамати и Сомашура, а на другой день шаг за шагом царь посвятил Сомашуру во все тайны учения Будды. После этого, устроив меж корней дерева жилье, остался Сомашура в том лесу, предаваясь у ног учителя размышлениям. Со временем оба они — и учитель, и ученик — овладели великими тайнами йоги^[86] и достигли наивысшего просветления.

А тем временем, пока царь Винитамати наставлял Сомашуру, завистливый Индукалаша изгнал с помощью чудесного меча и волшебного коня своего брата Канакакалашу из царства Ахиччхатра, подаренного тому Винитамати; когда Канакакалаша оказался изгнанным из своего царства,

отправился он, сопровождаемый двумя или тремя министрами, скитаться по свету.

Судьба привела их в лес обители Винитамати, и хотели они в нем утолить жажду, голод и усталость, как вдруг Индра с помощью волшебства обратил лес в песчаную пустыню, словно желая испытать Винитамати — посмотреть, как же сумеет он теперь принять этих гостей и сможет ли оказать им достойное гостеприимство, как полагается по обычаю.

Винитамати, увидев лес и обитель свою обращенными в пустыню, встревожился и некоторое время метался то туда, то сюда, как вдруг заметил пришедших к нему Канакакалашу со спутниками, изголодавшихся так, что, казалось, жизнь уже покидает их. Подошел он к ним, расспросил, что случилось, и, желая быть гостеприимным, посоветовал им гостеприимный бодхисаттва: «Обратился мой лес в пустыню, и не могу я вас здесь принять, как подобает принимать гостей, но скажу я, где вы сможете найти, чем утолить голод. Всего на расстоянии половины коса отсюда лежит в яме мертвый олень, мясом которого вы поддержите свою жизнь».

Согласился на это измученный гость и устремился со своими спутниками туда, куда было сказано, но еще прежде них достиг того места бодхисаттва Винитамати, и, добравшись до ямы, силой волшебства обратился в оленя, и бросился в нее, принеся себя в жертву просящему. Дотащились до той ямы и Канакакалаша и его спутники и нашли в ней мертвого оленя. Вытащили они его, разожгли костер из сухой травы и колючек и, изжарив, съели мясо, ничего не оставив, кроме костей и рогов.

Пока это происходило, обе супруги бодхисаттвы горевали при виде разрушенной обители и, нигде не видя своего мужа, пошли — и дочь нага, и дочь царя — к Сомашуре и, нарушив его размышления, рассказали обо всем. А он силой своей мысли узнал о том, что совершил наставник, и, хотя это было весьма горестное известие, сообщил о случившемся обеим женам. Вместе с ними поспешил он к той яме, где его наставник выполнил долг гостеприимства, отдав гостям самого себя, и разрыдались дочь нага и дочь царя, видя, что от их супруга, обратившегося в оленя, остались лишь кости да рога. Собрали они и кости, и рога, принесли из обители поленья, устроили погребальный костер и, верные своему супругу, взошли на него, а за ними последовали и Канакакалаша и его спутники, узнавшие о том, что случилось, и безмерно убитые горем.

Когда же случилось все это, Сомашура, который не в состоянии был перенести горе, улегся на ложе из травы дарбхи^[87], вознамерясь расстаться с жизнью. Но тут явился ему Индра и молвил: «Не делай этого. Все было

устроено мною, чтобы испытать твоего наставника; как только пролью я на останки костей и пепла амриту, так встанет, как ни в чем не бывало, наставник твой с супругами и гостями». Услышав такое решение Индры и поклонившись ему, встал радостный Сомашура и пошел к месту, где был костер, и увидел, как поднялись живыми его наставник бодхисаттва Винитамати с супругами своими, с Канакакалашей и прочими, и склонил голову перед наставником и его супругами, вернувшимися из того мира, и совершил им жертвоприношение и словами, и цветами, и не мог наглядеться на них. Пока Канакакалаша и другие выражали преданность Винитамати, пришли туда все боги во главе с Брахмой и Вишну и, восхищенные его добродетелью, оставив дары за его бескорыстие, исчезли, а сам Винитамати в сопровождении всех других, поведавших о том, что с ними было, с Сомашурой и прочими отправился в другую чудесную лесную обитель продолжать свои подвиги.

Так что встречаются и. такие люди, которым довелось обратиться в пепел. Что уж говорить о людях живых и способных идти туда, куда они хотят. И не думай, сынок, расставаться со своим телом, а отправляйся, герой, в путь и непременно встретишься с Мриганкадаттой».

Выслушав все рассказанное старухой подвижницей, поклонился я ей и, взяв меч в руку, с надеждой в душе, отправился в путь. Со временем дошел я до этого леса, и здесь по воле судьбы изловили меня шабары, чтобы принести в жертву богине Чандике. Был я в схватке с ними ранен, одолели они меня, связали и привели к своему повелителю Маябату. Увидев же здесь тебя, мой повелитель, и твоих трех отыскивавшихся министров и ощутив твою ко мне милость, чувствую я себя, как дома».

Очень был обрадован Мриганкадатта, живший во дворце повелителя шабаров, всем тем, что услышал он о приключениях своего друга Гунакары, и, проследив затем, чтобы были приложены к телу раненого в битве соответствующие снадобья, вместе с другими друзьями приступил он к тому, что назначено на день, ибо день уже начался.

Он остался в гостях у Маябату еще несколько дней, чтобы подождать, пока поправится Гунакара, хотя и не терпелось ему отправиться в Удджайини, чтобы найти остальных друзей и встретиться с Шашанкавати.

Волна шестая

Когда исцелились раны Гунакапы и он выздоровел, в благоприятный день, простившись с повелителем шабаров, Мриганкадатта покинул его дом и устремился к Удджайини, чтобы встретиться с Шашанкавати, а Маябату со своей свитой и предводителем пищачей Матангой довольно далеко сопровождал его, чтобы в нужный момент прийти на помощь. Шел Мриганкадатта вместе с Шрутадхи, Вималабуддхи, Гунакарой и Бхимапаракрамой через Виндхйский лес, разыскивая остальных друзей, разбросанных проклятием нага Параваты.

Однажды, остановившись на ночлег, уснул он вместе со своими советниками у корней какого-то дерева. Но отчего-то вдруг проснулся Мриганкадатта. Осмотрелся он и заметил, что тут же спит еще кто-то, кого не было среди его спутников. Заглянул Мриганкадатта в лицо спящему и обрадовался — обнаружил он, что нашелся еще один из его министров — Вичитракатха.

Проснулся и Вичитракатха и, увидав перед собою Мриганкадату, своего повелителя, радостный, кинулся ему в ноги. А тот, обняв его, смотрел ему в лицо широко раскрытыми глазами, полными радости от неожиданной встречи. Тем временем проснулись и другие министры, и все они обрадовались Вичитракатхе, приветствовали его и расспрашивали, что с ним было, и каждый рассказал ему о своих приключениях. Тогда и Вичитракатха поведал — Мриганкадате и всем друзьям о том, что с ним произошло.

«Когда проклятие Параваты разбросало нас всех кого куда, долго скитался я в помрачении один-одинешенек во тьме. Лишь на другой день, еще не придя в себя, усталый, дошел я до какого-то прекрасного и обширного города, раскинувшегося на краю леса. А там встретился мне некий божественного вида муж, которого сопровождали две женщины небесной красоты. Увидел он меня, обласкал, дал омыться прохладной водой и, введя во дворец, поднес божественной еды и сам вместе с двумя красавицами вкусил от нее.

Когда же завершилась трапеза, спросил я, отдохнувший, у него: «Кто ты, господин, и зачем спас меня, желавшего умереть? Нет со мной теперь моего господина, и непременно расстанусь я со своим телом». После этих слов рассказал я ему, что со всеми нами случилось, и, когда закончил, он, исполненный великодушия и благожелательности, стал меня уговаривать:

«Я— якша, а эти две красавицы — мои жены, а ты — судьбою посланный гость, а принять гостя как можно почетнее — святой долг всякого хозяина дома. И я принял тебя как можно лучше. По какой же причине хочешь ты расстаться с жизнью? Разлука ваша не продлится вечно — непременно все вы встретитесь, когда закончится срок проклятия нага. Да разве, милый, рождается кто-либо в этом мире свободным от горестей и бед? Вот я хоть и якша, а послушай, какое горе пришлось мне пережить. Я расскажу тебе

о нищем брахмане Павитрадхаре и его жене якшини Саудамини

Есть город Тригарта, подобный венцу, украшающему чело Земли и сплетенному из добродетелей благородных людей. В том городе жил юный брахман Павитрадхара. Денег у него было немного, зато был он родовит, да и родни у него было достаточно. Жил он среди людей богатых и однажды задумался: Незаметен я, нищий, среди богачей, словно слово, лишённое смысла, среди слов, сплетенных в прекрасную поэму. Благороден я и не могу поэтому ни служить, ни принять подаяния. Разыщу я где-нибудь в безлюдном лесу якшини — есть у меня для этого заклинание, сообщенное мне наставником».

Так рассудив, отправился он в лес и стал, зная нужные правила, искать якшини, а когда нашел, уговорил ее стать его женой. И стал он, уподобившись дереву, претерпевающему суровые зимы ради радужных весен, жить с нею, звавшейся Саудамини.

Заметив как-то раз, что Павитрадхара удручен тем, что нет у него сына, утешила его супруга: «Не грусти, благородный! Родится у нас сын. Вот послушай-ка, расскажу я тебе историю

об игроке Шридаршане

Есть на самом краю южной страны сторона, вся заросшая тамалой^[88], темной, как тучи, затмевающие солнце, и кажется, будто там рождаются летние ливни. Именно там находится жилище знаменитого якши Притхудары, а я, Саудамини, — его единственная дочь. С любовью растил

меня отец, и странствовали мы с ним с одной горы на другую, и всюду я играла и резвилась в небесно-дивных садах. Однажды играла я с моей дорогой подругой Капишабхру в саду на горе Кайласе. Вдруг увидела я юного якшу, которого звали Аттахаса, и в то же мгновение и он заметил меня, стоявшую среди подруг, — и каждый из нас был восхищен красотой другого. Увидев это, мой отец, прославленный якша Притхудара, уверился, что мы равная пара, позвал Аттахасу и сговорился с ним. насчет нашей свадьбы. А после того, как был выбран благоприятный для этого день, увел он меня домой, а радостный Аттахаса ушел вместе со всеми своими друзьями к себе.

А на другой день пришла ко мне подруга моя Капишабхру, и была она как будто огорчена. Стала я настойчиво расспрашивать ее, и вот что она мне сказала: «Хоть и не следовало бы говорить об этом, но придется, милая, сообщить тебе горькую весть. Видела я сегодня по пути сюда твоего жениха Аттахасу, тоскующего по тебе в саду на холме Читрастхала, похожем на Гималаи, а развлекавшие его приятели забавы ради решили сделать его повелителем якшей, а его брата Дипташикху — Налакубарой^[89], сыном Куберы, а все другие прикинулись его министрами. Как раз в то время, когда твой милый так развлекался со своими приятелями, увидал их игру пролетавший в поднебесье Налакубара. Разгневался при виде этого сын бога богатств, призвал к себе Аттахасу и проклял его: «Как смеешь ты, раб, хотя бы и ради игры, изображать господина! За то, что ты, недоумок, стремишься вверх, становись смертным и ступай вниз, на землю!»

И как только он произнес свое проклятие, взмолился в отчаянии Аттахаса: «Ведь только для того, чтоб развеять тоску, повелитель, поступил я, неразумный, так, а не ради жажды власти. Смилуйся надо мной, могущественный владыка, сын повелителя богатств!».

Выслушав его мольбу и поняв по размышлении, что это действительно так, сказал ему Налакубара, когда кончится действие проклятия: «Станешь ты человеком, и от той самой якшины, по которой теперь тоскуешь, родится у тебя сын, и будет им твой брат Дипташикха. Лишь после этого ты и твоя жена снова станете якшами. Твой же брат, став твоим сыном, будет царствовать на земле и тоже избавится от проклятия». Закончил сын хранителя сокровищ говорить, и тотчас же Аттахаса куда-то исчез. Вот это все своими глазами увидав, в горе поспешила я, подруга, к тебе». И от рассказанного подругой такое охватило меня горе, что, оплакав себя, пошла я к родителям и обо всем им поведала. А после стала проводить время в ожидании встречи с возлюбленным. Тот Аттахаса — это ты, а

Саудамини — я, и вот мы наконец встретились. Раз мы теперь вместе, то вскоре родится у нас и сын». Всем сказанным мудрой Саудамини был обрадован брахман Павитрадхара и обрел надежду на то, что у него родится сын.

Со временем родила ему та якшини сына, и благодаря появлению ребенка озарились радостью их души и их дом, а как только Павитрадхара взглянул сыну в лицо, тотчас же обрел божественный облик и стал якшей Аттахасой. И молвил он жене своей, якшини: «Кончилось проклятие, довлевшее над нами, милая, и вновь я стал Аттахасой. Теперь снова пойдем мы с тобой своей дорогой». Возразила ему на это жена: «А как же дитя твое, в котором из-за проклятия воплощен твой брат? Следовало бы подумать о нем». Подумал Аттахаса, поразмыслил и так ей ответил: «Живет, милая, в этом городе брахман Девадаршана. Пять огней^[90] он раздувает сам, а еще два — голод в животах у жены и у него, лишенного потомства и богатства. Однажды, когда он предавался подвигам, ради того, чтобы родился у него сын, и старался всячески умиловить божественного Агни, явился тот ему и повелел: «Будет у тебя сын, только не из утробы рожденный, а приемный, и благодаря этому, брахман, исчезнет твоя нищета!» Вот и ждет теперь Девадаршана, когда свершится то, что предрек ему бог. Вот и нужно отдать наше дитя на воспитание этому, брахману. Ведь так предназначено!»

Так сказал Аттахаса своей милой и, положив младенца на горшок, полный золотых монет, и надев ему на шею ожерелье из драгоценнейших камней, ночью, когда тот брахман Девадаршана и его жена крепко спали, оставил ребенка и все сокровища у них в доме, а сам с Саудамини улетел небесной дорогой.

Проснулся брахман Девадаршана и увидел младенца, сверкавшего подобно юному месяцу ожерельем драгоценных созвездий. Стал Девадаршана с женой размышлять, что бы это означало, и тогда заметил горшок с золотом, заглянул в него, и тотчас же вспомнил веление божественного Агни, и обрадовался.

Взял Девадаршана сыночка малого, доставшегося по велению судьбы, и сокровище и в то же утро устроил великий праздник, а на одиннадцатый день дал он мальчику имя Шридаршана, которого тот заслуживал, так как означало оно «встреча с богиней счастья». Девадаршана разбогател, но продолжал совершать жертвоприношения и вместе с тем вкушал всякие удовольствия.

Рос Шридаршана в отцовском доме и достиг высоких знаний в ведах, и прочих науках, искусно владел он, мужественный, и различным

оружием. Когда же распрощался он с детством и достиг юности, отец его, Девадаршана, отправился в паломничество на места священного омовения и в Праяге^[91] скончался, а когда весть об этом дошла до матери, вступила она на погребальный костер. Горько оплакивавший их Шридаршана совершил все предписанные шастрами обряды. Мало-помалу истощилось его горе, и, поскольку не было у него ни жены, ни родственников, а был он образован, по воле судьбы увлекся игрой в кости, и немного времени прошло, как из-за этого порока до того убавилось богатство его, что и на еду не хватало.

Однажды после того, как пробыл он в игорном доме, не имея и крошки во рту, целых три дня, так как не мог выйти из него от стыда, потому что не осталось на нем уже никакой пристойной одежды, но и не принимая никакой еды от других, услышал он, как заговорил с ним один из его приятелей — игрок Мукхарака: «Что ты делаешь глупости? Уж такое это злое занятие — игра в кости! Разве не знаешь ты, что всякий бросок костей — игривый взгляд богини Неудачи? Уж так творец устроил, что только руки служат игроку одеждой, грязь — постелью, перекресток дорог — домом, а разорение — женой. Что ж ты, мудрый, не берешь еды, которую тебе дают? Что ж ты себя так мучаешь? Скажи мне, чего не может достигнуть настойчивый человек, пока он жив? Послушай-ка

***о царе Бхунандане и о том, как он, несмотря на неразумие свое, достиг
конечного избавления***

Есть такой благодатный край Кашмир, истинное украшение земли, созданный творцом словно для того, чтобы радости, которые на небе можно только видеть, здесь могли бы действительно радовать людей, край, где ряды высокостенных дворцов с их серебристо-белыми стенами подражают утесам, окружающим подножия Гималая. Для того и создал творец это второе небо, и две богини, Шри и Сарасвати, постоянно спорили, кому из них здесь отдают предпочтение. И когда одна из них говорила: «Мне!» — другая возражала ей: «Нет, мне!» Увенчанный же ледяными вершинами Гималаи защищал его своим телом, как бы говоря: «Не будет сюда доступа Кали^[92], врагу веры!» — а река Витаста^[93], всплескивая волнами, словно руками, гнала прочь грех: «Убирайся прочь

от мест, где сами боги совершают священные омовения!».

Вот в этом-то благословенном краю правил когда-то царь Бхунандана, наставник во всем, что касалось сословий и ступеней жизни^[94], истинный месяц, радующий светом своим подданных, искушенный в науках и сказаниях, о доблести которого вещали следы ногтей, оставленные им на полных персях наложниц враждебных ему царей и на подвергнутых им разорению их царствах, а о мудрости его, преданного одному лишь черному богу Кришне^[95], говорило то, что его подданные всегда жили в мире и не были им ведомы черные дела.

Случилось так, что однажды, на двенадцатый день светлой половины месяца, после того как совершил царь по всем правилам поклонение Вишну, увидел он во сне, как приблизилась к нему какая-то девушка из дайтьев^[96] и слилась с ним в объятиях. Проснулся он и не увидел ее, но заметил на теле своем следы ее объятий^[97] и удивился: «Видно, спящего меня обнимала какая-то небесная дева и обманула меня!» Поняв это, опечалился он и стал мучаться от разлуки, да так, что забросил все государственные дела. Не находя никакого способа добыть ту деву, подумал Бхунандана: «Ведь то мгновенное счастье досталось мне по милости Вишну, — так уединюсь же я где-нибудь и ради соединения с нею стану умиловать Вишну, сбросив с себя петлю государственных забот, которые теперь без нее — увь! — утратили всю прелесть».

Рассудив так, позвал Бхунандана министров и, объяснив им все, передал царство своему младшему брату Сунандане, а сам, избавившись от этого бремени, отправился на тиртху, образовавшуюся там, где Вишну поставил ногу, когда он был в аватаре карлика^[98], а тиртха та называлась Крамасара, и была она окружена горами, в которые обратились три великих бога — Брахма, Вишну и Махешвара^[99], а стопа Вишну словно из зависти к Витае создала в Кашмире небесную реку Вишувати. Вот на этой тиртхе и стал раджа совершать свои подвиги, позабыв обо всех радостях, словно чатака^[100], жаждущая в жаркое время лишь свежей воды.

Уже двенадцать лет совершал он подвиги, как вдруг появился однажды в той стороне некий подвижник, наилучший из мудрецов, с рыжими волосами, уложенными на голове пирамидой, в лохмотьях, сопровождаемый множеством учеников, подобный самому Шиве, словно сошедшему с окружающих гор. Увидав Бхунандану, он исполнился к царю приятною и, приблизившись, расспросил его, что и как, а затем, подумав мгновение, сказал следующее: «Та дева из дайтьев, раджа, живет в Патале^[101]. Успокойся, доставлю я ее тебе. А я сам — сын брахмана

Яджни, живущего в южных краях и совершающего жертвоприношения, а имя мое — Бхутивасу, и я — наставник йогов. Благодаря знаниям, сообщенным мне отцом, узнал я из «Шастры о Патале», какие нужны заклęcia и каким образом их произносить, чтобы умиловать Хатакешвару^[102]. После этого отправился я на гору Шрипарвату^[103] и когда умиловил подвигами Шиву трехокого, явился он передо мной и изволил повелеть: «Ступай, и когда вкусишь ты в подземном мире наслаждение с дево́й из дайтьев, снова придешь ко мне, а пока слушай — расскажу я тебе, как туда попасть. Есть много путей, ведущих в Паталу, но самый большой и знаменитый находится в Кашмирских краях, и сделан он был великим асуром Маем^[104]. По этому пути Уша^[105], дочь асура Баны, провела Анируддху в тайные сады Данавов^[106] и веселилась там с ним, а Прадьюмна^[107], чтобы спасти своего сына, сделал еще один ход туда через горную вершину и оставил его открытым. Чтобы защитить этот ход, поставил он туда Дургу под именем Шарики^[108], умолив ее множеством хвалебных молитв оберегать его. Поэтому и теперь это место известно под двумя названиями— Прадьюмнашикхара и Шарикакута. Ступай через этот проход со своими спутниками в Паталу, и по моей милости достигнешь ты успеха!»

Сказал он все это и скрылся, а я по его благоволению достиг совершенного знания и вот пришел теперь в эти края. Идем же, раджа, теперь вместе на Шарикакуту — отведу я тебя в Паталу к той, с которой жаждешь встретиться». И когда кончил говорить подвижник, ответил Бхунандана согласием, и отправились они на Шарикакуту. Совершили они омовение в потоке Витасты, поклонились Винаяке, помолились богине Шарике, совершили обряд, очищающий все страны света, и тогда подвижник, осененный милостью Кары, разбросал повсюду горчичные зерна и нашел вход. Вступили под его своды подвижник с учениками и раджа Бхунандана и шли по пределам Паталы пять суток, и днем, и ночью, а на шестой день переправились через Гангу, текущую в Патале, и на серебристой земле увидели дивный лес, изобиловавший сандаловыми и камфарными деревьями, алоэ и кустами кораллов и благоухавший ароматом вечно цветущих золотых лотосов, а в нем устремившийся к небу просторный храм Шивы, сверкающий красотой лестниц, сделанных из драгоценных камней, стен, блистающих золотом, колонн из рубинов и святая святых из лунного камня.

И тогда молвил подвижник, мудрейший из мудрецов, своим ученикам и царю Бхунандане, стоявшим в изумлении: «Вот обитель бога, которого

почитают во всех мирах, славящегося в Патале Хатакешвары. Почтим же его!» И тогда они, омывшиеся в подземной Ганге, принесли могучему Шамбху^[109] жертву цветами, растущими в Патале. Когда же после жертвоприношения отдохнули они, пошли дальше и достигли раскидистого дерева джамбу^[110], с которого падали зрелые плоды. Увидев это дерево, предупредил подвижник своих спутников: «Нельзя вам есть плоды его, а если отведаете их, будет от этого худо». Но хоть и слышали все это, а один из его учеников, изголодавшийся, схватил плод, и съел его, и тотчас же обратился в безмолвный камень. При виде этого все испугались и не стали трогать плодов. Пройдя еще целый кос, оказались подвижник с учениками и Бхунандана перед стеной из золота, в которой была дверь, сделанная из наилучших драгоценностей, а по обеим сторонам ее увидели поставленных, чтобы никто не мог в нее войти, двух баранов, с телами из железа, готовых пронзить путников рогами, но ударил подвижник заговоренным жезлом по их головам, и исчезли они, словно от удара молнии. Когда же прошли через ту дверь подвижник с учениками и Бхунанданой, то увидели за ней множество чудесных, выстроенных из золота и драгоценных камней домов, а в дверях каждого из них могучих стражей, с железными палицами в руках, прикусивших от ярости клыками нижние губы. И тогда все пришедшие с подвижником уселись под одним деревом, а сам подвижник погрузился в глубокое йогическое размышление^[111], отвращающее препятствия, и из-за этого все свирепые стражники скрылись за дверьми, и тотчас же вместо них появились красавицы, наряженные в дивные одежды и богатые украшения, и прислужницы — девы из дайтеев, приблизившись к каждому из пришедших, от имени своей госпожи пригласили войти. Тогда подвижник сказал всем спутникам: «Когда войдете, ни в чем не нарушайте воли своих возлюбленных» — и с несколькими из них вошел в самый лучший дворец. А там соединился он с девой из дайтеев, вкусил с ней высочайшее наслаждение. А каждый из его спутников вошел в отдельный из этих дивных дворцов и изведal до полна счастье любви с дочерьми дайтеев. И раджа Бхунандана тоже был увлечен девой, почтительно склонившейся перед ним, во дворец, выстроенный из наилучших драгоценных камней и окруженный стенами, выложенными драгоценными камнями. В этих стенах отражалась спутница Бхунанданы, и казалось ему, что окружен он целым сонмом служанок. А дворец тот был поставлен на основание из сапфиров, и чудилось, будто и не дворец это, а колесница, мчащаяся по небесной тверди к победе, или щедро украшенный самим Ачьютой дворец

потомков Вришни, в котором по прихоти бога любви веселились хмельные красавицы, с пьянящей нежностью тел которых не мог бы сравниться ни один цветок. Когда вступил в этот дворец Бхунандана, услышал он дивную музыку и увидел прелестную дочь асура, когда-то приснившуюся ему, излучавшую сияние, — словно из-за того, что нет в Патале ни солнца, ни небесного света, велел Праджапати заново создать драгоценные камни и все прочее с помощью ее красоты. Узрев ее несказанную прелесть, от радости заплакал раджа, и слезы словно смывали с его глаз осквернение, причиненное тем, что смотрел он на других женщин, а она, которую звали Кумудини, окруженная, будто зарослью белых лилий, множеством служанок, вившихся вокруг нее, словно пчелы вокруг цветка, тоже испытала необычайную радость, увидев царя. Поднялась она и, взяв его за руки и промолвив: «Измучила я, верно, тебя», с почтением усадила его. Дала она ему омыться, отдохнуть, надеть одежду и украшения и отвела в сад, чтобы угостить хмельным. А там уселась она с ним под деревом на берегу пруда, полного вина, смешанного с жиром трупов, висевших на деревьях, росших по берегам, и кровью, и подала ему чашу, полную этой жидкости, и предложила выпить. Но не взял Бхунандана это отвратительное месиво. «Не будет тебе счастья, если не выпьешь ты этого!» — настаивала красавица. Он же возражал: «Будь что будет, а пить эту гадость не стану!» И тогда швырнула она чашу ему в голову и ушла, а служанки подхватили царя, глаза которого были залеплены всякой дрянью, и бросили в глубокий колодец. И как только бросили его, тотчас же увидел он себя в том самом лесу тиртхи Крамасара, в окружении блиставших снеговыми вершинами гор, словно смеявшихся над ним белым смехом. Огорченный и удивленный, озадаченный и обманутый, подумал он: «Где же сад дочери дайтьи и как я снова попал на гору Крамасару? И что это за диво? То ли мираж мне привиделся? То ли на меня помрачение нашло? Или потому это, наверное, случилось, что не исполнил я сказанного ею? Ведь слышал я, что подвижник сказал, да пренебрег его словами! Да, не следовало мне ругать то питье! Ведь она меня только испытывала. После того как бросила она в меня чашу с ним, ведь разнеслось божественное благоухание. Так вот всегда у нерешительных — даже после великих трудов никакой награды не достается, всегда богиня удачи поворачивается к ним спиной».

Так рассуждал он про себя, а тем временем привлеченные сладостным запахом, исходившим от его тела, слетелись к нему пчелы и начали жалить, а он, готовый уже и умереть, подумал: «Вот ведь напасть! Желанного плода не добыл, так тут тебе нежеланная беда — вот как малодушному с

веталой встречаться!» И до того доняли его пчелы, что он и вовсе решил расстаться с телом. Увидел царя в таком состоянии случайный прохожий, преисполненный сострадания сын мудреца, подбежал и отогнал пчел, а потом спросил у Бхунанданы, что с ним случилось, и стал наставлять его:

«Пока, раджа, ты обладаешь телом, как могут прекратиться страдания? Поэтому мудрые, не обращая на них внимания, всегда устремляются к целям жизни человеческой. Пока ты не уяснил, что Ачьюта, Ишана и Виринчи^[112] есть одно и то же и почитание каждого из них отдельно не приносит пользы, поэтому ты, думая о Брахме, Вишну и Махешваре как о едином и неразделимом божестве, настойчиво продолжай здесь подвиги еще двенадцать лет. Тогда непременно и возлюбленную получишь, и над землей будешь царствовать, и избавления достигнешь. Вот тело твое уже обрело божественный запах, так чтобы пчелы тебя больше не жалили, возьми заговоренную шкуру черной антилопы и закутайся в нее». И с этими словами отдал ему мудрец заговоренную шкуру и ушел, а Бхунандана, молвив: «Так тому и быть!» — укрепился в таком решении и остался жить на той тиртхе, и за двенадцать лет он так порадовал Шиву своими подвигами, что та самая Кумудини сама к нему прибежала, и он с ней отправился в Паталу и долго жил там с ней, как с женой, и вкусил многие наслаждения, и, наконец, достиг конечного избавления.

Вот так все те, кто неколебимо тверд и решителен, достигают своей цели, как бы далека она ни была. Ты же, Шридаршана, непременно будешь счастлив — обладаешь ты добрыми признаками. Так к чему же из-за волнения лишаешь ты себя пищи?»

И когда голодный Шридаршана выслушал ночью в игорном доме рассказанную ему Мукхаракой историю, он так отвечал: «Как ты сказал, так оно и есть! Но как же я, принадлежащий к высокому роду, могу появиться в городе, доведенный до такого состояния игрой в кости? Стыдно мне! Но если не помешаешь ты мне, друг, уйти этой ночью на чужбину, то я поем». Согласился на это Мукхарака, принес ему еды, и Шридаршана поел. А после того как тот поел, отправился Мукхарака из любви к Шридаршане вместе с ним на чужбину.

Когда они так шли, то по какой-то причине пролетали тем же путем, но в поднебесье, отец и мать Шридаршаны, Саудамини и Аттахаса, когда-то оставившие его, увидели сына, обнищавшего из-за игры в кости и устремившегося на чужбину, и, преисполненные любви, обратились к нему с небес, оставаясь незримыми: «О Шридаршана, твоя мать, жена Девадаршаны, зарыла в своих покоях принадлежавшие ей украшения. Пойди за ними и, когда выкопаешь, обязательно уходи в Малаву, где

правит могучий и богатый царь Шрисена. Он когда-то в юности тяжело пострадал от игры в кости и потому устроил обширную обитель для потерпевших неудачу игроков, где получают они и жилье и еду, какую только захотят. Ступай туда, сынок, и да будет тебе благо!»

Услыхав донесшиеся до него с небес такие слова, вернулся Шридаршана в тот дом вместе со своим другом, и выкопал из земли те заветные драгоценности, и, обрадованный, сочтя все это милостью божества, отправился вместе с Мукхаракой в Малаву.

Шли они и ночь, и день, а к вечеру после долгого и трудного пути дошли до деревни Бахухасия и уселись на берегу пруда, недалеко от деревни. Смыли они с себя дорожную пыль, а когда пили воду, пришла за водой небывалой красоты девушка, и была она похожа на Рати, голубой лотос, подпаленный огнем, которым Шива сжег Каму^[113]. Она, посмотрев на Шридаршану взором, исполненным любви, подошла к нему, восхищенно смотревшему, и его другу и спросила: «Откуда вы пришли сюда, достойные, в это злосчастное место? По незнанию, словно мотыльки, попали вы в пылающий огонь!»

Смущенный ее словами Мукхарака спросил девушку: «Кто ты и что значит все тобой сказанное?» И тогда она молвила: «Расскажу я вам коротко, а вы слушайте.

Есть большая и прославленная деревня, называемая Сугхоша, отданная в кормление брахманам, и жил в ней брахман Падмагарбха, до тонкости знавший веды, а у него была жена из высокого рода, по имени Шашикала, и родились у них двое хороших детей — сын, которому дали имя Мукхарака, и дочь Падмиштха — это я. Брат мой Мукхарака еще в детстве был погублен игрой в кости, покинул дом и ушел куда-то на чужбину. С горя умерла моя матушка, а отец, потрясенный двумя несчастьями, покинул дом и, взяв меня, пошел разыскивать сына. Дошли мы в своих скитаниях по воле судьбы до этой деревни, а живет здесь знаменитый вор и главарь шайки разбойников брахман Васубхути. Но брахман он только по имени — когда оказались мы здесь, он со своими подручными схватил моего батюшку и лишил его и жизни, и золота, которое при нем было, а меня отвел к себе в дом и держал взаперти, вознамерясь отдать меня в жены сыну своему Субхути. Да, видно, благодаря добрым делам моим в прежних рождениях все еще не вернулся он с тех пор, как ушел грабить караваны, а что со мной будет, то в руках судьбы. Если разбойник этот увидит вас здесь, то непременно учинит над вами насилие, так что подумайте, как уйти отсюда».

Когда же договорила она эти слова, то Мукхарака вдруг узнал ее,

разрыдался, обнял и проговорил сквозь слезы: «О Падмиштха! Ведь это же я, твой брат Мукхарака, погубитель родных! Увы, сестрица, горе мне, злосчастному!» При его словах охваченная горем Падмиштха узнала его, и, пока они обнимались, оплакивая родителей, Шридаршана успокаивал их и, найдя подходящее время, сказал: «Не время предаваться печали, а нужно сейчас подумать, как спастись, хотя бы и расставшись с тем богатством, что у нас есть». И тогда они, сдержав свое горе, условились о том, что каждый должен делать.

Шридаршана, исхудавший от долгого поста, растянулся на берегу пруда, изобразив больного, Мукхарака сел у него в ногах и горько заплакал, а Падмиштха поспешила к предводителю воров и сообщила ему: «Какой-то путник, ослабевший, лежит на берегу пруда, а с ним еще один, видно, его слуга». Услыхал это вор и послал своих сообщников разведать, что это за люди, а те пришли на берег и, когда увидели двоих, про которых говорила Падмиштха, спросили у Мукхараки: «Кто ты, любезный, и почему так заливаешься слезами?» А он, прикинувшись убитым горем, ответил так: «Это брахман, мой старший брат, пошел по святым местам вместе со мной, да в скитаниях прицепилась к нему хворь, и, добравшись досюда, вовсе он обессилел и попросил меня: «Встань, милый, приготовь мне быстренько ложе из травы дарбхи и приведи из этой деревни какого-нибудь добродетельного брахмана. Отдам я ему все свое достояние, потому что не пережить мне нынешней ночи». Когда договорил он это здесь, на чужбине, уже зашло солнце, и не знал я, глупец, что делать, и стал, убитый горем, плакать и взывать о помощи. Привели бы вы сюда какого-нибудь брахмана, чтобы брат, пока он еще жив, смог бы отдать своей рукой все, что у него есть. Поспешите, не переживет он ночи, а я такого горя переносить не смогу и взойду на костер вместе с ним. Сделайте так, милостивцы, — вы нам, здесь, на чужбине, единственная родня!»

Выслушали воров его речь, прониклись состраданием и, вернувшись к главарю, доложили: «Ступай туда и прими сам в дар то богатство, которое брахман отдает. Следует его принять — само в наши руки валится». На это сказал Васубхути: «Это что еще за порядок? Где это видано, чтобы так нам доставалось богатство, без убийства? Непременно нужно нам его убить, не то беда нам будет, если без убийства заберем мы его богатство». Но возразили злодею воров: «Чего нам бояться? Одно дело грабеж, другое дело — от умирающего дар принять. А если окажутся они утром еще живы, так мы их прикончим. А если не сделаем так, то какой смысл в напрасном убийстве брахмана?» Согласился с ними Васубхути и отправился ночью к Шридаршане, а Шридаршана кое-что из материнских украшений скрыл, а

кое-что отдал и прерывисто при этом дышал и говорил запинаясь, а вор, довольный тем, что получил, ушел со своими сообщниками к себе домой.

Вот все воры уснули, и тогда прибежала Падмиштха к Шридаршане и Мукхараке, и, посоветовавшись втроем, поспешили они в Малавutoй дорогой, на которой разбойники не бывают.

Далеко ушли они в ту ночь и дошли до большого леса, который, ошестинившись колючками, будто дрожал от страха и метался из стороны в сторону, словно глаза пугливых ланей, и высохшие лианы в нем были подобны иссохшим телам, а шорох и скрип ветвей и коры — рыданиям, и от рева тигров, львов и других хищных зверей трепетал он весь. Целый день с трудом пробирались они через этот страшный лес, и наконец, словно сжалившись над ними, умерило солнце свой пыл и зашло. Усталые, голодные и измученные, сели они у корней дерева и вдруг заметили вдалеке огонь.

«Видно, деревня неподалеку. Пойду-ка я туда и посмотрю», — проговорил Шридаршана и пошел на свет, а когда дошел, то увидел дворец, выстроенный из драгоценных камней, — это от него исходило сияние, подобное свету пламени, а во дворце — небесной красоты якшини, окруженную множеством якшей, у которых ступни были повернуты вперед пятками, а оба глаза смотрели в разные стороны. Заметив, что они приносили и уносили разные яства и питье, он, смелый, подошел к якшини и попросил то, что гостю полагается. Довольная его смелостью, дала она ему все, что гость попросил и для себя самого и для спутников, а он взял якшу, которому она приказала все это нести на спине, и отправился к Падмиштхе и Мукхараке. Отпустив якшу, он вместе с ними отведал всяких божественных яств и напился прохладной и чистой воды.

Тогда насытившийся Мукхарака вообразил, что родился Шридаршана от частицы божества и наделен доблестью, силой и богатством, и, желая богатства и себе, обратился он к тому: «Раз ты, видно, от частицы божества рожден, а сестра моя Падмиштха самая красивая в мире девушка, то, думаю, будет достойно отдать ее тебе в жены». С радостью Шридаршана ответил ему: «Мне и самому этого хотелось, а теперь ты и сам предложил, и я этому рад. Как только дойдем мы до места, куда я стремлюсь, так и сделаем все, как положено». И, так друг другу сказав, радостные, провели они там ночь.

Когда же рассвело, отправились они снова в дорогу и со временем добрались до города Малава, в котором царем был Шрисена. Желая отдохнуть — а в дороге они устали, — вошли они в дом какой-то старой брахманки и, после того как разговорились с ней, поведали ей свою

историю, заметив, что озабочена она чем-то, спросили ее о причине. Она же так объяснила им свою печаль: «Имя мое Яшасвати, и я из высокого рода и замужем была за брахманом Сатьявратом, служившим царю. Когда умер мой муж, царь, смилостившись надо мной, поскольку сына у меня не было, назначил выдавать мне четвертую часть тех денег, что муж в жалование получал. А нынче-то, видно, из-за моих недобрых дел, такая беда — хоть и благодетель он всему миру, да этот месяц среди раджей подхватил чахотку злую, с которой его лекари справиться не могут. И никакие заговоры, никакие снадобья не помогают. Только появился здесь один колдун, который так говорил: «Вот если найдется герой, готовый помочь мне завладеть ветадой, тогда истреблю я и болезнь царя». Хоть и объявили об этом под барабан, но такого героя не нашли, и потому царь повелел министрам: «Известно, что устроил я здесь обитель для игроков, и думаю я, что найдется среди них подобный герой. Ведь игрок безрассуден — расстается он и с женой, и с родичами, и с деньгами, не знает страха, ночует под деревом или где придется, подобно йогам». Так раджа наказал министрам, а министры передали это смотрителю обители, и тот согласился и постоянно смотрел, не появится ли такой смельчак среди пришельцев. Оба вы — игроки, и если ты, Шридаршана, сможешь в этом деле помочь, то отведу я тебя в ту обитель сейчас же, и получишь ты от царя награду, а от тебя и мне что-нибудь достанется — уж больно горе-то меня убивает».

Не успела еще и договорить старуха, как Шридаршана уже сказал: «Ладно, смогу я это дело выполнить! Веди меня в обитель для игроков!» И тогда отвела она его вместе с Падмиштхой и Мукхаракой туда и сказала смотрителю: «Вот брахман-игрок, и он, пришедший из другой страны, сможет помочь колдуну ради царского здоровья». Смотритель спросил у Шридаршаны, действительно ли это так, и, когда тот подтвердил все сказанное старухой, с почтением отвел его во дворец. Когда же было объявлено о их приходе, быстро провел он Шридаршану к царю, и Шридаршана увидел того, бледного и исхудавшего, подобно лунному серпу. Посмотрел раджа на него, вошедшего с поклоном, и, довольный его видом, молвил: «Благодаря твоим усилиям обязательно сгинет моя болезнь. Подсказывает мне это уменьшившаяся боль — а уменьшилась она, как только ты вошел. Так будь добр, благородный, помоги мне!» — «Да что это за дело, — отвечал ему Шридаршана, — пустяк!»

Велел тогда царь позвать колдуна и сказал ему: «Вот герой, который тебе поможет. Делай теперь все, как говорил!» Выслушав царскую речь, сказал тот Шридаршане: «Если ты, любезный, способен помочь мне

завладеть ветадой, то с приходом ночи — а сегодня как раз четырнадцатая ночь темной половины месяца — придешь ты на здешнее кладбище и поможешь мне достичь успеха». И с этими словами подвижник, занимавшийся колдовством, ушел, а Шридаршана, поклонившись радже, вернулся в обитель для игроков. Поел он вместе с Падмиштхой и Мукхаракой, а затем взял меч и отправился на кладбище.

Никого не было на кладбище, кроме сонма призраков. Лишь слышалось зловещее завывание шакала, и царящую там глухую тьму нарушали зловещие отсветы погребальных костров. Пробираясь мимо этих ужасов, увидел Шридаршана посреди всего этого колдуна, натертого пеплом от погребальных костров, с брахманским шнуром, свитым из волос, в тюрбане из одежды покойников, в черных одеждах. Приблизился к нему герой и напомнил ему о себе, а затем, затянув пояс потуже, спросил: «Скажи, что для тебя сделать?»

«Пройди отсюда примерно половину коса в сторону заката — стоит там дерево шиншапа, листья которого опалены огнем погребальных костров. Найдешь там у его корней нетронутый труп и принесешь его сюда невредимым» — так наказал ему обрадовавшийся колдун. Согласился Шридаршана, поспешил туда и увидел, что кто-то уносит этот труп. Догнал он незнакомца и попробовал сдернуть у того с плеча тело, а незнакомец не отдает. «Отпусти, отдай — куда это ты моего друга, которого надо предать погребальному огню, тащишь?» — говорит ему Шридаршана. А тот возражает: «Не отпущу! Это мой друг! Ты-то сам кто ему?» А пока они так друг у друга с плеча покойника тащили, покойник, в которого вселился ветада, испустил ужасный рев. Перепугался незнакомец, сердце у него разорвалось, и он тут же умер. А Шридаршана пошел, взвалив на плечо мертвеца. Но тотчас же вскочил умерший незнакомец — вселился в его труп другой ветада — и попытался задержать Шридаршану: «Не смей уходить! Куда ты тащишь моего друга, на плечо взвалив?» Но сказал ему Шридаршана, поняв, что в мертвеца вселился ветада: «Чем докажешь, что он тебе друг? Он мой друг!» — Да он сам скажет, чей он друг», — возразил тот. Согласился Шридаршана: «Что ж, пусть он сам об этом говорит». И тогда лежавший у Шридаршаны на плече труп со вселившимся ветадой произнес: «Я тому друг, кто меня накормит, — кто мой голод утолит, тот мне и друг, тот пусть меня и унесет, куда хочет». И тогда незнакомец, в которого вселился другой ветада, сказал: «Нет у меня для него еды. Попробуй, накорми его ты».

На это ответил Шридаршана: «Накормлю!» — и, для того чтобы насытить сидевшего на его плече ветаду, попытался достать мечом

незнакомца, чтоб его мясом воспользоваться, но тот исчез — и труп, и веталя в нем. Обратился тогда к Шридаршане сидевший у него на плече веталя: «Ну, давай теперь обещанную еду» — и поскольку никакого другого мяса Шридаршана не добыл, он, для того чтобы веталя накормить, отсек мечом от своего тела кусок мяса и дал ему.

Обрадовался веталя и сказал: «Доволен я тобой, великодушественный, и тело твоё будет невредимым, как ни в чём не бывало. Неси теперь меня — должен ты преуспеть в делах, а этот колдун-подвижник труслив и потому погибнет». Только лишь вымолвил покойник такие слова, как тело Шридаршана стало и впрямь невредимым, и он донес веталя до подвижника и отдал тому. А тот обрадовался и почтил веталя умощениями, кровью и гирляндами из кишок, затем поместил веталя, положив его на спину, в зачарованный круг, очерченный пеплом из пережженных человеческих костей, а по сторонам поставил чаши, наполненные кровью, и светильники, заправленные человеческим жиром, а после этого сел ему на грудь и, взяв в руки ложку, сделанную из человеческой кости, стал вливать в рот растопленное масло. Тотчас же изо рта веталя вырвался столб пламени, и колдун с перепугу вскочил и, уронив ту ложку, кинулся бежать, но веталя раскрыл пасть и проглотил его целиком с руками и ногами.

Видя случившееся, вскинул Шридаршана меч над собой и кинулся на веталя, а тот ему и говорит: «О Шридаршана, обрадовал ты меня своей стойкостью. Поэтому возьми горчичные зерна, которые я сейчас выплуну, приложи их к голове и рукам царя, и навсегда будет он избавлен от чахотки, а что до тебя, то ты в скором времени станешь повелителем всей земли». Услыхав такую речь, возразил на неё Шридаршана: «Как же пойду-то я туда без колдуна? Ведь решит царь: «Этот из корысти подвижника убил!» Ответил Шридаршане веталя на это так: «Скажу я тебе способ, как оправдаться: ты вспорешь живот трупа, в котором я нахожусь, и покажешь его мертвого, проглоченного мной». И, вымолвив это и выплюнув горчичные зерна, куда-то исчез веталя, покинув труп, и от этого труп снова свалился на землю. Собрал горчичные зерна Шридаршана и ушел с кладбища. Провел он ночь там, где с другом жил, а как только рассвело, поспешил к царю и поведал ему обо всем, что ночью случилось, и провел министров к тому трупу, вспорол его и показал, что там колдун проглоченный находится. Потом он приложил горчичные семена к голове и рукам царским, и от этого без остатка исчезла болезнь царя. Обрадовался царь, и, поскольку детей у него не было, усыновил Шрисена своего спасителя Шридаршану и объявил героя своим наследником. На хорошем поле посеянное доброе семя приносит и добрый плод!

И тогда достойный Шридаршана взял в жены Падмиштху, которая подобно Шри, богине счастья, сопровождала его в благодарность за прежние служение, когда герой еще был игроком, и вкусил великое счастье, и жил с ними Мукхарака, помогавший Шридаршане в управлении земель.

Однажды богатый купец Упендрашакти нашел на берегу океана изображение Винайки, сделанное из драгоценных камней, и преподнес Шридаршане, а ювараджа, видя, что нет ему цены, из преданности слогоголовому богу с большой торжественностью водрузил его в особом храме, а для поддержания храма назначил навечно тысячу деревень. Устроил он большое торжество, когда вывозили это изображение на колеснице, и собиралось на торжество множество людей.

Обрадованный плясками, музыкой и пением в его честь, повелел ганам их предводитель: «По моему желанию станет Шридаршана верховным правителем всей земли. А еще — есть на земле, на западном океане, остров Хансавипа, и правит на том острове царь по имени Анангодая, и есть у него дочь по имени Анангаманджари, истинное украшение женского рода. Предана она мне и всегда обращается ко мне с мольбой: «Дай мне, повелитель, в супруги верховного правителя всей земли». Так назначаю я теперь ей в мужа Шридаршану, и да будет это им наградой за преданность мне. Поэтому отнесите туда Шридаршану и, устроив так, чтобы они увидели друг друга, немедленно верните его сюда. Со временем они непременно соединятся — но пока еще не время. Уж так предназначено! Вот как бы мне придумать какой-нибудь способ, чтобы отблагодарить еще и купца Упендрашакти, нашедшего мое изображение!»

И тогда же во мраке ночи, повинаясь воле властителя, взяли ганы спящего Шридаршану и унесли на остров Хансавипа, а там проникли в покои Анангаманджари и положили его на ложе рядом с царевной. Тотчас же проснулся он, и взор его упал на Анангаманджари, а облик ее был столь же сладостен, как облик осенней луны, покоящейся на плывущем по небу облаке, прекрасный в сиянии звезд и созвездий. Раскинулась Анангаманджари на ложе, убранном белым шелком, и источала сияние, словно амриту нежности, а ложе стояло в богатом покое, пол которого сверкал темным камнем раджаварта^[114], и светильники, сделанные из драгоценных камней, многократно отражались в бесценных самоцветах, украшавших ложа, сиденья и все прочее, что там было. Обрадованный, удивленный и смятенный, подумал он в то мгновение: «Сплю я или вижу все это наяву? И что это значит? И кто эта спящая красавица? Право же, это сон! Но пусть он не кончается, такой дивный сон! Сейчас я разбужу ее

и увижу, кто же она!» И с такими мыслями он осторожно коснулся рукой плеча Анангаманджари, и от того прикосновения проснулась она, словно белый лотос от скользнувшего по нему лунного света, и, в полудреме еще, дрогнули ее глаза, точно пчелы внутри цветка лотоса, и подумала она: «Кто этот божественной красоты муж? Ведь трудно сюда войти, а он проник. Наверное, какой-нибудь бог?!» И, поднявшись, спросила, одолеваемая стыдливостью и исполненная почтительности: «Скажи мне, кто ты и откуда и каким образом проник сюда?» А когда Шридаршана ответил и, в свою очередь, спросил ее, сказала она ему, в какой стране они и какому роду она принадлежит, и назвала свое имя. И тогда бросила их друг к другу в объятия любовь, но они все еще сомневались, не во сне ли все это происходит, и для верности решили обменяться украшениями, а тогда сочетаться браком по обычаю гандхарвов. Но тут ганы зачаровали их и повергли в глубокий сон, а Шридаршану снова доставили в его собственную опочивальню, так и не дав ему осуществить желаемое.

Когда же прошел сон, обнаружил Шридаршана, что он уже у себя дома, а увидев на себе женские украшения, подумал: «Что бы это значило? Куда делась дочь царя острова Хансавипа? Где те дивные покои? Как я снова здесь очутился? Нет, это не был сон — иначе откуда бы взяться этим украшениям? Видно, все это прихоти судьбы». Вот так размышлял он, пока не проснулась Падмиштха, — расспросила она его и успокоила, и он провел с ней ту ночь.

Поутру же Шридаршана, появившись перед царем Шрисеной в женских украшениях, клейменных именем Анангаманджари, все тому поведал, а тот любил его и хотел ему помочь, но, хоть и объявляли под барабан о награде тому, кто укажет дорогу на Хансавипу, никто почему-то на этот призыв не отзывался. И тогда Шридаршана, разлученный с Анангаманджари, беспощадно палимый страстью, отвернулся от всех радостей жизни и все глядел на ожерелье, украшавшее возлюбленную, и потерял сон, потому что тосковал о лотосе ее лица.

Тем временем на далеком острове Хансавипа, когда настало после той ночи утро, под звуки музыки проснулась царица Анангаманджари. Припомнив, что произошло в ту ночь, заметила она на себе украшения, надетые Шридаршаной, и от воспоминаний затосковала. «Эти украшения, подаренные мне далеким возлюбленным, разрушают мысль об обмане сна, и они же заставляют сомневаться в том, что я жива!»

Так предавалась она размышлениям, наряженная в мужские украшения, когда ее отец, царь Анангода, преисполненный любви к дочери, вошел неожиданно в ее покои. Она застыдилась своей наготы, а он,

посадив дочь к себе на колени, спросил: «Что значат эти украшения, уместные на мужчине, и чего ты стыдишься? Скажи мне! Ведь вся жизнь моя в тебе — не обижай меня недоверием!»

Такими ласковыми увещеваниями он постепенно удалил ее стыд, и она призналась царю во всем, что случилось.

Счел ее отец все это делами нечеловеческими, каким-то божественным наваждением и, не зная, что делать, пошел тогда к любимому своему мудрому йогу Брахмасоме, родившемуся в этой же стране и исполнявшему великий обет, и спросил его, что все это значило, а тот, познав истину силой мысли, объяснил царю: «Принесли ганы из Малавы сюда царя Шридаршану к твоей дочери по велению повелителя ганов — был он обрадован и твоей дочери к нему преданностью, и преданностью Шридаршаны, которому предназначил царствовать над всей землей, и будет этот царевич достойным супругом твоей дочери». Но когда сообщил это мудрец, возразил ему, почтительно склонившись, царь Анангодая: «Где Малава и где наш великий остров Хансавипа? Труден и долг туда путь, а дело не терпит промедления, и в таких случаях ты — мое единственное прибежище».

А подвижник, благосклонный к преданным ему, промолвив: «Ступай, я все устрою», исчез и в тот же миг оказался в Малаве, главном городе царя Шрисены. Там отправился он в сооруженный Шридаршаной храм Ганеши и восхвалил слоноликого бога так: «Слава тебе, воплощению счастья, тебе, подобному вершине горы Меру, тебе, вокруг головы которого вращаются сонмы светил. Слава хоботу твоему, разгоняющему тучи, взметнувшегося вверх в восторге танца, подобному колонне, на которой покоятся все три мира. Тебе, залог всех успехов, сокрушитель препятствий, тебе, чье тело оплетено змеями, тебе, чей живот подобен горшку, слава!» Пока подвижник возносил хвалу Ганеше, прибежал к храму сын того самого купца Упендрашаки, который нашел изображение Ганеши. Обуреваемый безумием непокорный Махендрашаки — так звали сына купца Упендрашаки — случайно забежал в храм Ганеши и кинулся на подвижника, а тот ударил его рукой, и от этого удара заговоренной руки тотчас же избавился сын купца от безумия и обрел вполне здравый ум. И поскольку, будучи прежде безумным, ходил он совершенно обнаженным, то испытал великий стыд и, прикрываясь рукой, поспешил домой. Тотчас же узнав от людей о случившемся, вышел ему навстречу отец, исполненный радости. Отвел он сына домой, а там, заставив совершить омовение, нарядил его в хорошие одежды и затем вместе с ним поспешил к подвижнику Брахмасоме и принес возвратившему его сыну жизнь и разум

много денег, но тот, обладатель божественной волшебной силы, ничего не взял.

А тем временем дошла весть о происшедшем и до самого царя Шрисены, и он из почтения к подвижнику пришел к нему сам в сопровождении Шридаршаны и, склонившись перед подвижником и воздав ему хвалу, сказал: «Облагодетельствовал ты купца, вернув его сыну здравый ум. Сделай и для меня доброе дело — пусть сын мой Шридаршана снова станет здоров!» Когда с такой просьбой царь к нему обратился, рассмеялся подвижник: «Зачем, царь, буду заботиться я об этом воре, который за одну ночь украл у царицы Анангаманджари и сердце и драгоценности и успел вернуться сюда с острова Хансавипы? Но все равно, сделаю я то, что ты просишь!» И, сказав это, взял он Шридаршану и исчез вместе с ним.

Достигнув же Хансавипы, привел подвижник Шридаршану, наряженного в украшения Анангаманджари, к ее отцу, а раджа Анангода приветствовал Шридаршану, но, радостный, прежде всего поклонился в ноги подвижнику. Затем, назначив благоприятный день, отдал раджа в жены Шридаршане дочь свою Анангаманджари, подобную земле, хранительнице богатств, усыпанной драгоценными камнями, а после свадьбы отправил зятя с дочерью благодаря волшебству того подвижника в Малаву.

Прилетел туда Шридаршана, и приветствовал его раджа. Счастливым стал жить с обеими женами наследник престола, а со временем, когда царь Шрисена ушел в другой мир, досталось Шридаршане все царство, а потом герой завоевал и весь мир. Когда же стал он верховным повелителем земли, родилось у обеих его жен — и у Падмиштхи, и у Анангаманджари — по сыну. Одному царь дал имя Падмасена, а другому Анангасена, и растил он их, пока не стали они взрослыми.

Сколько-то времени прошло, но вот однажды, когда царь с обеими царицами находился во дворце, услышал он доносящийся снаружи плач брахмана, велел он привести дваждырожденного и спросил, по какой причине тот плачет. Он же, явно взволнованный, в ответ на это молвил: «Мой алтарь, на котором горел огонь Дипташикха, и с сиянием и с дымом погублен издавшим дикий хохот черным облаком несчастья» ^[115]. И только произнес он эти слова, как тотчас же исчез, словно его и не было. «Что это такое он сказал и куда исчез?» — пока с удивлением расспрашивал Шридаршану, обе его царицы неожиданно залились слезами, застонали и тут же умерли. При этом зрелище, поразившем его, как жестокий удар грома, воскликнул царь: «О! Что это?! Что это?!» — и в жестоких

рыданиях рухнул на землю. Подхватили его приближенные и унесли, а Мукхарака распорядился, чтоб устроили для обеих цариц погребальный костер. Когда пришел царь в чувство, то только из беспредельной любви к ним велел предать их тела огню и совершить прочие погребальные церемонии. Проведя день в ливне неудержимых слез, поделил царь всю землю между двумя сыновьями, а потом вышел из города и, отправив подданных, что пошли было за ним, обратно в город, ушел в лес совершать подвиги, ибо решил отречься от мира. Питаясь плодами лесными и кореньями, скитался он в лесу и в скитаниях своих пришел однажды к развесистому дереву ньягродха. Вышли из-за этого дерева навстречу ему две девы божественной красоты с плодами и кореньями в руках и обратились к нему со словами: «Прими, раджа, сегодня от нас эти плоды и коренья». А он спросил: «Скажите мне, кто вы?» И они сказали тогда: «Вот дом наш, войди в него, и мы расскажем обо всем, что было». Согласился Шридаршана, и пошел вместе с ними, и, когда вошел он в дерево, увидел внутри целый золотой дворец. Отдохнул он в нем, вкусил божественно вкусных плодов, и тогда сказали ему те две женщины: «Теперь слушай, царь!

Жил некогда в Пратиштхане брахман по имени Камалагарбха, и было у него две жены — одну звали Патхья, а другую Абала. Со временем состарились и муж, и жены, и, достигнув преклонного возраста, решили все вместе, любящие друг друга, вступить на погребальный костер и, уже стоя перед ним, воззвали к небу с мольбой: «Да будем мы все трое неразлучны во всех грядущих рождениях, господи!»

Тогда благодаря своим жестоким подвигам вновь родился Камалагарбха в роду якшей, и стал он сыном якши Прадиптакши, и нарекли его Дипташикхой, и был он младшим братом Аттахасы, а обе жены, Патхья и Абала, родились дочерьми повелителя якшей Дхумакету, и одной из них было дано имя Джьотирлекха, а другой — Дхумалекха. Со временем достигли сестры поры юности и в жажде обрести мужа отправились в лес и там жестокими подвигами возрадовали Хару. Довольный бог явился перед ними и повелел: «Раз вы вместе вступили на погребальный костер в прошлом рождении, то и во всех будущих рождениях будете супругами Дипташикхи, младшего брата якши Аттахасы, — из-за проклятия, обрушенного на него его повелителем, родился он среди смертных, и потому вам обоим следует отправиться в мир смертных и быть ему супругами там до той поры, пока не истощит проклятие силу, а тогда вы все снова станете якшами». Так велел супруг Гаури обоим юным якшини, и поэтому родились они на земле в образе

Падмиштхи и Анангаманджари, стали женами Шридаршаны и долго и счастливо с ним жили. Но однажды, приняв облик брахмана, пришел к ним Аттахаса и в речи, имевшей скрытый смысл, напомнил о воле бога и произнес имена, носительницы которых покинули человеческие тела и обратились снова в якшини. Знай, что они — это мы, а ты, достойный, и есть якша Дипташикха».

И когда кончили они говорить, вспомнил Шридаршана прежнее рождение и тотчас же осознал, что, истинно, он и есть якша Дипташикха, и снова обрел обеих своих жен: Патхью и Абалу.

Узнай же, Вичитракатха, что я и есть тот самый якша, а это две мои любимые жены — Джьотирлекха и Дхумалекха. Так что и существам божественного происхождения приходится изведать и счастье, и горе, — что уж тут говорить о людях! Скоро вы, сынок, все встретитесь, и потому не тревожься о своем господине Мриганкадатте. А я пока побуду здесь и буду принимать тебя, как гостя, потому что здесь — мой земной дом. Сам я и посмотрю, чтобы исполнилось твое желание, а потом уж пойду к себе на Кайласу».

Поведав свою историю, какое-то время якша мне служил, а узнав этой ночью, что вы сюда пришли, он, благожелательный, принес меня спящего к вам и положил среди вас спящих же, и уж тогда вы меня увидали, а я вас. Вот и все, божественный, о том, что было со мной после того, как были мы разлучены».

Так в ту ночь выслушал занимательнейшую историю Мриганкадатта от своего министра Вичитракатхи и убедился в том, что не зря тот носит это имя, означающее, что мастер он рассказывать увлекательные истории. А вместе с Мриганкадаттой и все министры наслаждались рассказом Вичитракатхи.

Проведя ночь на опушке леса, Мриганкадатта, сопровождаемый уже найденными друзьями и надеющийся разыскать остальных, потерянных из-за проклятия нага, снова устремился к Удджайини, где мечтал обрести Шашанкавати — этому были отданы все его помыслы.

Волна седьмая

Пошел Мриганкадатта с четырьмя нашедшимися министрами — а пятым был присоединившийся к ним Шрутадхи — по Виндхийским дебрям, и со временем дошли они до рощи, где росли отягощенные плодами и дающие густую тень деревья, а среди них было озеро, полное вкусной и прохладной воды. Искупался царевич со всеми своими министрами и отведал разных плодов, как вдруг почудилось ему, что доносится из-за лиан разговор. Подошел он, заглянул за лианы и увидел там громадного слона, прислуживавшего уставшему в дороге слепцу — поливал он того из хобота водой, подносил ему плоды, и оведал непрестанно движущимися ушами, и притом, подобно доброму человеку, спрашивал человеческим голосом: «Хорошо ли тебе, почтенный? Не нужно ли чего-нибудь, почтенный?»

Видя это, удивленно молвил царевич спутникам: «Смотрите-ка, слон, тварь лесная, а ведет себя, как человек! По какой бы это причине и почему оказался он здесь? А человек очень напоминает мне друга моего Прачандашакти. Но почему он слеп? Посмотрим!» И, так сказав друзьям, остался Мриганкадатта стоять незамеченным и слушал, а слон в это время спросил слепого, пришедшего в себя: «Кто ты, и каким образом попал сюда и как случилось, что ослеп?»

И тогда слепец ответил лучшему из слонов: «Живет на этой земле царь Амарадатта, правящий в городе Айодхья, а у него есть сын по имени Мриганкадатта, наделенный совершеннейшими добродетелями, а я — слуга Мриганкадатты, а назвали меня, счастливого своим рождением, Прачандашакти. По какой-то причине изгнал Амарадатта царевича вместе с нами, десятью его друзьями. Когда пошли мы все в Удджайини за суженой Мриганкадатты, красавицей Шашанкавати, из-за проклятия нага оказались все разлучены. Вот я из-за этого проклятия и ослеп и в скитаниях своих дошел досюда, и не мог я ни сорвать плод, ни вырыть корень, ни найти воды, и стала самой желанной для меня смерть от падения в пропасть или по какой-нибудь другой причине. Но не дал мне творец избавиться от мучений, а дал прийти сегодня сюда, где по твоей милости и голод я утолил, и облегчил свое горе, и надеюсь я, что так же исчезнет и слепота моя — ведь ты же божество!»

Когда договорил такие слова слепец, Мриганкадатта, преисполненный и горя, и радости, уверился в своей догадке и прошептал министрам: «Это

и в самом деле Прачандашаки, пришедший в такое печальное состояние. Но не следует нам спешить встретиться с ним. Наверное, этот слон избавит его от слепоты, но если слон заметит нас, то сразу же исчезнет». И остался царевич со своими спутниками стоять там же, где и был, и стал слушать, а Прачандашаки между тем обратился к слону: «Расскажи мне теперь о себе, великодушный, — поведай, кто ты? И как это случилось, что ты, будучи слоном, наделен человеческой речью, но лишен присущего слонам безумия?»

Вздохнул, услышав его вопрос, царственный слон и сказал: «Слушай, поведаю я тебе, что случилось со мной с самого начала, расскажу я

о распре царевича Бхимабхаты и царевича Самарабхаты

Правил в городе Экалавья царь Шрутадхара, и было у него два сына от двух жен. Когда царь вознесся на небо, младший брат, Сатьядхара, сверг с престола и изгнал из царства старшего брата, по имени Шиладхара. Исполненный гнева Шиладхара ушел, и стал поклоняться Шанкаре, и, обрадовав его подвигами, попросил у него в награду: «Обрати меня, повелитель, в гандхарву, свободно движущегося в небесах, чтобы смог я погубить за нестерпимое поношение родича моего Сатьядхару!» Услышал мольбу его Шамбху и так изрек: «Пожалую я тебе этот дар, но зачем он тебе — ведь сегодня сам умер недруг твой. Родится он теперь в городе Радхе любимым сыном царя Уграбхаты, и назовут его Самарабхатой, а ты будешь сыном того же царя, только от другой жены, и имя твое будет Бхимабхата. Убьешь ты Самарабхату и станешь править страной. Но раз ты подвиги во славу мою совершал, охваченный гневом, то за это проклянет тебя мудрец, и лишишься ты теперешнего облика, и станешь диким слоном, но будешь помнить о прежних рождениях и сохранишь способность человеческой речи. Когда же ты утетишь гостя, попавшего в беду, и поведаешь ему, что с тобой случилось, тогда избавишься от слоновьего обличья и станешь гандхарвой, и твоему гостю от этого будет великое благо».

Произнеся это, исчез Бхарга^[116], а Шиладхара, видя, что тело его истощено подвижничеством, бросился в Гангу.

А в это время к тому царю Уграбхате, о котором уже упоминалось, счастливо жившему в городе Радхе с супругой, которую звали Манорама,

вполне достойной его, пришел из другой страны актер Ласака. Показал он царю представление о том, как Хари, прикинувшись женщиной, похитил у дайтьев амриту. Во время представления заметил царь дочь Ласаки, имя которой было Ласьявати, исполнявшую роль Амритики, и, когда увидели царские очи ее красоту, подобную самой амрите, погубившей данавов^[117], одолела Уграбхату страсть. Когда окончилось представление, царь щедро наградил деньгами Ласаку, а его дочь поместил к себе в антахпур и устроил свадьбу, и взгляды его были прикованы к лицу Ласьявати.

Однажды обратился он к пурохите, имя которого было Яджухсвамин, великому совершителю жертвоприношений, с такими словами: «Нет у меня сына. Соверши такую жертву, чтобы родился от меня сын!» И тогда пурохита молвил в ответ: «Так тому и быть!» — и вместе с брахманами, знающими правила совершения жертв, устроил жертвоприношение ради выполнения царского желания. Разделив рис, освященный чтением мантр, на две части, первую отдал он, ранее ею облагодетельствованный, старшей из цариц, Манораме, а оставшуюся отдал Ласьявати. После этого зачали обе царицы тех самых Шиладхару и Сатьядхару, о которых я уже говорил.

Наступило положенное время, и родила царица Манорама сына, наделенного добрыми приметами, и как раз в это время явственно прозвучал голос с небес: «Прославится этот младенец, как царь Бхимабхата». А на другой день родила сына Ласьявати, и царь нарек его Самарабхатой. Были тогда совершены над младенцами все должные обряды, и стали они расти. Старший из них, Бхимабхата, превзошел добродетелями младшего, и вместе с соперничеством стала расти их взаимная вражда.

Однажды, когда упражнялись они в рукопашной борьбе, с ненавистью ударил Самарабхата брата рукой по горлу, а Бхимабхата, пришедший в ярость, схватил его обеими руками, поднял его и швырнул на землю. И тогда слуги Самарабхаты подняли своего господина, израненного и истекающего кровью, и отнесли к матери. А та, видя сына в таком состоянии и узнав, что случилось, охваченная любовью и состраданием, прижалась своим лицом к его лицу и горько зарыдала. В это время вошел раджа и, встревожившись при виде этого, спросил: «Что это?» И Ласьявати воскликнула сквозь рыдания: «Вот в какое состояние привел Бхимабхата моего сына! Всегда так случается, но я тебе, царь, ничего не говорила. Не знаю, как может благо тебе быть, царь, при таком сыне, но тебе самому об этом судить!» И когда услышал Уграбхата это от любимой жены, пришел в гнев, удалил от себя Бхимабхату, и назначил при этом в охрану Самарабхате сто раджпутов, и отдал ему, младшему, всю свою казну, а

Бхимабхату и вовсе лишил всего.

Тогда призвала Бхимабхату к себе его мать Манорама и сказала так: «Отверг тебя отец, потому что охвачен он страстью к танцовщице. Поэтому отправляйся-ка ты к деду своему, моему отцу, в Паталипутру — у него нет сыновей, и отдаст он тебе свое царство, не то убьет тебя здесь Самарабхата, твой могущественный враг». Выслушав то, что мать ему сказала, Бхимабхата ответил ей: «Я, матушка, кшатрий, и не подобает мне, подобно трусливому евнуху, бежать из своей страны. Успокойся, какой подлец посмеет меня убить?» Возразила она ему: «Пусть так, но вот тебе деньги мои, и найми себе в охрану людей верных».

«Не годится мне, матушка, так поступать. Подумают тогда, что я и воистину против отца зло умышляю. А твое благословение окружает меня счастьем». И, утешив такими словами мать, ушел Бхимабхата.

Дошло все это до горожан, и стали все они думать так: «Недостойно поступил царь с Бхимабхатой и не годится, чтобы его законное царство похитил Самарабхата. Вот время для нас пришло отблагодарить Бхимабхату за прежние услуги». Так решив, тайком собрали горожане столько денег, что безбедно жил Бхимабхата со своими слугами. Младший же брат все время был занят мыслями, как бы убить Бхимабхату, считая, что ради этого окружил его отец такой обширной свитой.

Однажды пришел к Самарабхате брахман Шанкхадатта, молодой и богатый, обоим царевичам друг, и сказал ему: «Не годится враждовать тебе с братом, не в этом дхарма твоя. Если убьешь его, достанется тебе великий позор». Но тот накинулся на него с ругательствами и бранью — разве добрым советом умеришь гнев глупца? И возмущенный его гневом Шанкхадатта сделал своим единственным другом Бхимабхату, надеясь отплатить Самарабхате.

В ту пору прибыл туда из другой страны богатый купец по имени Манидатта и привел с собой коня, истинную драгоценность среди коней. Был тот конь бел, как луна, а звонкое ржание его напоминало чистый звук раковин или боевых труб, и казалось, будто вынесло его волнами из глубин молочного океана. Курчавилась грива его, и был он богато украшен чепраком и всем конским убором, и на голове у него сверкал драгоценный волшебный камень — и все это происходило оттого, что родился он в роду гандхарвов. Когда рассказал Шанкхадатта об этом дивном коне Бхимабхате, поспешил тот и купил этого лучшего из коней у лучшего из купцов. Тогда же узнал об этом и Самарабхата, и поспешил на торг, и попытался перекупить коня, предложив за него вдвое больше, но купец на это не согласился, так как был уже продан конь другому, и попробовал

тогда завистливый Самарабхата силой увести коня.

Из-за этого началась между царевичами схватка, и сбежались отовсюду их слуги с мечами в руках, и Самарабхата бросил коня и со всеми своими слугами, побитыми яростной рукой Бхимабхаты, в страхе пустился наутек. Догнал его Шанкхадатта, переполненный гневом, схватил за волосы и готов был уже убить, но догнал их Бхимабхата и предотвратил убийство: «Пусть живет пока — не то батюшке будет печаль!» Отпустил Шанкхадатта Самарабхату, и тот, покрытый ранами и весь в крови, прибежал к отцу.

Не успел еще Бхимабхата отвести своего коня, как пришел к нему какой-то брахман и, отведя в уединенное место, стал говорить: «Вот что сообщают тебе матушка твоя Манорама, пурохита Яджухсвамин и Сумати, министр твоего отца: «Знаешь ты, сынок, как отец против тебя настроен и даже считает врагом. Поэтому, если защищаешь ты себя, дхарму и славу, если думаешь ты о будущем, если считаешь, что мы тебе добра желаем, то, как только зайдет солнце, постарайся скрыться незамеченным, а как выберешься отсюда, то немедленно ступай в дом отца твоей матери». Так они велели мне передать тебе это, и еще прими из моей руки посланную ими сумку, наполненную драгоценными камнями и золотыми монетами». И тогда Бхимабхата согласился и сказал: «Так тому и быть!» — и принял из рук брахмана сумку, полную драгоценных камней и золотых монет, и передал матери и друзьям подобающее послание. Отпустив брахмана, Бхимабхата, с мечом в руке, вскочил на коня, и на другого коня вскочил Шанкхадатта, и отправились они вдвоем в путь.

Долго скакали в ночной тьме царевич и его друг и наконец добрались до густых зарослей тростника. Стали они пробираться через него. Но шорохом и хрустом стеблей тростника под копытами коней были разбужены лев и львица со львятами, и набросились на коней, и распороли когтями своими их брюха, и задрали коней. В тот же миг царевич со своим другом мечами изрубили тех львов на части, а когда посмотрели они на коней, то увидели, что все кончено, ибо кишки у тех вывалились на землю. Загоревал при виде этого Бхимабхата и обратился к Шанкхадатте: «С великими усилиями, друг мой, спаслись мы от злобного родича, но, скажи, ценой каких усилий можем спастись от судьбы, настигшей нас здесь и не пощадившей коней?! Тот самый конь, из-за которого пришлось мне покинуть родину, погиб. Как же мы пешие проберемся ночью через эти заросли?»

Возразил ему на это Шанкхадатта: «Что ж нового в том, что злая судьба одолевает мужество? Победить ее можно только стойкостью —

ничего не может она сделать стойкому, так же как и ветер — горе! Так оседлаем же коней стойкости— и в путь!» И отправился Бхимабхата с Шанкхадаттой снова в дорогу, и, пока они, круша ногами тростник, малопомалу продвигались сквозь пего, ночь истощилась, и рассвело, и взошел светильник мира, разогнавший мрак ночи, и пчелы загудели над лотосами, и сквозь сладостное гудение пчел словно слышались голоса цветов, которые, будто раскрыв под солнцем лица, смотрели друг на друга и шептали: «Какое счастье, что кончились эти ужасные заросли, полные львов и других хищных зверей!»

Долго ли, коротко ли, а вышли они на песчаный берег Ганги, дочери Джахну^[118], усеянный хижинами отшельников, и Бхимабхата омылся в ее прохладных и сладостных водах, словно напоенных амритой лучей полумесяца, с которым соприкоснулась она, ниспадая на голову Шарвы^[119], и напился, и отдохнул, а затем подкрепился мясом газели, которое принес Шанкхадатта, купивший его у какого-то встреченного на дороге охотника. Видя, что полноводна Ганга, и невозможно через нее переправиться, и вскидывает она непрестанно волны-руки, словно предостерегая его, стал он бродить по берегу и увидел в безлюдном месте юного брахмана, сидевшего в хижине и погружившегося в молитвы. Приблизился к нему Бхимабхата и спросил: «Кто ты и что делаешь в этом безлюдье?» А тот на это ответил ему: «Я — сын дваждырожденного, имя мое Нилакантха, и родом я из Варанаси. Мой отец, а имя его было Шрикантха, совершил надо мной все полагающиеся обряды и отправил меня к наставнику учиться, а когда кончилось учение мое, вернулся я домой, и случилось так, что все мои родные умерли. Остался я и нищ, и гол, и некому было обо мне позаботиться, и было мне невозможно стать в доме хозяином. В отчаянии я пришел сюда и стал предаваться подвигам, и тогда явилась мне во сне божественная Ганга, дала плоды и молвила: «Ешь эти плоды и оставайся здесь, пока не достигнешь желаемого». Проснулся я при этих словах и, когда ночь была уже на исходе, пошел и омылся, и волны Ганги вынесли к ногам моим плоды. Отнес я их к себе в хижину и съел, и вкус их был подобен амрите. Вот с той поры живу я здесь, и каждый день приносят мне волны такие же плоды».

После того как юный брахман закончил свой рассказ, Бхимабхата сказал Шанкхадатте: «Дам я этому добродетельному денег, чтобы мог он стать домохозяином!» Тот одобрил достойную речь, а царевич дал юному брахману сумку с деньгами, полученную от матери. И правда, что за смысл в величии тех, кто богат и доблестью, и сокровищами, если, слыша о беде

другого, не истратят они ни доблести, ни богатства, чтобы помочь ему?!

Оказав таким образом брахману помощь, стал Бхимабхата искать способ переправиться через реку, а когда не нашел, то, связав меч и украшения свои, положил их на голову и вошел вместе с Шанкхадаттой в реку, чтобы переплыть ее. На середине реки ударом волны отбросило его от друга, но кое-как вынесли волны Бхимабхату на берег. Выйдя на сушу, не нашел он Шанкхадатту и стал бегать по берегу, разыскивая того, пока не зашло солнце. В отчаянии, убитый горем, он рыдал, восклицая: «О друг мой!» И когда спустилась ночь, собрался утопиться в Ганге: «Похитила ты, божественная Джакхави, друга, саму мою жизнь! Возьми ты теперь мое пустое тело!»

И при этих словах хотел он уже броситься в воды Ганги, как вдруг явилась перед ним из вод она сама и, обрадованная его решимостью, произнесла: «Не торопись, сын мой, жив твой друг, и пройдет немного времени, как встретишься ты с ним, а сейчас прими волшебное заклинание, которое называется «пратиломанулома». Человек, который прочтет анулому, будет невидим для других, а тот, кто произнесет пратилому, может принимать по желанию любой облик. Такой силой обладает это заклинание, состоящее всего лишь из семи слогов, что благодаря ему будешь ты править всей землей». Сообщила она Бхимабхате заклинание и исчезла. А он, избавленный от смерти и словно заново родившийся, обрадовался и тому, что снова сможет найти друга, и всему прочему и, жаждущий встретиться с другом, в нетерпении, как цветок лотоса, стал ожидать, когда минует ночь, и, как только рассвело, снова отправился на поиски.

Один-одинешенек, скитаясь повсюду в поисках Шанкхадатты, дошел он однажды до страны Лата, где хоть касты и не смешивались, а народ жил интересно и весело. Была та страна приютом искусств, не ведала она даже и самого слова «прегрешение». Ходил он по ее столице, дивился на дома горожан и на храмы, пока не дошел до одного игорного дома. Вошел он и увидел там множество игроков, занятых игрой в кости, — у многих из них лишь стыд был прикрыт обрывками тряпок, но члены тела были и нежны, и округлы и не свидетельствовали об отказе от наслаждений, и это указывало, что все они высокого происхождения, потому что обратились к искусству игры в кости ради достижения богатства. Потолковав с ними, начал и Бхимабхата играть, и хоть они и замышляли: «Вот мы сейчас его со всеми украшениями и слопаем!», но обыграл он их в кости и забрал у плутов все, что они только у других выиграли. Собрались было обыгранные игроки разойтись по домам, но остановил их Бхимабхата,

загородив рукой двери, и обратился к ним: «Куда вы уходите? Возьмите все это богатство — зачем мне оно? Следует раздать его друзьям, но разве вы не друзья мне? Откуда взять мне таких дорогих друзей, как вы?» Но хоть он и уговаривал их, они из стыда не брали у него выигранного.

И сказал тогда один игрок по имени Акшакшапанак: «Выиграно — унесено! Вот что значат сами слова «игра в кости». Но если по своей воле он, будучи нашим другом, раздает выигранное, так почему бы нам не взять?» На это другие игроки отвечали: «Если вечно он с нами будет дружить, то почему бы не согласиться нам принять от него деньги?» И он на это согласился, ибо увидел, что это достойные мужи, и решил вести с ними дружбу. Раздал им деньги Бхимабхата и по их просьбе пошел с ними и с их близкими в сад, и там угощались они принесенными с собой яствами и винами и всячески веселились.

Спросили у него Акшакшапанак и прочие о его роде, имени и о всем том, что с ним приключилось, и он ответил на их расспросы, а потом и сам их о том же стал расспрашивать. Тогда-то поведал ему Акшакшапанак о своей судьбе:

«Жил в городе Хастинапуре богатый брахман Шивадатта, а у него был сын Васудатта — это я. В детстве научился я владеть оружием, изучил веды, а затем отец устроил мою свадьбу с девушкой из достойной и равной нам семьи. А мать моя была злая, несговорчивая и жестокая, и из-за этого измученный ею отец, увидев меня женатым, однажды тайком покинул свой дом. Перепугался я, заметив это, и послал жену свою узнать, каково у матушки на сердце, а жена моя хоть и не хотела идти, но все-таки пошла. А матушка, всегда готовая к ссорам, ей не обрадовалась и поняла ее молчание как презрение, жалобные всхлипывания как притворство, попытки объяснений за попытки возражений. Разве может кто-нибудь заставить огонь перестать жечь?! Брань и побои свекрови так огорчили мою жену, что ушла она из дому, а куда — не знаю.

Хотел было и я дом покинуть, да родичи-злодеи заставили другой раз жениться. Но и новую жену так донимала моя матушка, что та, несчастная, с горя взяла да повесилась. После всего этого полный отчаяния собрался я уйти на чужбину, а когда родичи меня начали отговаривать, описал я им злодейства своей матери. Не убедил их и рассказ мой о бегстве отца и первой жены и о смерти второй. Тогда сделал я вид, будто женился снова, — велел сделать большую деревянную куклу, привел ее в дом и, поместив в одном из покоев, запер под замок, а другую куклу, словно ее служанку, приставил к ней, сторожихой. И сказал я при этом матери так: «И ты, и я пока в своих покоях останемся. Тебе не следует к ней ходить, и

ей к тебе тоже. Она у меня еще робкая и не знает, как тебе услужить». Согласилась моя матушка на это.

Сколько-то дней прошло, и она, которой никак не удавалось добраться до мнимой невестки, сидевшей по-прежнему взаперти, взяла однажды камень и, ударив им себя по голове, упала во дворе, обливаясь кровью и рыдая. Заслыша стоны, пришел я туда со всеми родичами и когда, увидев ее в таком состоянии, спросил: «Что случилось, скажи мне?» Она же, полная злобы, ответила: «Невестка подлая выскочила да безо всякой вины привела меня в такое состояние. Теперь остается только умереть!» При таких словах матушки разъярились родичи, взяли ее и со мною пошли туда, где была деревянная кукла, и когда, сорвав запоры, распахнули дверь и заглянули в комнату, то ничего там не увидели, кроме сделанной из дерева женщины. Тогда осмеяли они мою мать, саму себя обманувшую и опозорившую, и, поняв, что правду я говорил, разошлись, а я покинул родную страну, и после долгих скитаний попал сюда, и по воле судьбы зашел однажды в игорный дом, где увидел вот этих моих товарищей, игравших в «пять костей». Вот он — Чандабхуджанга, а того имя — Пансупата, этого — Шмашанаветала, четвертого — Калаваратака, пятого — Шарипрастара, и все они герои, равные друг другу по мужеству. Стал я играть с ними в кости, и условились, что проигравший становится рабом выигравшего. Обыграл я их, и стали они моими рабами, но, добродетелями их покоренный, я и сам стал их рабом — стал с ними жить, и забылось мое горе, и по нынешнему моему состоянию имя мое Акшакшапанака. Таким-то образом стал я жить с этими высокородными и добродетельными, но скрывающими свое происхождение, а сегодня ты нам повстречался. Благодаря добродетелям твоим ты теперь наш повелитель, и только поэтому приняли мы от тебя деньги».

И после того, как Акшакшапанака закончил свой рассказ, каждый из них рассказал Бхимабхате о себе, и увидел он, что все это были мужи, скрывавшие свое происхождение, потому что добывали деньги необычными способами, и достойны они быть его друзьями. Весь день прошел у них в занимательных рассказах, а когда заметили они, что лик Востока уже украсился сверкающим тилаком прохладно-лучистого месяца, ушли из сада царевич Бхимабхата, Акшакшапанака и прочие пятеро и разошлись по домам.

Пока жил там Бхимабхата со своими друзьями, наступило время дождей, словно приветствовавшее обретение им друзей ливнями, тучами и громами, и тогда несущая свои воды к океану река Випаша пошла, гонимая океанским приливом, вспять и, переполнившись, вышла из берегов. Но

успокоился океан, и снова она вошла в берега. А на берег тем временем вынесло большой водой громадную рыбищу, и из-за тяжести да неповоротливости своей никак не могла она уйти. Увидев это, со всех сторон набежали люди, вооруженные кто чем, вспороли рыбе брюхо, и вышел оттуда, как ни в чем не бывало, юный брахман. И при виде этого зашумел народ. Услышав о чуде, пришел туда и Бхимабхата с друзьями и увидел, что выбравшийся из рыбьего чрева — не кто иной, как его друг Шанкхадатта. Подбежал к нему царевич, и обнял его, и оросил потоками слез, словно смывая с него зловоние от долгого пребывания в рыбьем чреве. А Шанкхадатта, избавившийся от несчастья такого, да встретивший потерянного было друга, переходил от радости к радости, а когда Бхимабхата из любопытства стал его расспрашивать, рассказал в немногих словах обо всем с ним случившемся: «Когда ударом волны Ганги унесло тебя и потерял я тебя из виду, проглотила меня громадная рыбища. Попал я в просторный дворец ее брюха и жил там, а когда мне было голодно, отрезал я ножом куски ее мяса и наедался. А сегодня по воле судьбы заплывла рыба сюда, и, когда люди вспороли ей брюхо, вышел я на свет и увидел тебя, солнце и все, что видно вокруг. Вот и все, друг, что со мной случилось, а больше я ничего не знаю».

Выслушали Бхимабхата и все другие рассказ Шанкхадатты и с удивлением говорили друг другу: «Проглотила рыба его в Ганге, и как же она сюда попала? Ведь сколько надо было проплыть ей и каким путем, чтобы попасть в Випашу! И ведь убили ее, а он живой и невредимый вышел из ее чрева! О, неведомы пути судьбы, дивны ее дела!» Затем Бхимабхата вместе с Акшакшапанаккой и другими отвел Шанкхадатту к себе домой и, дав ему омыться, одеться и привести себя в порядок, устроил праздник — ведь тело Шанкхадатты словно заново обрело свою душу после того, как выбрался он из рыбьего чрева.

Стал Бхимабхата жить вместе с Шанкхадаттой в этой стране. А тут пришло время большого праздника джатры царя змей Васуки, и царевич пошел с друзьями посмотреть на праздник. Вместе с толпой вошли они в храм, посвященный царю змей, и поклонились его изображению, украшенному длинными цветочными гирляндами, подобными змеиным телам служителей Васуки, и потому выглядевшему как средоточие змеиного царства. Оттуда пошли они на юг и увидели широкое озеро, царю змей посвященное, заросшее множеством красных лотосов, подобных сверкающим лалам на змеиных головах, и синих: лотосов, похожих на космы ядовитого дыма, вырывающегося из Паталы, и покрытое осыпавшимися от ветра цветами росших по берегам деревьев, словно

приносящих свои дары царю змей. При виде этого озера подумал Бхимабхата: «Ничтожно малым кажется мне по сравнению с этим бесподобным озером океан, с которого Кришна похитил богиню красоты, а красота этого озера никем не похищена!» А пока он так думал, пришла туда совершить омовение дочь Чандрадити, повелителя Латы, родившаяся от царицы Кувалайвали, а имя царевны было Хансавали, и если бы только не моргала она, бросая кокетливые взгляды, то по всем ее членам можно было подумать, что она божественного происхождения^[120]. И была она подобна тетиве-лиане лука Манматхи^[121], и столь тонка была в талии, что, как и упругий лук, можно было охватить ее ладонью, а ее нежное, как лепестки цветов, тело сверкало десятками миллионов совершенств.

Бросив искоса кокетливый взор на Бхимабхату, она словно пронзила сердце царевича стрелами своих очей и очаровала его. Но и он тоже, похититель красавицы, равной которой в мире нет, проник через глаза девушки в сокровищницу ее сердца и украл ее стойкость.

После этого она, тайком подослав к его друзьям ловкую служанку, выведала и имя его, и откуда он, и все прочее, а затем после омовения увели слуги Хаксавали в ее дворец, и, пока вели, непрестанно оборачивалась ока и ловила его своим взглядом. Ушел со своими друзьями к себе во дворец и Бхимабхата, и шел он, запинаясь и нехотя, словно полюбившаяся опутала ему ноги. Вернувшись во дворец, красавица немедленно отправила к нему вестницу с посланием, ему приятным и желанным. Пришла вестница, и вот что передала она с глаза на глаз Бхимабхате: «Божественный, царевна Хансавали отдается под твое покровительство. Видя, как уносит ее бурный поток страсти, поспеши спасти отдавшую тебе душу. Не годится стоять на берегу!» Выслушав от посланницы ласкающие слух своей сладостью слова возлюбленной, обрадованный тем, что вновь обрел жизнь, отвечал Бхимабхата так: «Разве не видит любимая, что не на берегу я, а в том же потоке? Но, обретя теперь надежду, сделаю я то, о чем просит она. Приду я этой ночью в ее покои, и никто» не увидит меня, ибо буду скрыт от взоров благодаря волшебному заклинанию».

Обрадовалась вестница и, вернувшись к своей повелительнице, рассказала ей обо всем, а та с нетерпением стала ждать встречи с возлюбленным. Он же, когда все покрылось мраком, надел свои лучшие украшения и, прочитав пожалованное Гангой заклинание «анулома», стал невидим, и вышел из дворца, и проник в ее блистательный антахпур, из которого она уже устранила слуг. В этих покоях, сам вид которых звал к

любви, все было напоено благоуханием сандала, а сами покои были украшены цветами пятью разных видов. Увидел Бхимабхата в них, как в цветущем саду бога любви, свою возлюбленную, благоухающую небесными ароматами, словно побег лианы волшебного знания, пожалованного ему Гангой. Прочел счастливец волшебное заклинание «пратиному» и тотчас же стал виден царевне, и она так радостно вздрогнула, что поднялись волоски на ее коже и откликнулись мелодичным звоном украшения, словно она затанцевала. И тогда потупила красавица от любовного смущения свои очи, будто заглядывая в свое сердце и вопрошая его, что же делать. А Бхимабхата ей: «Почему ты стыдишься, глупышка, уже раскрыв свою душу? Как можно скрывать то, что скрыть невозможно? Разве не выдают тебя трепет сердца и бурные вздохи?» Такими и подобными словами и ласками заставил он прекрасноликую забыть стыд и сделал ее своей женой по обычаю гандхарвов. Провел он с ней ту ночь, резвясь около ее лица, словно пчела около лотоса, а когда ночь миновала, с трудом оторвался он от любимой и со словами «Я приду ночью» прочел заклинание, снова стал незрим и ушел к себе.

Когда наутро пришли постельничьи в антахпур к Хансавали, то заметили они на царевне признаки любовных объятий — косы у нее растрепались, на теле следы зубов и ногтей, и была она возбуждена так, словно сам Кама явился перед ней и нанес ей своими стрелами все эти раны. Пospешили они к царю и обо всем доложили, а он назначил соглядатаев, чтобы те ночью незаметно все высмотрели. Бхимабхата же весело провел с друзьями день, а когда стемнело, он таким же образом явился к любимой в антахпур. Вошел он невидимым, а как вошел, снова стал зримым, и соглядатаи, приметив это волшебство, бросились к царю и обо всем рассказали. Он им повелел так поступить: «Кто незримым проникает в хорошо охраняемые покои, тот, видно, не человек. Приведите-ка его сюда, посмотрим, что он такое. И спросите его от моего имени, да не грубо: «Почему открыто не попросил ты мою дочь? Зачем тебе, такому добродетельному, нужно таиться?» Пospешили они после этих слов к дверям покоев Хансавали и, став в дверях, передали Бхимабхате то, что царь велел сказать. «Так меня увидели!» — подумал мужественный царевич и крикнул им: «Немедленно передайте царю то, что я скажу: «Утром я сам приду в зал совета и обо всем расскажу, а сейчас — ночь темная!»

Выслушал соглядатаев царь и промолчал. А поутру вернулся Бхимабхата от красавицы, надел очень богатый наряд и со всеми семью приятелями отправился к царю Чандрадитье. Вступили они в зал совета, и,

видя по блеску, доблести и красоте царевича, что он весьма высокого рода, принял его царь благосклонно и усадил на трон, равный своему. Тогда Шанкхадатта, друг Бхимабхаты, обратился к Чандрадитье с такой речью: «Вот, царь, сын царя Уграбхаты, повелителя страны Радха! Неодолимо его мужество, ибо обладает он закланием немыслимо могучим, а зовут его Бхимабхата, и пришел он сюда ради твоей дочери!»

И тогда царь вспомнил про все случившееся ночью и, решив: «Воистину, я счастливее!» — и посчитав Бхимабхату парой для своей дочери, устроил богатые приготовления к свадьбе. Отдал он Хансавали в жены Бхимабхате, дав за ней богатое приданое и еще в придачу много слонов, коней и деревень. И стал царевич жить там с Хансавали, и стала Лакшми, богиня счастья, его второй женой. Когда же промчались многие дни, состарился Чандрадитья и, поскольку не было у него сына, отдал Бхимабхате царство Лата, а сам удалился в лес. Досталось царевичу царство, и благополучно правил он им, а семь героев — Шанкхадатта и другие — помогали ему в делах власти.

Шли дни, и однажды услышал царь от соглядатаев о том, что, отправившись на поклонение в Праягу, отец его, Уграбхата, умер, а перед тем как умереть, помазал на царство младшего сына, Самарабхату, рожденного танцовщицей. Оплакав отца и совершив все приличествующие случаю церемонии, послал царь к Самарабхате, его права поправшему, гонца с посланием: «Какое право ты, глупец и сын плясуньи, имеешь на отцовский трон? Хоть и царствую я над страной Лата, но трон, тобой занятый, принадлежит мне, и потому не следует тебе всходить на него». Поспешил гонец, и, войдя во дворец Самарабхаты и явившись в зал совета, где тот находился, объявил себя и вручил письмо. Самарабхата же, когда прочитали ему по его приказу такое важное послание, запечатанное печатью самого Бхимабхаты, пришел в гнев и изрек: «Подобная самонадеянность свойственна этому невежде, которого мой отец изгнал из страны. Шакал и тот изображает льва, пока сидит в своей пещере, но при виде льва понимает, что он всего лишь шакал!» А прорычав все это, велел он изготовить послание и отправил своего гонца к Бхимабхате.

Поспешил гонец к царю страны Лата и вручил, объявив о своем звании, это послание Бхимабхате, а Бхимабхата велел это письмо прочесть вслух и прослушав, расхохотался грозно и сказал посланцу соперника: «Ступай ты, гонец сына плясуньи, передай ему то, что я скажу: «Когда пытался ты похитить коня, спас я тебя от удара Шанкхадатты, думая о тебе, что ты еще мальчик и что ты дорог отцу, но не должно снова и снова прощать тебя. Непременно отправлю тебя к нежно любящему тебя отцу!»

Приготовься, через несколько дней ты со мной встретишься!» И с этими словами отпустил Бхимабхата гонца, которому предстоял долгий путь.

Когда Бхимабхата взошел на своего гороподобного слона, подобно океану пришли в движение его войска, и как при восходе блистательного месяца вздымает бурные и шумные волны океан, так до самых краев земли поднялись бесчисленными волнами вассалы и князья с их дружинами, и от топота множества слонов и коней задрожала земля, словно испугавшись, как бы не расколоться ей на части. Вот приближается Бхимабхата к стране Радха, и пыль, поднятая его войском, застилает небо и затмевает сияние солнца. Как узнал об этом Самарабхата, не в силах он был стерпеть такое и, надев доспехи, вышел со своей армией навстречу войску Бхимабхаты. И вот уже ошиблись два войска, словно столкнулись Западный и Восточный океаны, и началась жестокая битва героев, подобная всепожирающему пожару последнего дня мира. Огонь, высекаемый скрецающимися мечами, и лязг их, подобный скрежету оскаленных клыков бога смерти, достигали неба, и мчались железные стрелы и дротики, высматривая себе богатырей, словно искрометные взоры небесных дев, брошенные из-под ресниц. И обратилось поле битвы в сцену, где занавесом была пыль, музыкой — шум битвы, а танцорами — обезглавленные тела, и бешеный поток крови уносил и головы, и все живое, словно наступила мрачная ночь конца света.

Вооруженный луком Бхимабхата вместе с Шанкхадаттой, Акшакшапанаккой, Чандабхуджангой и другими могучими героями, подобными яростным слонам, искушенным в искусстве войны, истреблял вражеское войско, и, когда было оно уже обращено в бегство, Самарабхата кинулся на колеснице, полный бешенства, в самую середину океана битвы и начал взбаламучивать его, как гора Мандара^[122]. Тогда верхом на слоне налетел на него Бхимабхата и, сломав лук его, ловко сразил стрелами всех четырех коней, впряженных в колесницу супостата. Оказался Самарабхата без колесницы, но кинулся он на слона Бхимабхаты и тяжелым боевым молотом поразил того прямо в лоб. Пришлось и Бхимабхате спешиться — пал его боевой слон. И оба яростных царя, пешие, сошлись в единоборстве, вооруженные каждый лишь мечом и щитом. И хотя в этом поединке мог бы царь воспользоваться силой заклинания Ганги и, став невидимым для противника, сразить его, но, блюдя справедливость, не мог так поступить Бхимабхата и только лишь в честном бою, превзойдя противника в мастерстве, отсек голову сыну плясуньи своим мечом. И когда свалил он Самарабхату и все солдаты врага были сражены, с небес раздалась

хвалебные возгласы сиддхов и чаранов^[123], а когда завершилась битва, то под восхваления странствующих певцов и сказителей вступил Бхимабхата со своими друзьями в Радхапури, столицу царства Радха.

Вернувшийся после долгих скитаний и сразивший злого врага, обрадовал он свою мать, страстно желавшую его видеть, как Рама Каусалью. Радостно встретили его горожане, когда воссел он на отцовский трон, приветствовали его и отцовские министры, любившие его за добрые качества; он же возблагодарил весь народ и устроил большой праздник.

В благоприятный день отдал он Шанкхадатте царство Лата и, отправив его в те пределы, назначил в сопровождение войско, состоявшее из уроженцев Латы, а Акшакшапанаке и другим друзьям дал в награду множество деревень и сокровищ. Стал он вместе с ними и с дочерью царя Латы управлять отцовским царством. Со временем покорил царь Бхимабхата все царства на земле и увел множество царских дочерей. И тогда погрузился он в любовные забавы с ними и веселился в антахпуре, препоручив бремя государственных дел министрам, — никогда не покидал царь его пределов, предаваясь пьянству и прочему распутству.

Вот однажды, словно напоминание о когда-то предсказанном Шарвой проклятия, пришел к дверям Бхимабхаты, чтобы повидать его, мудрец Уттанка, и об этом царю доложили, но он, опьяненный страстью и ослепленный гордыней власти, не слушал привратников. Разгневался Уттанка и изрек: «Ослепленный страстью, забывший о царстве, станешь ты диким лесным слоном!» Услышав такие слова, забыл царь о страсти, выскочил из покоев и, пав к ногам мудреца, смиренно умолял простить ему неразумие. Смягчился великий мудрец и молвил: «Будешь ты, царь, слоном до той поры, пока не встретишь ты Прачандашакти, министра царя Мриганкадатты, разлученного со своим повелителем проклятием нага и утратившего по той же причине зрение. Когда примешь ты его, как гостя, и поведаешь ему свою историю, тогда достигнешь ты избавления от моего проклятия и, как было предречено тебе Шивой, станешь гандхарвой, а твой гость вновь обретет зрение».

При этих словах Уттанка ушел, как и пришел, а Бхимабхата потерял царство и обратился в слона. Узнай же, друг, что я и есть тот самый Бхимабхата, обращенный в слона, а ты — тот самый Прачандашакти, благодаря которому наступит конец довлеющему надо мной проклятию». Произнеся это, избавился Бхимабхата от облика слона и тотчас же обратился в гандхарву, наделенного божественным могуществом, и в тот же миг настало торжество для Прачандашакти — глаза его вновь обрели способность все видеть, и узрел он перед собой гандхарву. И тотчас же

слышавший из-за лиан разговор Бхимабхаты и Прачандашаки Мриганкадатта, знающий, что и когда надлежит делать, непреклонный в решениях, вместе со всеми своими друзьями бросился к Прачандашаки и обнял своего министра, а тот при виде своего повелителя — а видеть его для Прачандашаки было то же, что оказаться под потоком живительной амриты — пал к его ногам. И пока они, истомившиеся от долгой разлуки и горестей, обнимались, утешал гандхарва Бхимабхата рыдающих, а Мриганкадатта, склонившись перед ним, промолвил: «Слава тебе, благодаря которому встретили мы друга и благодаря великодушию которого наш друг прозрел!» Ответил на это царевичу гандхарва Бхимабхата: «Скоро встретишь ты остальных своих министров, возьмешь в жены Шашанкавати и достигнешь власти над всеми царствами на земле. Но не теряй мужества, и буду я тебе помогать и всегда являться, как только ты обо мне вспомнишь». Так молвил он, избавившийся от проклятия и довольный доставшимся ему благодетным саном. Выразил он дружбу свою царевичу и взвился в небо во главе других гандхарвов, наполнив все вокруг мелодичным звоном красивых ожерелий и браслетов.

Мриганкадатта же, обретя вновь своего министра Прачандашаки и полный поэтому бодрости, провел вместе со всеми министрами этот день в лесу.

Волна восьмая

Победа Ганеше, устранителю препятствий, заставляющему звезды ударами своего хобота во время танца срываться с небес и падать на землю, подобно цветочному дождю!

Когда ночь прошла и зарделось небо, Мриганкадатта вышел в сопровождении Прачандашакти и других министров из леса и направился в Удджайини за Шашанказати и остальными министрами. И где-то на пути увидел он, как некий отвратительного облика муж мчит в поднебесье его министра Викрамакесари. И пока он в смятении показывал на него другим министрам, Викрамакесари спустился с небес, слез с плеч того мужа и, с глазами, полными слез, пал к ногам Мриганкадатты. Обрадованный, тот обнял его, и по очереди обняли его и все министры, а после этого Викрамакесари со словами «Приходи ко мне, когда я о тебе вспомню!» отпустил того мужа. Тогда Мриганкадатта, одолеваемый любопытством, спросил Викрамакесарина, что же с ним случилось, и тот сел и тут же в лесу рассказал обо всем, что с ним было.

«Когда проклятие нага разлучило меня, повелитель, со всеми вами, много дней скитался я в поисках встречи и однажды подумал: «Отправлюсь-ка я в Удджайини. Ведь они должны в скором времени прийти туда!» Так решив, устремился я к этому городу. По дороге туда дошел я до деревни, называвшейся Брахмастхала, и присел отдохнуть на берегу пруда под деревом. Тогда обратился ко мне укушенный змеей старый брахман с такими словами: «Встань и уйди отсюда, сынок, не то постигнет тебя моя участь! Живет здесь громадный змей — и укусил он меня, и так меня терзает боль, что готов я броситься в этот пруд!» Стало мне жалко сказавшего это брахмана, отговорил я его от самоубийства и с помощью знания своего избавил страдальца от действия яда. Тогда брахман почтительно и подробно расспросил меня, и, когда ему все стало известно, исполненный благодарности, сказал он мне: «Ты спас сегодня мне жизнь. Так прими же, доблестный герой, от меня мантру, дающую власть над ветами, а мантра эта досталась мне от отца. Владеть ею надлежит таким добродетельным, обладающим волшебными силами, как ты. Не таким же беспомощным, как я, владеть ими. Что мне с ветами делать?»

Возразил я на это брахману: «А мне что же делать с ветами, когда я разлучен с Мриганкадаттой?» Улыбнулся брахман, услышав мои слова, и

снова мне говорит: «Да разве не знаешь ты, что с помощью ветал можно добыть все, что пожелаешь^[124]? И неизвестно тебе, что по милости веталы царь Тривикрамасена в давние времена стал повелителем видьядхаров? Так я расскажу тебе, как это случилось, а ты слушай

повесть о ветале и царе Тривикрамасене

Есть на берегах реки Годавари страна, которая называется Пратшитхана, а правил там в давние времена равный могуществом Индре сын царя Викрамасены, слава которого распространилась повсеместно, и имя ему было Тривикрамасена. Каждый день, когда царь сидел в зале совета, буддийский монах Кшантишила являлся к нему и преподносил плод, а Тривикрамасена брал его и передавал в руки стоявшему вблизи хранителю сокровищницы. Так прошло десять лет, и вот однажды, когда монах передал царю плод и вышел из зала совета, царь бросил плод ученой обезьянке, вырвавшейся из рук надсмотрщиков. Когда обезьянка стала грызть плод, из его сердцевины выпал совершенной красоты драгоценный камень, которому нет цены. Увидел это царь, взял камень в руки и спросил хранителя сокровищницы: «Куда ты девал все те плоды, которые монах мне дарил, а я тебе передавал?» В страхе отвечал хранитель сокровищницы: «Все их я бросал в сокровищницу через окно, не открывая двери. Если ты повелишь, я открою, чтобы посмотреть на них». Когда все это сказал хранитель сокровищницы, согласился царь, чтобы он пошел в сокровищницу, и тот пошел, но, мгновенно вернувшись, доложил повелителю: «Не вижу я там плодов, ибо сгнили они, а вижу грудку камней драгоценных, дивно блистающих». Обрадовался царь, услышав это, и велел хранителю сокровищницы беречь их.

На следующий день, когда, как обычно, пришел буддийский монах, спросил его Тривикрамасена: «Скажи мне, бхикшу, зачем, что ни день, ты угождаешь мне такой дорогой вещью? Не возьму я теперь от тебя плод, пока ты мне не скажешь!» А бхикшу в ответ на эти слова царю по секрету так сказал: «Есть у меня заклинание, но, чтобы успешно оно было, нужна мне помощь героя. Поэтому, доблестный муж, я и служу тебе». Выслушав его, согласился царь ему помочь, а шрамана^[125], обрадовавшись, снова заговорил: «Коли так, царь, то, когда наступит четырнадцатая ночь темной

половины месяца и я буду сидеть на большом кладбище под смоковницей, следует тебе прийти туда одному, без стражи». «Так я и сделаю! Ладно!» — отвечал ему на это государь, и шрамана Кшантишила ушел в свою хижину.

Вот опустилась на землю четырнадцатая ночь темной половины месяца, и вспомнил царь, что обещал он монаху. В первую стражу ночи^[126], закутавшись с головой в темно-синий плащ, с мечом в руке, незаметно вышел Тривикрамасена из города и пошел на кладбище, где ужасная тьма казалась еще более мрачной оттого, что пылали погребальные костры, и выбрасываемые ими языки пламени подобны были вспыхивающим свирепым глазам. И переполнено оно было бесчисленными человеческими черепами, скелетами и костями, духами и веталами, неистово дерущимися, и походило на иную аватару Бхайравы^[127], безмерно ужасающую, ревущую и визжащую.

Разыскал там дерево вата бесстрашный и увидел сидевшего под ним шрамана, вычерчивавшего магический круг, подошел к нему и молвил: «Вот пришел я, шрамана! Говори же, что должен я для тебя сделать?»

Увидав царя и слушая его, обрадовался монах и сказал царю: «Великую милость оказал ты мне, государь. Теперь же, обратясь лицом в южную сторону, ступай, и увидишь ты вдалеке одиноко стоящее дерево шиншапа. Висит на том дереве труп какого-то человека — так сделай мне доброе дело, мужественный, и принеси его сюда!» Выслушал Тривикрамасена монаха, молвил: «Так тому и быть!» — и отправился, верный слову, в южную сторону. Шел он дорогой, отмеченной огнями погребальных костров, и в темноте добрался до того дерева шиншапа и на нем, дымящемся и смердящем горелым мясом, опаленном языками пламени, увидел висящий, словно свисающий со спины демона, труп. Взобрался царь на дерево, перерубил веревку и сбросил мертвеца на землю. И когда мертвец упал, он вдруг словно от боли зарыдал. Слез Тривикрамасена и, преисполненный сострадания, подумав, что тот, должно быть, еще жив, потрогал тело, и тогда труп разразился дьявольским хохотом. Догадался царь, что в мертвеца вселился вета, и обратился неустрашимый царь к нему со словами: «Что ты смеешься? Подымайся, да пойдем!» Но тут увидел царь, что нет покойника на земле, а висит он снова на дереве. Опять полез на дерево Тривикрамасена и сбросил его — ведь, как алмаз драгоценный, несокрушимы сердца героев! А затем взвалил труп со вселившимся в него вета на плечо и молча отправился в путь. Когда же двинулся он, находившийся в мертвеце вета заговорил: «Слушай,

раджа, расскажу я тебе, чтоб не скучно было идти, историю

о царевице Ваджрамукуте и красавице Падмавати

Есть город на земле, называющийся Варанаси, жилище Пурари^[128], населенный, подобно склонам Кайласы, добродетельными людьми, обвитый, словно жемчужным ожерельем, полноводной рекой, берущей начало в небесах. В этом городе в давние времена правил царь Пратапамукута, пламя мужества которого испепелило густые леса родов враждебных царей. Был у него сын Ваджрамукута, красотой посрамивший самого Смару, бога любви, а доблестью — сонмы врагов. Был у царевица друг — сын министра многоумный Буддхишарира, истинное воплощение Разума, — и был он царевицу много дороже его собственной жизни.

Однажды тешился царевиц вместе со своим другом охотой. Срезая стрелами головы львов с развевающимися гривами, подобными султанам, знаменующим их смелость, в крайнем увлечении гоньбой, заехал он далеко и углубился в глухой лес. Был этот лес подобен лагерю Смары, но вместо бардов там ворковали кокилы, а деревья, качая цветущими ветвями, услужливо становились опахалами. И увидел там царевиц, сопровождаемый сыном министра, озеро, подобное океану, место рождения самых разнообразных лотосов, а на берегу божественного облика красавицу, пришедшую туда со служанками, чтобы искупаться. Переполнившая прелестью своею озеро, разбросавшая взорами по лесу заросли лотосов, повергшая в стыд белые лотосы белизной лица своего, превзошедшего красотой луну, мгновенно похитила она сердце царевица. Но и он, взглянув на нее, похитил ее сердце, и она тут же забыла и свой стыд, и свои наряды. Смотрел царевиц вместе со своим спутником на нее и думал: «Кто она?» А красавица, желая сказать ему о том, из какой она страны и прочее, кокетливо начала делать ему знаки: сначала взяла она лотос из гирлянды, украшавшей ее прическу, и заложила за ухо, а потом долго держала лотос в зубах, и еще один на голову возложила, и со значением приложила к сердцу руку. Не понял царевиц ее знаков, но его сообразительный приятель, сын министра, распознал их смысл. Тотчас же была она уведена оттуда сопровождавшими ее. Придя домой, кинулась она на ложе, а сердце ее, словно для оправдания этих знаков, осталось с царевицем.

А царевич, немедля вернувшийся в свой город, горевал без нее, словно видьядхар, лишенный вдруг своих волшебных знаний. Тогда его друг, сын министра, спросил его: «Раз уж не так трудно добыть ее, так в чем же дело?» Царевич, уже утративший смелость, ответил ему на это: «Зачем ты меня напрасно утешаешь? Как добыть ее, когда ни имени, ни города, ни рода ее я не знаю?» Возразил ему на это сын министра: «Что, ты не заметил знаки, которые она тебе делала? Когда она за ухо заложила лотос, то сказала: «Живу я в царстве великого Карнотпалы»; когда в зубах держала лотос — «Знай, что я дочь врачевателя зубов!» Возложив лотос на голову, она дала понять, что имя ее Падмавати, а приложив руку к сердцу, — что ты ей дороже самой жизни. Есть в стране Калингов славный царь Карнотпала, а у него есть одаренный его милостью врачеватель зубов, зовут которого Самграмавардхана, а у того — любимая им больше, чем жизнь, дочь по имени Падмавати, истинная жемчужина трех миров. Вот это, божественный, узнал я от людей. Потому и понял я все ее знаки!»^[129]

Так объяснил все сын министра царевичу, и тот был доволен его сообразительностью. Но особенно радовался он тому, что обрел способ, как достичь желаемого. Вот посоветовался он с другом и отправился вместе с ним из дворца будто на охоту, а на самом деле — за возлюбленной. На полпути удалось ему благодаря стремительности быстрого как ветер коня оторваться от сопровождавших ему воинов — в сопровождении одного лишь сына министра вступил он в страну Калинга. Достигли они города царя Карнотпалы и, войдя в ворота, разыскали дом врачевателя зубов. Ища приюта, зашли они в стоявшую неподалеку от этого дома хижину одной старой женщины. Сын министра поставил коней в укромном месте и задал им сена, напоил, а затем при царевиче спросил у старухи: «Не знаешь ли, матушка, врачевателя зубов, которого зовут Санграмавардхана?» Выслушала та его и ответила: «Знаю я его, была ему кормилицей, а нынче он меня приставил к своей дочери Падмавати. Да только не всегда я туда хожу — нет у меня платья. Всякий раз мой сын, негодяй этакий, как видит платье, так уносит его и проигрывает». Когда она все это рассказала, сын министра, обрадованный ее словами, подарил ей свой плащ и многое другое и попросил довольную старуху: «Будь нам матерью родной и вот что ты тайно сделай для нас. Пойди к дочери врачевателя зубов Падмавати и скажи ей так: «Пожаловал сюда царевич, виденный тобой у озера, и он тебя любит и потому послал меня к тебе!» Выслушала она все и молвила, довольная подарками: «Так и быть!» — и тотчас поспешила к Падмавати. Когда же вернулась она, то на расспросы царевича и сына министра вот что поведала: «Рассказала я ей о том, что вы

сюда тайно пожаловали, а она все это выслушала, обругала меня и ударила меня обеими руками, в камфаре вымазанными, по щекам. Тогда, ни за что оскорбленная, разрыдалась я и поспешила сюда. Вот на щеках моих, сыночки, следы ее пальцев!» Когда старуха все это рассказала, царевичем овладела безнадежность, но многомудрый сын министра сказал ему на ухо: «Не горюй, красавица бережет тайну, а обругав старуху и отпечатав на ее лице десять пальцев своих, в камфоре вымазанных, вот что нам сказать хотела: «Пережди десять ночей светлой половины месяца, ибо неблагоприятны они для встречи». Так успокоил сын министра царевича и, продав на базаре сколько-то золота, велел старухе приготовить вкусной еды — поели они вместе с ней досыта.

Провели они так десять дней, и вновь послал старуху сын министра к Падмавати, чтобы разузнать, что да как. Старуха же, охочая до вкусной еды да сладкого питья и всяких радостей, пошла к той в дом, да тотчас же и вернулась и сказала обоим: «Нынче-то пошла я и стояла молча, а она опять накричала на меня за то, что о вас я рассказала, и ударила меня в грудь тремя пальцами, окрашенными шафраном, и вот я сюда вернулась». Когда же они выслушали ее, тотчас же промолвил царевичу сын министра: «Не беспокойся! Ударив старуху в грудь тремя пальцами, окрашенными шафраном, дала она понять: «Не могу еще три ночи встречаться с тобой — я нечиста!» Объяснил это царевичу сын министра, и еще три дня прошло. И снова отправил он старуху к Падмавати. И когда пришла она в покои красавицы, та ее приветила и улестила — и обхождением, и сладким питьем, и всякими прочими удовольствиями ублажила.

Но вот старуха уже собралась уходить — и тут вдруг снаружи поднялось ужасное смятение и шум и послышались крики: «Горе! Горе! Сорвался с привязи взбесившийся слон и мечется по улице, топча людей!» Тогда Падмавати и говорит ей: «Не следует тебе идти дорогой, по которой носится слон, а спуцу-ка я тебя на веревке с сиденьем через большое слуховое окно в сад при доме, а там ты заберешься на дерево и переберешься через стену, а дальше спустишься по другому дереву и пойдешь домой». Сказав так, велела она служанкам отправить старуху через слуховое окно, и последовала та сказанной ей дорогой, а потом все, как было, поведала царевичу и сыну министра. Тогда говорит другу своему сын министра: «Вот и сбылось тобой желаемое — красавица тебе дорогу показала. Ступай же сегодня вечером, повелитель, по этой самой дороге — в покои своей возлюбленной». Как сказал сын министра, так царевич и пошел тем самым путем, о котором рассказывала старуха, и увидел веревку с сиденьем, а наверху над ним смотрящих на дорогу служанок. Сел он на

сиденье, и только девушки его увидели, как мгновенно подняли через окно к его возлюбленной. Когда же подняли его, сын министра ушел к себе; царевич же увидал Падмавати, подобную сиянию луны, повсеместно рассеивающему свою красоту, лицо красавицы было полно прелести, а сама девушка подобна ночи полнолуния, словно пытающейся укрыться от темной половины месяца. Она же, заметив его, вскочила, и кинулась к нему, и обнимала его и за шею, и по всякому иному, ибо истомилась она от долгого ожидания. А после этого сочтались они по обычаю гандхарвов, и царевич, желания которого исполнились, остался тайно у возлюбленной.

После того как прошло сколько-то дней, говорит царевич однажды ночью возлюбленной: «Милая, ведь здесь живет пришедший сюда со мной сын министра, и живет он один одинок в доме твоей старшей нянюшки. Пойду я, стройная, повидаюсь с ним да и назад вернусь». Услышав это, плутовка Падмавати спросила возлюбленного: «Ладно, благородный! Хочу я только спросить тебя — ты сам понял те знаки, что на озере я тебе делала, или объяснил их тебе твой друг, сын министра?» Ответил ей на это царевич: «Ничего из них я не понял, а все он мне объяснил, сын министра, обладатель божественного знания».

Тогда задумалась она, прекрасная, и молвила ему: «Негодно сделал ты, не сказав мне об этом раньше. Твой друг мне брат, и ему прежде, чем кому-нибудь другому, должна я служить — бетелем угощать и всяким обхождением угождать!» И, сказав так, согласилась она, чтоб царевич ушел, и тот отправился уже известной дорогой, и пришел к другу своему, и стал обо всем рассказывать, и помянул в разговоре, как он возлюбленной сообщил про раскрытие смысла знаков, но сказал ему сын министра, что не следовало этого делать. Пока они говорили, опустились сумерки, а затем наступила ночь, и они провели ее в разговорах.

Когда же забрезжило утро, пришла служанка Падмавати, и в руках у нее был поднос с бетелем и приготовленной едой, и девушка, осведомившись у сына министра о его здоровье, поднесла ему угощение, а царевичу сделала знак, чтобы не касался он еды, и сказала, что ее госпожа ожидает его прихода и сама приготовит ему угощение и все прочее, и затем незаметно исчезла.

После ее ухода обратился к царевичу сын министра: «Смотри, божественный, какое диво я тебе покажу!» — и с этими словами взял он кусок с подноса и кинул собаке, а та, жадно проглотив его, упала мертвая. При виде этого воскликнул царевич: «Что за чудо!» И спросил он сына министра, в чем дело, а тот ему вот что рассказал: «Потому, что понял я ее знаки, захотела она меня известить — вот и послала она эту отравленную

пищу. Ведь думает она, в тебя влюбленная, так: «Пока жив этот, не будет царевич только мне принадлежать, да еще будет в его воле оставаться, покинет меня и уйдет в свой город!» Поэтому не сердись ты на нее, а убеди, благородный, оставить родню, а я поразмыслю, как ее похитить, да скажу тебе».

«Воистину ты Буддхишарира — ум во плоти!» — сказал ему на то царевич. А пока он так хвалил сына министра, с улицы донеслись вдруг людские вопли: «О, горе! Увы! Сын царя умер!» Обрадовался сын министра, услышав эти крики, и вот что молвил царевичу: «Ну, вот! Ступай этой ночью к Падмавати и напои ее хмельным питьем до того, чтобы потеряла она сознание и стала как мертвая. А пока она будет спать без памяти, сделай ей трезубцем, раскаленным на огне, знак на бедре и, забрав все ее украшения, уходи через окно по веревке. А уж я знаю, что нужно сделать, чтобы все обошлось счастливо!» Вымолвив это, велел он сделать трезубец с остриями, торчащими, словно клыки борова, и дал его царевичу. А тот взял в руки трезубец с искривленными и грубыми остриями, словно выкованными из черного железа сердец и его возлюбленной, и его приятеля, и молвил: «Так тому и быть!» А затем, как прежде, отправился ночью в жилище Падмавати — не рассуждая, следуют государи слову своих министров!

Попав туда, напоил он красавицу до беспамятства, сделал ей на бедре трезубцем отметину и, забрав все ее украшения, вернулся к приятелю, показал ему драгоценности и поведал о том, что и как сделал. Тогда сын министра счел, что способ его оказался таким, как он того желал.

Когда же настало утро, пошел сын министра на кладбище— сам нарядился в рубище подвижника, а царевича нарядил своим учеником и велел ему: «Возьми из всех этих украшений одно жемчужное ожерелье, ступай на базар и сделай вид, будто желаешь продать его, но назначь такую большую цену, чтобы никто из толкающихся там не мог его купить, но чтобы все его видели. Если же схватят тебя городские стражники, то ты без тревоги им отвечай: «Дал мне это мой наставник!»

Выслушав наставление, пошел царевич на базар и стал бродить там, показывая ожерелье. Приметили его стражники, посланные на розыск вора, совершившего кражу у дочери врачевателя зубов, схватили его и потащили тотчас же к начальнику городской стражи. Тот же, видя перед собой подвижника, почтительно спросил: «Откуда ты, почтенный, принес сюда это жемчужное ожерелье? Было оно ночью похищено у дочери врачевателя зубов». Так ответил ему на это царевич, переодетый подвижником: «Дал мне его наставник— у него спросить следует!» Пошел к тому начальник

городской стражи, поклонился и спросил: «Откуда, почтенный, это жемчужное ожерелье, с которым твой ученик ходит?»

Выслушав его, отвел плут в сторонку и сказал: «Я подвижник и всегда скитаюсь по лесам да пустыням. По воле судьбы попал я сюда, и провел на этом кладбище ночь, и видел здесь хоровод ведьм, собравшихся со всех сторон. А одна из них принесла с собой царевича, лотос сердца которого был раскрыт, предназначенного в жертву Бхайраве. Упившаяся хмельным, она, пока я молился, попыталась похитить мои четки и, великая мастерица разных обманов, корчила мне в лицо разные рожи. Слишком дерзкой она была, и я в гневе раскалил с помощью мантры свой трезубец, ударил ее в бедро и сорвал с ее шеи это ожерелье. Недостойно подвижнику владеть таким ожерельем, и надобно его продать!»

Отправился тогда начальник городской стражи к царю и доложил ему обо всем услышанном. Царь же, все сказанное выслушав и решив, что это и есть то самое ожерелье, послал надежную старуху посмотреть, нет ли на теле дочери врачевателя зубов следов от трезубца, и, узнав от той старухи, что все так и есть, заключил: «Это и есть та ведьма, что сына моего похитила!» Отправился тогда он сам к сыну министра, прикинувшемуся подвижником, и спросил, как следует наказать Падмавати, и хотя очень горевали ее родители, приказал по его совету изгнать ее из города.

Была она изгнана в лес, но, хотя и испугалась, не отчаялась, подозревая, что это, возможно, еще одна уловка, придуманная сыном министра. На исходе дня царевич и сын министра, сбросившие одежду подвижников, верхом на конях разыскали ее, рыдающую, утешили, посадили на коня и увезли в свое царство, и стал царевич счастливо жить с ней. А врачеватель зубов, решив, что дочь его сожрана кровожадными зверями, впал в отчаяние и умер, а вслед за ним умерла и его супруга».

Досказал эту историю веталя и говорит царю: «Разреши мое сомнение, царь! Кто виновен в смерти этих супругов — на царевиче ли грех лежит, или на сыне министра, или на самой Падмавати? Скажи мне, кто? Ведь ты же лучший из многомудрых! Если знаешь ты это, раджа, и не скажешь мне, то непременно твоя голова расколется на сто частей».

Проговорившему все это веталя, опасаясь быть проклятым за свое незнание, ответил царь Тривикрамасена: «Как же не понять, повелитель богов, в чем дело? Никто из этих трех не виновен, а вина лежит на царе Карнотпале». Снова говорит веталя Тривикрамасене: «Да что за вина на царе? Ведь те трое участвовали в деле. Разве виноваты вороны в том, что гуси рис потравили?» Возразил ему царь: «Нет, не виноваты те трое! Нет греха на сыне министра — он служил своему повелителю. Нет греха ни на

царевиче, ни на Падмавати— палимые огненными стрелами любовной страсти, не задумывались они ни над чем, кроме своей цели. А вот царь Карнотпала, видно, не изучал трактатов о политике, не пользовался услугами соглядатаев, чтобы знать, что среди его подданных делается, не понимал хитроумных проделок плутов, несведущ был в жестах и движениях. Потому именно и поступал он, не подумав, — на нем грех лежит».

Услыхал вета, вселившийся в мертвеца, верный ответ, который царь дал, нарушив этим свое молчание, спрыгнул вместе с мертвецом с царского плеча и благодаря своей волшебной силе исчез с ним, чтобы испытать его упорство, неведомо куда, а неустрашимый царь Тривикрамасена твердо решил снова его найти и принести.

Волна девятая

И снова пошел к тому дереву шиншапа Тривикрамасена, чтобы труп отнести, куда было условлено. Пришел туда и увидел во мраке ночи, рассеиваемом огнем погребальных костров, тот труп стонущим и корчащимся на земле. Поднял царь покойника с вселившимся в него веталой на плечо и снова молча отправился в путь. Говорит ему тогда ветала, сидя у него на плече: «Выпало тебе на долю недостойное тебя мучение, почтенный! Поэтому, чтобы поразвлечь тебя, расскажу я тебе одну историю о том, как

три юных брахмана вернули девушку к жизни

Слушай же! Есть на берегу Калинди селение, пожалованное в кормление брахманам, а называют селение Брахмастхала. Жил там брахман Агнисвамин, величайший знаток вед, и родилась у него дочка красоты необыкновенной — Мандаравати. Видно, дав ей такую невиданную и превосходную красоту, творец преисполнился отвращения к небесным девам, им самим прежде созданным. Когда вступила она в пору юности, пришли из Каньякубджи три юных брахмана, и все они были добродетелями своими равны друг другу, и каждый из них просил у Агнисвамина отдать дочку ему в жены, и каждый готов был расстаться с жизнью, только бы не досталась она другому. Но ни за кого из них не выдавал Мандаравати отец, потому что боялся, что, если кому-нибудь одному отдаст, два других расстанутся с жизнью, — не хотел он оказаться виновным в чьей-либо смерти, а она так и оставалась незамужней.

А те трое и днем, и ночью недвижно сидели, устремив очи свои на луну ее лица, словно возложили на себя обет уподобиться чакорам, питающимся лучами лунного света^[130]. Случилось как-то, что от жестокой лихорадки Мандаравати умерла, и тело ее обратилось в пять первичных начал^[131]. Тогда в безмерной горести молодые брахманы ее, бездыханную, совершив положенные обряды и украсив, отнесли на кладбище и сожгли. Один из них прямо там устроил себе шалаш, из ее пепла устроил себе ложе и стал жить, перебиваясь тем, что подадут. Другой собрал ее косточки и

отправился на берег Бхагиратхи. Третий же стал подвижником, пошел скитаться и попал в другую страну. Дошел этот подвижник до деревни, которая называлась Вакролака, и вошел, как гость, в дом какого-то брахмана. Почтили его, как следует, и угостили, и только он начал есть, как вертевшийся там ребенок во всю мочь заревел. Пыталась хозяйка его успокоить, а он все ревел, и тогда разгневалась она и, взяв на руки, бросила ребенка в огонь, и его нежное тело мгновенно обратилось в пепел.

Волосы дыбом встали у гостя-подвижника, когда он это увидел, и он воскликнул: «О, горе! О, ужас! Увы мне! Попал я в дом брахмана-ракшасы^[132]! Не стану я вкушать здесь пищу — в ней воплотился грех!» Но на такие слова возразил ему хозяин дома: «Смотри, какая сила заключена в мантре, которую я прочту, — вернется усопший к жизни!» Промолвив это, взял он книжицу с мантрами и, читая заклятие, бросил в пепел щепотку заговоренного порошка — и вскочил ребенок, как ни в чем не бывало, живой и здоровый. Тогда успокоился брахман-подвижник и закончил свою трапезу. А-хозяин и сам положил книжицу в ларчик из слоновой кости, пошел спать, и подвижник вместе с ним. Только когда заснул хозяин, поднялся, трепеща от страха, подвижник, вытащил ту книжицу с мантрами ради того, чтобы оживить любимую девушку, и вышел из дома. Шел он день и ночь и, наконец, достиг того кладбища, на котором была сожжена любимая.

Видит он, что в это же время явился сюда его соперник, который уходил, чтобы бросить ее кости в воды Ганги, и сказал и ему, и тому, который из ее пепла устроил себе ложе и построил там шалаш, следующее: «Надобно убрать шалаш, потому что силой заклятия подыму я ее живой из пепла». Так он настойчиво убедил их убрать шалаш и, открыв книжицу с заклятиями, прочел мантру, заговорил щепотку пыли и бросил в пепел, и тотчас же живой поднялась из пепла Мандаравати. Войдя в огонь и выйдя из него, тело Мандаравати обрело еще большую красоту, и казалось, что девушка была отлита из золота. Они же, одолеваемые страстью, видя ее воскресшей, помогали ей каждый для себя и друг с другом перессорились. Один кричит, что она его жена, потому что он силой заклятия ее оживил, другой ему в ответ, что она его жена, так как сила его паломничества ее вернула к жизни, а третий, что, мол, он, прах ее охраняя, жил подвижничеством и что его подвижничество ее воскресило и поэтому она должна быть его женой.

Разреши их спор, царь, скажи, кому из них она должна достаться в жены. Коли знаешь да не скажешь, вдребезги разлетится твоя голова!»

Выслушав все, что веталя рассказал, разрешил раджа этот спор так:

«Тот, кто, претерпев великие лишения и испытания, с помощью мантры оживил ее, стал ее отцом и по этой причине не может быть ее мужем. Кто кости ее собрал и в Ганг бросил, выполнил долг сына, а тот, кто на ложе из ее пепла, обняв ее, совершал подвижничество на кладбище, по любви к ней, и должен быть ее супругом, потому что все, что он совершил, глубокой любовью вызвано».

Только выслушал веталя все это от царя Тривикрамасены, нарушившего таким образом молчание, как соскочил он вместе с мертвецом с плеча царя и незаметно вернулся на свое место. А раджа, готовый выполнить свое обещание бхикшу, еще пуще решил изловить веталя. Ведь твердые в добродетели непоколебимо стоят на своем и выполняют обещанное, даже если при этом могут утратить жизнь!

Волна десятая

И снова идет, чтоб принести ветау Тривикрамасена, благороднейший из царей, снова идет он к дереву шиншапа, берет мертвеца, и взваливает на плечо, и снова молча отправляется в путь, а вета. сидящий у него на плече, ему, идущему, и говорит: «Удивительно, как это ты, царь, не боишься ночью ходить взад и вперед по кладбищу. Расскажу я тебе, чтоб не скучно было идти, еще один рассказ, а ты внимательно слушай

о двух мудрых птицах

Есть город, прославившийся по всему земному кругу, а назван тот город Паталипутрой, и был там прежде царь Викрамакесарин, которого судьба сделала средоточием и богатства, и добродетелей. Был у него попугай, сведущий во всех шастрах и наделенный божественным знанием, и звали его Видагдхачудамани, и был он воистину светочем среди мудрых, обреченный чьим-то проклятием на рождение в этом облике. По совету мудрого попугая взял царевич, сын Викрамакесарина, в жены равную себе достоинствами царевну родом из Магадхи, и имя ее было Чандрапрабха. А у той царевны была майна^[133] Сомика, обладательница всеобъемлющих знаний. И попугай, и майна жили в одной клетке и служили своими знаниями хозяину и хозяйке.

Молвил однажды ласково попугай майне: «Давай, милая, жить как муж и жена, так как одно у нас ложе, одно жилище, одна пища». «Нет, — возразила ему майна, — не желаю я связи с мужчиной, ибо все мужчины злодеи и неблагодарные!»

Сказал ей на это умудренный знанием священных книг и сведущий в тайнах жизни попугай: «Нет, любезная, мужчины-то не злодеи, а вот женщины — злодейки жестокосердые!» И стоило так резко возразить попугаю, как разгорелся у них спор.

Прилетели они к царевичу за справедливым разрешением их спора, условившись, что если окажется прав попугай, то берет он себе майну в жены, а если она окажется права, то он станет ее рабом.

Узнал он, сидя в отцовском зале совета, о чем у них шел спор, и

спросил у майны: «Скажи мне, почему же это мужчины неблагодарны?» Тогда она молвила: «Соблаговолите выслушать!» — и рассказала в доказательство греховности мужчин и своей правоты горестную историю

о неблагодарном Дханадатте

Есть на земле великий город, называющийся Камандика, и жил там отменно богатый купец по имени Артхадатта, и родился у него сын, названный Дханадаттой. Когда умер отец, стал юноша своеволен, пристрастился к игре в кости и прочим таким же играм, спутался с плутами; общение с дурными людьми — вот в чем корень древа порока. В скором времени пороки съели его состояние, и он, устыдясь своего дурного поведения, покинул родную страну и пошел скитаться по разным странам. Дошел он, странствуя, до места под названием Чанданапура и, в надежде на то, что его покормят, вошел в дом одного купца. А тот купец, увидав красивого юношу да расспросив его о роде-племени и прочем, узнал, что он из родовитых, и по воле судьбы взял его в дом, и отдал ему в жены дочь свою Ратнавали, и дал за ней приданое.

Стал Дханадатта жить в доме тестя, а когда прошло много дней и он в его нынешнем счастье забыл о прошлых бедах, захотелось побывать ему в родных краях. Вот этот негодяй, получивший богатство и жаждущий разгула, с трудом получив согласие тестя, который отпускать его не хотел, забрав единственную дочь у отца, нарядами разными украшенную свою супругу Ратнавали, да еще старую женщину, сам третий отправился из дома тестя. Со временем дошли они до дальнего леса, и он заявил, что, мол, ужасный этот лес полон разбойников, снял с жены все украшения и забрал себе. Видно, сердце мужчин неблагодарных, предающихся азартным играм, общению с распутницами и прочим порокам, безжалостно и жестоко!

Вот этот грешник, вознамерившись из-за жадности к богатству, убить свою жену, несмотря на то, что была она добродетельна, столкнул ее и старуху в яму и после этого ушел. Старая женщина разбилась насмерть, а его жена, запутавшись в лианах да кустарнике, осталась жива. Горько плача, постепенно выбралась она из ямы, цепляясь за траву да кусты, — ведь не завершилась еще ее жизнь! Пошла она, измученная и израненная, на каждом шагу спрашивая о дороге, и кое-как, с трудом добралась до

отцовского дома. Неожиданно появилась она там — встревожились отец и мать и стали расспрашивать ее, а она, добродетельная, заливаясь слезами, рассказала, что, мол, были они по пути разбойниками ограблены и что мужа ее связали и куда-то увели, старуха связанная умерла, а ее хоть и сбросили в яму, да не погибла она — проходил там какой-то сострадательный путник и вытащил ее оттуда, и вот по воле судьбы добралась она до дому. Ее, такое рассказавшую, и отец и мать утешили, и стала она, добродетельная Ратнавали, всем сердцем привязанная к мужу, жить в доме у отца.

Прошло некоторое время, и ее супруг, Дханадатта, ушедший в родные края и спустивший там, играя в кости, все, что забрал, подумал: «Отправлюсь-ка я снова к тестю да попрошу у него еще денег, а про жену скажу, оставил, мол, дочь твою у себя дома». Вот так решив, отправился он в дом тестя и пришел туда, а жена увидала его еще издали, кинулась к нему и пала в ноги этому грешнику. Пусть муж хоть и злодей, да у добродетельных женщин сердце не знает иных привязанностей!

Она ему, перепугавшемуся, все без утайки рассказала — какой вымысел она прежде-то родителям сочинила: и про воров, и про падение в яму, и прочее. Тогда без страха входит он, и при виде его обрадовались и тесть, и теща: «Вот счастье-то, что живым он отпущен разбойниками!» Его тесть по такому случаю созвал родню и устроил большой пир. После этого зажил счастливо Дханадатта со своей Ратнавали, пользуясь богатствами тестя.

Однажды ночью — о, как поведать о том, о чем не должно бы говорить, но нельзя прервать рассказ! — убил он супругу, спавшую в его объятиях, забрал все ее украшения драгоценные и затем незамеченным ушел в свою страну. Таковы-то злодеи мужчины!».

Когда на этом закончила свою историю майна, молвил царевич попугаю: «Теперь рассказывай ты!» И тогда сказал попугай: «Нестерпимы, божественный, и невыносимо упрямы, распутны и грешны женщины, и об этом я и поведаю. Соболаговоли же выслушать историю

о коварной Васудатте

Есть такой город Харшавати, и был там старейшиной купцов Дхармадатта, обладатель многих десятков миллионов золотых. И была у

него дочь Васудатта, с которой никакая другая красавица не могла соперничать красотой, и любил ее купец больше жизни своей. Выдал он дочь за жителя города Тамралипти, населенного добродетельными людьми, купеческого сына Самудрадатту, равного ей по красоте, — до того он был хорош, что женщины упивались его красотой, как чакора лунными лучами. Однажды, когда он отправился к себе на родину, его жена, дочь купца, оставшаяся в доме отца, увидела издали какого-то мужчину. Заметив, что он и молод, и хорош собой, она, распутная, оказалась во власти Мары: подослала к тому мужчине тайком служанку и сделала его своим тайным любовником, и, начиная с того времени, что ни ночь, сходилась она с ним — с тем, к которому привязалась всем сердцем.

Но вот наступил день, когда юный муж вернулся из родных краев, и стал он для ее родителей воплощением радости. В тот день праздничный она, наряженная, по настоянию матери разделила с ним ложе, но не отдалась ему, и хоть просил он ее, но она, помышляющая о другом, прикинулась спящей. Он же, захмелевший от питья и уставший от дальней дороги, уснул. Когда все в доме, упившиеся и наевшиеся, крепко заснули, проник в дом, проломив стену, вор и увидел, как та дочь купеческая поднялась, не заметив его, вышла, устремившись на условленное с любовником свидание. Тогда вор, замысел которого оказался разрушенным, подумал: «Украшения, ради которых я сюда проник, на ней, вышедшей тайно ночью. Пойду-ка я и погляжу, куда это она идет?» Так решив, выбрался он из дома и пошел следом за Васудаттой, не спуская с нее глаз, а сам оставаясь незамеченным.

А она, с цветком и подобными вещами в руке, сопровождаемая служанкой, посвященной в ее тайну, вошла в сад, который был не очень далеко за городской стеной, и увидела своего возлюбленного висющим на дереве — когда пришел он на свидание, городские стражники, приняв его за вора, повесили. В ужасе вскрикнула она: «Горе! Пропала я!» — и упала на землю, горько рыдая и причитая. Потом сняла она с дерева мертвого любовника и, посадив, украсила его цветами и умастила притираниями. А потом обняла его, бесчувственного, та, душа которой была объята мраком горести и страсти. И только подняла она его лицо и, страстная, стала целовать любимого, как вдруг тот, неживой, но в которого вселился вета, откусил ей нос. Перепугалась она, и больно ей было, и отбежала она, но, подумав: «Да что это? Уж не живой ли он?», — вернулась и посмотрела на него. И увидела она, что он мертв и недвижим, так как вета его покинул. И пошла она прочь, испуганная и униженная, заливаясь слезами.

Вор же, стоявший незамеченным, все это видел и подумал: «Что же

теперь эта грешница совершит? О, воистину сердце женское ужасно и мрачно, словно мрачный колодец, неизмеримо глубокий, в котором падению нет конца! Чего она теперь не сделает?» Снова из любопытства пошел он за ней следом. А она вернулась домой к спящему мужу и стала громко плакать и так кричать: «Спасите меня от этого врага в облике мужа! Откусил он мне, безвинной, нос!» Этот плач услыша, тотчас же все в испуге проснулись — и муж, и слуги, и отец. Прибежал отец в ее покои, увидал, что нос у нее только что откушен, разъярился и, крича: «Вот погубитель жены своей!» — велел связать зятя. Тот же, ничего не понимая, молчал, словно немой, поскольку и тесть, и все, кто этот крик слышали, были против него. Все это узнав, вор незаметно оттуда ускользнул. В суматохе и шуме прошла ночь, а утром тесть своего зятя и его жену с откушенным носом привел к царю. Царь же, про все узнав, приговорил: «Вот жены своей погубитель!» — не стал слушать оправдания Самудрадатты и велел казнить купеческого сына.

Ведут его царские слуги под барабанный бой на место казни, а вор подходит к ним и говорит: «Не следует безгрешного казнить! А как все это случилось, я знаю. Отведите меня к царю, и я все расскажу». Сказавшего это царские слуги провели к государю. Без страха поведал вор о ночной истории с самого начала и закончил ее так: «Если мне ты не веришь, то можешь посмотреть — тот самый нос и сейчас во рту у мертвеца».

Выслушав вора, тотчас же царь послал слуг убедиться, истинно ли все сказанное, а затем избавил купеческого сына от казни и отпустил его. А злодейке Васудатте приказал отрезать уши и изгнать из своей страны. Наказал он тестя — отобрал у того имущество, а вора обрадованный им царь назначил начальником городской стражи.

Вот какими отвратительными и зловредными негодяйками бывают женщины!». Так закончил свою историю попугай, и тут же, обратившись в дивной красоты гандхарву по имени Читраратха, который освободился от проклятия Индры, улетел на небо. Майна в тот же миг обратилась в небесную деву по имени Тилоттаму, также избавившуюся от проклятия, и тоже скрылась в небесном просторе.

Но их спор в зале совета так и остался неразрешенным». Заключив этими словами историю, обратился вета к царю: «Так скажи, почтенный, кто же грешнее — мужчины или женщины? Если знаешь, да не скажешь, разлетится голова твоя на множество кусков!»

Выслушал царь вопрос сидевшего на его плече вета и ответил: «Женщины, Йогешвара, грешнее! Случается иногда, что и мужчина таким же грешником окажется, что же касается женщин, то они почти всегда и

повсюду грешницы».

Пока отвечал царь, вета́ла, как прежде, соскочил с его плеча и исчез, и царь вновь пошел за ним, чтобы отнести его, куда было условлено.

Волна одиннадцатая

Добравшись до дерева шиншапа, оказался Викрамасена ночью на том же кладбище, снова поднял на плечо дико хохочущего ветау, вселившегося в труп, и, бестрепетный, опять в молчании отправился в путь. И как и прежде, ему, идущему, говорит ветау, сидя у него на плече. «И зачем ты, царь, стараешься ради этого дрянного бхикшу? Не понимаешь ты, видно, какое это бесплодное дело! Безумец ты, право! Слушай же, расскажу я тебе, чтобы дорогу скоротать,

о добродетельном Вираваре

Стоит на земле город Шобхавати, по заслугам названный блистательным. Некогда правил в нем царь Шудрака, наделенный беспредельным мужеством, палящее пламя которого непрестанно раздувалось развивающимися густыми перьями опахал, которыми оведали его жены плененных врагов.

При нем земля, хранительница богатств, наслаждалась ничем не прерываемой праведностью жизни и, я полагаю, забыла о Раме и прочих царях.

Однажды к этому великому государю, почитаемому героями, пришел из Малавы проситься на службу брахман по имени Виравара. Были у того брахмана добродетельная жена Дхармавати, сын Саттвавара и дочь Виравати — всего в его семье было трое. Слуг у него было тоже трое: на боку кинжал, в одной руке меч, в другой — изукрашенный кожаный щит. И хоть это была вся его свита, просил он у раджи на каждый день жалованья пятьсот динаров.

Полагая, что внешность его соответствует достоинству и мужеству, царь Шудрака согласился и назначил ему именно такое жалованье, какое тот просил. Но стало Шудраке любопытно узнать, зачем Вираваре при такой малой семье так много золотых монет — для ублаговления своих пороков или для какой-либо доброй цели, — и, чтобы разузнать о том, как живет Виравара, назначил мудрый государь тайных соглядатаев.

А Виравара утром являлся к царю, в середине дня стоял в боевом

наряде на страже у входа во дворец и, получив полагавшиеся ему пятьсот динаров, уходил домой. Что ни день, давал он сто динаров жене своей на пищу, на другую сотню покупал одежду, притирания, бетель и прочее, совершая омовение, отдавал он еще сотню динаров для устройства жертвы Вишну и Шиве, а последние две раздавал брахманам и нуждающимся — так он постоянно все эти пятьсот динаров расходовал. Каждый раз после этого, совершив жертву огню и все прочие положенные обряды, он снова отправлялся к дворцовым воротам и с мечом в руке стоял там всю ночь. Когда доложили соглядатаи, что Виравара так добродетельно живет, очень обрадовался Шудрака, и потому велел перестать за ним следить, и решил, что Виравара человек исключительный и достойный высшего почета.

Много дней прошло, и Виравара немало претерпел от жаркой поры, когда яростно палит рассвирепевшее солнце. Но вот наступило время облаков и туч, и словно из зависти загрохотал гром, подобно кинжалам яростно засверкали молнии, будто мечи обрушились бешеные ливни — день и ночь из ужасных туч низвергались потоки. Виравара же по-прежнему непоколебимо стоял у ворот — днем видел его Шудрака 9 балкона дворца. А как-то ночью, пожелав узнать, стоит ли Виравара на посту, поднялся царь на балкон и спросил: «Кто стоит здесь, у ворот?» И услышал ответ Виравары: «Я здесь стою!» — «О, сколь тверд он в добродетели, преданный мне Виравара! Непременно надо будет назначить его на высокую должность!» — подумал царь, спустился в покои и отошел ко сну.

На следующий день еще пуще низвергали тучи потоки ливня на землю, и ввечеру мрак сгустился так, что не видно было ни зги. И снова царь поднялся на балкон и громко крикнул: «Кто у царских ворот стоит?» — «Я стою!» — снова ответил ему Виравара, и беспредельно было изумление царя стойкостью воина. А пока царь изумлялся, откуда-то издалека вдруг донесся полный отчаяния жалобный звук горестного рыдания.

«Нет в моем царстве ни угнетенных, ни бедных, ни обездоленных. Кто бы это мог в одиночестве рыдать во мраке ночи?» — подумал Шудрака, и пробудилось в его сердце сострадание, и повелел он стоявшему внизу Вираваре: «О Виравара, ты слышишь, как вдалеке плачет какая-то женщина? Сейчас же ступай и разузнай, кто она и почему плачет!» Услышав это и ответив: «Повинуюсь!» — тотчас же Виравара с мечом в руке и кинжалом за поясом отправился в путь. И когда царь увидел, как Виравара один уходил в эту жуткую ночь, когда мир, объятый черными тучами, из которых вырывались вспышки молний и лились тяжелые

потоки дождя, казалось, обратился в ракшаса, бешено сверкавшего глазами и метавшего камни, наполнилось сердце его состраданием и любопытством, и, спустившись с крыши дворца и вооружившись мечом, незаметно пошел Шудрака следом за Вираварой.

Идет Виравара, разыскивая рыдающую женщину, и когда уже вышел он из города и дошел до какого-то пруда, то увидел, что стоит посреди него женщина и оглашает все вокруг рыданиями: «О герой! О сострадательный! О самоотверженный! Как жить я буду, лишенная тебя?!» — «Кто ты и о чем рыдаешь?» — спросил ее удивленный Виравара, за которым безмолвно следовал царь. Она же вот что ему отвечала: «О Виравара, узнай, милый, что я — эта Земля, а твой нынешний повелитель царь Шудрака — мой законный супруг. Через три дня суждено ему умереть. Где еще добуду я такого царя себе в супруги? Вот поэтому-то я, несчастная, оплакиваю и его и себя!»

Выслушал Виравара ее и, потрясенный ее словами, спросил у нее: «О божественная, нет ли средства какого-нибудь, с помощью которого можно было бы избежать смерти повелителя, охраняющего мир?» Ответила ему на это Хранительница богатств: «Только один есть такой способ, и только ты, достойный, можешь его употребить!» Тогда попросил ее Виравара: «Скажи скорее, что это за способ? Если есть такой, то тотчас же я им воспользуюсь — что за смысл иначе в моей жизни?!» Снова заговорила Хранительница богатств: «Нет героя, подобного тебе! Предан ты повелителю своему и поэтому слушай, брахман, в чем состоит это средство. Если ты принесешь сына в жертву прославленной, милостивой богине Чандике, которой царь возвел храм неподалеку от своего дворца, то царь не умрет, а проживет еще целых сто лет. И если ты это сегодня же совершишь, то будет хорошо, а если нет, то непременно через три дня не будет его в живых!» И только Земля кончила говорить, как воскликнул мужественный Виравара: «Спешу я, богиня, свершить все теперь же!» «Да будет тебе благо!» — ответила ему Хранительница богатств и тотчас же исчезла. Все это слышал тайно и молча следовавший за Вираварой царь. Устремился воин домой, а Шудрака, пожелав узнать, чем это кончится, пошел вслед за ним.

Добравшись до дома, разбудил Виравара жену свою Дхармавати и рассказал ей, что ради спасения царя нужно ему сына принести в жертву, а та все выслушала и молвила только: «Да будет царю благо! Разбуди сына и скажи ему об этом, почтенный!» Разбудил сына Виравара и, поведав ему обо всем, сказал: «Так вот, сын, если будешь ты принесен в жертву богине Чандике, то останется царь жить, если нет — на третий день умрет!»

Выслушал отца Саттвавара и, хоть и был он ребенком, показал, как о том свидетельствовало его имя, что стоек он в добродетели, — ответил на это отцу: «Достигнута цель моей жизни, если, отдав ее, смогу я обеспечить повелителю жизнь. Да тем и за съеденную пищу расплачусь. Что же медлишь, батюшка! Отведи же меня к благостной богине и принеси меня ей в жертву. И да будет мир моему государю».

«Добро! Достойный сын от меня родился!» — только и молвил Виравара, выслушав, что сказал Саттвавара. Все это слышал стоявший за стеной царь и подумал: «О, все они равны в добродетели!»

Посадил Виравара себе на плечо сына своего Саттвавару и пошел к храму Чандики, а за ним следом поспешили жена Дхармавати и дочь Виравати. Неотступно шел за ними царь Шудрака, таясь от их взоров. Вот перед богиней спустил Виравара сына на землю, и Саттвавара, истинное средоточие мужества, воззвал к ней: «О богиня! Прими в жертву мою голову, и пусть благодаря этому царь Шудрака здравствует еще сто лет, и сделай так, чтобы царству его не угрожали враги!» И пока он так говорил, Виравара, воскликнув: «Хорошо! Хорошо!» — выхватил меч и отсек сыну голову. А затем принес ее в жертву Чандике со словами: «Да благоденствует царь благодаря жертве моего сына!» Тотчас же прозвучал в поднебесье голос: «Добро, добро, Виравара! Есть ли еще кто-нибудь столь же преданный господину, не остановившийся даже перед утратой единственного сына ради жизни и царства царя Шудраки?!» А царь все это видит и слышит.

Кинулась Виравати, малая дочь Виравары, к голове брата, обняла ее и разрыдалась — горе разрывало ей грудь. Не выдержало, разорвалось и ее сердце. Обратилась тогда к мужу добродетельная Дхармавати: «Исполнен нынче долг наш перед царем! Доченька милая, дитя несмышленное, от горя по погибшему брату сама скончалась. Погибли оба дитяти моих, и что мне теперь жизнь?! Раз уж не отдала я, глупая, раньше их своей головы на благо царю, то разреши мне теперь вступить на костер погребальный!» Молвил ей в ответ Виравара: «Сделай так. Что за благо будет тебе, если останешься жить? Чем жить ты будешь, кроме горя по погибшим детям? Чего бы не отдал я сам, чтобы избавить тебя от этого горя! Разве не принес бы я сам себя в жертву, если б можно было другого принести в жертву? Но подожди — разложу я здесь костер, собрав поленья, предназначенные для храма». Собрал Виравара те поленья, сложил их, положил на них тела сына и дочери, взяв огонь от светильника, разжег костер. Упала тогда ему в ноги Дхармавати и воззвала к богине Чанди: «Пусть и в другом рождении благородный будет моим мужем! И да будет благо царю от жертвы

моей, — оттого что принесла я в жертву свое тело!» Воскликнув так, бросилась она в пламя, взметывавшее языки свои подобно спутанным космам.

Задумался тогда мужественный Виравара: «Выполнил я долг перед царем, и голос небесный это подтвердил. За все то, что я съел и чем пользовался, ничего я царю не должен. Что же мне теперь, одинокому, за жизнь держаться? Радостно поддерживать любимую семью, но нынче нет ее. Что такому, как я, одинокому осталось в жизни? Так почему бы не порадовать мне Амбику^[134], принеся ей в жертву свое тело?» Так рассудив, вознес он богине такую молитву:

«Победа тебе, сразившей асура Махишу, носительнице трезубца, погубительнице данава Руру! Победа тебе, о лучшая из матерей, все три мира держащая, творящая праздник для мудрых! Победа тебе, чьи стопы почитает весь мир, прибежище тех верующих, кто надеется на конечное освобождение! Победа тебе, оберегающей лучи солнца, разгоняющей мрак сонмов несчастий! Победа тебе, черная! Победа тебе, черепами и скелетами украшенная! Да будет тебе благо и слава! Смилуйся над царем Шудракой — голову свою приношу тебе в жертву^[135]!»

И, закончив молитву богине, Виравара снова выхватил меч и мгновенно обезглавил себя.

Все это видел стоявший во мраке Шудрака. Потрясенный и умиленный, подумал он с удивлением: «То, что этот воин совершил, нигде и никем не слышано и не видано — невероятный подвиг совершил он вместе со всей семьей ради меня. Удивительно, откуда берутся в этом мире такие герои, скромно отдающие жизнь свою ради господина! Если не совершу я равного тому поступка, то что мне власть? Зачем жить мне, подобно неблагодарному скоту?» С такими мыслями выхватывает Шудрака меч из ножен и, приблизившись к богине, говорит мужественный: «Мне, всегда тебе преданному, окажи нынче, Благостная, милость! Прими в жертву мою голову, Возлюбленная, и сделай так, чтобы этот Виравара, по заслугам так названный, отдавший жизнь за меня, ожил вместе со всей семьей». Произнеся такие слова, хотел было Шудрака отсечь себе голову, но раздался в поднебесье божественный глас: «Не спеши! Довольна я тобой, добродетельный! Вернется к жизни Виравара с женой и детьми!» И только прозвучали эти слова, как поднялись невредимые Виравара, и сын его, и супруга с дочерью.

Когда свершилось это чудо, снова спрятался царь, но не мог он насмотреться на них, и взор его туманился радостными слезами. Виравара

же очень удивился, увидя жену и детей словно восставшими от сна, и спросил он их, назвав каждого по имени: «Как случилось, что вы, обратившиеся в прах, снова живы? Да ведь и я сам, хоть и отсекал себе голову, жив! Что же все это значит? Что это — наваждение или милость богини?» Говорящему так сказали жена и дети: «Видно, это милость богини, не заслуженная нами. Благодаря ей мы и живы!» Согласился Виравара, что это, должно быть, так и есть, поклонился богине и, достигший своей цели — спасения царя Шудраки от смерти, — с женой и детьми отправился домой. Оставил он дома жену, сына и дочь, а сам пошел во мраке ночи к царским воротам и стал там, как обычно.

Царь Шудрака, видевший все и оставшийся незамеченным вернулся во дворец, снова поднялся на балкон и произнес: «Кто здесь у ворот стоит?» И ответил ему на это Виравара: «Я стою, государь! Ходил я по повелению божественного искать ту женщину, но она, лишь я ее увидел, исчезла, словно ракшаси». Выслушал Шудрака все, что сказал Виравара и, сам все видевший, удивился его ответу. «Воистину, — подумал он, — душа благородного, как море, безмерно глубока. Даже совершив небывалый подвиг, он и не пытается о нем поинтересоваться». Глубоко задумавшись, в молчании спустился царь с балкона, вошел к себе в покои и провел там остаток ночи.

Когда же на следующий день утром явился Виравара, чтобы присутствовать на утреннем приеме, рассказал радостный царь министрам обо всем, что случилось минувшей ночью, и все они были ошеломлены услышанным. Из любви к Вираваре отдал Шудрака ему и его сыну царства Лата и Карната^[136], и после этого счастливо жили цари Виравара и Шудрака, равные в своем могуществе, помогая друг другу.

Окончив эту весьма занимательную историю, снова обратился веталя к царю: «Скажи мне, царь, кто же из них больший герой? Но вспомни, что, если, зная, не скажешь, поразит тебя проклятие, о котором говорил я прежде!» Отвечал охранитель земли веталя: «Самый большой герой из них, конечно, Шудрака». Возразил ему веталя: «А почему не Виравара? Ведь не рожден еще на земле кто-нибудь равный ему? И почему не жена его? Ведь пришлось ей быть свидетельницей, как сына ее, подобно скоту, в жертву приносят. И почему не сын его Саттвавара? Хоть и ребенок он еще, а сколь высок в добродетели! Почему же ты считаешь, что Шудрака герой больший, чем они?» Тогда сказал веталя на это царь: «Нет, не может быть большим героем Виравара, сын благородного рода, для которого защищать господина ценой своей жизни, жизни детей или жен — высокий долг! И не его жена! Ведь она из благородной семьи, добродетельная, и единственное

божество для нее — муж, а следовать во всем супругу — какой еще закон для нее может быть?! От них рожден и потому им подобен их сын Саттаварара — какова пряжа, такова и ткань! А Шудрака готов был принести тело свое в жертву, хотя известно, что царь скорее пожертвует жизнью слуги, чем своей ради последнего!»

Выслушав этот ответ, тотчас же соскочил веталя с мертвецом с царского плеча и с помощью своей волшебной силы незаметно вернулся на прежнее место на дереве. А царь, как и прежде, пошел той же дорогой на кладбище, твердый в своем решении отнести веталя, куда обещал.

Волна двенадцатая

Снова вернулся царь к подножию дерева шиншапа и увидел на этот раз мертвеца с вселившимся в него ветапой висющим на дереве. Снова спустил покойника вниз Тривикрамасена и, выбравшись, снова поднял его на плечо и отправился в путь. Как и прежде, снова ветапа говорит царю, молча шагающему в ночной тьме по кладбищу: «Упорен ты, царь, в достижении цели, настойчив, и очень ты нравишься мне. Чтобы душу твою позабавить, расскажу я тебе историю, а ты слушай,

как спорили из-за невесты мудрец, чародей и герой

У царя Пуньясены, правившего в Удджайини, был близким другом и советником добродетельный брахман по имени Харисвамин, и был у Харисвамина от его такой добродетельной, как и он сам, жены сын, в добродетелях не уступающий отцу, а имя его было Девасвамин. И еще родилась у них вслед за сыном дочь Сомабрахма, что означает «лунный свет», заслуженно так названная. Красота же и прелесть ее были такими, что никакая иная красавица не могла бы с ней сравниться. Как достигла Сомабрахма тех лет, когда девушку следует выдавать замуж, она, чрезмерно гордая своей красотой, передала через мать отцу и брату: «Отдать меня замуж следует или за героя, или за мудреца, или за чародея, а не за какого-нибудь иного жениха, если хотите, чтобы я осталась живой».

Услышав о таком ее выборе, крепко задумался отец, а пока он раздумывал над тем, как найти ей такого мужа, послал его Пуньясена с посольством к царю Южных краев, желая заключить с ним договор о союзе, — этим хотел он предупредить нападение, которое тот собирался совершить. Когда выполнил Харисвамин порученное ему дело, обратился к нему один брахман, слышавший о красоте дочери Харисвамина, с просьбой отдать ему ее в жены.

«Хочет моя дочь себе в мужья либо героя, либо мудреца, либо чародея, и никого иного. Скажи мне, почтенный, кто же ты?» — спросил Харисвамин. На это ему так отвечал брахман, желавший жениться: «Сведу я в чародействе». — «Так покажи мне свое мастерство», — сказал

ему Харисвамин. И брахман тотчас же силой своего волшебства изготовил колесницу, способную двигаться в поднебесье, пригласил Харисвамина взойти вместе с ним на ту волшебную колесницу и показал ему и небо, и все прочие миры, и доставил его, радостного, прямо в лагерь царя Южных краев, к которому он был послан с поручением. Пообещал Харисвамин отдать брахману свою дочь и назначил, что свадьба должна состояться на седьмой день.

Тем временем в Удджайини другой дваждырожденный попросил у Девасвамина отдать сестру ему в жены. Сказал Девасвамин, что, мол, сестра его не хочет никакого иного мужа, кроме либо героя, либо мудреца, либо чародея, и дваждырожденный ответил на это, что он — герой, и, когда подтвердил это владением разным оружием — и тем, которое мечут, и тем, которое в руке держат, — пообещал Девасвамин отдать ему сестру в жены и по совету звездочетов назначил свадьбу на седьмой день, а решил он это втайне от матери.

К матери же его, жене Харисвамина, в то же время пришел кто-то третий и тоже посватал Сомапрабху себе в жены. Рассказала она ему, что дочь ее желает себе в мужья либо героя, либо мудреца, либо чародея, а посватавшийся ответил, что он — мудрец. Спросила мать у него и о прошлом, и о будущем и, пообещав отдать ему в жены дочь, свадьбу тоже назначила на седьмой день.

Возвратился на следующий день Харисвамин и сообщил и жене, и сыну о своем решении выдать дочь замуж, а они каждый отдельно сами рассказали ему о том, как условились. Встревожился он, когда узнал, что приглашены три жениха.

Вот в день свадьбы сошлись в доме Харисвамина три жениха — герой, мудрец и чародей. Но вот что странно — невеста-то, Сомапрабха, исчезла куда-то, и ни доискаться, ни дозваться ее не могли. Говорит тогда в смятении Харисвамин мудрецу: «Скажи мне, мудрый, немедля, куда исчезла моя дочь?» А тот сразу же и ответил: «Похитил ее ракшас Дхумашикха и унес в свое жилище в леса на Виндхийских горах». — «Увы! Горе нам! Как вернуть ее? Вот несчастье-то! Что же со свадьбой делать?» При этих криках чародей сказал: «Крепись! Сейчас же доставлю я вас туда, где, по словам мудреца, она находится». И мгновенно изготовил он колесницу, снабженную всяческим оружием, и, взойдя на нее вместе с Харисвамином, мудрецом и героем, доставил на ней, движущейся по небу, их всех в леса на Виндхийских горах к жилищу ракшаса, указанному мудрецом. А там герой, посланный Харисвамином, сразился с разъяренным ракшасом, узнавшим, что они пришли, и вышедшим им

навстречу. Разгорелась тут небывалая битва из-за женщины между человеком и ракшасом, сражавшимися разными видами оружия, как между Рамой и Раваной. В одно мгновение стрелой, острие которой подобно было серпу полумесяца, срезал герой голову ракшаса, хмельного от жажды битвы. А когда пал ракшас, освободили они Сомапрабху и на колеснице чародея отправились из жилища ракшаса восвояси.

Прибыли они в дом Харисвамина, но хоть и настал указанный астрологами день, а свадьба не могла состояться, так как между мудрецом, чародеем и героем начался превеликий спор. Мудрец кричал: «Разве не я здесь, в Удджайини, узнал, где она скрыта? Как бы иначе ее вызволили? Мне ее отдать следует!» — «Если б не создал я колесницу, в поднебесье движущуюся, как бы вы могли, богам подобно, в мгновение ока передвигаться то туда, то сюда? Да как бы без колесницы можно было сразиться со стоящим на колеснице ракшасом? Должно мне ее в жены отдать, ибо благодаря мне наступил этот день!» Возражал им герой: «Если б не сразил я ракшаса в битве, что бы вы оба могли сделать, чтобы девушку спасти? Должна быть она отдана в жены мне!» А пока они так спорили, стоял Харисвамин молча и в полном смятении, размышляя, кому же следует ее отдать.

Так скажи ты, царь! А если ты, почтенный, зная, не скажешь, лопнет твоя голова».

Выслушав все это от веты, нарушил молчание великий царь Тривикрамасена и так ему ответил: «Нужно отдать ее в жены герою, потому что он силой рук своих и рискуя жизнью сразил в бою ракшаса. Что же касается мудреца и чародея, то творец создал их лишь помощниками — ведь служат же другим мастера и знающие счет?»

Как только ответил так царь, соскочил вета вместе с покойником с его плеча и, как прежде, умчался на свое место, а царь невозмутимо снова пошел за ним.

Волна тринадцатая

Снова добрался царь до дерева шиншапа и снова, взвалив, как прежде, покойника с вселившимся в него веталой на плечо, молча отправился в путь. Быстро идет Тривикрамасена по дороге, а ветала снова к нему обращается: «Ты мудр и добродетелен, царь, и потому ты мне нравишься. Расскажу я тебе еще одну историю с загадкой, а ты слушай»

о поспешившей Маданасундари

По всей земле прославился царь Яшаскету, истинное знамя славы, а столицей его был город Шобхавати. Был в этом городе богатый храм Гаури, а к югу от него — озеро, называвшееся Гауритиртха. Каждый год на четырнадцатый^[137] день светлой половины месяца ашадха со всех сторон стекались туда паломники совершить омовение. Однажды в этот день пришел туда молодой стиральщик Дхавала, живший в деревне Брахмастхала, и увидел он пришедшую на тиртху юную красавицу Маданасундари, дочь Шуддхапаты. Красотой и прелестью превзошедшая луну, она тотчас же похитила сердце Дхавалы, и он, выпросив о ее роде и имени, ушел домой, но не мог найти покоя — ничего не ел в разлуке с ней, и встревожилась его мать и спросила, что с ним, и он рассказал ей о сердечном влечении. Пошла она к своему мужу Вимале и обо всем поведала ему. Пришел тот, посмотрел, в каком состоянии сын находится, и так ему сказал: «Что печалишься, сынок? Не так уж трудно добыть твою желанную. Если попрошу я Шуддхапату, отдаст он за тебя свою дочь — не уступаем мы ему ни рождением, ни богатством, ни занятием! Я знаю его, он меня знает, так что мне это устроить не трудно!» Так утешил он сына и уговорил поесть и попить, а на следующий день отправился вместе с ним к Шуддхапате. Попросил он Шуддхапату выдать дочь за Дхавалу, и тот с радостью согласился.

А на следующий день, когда звезды были благосклонны, отдал Шуддхапата Дхавале свою дочь Маданасундари, равную ему по роду. Когда же сыграли свадьбу, вернулся с молодой женой, с первого взгляда в него влюбившейся, Дхавала в дом своего отца.

Вот живет он там счастливо, и приходит однажды к нему сын тестя, брат Маданасундари. Все его радостно приняли, радовалась и Маданасундари — обняла она его. Был он спрошен родственниками о здоровье, а когда отдохнул, сообщил им вот что: «Послан я сюда отцом, чтобы пригласить зятя и Маданасундари к нам, потому что собираемся мы справить пуджу^[138] Богине». Обрадовались, услыша такое, все родичи, и с уважением приняли приглашение, и потчевали его, как следует, и питьем, и едой, и всячески его ублажали.

Рано утром отправился Дхавала с Маданасундари и шурином в дом тестя, и почти достигли они уже того города Шобхавати, как увидели по дороге к нему большой храм Гаури. Говорит Дхавала, преисполненный веры и благоговения, Маданасундари и шурина: «Войдем и посмотрим на богиню благодатную!» Возразил ему шурин: «Что ж мы так то с пустыми руками будем на богиню смотреть?» «Ну, тогда я один пойду, а вы здесь подождите», — ответил на это Дхавала и пошел поклониться богине.

Вступил он в храм, и поклонился ей, и в восхищении ею, сокрушившей яростных данавов мощью своих восемнадцати рук, поправшей асура Махишу своей лотосоподобной ногой, побуждаемый судьбой, подумал так: «Почитают эту богиню люди, принося ей в жертву различных животных. Почему бы мне, ради освобождения от перерождений, не порадовать ее, принеся в жертву самого себя?» Так решив, входит он в безлюдное святая святых, берет меч, какими-то паломниками давным-давно в дар богине принесенный, и, привязав волосами голову к цепи колокола, отсекает ее тем мечом и падает бездыханным на землю.

Поскольку долго не выходил он из храма, посмотреть, что с ним, отправился шурин. Увидел он мужа сестры обезглавленным и в отчаянии тем же мечом отсек себе голову.

Встревожилась его сестра — почему он так долго не выходит? Идет в храм сама Маданасундари и, как только вступает в него, видит и мужа, и брата обезглавленных. «О горе! Что это? Умираю я!» — и, рыдая, упала она на землю. Но тотчас же поднялась она, оплакивая неожиданно погибших: «Что мне теперь в этой жизни?» Взмолилась она, готовая с жизнью расстаться: «О богиня, единственная доставляющая счастье в жизни, обитающая в половине тела своего супруга, врага Камы, истребительница несчастий, единственное прибежище женщин! Несправедливо поступила ты, лишив меня и мужа, и брата, — ведь я всегда была тебе преданна! К тебе прибегаю я теперь — защити, выслушай скорбную речь мою! Вот готова покинуть я это тело, злосчастьем

пораженное, но пусть, богиня, где бы и когда бы ни рождалась я, пусть всегда и повсюду будут они моими братом и мужем».

Так взмолившись и восславив богиню, поклонилась ей Маданасундари, сделала на дереве ашока петлю-удавку из лианы, и, когда уже всовывала голову в петлю, готовясь принести себя в жертву, прозвучал с небес божественный голос: «Не торопись, дочь моя! Довольна я самоотверженностью твоей — совсем молода ты. Брось эту петлю. Награду тебе я даю — присоедини головы мужа и брата к их телам, и тотчас же встанут они оба целы и невредимы».

Услышав о такой награде, отбросила Маданасундари петлю, в радости кинулась к ним и, взволнованная неожиданностью, голову мужа по воле судьбы приставила к телу брата, а к телу мужа присоединила голову брата, и тогда поднялись они оба целы и невредимы. Но раз головы у них были перепутаны, перепутанными оказались и тела. После этого каждый из них рассказал свою историю, и они, радостные, поклонились божественной супруге Шарвы и отправились туда, куда собирались. Вот идут они, и тут только заметила Маданасундари, что головы им поменяла. Смутилась она — что же ей теперь делать?

Так скажи мне, царь, кто из этих двух перепутанных ей муж? Если знаешь, да не скажешь, то сбудется то проклятие, о котором прежде я говорил».

Выслушал эту историю, рассказанную веталой и оканчивающуюся загадкой, царь Тривикрамасена и так ответил: «Тот ей муж, у кого мужнина голова — из частей тела голова самая важная. Ведь по ней людей узнают».

И только кончил царь говорить, ветала соскочил с его плеча и сбежал незаметно, и царь снова пошел за ним.

Волна четырнадцатая

Вот, забрав с дерева шиншапа покойника с веталой, поднял его Тривикрамасена на плечо и отправился в путь, а ветала снова к нему обращается: «Расскажу я тебе, царь, чтобы усталость твою утолить, одну историю. Слушай

о доблестном Саттвашиле

Стоит на берегу Восточного океана город Тамралипти. Правил когда-то в том городе царь Чандасена, который всегда отворачивал свое лицо от чужих жен, а не от полей битвы— всегда похищал он победу у врагов и никогда не похищал имущества, принадлежащего другому. Однажды к воротам его дворца пришел из южных краев прославленный в народе раджпут по имени Саттвашила и, объявив, что из-за безденежья решил он служить царю, вместе с другими раджпутами, пришедшими с ним, разорвал изодранный ковер^[139], их последнее достояние. Так оказавшись прислужником, провел он у Чандасены многие годы и всегда верно служил царю, но никогда не получал от него награды. «Что за толк родиться в царском роду и терпеть безденежье? И как это при таком безденежье наградил меня творец большими желаниями? Вот служу я царю, а семья моя в нужде мучается, и подолгу мы все голодаем, но не замечает этого царь!» — так однажды раздумывал раджпут, когда царь собрался на охоту. И побежал тогда Саттвашила с дубиной в руках перед царем, и вступил царь в сопровождении конных и пеших воинов в изобилующий оленями лес.

В пылу охоты погнался царь за громадным и свирепым кабаном и, преследуя его, попал в лесную глушь. А там в траве и листьях потерял он след и упустил зверя, а затем, усталый, потерял и путь. Один лишь раджпут, пренебрегая жизнью своей, мучимый голодом и жаждой, продолжал сопровождать царя пешком, хотя повелитель его был на быстром как ветер коне. Заметив, что следует за ним раджпут, царь милостиво обратился к нему: «А что, не знаешь ли ты дороги, по которой мы сюда попали?» И ответил ему раджпут, почтительно сложив руки:

«Знаю я дорогу, но не соблаговолит ли государь отдохнуть немного? Солнце — самая большая драгоценность пояса, украшающего деву неба, супруг лилии, — простирает над миром сеть палящих лучей!» Выслушал его раджа и милостиво сказал: «Так не посмотрит ли почтенный, нет ли где-нибудь здесь воды, чтобы напиться?» Тогда взобрался раджпут на высокое дерево, увидел реку, слез и отвел к ней царя, а затем расседлал его коня, дал тому воды да свежей травы и пустил порезвиться да по траве покататься — и отдохнул конь. Когда же закончил царь омовение, развязал раджпут полу своей одежды и вытащил оттуда несколько вымытых сладких плодов амалаки^[140] и предложил их повелителю. «Откуда они у тебя?» — спросил его царь. И ответил на это раджпут, держа в почтительно сложенных руках две амалаки: «Десять лет уже прошло, как я, каждодневно питаюсь ими, совершаю, чтобы божественного порадовать, как подвижник, тяжкий обет, не уходя от людей». «Что уж говорить, — промолвил царь, — ведь истинно имя твое Саттвашила — твердый в добродетели!» Устыдившись и проникнувшись сочувствием, подумал царь: «Тьфу на тех государей, которые не знают, в беде или благополучии живут его слуги! Тьфу на приближенных, которые об этом не уведомляют государя!» С такими мыслями взял раджа две амалаки у раджпута, уступив его настойчивым просьбам. Съел он их, напился воды и отдохнул какое-то время в обществе раджпута, тоже поевшего амалак и попившего воды.

А потом раджпут оседлал коня, и царь вскочил на него. Раджпут же пошел впереди, показывая дорогу, и сколько ни уговаривал его царь сесть ему за спину на коня, отказывался тот. А тем временем встретил царь своих воинов и вернулся в столицу. Там он всем рассказал о преданности Саттвашилы и дал ему в награду и богатства большие, и уделы немалые и после того все еще не считал, что полностью с тем рассчитался. Удовлетворенный же раджпут оставался при царе Чандасене, хоть он уже и не обязан был служить ему.

Однажды посылает Чандасена раджпута к повелителю Ланки просить ему, Чандасене, в жены дочь того. Путь туда лежал по океану, и, поклонившись покровительствовавшему ему божеству, Саттвашила вместе с брахманами, которых царь назначил его сопровождать, взошел на корабль. Когда же корабль миновал уже середину пути, то с изумлением увидел Саттвашила, как поднялся стяг из глубины вод. Верхушка его касалась облаков, и был он велик и лучезарен, словно сделан из золота, и, развеваясь, переливался всеми цветами. И тотчас же непрерывными валами за клубились грозовые тучи, и задул буйный ветер, и полились с небес потоки воды. И ветер, и проливной дождь словно веревками притягивали

корабль к стягу, и был похож он на слона, привязанного к столбу. А тем временем стяг стал погружаться в глубь покрытого бушующими волнами океана, и корабль — вместе с ним. Тогда все брахманы, бывшие на корабле, перепугались, помянули повелителя своего Чандасену, и совсем не брахмански подняли крик. Не в состоянии был Саттвашила слышать их вопли, и, преданный господину, с мечом в руке, подвязав одежду, вслед за стягом отважно ринулся Саттвашила в океан, словно герой, пожелавший сразиться с его бурными валами. А пока раджпут погружался в пучину, корабль далеко отнесло ветром и разбило волнами, и все бывшие на нем попали в пасти морских чудовищ.

Саттвашила же продолжал погружаться в океан, но вдруг видит он, что не в океане он уже, а в дивном городе. В городе том повсюду колонны, украшенные драгоценными камнями, и сверкающие златоверхие храмы, и сады с прудами, ступени к которым выложены наилучшими самоцветами.

Заметил тут Саттвашила храм богине Катьяяни^[141], высокий, как гора Меру, украшенный стягом, усыпанный переливающимися драгоценными камнями — стены храма были выложены различными самоцветами. Поклонился раджпут богине, и вознес ей хвалу, и, удивившись: «Что же это за чудо?», — вступил в храм. И тотчас же увидел он сквозь сияние, окружавшее изваяние богини, как открылась потайная дверь и вышла из той двери божественной красоты девушка — глаза ее были подобны синим лотосам, лицо — раскрывшимся водяным лилиям, улыбка — цветку, тело нежно, как волоконца корней лотоса, а вся она была как движущееся озерцо, заросшее лотосами. В сопровождении тысячи женщин вошла она и в святая святых храма, и в сердце Саттвашилы. Но из святилища, принеся богине жертву, она вышла, а вот сердце раджпута не покинула. Тут снова скрылась она за той дверью, озаренной сиянием богини. Саттвашила же последовал за ней. И там увидел он еще один божественно прекрасный город, подобный саду, где собрались, словно назначив свидание, все улады мира. Увидел он и ту красавицу сидящей на ложе, украшенном самоцветными камнями, и, подойдя к ней, сел с ней рядом, и замер он, страстно жаждущий обнять ее, словно нарисованный, вперив в нее взор и трепеща всем телом, на котором от крайнего волнения поднялись все волоски. Заметив по его лицу, что околдовал его бог любви, взглянула она на служанок, и они, понимавшие знаки и жесты, пригласили его: «Ты здесь гость и потому воспользуйся гостеприимством нашей госпожи — встань сюда, соверши омовение и отведай угощения». При этих словах загорелась в нем искра надежды, и сумел он кое-как сдвинуться с места и пошел к указанному служанками пруду в саду. Но как только погрузился он в него,

тотчас же оказался в Тамралипти и с удивлением увидел, что выходит из пруда в саду царя Чандасены, а убедившись в этом, подумал про себя: «Что это? Откуда этот сад и куда исчез тот божественный город? Куда пропало то дивное и сладостное видение? Зачем так неожиданно досталась мне чаша смертельного яда разлуки с ней? Ведь это не сон, и я бодрствую и все ясно вижу. Быстро же меня одурачили эти красавицы из Паталы!» Так бродил он, разлученный с девой, словно безумный, по саду, одолеваемый любовью и рыдающий.

Увидели его садовники в таком состоянии — а казалось, будто тело его, покрытое желтой и оранжевой пылью, разносимой ветром, окутывали языки пламени палящей разлуки, — пошли к великому царю Чандасене и рассказали обо всем. Встревожился тот и пошел сам посмотреть, а увидя его, утешая, спросил: «Скажи нам, что это значит, любезный? Куда тебя послали и куда ты попал? Куда ты целился и где твои стрелы?».

Поведал Саттвашила царю о всех злоключениях, а тот подумал: «Вот беда-то! Добродетелен этот герой, а сумел Кама посмеяться над ним. Вот случай оплатить мой долг ему!» Подумав так про себя, обратился царь-герой к Саттвашиле: «Брось напрасно горевать! Добуду я тебе эту красавицу из рода асуров^[142], тобой любимую, поведу тебя к ней той же дорогой, по которой ты шел». Успокоил его царь так и устроил ему омовение и угощение.

На другой день, поручив министрам царство, Чандасена, взяв с собой Саттвашилу, отправился на корабле по дороге, раджпутром показанной, и когда достигли они середины океана, то, как и прежде, увидел Саттвашила стяг, украшенный лентами, и, показав на него царю, проговорил: «Вот вознесся тот самый волшебный стяг, за которым по воле судьбы я последовал». А пока Саттвашила рассказывал это, приблизились они к стягу и начал он погружаться в волны. Ринулся тогда Саттвашила в пучину, а за ним и царь кинулся точно так же, и когда они погрузились в воду, то вскоре добрались до того божественного города. Увидав его, был удивлен царь. Поклонившись Парвати, вошел он вместе с Саттвашилой в ее храм. А там в это время в сопровождении служанок вышла из сияния, окружавшего богиню, та красавица, и сама она была словно сияние. «Вот она, прекрасноликая!» — сказал Саттвашила царю, и тот подумал, что достойна она любви раджпуты. Красавица же, увидав Чандасену, отличавшегося царскими приметами, подумала: «Кто бы это мог быть? Кто он, этот необычайно прекрасный муж?» — и вошла в храм Амбики, чтобы совершить жертвоприношение. Царь же вместе с Саттвашилой намеренно

укрылся в саду. Через некоторое время, закончив жертву, вышла дочь дайтьи из святилища храма, вознеся моление Гаури о том, чтобы достался ей хороший муж, а выйдя, обратилась к одной из подруг с просьбой: «Милая, узнала бы ты, кто этот высокоблагородный муж, которого я видела, пока он здесь стоял? И попроси его, чтобы он оказал нам милость — воспользовался нашим гостеприимством. Видно по всему, что это человек, заслуживающий особого почтения!».

Подруга тотчас же пошла, разыскала царя в саду и все-все, что ей госпожа велела, передала ему. Выслушал ее царь-герой и беззаботно сказал: «Какое еще гостеприимство нам нужно?» Передала она эти слова госпоже, и подумала дочь дайтьи, что заслуживает он наибольшего уважения и почтения. А потом она, озадаченная тем, что царь не захотел воспользоваться ее гостеприимством и поступил тем самым не как обычный человек, и влекомая к нему его упорством, словно веревкой, посчитала, что Парвати, услышав ее моления о ниспослании хорошего мужа, послала ей его. Отправилась тогда дочка асура в сад, и приветствовал он ее пением разных птиц, трепетом листьев, колеблемых ветром, цветочным дождем, сыпавшимся с радующихся ее приходу деревьев. Приблизилась она к царю и с почтением стала упрашивать его воспользоваться ее гостеприимством. А он показал ей на Саттвашилу и сказал: «Пришел я сюда, чтобы посмотреть на богиню, о которой он мне рассказал. Последовав за стягом, уходившим в морскую глубь, увидел я Гаури, которой посвящен этот дивный храм, а вслед за этим — тебя. Какого же еще гостеприимства нам желать!».

Сказала она тогда ему: «Так, может быть, любопытства ради пойдет повелитель посмотреть мой другой город, истинное чудо всех трех миров?» Засмеялся царь: «Не тот ли это город с прудом для омовения, о котором он мне рассказывал?» Возразила она ему на это: «Не говори так, божественный, не собираюсь я тебя обманывать! Да и кто посмеет обмануть достойного? Твое высокое благородство обратило меня в твою покорную служанку. Не отвергай мою просьбу!».

«Так тому и быть!» — ответил на это царь и вместе с Саттвашилой и с нею вступил в сияние, окружавшее богиню, и через открывшуюся дверцу прошел вслед за красавицей. Увидел он тут еще один дивный город — и соединились в нем все времена года, и деревья поэтому были покрыты и цветами, и плодами, а сам город был похож на гору Меру, усыпанную золотом и драгоценными камнями. Пригласила красавица царя присесть на сидение, усыпанное жемчугами, и, угостив и почтив его, как полагается, обратилась к нему дочь повелителя асуров: «Я — дочь

высокоблагородного повелителя асуров Каланеми. Был мой отец отправлен на небо божественным Вишну, метателем диска^[143]. Эти два города остались мне от отца, а построены они были Вишвакарманом^[144], и не знают в них ни старости, ни смерти, и каждый может получить, что душе его угодно. А теперь ты — мой отец, и я, и города мои — в твоей воле!» И когда сказала она так, отдав и себя, и все свое на волю царя, он ей сказал: «Коли так, то отдам я тебя, доченька, герою Саттвашиле, другу и родственнику моему». Когда выслушала она сказанное царем, который оказался для нее живым воплощением милости, явленной ей богиней, то, зная добродетели и покорная, согласилась. А затем обратился царь к Саттвашиле, достигшему своей цели, получившему дочь асура и ставшему повелителем двух городов асуров: «Расплатился я с тобой только за одну из тех двух амалак, что съел в лесу, а вот за вторую буду я тебе вечным должником».

Сказав это склонившемуся перед ним в поклоне Саттвашиле, попросил он дочь дать: «Соблаговоли показать мне дорогу, по которой я попал бы в свой город». Тогда дала ему она плод, избавляющий от старости и смерти, и меч, который назывался «Не знающий поражений». А он с этими двумя предметами окунулся в пруд и тотчас же очутился в своем царстве — и с тех пор все его желания исполнялись и во всем ему сопутствовал успех. Саттвашила же правил городами, доставшимися ему от жены, принадлежавшей к роду дайтеев.

Так скажи мне, царь, кто из них двоих явил большую доблесть, ринувшись в океан?». Выслушав рассказ и вопрос, опасаясь того, что осуществится проклятие веталы, царь Тривикрамасена ответил: «Помоему, Саттвашила. Ведь он безо всякой надежды, не зная ни сути дела, ни что его ждет, бросился в океан, а радже все это уже было известно и сам он не хотел дочери дать, так как считал, что страстью ее не завоюешь».

Услышав ответ царя, снова нарушившего молчание, сорвался с его плеча покойник с веталой и снова, как и прежде, повис на дереве шиншапа, а царь точно так же снова пошел за ним, чтоб отнести его, куда было условлено. Разве успокоится разумный, не завершив начатого дела?

Волна пятнадцатая

Вернулся царь Тривикрамасена к дереву шиншапа и снова, взвалив покойника с веталой на плечо, двинулся в путь, и снова обратился к нему, на его плече сидя, ветала: «Чтобы забыл ты, царь, об усталости, задам я тебе один вопрос. Слушай

о трех разборчивых брахманах

Есть в стране ангов большое селение, отданное в кормление брахманам, называющееся Врикшагхата. Жил там богатый брахман, совершавший жертвы, как ведами предписано, и имя его было Вишнусвамин. Была у него жена, во всем ему равная, и от нее родились один за другим три сына, и все три юноши обладали необычайной проникательностью. Однажды их отец начал жертвоприношение и послал их принести ему черепаху. Пошли трое братьев на океанский берег, нашли черепаху, и тогда старший сказал младшим: «Вы оба возьмите черепаху для отцовского жертвоприношения. Не могу я ее тронуть, вонючую и грязную». И тогда ответили старшему младшие братья: «Что ж, тебе она противна, а нам — нет, что ли?». Тогда прикрикнул на них старший: «Ну-ка, вы оба, берите ее да отправляйтесь! Не то из-за вас останется неоконченным отцовское жертвоприношение и тотчас же и вы и он попадете в ад!».

Засмеялись они и возразили: «Что ж, ты хорошо знаешь наш долг! А разве твой долг не таков же?» Отвечал он им на это: «Не знаете, что ли, вы, как я разборчив во всем? Разборчив я в еде, и не след мне касаться всего, что вызывает отвращение». Такое от него услышав, сказал ему средний: «Ну и что? Зато разборчив я в женщинах!» Старший все равно продолжал настаивать: «Пусть младший из вас возьмет черепаху!» Тогда самый младший из них, нахмуря брови, возразил братьям: «Глупцы вы оба! Весьма разборчив я в матрасах».

Вот они, перессорившиеся, бросив черепаху, занятые одной лишь мыслью, как бы спор свой разрешить, отправились к правившему в той стране радже Прасенаджиту и скоро дошли до города Витанкапура. А там,

когда пратихара объявил о их прибытии, вошли они в зал совета и поведали царю обо всем, что с ними было. Выслушал их царь и сказал им, чтобы пожили они у него, пока он их испытает. Когда же наступило время трапезы, велел он их позвать, усадил на почетные места и угостил отменнейшей едой, достойной царей и обладающей шестью разными вкусами. Все ели угощение с удовольствием, и только старший сын, тот, который был разборчив в пище, не притронулся ни к чему и сидел с лицом, искаженным от отвращения.

Спросил его царь: «Что же ты, брахман, ничего не отведал? Угощение и вкусно, и душисто!» А брахман ему ответил спокойно: «Слышится мне от вареного риса запах трупа, сжигаемого на костре, и не могу я поэтому, государь, вкушать эту пищу, как бы ни была она сладка!» Когда он так сказал, все по слову царя понюхали еду и решили: «Из лучшего риса эта пища, и приготовлена безукоризненно, и душиста». Но разборчивый в еде все равно не притронулся к кушанью и сидел, зажав нос.

Тогда задумался царь, и решил узнать причину, и послал верных людей разузнать насчет этого угощения, и узнал от них, что было оно приготовлено из риса, выросшего на поле, расположенном вблизи от деревенского кладбища. Очень этому удивился царь и, обрадованный, сказал ему: «Истинно, разборчив ты в пище. Отведай другого кушанья!»

Когда же трапеза окончилась и царь отпустил брахманов, назначив каждому из них отдельный покой, послал он вечером лучшую из своих наложниц, совершенную во всех своих членах и богато наряженную, к тому из брахманов, который был разборчив в женщинах. Отправилась она в сопровождении царских слуг в покои к этому брахману, лунолика, подобная луне ночи полнолуния, светильнику Кандарпы^[145]. Когда же вошла она в покои, озарив их сиянием своей красоты, стало разборчивому в женщинах дурно, и, зажав левой рукой нос, закричал он царским слугам: «Уберите ее прочь, не то помру я! Несет от нее, как от козла!» И увели ее тотчас же, убитую горем, царские люди, отвели ее, лучшую из женщин, к царю и рассказали ему обо всем, что случилось. Немедля послал он за разборчивым в женщинах и спросил у него: «Как это от нее, умащенной сандалом, камфарой, соком черного алоэ и прочими превосходными благовониями, от чего по всем странам света распространяет она благоухание, лучшей из красавиц, может исходить вонь, как от козла?» Не согласился со словами царя разборчивый в женщинах, и был царь этим озадачен, и, после того как расспросил он, как следует, удалось узнать ему, что была она вскормлена козьим молоком, так как в детстве не знала она ни матери, ни кормилицы. Крайне удивился царь привередливости

брахмана, разборчивого в женщинах, и восхвалил его за это.

Велел царь устроить для младшего сына, разборчивого в матрасах, ложе по его вкусу. Были уложены на ложе один на другой матрасы, а всего числом их было семь. Спал же он на них в самых лучших покоях, и была его постель покрыта белыми простынями тончайшего полотна. Не миновало и половины первой ночной стражи, как поднялся он с ложа и, держась за бок рукой, стал рыдать от острой боли. Увидали приставленные к нему царские слуги у него на боку извилистый красный след, словно от глубоко отпечатавшегося волоска, поспешили к царю и обо всем рассказали, и он им повелел: «Посмотрите-ка, нет ли чего под матрасами!» Пошли они, и стали смотреть, переворачивая один матрас за другим, пока не нашли под последним из них на камне самого ложа волосок, и отнесли его к царю, и показали. Привели они и разборчивого в матрасах к царю, и тот увидел, что след на теле соответствует волоску, и очень этому удивился, и провел, всю ту ночь, размышляя и дивясь: «Как это через семь матрасов смог волосок отпечататься у него на теле?» А утром царь с мыслью: «Вот воистину чудесные, умные и нежные юноши» — наградил их тремя сотнями тысяч золотых. Они там и остались, вполне довольные судьбой, забыв о черепахе и о том, что совершили грех, воспрепятствовав отцовскому жертвоприношению».

Сидя на царском плече, закончил веталя эту небывалую историю и задал царю Тривикрамасене вопрос: «Подумав о проклятии, о котором я тебе раньше говорил, скажи мне, царь, кто из них самый разборчивый? Тот ли, кто был разборчив в еде? Или, может быть, тот, кто в женщинах разбирался? Или тот, кто знал толк в матрасах?» И ответил мудрый царь веталя: «Считаю я самым большим знатоком того, кто толк знал в матрасах, у которого явно на теле был виден след волоса. А ведь те другие могли еще до испытания все разузнать и придумать причины отказов». Только успел сказать все это царь, как снова сбежал веталя от царя, а царь так же решительно, как и прежде, пошел, чтобы отнести его, куда было условлено.

Волна шестнадцатая

Вот пришел Тривикрамасена к дереву шиншапа, взвалил на плечо покойника с веталой и только двинулся в путь, как обратился к нему ветала: «Царское ли дело — бродить ночью по кладбищу? Разве ты не видишь, что это обиталище предков, ужасное в ночной тьме, полно духов, окутано смрадом от погребальных костров? И что за упрямство заставило тебя согласиться на просьбу этого бхикшу? Слушай же загадку, чтобы дорогу нам скоротать! Расскажу я тебе

о красавице Анангарати и четырех женихах

Есть в стране авантийцев город, созданный богами в начале времен, беспредельный, как тело Шивы, украшенный и благополучием, и наслаждениями, а в крита-юге^[146] назывался он Падмавати, в трета-юге — Бхогавати, в двапара-юге — Хираньявати, а ныне, в кали-юге — Удджайини. Правил там когда-то лучший из царей Виradeва, а главной царицей у него была Падмарати. Вот пошел однажды Виradeва с супругой на берег Мандакини совершать подвиги во славу Хары, чтобы даровал он им сына. Долго истязал он себя разными подвигами, и был этому рад Ишвара^[147], а когда царь совершил омовение и горячо помолился, услышал он божественный голос: «Будет у тебя, раджа, сын, и будет он героем и начнет династию, и будет у тебя дочь, такой небывалой прелести и красоты, что никакая из апсар^[148] не сравнится с нею». Услышав такую речь с небес, обрадовался царь, ибо достиг он желанной цели, и вернулся вместе с царицей в свой город.

А там Падмарати сначала родила мужу, как и было сказано, сына, а потом родилась у нее дочь, и отец назвал ее Анангарати, ибо благодаря ее красоте даже у Ананги^[149] могла разгореться страсть к ней. Когда же достигла она должного возраста, захотел раджа подыскать ей достойного жениха и раздобыл написанные на полотне портреты царей, но никто из них не показался ему подходящим для нее. И тогда обратился раджа нежно к дочери: «Не вижу я, доченька, подходящего для тебя жениха. Давай соберем сюда всех царей, а ты выбери себе кого-нибудь из них в мужа».

Выслушав отца, молвила царица: «Не смогу я, батюшка, из-за робости избрать себе супруга. А отдай ты меня за кого-нибудь, кто обладает совершенным знанием, хорошей внешностью и молод. Никого другого мне не нужно». Выслушал царь просьбу своей дочери, а потом стал искать подходящего ей жениха. Вот приходят к нему, узнав обо всем от людей, четверо юношей — все мужественные, мудрые, собой пригожие — из Дакшинапатхи и, с почетом принятые царем, говорят, что пришли вместе, чтоб посвататься к его дочери. А потом каждый стал рассказывать о своем ремесле. Сказал один: «Я шудра, и имя мое — Панчапаттика. Каждый день изготавливаю я по пять наилучших одежд. Из них одну в жертву богу отдаю, другую — брахману, третью — себе беру, чтобы одеваться, четвертую — жене буду отдавать, коли будет она у меня, пятую — продаю и на вырученные деньги покупаю еду, питье и все прочее. Знаю я ремесло свое, и следует Анангарати отдать мне!» Закончил он говорить, начал другой: «Имя мое — Бхашаджня, я — вайшья. Понимаю я крик всякого зверя и птицы. Мне следует отдать царевну в жены». Умолк второй, и речь повел третий: «Имя мое — Кхадгадхара, кшатрий я, а прославлен я, царь, силой рук своих. Нет на земле мне равного во владении мечом. Выдай, раджа, твою дочь за меня!» Отговорил свое третий, и четвертый сказал так: «Я — брахман по имени Дживадатта, а ремесло мое такое, что принесут мне любое живое существо умершим, а я лишь погляжу на него — и оно оживает. Так что согласись на то, чтобы я, преуспевающий в таких делах, стал ее мужем!»

Так все они о себе говорили, а царь Виradeва вместе с дочерью смотрели на них, подобных богам внешностью и одеянием, и одолевали его сомнения.

Закончив на этом рассказ, снова спрашивает веталя Тривикрамасену, запугивая проклятием, которое прежде произнес: «Реши, царь, ты, повелевающий странами, кому из этих четырех должна быть отдана Анангарати?» Ответил царь веталя на это: «Всякий раз заставляешь ты меня, почтенный, нарушать молчание, видно, чтобы время провести. Иначе зачем тебе, повелитель йогов, задавать мне такой глубокомудрый вопрос? Как это шудре-ткачу отдать в жены кшатрийку? И как можно выдать ее за вайшью? Да и на что годится его знание языка зверей и прочих? А на что годится этот брахман, уронивший себя тем, что забыл о своем призвании, воображающий себя героем и живущий колдовством? Поэтому надлежит ее отдать только кшатрию Кхадгадхаре, равному ей по касте и прославленному своим искусством и доблестью».

Дослушав ответ царя, как и прежде, сорвался покойник с веталя с

царского плеча и силой волшебства тотчас же вернулся на свое место на дереве шиншапа, а повелитель земли точно так же молча отправился, чтобы отнести его, куда было условлено. Не может сомнение проникнуть в сердце героя, преисполненное решимости.

Волна семнадцатая

Снова пришел к дереву шиншапа Тривикрамасена. Взял раджа снова труп с вселившимся в него веталой, взвалил его на плечо, и, когда двинулся в путь, обратился ветала, сидя на царском плече, к царю: «Устал ты, раджа. Послушай-ка устраняющий усталость рассказ

о верной слову Маданасене

Жил когда-то лучший из царей, прославившийся под именем Вирабаху, которому покорны были все цари, а столицей его был лучший из городов — Анангапура. Жил в том городе богатый купец, водивший караваны, и имя его было Артхадатта, а старшим из его детей был сын Дханадатта, а младшей — истинная жемчужина среди девушек Маданасена. Однажды друг ее брата, купеческий сын Дхармадатта, увидел, как она веселилась с подругами в саду, и когда взор его упал на нее, бурлящий источник прелести и красоты, с еле наметившимися чашами персей, с тремя складками^[150], подобными волнам, словно озерцо, предназначенное для купания юных слонов, то тотчас же все чувства его были погублены пламенем, разожженным потоком стрел Смары, бога любви. «О, выточена эта стрела самим Марой^[151], чтобы сокрушить мое сердце ее плещущей через края красотой!» — с такими мыслями любовался он ею, и взор его был прикован к ней, и день прошел для него как для чакраваки^[152]. А когда вошла она в свой дом, как в сердце Дхармадатты пылающее, словно сжигал его огонь горя, оттого что не видело оно ее, убитое тем, что скрылась она от его взора, рдеющее точно солнце, опускающееся в Западный океан, тогда, словно узнав, что прекраснеликая ушла на ночь домой, медленно, не опасаясь, что красоту ее затмит лотосоподобное лицо Маданасены, поднялась луна.

Ушел домой и Дхармадатта, и был он полон думами о Маданасене и, упав на ложе, корчился и извивался, словно мучимый ударами лунных лучей. Настоячиво расспрашивали его друзья и родственники, но ничего не отвечал он, мучающийся в тисках Смары. С трудом уснул он ночью, но и во сне видел он ее и ласкал ее, и чего-чего только не жаждал он совершить.

Поутру, проснувшись, поспешил он к ней и нашел ее в том же саду в одиночестве, ожидающую своих подруг. Приблизился он к ней, и, жаждущий обнять ее, стал молить нежными и ласковыми речами, и упал к ее ногам.

«Девушка я и сговорена с другим — обещана я отцом моим купцу Самудрадатте, и через несколько дней будет моя свадьба. Так что уходи потихоньку, не то, если кто-нибудь увидит, как бы не было худо!» — попросила она его. А Дхармадатта, только о ней помышляющий, и говорит ей: «Коли так, не жить мне без тебя!» Купеческая же дочь от этих слов встревожилась, как бы силой он ее не взял, и пообещала ему: «Пусть состоится моя свадьба, и пусть отец пожнет давно желаемый плод выдачи дочери замуж, а после этого я, любовью твоей покоренная, приду к тебе».

Выслушал он все это и возразил ей: «Не желанна мне возлюбленная, побывавшая до меня в объятиях другого! Что за радость пчеле от цветка, если выпит уже сладостный сок другим?» Ответила она ему: «Как только свадебный обряд совершится, к тебе я поспешу, а к мужу пойду потом!» Но хоть и убеждала она его так, но не было у него веры, и заставил он ее клятвой скрепить истинность ее слов. Только тогда отпустил он ее, и она удалилась к себе в дом.

Когда настал предназначенный для свадьбы день и был совершен счастливый обряд, отвели ее в дом мужа, и провела она там весь день, и когда ночью осталась наедине с мужем в спальне, то хоть и села к нему на ложе, но не поддалась ему и не хотела его объятий, а когда стал он настаивать, залилась слезами, и он подумал: «Не желает она меня» — и сказал ей: «Если ты, красавица, не желаешь меня, то что за радость мне будет? Кто тебе мил, к тому и ступай!» А она, понутив голову, тихо проговорила: «Ты мне дороже жизни, но слушай, любимый, что я тебе скажу. Будь спокоен и обещай, что не надо мне будет бояться, поклянись, что не накажешь меня, и я расскажу тебе обо всем». Так ей, говорившей нехотя, дал супруг обещание, и она со стыдом, с горечью и со страхом рассказала ему: «Однажды, когда была я одна в саду, увидел меня один юноша, друг моего брата Дхармадатты, и сразил его бог любви. Стремилась я с помощью всяких слов помешать ему не дать моему отцу насладиться плодом выдачи дочери замуж. Опасаясь, как бы не взял он меня силой, пообещала я ему, что сначала к нему приду. Согласись, господин мой, чтобы не нарушила я обещания и чтобы слово мое оказалось правдивым. Пойду я к нему и тотчас же вернусь к тебе. Если не смогу я так поступить, то нарушу я обет правдивости, с детства строго мной соблюдаемый».

Словно ударом молнии убитый ее словами, Самудрадатта, связанный ее стремлением остаться правдивой, мгновенно подумал: «Увы! Увлечена она другим, так пусть побыстрее уходит! Что ж нарушать мне ее правдивость? Что мне женитьба на ней?» И, поразмыслив так, разрешил он ей идти куда хочет. Поднялась она и вышла из дома своего мужа, а в это время взошла на вершину горы Восхода, словно на крышу дворца Индры, лучистая луна, словно улыбающаяся дева Востока. Мрак уже заключил в свои объятия любимые им цветы на склонах горы, а сидевшие на них пчелы перелетели на другие лотосы. Тут, увидав Маданасену, в одиночестве спешившую по улице во мраке ночи, какой-то вор задержал ее за полу одежды и спросил: «Кто ты и куда идешь?» А она перепугалась и попросила его: «Зачем я тебе? Отпусти, спешу я по делу!» Тогда ответил он ей: «Как это от меня, от вора, ты избавишься?» Она же ему на это: «Вот возьми мои украшения!» Засмеялся он: «Нет, почтенная, что мне в них? Зачем мне отпускать тебя, истинное украшение мира, лицо которой подобно лунному камню, волосы — черному агату, талия — алмазу, тело — золотому слитку, стройные ноги — прелестным, усыпанным рубинами колоннам?»

Когда заявил ей так вор, ничего не оставалось купеческой дочери, как поведать ему всю свою историю. А потом попросила она его: «Отпусти меня хоть ненадолго, чтоб остаться мне правдивой. Жди меня здесь, и я быстро вернусь к тебе. Не обману я тебя. Вот тебе мое слово!» Выслушал ее вор, решил, что верна она слову, и отпустил ее, а сам остался на этом же месте в ожидании ее возвращения.

Она же поспешила к купцу Дхармадатте, а тот хоть и желал ее страстно, но, видя, что пришла она одна и стоит перед ним, и расспросив ее о том, что с ней было, подумал и промолвил: «Что ж, рад я, что ты своему слову верна. Но что мне в чужой жене? Пока тебя никто не видит, ступай, как пришла». Отпустил он ее, а она, сказав: «Так тому и быть!» — поспешила к вору, ожидавшему ее на дороге. «Расскажи мне, — попросил он, — что было с тобой, когда ты от меня ушла?» И она поведала ему, как отпустил ее купец. Сказал ей вор: «Уж если он тебя отпустил, то и я так же поступлю. Верна ты слову своему, ступай домой со всеми своими украшениями!» Отпустил Он ее и пошел за ней следом, оберегая, а она поспешила домой к мужу, радуясь тому, что не пришлось ей нарушить добродетель. Тайком проникла она, добродетельная, в дом, а он, увидев ее, стал расспрашивать, и рассказала Маданасена ему все в подробностях. Он же, поняв, что осталась она верна слову и что чести не нарушила, сохранил невозмутимое выражение лица, а сам от чистого сердца восхвалил жену, и

стал Самудрадатта счастливо жить с ней.

Поведал царю эту историю на кладбище веталя и снова говорит Тривикрамасене: «Скажи мне, повелитель людей, кто из них истинно благороден — вор или купцы? Если знаешь, да не скажешь, разлетится твоя голова на сто кусков!»

Выслушав это, снова нарушил молчание царь и ответил ветале: «Конечно же, вор, а не оба купца. Муж, правда, разрешил ей, такой красавице и к тому же только что выданной за него, уйти. Но как может благородный человек держать жену, привязанную к другому? Тот, другой, отпустил ее из-за опасения, что муж, зная, что случилось, на следующее же утро расскажет все царю. К тому же страсть его от времени ослабела. Но вор, действующий под покровом ночи, отчаянный, для которого злодейство — ремесло, заполучивший эту драгоценность в образе женщины, отпускает ее — вот воистину благородный человек!»

Мгновенно соскочил с его плеча покойник с вetalой и тотчас же оказался на своем месте, а раджа с нисколько не ослабшим упорством снова пошел за ним, как прежде, чтобы принести туда, куда было условлено.

Волна восемнадцатая

Снова вернулся царь Тривикрамасена к дереву шиншапа и, взяв труп с веталой, пошел выполнять обещанное. Но как только он двинулся, опять заговорил ветала, сидя на царском плече: «Расскажу я тебе, царь, одну любопытную историю, а ты слушай

о трех нежных царицах

В давние времена правил в Удджайини раджа Дхармадхваджа, и было у него три жены, весьма любимые и желанные, и все они были из царского рода. Имя одной из них было Индулекха, другой — Таравали, а третьей — Мриганкавати. Все три обладали ни с чем не сравнимыми достоинствами, и счастливо жил с ними раджа, одолевший всех своих врагов.

Однажды, когда наступил праздник весны, пошел он со своими возлюбленными в сад развлечься. И когда смотрел он на лианы, отягченные цветами, казались те лианы похожими по очертанию на лук Бестелесного^[153], а вереницы пчел напоминали тетиву, сплетенную для того Весной. И слушал он при этом раздававшиеся среди деревьев голоса кокилей^[154], подобные повелению Рожденного в душе наслаждаться единственно радостью любви. Раджа, подобный Индре, угощал своих жен хмельным питьем, которое воистину дает жизнь Кандарпе, богу любви. Радже особенно приятно было пить те напитки, которые были испробованы его возлюбленными, облагородившими их благоуханием своего дыхания и подкрасивших краской со своих губ.

Когда потянулась игриво к волосам раджи Индулекха, у нее из-за уха упал на ее бедро лотос, и от него тотчас же образовалась рана, и царица вскрикнула: «Ах! Ах!» — и упала без памяти. И раджа, и свита встревожились и кинулись обмахивать ее, опрыскивать водой — и привели в чувство. А вернувшись в столицу, послал раджа к ней врачей, и те наложили на рану целебную повязку и исцелили ее с помощью разных чудесных снадобий.

Вечером же, убедившись, что она поправляется, поднялся раджа со второй женой Таравали на крышу дворца, и, только та уснула в его

объятиях, упали на ее тело, когда ветерок откинул ее одежды, пробравшиеся сквозь решетку лучи луны. Тотчас же проснулась она с криком: «Ой, горю я!». В тот же миг, обеспокоенный, проснулся раджа и воскликнул: «Что это?» И увидел он, что на теле ее появились волдыри, как от ожога. Спросил он ее, и прошептала в ответ царица Таравали: «Это у меня оттого, что лучи месяца упали на мое обнаженное тело». При этих словах разрыдалась она, а он, обеспокоенный, позвал слуг, и те в тревоге сбежались отовсюду. Повелел он им, чтобы изготовили для нее ложе из лотосовых волокон и смазали тело ее сандаловой мазью.

Узнав о случившемся, третья его жена, Мриганкавати, решила идти к нему и вышла из своих покоев. А как вышла она, тотчас же услышала в ночной тишине, не нарушаемой ни одним звуком, что где-то далеко на дворе кто-то толчет рис пестом. И только лишь слух ее уловил этот звук, как простонала она: «Ой, умираю я!», — и, страдающая, газелеокая, упала на дорогу, ломая руки. Тогда прислуга привела ее в покои, и упала она, плачущая, на ложе. И увидали тогда ее слуги, заливающиеся слезами, что руки у нее покрыты синяками и царапинами, словно белые лотосы черными пчелами. Доложили они обо всем радже, а тот поспешил, перетревожившись, к ней и спросил ее, светоч добродетели: «Что это?» Она же показала ему руки и, плача, проговорила: «Услышала я, как пестом где-то рис дробят, и вот от звуков тех ударов руки мои покрылись синяками и царапинами!» И тогда приказал царь смазать ей руки сандаловой мазью и прочими снадобьями, а сам стал сокрушаться. «У одной рана от упавшего лотоса, у другой на теле ожоги от лунных лучей, а у третьей всего лишь от еле слышного звука такие синяки и ссадины на руках! Ох, видно, по воле судьбы у всех моих любимых их великое достоинство — чувствительность — обернулось пороком!» С такими мыслями ходил он всю ночь из одних покоев в другие, и казалось ему, будто ее три стражи обратились в сто! А на следующее утро лекари и костоправы взялись за дело, и зажил он, как прежде, в окружении своих выздоровевших жен».

Когда, сидя на плече у Тривикрамасены, закончил веталя эту чудесную историю, спросил он у царя: «Исполнится то проклятие, о котором прежде я говорил, если ты, зная, не скажешь, какая из этих царских жен самая чувствительная». И ответил ему на это Тривикрамасена: «Конечно же, та из них самая чувствительная, у которой лишь от звука ударов песта, даже и не коснувшегося ее, появились синяки и царапины! А что до тех двух, так они с ней не сравнятся — ведь раны одной и ожоги другой появились у одной от удара лотосом, у другой — от прикосновения

лунных лучей!»

Только кончил царь отвечать, как снова вернулся на свое место на дереве труп с веталой, а царь, непоколебимый в своей решимости, снова отправился за ним.

Волна девятнадцатая

И вот снова Тривикрамасена дошел до дерева шиншапа, снова лезет он на дерево за трупом с вселившимся в него вetalой и, взвалив его на плечо, отправляется, как и прежде, молча в путь. И снова обращается к нему вetalа, как и прежде, сидя на его плече: «Нравится мне, царь, что ничто тебя огорчить не может! Чтоб не устал ты, расскажу я тебе одну увлекательную историю

о царе Яшаскету и его министре Диргхадаршине

В стране ангов жил когда-то царь Яшаскету, обликом своим подобный неиспепеленному Шивой Смаре, спустившемуся на землю ради спасения своего тела^[155]. Был у этого доблестного царя, мощью своей десницы искоренившего без остатка всех врагов, прозорливый министр Диргхадаршин, подобно тому как у Шакры министром был Брихаспати^[156]. Поручив ему свое лишенное врагов царство, Яшаскету, одолеваемый своей молодостью и красотой, стал искать только наслаждений. Постоянно находился он на женской половине дворца, а не в зале совета, внимал полным страсти песням юных дев, а не голосам доброжелателей, любил беззаботный царь решетчатые и узорчатые окна, да не любил дел государственных — дыр же в них было не меньше, чем в тех решетках. Всю тяжесть государственных забот нес на себе министр Диргхадаршин, не знавший покоя ни днем, ни ночью.

Пошла в народе молва, что-де царь только лишь именем царя довольствуется, а всю власть забрал себе Диргхадаршин и наслаждается он царским счастьем. Тогда Диргхадаршин и сказал жене своей, Медхавини: «Милая, хоть и несу я всю тяжесть государственных дел, пока царь предается наслаждениям, распространилась среди людей клевета, что я всю власть себе забрал. А то, что в народе говорят, пусть и ложное, наносит вред даже великим людям. Разве не пришлось Раме из-за разговоров в народе покинуть Джанаки^[157]? Что ж мне-то делать?» И когда сказал он так, вот что ответила министру его верная жена, заслуживающая имени Медхавини — мудрая: «Под предлогом, будто хочешь ты посетить святые

места, отпросись у царя и на некоторое время, достойный, уезжай в чужую страну. Раз ты государственных дел касаться не будешь, то слухи эти себя изживут, а уж раз тебя здесь не будет, придется государю самому решать государственные дела, и постепенно забудет он все свои увлечения. А тут и ты вернешься и снова будешь безупречно исполнять свое дело».

«Так я и сделаю», — решил Диргхадаршин, выслушав жену. А затем в разговоре как бы между прочим обратился к Яшаскету с такими словами: «Позволь, государь, удалиться мне на некоторое время от дел — хочу я пойти по святым местам, ибо жаждет душа моя. дхармы^[158]». «Нет! — отказал ему раджа. — Разве нельзя иначе достигнуть дхармы? Разве даяние и прочее не дают дхармы обретения неба тем, кто живет в своих домах?» Сказал ему на это Диргхадаршин: «Даяние и прочее дают нам очищение, ведущее к достатку, а святые места навсегда очищают нас от грехов, раджа! Посещают их разумные люди, пока молоды еще! Как ходить по святым местам, когда нельзя уже доверять своим силам?» А пока он так просил, а раджа ему отказывал в его просьбе, вошел пратихара и объявил: «Божественный, лучезарное светило достигло середины небесного океана. Поднимись, ибо приходит время твоего омовения». Тотчас же поднялся раджа и отправился совершать омовение, а министр, возжелавший посетить святые места, поклонился ему и отправился домой.

Оставив дома жену — запретил он следовать ей за ним в святые места, — ухитрился Диргхадаршин уйти так, что даже слуги его не заметили. Вот скитается он по разным странам, переходит с одного святого места на другое и достигает, наконец, благочестиво решительный, страны Пундра. А там попал он в город, стоявший неподалеку от океана. И когда сел Диргхадаршин, покрытый пылью странствий и опаленный солнцем, во дворе храма Шивы, увидел его купец по имени Нидхидатта, пришедший туда поклониться. Заметил купец, что на нем брахманский шнур и что он обладает достойной внешностью и приметами, и подумал, что должен это быть высокого положения брахман, и, будучи гостеприимным, привел его к себе домой, а там, устроив для него омовение и попотчевав всякими яствами и прочим, спросил его, отдохнувшего: «Кто ты, откуда и куда идешь?» Ответил тот с достоинством: «Брахман я, а имя мое — Диргхадаршин. Пришел я сюда из страны ангов, а иду по святым местам».

Сказал тогда ему купец Нидхидатта: «Собрался я на Золотой остров — торговать. Оставайся пока здесь, в моем доме, до моего возвращения. Устал ты от скитаний по святым местам. Куда тебе усталому-то идти?» Возразил ему, выслушав это, Диргхадаршин: «Что мне здесь оставаться? Поеду я с тобой, купец, если не помешаю». И купец сказал на это: «Пусть

так и будет!» И провел министр, давно уже не спавший на постели, ночь в доме купца.

На другой день Диргхадаршин вместе с купцом пошел к морю, взошел на его корабль, полный товаров, и, пока плыли они на нем, любовался министр беспредельно чудесным и грозным океаном. А затем прибыли они на Золотой остров. Да пристало ли главному советнику царя странствовать по бурному океану? Но чего не сделает добродетельный, чтобы избежать бесславия? Прожили они на том острове какое-то время, и Нидхидатта продавал да покупал. Когда же поплыли они обратно, то увидел Диргхадаршин с корабля, как среди океанских волн поднялось «пожелай-дерево» с коралловыми ветвями и сучьями, а кора его сверкала золотом, и было оно украшено плодами, словно из драгоценных камней, и прекрасными цветами. А среди ветвей увидел Диргхадаршин усыпанное наилучшими из драгоценностей сидение и на нем девушку необычайной красоты и прелести. И только успел он изумиться и подумать: «Ох! Что бы это значило?» — как девушка, державшая в руках вино, запела:

Что своим посеял делом,
Нынче плод того ты снимешь, —
И судьба не переменит
Предназначенного кармой!

И только спела она эту песенку, как снова и с деревом, и с сидением погрузилась в океан. «Что это за диво дивное я сейчас видел? Среди океана вдруг вырастает дерево с поющей красавицей на нем и, только лишь появившись, погружается в бездну! Ну, как не восхититься постоянством океана! Разве не из него некогда всплыли Лакшми, Месяц, дерево париджата и много других чудес?» Видя как он всему этому дивится, и слушая, как восторгается, сказали ему кормчий и прочие, кто был на корабле: «На этом месте всякий раз появляется эта красавица, а показавшись, снова погружается. Для тебя, конечно, это зрелище внове». Так ему объяснили случившееся, но он продолжал изумляться, пока не достиг вместе с Нидхидаттой на корабле берега.

Вместе с тем купцом, товары разгрузившим, пришел Диргхадаршин в его дом, переполненный радостью по случаю их возвращения. Недолго погостив, обратился он к Нидхидатте: «Погостил я в твоём достойном доме, купец, и хорошо отдохнул, а теперь хочу отправиться на родину, — тебе же да сопутствует благо!» И не захотел Диргхадаршин оставаться,

сколько ни уговаривал его купец. Отправился министр в дорогу, сопровождаемый лишь своей собственной добродетелью, и после долгих и трудных странствий достиг наконец своей родной страны Анга.

Там, когда он еще только подходил к городу, увидели его соглядатаи, которых уже давно Яшаскету назначил, чтобы разыскать его, и уведомили о том царя, а тот сам вышел встретить министра, огорченный разлукой с ним и радующийся его возвращению. Приветствовал он и обнял Диргхадаршина, и отвел его, утомленного и покрытого пылью дальних дорог, во дворец, и стал расспрашивать: «Зачем покинул ты нас? Зачем не только дух, но и тело свое ты привел в такое горестное состояние? Или ведомы почтенному пути Судьбы, раз он внезапно решил отправиться в скитания по святым местам и разным странам? Но скажи мне, по каким странам ты ходил? Что нового видел?» И тогда стал описывать ему Диргхадаршин свое странствие на Золотой остров, а когда дошел до того, что видел, как из пучин океанских появляется божественная красавица, истинное украшение всех трех миров, сидящая на «пожелай-дереве», и что слышал, как она поет, тотчас же поразил Смара царя своей стрелой, и решил царь, что без нее ему нет радости ни в жизни, ни в царстве. Отвел он в сторону министра и молвил: «Должен я сам ее увидеть, иначе не будет мне жизни! Отправляюсь я тем путем, о котором ты рассказал, поклонюсь Судьбе и попытаю счастья. Не следует меня отговаривать, и не нужно за мной следом идти. Пойду я один и тайно, а ты охраняй царство. И сделай, как велю, заклинаю тебя моей жизнью!» Закончив говорить, не стал он слушать возражений министра и отпустил его домой, к семье, давно ожидавшей своего главу. Но хоть устроили родные большой праздник по случаю возвращения Диргхадаршина, оставался он мрачен — разве могут добродетельные министры быть счастливы, если неисправимы пороки их господина?

На следующий день раджа сбросил бремя державы на руки министра, переоделся подвижником и под покровом ночи отправился в путь. Встретился ему по дороге мудрец Кушанабха, и сказал тот радже в облике подвижника, поклонившемуся ему: «Смело ступай вперед! Поплывешь ты с купцом Лакшмидаттой на корабле через океан и обретешь желанную тебе красавицу!» Поклонился ему обрадованный такими словами царь и пошел дальше. А после того как прошел он через многие страны, переправился через многие реки, перевалил через многие горы, дошел он наконец до океана, взволнованно ожидавшего гостя, словно взмахивая седыми бровями волн и сверкая белками-раковинами широко раскрытых глаз.

Встретился Яшаскету на берегу океана тот самый купец, о котором

говорил царю мудрец, и узнал царь, что собирается тот на Золотой остров. Лакшмидатта же, заметив, что на следу царя отпечатались чакра и другие знаки царского достоинства^[159], поклонился ему, и вот уже царь вместе с купцом плывут по океану. Когда же достиг корабль середины океана, поднялось из пучины «пожелай-дерево» и на нем та самая девушка. Глядит на нее царь, словно чакора на луну, а она тем временем мелодичным голосом запела, помогая себе игрой на вине:

Что своим посеял делом, Нынче плод того ты снимешь, — И судьба не переменит, Предназначенного кармой! Если что кому от века Уготовано судьбою, То не в силах человека Отвратить ее решение.

Замер царь, пораженный стрелой Смары, слушая ее песню, полную глубокого смысла. «Слава тебе, Хранилище жемчужин^[160]! Недаром тебя так зовут, ибо скрыл ты в безмерных глубинах своего сердца эту деву, лишив Хари счастья. К твоей защите, Непокорный богам, Убежище крылатых гор, царствовавших над землею, прибегаю я!» — так воззвал к океану царь, и, в то время как дерево с девушкой стало погружаться, кинулся он вслед за нею, словно стремясь угасить пламя страстной любви в глубине океанских вод. А добрый Лакшмидатта, видя, как этот смельчак кинулся в океан, и думая, что он погиб, от горя готов был покончить с собой. Но вдруг с небес раздался голос: «Не поступай поспешно! Ничто не грозит ему, поглощенному океаном. Этот человек, одетый подвижником, не кто иной, как царь Яшаскету, а девушка, ради которой он кинулся в океан, была в прежнем рождении его женой. Обретя ее, снова вернется он в царство Анга». Услышав все это, успокоился купец и поплыл дальше, куда хотел, к желанной цели.

А раджа Яшаскету, бросившийся в океан, был изумлен тем, что внезапно увидел перед собой богатый город, сверкавший дворцами, стены которых были из чистого золота, а колонны — из драгоценных камней, поблескивавший окошками, забранными решетками из жемчуга; по всему городу было много садов, где росли волшебные деревья, исполнявшие любые желания, манили прохладой пруды, каменные спуски к которым были выложены всяческими драгоценностями. Но город этот богатый был пуст, и раджа, заглядывая в каждый дом, нигде не мог найти своей возлюбленной. Осматриваясь вокруг, заметил раджа высокий жемчужно-белый дворец, поднялся к нему, открыл дверь и вступил во внутренние покои. Когда же вошел он, то увидел, что лежит кто-то на богато украшенном ложе и с головой покрытый покрывалом. Полюбопытствовав: «Кто бы это мог быть?» — открывает он ей лицо — и что же? — видит

свою желанную. И как только снял он с нее черное покрывало, открылось ему ее смеющееся луноподобное лицо, и была она подобна озаренной луной ночи, спускавшейся в Паталу. И чего только тут с ним не было, с этим истомленным нещадной жарой путником, узревшим в песчаной пустыне реку! Она же, раскрыв очи и увидав неожиданно появившегося перед ней мужа, наделенного благородной внешностью и добрыми приметами, вскочила в изумлении с ложа и, оказывая гостеприимство, поклонилась ему в ноги и тихо спросила, глядя на него широко раскрытыми глазами-лотосами: «Кто ты, почтенный, и зачем пришел сюда в недоступные пределы Расаталы? И почему ты, тело которого несет на себе признаки царского достоинства, одет, как подвижник? Расскажи мне об этом, высокочастливый, если будет на то твоя милость!»

Выслушал все, что она сказала, и ответил ей царь: «Я красавица, повелитель ангов, и имя мое Яшаскету. Слышал я от надежного друга, что каждый день ты здесь появляешься из океана. Ради тебя нарядился я в эту одежду, покинул царство и, добравшись сюда, кинулся вслед за тобою в океан. Но скажи мне, кто же ты?» И она ему, застыдившись, на это и со страстью, и с радостью отвечала так: «Есть такой высокодостойный повелитель видьядхаров по имени Мриганкасена. Знай, что я — его дочь и зовут меня Мриганкавати. По неизвестной причине оставил меня отец в своем городе одну-одинешеньку, а сам куда-то ушел со всеми горожанами. Вот я и живу в пустом дворце и из-за безмерной тоски поднимаюсь на механическом «пожелай-дереве» из океана и пою о непреложности Судьбы!» Пока она все это рассказывала, вспомнил Яшаскету, что ему мудрец говорил, и так обрадовал он ее речами, полными любви, что, охваченная страстью, согласилась Мриганкавати стать его женой, но с одним условием: «Да будет тебе ведомо, что куда бы ни пошла я на восьмой или четырнадцатый день в черную или светлую половину месяца, ни в один из этих четырех дней не должен ты меня ни спрашивать, ни останавливать — есть этому причина». Согласился царь на это условие и взял ее в жены по закону гандхарвов. Стал он счастливо жить с ней в любви и ласках, подобно Манматхе, наряжая и украшая ее: упал с головы ее венок — он растрепал ее локоны, лаская их, стерлась краска с губ ее — он прокусил ей в порыве страсти губу, порвалось на груди ее рубиновое ожерелье — украсил он ее следами своих ногтей, а умащения и благовония заменил страстными объятиями.

Так проводили они время в божественных наслаждениях, пока однажды не сказала царю супруга: «Ты подожди меня здесь, а я должна уйти по делу. Ведь сегодня как раз наступил четырнадцатый день черной

половины месяца. Пока ты будешь здесь без меня, не заходи, благородный, в эту хрустальную беседку. Если ты войдешь туда, то упадешь в пруд и попадешь на землю».

Дала она ему такое наставление, а сама пошла прочь из города. Царь же, желая узнать, куда и зачем она ушла, взял меч и пошел тайком следом за ней. И увидел он ракшаса, черная пасть которого была подобна мрачной пропасти, а обличьем он был настоящее воплощение ада. Кинулся тот ракшас на Мриганкавати и, издав ужасающий рев, бросил ее в свою пасть и проглотил. При виде этого вспылал царь неистовой яростью, выхватил из ножен могучий меч, ставший подобным змею, сбросившему кожу, кинулся, подобный льву, на ракшаса и отсек тому голову с сжатыми губами. Хлынувший из тела ракшаса поток крови загасил пламя, рожденное гневом царя, но не мог он погасить палящий царя огонь разлуки с возлюбленной. Оказался царь во мраке ночи отчаяния и, казалось, сбился с пути деяния, как вдруг, разорвав тело ракшаса, иссиня-черное, как грозовая туча, вышла из него живой и невредимой Мриганкавати, словно чистая луна, диск которой озаряет все страны света. Вне себя от радости, оттого, что его возлюбленная избавилась от беды, кинулся к ней Яшаскету и, вскрикнув: «Иди! Иди ко мне!» — обнял ее. «Скажи мне, милая, что это такое — сон или наваждение?» — расспрашивал он ее. А видьядхари, вспомнив о прошлом, сказала ему: «Слушай, благородный, это не сон, не обман — лежало на мне проклятие отца, повелителя видьядхаров. Прежде жил здесь мой отец и было у него множество сыновей, но из-за чрезвычайной любви ко мне никогда без меня не садился за еду. Я же всегда на восьмой и четырнадцатый день черной и светлой половины месяца здесь в уединении совершала жертву Шарве. Однажды пришла я в четырнадцатый день, и с таким рвением и так долго молилась я Гаури, что по воле судьбы провела в молитве весь день. Отец же, ожидая меня к трапезе, остался голодным, не ел и не пил и разгневался на меня. И только пришла я, чувствуя себя виноватой и низко опустив от стыда лицо, как он, отцовская любовь которого ко мне оказалась похищена Судьбой, проклял меня:...Из-за твоей заносчивости остался я сегодня голодным. Будешь ты теперь на восьмой и на четырнадцатый день в каждую половину каждого месяца ходить за город молиться Харе, и всякий раз будет тебя проглатывать ракшас по имени Критантасантраса, которого даже сама смерть страшится. Но ты всякий раз будешь выходить живая и невредимая, пробивая его сердце. Ты не будешь помнить ни о проклятии и ни о боли, когда ракшас будет тебя глотать. Останешься ты здесь одна-одинешенька!» Умолила я его постепенно, и он, отец мой, подумав, положил предел

проклятию: «Когда царь ангов Яшаскету станет твоим мужем и, увидев, как ракшас тебя глотает, убьет его, избавишься ты от проклятия, выйдешь из сердца ракшаса и вспомнишь о проклятии, и вернутся тогда к тебе все твои волшебные знания».

Так распорядившись, оставил он меня здесь одну, а сам со всеми своими подданными ушел в мир людей на гору Нишадха, а я осталась здесь, околдованная его проклятием. Нынче истощилась сила проклятия, и вспомнила я все. Теперь отправлюсь я к отцу на гору Нишадха — когда кончается проклятие, можем мы идти в свой мир. Ты же, как хочешь — можешь или остаться здесь, или уйти в свое царство». Когда она все это выговорила, загоревал царь и попросил ее: «Окажи милость, прекрасноликая, не уходи еще семь дней — проведем их в саду, в ласках и нежностях, отодвигая неизбежную разлуку, а после этого ты вернешься к своему отцу, а я — в свое царство». Выслушала она все это и ответила, глупая: «Ладно!» После этого провел он с возлюбленной шесть дней, предаваясь любовным утехам в садах, которые глазами-прудами, заросшими лотосами и полными слез-воды, словно молили: «Не покидай нас!» — и вздымали в мольбе волны-руки, и стонали лебединым криком. А на седьмой день он какой-то уловкой заманил возлюбленную в ту беседку, где находился пруд с механической дверью, через которую можно было попасть в земной мир. Обнял он ее за шею, кинулся с ней в тот пруд, а вынырнул вместе с любимой из пруда, находившегося в саду при его собственном дворце. Увидав царя вместе с красавицей, обрадовались садовники и поспешили обо всем рассказать министру Диргхадаршину. Бросился министр в сад и склонился в глубоком поклоне перед своим повелителем и добытой им желанной красавицей, и вместе со всеми горожанами проводил Диргхадаршин их во дворец.

«Как это раздобыл царь божественную красавицу, точно на одно лишь мгновение сверкнувшую передо мной подобно молнии в небесах! Если уж кому что творцом написано на лбу, непременно с ним то и случится, как бы невероятно это ни было!» — так размышлял министр, а все прочие люди праздновали возвращение раджи и дивились тому, что добыл он себе в жены божественную красавицу. А Мриганкавати, видя, что Яшаскету вернулся в свое царство и что полных семь дней уже прошло, захотела вернуться на путь видьядхаров, но не вернулось к ней умение летать, хоть она горячо призывала его, и тогда она, словно ограбленная, сильно опечалилась. «Что это ты вдруг как будто загрустила? Что за причина? Скажи мне, милая!» — обратился к ней царь. А она ответила: «Хоть и спало с меня проклятие, но раз я из-за любви к тебе оставалась с тобой, то

и волшебство мое разрушено, и не могу я летать в поднебесье!»

Выслушал это царь и, воскликнув: «Ха! Совсем завоевал я эту видьядхари!» — устроил большой праздник. Диргхадаршин же, видя все это, пошел к себе домой, а ночью, когда он спал, внезапно разорвалось его сердце. И после этого, погоревав по поводу его смерти, стал Яшаскету сам нести бремя дел государственных и долго и счастливо жил с Мриганкавати.

Вот так по пути рассказав эту историю Тривикрамасене, спросил его веталя, сидя на его плече: «Скажи мне, государь, почему у этого великого министра, знавшего, что господин его достиг величайшего успеха, внезапно разорвалось сердце? Потому ли, что горевал он из-за того, что не ему досталась эта божественная красавица? Или потому, что хотелось ему самому власти и горе, рожденное возвращением царя, стало причиной его смерти? Если ты знаешь и не ответишь мне, то и дхарма твоя погибнет, и голова твоя тотчас же разлетится на куски!».

Ответил на это ветале Тривикрамасена: «Ни то и ни другое недостойное чувство не было причиной смерти министра, отличавшегося достойной жизнью! Но подумал он: «От страсти к обычным женщинам пренебрегал царь делами государственными. А что же теперь, когда поглощен он страстью к небесной деве? Горе мне! Хоть и претерпел я такие мучения, беда стала еще большей!» Вот оттого-то, что одолела Диргхадаршина такая мысль, и разорвалось его сердце!»

И только повелитель людей закончил говорить, как этот чудодей-ветала со своим трупом снова оказался на прежнем месте, а Тривикрамасена, непоколебимый духом, снова решительно поспешил за ним, чтобы отнести его, куда было условлено.

Волна двадцатая

Снова царь пришел под дерево шиншапа и взвалил опять покойника с веталой на плечо, и, когда двинулся в путь, снова обратился к нему ветала: «Слушай, царь, расскажу я тебе небольшую историю

о неосторожном брахмане

Есть на земле город Варанаси, место, где обитает сам Хара и где жил брахман Девасвамин, которого очень уважал царь. А у этого богатого брахмана был единственный сын по имени Харисвамин, а у него была красивая жена по имени Лаваньявати. Я думаю, что творец смог создать ее лишь после того, как набрался мастерства, сотворив Тилоттаму и подобных ей небесных дев, — такой беспредельной красотой и прелестью наделил он Лаваньявати.

Как-то раз Харисвамин, утомленный трудами страсти, уснул вместе с возлюбленной на крыше своего дома, залитой прохладными лучами луны, а в это время над дворцом пролетал юный своевольный видьядхар, которого звали Маданавега. Упал его взор на Лаваньявати, спавшую около мужа, утомленную страстью и отбросившую одежды так, что открылось взору совершенство ее тела. Красота Лаваньявати похитила сердце Маданавеги, и он, ослепленный Маданой^[161], тотчас же ринулся вниз, подхватил ее на руки и исчез в небесных просторах.

Сразу же проснулся ее супруг, юный Харисвамин, и, не увидав повелительницы его жизни, встревожился: «Горе мне! Что ж это случилось? За что же прогневалась она на меня? Или спряталась, желая испытать мое сердце, и, может быть, смеется теперь надо мной?» И, терзаясь такими и подобными им мыслями, всю ночь искал он ее во всех закоулках дома, на его крышах и за решетчатыми башенками, и метался он и туда и сюда и смотрел повсюду от дома до сада, но нигде не мог отыскать ее. Томимый огнем горести, залился он слезами, и было горестным прерывающееся его рыдание: «О лунолика моя! О любимая, нежная, как сияние луны! Уж не ночь ли тебя похитила, позавидовав тому, что сравнялась ты с нею? Верно, испугалась она, сраженная твоей

красотой, что стала, пока тебя нет, ласкать меня руками своих прохладных, как сандал, лучей. Но жгут меня, милая, ее лучи, словно угли пылающие, словно стрелы, ядом напоенные!» Вот так и по всякому иному оплакивал ее Харисвамин, а тем временем увяла ночь, но не увяла, его душевная боль!

А поутру взошло солнце, и его лучи истребили мрак, окутывавший мир, но не смогло оно рассеять мрак горести и отчаяния Харисвамина, и стоны и рыдания, словно отданные ему чакраваками, для которых они кончаются с наступлением дня, усилились во сто крат и наполняли все горестными откликами, повторявшимися эхом. И хоть пытались утешить его родичи, не мог он без любимой своей обрести спокойствие, сжигаемый беспощадным огнем разлуки. «Здесь она стояла! Здесь она купалась! Здесь наряжалась! Здесь резвилась!» — с такими стонами бродил он повсюду, издавая их на каждом шагу.

«Да ведь не умерла же она! Зачем же ты себя убиваешь? Непременно обретишь ее вновь, живую и невредимую, коли сам будешь жив! Успокойся и ищи свою возлюбленную! Нет для решительного и предприимчивого слова «невозможно»!» — так уговаривали его родные и друзья. Но через несколько дней надежда помогла ему обрести мужество, и он подумал: «Если раздам я, брахман, все имущество, а сам пойду по святым местам и все грехи смою, то, избавившись от них, может, и встречу я в своих скитаниях мою возлюбленную?!» Так обдумав все, что случилось, совершил он омовение и все прочее, что положено. На следующий же день устроил Харисвамин жертвенное пиршество для брахманов, и было там много разной еды и питья, а потом роздал Харисвамин без остатка все свое богатство и, не оставив себе ничего, кроме своего брахманства, покинул родные края и начал обходить святые места в надежде обрести вновь свою возлюбленную.

И на него, странствующего, набросилось яростное, как лев, жаркое время с беспощадным солнцем вместо лика и гривой палящих лучей, и дули ветры такие раскаленные, что, казалось, вложен в них весь жар вздохов путников, страдающих от огня разлуки. И в прудах свирепый зной высушил воду, и растрескавшееся высохшее дно их было похоже на разорвавшееся от горя сердце, а потрескивание иссушенной зноем коры деревьев, стоящих у дороги казалось рыданием по покинувшей их весне, листья же деревьев, пересохшие от зноя, подобны были губам, запекшимся в страдании. Вот в такое-то время, истомленный и разлукой, и солнцем, голодный и мучимый жаждой, уставший от постоянных скитаний, изнемогающий, покрытый пылью, в поисках еды зашел однажды Харисвамин в какой-то деревне во двор к некоему брахману по имени

Падманабха, устроившему угощение для брахманов. Увидал он там много пирующих брахманов и прислонился к створке двери, недвижим и неспособный вымолвить ни слова. Заметила его жена Падманабхи и, исполнившись сострадания, подумала добродетельная: «О! Поистине тяжек голод — кого не доведет он до унижения? Вот под бременем его склонил голову стоящий у дверей ждущий» подаяния человек. Далекий, видно, он путь проделал, скитаясь по святым местам, притупились его чувства, и изголодался он. Как не дать такому горсти риса?» И дала она ему чашу, полную риса с маслом и сахаром, и сказала при этом: «Пойди на берег пруда и съешь это. Двор наш переполнен угощающимися брахманами». «Хорошо», — проговорил он и, пойдя к находившемуся невдалеке пруду, поставил чашу с рисом под деревом. Ополоснул он в пруду руки и ноги, прополоскал рот, и, пока он собирался отведать вкусной еды, прилетел на то дерево откуда-то коршун, держа в клюве и лапах черную змею, а она, умирая, извивалась, и вместе с жизнью вытекла у нее из пасти ядовитая слюна и попала в стоявшую под деревом плошку с едой. Не видевший, как это случилось, Харисвамин подошел и все съел. Но только он, голодный, съел эту отравленную пищу, как тотчас же почувствовал острую боль от отравы: «О, если судьба против тебя, то все обращается тебе во вред! Вот и этот рис с сахаром и маслом оказался для меня ядом!» Так протонав, дотащился он в корчах до дома и проговорил, обращаясь к хозяйке, жене устроителя угощения: «В том рисе, что ты мне дала, был яд. Позови поскорее кого-нибудь, кто яд заговаривает, не то будет на тебе грех убийства брахмана!»

«Что же это?!» — вскрикнула добродетельная, услышав слова Харисвамина, а в это время закатились его глаза и жизнь покинула его. Разгневался на супругу устроитель угощения, заподозрив ее в убийстве гостя, и, хоть была она невинна и гостеприимна, выгнал ее из дома, а она, навлекшая на себя хулу, ни слова не молвив против напрасного обвинения, порожденного ее добрым делом, пошла, добродетельная, на святые места совершать подвиги. И начался тогда перед Дхармараджей^[162] спор, на ком лежит вина за убийство брахмана — на змее, на коршуне или на том, кто еду дал, да так и нынче спор не решен! Так скажи мне ты, царь Тривикрамасена, кто же из них повинен в смерти брахмана? А не скажешь, так свершится то проклятие, о котором я тебе прежде говорил».

Выслушал раджа все, веталой сказанное, и, помня о проклятии, нарушил молчание и вот что сказал: «Что за вина на змее за то, что у нее яд вытек, когда ее пожирал враг? И разве виноват коршун, сам бывший голодным и пожиравший неожиданно доставшуюся ему пищу? И разве

кто-нибудь из супругов виноват в этом? Не может быть, чтобы они оба, верно служащие дхарме, могли бы совершить такой невероятный грех. Повинен в смерти брахмана лишь тот глупец, который бездумно возложил вину за это на кого-нибудь из них!»

И только лишь вымолвил он это, как сорвался с царского плеча вета́ла вместе с покойником и умчался на свое место, а царь, по-прежнему решительный, пошел вслед за ним.

Волна двадцать первая

И снова пришел Тривикрамасена к дереву шиншапа, спустил труп с веталой с дерева и взвалил на плечо, и только двинулся, как снова обратился ветала к повелителю земных просторов: «Устал ты, царь, и поэтому расскажу я тебе занимательную историю, а ты слушай

о купеческой дочери Ратनावати

Есть такой город Айодхья, который в давние времена был столицей Лучника, когда обрел он облик Рамы^[163], покончившего с родом ракшасов, а правил в том городе раджа Виракету, истинный стяг доблести, и он, могучий, защищал эту землю, как крепостная стена защищает город. Во времена этого раджи жил в том городе богатый купец по имени Ратнадатта, и был он старшим над всеми купцами. Его жена Нандаянти родила ему дочку, вымоленную ими у богов, которой дали имя Ратनावати. Росла она, разумная, в отцовском доме, и, казалось, с нею вместе были рождены и вырастали Краса, Послушание и Прелесть. Когда же она достигла поры юности, то не только богатые купцы, но и цари просили ее в жены. Но Ратनावати не терпела мужчин и никого не хотела в мужья, даже если бы посватался к ней сам Васав^[164], и была готова скорей расстаться с жизнью, чем выйти замуж. Ее отец, преисполненный к ней нежным чувством, молча все это сносил, хоть молва о нежелании Ратनावати выходить замуж разнеслась по всей Айодхье.

Случилось как-то раз, что горожане, которых воры постоянно донимали, пришли к радже и обратились к нему с такими словами: «Постоянно, из ночи в ночь, воры обкрадывают нас, а изловить их, государь, мы сами не можем. Тебе, божественный, ведать надлежит, что лучше делать!» Когда жители города сказали ему так, велел он, чтоб сыскать воров, по всему городу поставить переодетых ночных стражников, а они все равно ничего поделать не могли, и воры по-прежнему грабили город. И тогда сам раджа взялся за дело и однажды ночью пошел их ловить. Вот идет он с мечом в руке один-одинешенек и видит, что вдоль городской стены крадется какой-то человек, весьма искусный в разных

способах движения, а потому шагающий осторожно и неслышно, сторожко оглядываясь по сторонам. «Вот тот вор, который в одиночку тревожит весь мой город!» — подумал раджа и приблизился к нему. Вор заметил раджу и спросил: «Кто ты?» А Виракету ему и отвечает: «Вор я!» Тот сказал: «Да ты, видно, мне ровня, приятель! Так пойдем ко мне домой, угощу я тебя по дружески!» Согласился на это раджа и пошел с ним в его дом, находившийся в подземелье, вырытом в лесу, и увидел он жилище вора, переполненное всякими богатствами и сокровищами и освещаемое яркими светильниками, — было оно подобно новой Патале, и разве что не было там только самого царя Бали^[165].

Когда вошли они туда, пригласил вор царя посидеть, а сам пошел зачем-то в другие покои. Подошла в этот миг к царю служанка и проговорила: «Как ты, велико достойный, попал сюда, прямо в пасть смерти? Этот вор, что вышел отсюда, непременно учинит какое-нибудь злодейство и обманет твое доверие. Уходи отсюда поскорее!» Услышав такой совет, поспешил раджа уйти, вернулся в свою столицу ночью и тотчас же снарядил войско. В полном снаряжении прибыло войско к подземному жилищу недруга, осадило вход в подземелье, оглашая трубными звуками все и вся.

Понял вор, что тайна его раскрыта и дом его осажден, и, решив умереть, бросился вор-смельчак на битву. В схватке показал он, что смел и обладает мужеством сверхчеловеческим — всего-то вооруженный мечом да щитом, рубил он хоботы слонам, отсекал ноги коням, сносил головы воинам. Тогда на него, беспощадно крушившего все вокруг себя, бросился сам царь. Был раджа великим мастером во владении мечом и ловким движением выбил у вора из рук и меч, и щит. Обезоружив вора, он и свое оружие отбросил, и, схватившись с ним врукопашную, уложил его на землю, и живым взял в плен. Доставил раджа вора со всем богатством в столицу и утром же объявил приговор — посадить вора на кол.

Вот под барабанный бой ведут вора на место казни, и увидала его из своего дома купеческая дочь Ратнавати, и, хоть был он весь изранен и покрыт пылью, тотчас же одолел ее Мара — влюбилась она в вора. Кинулась Ратнавати к отцу и сказала: «Вот этого человека, которого ведут на казнь, избираю я себе в мужья! Защити его от царя, батюшка, не то и я умру вслед за ним!» Удивился Ратнадатта: «Что это ты, доченька, говоришь? Даже от царей, к тебе сватавшихся, ты отказывалась. С чего же это тебе захотелось избрать в мужья этого подлого вора, попавшего в беду и обреченного на смерть?» И так, и этак отец ее уговаривал, но не изменила она своего решения.

Поспешил Ратнадатта к радже, и попросил избавить вора от казни, и готов был даже отдать все свое имущество, но даже за миллиарды золотых не отдавал раджа вора, потому что должен был тот, всех разорявший, расплатиться за все свои преступления ценой своей жизни. Вернулся отец опечаленный, и купеческая дочь, совершив омовение, вознамерилась умереть вместе с вором, хоть и отговаривала ее родня. Села она в паланкин и отправилась на место казни злодея, сопровождаемая рыдающим отцом, матерью и всеми прочими, а палачи тем временем успели вора на кол посадить. Жизнь уже покидала его, когда увидел он купеческую дочь, сопровождаемую родней. Услышал вор от людей всю историю и сначала заплакал, а потом рассмеялся, а затем, посаженный на кол, испустил дух.

Сняла Ратनावати его тело с кола, и вошла с ним на погребальный костер добродетельная купеческая дочь, и в этот же момент незримо присутствовавший на кладбище Бхайрава сказал ей с небесной тверди: «Обрадован я твоей преданностью избранному супругу. Так проси какой хочешь награды, верная мужу жена!» Услышав это, поклонилась она господу и попросила: «Защитник мой, да будут у моего отца, лишенного сына, сто сыновей, не то, раз нет у него других детей, без меня покончит он с жизнью!» И снова сказал бог: «Родятся у твоего отца сто сыновей, а ты избери себе другую награду. Для таких твердых, как ты, в добродетели ничтожно избранное тобой!» В ответ на это взмолилась ему Ратनावати:

«Коли воистину доволен ты мною, боже, так пусть живет избранный мною супруг и всегда будет благочестивым и добродетельным!» — «Пусть так и будет, и да встанет твой муж живым! Пусть всегда будет он благочестив! Пусть будет им доволен раджа Виракету!» И пока незримый Шарва говорил все это с небес, поднялся тот вор живой и невредимый. Удивился и обрадовался Ратнадатта, и, взяв Ратनावати и вора, ставшего его зятем, вместе с радостной родней отправился домой, и устроил, обрадованный обещанием ста сыновей, праздник, соответствующий его радости. Узнав обо всем случившемся, очень обрадовался раджа Виракету, позвал к себе вора и за его беспримерную доблесть поставил начальником над войсками, а тот забыл про воровские дела, женился на дочери купца, вел добродетельную жизнь и был в милости у царя!»

Закончив историю, веталя, сидя на плече у царя Тривикрамасены, напомнил ему о проклятии и спросил: «Объясни мне, царь, почему вор, на колу сидя, при виде купеческой дочери со всей ее родней отцовской плакал и смеялся?» Ответил на это раджа: «Плакал он от горя: «Уйду я, не оплатив долга этому купцу, неожиданно ставшему моим родственником». Рассмеялся же он от удивления: «Как? Девушка, царей отвергшая,

влюбилась в меня, оказавшегося в таком положении? Воистину неисповедимы пути женского сердца!»

И только закончил царь свое суждение, как сорвался чудодей с его плеча и с помощью волшебства умчался лучший из ветал на свое место, а царь, как и прежде, снова пошел за ним.

Волна двадцать вторая

Опять пришел царь к дереву шиншапа, снял труп с веталой и, взвалив его себе на плечо, отправился в путь. И только сделал он первый шаг, как снова обратился к нему ветала, сидя на его плече: «Расскажу я тебе, царь, еще одну историю. А ты слушай»

о хитром брахмане Манахсвамине

Был некогда в стране Непальской город, называвшийся Шивапура, а в нем правил царь Яшаскету, по заслугам прозванный «Знаменем славы». Бремя дел государственных он переложил на министра Праджнясагара, истинное море мудрости, а сам предавался любовным утехам с царицей Чандрапрабхой. Со временем родила ему царица девочку, и нарекли ее Шашипрабхой, Лунным светом, и воистину была она столь же прекрасна, как луна, это око мира. Прошло время, и вступила царевна в пору девичества, и однажды весной пошла с подругами в сад полюбоваться на праздничную процессию. Увидел ее там юный брахман Манахсвамин, сын богача, участвовавший в процессии, как раз когда красавица собралась сорвать цветок и подняла свою ручку, подобную нежной лиане, открывая взорам грудь и грациозно придерживая рассыпающиеся цветы.

Лишь взглянул на неё Манахсвамин, сразу же похитила она его сердце, и вот уже он сердцу своему не господин — любовь околдовала юношу. «Уж не сама ли Рати забрела сюда собирать принесенные весной цветы, чтобы изготовить стрелы для Камы? Или лесная богиня пришла сюда помолиться Весне?» — размышлял он. А тут увидела его царевна, и, только лишь ее взор упал на него, подобного новому богу любви, обретшему тело, уже не помнила она ни о цветах, ни о теле своем и уж просто даже себя не помнила.

Так вот они, переполненные любовью, стоят, упиваясь друг другом, как вдруг поднялось невероятное смятение и раздались крики ужаса. «Что это?» — вскрикнули они, вытянув шеи и стараясь рассмотреть, что же случилось. А это слон, до которого донесся запах другого слона, пришел в ярость, порвал привязи, вырвался из стойла и мчался, безумный, с висющим

на шее анком, сбросив корнака^[166], вырывая растущие вдоль дороги деревья. Тут все слуги в испуге разбежались, а Манахсвамин подбежал к перепугавшейся царевне, оставшейся в полном одиночестве, поднял ее на руки, и она прильнула к нему всем телом, переполненная страхом, любовью и стыдом, а он отнес ее подальше от слона. Тут и слуги прибежали и, окружив царевну, стали восхвалять его, лучшего из брахманов, и затем отвели ее домой, а она, что ни миг, все оборачивалась, чтоб на него посмотреть. Стала она, любовью одолеваемая, пламенем страсти испепеляемая, день ли, ночь ли, думать о нем, жизни ее спасителе.

А Манахсвамин проводил ее из сада до дома и, видя, как она вошла в свои покои, подумал, переполненный любовью: «Теперь мне без нее не жить, не дышать! Единственное спасение мое — пойти к проницательному Муладеве, пройдохе и чудодою». Предаваясь таким раздумьям, кое-как провел он день, а на следующее утро отправился к наставнику Муладеве и нашел его, полного, словно небеса, воплотившиеся в человеческом теле, всяких хитростей и обманов, в компании с его непременно другом Шашином. Поклонился он Муладеве и рассказал о сокровенном своем желании. Улыбнулся наставник и согласился помочь ему.

Бросил наставник плутов волшебный шарик себе в рот и тотчас же обратился в дряхлого брахмана. Другой такой же шарик Муладева положил в рот Манахсвамину, и обратился юный брахман в красивую девушку. Взяв эту мнимую красавицу с собой, пошел Муладева, предводитель плутов, во дворец к царю, отцу возлюбленной Манахсвамина, и сказал: «Есть у меня, царь, единственный сын. Высватал я ему девушку издалека и привел сюда, а он куда-то ушел. Пойду я его искать, а ты согласишься взять ее под свою защиту. До той поры, пока я приведу сына, охраняй ее так же, как ты охраняешь мир».

Выслушал все это царь и, опасаясь, как бы брахман его не проклял, согласился. Велел он позвать дочь свою Шашипрабху и наказал ей: «Вот, доченька, помести ты эту девушку в своих покоях и дели с ней и ложе, и пищу». После отцовского наказа увела царевна Манахсвамина в образе девушки к себе.

Ушел Муладева, обратившийся в брахмана, куда ему было угодно, а превращенный в девушку Манахсвамин оказался подле своей возлюбленной.

Прошло сколько-то дней, и царевна почувствовала к новой подруге большую любовь и доверие. Однажды, когда измученная разлукой царевна не могла найти покоя на ложе, спросил, сидя около нее, Манахсвамин, скрытый под обликом красавицы: «Что ты, подружка, побледнела и таешь

день ото дня? Словно разлученная с возлюбленным тоскуешь ты, Шашипрабха! Скажи мне, если не отказываешь в доверии нам, робким и любящим тебя служанкам. Если не поделишься своей печалью, то отныне ничего я есть не стану!» Глубоко вздохнула в ответ царица и прошептала: «Почему ж не доверять тебе? Слушай, расскажу я. Однажды пошла я в сад посмотреть на праздник весны и заметила там одного пригожего брахманского сына, прекрасного, словно Месяц, выплывший из тумана, юношу, подобного Смаре, один вид которого разжигает пламя любви, красотой своей воистину напоминающего весенний лес, украшенный игрой солнечного света, в радостный месяц мадху^[167]. И пока я упивалась красотой его чела, подобно тому как чакора упивается напоенными амритой лучами Месяца, вдруг примчался туда орошающий все вокруг смрадным потом сорвавшийся с привязи слон, дико ревущий, словно грохочущая громами, не ко времени примчавшаяся грозная туча. Разбежались мои слуги кто куда, а этот юный брахман меня, перепуганную, на руки взяв, унес оттуда подальше. От прикосновения его тела была я словно умащена сандалом, будто орошена амритой, и уж не знаю, как описать состояние, в которое я пришла. Когда же собрались мои слуги и меня, не желавшую с ним расстаться, привели сюда, то я словно с небес свалилась на землю. Вот с того времени и одолевают меня воспоминания, и чудится встреча с ним, и даже, когда бодрствую, кажется, что стоит он, супруг мой, податель жизни, рядом со мной. Когда же сплю, то вижу во сне, как Он ласковыми словами меня утешает, настойчиво заставляет ласками да поцелуями отбросить стыд. Но не могу я, незадачливая, найти его — не знаю я ни имени его, ни роду, ни племени, и палит меня вечно огонь разлуки с ним, повелителем жизни моей!»

От этих слов точно сладостной амритой наполнились уши обрадовавшегося Манахсвамина, обращенного в девушку-брахманку. Решил он, что цель его достигнута и пришло время, когда может открыться ей. Вынул он волшебный шарик изо рта и предстал перед возлюбленной в своем настоящем виде. А потом сказал: «Я и есть, прекрасноокая, тот, кого ты в саду своим взором обратила в своего верного раба. От горести, причиненной внезапной разлукой, обрел я облик девушки. Потому, стройная, ради счастья нашей любви да не останутся бесплодными эти перенесенные в разлуке страдания — не потерпит этого Смара».

Как увидела царица пред своими очами говорящего такие речи повелителя своей жизни, так ее тут и охватили сразу же и любовь, и изумление, и стыд, и, оттого что горячо стремились влюбленные друг к другу, сочетались они по закону гандхарвов, и сколь сильна была их

любовь, столь прекрасным был и праздник страсти. С этого времени жил у царевны счастливый Манахсвамин в двух образах: днем — с волшебным шариком за щекой, в облике девушки, а ночью, вынув шарик, становился мужчиной.

Сколько-то дней минуло, и наступило время свадьбы Мриганкавати, наделенной безмерно богатым приданым, дочери Мриганкадатты, шурина царя Яшаскету, с молодым брахманом, сыном министра Праджнясагара. Была приглашена на свадьбу дочери брата матери и царевна Шашипрабха. Отправилась она в дом к своему дяде, а с нею и все прислуживавшие ей девушки, и среди них брахманский сын Манахсвамин в облике красивой девушки. Увидел эту мнимую девушку сын министра, и глубоко засела в его сердце поразившая его стрела Смары. Было похищено сердце молодого брахмана мнимой девушкой, и поэтому, когда с молодой женой вошел сын министра в свой дом, показалось ему, что нет с ним в том доме никого и пуст он. Ни о чем другом не мог он помыслить, кроме прелести ее лица, — казалось, обезумел он, уязвленный могучим змеем жгучей страсти. «Что это с ним случилось?» — спрашивали друг друга все в смятении, кто там был, позабыв о празднике. Поспешил к нему, узнав о недуге сына, его отец — Праджнясагара. Стал отец его утешать и расспрашивать, и юноша избавился от наваждения и поведал, несвязно бормоча, о своем безумном желании.

Решил отец, что сын не в себе, и встревожился недугом его еще больше. А тут, узнав обо всем, пожаловал к ним и сам царь. Тотчас же заметил он по состоянию тела юноши, что достиг тот седьмой степени любви, при которой люди утрачивают стыд.

«Как могу отдать я ему девушку, порученную мне брахманом? А без нее ведь непременно дойдет он и до десятой степени, при которой люди гибнут. Он умрет, так и его отец, мой министр умрет. А тот погибнет, так и державе моей конец. Скажите же, что мне делать?» — вопрошал он министров. Те же ему говорили так: «Говорят мудрые, что высший закон для царя — помогать подданным выполнять закон. Корень этому — в совете, а совет от министров исходит, и если министр гибнет, то непременно будет от этого и закону ущерб. Если допустить, чтобы министр и его сын погибли, то будет это великим грехом, а этого надобно остерегаться, иначе будет тобой нарушен закон. Нужно отдать эту девушку, брахманом оставленную, сыну министра, а если со временем тот брахман явится и разгневается, то тогда и нужно будет что-то делать».

«Хорошо!» — согласился царь со своими министрами и приказал отдать мнимую девушку сыну министра. Забрали Манахсвамина в образе

девушки из дома царевны и назначили подходящий для свадьбы день. И вот тогда обратился Манахсвамин к царю с такими словами: «Другим и ради другого к тебе приведенную отдаешь ты меня не за того, кто был мне предназначен! Пусть так будет, коли такова твоя воля; ты ведь — и закон, и беззаконие. Но хочу я, чтобы не заставляли меня ложиться в постель к супругу, пока не посетит он в течение шести месяцев святые места. Если не будет так сделано, откушу я себе язык, лишу себя жизни!»

Когда так сказал обращенный в девушку Манахсвамин, то по совету раджи согласился на это сын министра и, быстро совершив свадебную церемонию, поместил в одном доме и настоящую свою жену Мриганкавати, и свою мнимую жену, а сам, глупец, как пожелала его любимая, начал странствовать по святым местам.

Вот и живет Манахсвамин в образе девушки в одном доме с Мриганкавати, и спят они на одном ложе. Однажды, когда все слуги уснули, остались они наедине в спальнях покоях, и обратилась к нему Мриганкавати: «Рассказала бы ты мне какую-нибудь историю, подружка, — что-то не спится мне». И тогда рассказал ей Манахсвамин историю о том, как жил когда-то царственный мудрец Ила, и был он из рода Солнца, и из-за проклятия Гаури обратился он в женщину, красота которой обвороживала весь мир, и о том, как встретила эта красавица Ила в роще божественного сада с Будхой, и как вспыхнула между ними любовь, и как сошлись они и от этого родился Пуруравас. Закончив рассказ, добавил плут, что то ли по воле бога, то ли с помощью заклятия или снадобья может иногда мужчина стать женщиной или женщина мужчиной, и случается, что и соединяются они, побуждаемые любовью, — даже с великими такое бывает.

Послушала все это юная и робкая Мриганкавати, муж которой ушел сразу же после свадьбы, и, поскольку преисполнилась она доверия к подруге своей, призналась ей: «Послушала я твой рассказ, подружка, и тело мое затрепетало сладостью, а сердце замерло. Скажи, что бы это значило?» Ответил ей брахман, обращенный в девушку: «Непременно, милая, это необычайные приметы любви! Да и я сама чувствую то же — что мне скрывать от тебя?» И тогда Мриганкавати проговорила: «Ты, подруженька, дорога мне, как сама жизнь! Что, если спрошу я тебя, многознающая, нет ли какого-нибудь способа, чтобы сюда попасть мужчине?»

Тогда понял Манахсвамин, чего хотела она, и сказал он, ученик повелителя плутов: «Коли так, то вот что скажу я тебе. Я из вайшнавов, и лежит на мне милость Вишну, благодаря которой могу я по своему

желанию в ночную пору становиться мужчиной. Если хочешь, могу я и сейчас стать им!» И с этими словами вынул Манахсвамин волшебный шарик изо рта и явил себя перед красавицей во всем цвете юной мужской красоты. Когда тайна была открыта и отброшено всякое стеснение, начался у них истинный праздник страсти. Стал Манахсвамин жить с женой сына министра, днем обращаясь в женщину, а ночью снова становясь мужчиной.

Но вот стало ему ведомо, что через несколько дней должен вернуться супруг Мриганкавати, и тогда взял он да и сбежал потихоньку с ней вместе в ночном мраке.

Дошли разговоры об этом до его наставника Муладевы, и, разузнав обо всем, снова обратился учитель пройдох в дряхлого брахмана, и в сопровождении Шашина в образе юного брахмана пришел к Яшаскету, и сказал: «Вот привел я сына моего! Отдай мне мою невестку!» Подумал царь, опасавшийся быть проклятым, и сказал ему: «Прости меня, брахман, не знаю я, куда ушла твоя невестка. Чтобы искупить вину, отдам я за твоего сына свою дочь».

Умолил так повелителя плутов в облике дряхлого брахмана, преисполненного притворного гнева, и отдал его приятелю, выдававшему себя за сына того брахмана, свою дочь Шашипрабху, как по закону полагалось. Взял тогда Муладева молодоженов и пошел к себе домой, не пожелав даже коснуться царских сокровищ. Когда пришли они домой, то нашли там Манахсвамина, и у него с Шашином перед Муладевой разгорелась жестокая ссора. Манахсвамин кричал, что Шашипрабху следует отдать ему, потому что взял он ее в жены еще в девичестве с согласия наставника. «Что тебе до нее, дурень? Она мне жена, отданная мне перед самым Агни ее отцом!» — возражал ему Шашин.

Так и не могли они разрешить спор из-за царевны, добытой с помощью волшебства!

Так скажи мне ты, царь, кому она должна достаться в жены? Разреши мое сомнение, а о прочем я тебе уже говорил». Выслушал царь вопрос ветапы, на плече его сидящего, и ответил ему: «По-моему, если по справедливости судить, так она жена Шашина, — ведь ему отец ее отдал при всех и по закону. Манахсвамин же воровским путем овладел ею и сочетался по закону гандхарвов. Несправедливо отдавать вору чужое имущество!»

Услышав такой ответ Тривикрамасены, ветапы, как и прежде, сорвался с его плеча и умчался вместе с трупом на свое место, а царь поспешил за ним, чтобы отнести его туда, куда было условлено.

Волна двадцать третья

Снова вернулся к дереву шиншапа царь Тривикрамасена и, сняв с него покойника с веталой, взвалил того на плечо и отправился в путь. Только он зашагал, как заговорил с ним ветала: «Слушай, царь, расскажу я тебе одну возвышенную историю

о благородном видьядхаре

Есть здесь, в этом мире, величественный Химават, повелитель гор, хранитель всех камней драгоценных, родитель Гаури и Ганги, двух богинь, милых Шиве. На склоны его не могли взойти даже самые большие герои из земных царей, и возвышается он, гордый, над всеми другими горами, — все истинно, что поется о нем во всех трех мирах. Стоит на склонах Химавата город Канчанапура, прозванный по заслугам золотым — так сверкают его крыши, что чудится, будто само солнце оставило ему в залог все свои лучи.

В давние времена пребывал в этом лучшем из городов царь Джимутакету, повелитель видьядхаров, подобно тому как на горе Меру — Индра, совершитель ста жертв. Росло в саду у дворца Джимутакету волшебное дерево, исполняющее желания, доставшееся ему в наследство, и по достоинству дереву было дано название Маноратхадаяка, то есть исполняющее желания. Умолив его, как свое божество, получил раджа по его милости сына, помнившего о прежних рожденьях, несшего в себе частицу бодхисаттвы, и назвали того сына, щедрого в даяниях, высокодобродетельного, сострадательного ко всем живым существам, почтительно послушного наставникам, Джимутаваханой. Когда вступил царевич в пору юности, то царь, побуждаемый советами министров и добрыми качествами сына, помазал его на царство, а после этого министры, исполненные доброжелательства, приблизились к нему и сказали:

«Это твое «пожелай-дерево», недоступное ни для одного живого существа, исполняет все желания, и тебе следует всегда его почитать. Пока оно у нас, не сможет нас одолеть даже сам Шакра. Что же говорить о

каких-нибудь иных врагах». Выслушал их Джимутавахана и подумал про себя: «Увы! Предки наши, хотя и обрели некогда это божественное дерево, никогда не получали от него достойного плода. Испрашивали они только лишь богатства и этим ставили себя наравне с нищими, делая и самих себя, и это высокоблагородное дерево ничтожными. Но я поступлю так, что исполнит оно заветное желание моего сердца».

Так решив, пошел высокодобродетельный к отцу, удовлетворенному его беспрекословным послушанием, и сказал с глазу на глаз: «Ведь знаешь ты, батюшка, что в этом океане бытия нет ничего постоянного, все подобно колебанию и всплескам волны, а особенно мимолетны заря, молния и счастье. Только лишь заметишь, как и неведомо уже, где они! Одно лишь в этом мире вечно и несокрушимо — помощь другому, которая рождает дхарму и славу, делящуюся сотни юг. Так зачем же мы ради мимолетных наслаждений напрасно держим у себя «пожелай-дерево»? Для чего оно создано? Где нынче те наши предки, которые жадно берегли для себя это дерево, твердя: «Мое! Мое!»? Где они сами и что для них это дерево? Поэтому позволь, батюшка, отдам я дивное дерево, исполняющее желания, чтобы послужило оно благородной цели помощи другим!»

И отец согласился с ним и сказал: «Так тому и быть!» И после этого пошел Джимутавахана к волшебному дереву, исполняющему желания, и взмолился: «О божественное, всегда исполнявшее заветные желания наших предков! Исполни мое единственное сокровенное, не похожее на прежние, желание! Сделай так, чтобы увидел я эту землю освобожденной от нищеты! А когда исполнишь то, о чем прошу я тебя ради блага мира, ступай от нас, и да будет тебе благо!» Только закончил он говорить, стоя со сложенными молитвенно руками, как из дерева послышался голос: «Отпустил ты меня, и я удаляюсь!» И тотчас же вознеслось «пожелай-дерево» на небеса, пролив на землю такое богатство, что не осталось на ней ни одного несчастного. Разнеслась тогда слава Джимутаваханы по всем трем мирам, ибо не было никого, кто был бы столь сострадателен ко всему сущему.

Из-за жадности преисполнились к нему злобой все родичи Джимутаваханы, расставшегося с «пожелай-деревом» ради блага людского, и, решив, что сумеют они одолеть царевича вместе с отцом, пошли войной, чтобы отвоевать их царство. Видя это, молвил отцу Джимутавахана: «Если ты, батюшка, на бой выйдешь, кто против тебя устоит? Но кому нужно царство ценой смерти родичей? Только чтобы тешить это грешное, недолговечное тело? Так зачем нам это царство? Уйдем куда-нибудь вдвоем и будем блюсти дхарму — ведь на ней

держатся оба мира. Пусть радуются эти убогие, алчные до царства, вызывающие жалость!» На эти слова так ответил ему Джимутакету: «Только ради тебя, сын мой, желал я царства. Но раз ты от него отказываешься, преисполненный сострадания ко всему сущему, то что мне, старому, в нем?»

Покинул Джимутавахана с согласия отца царство и пошел с отцом и матерью в горы Малайя. Там он, послушный отцу, устроил ашрам в долине ручья, русло которого было скрыто сандаловыми деревьями, и появился у него там друг, имя которому было Митравасу, а был он сыном повелителя сиддхов Вишвавасу и жил в тех краях.

Однажды, блуждая по лесу, вошел Джимутавахана в стоявший на опушке храм Гаури, чтобы поклониться ей. Но только вступил он под его своды, как увидел прекрасную девушку, окруженную служанками и слугами, готовую совершить поклонение Дочери гор и в честь ее игравшую на вине. Застыли газели, заслушавшись дивной мелодией и словно оробев при виде ее прекрасных глаз, в которых черный зрачок выделялся на синеватой белизне белков и которые неудержимо стремились дотянуться до кончика уха, словно войско пандавов, предводительствуемое Арджунной, жаждущее добраться до Карны^[168]. А перси ее вздымались, теснясь под одеждой, словно старались заглянуть ей в лицо, спорящее с луной. А на стане красовались прелестные складки, словно следы, оставшиеся от пальцев творца, когда он лепил ее. И только увидел ее Джимутавахана, как стройная, проникнув внутрь по незримой тропинке взгляда, похитила его сердце.

Увидела и она его, истинное украшение сада, манящего к себе, словно Мадху, укрывшийся в лесу из-за того, что был испепелен Кама, и поразила ее страсть — уронила красавица вину, и умолкла та, словно встревоженная случившимся подруга.

Тогда спросил Джимутавахана у подруги ее: «Что за счастливое имя носит она и какой род собой украшает?» И та, выслушав его, отвечала: «Имя ее — Малаявати, сестра она Митравасу и дочь повелителя сиддхов Вишвавасу». А после этого она, сочувствующая, спросила сына отшельника, пришедшего с Джимутаваханой, о имени и роде самого Джимутаваханы. А уж после этого спросила она, улыбаясь, у Малаявати: «Почему, подружка, не принимаешь ты повелителя видьядхаров, как гостя? Ведь пришел к нам сегодня такой гость, которого почитает весь мир!» Но от смущения безмолвствовала красавица и не могла поднять своих очей. «Очень она стыдлива, и поэтому соблаговоли принять от меня все то, чем гостя положено почитать!» — и с этими словами одна из ее подруг с

почтением поднесла ему гирлянду из цветов, а Джимутавахана, преисполненный любви, взял эту гирлянду и надел ее на шею Малаявати. А она, украдкой бросая на него нежные взгляды, словно отдала его венком из голубых лотосов своих глаз.

Когда же завершили они этот безмолвный обряд избрания друг друга в супруги, одна из служанок подошла к дочери сиддха и молвила ей: «Матушка тебя зовет, царевна, поспеши!» Услыхав эти слова, Малаявати, словно пригвожденная к любимому стрелой Камы, бога любви, с грустью оторвав взор от милого лица, пошла домой. Ушел к себе и Джимутавахана, но только душа его ушла с красавицей.

Малаявати, повидав свою матушку, пошла к себе и, палимая разлукой с повелителем ее жизни, упала на ложе. Заволокло ее очи дымом пламени страсти, палившей ее сердце, лились из них потоки слез, жарко кипела кровь во всем теле, и, хоть подруги умащали ее снимающими жар сандаловыми притираниями и оведали лотосовыми листьями, не могла она унять страсть свою ни на ложе, ни на коленях подруги, ни на земле.

А тем временем миновал день, и сумерки, окрашенные пурпуром, уступили место ночи, и выглянувшая луна поцеловала смеющееся лицо Востока. Хоть и побуждала красавицу любовь послать возлюбленному весточку и сделать все, что надо в таких случаях, но стыдливость мешала ей и, казалось, уже покидала ее жизнь — провела она ту лунную ночь, словно лотос, который, закрываясь ночью, так и не смог закрыться, и в сердце ее, полное смятения, подобного рою пчел, вселилось сомнение.

И Джимутавахана был словно на ладони повелителя лука, сделанного из цветов, — недавно возникло его чувство, а он уже побледнел и от стыда не мог произнести ни слова, и одни лишь стоны, рожденные любовью, вырывались из его уст. Так он провел всю ночь.

Когда же наступило утро, переполненный страстью Джимутавахана поспешил в тот храм Гаури, где встретился он с дочерью повелителя сиддхов, и там к нему, сгорающему от пламени страсти, приблизился сын мудреца и утешал его, а тем временем пришла туда же тайно, чтобы покончить с собой, истерзанная разлукой Малаявати и, не замечая возлюбленного, закрытого от нее деревом, заливаясь слезами, воззвала к богине: «Исполнена я преданности тебе, богиня, но если не в этом рождении, то пусть хоть в следующем станет Джимутавахана моим мужем!» При этих словах тотчас же сделала она из своей верхней накидки петлю и уже готова была в присутствии Гаури повеситься на суку дерева ашоки, но воскликнула: «О повелитель мой Джимутавахана! Как же ты, прославленный во всем мире своей сострадательностью, не избавил меня

от страданий?» Тут стала она накидывать петлю себе на шею, но вдруг зазвучало с небес божественное слово Гаури: «Не спеши, доченька, будет твоим мужем верховный повелитель видьядхаров Джимутавахана!»

Внимал богине и Джимутавахана вместе со своим другом, а затем предстал он перед обрадовавшейся ему возлюбленной. А друг его обратился к ней и молвил: «Вот и награда тебе от богини!» Сам же Джимутавахана с ласковыми и преисполненными любви словами своей рукой снял с ее шеи петлю, и тогда внезапно почувствовали они, будто оросил их ливень из амриты, и Малаявати стояла, от смущения чертя на земле какие-то линии. В это время прибежала одна из ее подруг, разыскивавшая ее, и, радостная, воскликнула: «Подружка! Выглядишь ты совсем счастливой, а оттого, что достигнешь ты желаемого, еще большим будет твое счастье. Слышала я сегодня, как говорил царевич Митравасу твоему отцу махарадже Вишвавасу: «Пришел в наши края всем миром почитаемый, подаривший людям «пожелай-дерево», сын повелителя видьядхаров Джимутавахана. Должно нам принять его, как гостя. А поскольку он еще жених и никто иной с ним в достоинствах не сравнится, то самое большое, что мы можем сделать ему по законам гостеприимства, — это отдать ему в жены сокровище среди девушек Малаявати!» А твой отец молвил на это: «Так тому и быть!» Тогда царевич Митравасу поспешил к жилищу высокодостойного с такой доброй вестью, и знай, что свадьба твоя будет устроена сегодня же, и поэтому ты поспеши в свои покои, а высокодостойный пусть вернется к себе».

И как только подруга все это сообщила, медленно пошла оттуда царевна, исполненная радости и печали, поминутно оглядываясь через плечо. Поспешил Джимутавахана в свое жилище, выслушал там от Митравасу желанную весть, и возблагодарил его, и, помня о своих рождениях, поведал ему о том, в котором Митравасу был его другом, а сестра Митравасу — его женой. Обрадованный Митравасу сообщил благую весть и родителям Джимутаваханы, а они испытали при этом безмерную радость. Выполнив так успешно порученное ему, обрадовал этим Митравасу своих родителей. В тот же день забрал он Джимутавахану из родительского дома и приготовил все для свадьбы, да так, что все по богатству и пышности соответствовало его волшебному могуществу, и в тот же счастливый день устроил свадьбу сестры своей Малаявати с повелителем видьядхаров Джимутаваханой. Исполнилось сокровенное желание Джимутаваханы, и стал он жить там с молодой женой.

Однажды пошел он из любопытства вместе с Митравасу побродить в лесу, стоящем на берегу океана, и, заметив там груды костей, спросил у

Митравасу, кому из существ принадлежат эти кости. И тогда вот что ему, сострадательному, поведал его шурин Митравасу: «Слушай, расскажу я тебе сейчас одну историю. В давние времена родительница нагов Кадру обратила Винату, мать Гаруды Таркшьи, в рабство, обманом выиграв спор^[169]. Хотя Гаруда и сумел вызволить свою мать, но из-за ненависти к Кадру стал он пожирать нагов, ее сыновей. Постоянно влетал он в подземный мир Паталу и кого-то из нагов пожирал, кого-то убивал, а кто и сам со страху умирал. Решил тогда повелитель нагов могучий змей Васуки, что так всему его роду приходит погибель, и обратился к Таркшье с просьбой: «Буду я, повелитель живущих в небе, каждый день посылать по одному нагу тебе на пропитание сюда, на берег океанский, но ты больше никогда не залетай в Паталу. Что за польза тебе, если ты загубишь разом всех нагов?» Когда предложил такое условие повелитель нагов, увидел Таркшья, что от этого ему будет выгода, и сказал высокомужественный: «Пусть так и будет!» Вот с тех пор, что ни день, сжирает Гаруда здесь, на океанском берегу, по одному нагу, которых посылает повелитель нагов Васуки. Вот так набрались здесь эти груды костей сожранных с того времени нагов, и со временем все больше и больше становятся они похожими на горные вершины.»

Глубоко огорчился Джимутавахана, сокровище мужества и сострадания, когда услышал рассказ Митравасу, и промолвил: «Достоин сожаления царь змей Васуки, который, как трус, каждый день посылает своих подданных на съедение. Как же это не мог он, тысячеустый, хотя бы одними устами сказать Таркшье: «Сначала съешь меня!»? И как же это настолько утратил он мужество, что упрашивал Таркшью об истреблении своего рода? И как может он быть таким бездушным, когда слышит постоянно горестный плач жен истребляемых нагов? И как может свершать такое греховное дело Таркшья, герой, сын самого Кашьяпы, освященный своим служением Кришне^[170]? Какова глубина падения!» И когда добросердечный сказал это, зародилось в сердце его великое желание: «Пусть, принеся в жертву свое несовершенное тело Гаруде, совершу я доброе дело, сохранив жизнь хотя бы одному беззащитному и одинокому, перепуганному нагу».

Пока Джимутавахана предавался таким размышлениям, примчался за ними колесничий отца Митравасу. «Ступай ты сейчас, а я приду потом!» — с этими словами отпустил Джимутавахана домой своего шурина, а когда тот ушел, стал искать случая осуществить желаемое, и, пока блуждал по берегу, донесся до него издали звук горестных рыданий.

Пошел он на звук и заметил приближавшегося к высокому утесу некоего юного мужа, прекрасного обликом, удрученного горем, словно оставленного здесь царским слугой. Уговаривал он сопровождавшую его старую женщину возвратиться домой. Охваченный состраданием Джимутавахана, желающий узнать, кто это, услышал, как старая женщина, изнемогшая под бременем горя, глядя на того юношу, рыдала: «О Шанкхачуда! О доставшийся мне через множество страданий! О добродетельный! Единственная надежда рода! О сын мой! Где увижу я тебя вновь? Дитя мое, когда закатится светлый месяц твоего лица, обрушится на твоего отца черный мрак горя! Какая уготована ему старость? Как сможешь ты перенести боль, когда станет тебя пожирать Таркшья, если страдает твое тело даже от солнечных лучей? Ведь народ нагов так многочислен — зачем же творец и царь нагов избрали тебя, единственного сына злосчастной старухи?» А сын уговаривал ее, заливающуюся слезами: «Безмерно горе мое, матушка! Зачем же ты делаешь его еще большим? Вернись домой — последний мой поклон тебе. Вот уже и время, когда прилетает сюда Гаруда». «О, горе, горе мне! Кто спасет моего сына?!» — рыдала старуха, обводя глазами, полными отчаяния, все страны света.

Слыша и видя все это, Джимутавахана, несущий в себе частицу бодхисаттвы, исполнился сострадания и подумал: «Вот несчастный нага Шанкхачуда, посланный сюда царем Васуки на съедение Гаруде, а вот пришедшая сюда вслед за ним, горько рыдающая от безмерного горя его мать, старая женщина, у которой он — единственный сын. Так спасу я этого несчастного ценой своего брэнного тела — пусть ему суждено погибнуть. Если не сберегу я жизнь этого наги, бесплодна будет жизнь моя в этом рождении».

Решив так поступить, подошел он к старой женщине и заговорил с ней: «Спасу я, матушка, твоего сына!» Она же решила, что это Гаруда прилетел, и, трясаясь от страха перед ним, вскрикнула: «Ешь меня, Таркшья, ешь меня!» Тогда Шанкхачуда объяснил ей: «Да это, матушка, не Таркшья! Не бойся! Посмотри, разве похоже это, подобное луне, излучающее благодать лицо на ужасного Таркшью?» Когда кончил нага говорить, обратился к его матери Джимутавахана:

«Я, матушка, видьядхар и пришел сюда, чтобы спасти твоего сына. Отдам я свое тело, поскольку скрыто оно одеждой, голодному Гаруде, а ты ступай вместе с сыном домой!» Возразила ему на это старая женщина: «Если ты в такое время проявляешь такое сочувствие, ты мне больше чем родной сын».

Выслушал ее Джимутавахана и сказал на это: «Не должно вам разрушать мое намерение!» Но возразил ему, настаивавшему на этом, Шанкхачуда: «Убедился я, высокодобродетельный, в твоём сочувствии, но не могу я такой ценой обрести спасение — кто должен спасти простой камень ценой драгоценного? Такими, как я, тревожащимися лишь о своей судьбе, переполнен мир, но ничтожно мало таких, кто тревожится за весь мир. Да и не могу я стать для честного рода Шанкхапала позором, как пятно на безупречном зеркале». Так возразив Джимутавахане, велел Шанкхачуда своей матери: «Уходи ты, матушка, из этой злой глуши! Разве не видишь ты эту скалу казни, ужасное ложе, на котором забавляется бог Смертного часа, измазанное кровью и слизью нагов? Я же пойду и поклонюсь здесь, на берегу океана, владыке Гокарне^[171] и поскорее вернусь, пока ещё не прилетел Гаруда». Тут поклонился он своей горько рыдающей матушке и пошел поклониться Гокарне.

Подумал про себя Джимутавахана, что если тем временем появится Таркшья, то сумеет он осуществить желаемое и сожрет Таркшью его, отдающего свою жизнь за другого. Заметил он, что деревья пришли в движение от ветра, поднятого крыльями повелителя птиц, и словно пытались отговорить его, шепча: «Не надо, не надо!» Подумав, что настал час прилета Гаруды, стал Джимутавахана, готовый отдать жизнь за другого, подниматься на скалу, где тот обычно терзал свои жертвы, и сам океан, вздыбленный порывами ветра, с великим изумлением смотрел сверкающими алмазами своих глаз на героя, обладавшего такой небывалой добродетелью.

Внезапно, затмив небо крылами, ринулся вниз Гаруда и, схватив клювом своим высокодобродетельного, унес его с той скалы, — держа в клюве его драгоценное тело, истекавшее кровью, полетел на вершину горы Малая, где собирался его сожрать. «Пусть в каждом рождении тело мое послужит благу другого, а если нет, то да не будет мне ни избавления от рождений, ни рая!» — думал Джимутавахана, пожираемый Таркшьей. В тот же миг с небесной тверди просыпался на него, истинный месяц среди вождей видьядхаров, дождь из цветов, а драгоценный камень, который носил он на челе, упал перед Малаявати, его супругой, и она сразу узнала украшение, и была поражена горем, и показала его свекру и свекрови, бывшим рядом с ней. «Что это?» — воскликнули супруги в тревоге, увидав украшение. Но тут же царь Джимутакету и царица Канакавати, благодаря своим могущественным и волшебным знаниям, поняли, что случилось, и поспешили вместе с невесткой туда, где находились Джимутавахана и Таркшья.

А тем временем Шанкхачуда вернулся после поклонения Гокарне и был удручен без меры, когда увидел, что орошена скала смерти свежей кровью. «О, горе мне! — зарыдал он. — Великий грех на мне. Несомненно, отдал себя высокоблагородный и сострадательный Гаруда вместо меня. Последую я немедля туда, куда унес его Враг змеинового рода. Если застану я его в живых, то не погибну в трясине бесславия!» И пошел он, заливаясь слезами, высматривая на земле следы крови.

Гаруда же, пожирая тело Джимутаваханы, заметил, что тот этому радуется, и подумал: «Что это за чудо небывалое? Видно, этот какой-нибудь высокодобродетельный, — радуется он, меж тем как я его пожираю, да и жизнь его до сих пор не покинула. Хоть истерзано его тело, а все волоски на нем поднялись от наслаждения и образовали доспехи. И смотрит он на меня таким взглядом, будто я его благодетель! Видно, все-таки это не нага, а какой-нибудь святой. Не буду его есть, а спрошу!» Покуда Таркшья так размышлял, обратился к нему Джимутавахана: «Что смутился ты, повелитель пернатых? Или нет во мне мяса и крови? Или нет тебе охоты в еде? Ешь меня!»

Удивился, слыша такие речи, царь птиц и спросил: «Ведь ты же, почтенный, не из змеинового рода! Скажи мне, кто ты?» И отвечал ему на это Джимутавахана: «Нет, я — настоящий нага! Зачем задал ты этот вопрос! Поступай согласно своей природе. Не следует по-ребячьи отступать от намеченной цели!» И пока так возражал Джимутавахана Таркшье, донесся до них голос Шанкхачуды: «Остановись, сын Винаты, не совершай великого греха! Он вовсе не нага — как это ты ошибся?! Я тот нага, который тебе предназначен». Подбежал он и стал между Таркшьей и Джимутаваханой. Заметив, что Гаруда пришел в замешательство, снова обратился к нему Шанкхачуда: «Что ж смутился ты, Таркшья? Или не видишь ты моего капюшона и не видишь, что язык мой раздвоен? И не замечаешь ты, сколь прекрасен облик видьядхара?».

А пока Шанкхачуда задавал Таркшье эти вопросы, прибыли туда родители и жена Джимутаваханы, и при виде того, как разорвано его тело, возрыдали они: «О сын наш! О Джимутавахана! О сострадательный! О сыночек, никогда не жалевший жизни своей ради другого! О, как же, Вайнатя, посмел ты, не подумав, свершить такое злое дело!» И, слушая их плач, устыдившийся Таркшья подумал: «Вот горе! Как же это я по неведению стал пожирать несущего в себе частицу бодхисаттвы? Ведь это же Джимутавахана, всегда готовый отдать свою жизнь на благо другому, чья слава гремит во всех трех мирах. Теперь, когда он мертв, придется мне, грешному, попасть в огонь, изведать, сколь сладок плод, зреющий на

ядовитом древе беззакония!».

Предается таким горестным размышлениям Таркшья, а тем временем Джимутавахана от причиненных ему ран обратился в собрание пяти начал [\[172\]](#). Вот рыдают над ним от горя родители, стонет непрерывно Шанкхачуда, осуждающий себя, а Малаявати, супруга Джимутаваханы, обратив очи к нему, голодом, прерывающимся от слез, осуждает Амбику: «Ты, ранее благосклонная ко мне, обещавшая мне в награду: «Будет мужем твоим будущий верховный повелитель видьядхаров!» — так ведь ты мне тогда говорила, Гаури? Так зачем же тебе понадобилось говорить мне лживые слова?» Укоряет она так Гаури, и вдруг является перед ней сама богиня и произносит: «Не ложны мои слова, доченька!» Тут обрызгивает она Джимутавахану амритой из сосуда, бывшего с нею, и тотчас же подымается он цел и невредим, в еще большем блеске, чем прежде, — живой, как ни в чем не бывало! Пал он ниц перед богиней, и все другие распростерлись перед нею, и молвила Гаури: «Довольна я тобой, тела своего не пожалевшим, и потому совершу я сама обряд помазания тебя на верховное правление видьядхарами до скончания калпы!» При этих словах совершила она помазание Джимутаваханы, окропив его из того же сосуда, и исчезла. Тотчас же с небес пал дождь из цветов божественной красоты и радостно зазвучали в небесах литавры богов.

Тогда обратился к Джимутавахане сам Таркшья: «Обрадован я, повелитель, тобой, человеком, отличающимся никогда не виданным благородством ума, поражающим все три мира и записанным на стенках яйца Брахмы [\[173\]](#). Повелевай мной и проси у меня все что хочешь!» Повелел тогда высокоблагородный так говорившему Гаруде: «Да не будешь ты никогда более пожирать нагов, а те, которых ты загубил прежде и чьи кости громоздятся здесь, на берегу, пусть оживут». Согласился на это Таркшья и произнес: «Отныне не буду я губить нагов! Да оживут те, которых я сгубил прежде!» И в тот же миг все наги, которых он прежде сожрал и от которых остались одни лишь кости, поднялись, орошенные животворной амритой желания Джимутаваханы.

Так собрались там на радостях боги, наги и множество мудрецов, и горы Малая получили от этого название «Троемирье» [\[174\]](#). Тотчас же по милости Гаури узнали удивительную историю Джимутаваханы все повелители видьядхаров, и все они собрались и склонились к его стопам, а потом унесли того вместе со всеми радостными родственниками и друзьями на горы Гималайские, того, которого Парвати сама сделала верховным повелителем всех видьядхаров и сама же совершила обряд

помазания, того, который отпустил Таркшью. И стал он там, в этих горах, жить вместе с отцом и матерью, с другом своим Митравасу, и супругой своей Малаявати, и с Шанкхачудой, который, побывав у себя дома, пришел к нему, — долго держал Джимутавахана жезл верховного повелителя видьядхаров, усыпанный драгоценностями, доставшийся ему благодаря его необычайной жизни».

Так закончил вета́ла эту возвышенную историю и снова задал вопрос царю Тривикрамасене: «Скажи мне, кто из них, Шанкхачуда или Джимутавахана, более добродетелен? И не забудь о прежнем условии!» Выслушал царь вета́лу и, опасаясь, как бы проклятие не исполнилось, нарушил молчание: «Что ж удивительного, что так вел себя Джимутавахана, совершавший во всех рожденьях благородные подвиги? Но Шанкхачуда достоин похвалы — ведь он избавился от смерти, а увидев, что враг его схватил другого, самого себя предложившего Таркшье, далеко бежал за ним и, догнав, настойчиво предлагал тому свое тело».

Как только выслушал лучший из вета́л ответ царя, тотчас же сорвался с царского плеча и умчался на свое место, а царь точно так же, как прежде, снова пошел за ним.

Волна двадцать четвертая

И снова вернулся царь к подножию дерева шиншапа, и снова снял Тривикрамасена труп с веталой и только-только отправился в путь, как сидящий у него на плече ветала заговорил: «Расскажу я тебе, царь, историю, которая утолит твою усталость. Слушай же

о стойком в добродетели

Был некогда на берегу Ганги город Канакапура, и нерушимы были в нем устои веры, и был он недоступен для злобного демона Кали, порождающего злобу и ссоры. А правил в том городе царь Яшодхана, по заслугам названный повелителем земли, хранительницы сокровищ, ибо прославился он своим богатством. Защищал он землю от океана бедствий, подобно берегу, охраняющему ее от волн, и Судьба создала его, словно слив воедино Месяц и Солнце, и радовал он мир, как Месяц, а гнев его был палящим, как Солнце. Никогда не нарушались пределы его царства, не знал он, как оговаривать других, но не знал он и нищеты в знании шаштр, несведущ он был в грехах, а сведущ в щедрости, в военном деле, и весь народ пел славу ему, сотканному из геройства, благородства и страсти, ненавидящему зло, алчущему славы, евнуху для чужих жен.

А в городе того царя жил богатый купец, и была у него дочь Унмадини, сводящая с ума, а называли ее так потому, что всякого, кто только лишь взглядывал на нее, это сокровище красоты, Мадана, бог любви, немедля сводил с ума. Когда же достигла она юности, ее отец, изощренный в политике, пошел к Яшодхане и так сказал: «Есть у меня, повелитель, дочь на выданье, истинное сокровище всех трех миров, и никому отдать ее не смею, тебя не уведомив. Ведь ты, божественный, владыка всех драгоценностей всего земного круга и потому соблаговоли принять ее или отвергнуть».

Выслушал царь то, что купец говорил, и послал своих мудрых брахманов посмотреть, всеми ли добрыми приметами она обладает, а они тотчас же поспешили к красавице, краше которой не было во всех трех мирах, осмотрели ее, и тотчас же овладело ими великое беспокойство, но,

вскоре овладев собой, подумали: «Если получит ее раджа, худо будет державе. Если завладеет она его сердцем, разве станет он блюсти дела государственные? Поэтому не следует нам сообщать царю, что обладает она всеми добрыми приметами!»

И, согласившись на этом, пошли они к царю и солгали ему: «Дурные у нее приметы, божественный!» Потому-то и не взял царь купеческую дочь, а повелел, чтобы купец отдал ту самую Унмадини в жены военачальнику Баладхаре. Стала она счастливо жить в доме супруга своего, но горестно думала про себя: «Отвергнута я царем из-за того, что, видимо, есть у меня дурные приметы^[175]!»

Шло время, и ворвался в страну лев Весны с когтями из цветов манго и гривой из гирлянд ярких цветов и побегов шафранного цвета и стал резвиться в лесах, сразив вытаптывавшего заросли лотосов слона Зимы, бивни которого увиты расцветшими побегами жасмина.

Вот тогда-то и отправился благородный Яшодхана на слоне посмотреть на великий праздник, устроенный в городе по случаю прихода Весны, и громовые удары литавр возвестили, что всем благородным красавицам надлежит скрыться, ибо грозит им гибель неминуемая от одного вида его красоты. Но Унмадини из-за того, что он пренебрег ею, при этих звуках поднялась на крышу своего дворца и показалась ему, и он затрепетал при виде ее, подобной разгоревшемуся языку пламени, при виде этого огня страсти, раздутого Весной и ветром с гор Малая. И тотчас же неописуемая красота Унмадини, подобная всепобеждающему оружию Живущего в сердце, глубоко проникли в его душу, и в тот же миг потерял царь власть над собой. Слуги привели его в чувство, и когда вернулся царь к себе в крепость, расспросил их и узнал, что она-то и есть отвергнутая им купеческая дочь.

Тогда изгнал он из страны всех брахманов, которые говорили, что лишена она добрых примет, и день за днем томился по ней, вздыхая: «О, как безобразен и бесстыден Месяц, продолжающий восходить, когда светит ее чистый лик, истинный праздник для очей всего мира! Бесподобны перси ее, полные и высокие, упругие, словно набухшие слоновьи виски, прекрасные, как золотые чаши! Кого не встревожат бедра ее, украшенные поясом созвездий, подобные лбу слона Кандарпы?»

В таких и подобных думах о ней сох изо дня в день царь, томимый не знающим пощады огнем страсти. Стыдясь его, таил Яшодхана все это в сердце, а когда спрашивали его, то находил всякие мнимые причины, не имевшие никакого отношения к подлинным.

И только самым верным и близким слугам признался он в истинной

причине своих страданий. «Довольно мучаться! Возьми ее, великий раджа, — разве она не твоя подданная?» — говорили ему эти слуги, но царь, твердый в законе, не соглашался с ними.

Узнал об этом великодушный военачальник Баладхара и, придя к повелителю, упал, преданный, ему в ноги и стал умолять: «Она — рабыня твоя, божественный, а раз так — то служанка она тебе, а не жена другого, и сам я отдаю жену — возьми ее. А нет, так оставлю я ее в храме, и тогда не будет на тебе греха, ибо все женщины храма — твои!» Настойчиво просил царя об этом его военачальник, но Яшодхана, сдерживая гнев, возражал: «Как могу я, царь, совершить такое великое беззаконие? Если переступлю этот предел, кто останется на установленном ему пути? Предан ты мне, нет сомнения, но зачем же толкаешь меня на несправедный путь? Мгновенные радости жизни земной — причина великих несчастий в жизни небесной! И не прощу я тебе, коли бросишь ты свою законную жену! Как можно таким, как я, терпеть подобное попрание закона? Лучше умереть!» Сказав так, запретил царь военачальнику даже думать об этом — высокоблагородные легче откажутся от жизни, чем от праведного пути.

Умоляли его горожане, упрасивали и жители из разных джанапад^[176], собравшиеся по этому случаю, но он, твердый в своем решении, отвергал все их просьбы. С течением времени безжалостное жаркое пламя страсти все съедало и съедало царское тело, пока не осталась от царя одна только слава.

Не мог перенести военачальник смерти царя и сам взошел на костер — никто не предскажет, что могут сделать преданные слуги!»

Такую-то историю поведал царю веталя, сидевший у него на плече, и снова задал он Тривикрамасене вопрос: «Скажи мне, царь, кто из них добродетельнее — царь или военачальник? Но при этом вспомни об условии!» Выслушал царь сказанное веталя и, нарушив молчание, ответил: «Из них двоих добродетельнее царь». Возразил на это усомнившийся веталя: «А почему не военачальник? Объясни мне! Ведь он из преданности царю хотел отдать ему любимую и столь прекрасную жену, с которой долго жил и изведал всю сладость счастья. А когда повелитель его умер, он и сам взошел на костер. Царь же отверг его жену, не изведав радости наслаждений с ней».

Рассмеялся царь в ответ на сказанное веталя: «Да если все это и так, так что ж из того? Что ж удивляться тому, что военачальник, сын высокого рода, из преданности государю поступил именно так? Ведь это долг всех слуг — защищать господина хотя бы ценой своей жизни! А цари своевольны, подобно слонам, обезумевшим от течи, беззаботно

преступают границы закона, предаваясь чувственным наслаждениям. И только лишь стоит помазанию пролиться на их головы, как весь их рассудок уносится, словно смытый полый водой. Колышущиеся над их головами опахала словно буйными ветрами выдувают пылинки смысла шаштр, сообщенных им мудрыми, будто отгоняют мух и комаров. Пышные царские зонты заслоняют от них вместе с солнцем и правду — ослепленный пышностью и роскошью взор не видит дороги. Даже те цари, которые, подобно Нахуше и другим, завоевали весь мир, впадают в беду, когда душой их овладеет Мара, бог любви. Этот же царь, хоть и распростер зонт своей власти над всей землей, не дал Унмадини, изменчивой, как сама Лакшми, увести себя с праведного пути, но предпочел, справедливый, отдать свою жизнь, но не сделать ни одного шага по неправедной стезе. Поэтому и считаю я его более благородным!»

Дослушав все, что царем сказано, снова, как и прежде, соскочил с его плеча покойник с веталой и умчался благодаря своей волшебной силе на свое место, а царь, подобно тому как он делал прежде, пошел вслед за ним, чтобы снова его забрать и отнести, куда условлено. Пусть невероятно трудна задача, но разве великий, начав дело, остановится на полпути?

Волна двадцать пятая

Вот пришел он снова на кладбище, полное духов, и погребальные костры там с трепещущими языками пламени были подобны демонам, пожирающим покойников. Добрался наконец царь до дерева шиншапа и неожиданно увидал, что висит на нем множество трупов, и все они одинаково выглядят, и, казалось, в каждый из них вселился вета́ла. И подумал царь: «Эге! Что ж это такое? Хочет вета́ла, чтобы я время впустую потратил? Ведь не знаю я, которого из них брать! Может случиться так, что пройдет ночь, а я не достигну цели. Тогда войду я в огонь — не потерплю, чтоб надо мной смеялись!» И когда вета́ла понял, что царь решил, то, довольный его добродетелью, снял свое волшебство и тогда увидел царь один-единственный труп, в который действительно вета́ла вселился, снял его с дерева, взвалил на плечо и пошел привычной дорогой. Как только двинулся он в путь, опять заговорил с ним вета́ла: «Удивительно, царь, что неустрашим ты! Послушай историю

о брахманском сыне Чандрасвамине

Есть город на земле, словно избранный для жилья самым врагом Трипуры^[177], супругом Гаури, доставшимся ей ценою тяжкого подвижничества, оценившим необычайное превосходство его достоинств. Называется тот город Удджайини; он — третий после Бхогавати и Амаравати. Полон он всяческих радостей, достижимых лишь благодаря высокодобродетельным деяниям, упругость и твердость там — удел только женской груди, кривизна — только женских бровей, непостоянство — только женских очей, мрак — удел ночи, замысловатость — поэтических иносказаний, безумие — слонов, прохладность — жемчуга, сандала и лунных лучей.

Был у правившего там царя Чандрапрабхи высокоумудрый советник брахман Девасвамин, совершавший много жертв и весьма богатый. Родился со временем у него сын, нареченный Чандрасвами́ном, и, хотя он еще в юности одолел все науки, единственным занятием этого молодца стала игра в кости.

Пошел однажды брахманский сын Чандрасвамин развлечься игрой в кости в большой игорный дом, а там черные козероги бедствий, вскидывая черные глаза круглых меток на костях, высматривали: «Кого мы здесь опутаем?» А сам дом, гудящий от выкриков и ссор игроков, спрашивал: «Где тот, чье богатство я не унес бы, будь он хоть сам повелитель Алаки?»

Войдя туда, стал Чандрасвамин играть в кости с плутами и проиграл им и одежду, и все, что у него было, да еще и деньги, взятые займы. А когда хозяин дома отколотил его палкой, упал брахманский сын, словно мертвый, — а тело его было покрыто синяками да ранами от палки, — и недвижим он был, будто камень, и пролежал или два, или три дня. Видит хозяин игорного дома, что лежит тот, как мертвец, и, рассердившись, велел своим игрокам: «Возьмите-ка вы этого, притворившегося камнем, да выкиньте его куда-нибудь! Бросьте его в старый колодец, а я вам за это заплачу».

Велел он так, и подхватили мошенники Чандрасвамина, отнесли в лес и дотащили до отверстия колодца. Тут самый старый из них сказал приятелям: «Он и так мертв! Чего его в колодец кидать? Бросим его здесь, а сами скажем, что в колодец сбросили». И все согласились с ним, оставили Чандрасвамина и ушли. Он же, когда их уже не было, поднялся, вошел в пустой храм Шивы и, кое-как придя в себя, стал, злосчастный, размышлять: «Слишком увлекся я, вот и разделали меня вчистую мошенники. Куда ж мне такому идти — нагому, избитому, обещенному? Что скажут, увидев меня в таком состоянии, отец, родичи, друзья? Останусь-ка я здесь, а как ночь придет, то для утоления голода выйду я да посмотрю, куда бы пойти поесть». А пока он так раздумывал, измученный и раздетый, солнце умерило пыл и склонилось к горе Заката, оставляя свою одежду — небо. Явился тут великий отшельник, голова у него была косматая, в руках — трезубец, тело вымазано пеплом. И был он» словно новоявленный Хара. При виде Чандрасвамина спросил его подвижник: «Кто ты?» Выслушав все, что тот смиренно ему рассказал, промолвил: «Ты здесь в моей обители, измученный голодом, гость неожиданный. Встань, умойся и съешь часть того, что дали мне в милостыню». Возразил ему на это Чандрасвамин: «Ведь я — брахман. Как же я могу, почтенный, съесть то, что тебе подали в милостыню?» Выслушал его подвижник, вошел в свою хижину и, милостивый к гостю, призвал видью, исполняющую желания^[178], и тотчас же она явилась и спросила: «Что мне делать?» Он же ей повелел: «Устрой все, что следует сделать для гостя!» «Ладно», — отвечала она, и увидел Чандрасвамин, как возник город, сделанный из золота, с садами, полными женщин. Вышли навстречу ему, удивленному,

из города прекрасные девы и молвили: «Встань, любезный, войди в город, соверши омовение, поешь и отдохни!» — и с такими словами увлекли за собой, и омыли, и растерли благовониями, и облачили его в красивые одежды, и отвели в другой дворец, еще более прекрасный, и там он увидел старшую над этими девами, и была она столь прекрасной во всех членах, что, казалось, творец создал ее, словно желая посмотреть, на что он способен. Она почтительно пригласила его сесть, и он сел с ней и отведал божественных яств, а когда пришла ночь, то он, насладившись плодами свежими и вареными и отведав бетеля, вкусил с этой девой небесное блаженство.

Когда же утром проснулся, то увидел только хижину отшельника и храм Шивы — ни тебе божественных дев, ни города, ни прислуги. И тогда, удрученный, рассказал он подвижнику, вышедшему, улыбаясь, из хижины и спросившему его о том, хорошо ли он провел ночь, о том мучительном состоянии, в котором оказался поутру: «По милости твоей, повелитель, изведаль я ночью счастье. Ведь теперь без той божественной девы покинет меня жизнь!»

Выслушал подвижник и с улыбкой, преисполненный сочувствия, молвил: «Оставайся здесь, и, когда наступит тьма, случится все то же, что было в прошлую ночь». И по слову отшельника что ни ночь, Чандрасвамин снова и снова изведывал божественные наслаждения. Поняв, что все это совершается благодаря волшебству, Чандрасвамин, словно сама судьба его на это подстрекнула, однажды стал упрашивать этого царя среди подвижников: «Коли воистину милостив ты, господин, ко мне, к тебе под защиту прибегшему, то передай мне это столь могущественное знание». И так настойчиво упрашивающему сказал на это отшельник: «Недостижимо для тебя это волшебное знание, ибо постигается оно только под водой, и пока жаждущий овладеть им произносит под водой быстро заклятия, в это самое время волшебное знание строит всякие призраки да миражи для того, чтобы не достаться ему в руки. Тот вдруг видит себя только что родившимся младенцем, а потом и юношей, и мужем, и вот уже и сын рождается у него. Ложно судит он о том, кто ему друг, а кто ему враг, и не помнит о своем рождении, и не помнит о том, что совершает обряд ради знания волшебного. Лишь только тот, кому исполнилось три раза по восемь лет, пробужденный искусством истинного своего учителя, помнящий о своем нынешнем рождении, стойкий, не поддающийся обману Майи^[179], даже находящийся под ее воздействием, вступает в огонь ради достижения высшей цели, только тот, поднявшись из воды, видит истинное знание. Но если не открылось ученику высшее знание, утрачивает его и

учитель, ибо избрал в ученики недостойного. Ведь — благодаря мне ты обладаешь всеми плодами высшего знания — зачем же тебе самому стремиться к нему? Не случится ущерба моему знанию, то и твои радости не погибнут».

Так убеждал его подвижник, но Чандрасвамин настойчиво твердил: «Все я выучу, не тревожся!» — и, наконец, согласился тот передать ему волшебное знание. Чего не сделают добродетельные ради тех, кто прибегает к их помощи!

Привел великий подвижник Чандрасвамина на берег реки и сказал ему: «Сынок, когда будешь заклинять это знание, предстанет перед тобой Майя и ты вступишь в ее пламя, ибо с помощью моего знания удержу тебя в сознании, а сам я буду стоять на берегу реки». Сообщив все это Чандрасвамину, лучший из отшельников передал ему, очистившемуся и сполоснувшему рот, закливание и научил его, что и как делать. Затем склонил Чандрасвамин главу свою к стопам учителя, стоявшего на берегу, и смело кинулся в реку, и, очутившись в ее воде, тотчас же произнес заклятие. И тогда овладела им Майя, и он позабыл о своем рождении. Вот видит он, как родился в другом городе сыном какого-то брахмана, и как медленно набирался ума, и как совершили над ним обряд упанаяна, и надели ему через плечо брахманский шнур^[180], и как он учился, и как взял он жену и испытал горести и радости супружеской жизни, и как со временем родился у него сын, и как жил он там, поглощенный любовью к сыну, и как привязала его страсть к жизни, и как жил он, погруженный в разные занятия, окруженный родителями и родичами. И в это время, когда ощущал он себя переживающим ложное рождение, употребил его учитель заклятие пробуждения, и тотчас же Чандрасвамин очнулся и вспомнил о действительной жизни, и о себе, и о наставнике, и о том, что все, привидевшееся ему, не что иное, как обман Майи. Он был готов вступить в огонь, чтобы достичь недостижимого божественного плода, но окружавшие его в ложном рождении старшие, мудрые наставники и родня всячески отговаривали не делать этого. Вот он со всеми ними, продолжавшими отговаривать и приводившими самые разные доводы, жаждущий небесного блаженства, твердый сердцем, пришел на берег реки, где был приготовлен погребальный костер. А там, взглянув на дряхлых родителей своих, на супругу, приготовившуюся к смерти, плачущих детей, он в смятении подумал: «Конечно же, все мои родные погибнут, когда войду я в этот огонь. Не знаю, истинны ли слова наставника моего или нет! Что будет, если вступлю я в огонь? И что будет, если не войду? Но разве, может быть неправдивым слово наставника, согласующееся со всем, что

произошло? Так вступлю я с радостью в огонь!» После долгих размышлений решился наконец Чандрасвамин вступить в огонь и с удивлением почувствовал от него не жар, а холод, и он, освободившийся от Майи, вышел из реки на берег. Увидав стоявшего там наставника, поклонился ему в ноги и, когда тот спросил, рассказал про все, что было с ним, вплоть до удивительного ощущения холода от огня. Тогда промолвил его наставник: «Боюсь, сынок, совершил ты ошибку — иначе с чего бы огонь показался тебе холодным? Никогда и ни с кем, обретавшим это волшебное знание, так не бывало». Но возразил Чандрасвамин учителю на эти слова: «Ни в чем, почтенный, я не ошибся». И тогда попробовал наставник вспомнить свое волшебство, но ни ему оно не явилось, ни ученику. Так утратили они оба волшебство и поплелись, удрученные, оттуда восвояси».

Закончил ветала свой рассказ и Снова спрашивает царя, как и прежде, напомнив Тривикрамасене о прежнем условии: «Разрушь, о царь, мое сомнение, скажи, по какой же причине оба они утратили волшебство, хотя все было выполнено Чандрасвамином, как было велено». Выслушал царь над людьми, славный геройством своим, вопрос ветады и так ответил: «Знаю я, почтенный повелитель йоги, что хочешь ты заставить меня потерять время, но все-таки я отвечу. Успех к человеку приходит, если правильно совершается даже очень трудное дело, если сам он безупречно смел, тверд душой, свободен от сомнений. А у этого юного брахмана, хоть и помогал ему наставник, сердце было полно сомнений — и к нему волшебство не пришло, и наставник его потерял, поскольку передал его не тому, кому следует». При этих словах царя лучший из ветад, как прежде, соскочил с его плеча и снова незаметно умчался на свое место, а царь, как и прежде, снова пошел за ним.

Волна двадцать шестая

Вот снова отправился в путь от того же дерева шиншапа Тривикрамасена, взвалив на плечо труп с ветапой, а ветапа снова обращается к нему: «Слушай, царь, расскажу я тебе увлекательную историю

о том, кому же приносить жертву

Есть город Вакролака, подобный городу богов. А правил в нем царь Сурьяпрабха, равный самому врагу Джамбхи^[181] божественному Индре. Он вселял радость обликом своим, выражавшим готовность к добрым делам и, словно Хари, долго нес подательницу богатств на своих руках^[182]. В стране, где он правил, слезы лились только от дыма, смерть случалась только от любви, копья были только в руках у привратников. Всего было у него много, и во всем сопутствовал ему успех, и лишь в одном испытывал горький недостаток — ни одна из жен, хотя и было у него их много, не родила ему сына.

В этом месте рассказа сообщается, что жил в то время в великом городе Тамралипти купец по имени Дханапала, и был он богатейшим из богатых, и родилась у него дочь, которую нарекли Дханавати, и так была она прекрасна, что, казалось, это видьядхари, проклятием обреченная жить на земле. Только успела она дойти до поры юности, как отец ее скончался, а богатство его, над которым не было защиты царя, оказалось расхищено сородичами. Тогда вдова купца по имени Хираньявати собрала все свои украшения драгоценные, которые удалось уберечь от расхищения, забрала дочь и, лишь спустилась ночь, убежала из дому от страха перед родственниками. Окруженная крошечной тьмой, с душой, переполненной мраком несчастья, опираясь на руку дочери, с трудом выбралась из города, и когда шли они в полной темноте, то по воле судьбы задела Хираньявати плечом не замеченного ею вора, посаженного на кол. Он был еще жив, и от удара еще большими стали его страдания, и он простонал: «О, кто же смеет сыпать соль в открытую рану?» Вдова купца спросила: «Кто это?» А он ответил ей: «Вор я! Посадили меня на кол, но не оставила меня, грешника,

еще жизнь. Скажи мне, почтенная, кто ты и куда ты идешь?» И тогда поведала ему вдова свою историю, и пока она ему рассказывала, лик Востока украсился благостным пятнышком Месяца, и в его сиянии, озарившем все страны света, увидел вор ее дочку Дханавати и обратился к матери: «Выслушай просьбу мою. Тысячу золотых дам я тебе, если отдашь ты мне в жены дочку свою». «Зачем она тебе?» — со смехом отозвалась вдова, и тогда вор заговорил снова: «Нет у меня сына, а жизнь моя кончается. А ведь у кого нет сына, тот не вкусит небесного блаженства. Если же согласишься ты на мою просьбу и она родит от кого-нибудь, будет ее младенец моим сыном кшетраджа^[183]. Поэтому прошу ее в жены. Выполни мое желание». Выслушав все, что он сказал, из жадности согласилась купеческая вдова. Принесла откуда-то воды и полила на руку вору со словами: «Отдана моя дочь тебе в жены». Тогда он велел ее дочери сделать так, как говорил, и после этого сказал Хираньявати: «Ступай к баньяну, выкопай закопанные под ним золотые и возьми себе. Когда же умру я, то вели меня сжечь, как положено, кости брось на каком-нибудь месте священных омовений и отправляйся после этого с дочерью в город Вакролака. Там царствует Сурьяпрабха, и все люди живут счастливо в его царстве, и ты будешь жить там так, как тебе хочется, свободная от тревог и забот». Выговорив все это, он, мучимый жаждой, испил воды, ею принесенной, и жизнь его истощилась от мучений, причиняемых колом. Тогда пошла Хираньявати, и выкопала из-под дерева золотые, и забрала их, и укрылась после этого вместе с дочерью в доме друга ее покойного мужа. Покуда она там оставалась, устроила так, что тело вора сожгли, а кости были брошены в воду на месте священных омовений и свершены все прочие обряды.

На другой день забрала она упрятанное ею богатство и отправилась вместе с дочерью в дорогу и со временем добралась до города Вакролака, а там купила у лучшего из купцов, имя которого было Васудатта, дом и стала в нем жить вместе со своею дочерью Дханавати.

Жил в ту пору в том городе наставник Вишнусвамин, и был у него в учениках брахман Манахсвамин, юноша необычайной красоты. Хотя он и обладал знанием, и был высокого рождения, но молодость его взяла верх, одолела его страсть к красавице Хамсавали, а та за одну ночь брала пятьсот золотых, и поскольку у Манахсвамина таких денег не было, то ничего ему не оставалось, как тосковать по ней каждый день.

Однажды заметила его в таком-то состоянии та купеческая дочь Дханавати, прогуливавшаяся по крыше дома, и увидела, что он, хоть и исхудал, хорош собой. Было сердце ее похищено красотой юноши, и,

вспомнив наказ своего супруга, намекнула она матери, стоявшей подле нее: «Посмотри, матушка, на этого брахманского сына. Как он молод и хорош! Вот уж воистину улада для глаз всякому, кто ни посмотрит». Услышав от дочери такие слова, та поняла, что увлеклась им Дханавати, и подумала про себя: «Когда выдавала я дочь замуж, то было оговорено, что, чтобы сына родить, должна она по наказу мужа кого-нибудь выбрать. Почему бы не попросить этого юношу?» Так рассудив, послала она верную и не болтливую служанку, чтобы привести ради зачатия сына этого молодца. Та поспешила и, отведя его в безлюдное место, передала ему порученное, а он, сын брахманский, выслушал ее да и говорит ей, распутник: «Если дадите мне пять сотен динаров на Хамсавали, так я на одну ночь приду». Так он сказал служанке, а она поспешила к своей хозяйке, и вдова купца послала через нее деньги. Принял Манахсвамин деньги и в сопровождении служанки пошел в спальню Дханавати, готовой встретить его. Увидел он ее, истинное украшение земли, трепетно его ожидающую, как чакора лунный свет, и возрадовался ее красоте. Провел он ту ночь в наслаждениях, а на заре ушел так же тайно, как и пришел.

Забеременела Дханавати и по истечении положенного времени родила сына, обладавшего добрыми приметами. Ей и матери ее, обрадованным рождением мальчика, во сне явился во всем своем величии Хара и повелел: «Возьмите ребенка, лежащего в колыбели, и вместе с тысячью золотых отнесите к дверям царя Сурьяпрабхи и там оставьте его, и все устроится счастливо!» Рассказали друг другу дочь и мать о том, что во сне им привиделось, и отнесли его, как повелел Носящий трезубец, к дверям Сурьяпрабхи и оставили там вместе с тысячью золотых. А тем временем и постоянно мечтающему о сыне царю Сурьяпрабхе во сне повелел Несущий на знамени быка^[184]: «Проснись, царь, лежит у твоих дверей в колыбели ребенок, кем-то оставленный, и при нем золото, и ты его возьми». Так Шамбху ему повелел, и когда проснулся на заре царь, пришли к нему стражи, у дверей стоявшие, и сообщили о ребенке, и сам царь тогда вышел и, действительно, увидел у дверей дворца ребенка, обладающего благовестными приметами, а на ладонях и на стопах были у него линии, образовавшие зонт, знамя и прочие признаки царского достоинства, а подле ребенка увидел грудку золотых. «Вот достойного сына пожаловал мне Шамбху!» — промолвил он и, взяв его на руки, вошел во дворец. Устроил он по случаю дарования ему сына большой праздник, во время которого раздал столь бесчисленные богатства, что лишь слово «бедный» осталось лишенным богатства и вовсе утратило свой смысл. Двенадцать дней проводя в празднествах, сопровождавшихся плясками, музыкой и прочими

развлечениями, дал царь Сурьяпрабха имя сыну, и стал тот зваться Чандрапрабхой.

Царевич Чандрапрабха рос не по дням, а по часам и телом своим, и добродетелями, и тем радовал всех подданных, и со временем стал способен нести бремя дел государственных, и привлек любовь народа мужеством, благородством, ученостью и прочими достоинствами. Видя, что стал он таким, его отец Сурьяпрабха, достигший уже старости и цели жизни, помазал его на царство, а сам ушел в Варанаси. Стал править его сын землей, а он сам, совершая тяжкие подвиги, расстался с телом. Чандрапрабха же, узнав о кончине отца, предался скорби и, совершив все обряды, благочестивый, сказал министрам: «Смогу ли я когда-нибудь оплатить долг отцу? Но в одном я непременно выполню свой долг сыновний — как положено, я собственной рукой опущу в воды Ганги его кости, отправлюсь в Гаю и принесу жертву всем предкам, а после этого совершу я паломничество по всем местам священных омовений вплоть до самого Восточного океана». Но возразили на это министры: «Как можно так поступать, государь? Разве цари поступают когда-либо таким образом? Не должно царство, у которого так много слабых мест, оставаться без твоей защиты даже на мгновение. Ты должен выполнить свой долг отцу с помощью других. Если ты отправишься по святым местам, что это, если не уклонение от своего долга? Разве позволительно царям, постоянно охраняемым, совершать паломничество, сопряженное со многими опасностями?»

Выслушал Чандрапрабха министров и решительно сказал: «Хватит рассуждений! Ради отца непременно посетую я места священных омовений, пока еще возраст мне позволяет. Кому ведомо, что случится потом — ведь тело может погибнуть в одно мгновение! А пока не вернусь, вы будете охранять царство». Молча выслушали министры решение царя, а он стал собираться в странствие. В благоприятный день он, совершив омовение, принес жертву огню и почтил брахманов, встал на колесницу и отправился в путь, облачившись в одежды подвижника. С трудом уговорил он вассалов и раджпутов, горожан и жителей джанапад, сопровождавших его до пределов страны, вернуться, хотя и было это против их воли. Так, оставив царство на министров, отправился Чандрапрабха в путь, сопровождаемый лишь пурохитой^[185] своим да брахманами, ехавшими на колесницах.

Развлекали его разные одежды, и разные языки^[186], и все прочее, что приходилось видеть и слышать ему, пока со временем не достиг он Ганги.

Смотрел он на реку, волны которой были подобны ступеням лестницы, по которой поднимаются смертные на небеса; родившаяся в Гималаях, она резвилась и играла кудрями Шамбху, подобно Амбике, и поклонялись ей божественные мудрецы.

Сошел царь с колесницы, и, как положено, совершил омовение, и опустил в священные воды прах отца своего Сурьяпрабхи. Раздав дары и совершив жертву предкам, снова взошел он на колесницу и со временем достиг восхваляемой мудрецами Праяги, где сливаются ради блага людей, словно язык пламени и дым от пролитого во время жертвы масла, воедино потоки Ганги и Ямуны^[187]. Там Чандрапрабха, попостившись, совершил омовение, раздал дары, принес жертву предкам и совершил другие добрые дела. После этого приехал царь в Варанаси, который полощущимися на ветру стягами, украшающими храмы, словно зазывал: «Приходи, обрети избавление!» Три дня постился Чандрапрабха в этом городе и принес жертву Несущему на знамени быка всякими яствами, ему приличествующими, и отправился в Гаю. И пока ехал, на каждом шагу его словно приветствовали склонившиеся от тяжести плодов дерева, в ветвях которых сладостно распевали птицы, а ветры, пронесившиеся сквозь многие леса, словно приносили ему жертву благоухающими лесными цветами. Наконец, миновав различные лесистые местности, прибыл он на священные холмы Гаи, где устроил, как полагалось, жертву предкам, и раздал богатые дары, а когда вступил он в священный лес, желая бросить жертву для отца в колодец Гаи, высунулись из того колодца, чтобы принять ее, три человеческие руки. При виде их смутился царь и спросил брахманов: «Что это значит? В чью руку отдать мне жертву?» А те ему: «Одна рука, видно, принадлежит вору — в ней железный лом. Другая рука, наверное, брахмана — в ней священный шнур. Третья же рука, на которой перстень, царская — отмечена она благостными приметами. Не знаем мы, в какую из них отдать жертву, да и что это значит, нам неизвестно». Так ответили брахманы, и не смог царь прийти ни к какому решению».

Поведав этот удивительный рассказ, спросил встала, сидя на царском плече: «Так скажи мне, царь, в чью руку следовало отдать жертву? И да не забудешь ты прежнего нашего условия!» Выслушал вопрос ветапы Тривикрамасена и, нарушив молчание, так отвечал знающий законы царь: «Отдать жертву надобно в руку вора, так как царь Чандрапрабха его сын, а не кого-либо иного, хотя и зачат другим. Брахман не может считаться его отцом, так как был куплен на одну ночь. Царь Сурьяпрабха мог бы считаться его отцом, так как взрастил его и воспитал, если бы не получил за это деньги — ведь они лежали в изголовье колыбели младенца. Ведь его

мать была получена в жены вором за пригоршню воды, и за рождение сына были даны ей эти деньги. Поэтому царь Чандрапрабха сын вора, зачатый от другого, и жертву следует отдать в руку вора. Так я считаю».

Только успел сказать это царь, как сорвался вета́ла с его плеча и умчался на свое место, а царь Тривикрамасена, как прежде, снова пошел за ним.

Волна двадцать седьмая

Добрался царь до дерева шиншапа, снова взвалил на плечо ветау и опять двинулся в путь. В молчании он шел, и ветау, усевшийся у него на плече, опять заговорил: «Что за смысл, царь, в твоей настойчивости? Шел бы ты к себе и наслаждался счастьем ночи. Негоже тебе таскать меня к этому злодею — монаху. Ну, раз уж ты такой упорный, пусть так и будет. Послушай-ка историю

о малодушном царе

Есть город, который называется Читракута, по справедливости так названный, ибо царит там твердый порядок разделения на касты, ни одна из которых не преступает положенных ей пределов^[188]. Правил там истинный алмаз среди царей— царь Чандравалока, проливавший потоки амриты на глаза своих подданных. Мудрые славили его как оплот доблести, источник самоотверженности и обиталище красоты. Все у него было, и всем он наслаждался, но не было у него равной ему жены, и это было единственной тревогой его сердца.

Однажды, желая умерить эту скорбь, отправился царь на охоту в дремучий лес, сопровождаемый множеством всадников. Вот он непрерывным потоком стрел разгоняет стада диких свиней, подобно солнцу, изгоняющему лучами своими тьму с синих небес. Мужеством превосходящий Арджуну, укладывал он на ложе из стрел рыжегривых львов, подобно Бхишме яростных в битве, равный доблестью могущественному врагу Джамбхи^[189], градом жестоких ударов палицы валил он наземь летучих шарабхов, подобных крылатым горам^[190], отсекая им крылья. В пылу охоты захотелось царю одному проникнуть поглубже в лес, и ударом острых шпор заставил он коня устремиться вперед. Конь же от этого удара и от удара хлыстом помчался так стремительно, что в мгновение ока перенес царя, утратившего от бешеной скорости чувства, в другой лес, находившийся на расстоянии десяти йоджан от первого.

Остановился конь, и царь понял, что заблудился, и, усталый, блуждал, пока не нашел неподалеку широкое озеро, словно подзывавшее его руками-

лотосами, качавшимися от прикосновения ветра то вверх, то вниз: «Иди сюда, иди сюда!» Пошел туда царь, расседлал коня и пустил на волю, дал ему искупаться и напоил его, а потом привязал в тени дерева и дал ему охапку травы. Выкупался он и сам, и напился воды, и снял с себя усталость. А потом стал осматриваться кругом в этих чудесных краях. Заметил он под деревом ашока в сопровождении подруги дочь отшельника, сверкающую красотой в своей лубяной одежде, украшенную гирляндами распустившихся цветов, особенно прелестную, потому что косы ее были уложены незатейливо. И подумал он, оказавшись досягаем для цветочных стрел Камы: «Кто же она? Не Савитри^[191] ли, пришедшая омыться в пруду? Может быть, это Гаури, ускользнувшая из объятий Хары, чтобы снова предаться подвигам? Или не красота ли это самого Месяца, принявшая на себя обет озарять мир вместо него, поскольку настал день? Подойду-ка я к ней потихоньку и узнаю, кто она!» Так рассудив, направился он к девушке. Она заметила, что подходит царь, и встревожила ее его красота — выпала у нее из рук начатая было цветочная гирлянда, и подумала она: «Кто это явился в наш лес — сиддха или видьядхар? Один вид его красоты может обрадовать весь мир!» И, размышляя так, от стыда искося глядя на него, попыталась уйти, хотя ноги ее, казалось, вросли в землю.

Подошел тогда к ней царь и, как подобает учтивому человеку, сказал: «Не жду я, красавица, от тебя и ни привета, и ничего иного, потому что пришел я, желающий только одного — любоваться твоей красотой, издалека и впервые тобой увиден. Но разве в том состоит закон обители, чтобы бежать от такого человека?» Когда вымолвил он это, подруга красавицы, не менее учтивая, чем царь, пригласила его сесть и устроила все, что для гостя устраивать полагается.

Тогда полный любопытства царь спрашивает ее почтительно: «Какой род, милая, украшает твоя подруга? Какие источающие амриту для ушей слогги составляют ее имя? Ради чего терзает она свое нежное, как цветок, тело жизнью, подобающей аскетам, в этом безлюдье?» Выслушала подруга отшельницы все эти слова царя и так отвечала: «Она — Дочь великого пророка Канвы, выросшая в обители, а родилась она от апсары Менаки, и зовут ее Индиварапрабха. С позволения отца пришла она на это озеро совершить омовение. Неподалеку отсюда находится обитель мудрого Канвы».

Обрадовался царь тому, что она сказала, вскочил на коня и отправился в обитель мудрого Канвы просить эту девушку себе в жены. Оставив коня за пределами обители, почтительный, вступил он в нее, полную

подвижников, облаченных, подобно деревьям, в лубяные одежды, и среди них увидел окруженного мудрецами, словно Месяц планетами, радующего глаза своим сиянием мудрого Канву. Приблизился к нему царь и склонился к его стопам. Мудрец же, приняв его, как гостя, и сняв тем его усталость, вскоре молвил: «Сын мой Чандравалока, слушай, что я скажу во благо тебе. Ты знаешь, как страшится смерти все сущее в мире. Так зачем же ты безо всякой нужды истребляешь несчастных газелей? Ведь создатель дал кшатрию оружие для защиты напуганных! Так защищай свой народ и правь им по закону, искореняй врагов, упражняйся в искусстве править слонами и лошадьми, во владении оружием и в прочих подобных занятиях, дабы упрочить изменчивую удачу, наслаждайся счастьем власти, раздавай богатства, распространяй славу свою, но брось охоту, эту кровавую забаву бога смерти, в которой равно безумны убийца и его жертва. Разве не слышал ты о том, что случилось с Панду^[192]?»

С радостью выслушал поучение мудрого Канвы царь Чандравалока и, преисполненный благодарности, отвечал: «Наставил ты меня на истинный путь, и глубоко благодарен я тебе, почтенный. Отказываюсь я от охоты — пусть все живые существа живут, не зная страха». Слыша такие слова, сказал ему мудрец: «Обрадовал ты меня тем, что всем существам даровал жизнь, свободную от страха. Проси же, чего ты хочешь?» Тогда царь, знающий, что и когда делать, молвил: «Если воистину доволен ты мной, отдай мне дочь свою Индиварапрабху!» И мудрец в ответ на эту просьбу отдал ему только что вернувшуюся после омовения рожденную от апсары, равную во всем царю, дочь свою Индиварапрабху. А потом была устроена свадьба, и Чандравалока сел на коня и взял с собой Индиварапрабху, которую нарядили, как подобает, жены мудрецов, и отправились они к себе, и подвижники, заливаясь слезами, проводили их до пределов обители.

Вот едут они, и увидело Солнце, что завершен трудный этот день, и словно от усталости коснулось оно вершины горы Заката, и появилась газелеокая, переполненная любовью, скрывающая свою красоту под темно-синим покрывалом Ночь. В это время доехал царь с женой до дерева ашваттха^[193], около которого был пруд с прозрачной, чистой, как душа добродетельного, водой. Заметив место, скрытое ветвями и листьями, покрытое травой, решил царь: «Проведем ночь здесь!» Слез он с коня, задал ему корм, и напоил, и вместе с женой отдохнул на берегу просторного пруда, напился воды и поостыл. А потом устроили они под деревом ложе из цветов и улеглись. В этот миг поднялся украшенный зайцем Месяц^[194], разгоняющий мрак, и поцеловал пламенеющее от

страсти лицо Востока, и разметал во все стороны лучи, и изгнал из всех стран света мрак, озарив их своим сиянием, а затем его лучи, проникнув через завесу лиан и листьев, озарили, словно драгоценными светильниками, источающими лунный свет, пространство под деревом. И тогда царь, обнимая Индиварапрабху, справил истинное празднество страсти, прекрасное томлением первого соединения — снял он ее пояс, словно стыдливость, покусыванием пухлой нижней губки будто разбил робость красавицы, а на грудь ее, подобную лбу молодого слона, набросил драгоценное ожерелье новых созвездий — нанес он их ногтями. И беспрерывно целовал он глаза ее, подобные двум голубям, и лицо ее, точно упивался источником амриты прелести. Так в счастье сладостных наслаждений с супругой провел он ту ночь, словно одно мгновение.

Поутру поднялся он с ложа и, совершив все, что утром надлежит совершить, готов был уже отправиться вместе с женой навстречу своему войску. И тогда Ночь, похитившая красу сломанных лотосов, словно в испуге утратив сияние свое, укрылась в пещерах горы Заката, ибо багровое от гнева, словно красная медь, Солнце все больше простирало свои руки-лучи, охватывая весь небосвод и заноса меч своей палящей ярости, будто желая убить ее.

Вдруг откуда ни возьмись явился брахмаракшас^[195], иссиня-черный, как грозовая туча, с ярко-желтыми волосами, подобными вспышкам молний. Украшен был он, выжирающий из человеческого черепа мозг и пьющий из черепа кровь, гирляндой из человеческих внутренностей, и был на нем брахманский шнур, сплетенный из человеческих волос.

Он дико захохотал и, от злобы изрыгая пламя, обнажая ужасные клыки, грубо закричал на царя: «Знай, грешник, что я — брахмаракшас Джваладукха и это дерево — мое жилище: сюда не смеют проникать даже боги. Но ты проник сюда и даже забавлялся с женой, а теперь я, вернувшийся после ночных походов, заставлю тебя изведать плоды твоей дерзости. Теперь я вырву у тебя, сознание которого ослеплено любовью, сердце, и съем его, и выпью всю твою кровь». Услышав его страшный рев и поняв, что сразить брахмаракшаса нельзя, и видя, что Индивара дрожит от страха, царь почтительно и с опаской обратился к нему: «Извини меня за такой проступок, совершенный мной по неведению. Ведь я здесь в твоей обители гость, отдавший под твою защиту. Приведу я тебе в жертву человека, и ты утолишь свой голод. Не гневайся!» Успокоился, выслушав эти слова, брахмаракшас и подумал про себя: «Пусть так и будет. Что за беда?» А Чандравалоке он так наказал: «Если ты приведешь мне через семь дней здешнего высокодобродетельного и

рассудительного брахманского сына, которому исполнилось семь лет^[196], добровольно желающего отдать себя за тебя в жертву, и если, когда его будут приносить в жертву, мать будет держать его за руки, а отец за ноги, растянув его на земле, ты сам своим мечом убьешь и принесешь его мне в жертву, тогда я прощу тебе оскорбление. Если же не согласишься ты на это, то немедля истреблю я и тебя, и всю твою челядь». Из страха согласился на такое условие царь и тотчас же исчез брахмаракшас.

Сел тогда Чандравалока на своего коня, посадил Индиварапрабху к себе за спину, отправился искать свое войско, и одолевали его тяжкие думы: «Увы, ослепленный страстью к охоте и любовью, я, глупец, подобно Панду, навлек на себя внезапно гибель! Как найти мне такую жертву для ракшаса? Ну, вот доберусь до своего города, посмотрю, что будет!» Одолеваемый такими мыслями, встретил он свое войско и во главе его вместе с женой прибыл в город Читракуту. Все царство радовалось, видя, что нашел он себе достойную жену, и люди повсюду веселились, а он провел остаток дня, терзаемый горькими думами.

На другой день тайно собрал он министров и обо всем случившемся рассказал им. Тогда молвил один из них — Сумати: «Отбрось, государь, уныние! Найду я для тебя такую жертву — ведь много чудес на земле!» Так утешив царя, велел он изготовить из золота фигуру семилетнего мальчика, украсить ее драгоценностями, поместить в паланкин и носить по городам и деревням, да чтобы и тут и там провозглашали глашатаи: «Родителям того брахманского сына, семи лет от роду, из местных жителей, добродетельного и рассудительного, который по своей воле готов отдать себя в жертву брахмаракшасу, а отец и мать согласятся во время жертвы держать его за руки и за ноги, в награду царь пожалует сто деревень и еще эту фигуру в придачу!»

Вот так и возили все время изображение мальчика, сопровождаемое глашатаями с барабанами, пока в одной аграхаре сын брахмана из местных жителей, красивой внешности, семи лет от роду, стойкий душой, хотя еще и ребенок, а прошлыми рожденьями приученный делать добро другим, словно он был живым воплощением всех добродетелей всех подданных царя, не сказал глашатаям: «Я отдаюсь в ваши руки. Сам схожу я к родителям и объясню им, а затем вернусь к вам». Глашатаи обрадовались, и мальчик с их согласия пошел домой и, сложив почтительно руки, сказал отцу и матери: «Отдам я ради всеобщего блага свое обреченное на смерть тело — соблаговолите разрешить мне это и покончить с нашей нищетой — вместо меня достанется вам от царя изображение из золота, украшенное драгоценностями, и еще сто деревень в придачу. Благодаря этому достигну

я высокой цели и избавлюсь от долга перед вами, а вы избавитесь от бедности и обретете многих сыновей».

«Что это болтаешь ты? — отвечали ему отец и мать. — Или дурным ветром на тебя подуло? Или под злой звездой ты оказался, что несешь такую чепуху? И кому это в голову придет отдавать дитя родное ради богатства и какое дитя пожертвует собой?» Но возразил мальчик, выслушав родительские слова: «Не от омрачения ума говорю я так. Сблаговолите выслушать мои слова и поймите их смысл. Невыразимых нечистот полно и от рождения вызывает омерзение смертное тело. Оно — поле, на котором растут лишь несчастья. Единственная польза, которую может оно принести в этом зыбком мире, как говорят многомудрые, — принести себя в жертву. А разве есть более высокое благо, нежели доброе дело, совершенное ради всех живых существ? И если не проявлю я готовности самопожертвования ради любви к родителям, то какой прок от этого тела?» Такими и подобными им речами уговаривал мальчик убитых горем родителей и был так тверд в своем решении, что, наконец, убедил их согласиться с его желанием. Поспешил он тогда к царским слугам, забрал у них золотую статую вместе с указом о пожаловании ста деревень, передал родителям, а затем поспешил, предшествуемый царскими слугами, в сопровождении отца и матери, в Читракуту к царю. А там Чандравалока увидел его, наделенного несокрушимой доблестью, и обрадовался, словно заполучил талисман, оберегающий от всякого зла. Посадил царь мальчика на спину слона, украсил его цветочными гирляндами, и умастил благовониями, и вместе с его родителями прибыл в жилище брахмаракшаса. Там, около дерева ашваттха, жрец очертил круг и, совершив положенные обряды, принес жертву огню, и тогда раздался громopodobный хохот и явился в своем бесконечно ужасном обличье, читая веды, брахмаракшас Джваламукха, упившийся кровью, поминутно зевающий и вздыхающий, с глазами, сверкающими пламенем, повергший во мрак чернотой тела все страны света. При виде его склонился в поклоне Чандравалока и сказал: «Достойный, привел я тебе в жертву человека, как с тобой было условлено, — сегодня седьмой день. Окажи милость и прими, как положено, эту жертву!» При этих словах брахмаракшас осмотрел мальчика и облизнул языком уголки рта.

В этот миг добродетельный мальчик в радости подумал: «Да принесет эта жертва моя благо, и пусть не будет мне ни рая, ни спасения, а только пусть дарована будет возможность в каждом рождении приносить свое тело в жертву для счастья других!» И только лишь подумал он так, как небо наполнилось множеством колесниц, с которых божества осыпали его

цветами.

Затем был мальчик распростерт на земле перед брахмаракшасом и мать крепко держала его за руки, а отец за ноги, и царь уже выхватил меч, чтобы нанести смертельный удар, как мальчик рассмеялся, да так, что все, вместе с брахмаракшасом, в удивлении бросили свои дела и, сложив руки почтительно в анджали^[197], склонились и смотрели в лицо мальчика».

Поведав удивительную историю, снова ветала заговорил с царем: «Скажи мне, царь, по какой причине рассмеялся мальчик в то мгновение, когда пришла к нему смерть? Очень мне это любопытно. Если знаешь, да не скажешь, разлетится твоя голова на сто кусков». Выслушал Тривикрамасена слова веталы и так ответил ему: «Слушай же, в чем причина его смеха. Всякое слабое существо, испытывая чувство страха, в рыданиях зовет отца и мать. Если нет их, взывает к царю, назначенному защищать слабых, и уж если нет его, лишь тогда взывает к божеству. А в отношении к мальчику все действовали наоборот — родители из алчности держали его за руки и за ноги, царь готов был ради собственного спасения убить его, а божество, которое там было, брахмаракшас, готово было его сожрать. Подумал мальчик тогда: «Как все они впали в горькое заблуждение из-за тела, недолговечного и полного нечистот, подверженного всяким напастям! Что ж заботятся они о сбережении тела, тогда как даже боги, как Брахма, Индра, Вишну, Рудра и другие, неизбежно погибают?» При виде такого заблуждения, считая свою цель достигнутой, рассмеялся он от удивления перед силой заблуждения и от радости, что достиг своей цели».

И только закончил царь, как снова покойник с веталой незаметно сорвался с его плеча с помощью своего волшебства и умчался на свое место на дереве. Царь же снова без колебаний пошел за ним. Изумительно, сколь неколебимы глубины сердца великих людей, подобные глубинам океанов!

Волна двадцать восьмая

И снова вернулся царь Тривикрамасена к тому дереву и взвалил ветау на плечи, и только лишь двинулся в путь, как опять заговорил с ним тот: «Послушай, царь, расскажу я тебе историю

о необычайно глубокой любви

Есть на земле город Вишала, подобный городу Индры, будто созданный творцом специально для тех, кто низвергнут с небес. Рассказывают, что правил там славный царь Падманабха, источник радости для добродетельных, превосходивший своими достоинствами самого царя Бали^[198]. Жил при том царе в городе весьма богатый купец по имени Артхадатта, богатством своим превзошедший бога богатств. Родилась у него дочка Анангаманджари, и так она была прекрасна, что, казалось, творец создал ее, чтобы показать на земле, какими бывают небесные девы. Отдал отец ее в жены Маниварману, жителю города Тамралипти, сыну лучшего из купцов, но так как очень любил ее, то не отпустил он Анангаманджари с мужем из своего дома. Муж же был ей ненавистен больше, чем больному горькое лекарство, а она, прекраснеликая, была для него дороже самой жизни, — так скупцу бывает дорого долго и с трудом накапливаемое богатство.

Отправился однажды Маниварман домой в Тамралипти к отцу, пожелав повидаться с ним, да и ради других дел. Прошло после этого сколько-то дней, и наступила жаркая пора, когда яростные стрелы палящих лучей солнца препятствуют путникам, ушедшим из дому. Подули жаркие ветры, благоухающие жасмином и лодхрой, подобные горячим вздохам стран света, скорбящих об ушедшей весне, взвились к небесам поднятые ветром столбы пыли, словно послы, посланные истомленной землей с просьбой о приходе грозových туч, влачили дни, словно измученные жестоким зноем путники, жаждущие добраться до лесной тени, а ночи, бледные от лунного света, исхудали, ожидая прихода прохладного времени с его дающими счастье страстными объятиями.

В ту пору сидела однажды вместе со своей верной подругой

купеческая дочь Анангаманджари, одетая в шелковые одежды, облежавшие тело, бледная от сандаловых умашений, у окна на верху своего дома, и увидела привлекательного юношу, брахманского сына, подобного восставшему из пепла Каме, отправившемуся на поиски Рати. Имя его было Камалакара, и был он сыном царского жреца. Увидел и он, взглянув вверх, ее луноподобное лицо и расцвел радостью, словно лотос, раскрывающийся при виде луны. И тогда словно по могучему зову Смары обменялись они взглядами, и буря любовного желания выкорчевала стыдливость, разметала сознание и понесла их, словно пылинки. Гулявший вместе с Камалакарой друг, видя, что одолела его страсть, с трудом сумел отвести его домой. А Анангаманджари, узнав, как его имя, потеряла над собой власть и ушла вместе с подругой к себе в спальню. Вся она была погружена в мысли о возлюбленном, и обуяла ее страсть, и ничего она не видела, ничего не слышала, а только металась на своем ложе.

Так прошло два или три дня, когда однажды ночью она, объятая страхом и стыдом, истомленная нестерпимой разлукой, утратившая надежду на встречу с недостижимым возлюбленным, исхудавшая и побледневшая, словно повинувшись зову месяца, который просунул свои лучи-пальцы через решетку окна, будто подзывая ее, вышла, когда вся прислуга спала, из дома, готовая к смерти, и пошла к пруду, находившемуся в саду при доме и скрытому деревьями и лианами. Там стояло богато украшенное изваяние Чанди, покровительницы их рода, поставленное Артхадаттой. Приблизилась она к грозной богине, склонилась перед ней, вознесла ей хвалу и взмолилась: «Коли не может Камалакара быть моим мужем в этом рождении, то пусть станет он им в следующем!» И, произнеся такие слова, делает она из своей одежды петлю на суку дерева ашоки. А тем временем верная подруга ее, оставшаяся в спальне, проснулась и, не видя госпожи своей, в поисках кинулась по воле случая в сад. Увидела, что Анангаманджари уже надевает себе на шею петлю, и с криком: «Не делай, не делай этого!» — подбежала и разрезала петлю. Анангаманджари при виде подруги, сорвавшей с нее петлю, кинулась в неизбывном горе на землю и, когда подруге удалось кое-как успокоить ее, на расспросы ответила ей вот что о причине своего несчастья: «Невозможно мне встретиться с возлюбленным, милая Малатика, и нет мне, зависящей от других, большего счастья, чем смерть!» И, произнеся эти слова, палимая ранами от стрел Ананги, бестелесного бога любви, она, убитая отчаянием, упала в обморок.

«О, горе! — зарыдала Малатика. — Воистину невозможно противиться велениям Смары! Вот в какое состояние привел он мою

подругу, смеявшуюся над слабостью других женщин». Так и по всякому еще иному причитая, Малатика привела подругу в чувство, обрызгав ее холодной водой, овеивая ее и всякими другими способами, и, чтобы умерить пламя страсти, устроила она для Анангаманджари ложе из листьев лотоса, а на сердце ей положила холодный как снег венок. И тогда та, заливаясь слезами, проговорила: «Нет, подружка, ни венком холодным, ничем другим не смирить бушующее во мне пламя. Если хочешь меня видеть живой, то придумай какой-нибудь способ, чтобы встретиться мне с любимым, — только так можно загасить это пламя».

С любовью отвечала ей на это Малатика: «Ночь уже почти кончается, подружка! Утром же устрою я так, — чтобы привести сюда твоего милого! Ты же соберись с силами и вернись к себе». Довольна была Анангаманджари ее обещанием, и, сняв с шеи ожерелье, подарила ей, и промолвила: «Ступай теперь к себе, а утром пусть сопутствует тебе удача!» И с этими словами удалилась она в спальню.

Когда же наступило утро, пробралась Малатика, никем не замеченная, в дом к Камалакаре и, разыскивая его, нашла юношу в саду под деревом, мечущегося на ложе, устроенном из лotosовых листьев, увлажненных сандаловым маслом, и рядом с ним друга верного, который пытался, овеивая его листьями кадали^[199], успокоить пламя сжигающей его страсти. «Неужели от разлуки с ней он в таком состоянии?» — подумала она и, решив все вызнать, осталась в укрытии, а в это время обратился к Камалакаре его друг: «Взгляни хоть на мгновение на этот прекрасный сад! Утешь свое сердце! Нечему здесь печалиться». Ответил на это другу брахманский сын: «Если похитила сердце мое купеческая дочь Анангаманджари, то что я буду успокаивать — пустое место? А Смара, увидав, что сердце мое похищено, воспользовался этим и обратил меня в колчан для своих стрел. Помоги мне добыть эту похитительницу сердца — делай что хочешь!» Когда кончил говорить Камалакара, вышла к нему обрадованная Малатика, сомнения которой рассеялись, и заговорила: «К тебе, счастливец, послала меня Анангаманджари, и вот какое ее послание, и без слов ясное, я сообщу: «Что же это за добродетельный человек, который силой врывается в сердце красавицы и, похитив душу, исчезает?» Любопытно, что даже теперь она за похищение души готова вам отдать и тело свое, и жизнь. И днем, и ночью издает она исполненные горькой боли стоны, словно вырывается наружу дым от бушующего в ее сердце огня, разожженного богом любви, и беспрерывно текут по ее лицу черные от сажи слезы^[200], будто черные пчелы ползают по лотосу, привлеченные его

ароматом. Если ты хочешь, то скажу я то, отчего вам обоим будет благо».

«Милая, слова твои хотя и утешительны, но повергают меня в страх — они говорят, что моя возлюбленная во власти отчаяния. На тебя вся надежда — сделай как хочешь», — отвечал Малатике Камалакара. А она ему на это так сказала: «Сегодня ночью выведу я тайком Анангаманджари в сад ее дома, а ты жди снаружи. Я уж найду, как тебя провести туда, а там и встретитесь вы, как вам того хочется». Так она обрадовала брахманского сына, и, выполнив поручение, пошла к Анангаманджари, и ту обрадовала тем же.

Вот уж и день подошел к концу, и Солнце, влюбленное в Вечернюю зарю, куда-то скрылось с нею, Восток уже украсил чело благодатным пятнышком Луны, а белые, чистые лилии вдруг радостно раскрылись, словно произнося: «Богиня счастья Шри покинула лотосы и вернулась к нам». Исполненный любовью Камалакара, завершив приготовления, потихоньку отправился ночью к входу в сад при доме его возлюбленной. Тем временем Малатика исхитрилась провести в сад Анангаманджари, в терзаниях прошедшую день, и посадила ее в рощице манговых деревьев, а потом пошла за Камалакарой и его привела туда же. Он кинулся к возлюбленной, как изнывающий от зноя путник кидается под тенистую сень деревьев, и когда Анангаманджари заметила его, то в порыве страсти утратила всякий стыд и бросилась ему на шею: «Куда ты идешь? Наконец-то ты мой!» Не вынесла она этой чрезмерной радости, и тотчас же остановилось у нее дыхание, и она умерла. Упала Анангаманджари на грудь земли, словно бурным ветром сорванная лиана! Удивительны прихоти любви, страшны ее последствия!

При виде этого Камалакара, точно громом пораженный, прошептал: «О, горе! Что же это?» — и тоже замертво упал на землю. Придя через некоторое время в себя, взял он любимую на колени, и обнимал, и целовал, и рыдал над ней, пока не разорвалось с треском изнемогшее от тяжести горя сердце его. Видя, что нашли кончину эти двое влюбленных, оплакиваемых Малатикой, словно от горести скончалась и ночь.

Утром же, узнав от садовников о случившемся, родные и друзья возлюбленных собрались туда, одолеваемые стыдом, удивлением, горестью и сомнениями, и не знали они, что делать, и долго стояли, от горя понуря головы. Воистину, дурные женщины — вот причина семейных несчастий! Как раз в это время вернулся из Тамралипти от своего отца Маниварман, муж Анангаманджари, жаждущий поскорее обнять жену. Вот дошел он до дома свекра и, узнав, что случилось, с глазами, полными слез, бежит в сад, а там видит он жену, лежащую в объятиях другого, и он,

страстно любивший ее, падает мертвым, сожженный огнем горя. И все, кто был там, зарыдали, и поднялось смятение, и горожане, узнавшие об этом, пришли туда, потрясенные случившимся.

И тогда обратились ганы^[201] к богине Чанди, изваяние которой прежде было поставлено Артхадаттой, отцом Анангаманджари, и сказали ей: «В беде, Благостная, тот самый купец Артхадатта, в тебя верующий, который твое изображение воздвиг. Смилуйся над ним!» Услышав это от своих слуг, она, Защитница, Возлюбленная Шанкары, повелела: «Да будут живы они, погибшие от оружия Ананги!» И тотчас же все они, будто очнувшись от сна, по ее милости поднялись, живые и избавленные от власти Манматхи. При виде этого чуда все люди обрадовались, Камалакара, потупив голову от стыда, ушел домой, а Артхадатта, взяв с собой похищенную было у него смутившуюся дочь Анангаманджари с ее мужем, торжествуя, ушел к себе домой».

Так закончив по дороге в ночном мраке эту повесть, опять веталя заговорил с царем: «Скажи мне царь, кто из них больше был охвачен страстью? Если зная, не скажешь, то вспомни о проклятии!» Так отвечал веталя Тривикрамасена: «По-моему, больше всех был страстью охвачен Маниварман. У двух других страсть зрела со временем, и до такой степени были они влюблены друг в друга, что все так и должно было случиться. Маниварман же до такой степени был покорен страстью, что, когда увидел жену мертвой в объятиях другого мужчины, вместо того чтобы разгневаться, взял да умер от горя». И пока царь говорил это, повелитель веталя, конечно же, сбежал с его плеча на свое место на дерево, и Тривикрамасена опять пошел за ним.

Волна двадцать девятая

Вот опять царь Тривикрамасена пришел к дереву шиншапа и, сняв с него покойника с веталой, взвалил на плечо, и, когда снова двинулся в путь, заговорил с ним ветала: «Ты, царь, и добродетелен, и свят. Послушай-ка одну чудесную историю

о том, как четыре брата-брахмана оживили льва

Жил давно царь по имени Дхаранивараха, правивший в городе, называвшемся Кусумапура. В его стране, изобиловавшей брахманами, была деревня Брахмастхала, отданная брахманам в кормление, а в ней жил брахман Вишнусвамин, и была у него жена, достойная его так же, как огонь достоин жертвы ему, и у нее один за другим родились четыре сына. Когда вышли они из детства и изучили веды, отец их Вишнусвамин вознесся на небо, а вслед за ним и их мать. Остались четверо сыновей без отца, без матери, без защитника и страшно бедствовали, так как весь их достаток был расхищен родичами. Тогда собрались они и решили: «Нет у нас здесь ничего. Почему бы не пойти нам к деду нашему, отцу матери, в деревню Яджнястхала?»

Так решив, отправились они в дорогу, питаясь тем, что им подавали, и пришли наконец в деревню Яджнястхала, в дом своего деда по матери. Но дед их умер, а его сыновья дали им и кров, и пищу, и остались они жить там, предаваясь чтению священных вед. Только через некоторое время дядя стали забывать и об одежде для них, и о еде, и обо всем прочем.

Тогда четыре брата, почувствовав пренебрежение со стороны их родни, собрались тайком и стали думать, что делать. Вот что сказал старший: «Что же делать нам, братья? Все по воле судьбы свершается, и нигде, никогда, ничего человек не может сделать. В отчаянии забрел я сегодня на кладбище, увидел там лежащего на земле мертвеца и позавидовал ему. «Вот счастливец, — подумал я, — избавился он от бремени горя и успокоился». А так подумав, решил я и сам умереть — сделал петлю на суке дерева и повесился. Хоть я и потерял сознание, но жизнь меня не покинула, веревка оборвалась, и я свалился на землю. Когда

же вернулось ко мне сознание, то увидел, что какой-то сострадательный человек овеивает меня своей одеждой. «Скажи мне, приятель, — заговорил он со мной, — кажешься ты умным, но зачем мучаешь себя? Добрые дела приносят счастье, несчастье же — плод дурных дел, и не иначе. Если отчаяние твое от бед, то займись добрыми делами. Зачем же ты хочешь обречь себя самоубийством на мучения в аду^[202]?» Сказав так и утешив меня, куда-то он исчез, а я пришел сюда, оставив всякую мысль о такой смерти. Если судьба не захочет, то и смерти не будет. Теперь пойду я на какую-нибудь тиртху и буду подвигами изнурять тело, чтобы никогда мне больше не знать горести нищеты».

Кончил старший брат говорить и тогда возразили ему младшие: «Как же это ты, благородный и мудрый, убиваешься из-за отсутствия богатств? Разве не знаешь ты, что богатства мимолетны, как облака в осеннюю пору? И куртизанка, и Шри, даже если завладеть ими и охранять тщательно, обе непостоянны и лишены привязанности к своему господину. Кому и когда они были верны? Очень трудно человеку обрести такое качество, которое позволило бы ему каждое мгновение удерживать неукротимо строптивую золотую газель богатства».

Пока говорили все это ему младшие братья, одумался старший и сказал: «Так как же обрести нам такое качество?» Посовещались они и так сказали друг другу: «Нужно поискать на земле, где бы мы смогли получить такое знание», — а решив так и назначив место, где встретиться, разошлись они четверо по четырем странам света в поисках волшебных знаний.

Прошло какое-то время, и вот встречаются они в условленном месте и спрашивают друг друга, кто чему научился. Вот один из них говорит: «Научился я такому волшебству, что, если попадет мне в руки хоть кусочек кости какого-нибудь живого существа, смогу я нарастить на ней его плоть». Выслушали его, и заговорил тогда другой: «А на том мясе, наращенном тобой на костях, соответствующие этому существу кожу и волосы сумею сделать». Молвил третий: «А когда на этой кости появятся мясо, кожа и волосы, то я сумею дать все члены, соответствующие его природе». Затем добавил четвертый: «А я смогу, когда у него и все члены будут, вдохнуть в него жизнь».

Так они открыли друг другу свои волшебные знания, и пошли братья в лес поискать кость, чтобы проявить свое умение. По воле судьбы попался им в руки кусочек львиной кости, а что это была львиная кость, того они не ведали. Вот один на ней плоть наращивает, другой — кожу и волосы, третий — все члены тела. А когда четвертый вдохнул жизнь в то существо

львиной породы, поднялся перед ними лев, украшенный вздыбленной гривой, ужасный видом, и пасть его была полной клыков, а когти его были кривыми, как анк, и острыми. Бросился он на четверых своих создателей, растерзал и сожрал их и ушел в лес. Вот так погибли брахманы из-за своей ошибки, сотворив льва. Да разве добудет кто-нибудь себе счастье, помогая родиться злу?

Так-то вот даже трудами приобретенная добродетель, если судьба не благосклонна, не принесет благополучия, а, напротив, ввергнет в беду. Не принесет добрых плодов древо дел человеческих, если не орошено оно водой мудрости и не окружено канавкой политики, даже если и не попорчен по воле судьбы его корень».

Так по дороге в ночном мраке рассказал веталя царю Тривикрамасене, сидя у него на плече, эту историю, и снова спросил: «Кто же из них четырех повинен в создании льва, убившего их? Скажи мне, а условие — то же, что и прежде, тебе известное».

Выслушал царь веталя и подумал: «Хочет заставить меня нарушить молчание и опять убежать. Но все равно я его опять принесу». Утвердившись в этом решении, ответил веталя: «На том грех, кто дал жизнь льву. Те, которые, не зная природы животного, плоть, кожу, шерсть и члены создали, не несут на себе вины, ибо не знали, что творят. Но тот, кто увидел тело льва и силой своего знания вдохнул в него жизнь, повинен в убийстве этих брахманов».

Выслушав все, что сказал царь, ушел на свое место лучший из веталя, мастер всяких чудес, а царь пошел за ним, как и прежде.

Волна тридцатая

дошел Тривикрамасена, лучший из царей, до того дерева шиншапа, снова снял с него веталу, принимавшего всякие обличья, взвалил на плечо и снова молча вновь отправился в путь, и опять заговорил с ним ветала: «Упорен ты, царь, хоть и недостойными тебя делами занимаешься. Расскажу я тебе для развлечения историю

о подвижнике Вамашиве

Есть на земле калингов город Шобхавати, обителище добродетельных, подобное небесному городу Шакры. Правил твердо в этом городе царь Прадьюмна, прославившийся своим необычайным могуществом, словно бог Прадьюмна^[203]. Единственным отклонением от правого пути в его царстве было отклонение тетивы лука, удары наносились только по литаврам, а порок присутствовал только в названии юги^[204], острота — только в науках.

Была в этом царстве деревня, пожалованная в кормление брахманам^[205], называвшаяся Яджнястхала, и жило в ней множество дваждырожденных. Жил там и брахман Яджнясома, до тонкости знавший все веды. Был он жрецом Агни, отличался богатством, почитал гостей и богов. Когда расстался он с юностью, родила ему жена, во всем его достойная, одного-единственного горячо желанного сына. Обладающий добрыми приметами мальчик рос в отцовском доме, был послушен, и справедливо называли его дваждырожденные Девасомой. Когда исполнилось ему шестнадцать лет, он, привлекавший всех своей ученостью, добрым поведением и прочими достоинствами, внезапно заболел лихорадкой и умер. Рыдали над мертвым сыном Яджнясома и его жена, обнимая его тело, и долгое время не давали сжечь.

Собрались вокруг брахмана старейшие из дваждырожденных и уговаривали: «Разве не знаешь ты, брахман, которому ведомо и близкое, и далекое, что жизнь человеческая зыбка, счастье мирское нестойко, как пузыри на воде, как города из облаков? Ведь даже цари, наполнившие землю своими армиями, а сами возлежавшие на ложах, разукрашенных

драгоценностями, поставленных на крышах дворцов, стены которых гудели от сладостных песен, умащавшиеся сандалом, не могли избежать смерти и один за другим отправлялись на кладбище, оглашаемое рыданиями сопровождающих в похоронных процессиях, и их с закаченными глазами возлагали на огненное ложе, пожирающее плоть, а потом останки их растаскивались шакалами. Уж как иным людям-то избежать этой судьбы? Что же ты, мудрый, рыдаешь, обнимая этот труп?» Кое-как уговорили они его оставить тело сына и, положив на носилки, в сопровождении рыдающих друзей и родни, убитых таким несчастьем, доставили его для совершения над трупом последних обрядов на кладбище.

А в то же время жил в хижине на том кладбище старик йог из пашупатов^[206], и было тело его от старости и чрезмерных подвигов истощено так, что видно было, как словно из боязни, что распадется оно, окутывали его будто сеткой вены и жилы. Имя его было Вамашива. И оттого, что весь он был покрыт волосами, белесыми от пепла, и на голове у него были уложены жгутами ярко-желтые, как молнии, волосы, называли его Новым Шивой. Вот этот йог, услыша издали шум толпы, и обратился к жившему с ним ученику, принявшему на себя обет питаться только тем, что подадут, — а был тот ученик и глуп, и пройдоха, и себялюбец и гордился своими успехами в самососредоточении, в йоге и прочем: «Встань, ступай и узнай, что случилось, и тотчас же возвращайся— не слышал я прежде таких рыданий!» Ученик же был обижен на учителя за то, что тот бранил его, и так ему ответил: «Не пойду я! Ступай сам! Пришло время мне за милостыней идти».

«Что за дурень, думающий только о своем брюхе! — закричал на него наставник.— Тьфу на тебя! Еще и половины дневной стражи не прошло! Какое же это время милостыню собирать?» Разъярился при этих словах ничемный ученик да и говорит подвижнику: «Тьфу на тебя, старая развалина! Ты мне не учитель, я тебе не ученик! Ухожу я от тебя! Вот твоя плошка!» И с этими словами бросил он перед йогом посох и чашу для подаяний и убежал. Усмехнулся йог, вышел из хижины и пошел туда, куда принесли для сожжения тело брахманского сына. И, видя, как оплакивает народ погибшего в цвете юности, задумал этот йог, измученный дряхлостью, войти в тело юноши. Быстро отошел он в сторону и громко разрыдался, а затем пустился в пляс, делая соответствующие телодвижения, а после этого с помощью йоги избавился от своего тела и, в жажде обрести молодость, проник в тело юноши. А тот был уже и убран, и приготовлен к сожжению, да вдруг обрел жизнь, встал и потянулся. При

виде этого все родичи закричали: «Он живой, он живой!» — и все тут радостно зашумели.

А тот могущественный йог, вошедший в тело юноши, не желая отказываться от принятого когда-то обета, так их обманул: «Когда попал я на тот свет, то Шарва, вернув меня к жизни, сказал, что следует мне наложить на себя обет великого пашупаты. Теперь должен я пойти в уединенное место и выполнить этот обет, иначе не будет мне жизни. Расходитесь и вы!» Так объяснил он, твердый в своем решении, всем, кто там был, что с ним случилось, и отослал их всех, охваченных и радостью, и горем, по домам, а сам бросил прежнее свое тело в яму. Став таким образом юным, ушел великий подвижник оттуда куда-то в другое место».

Поведав эту историю царю, пока тот шел во мраке ночи, веталя снова задал вопрос: «Скажи мне, царь, почему этот повелитель йогов, вселясь в чужое тело, сначала зарыдал, а потом заплясал? Очень мне это любопытно!» Выслушав вопрос веталя и помня о его проклятии, нарушил молчание царь, и ответил веталя лучший из мудрых: «Слушай, вот какие чувства испытывал подвижник: «Долго с этим телом я жил, с ним достиг волшебства, в детстве моем лелеяли его отец и мать, а теперь я его покидаю». Вот чем огорченный, плакал старик подвижник. Трудно ведь избавиться от любви к своему телу. «Вхожу я в новое тело и смогу свершить еще больше!» — радуясь этому-то, он и плясал. Кому ж не хочется быть молодым!»

Выслушав царя, исчез с его плеча веталя, вселившийся в мертвое тело, и снова вернулся на дерево шиншапа, а царь опять пошел за ним, неколебимый в решении принести его, куда условлено. И в конце времен не поколеблется стойкость сильных духом, превосходящая стойкость гор!

Волна тридцать первая

Вот идет царь-герой в крошечной тьме, по этому ужасному кладбищу, сквозь ночь, подобную злобной ракшаси^[207], сверкающей глазами погребальных костров, и доходит снова до того ужасного дерева шиншапа, снимает с него мертвеца с вселившимся в него ветапой, взваливает на плечо, и только начинает свой путь, как тот, как и прежде, заговаривает с ним: «Утомился от этих хождений взад и вперед я, царь, но не ты. Вот задам я тебе сейчас очень трудный вопрос. Слушай же об отце, женившемся на дочери, и сыне, женившемся на матери, и о родстве их детей

Был в южных краях правитель небольшого царства. Имя его было Дхарма, и имел много родственников, а сам он был оплотом добродетельных. Жена его, Чандравати, была родом из Малавы и высокого происхождения, истинное украшение благородных женщин. Родилась у них единственная дочь, которой дали имя Лаваньявати, что означает «прекрасная», и дали ей это имя по праву. Но как только достигла она того возраста, когда замуж выдают, свергли царя Дхарму с престола предатели — сговорившиеся родственники и разделили между собой его царство.

Спасая жизнь, бежал Дхарма из своей страны с женой и дочерью темной ночью, захватив драгоценности. А направился он в Малаву, во дворец тестя. Когда достигли они леса на Виндхийских горах и он с дочерью и женой вступил в него, ночь, сопутствовавшая им, распростилась с царем, пролив капли росы, как слезы, а над горой Востока уже взошло Солнце, простирая лучи, словно предостерегающие руки: «Не входи в этот лес, полный разбойников!» Шел царь с женой и дочерью пешком, и ноги их были изранены жесткими стеблями куши^[208], и наконец добрались до поселения бхилов, полного расхитителей чужих жизней и добра и похожего на крепость бога Смерти, к которой не отваживались приближаться добродетельные.

Еще издали увидав царя и желая лишить его одежды и украшений, множество шабаров, вооруженных различным оружием, кинулось на него, а царь Дхарма, заметив их, велел жене и дочери: «Бегите в лес! Ведь прежде всего эти варвары кинутся на вас!» Повинуясь царю, в страхе кинулась царица с дочерью в лесную чащу, а сам он, хотя и был вооружен всего лишь мечом и щитом, геройски бился и сразил многих шабаров, осыпавших его стрелами. Тогда по велению их предводителя вся деревня

кинулась на него — разбили шабары его щит на куски и убили царя. Царица же все видела, укрывшись в лесу за лианами: и как шайка разбойников убила ее супруга, и как удалилась, унося украшения. Спасаясь, в смятении бежала Чандравати, пока не попали она и дочь в другой далекий лес, в котором тень от вершин деревьев, словно путники, истомленные полуденным зноем, словно странники, ищущие прохлады, припала к земле у корней. Увидала царица под деревом ашока^[209] прудок, заросший лотосами, и уселась там с дочерью, убитая горем, заливающаяся слезами и усталая.

А в это время приехал верхом на коне поохотиться живший неподалеку вождь какого-то племени вместе со своим сыном. При виде оставленных в пыли женских следов Чандасинха — так звали этого вождя — сказал своему сыну, Синхапаракраме: «Пойдем вслед за этими красивыми и счастливыми следами, и когда мы догоним этих женщин, то выбери из них ту, которая тебе по нраву». Ответил ему на это сын: «Та, у которой маленький след, та и будет мне женой. Она, наверное, по возрасту младше, а та, у которой след больше, старше и поэтому годится тебе». Возразил сыну на это Чандасинха: «Что это ты говоришь, почитаемый? Ведь совсем недавно ушла на небо мать! Как думать мне о другой жене, когда совсем недавно потерял я такую хорошую жену?» Но не согласился с ним сын: «Не говори так, батюшка, — пуст дом без хозяйки! Не приходилось ли тебе слышать шлоку, что Муладева сочинил?

Кто, коль не глуп, в тот дом войдет,
Где статная жена его не ждет,
Не смотрит на дорогу? Разве это дом?
Скорей тюрьмой, хоть без цепей, его мы назовем!

Пусть будет проклята моя жизнь, батюшка, если ты не возьмешь другую себе в жены!» Согласился Чандасинха с сыном. Поехали они по следу и доехали постепенно до того озера, и увидели царицу Чандравати, прекрасную, как темная ночь, сверкающая звездами, и дочь ее Лаваньявати, подобную сиянию Луны, и обе они были словно ночь и день, укрывшиеся в полдень под тенью деревьев. Подошли к ним Чандасинха и его сын, и царица встала, испуганная при виде их, опасаясь, не воры ли они. «Не тревожься, матушка, — сказала ей дочь, — не похожи они на воров; и по облику благородны, и хорошо одеты — верно, приехали сюда на охоту». Но хоть и сказала ей так дочка, все же продолжала царица

беспокоиться. А тем временем Чандасинха соскочил с коня и обратился к ним обеим: «Из любопытства пришли мы сюда — посмотреть на вас. Не тревожьтесь и расскажите, как это вы, подобные Рати и Прити^[210], повергнутым в несчастье, когда пламя из третьего глаза Шивы обратило в пепел Манматху, оказались в этом безлюдном лесу? Как вы, достойные жить во дворцах, украшенных драгоценностями, попали в эту лесную глушь? И как могли вы, чьи ноги достойны самых благородных женщин, бродить по этому полному шипов и колючек лесу? Даже мысль об этом причиняет боль! Поднятая ветром и осевшая на ваших лицах пыль заставляет бледнеть наши лица, а жар лучей разъяренного солнца, палящего ваши нежные тела, беспощадно жжет и нас. Так поведайте же, что с вами случилось? Не можем мы видеть вас в этом лесу, полном хищных зверей».

После таких слов Чандасинхи вздохнула царица и в смущении и печали рассказала ему всю историю. Узнав, что осталась она без мужа, утешил Чандасинха ее с дочерью и ласковыми словами убедил стать им близкими. Потом посадили он и сын царицу с дочерью к себе на коней и отвезли в свое жилище, богатое, как столица повелителя богатств. Беспомощная же царица словно заново родилась — на все согласилась. А что же делать беззащитной женщине, попавшей на чужбине в беду?

Поскольку у царицы была маленькая нога, взял ее в жены Синхапаракрама, сын Чандасинхи, а Лаваньявати, дочь царицы, обладавшую более крупной ногой, взял себе в жены сам Чандасинха. Не могли ведь они отказаться от ранее ими условленного, еще в то время, когда только увидали их следы! Вот из-за этой-то ошибки и получилось, что отец женился на дочери, а сын на матери, и дочь стала для матери свекровью, а сама для нее невесткой. Со временем родили они сыновей и дочерей своим мужьям. Так и жили там Чандасинха с Лаваньявати, а Синхапаракрама с Чандравати».

Такую историю рассказал веталя царю в ночном мраке, в то время как тот нес его. А после этого задал он царю вопрос: «Скажи мне, царь, в каком родстве между собой будут дети, родившиеся от Чандасинхи, женившегося на Лаваньявати, и от его сына Синхапаракрамы, взявшего в жены ее мать Чандравати? Но помни при этом о проклятии, которое разразится над тобой, если ты знаешь, да не скажешь!» Выслушав этот вопрос веталя, долго раздумывал царь, но никак не находил ответа и поэтому молча шел вперед.

Тогда вселившийся в труп веталя, сидя у царя на плече, рассмеялся в душе и подумал: «Не знает царь, как на эту загадку ответ дать. Поэтому-то

и идет он молча, осторожными шагами. Не могу я больше обманывать это средоточие доблести. Но тот бхикшу не перестанет устраивать всякие злые козни против нас. Я все-таки обману злодея и благодаря этому обеспечу царю благодатное будущее». Поразмыслив так, обратился веталя к царю: «Ты, раджа, ходишь по этому ужасному кладбищу во мраке ночи взад и вперед и утомлен. Но ничто тебя не поколебало, и ты по-прежнему счастлив! Удивлен я такой твоей стойкостью, и обрадовал ты меня ею! Поэтому не покину теперь тебя я, вселившийся в труп, а ты слушай, что скажу я, и сделай так, как будет сказано для твоего же блага. Несешь ты это тело вот для чего: когда принесешь ты его к этому злодею-бхикшу, он вызовет меня из тела и принесет мне жертву. Но захочет в жертву принести этот злодей тебя. А для того велит он тебе сделать перед ним восьмичленный поклон. Нужно, чтобы ты, раджа, сказал ему на это: «Сначала ты покажи, а потом я сделаю». Когда же станет он тебе показывать, как совершать такой поклон, ты отруби ему мечом голову. Тогда достанется тебе тот плод, до которого он хочет добраться с помощью такой жертвы, — станешь ты, а не он верховным повелителем видьядхаров. Если не сделаешь ты так, как я велю, принесет тебя в жертву бхикшу — и, значит, напрасно я старался. Да достигнешь ты успеха!» И с такими словами покинул веталя тело, которое царь нес на плече. После всего того, что рассказал Тривикрамасене довольный им веталя, стал царь думать о Кшантишиле как о недруге, но отправился к нему, сидящему под баньяном, неся мертвое тело.

Волна тридцать вторая

Вот идет к бхикшу Кшантишиле царь Тривикрамасена с мертвецом на плече и видит, что тот сидит под деревом на этом ужасном, окутанном мраком ночи черной половины месяца кладбище и глядит в ожидании на дорогу. А тот злодей сидел в середине круга, обозначенного желтоватым порошком из костей, а внутри круга вся земля была вымазана кровью, и в направлении каждой из стран света стояли чаши, наполненные кровью, круг же освещался светильниками, заправленными человеческим жиром, а по сторонам его горели огни для жертвы, и были приготовлены все принадлежности, нужные для совершения жертвоприношения, а сам бхикшу был занят почитанием любимого божества. Подошел к нему царь, и взглянул на него, принесшего тело, Кшантишила, и вскочил от радости. Похвалил он царя: «Великую милость оказал ты мне, махараджа, выполнив это трудное дело. Где найти еще подобного тебе, готового свершить его в такое время и в таком месте? Верно говорят, что ты — лучший из всех царей, неколебимый в своем мужестве, готовый свершить все для другого, пренебрегая самим собой. Ведь, как говорят мудрые, величие великих в том и состоит, что неуклонно выполняют они обещанное, хотя бы ценой своей жизни!» Бхикшу говорил все это, веря, что достиг своей цели, снял с царского плеча ношу, омыл труп, умастил притираниями, украсил цветочными гирляндами и положил его внутри круга, а затем, умащенный пеплом, с жертвенным шнуром, сплетенным из волос, через плечо, облаченный в одежды покойника, он на мгновение погрузился в размышления. Затем бхикшу призвал веталу силой заклинаний и заставил его войти в труп, а через определенное время почтил его — принес он лучшему из ветал жертву сверкающими белизной человеческими зубами, собранными в жертвенной чаше, сделанной из черепа, цветами и благовонными притираниями, человеческими глазами и приношением человеческого мяса, а когда завершил ее, то сказал стоявшему около него царю: «Соверши, царь, теперь перед Повелителем заклятий поклон восьмичленный, распростершись на земле, и воздаст тебе Исполнитель желаний то, чего ты желаешь!»

Слушая эти слова бхикшу, вспомнил царь, о чем ему ветала говорил, и попросил: «Не знаю я, как его делать. Прежде покажи мне, почтенный! Тогда и я это сделаю». И когда бхикшу, чтобы показать ему, как делается такой поклон, упал на землю, царь тотчас же ударом меча отсек ему

голову, а затем рассек грудь, и вырвал лотос сердца, и отдал их ветале. Восхвалили тогда царя бхуты^[211] и ганы, а веталя, находившийся в трупе, сказал: «О царь, верховная власть над видьядхарами, которой так жаждал бхикшу, достанется тебе, когда завершится твое правление на земле.

Много тревог доставил я тебе, и поэтому проси все, что хочешь!» Ответил на это ветале Тривикрамасена так: «Коли ты мною доволен, разве не исполнилось мое желание? Но все-таки, чтобы не пропали даром твои слова, вот о чем прошу я: пусть начиная с этого дня все двадцать четыре загадки, эти разнообразные и интересные повествования, вместе с заключающей их двадцать пятой историей будут прославлены и почитаемы по всей земле.

Отвечая на просьбу царя, так сказал веталя: «Пусть так и будет! Слушай, что я еще скажу. По всей земле это собрание двадцати четырех историй и еще одной, их завершающей, называющееся «Веталапанчавиншатики», что означает «Двадцать пять рассказов Веталы»^[212], прославится повсеместно и будет приносить благо. И всякий, кто с почтением прочтет хотя бы две строки из. них, и всякий, кто их прослушает, навсегда избавится от грехов. Всюду, где будет славиться эта книга, не будут иметь власти ни якши, ни веталя, ни кушманды, ни дакини, ни ракшасы^[213] и никто из им подобных». И, покинув при этих словах мертвое тело, силой своего волшебства умчался веталя в желанное ему жилище.

Тогда перед царем предстал сам Шива в окружении богов и, довольный, так ему, склонившемуся, сказал: «Хорошо, сынок, что сегодня уничтожил ты этого коварного бхикшу, вознамерившегося силой захватить верховную власть над всеми видьядхарами. С самого начала создал я тебя из части своей плоти, как Викрамадитью, чтобы смог ты усмирить асуров, воплотившихся в облике варваров^[214]. Теперь же был ты мной сотворен для истребления заносчивого злодея, как Тривикрамасена, трижды мужественный герой. Властвуй поэтому над всем, что на земле со всеми островами и под землей, — вскоре станешь ты верховным властителем всех видьядхаров. Долгое время будешь ты наслаждаться небесами, а потом овладеет тобой печаль, и ты их оставишь, и, наконец, соединишься со мной. А пока прими этот меч, не знающий поражений, почему и называется он Апараджита, и с его помощью всего добьешься ты, о чем было здесь сказано». Окончив говорить, отдал Шива этот меч царю, и, когда тот почтил его словами и цветами, исчез Шамбху со всей своей свитой.

После этого, видя, что дело это, как и ночь, окончилось и уже наступило утро, вернулся Тривикрамасена в свой город Пратиштхану и, прославляемый подданными, узнавшими о совершенных им минувшей ночью подвигах, провел весь день в омовениях, раздаче даров, в поклонении Шиве, наслаждался танцами, песнями и музыкой и всякими прочими радостями.

Немного дней прошло, и царь благодаря пожалованному Шивой мечу стал наслаждаться властью над всей землей с материками и подземными мирами, и не было у него никаких врагов. Потом же достиг он благодаря соизволению Хары верховной власти над всеми видьядхарами и долго наслаждался ею, пока наконец не соединился с Благословленным, достигнув всех своих целей».

Так министр Викрамакесарин, встретив на дороге после долгой разлуки, случившейся из-за проклятия нага, говорил царевичу Мриганкадатте, которому сопутствовал успех: «Так вот, божественный, рассказал мне тот старый брахман в деревне «Веталапанчавиншатику» и еще сказал мне: «Видишь, сынок, смелый царь Тривикрамасена чего только не мог достичь по милости веталы? Так что и ты прими от меня заклятие, которое избавит тебя от тревог. А благодаря предводителю ветал ты непременно встретишься с Мриганкадаттой. Нет ничего, чего не могли бы достичь терпеливые, сын мой, но чего достигнет тот, кто утратит терпение? Из любви к тебе сказал я все это, и ты, друг, избавивший меня от смерти от змеиного укуса, сделай, как я велю!» При этих словах передал мне брахман заклятие и сказал, как им пользоваться, а после этого распрощался я с ним и отправился, божественный, в Удджайини, куда и пришел. Там, на кладбище темной ночью нашел я подходящий труп, омыл его, и, сделав все, что было нужно, с помощью того заклятия вызвал веталу, и заставил войти в этого мертвеца, и почтил его, как полагается. Дал я ему поесть человеческого мяса, которое он от жадности сразу же сожрал. «Голоден я, принеси еще», — сказал он мне, жадный до человечины. Не простил бы он мне промедления, так я тогда от своего тела куски стал отрезать и давать ему, что ему понравилось, и сказал тогда повелитель йогов: «Обрадовал ты меня своей стойкостью, и доволен я теперь тобой. Так пусть будет тело твое целым, как и прежде. Проси у меня, чего хочешь!»

И тогда я его попросил: «Неси меня, божественный, туда, где находится повелитель мой Мриганкадатта. Вот чего я хочу!» И повелитель ветал сказал: «Садись мне на плечи, чтобы мог я тебя тотчас же домчать до твоего господина».

Ответил я ему на это: «Пусть так и будет!» Сразу же забрался к нему на плечи, и понес меня он, вселившийся в мертвеца, небесной дорогой, и донес досюда, и, увидев на дороге тебя, спустился с небес, и благодаря этому лучшему из ветал смог я, божественный, коснуться твоих стоп. Встретился я сегодня с повелителем своим, а ветала, выполнив мою просьбу, улетел своей дорогой. Таков, о даритель жизни, мой великий рассказ о случившемся со мной во время разлуки со всеми вами из-за проклятия нага».

Так по дороге Мриганкадатта, устремившийся в Удджайини, к возлюбленной, выслушал рассказ своего министра Викрамакесарина о том, что случилось с тем за время их разлуки. Обрадовался царевич тому, что, так как предсказано было ему преуспевание во всех делах, встретил он нескольких своих министров, потерявшихся из-за проклятия Параваты.

Волна тридцать третья

Слава преодолевшему препятствия, у колен которого мчатся вереницы звезд, словно сорвавшиеся с его головы во время ночных плясок!

Затем, когда закончился рассказ, Мриганкадатта, обрадованный встречей с Викрамакесарином, отдохавший на середине пути, снова двинулся в путь к Удджайини, чтобы соединиться с Шашанкавати и в надежде встретиться со своими остальными и разлученными с ним проклятием нага друзьями, пока еще не найденными. Вместе с ним пошли и Гунакара, и Вималабуддхи, и Вичитракатха, и Бхимапаракрама, и Прачандашакти, и брахман Шрутадхи, а всех их было восемь. Шли они, шли и дошли до страшной пустыни, в которой от жары высохла вся вода и не было видно ни единого деревца, занесенной песком, раскаленным яростным солнцем. И, вступив в ее пределы, молвил царевич своим министрам: «Взгляните, сколь ужасна, и труднопроходима, и протяженна эта пустыня! Нет здесь ни троп, ни дорог — людьми она заброшена, нет здесь никакого укрытия или убежища, и полна она клубящихся над песками миражей, подобных всполохам пламени горестей, и шелестят, словно ее растрепанные космы, высохшие стебли травы, и оскалилась она колючками, будто в страхе перед львами, тиграми и другими хищными зверями, и как будто полна она жалобных стонов — то истомленные солнечным зноем газели стонут, не находя воды. Поспешим пересечь эту страшную пустыню!» Сказал он так, и все министры с ним, измученные голодом и жаждой, быстро пересекли ее и наконец увидели перед собой обширное озеро, полное чистой и прохладной воды, словно наполненное потоками амриты, источаемыми луной, которую растопило жаром солнца. Простиравшееся до самого горизонта озеро казалось драгоценным зеркалом, созданным самой Судьбой всех трех миров, чтобы любоваться своим отражением. И потому, что плавало на нем множество гусей дхартараштра с черным клювом и черными лапами и росли по его берегам красивые деревья арджуна, казалось оно, полное сладости и влаги, сказанием о бхаратах. А от синегорлых соек, пивших его воду, подобно Синегорлому, пившему яд, походило оно на океан, взбаламученный Вишну в поисках Шри. Холодная же глубина его, в которую никогда не проникали лучи солнца, скрытая под бесконечным множеством лотосов, напоминала Паталу, поднимающуюся на земную поверхность [\[215\]](#).

На западном берегу озера увидели царевич и его министры огромное

чудесное дерево. Его колеблемые ветром, раскинувшиеся во все стороны ветви вздрагивали при каждом ударе грома, точно руки Шанкары, когда танцует он под рокот мриданга^[216], украшенный лентой небесной реки, обвившей его голову. Вершина дерева касалась небес — словно желало оно полюбоваться красотой небесного сада Индры, а ветви были отягощены божественно вкусными плодами, точно «пожелай-дерево», на которое повешены богами чаши с амритой. Листья же его и побеги двигались всякий миг, подобно пальцам, и вместе с криком птиц будто предупреждали: «Ни о чем меня не спрашивайте!»

Пока Мриганкадатта пристально рассматривал дерево, министры царевича, измученные голодом и жаждой, подбежали к дереву и забрались на него, чтобы отведать плодов. Но только прикоснулись они к ним, как все шестеро потеряли человеческий облик и сами обратились в такие же плоды. Встревожился Мриганкадатта, не видя своих друзей, и стал звать каждого по имени, но никто на его зов не откликнулся, и нигде никого он не высмотрел. И Мриганкадатта, пораженный отчаянием, со стоном: «О, горе мне!» — без памяти рухнул на землю. Оставался около него лишь брахман Шрутадхи, который не полез на дерево. Привел Шрутадхи царевича в чувство и спросил: «Почему, божественный, наделенный такой мудростью, пришел ты в отчаяние? Только тот достигает счастья, кто в беде не растеряется. Разве не нашел ты этих министров, после того как проклятие нага разлучило их с тобой? Точно так же снова встретишь ты и этих друзей, и те, которые еще не нашлись, найдутся, а немного времени пройдет, соединишься ты и с Шашанкавати!»

Возразил другу на это царевич: «Нет, все это творцом задумано, иначе не встретился бы нам ночью вета! И разве случилось бы с Бхимапаракрамой все, что произошло? И разве узнал бы я из того разговора о Шашанкавати? И разве отправились бы мы из Айодхьи, чтобы встретиться с ней? И разве потеряли бы друг друга в Виндхийских дебрях из-за проклятия нага? И разве не по его воле встретились с некоторыми из друзей? И вот теперь новая разлука, и опять я должен отказаться от желаемого. Сожрал их, видно, демон, в этом дереве обитающий. Что мне без них Шашанкавати? Что жизнь сама? Зачем себя обманывать?» И хотя Шрутадхи пытался его отговорить, но не поднялся Мриганкадатта и решил утопиться в озере.

Но в это мгновение раздалась с небес речь, неведомо от кого исходящая: «Не спеши, сынок, все хорошо кончится! В этом дереве обитает сам бог Ганапати, а твои министры по невежеству своему нанесли ему оскорбление. Ведь они, голодные, полезли на дерево, служащее ему

жилищем, не чистыми, ни рук не обмыв, ни рта не ополоснув. Как только прикоснулись они к плодам, так тут же и проклял их Ганеша: «Чего возжелали, тем да станут!» И тотчас они сами обратились в плоды. А другие четверо твоих министров еще раньше этой же дорогой пришли к дереву, и полезли на него за плодами, и тоже обратились в плоды. Поэтому следует тебе умолить предводителя ганов великим подвижничеством, и по его милости будет тебе во всем сопутствовать успех». Омыла царевича небесная речь, подобно потоку живительной амриты, и он словно заново родился — не стал он топиться, а совершил омовение в озере, сел, почтив жившего в дереве воздержанием от пищи, сложил молитвенно руки и вознес хвалу Повелителю ганов: «Слава тебе, слоноликий, которому поклоняется сама земля со всеми ее равнинами, горами и лесами, когда трепещет она от мощи и величия твоей бурной пляски! Слава тебе, горшкоподобному, кладезю, переполненному всяческими успехами, тебе, нежным лотосам ног которого поклоняются мир богов, мир асуров и мир людей! Слава тебе, сверкающему, как двенадцать солнц, взошедших сразу, грозному сокрушителю дайтьев, которых даже Харе, Хари и Сурапати трудно было одолеть! Слава тебе, оберегающему преданных тебе от несчастий, простирающему над ними блистательную руку свою, в ладони которой зажат топор, пылающий, словно светоч, освещающий твои забавы! Тебе, которому молится даже сама Гаури ради дарования ее супругу желанной победы над Трипурой^[217], поклоняюсь я и к твоей защите прибегаю!»

Так Мриганкадатта, восхваляя Устранителя препятствий, провел ночь, сидя под деревом на острой и жесткой, как стрелы травы куша, и не принимая никакой еды. А затем провел он, занятый только поклонением Ганеше, еще одиннадцать дней и ночей. И был при нем один лишь Шрутадхи. А в ночь двенадцатых суток явился ему во сне Повелитель ганов и изрек: «Обрадовал ты меня, сынок, и обретешь ты вновь освобожденных мной от проклятия твоих министров и, продолжив с ними твое странствие, со временем обретешь Шашанкавати, вернешься в свой город и будешь править всей землей!» Когда кончил говорить Устранитель препятствий, проснулся Мриганкадатта, и ночь была уже на исходе. Рассказал он Шрутадхи об увиденном сне, и обрадовался брахман рассказанному. А после этого, когда уже настало утро, совершил царевич омовение и, поклонившись Винаяке, стал обходить дерево, жилище бога, и, пока он обходил так, правая его рука была все время обращена к дереву^[218]. Тут один за другим стали сходить с дерева министры,

избавившиеся от облика плодов, и были здесь кроме шести, пришедших с царевичем, еще и Вьягхрасена, и Стхулабаху, и Мегхабала, и Дридхамушти. И тогда, видя их всех сразу, взглядом выражая радость, охватившую его, царевич, достигший цели, обнимал их, еще более дорогих ему, одного за другим и затем взволнованным голосом начал беседовать с ними. А они, видя своего повелителя исхудавшим от подвижничества до того, что стал он похож на серп только что народившегося месяца, и узнав от Шрутадхи, что и как было, обрадовались тому, что у них такой повелитель. А затем с ними совершил Мриганкадатта омовение и все прочие обряды и устроил трапезу после поста. И тогда, счастливый и радостный, вновь обрел уверенность в достижении успеха.

Волна тридцать четвертая

Вот уселся Мриганкадатта, окончивший пост и оправившийся от него, вместе со своими министрами на берегу озера и стал спрашивать с любопытством у тех четверых, которых встретил в этот день, о том, что было с ними за время разлуки. И тогда первым взялся рассказывать один из них, Вьягхрасена: «Поведаю я тебе, божественный, обо всем, что со всеми нами случилось, а ты соблаговоли выслушать. Когда проклятием нага Параваты оказался я далеко унесен от тебя и друзей и потерял рассудок, долго блуждал я по лесу. К ночи же пришел я в себя, но, окруженный со всех сторон тьмой, не мог ни найти страны света, ни увидеть дорогу. С трудом провел я ту ночь, удлиненную горем, пока не взошло божественное солнце, осветившее постепенно все края. И подумал тогда: «Вот ведь горе! Куда исчез повелитель мой? Как придется ему в одиночестве, разлученному с нами? И как же мне найти его? Куда мне идти и какой дорогой? Видно, чтобы встретиться с ним, следует пойти мне в Удджайини — ведь там живет Шашанкавати, за которой он собирался отправиться. С такой надеждой направился я потихоньку в Удджайини».

Пробирался я сквозь пустыню, подобную истинному несчастью, палимый солнечными лучами, осыпавшими меня огненной пылью. Дотащился я кое-как до озера, будто глядевшего на меня глазами — синими лотосами и заговорившего со мной сладостными кликами гусей и прочих птиц, населявших его, устремлявшего ко мне призывно руки-волны, и было оно прозрачно и великодушно, как добродетельный человек, — вид его облегчал всякое горе. Омывшись в нем, пожевал я лotosовых стеблей и, напившись воды, увидел, что пришли туда и Дридхамушти, и Стхулабаху, и Мегхабала. Сошлись мы и стали друг друга расспрашивать и, ничего не зная о тебе и опасаясь худого, повелитель, повергнутые в горе разлукой с тобой, задумали расстаться с жизнью.

А пока мы собирались это сделать, явились туда некий юноша, сын мудреца, и подвижник по имени Махатапас, сын Диргхатапаса. Озаренный ореолом уложенных жгутами рыжих волос, был он словно Агни, вознамерившийся спалить лес Кхандава^[219] и воплотившийся для этого в брахманском теле, излучавшем сияние. Одетый в шкуру черной козы, держал он в левой руке чашу для воды, а в правой — четки, сделанные из зерен растения акша^[220]. Вместе с ним пришли еще несколько таких же детей мудрецов, прибежали за ним газели, и на рогах у них была

присохшая душистая земля, которой натирался Махатапас.

Заметив, что готовы мы кинуться в озеро и утопиться, и преисполнясь, подобно всем бескорыстно добродетельным, сострадания, подошел он к нам и стал увещевать: «Не следует вам совершать такой тяжкий грех, он — удел лишь недостойных трусов, ибо трусливые люди, попав в беду, теряют рассудок и попадают в пропасть несчастий, тогда как мужественные увиденное подкрепляют усиленным рассуждением и логикой, видят истинный путь и, напротив, избегают пропастей и достигают желаемого. По облику вашему вижу, что вскоре обретете вы счастье. Так скажите мне, в чем ваша горе, ибо горе ваше терзает и мою душу!»

Тогда, вняв его словам, поведал я ему с самого начала о том, что с нами случилось, и после этого и он сам, и все, кто с ним вместе пришел, предвидящие будущее, утешали нас многими сочувственными словами и отговорили от самоубийства. Затем, закончив омовение, отвел нас сын мудреца в находящуюся неподалеку обитель своего отца и принял по всем правилам, как гостей полагается принимать. Даже деревья в той обители совершали подвиги — стояли, вытянувшись на пригорках, подобных алтарям, воздев сучья-руки вверх и словно упиваясь солнечными лучами. Усадив нас в уединенном месте и угостив диким медом и водой, взял сын мудреца чашу и стал обходить одно за другим все деревья, росшие в обители, обращаясь к ним за подаванием, и каждое из них стряхивало свои плоды, и вскоре чаша была наполнена, и он, подойдя к нам, раздал эти плоды, наделенные божественным вкусом. Отведав их, мы почувствовали себя так, словно, выпив амриты, заново родились.

Ушел день, и солнце скатилось в океан, и тогда, точно брызги от его лучей, по небу рассыпались звезды, а луна, укутанная в молочно-белые ткани своего сияния, словно желая отринуть мир и заняться подвижничеством из-за того, что не стало солнца, удалилась в обитель на горе Востока. Пошли мы в ашрам поглядеть на мудрецов, а они, завершив все свои дневные дела, собрались все вместе, и, когда пришли мы и поклонились им, усадили нас, и приняли, как гостей, и стали ласково расспрашивать, кто мы да откуда. Обо всех наших скитаниях и злоключениях до прихода в обитель поведал им юный брахман, и обратился тогда к нам мудрый старец по имени Канва: «Как же это вы, мужественные воины, так позорно трусили? В беде — негибемая твердость, в успехе — скромность, что бы ни случилось — не унижить звание добродетельного человека! Великие-то ведь и становятся великими благодаря тому, что решительно одолевают великие трудности, — вот ведь что означает само слово «великий»! Да не слышали ли вы историю

Сундарасены? О том, какие мучения пришлось ему претерпеть ради Мандаравати?»

Как только вымолвил он это, все присутствовавшие там мудрецы и мы приготовились слушать. Тогда начал он рассказывать

историю Сундарасены

Есть на земле страна, украшающая собой ту часть света, где обитает Кубера^[221], и называлась она Нишада, а в той стране— славный город Алака, в котором от века люди жили в довольстве и достатке, и единственное, что никогда не успокаивалось там, — усыпанные драгоценностями светильники. Правил в нем царь по имени Махасена— «Большое войско», по заслугам так названный, потому что всех врагов спалило его неукротимое и удивительное мужество, делавшее царя истинным воплощением бога войны. И был у царя главным министром Гунапалита, средоточие геройства, несший бремя дел государственных будто новый великий змей Шеша — всю тяжесть земли^[222]. Переложил на Гунапалиту тяготы власти царь Махасена, раз все враги его были уничтожены, а сам развлекался. Со временем родила царица Шашипрабха царю Махасене сына, и назвали его Сундарасеной. Уже во младенчестве явил он немладенческие доблести, и избрали его себе в мужа богиня доблести и богиня красоты. С самого детства росли вместе с Сундарасеной его ровесники, ставшие потом его министрами, — Чандрапрабха и Бхимабхуджа, и еще Вьягхрапаракрама, и герой Викрамашакти. Пятым же был Дридхабуддхи. Все пятеро были наделены великим мужеством, силой и разумом и даже понимали птичий язык, все были высокородными и все преданы своему господину. Так и жил он с ними в отцовском доме, еще не женатый, так как не было равной ему девушки.

«Неукротимая доблесть в набегах, богатство, добытое своей рукой, жена, по красоте достойная мужа, — вот за что мужчину почитают. А если нет этих трех достоинств, то что за смысл в жизни?!» — вот о чем рассуждал Сундарасена со своими министрами. Однажды отправился он на охоту, и сопровождали его эти пятеро министров да еще воины. И вот когда царевич выезжал из города, заметила его пришедшая из дальних стран старая женщина — подвижница по имени Катьяйни. «То ли это

Чандра, лишенный Рохини? То ли Кама, разлученный с Рати?» — подумала она, когда увидела нечеловеческую красоту Сундарасены, но, расспросив окружавших его, узнала, что это царевич. Изумилась она и восхвалила беспредельно великое искусство творца, а когда царевич проезжал мимо нее, поклонилась и крикнула громко и пронзительно: «Побеждай, царевич!» Но проехал мимо нее царевич, словно не услышав, погруженный в начатую беседу с советниками. Тогда еще громче закричала рассердившаяся подвижница: «С чего это, царевич, не слышишь ты моего благословения? Кто из царей и царевичей земных меня не почитает? Видно, от юности да всего, что с ней связано, возгордился ты! Вот уж когда добудешь себе в жены Мандаравати, дочь повелителя Хансадвипы — Лебединого острова, необыкновенную драгоценность земного мира, то, верно, от гордыни своей не станешь слушать ни великого Индру, ни других богов! Сколь презренны люди!»

И, услышав такое осуждение, из любопытства подозвал ее царевич и, склонившись, смиренно попросил прощения, а затем, поручив ее заботам слуг, отправил отдохнуть в дом министра своего Викрамашакти. После того как закончил он охоту и вернулся, свершив все, что было назначено на этот день, послал за ней, и, после того как отведала она угощения, спросил царевич у нее: «Соблаговоли сказать, почтенная, кто такая эта девушка, которую зовут Мандаравати и которую ты так усердно расхваливала? Очень нам интересно услышать о ней!» Выслушав его просьбу, подвижница молвила: «Слушай, расскажу я тебе с самого начала.

Обхожу я всю землю и по всем островам странствую, желая увидеть все тиртхи и всякие другие святые места. Как-то раз попала я в своих странствиях на Хансадвипу и увидела дочь правящего там царя Мандарадевы, достойную любви сыновей богов, на которую не должны падать взгляды тех, кто осквернен пороком. Имя ее было Мандаравати, и была она словно богиня счастья в саду Нандана. Один ее трепетный облик уже разжигал пламя страсти — тело ее словно вылеплено творцом из одной амриты, точно это новая луна. Никого нет на всей земле, кто бы мог сравниться с ней прелестью и красотой! Разве только ты один, почтенный мой государь, обладаешь таким же богатством красоты. Кто не видел ее — тому ни зрение не нужно, ни жизнь ни к чему!»

Все это выслушал царевич из уст подвижницы да и говорит ей: «Как бы, матушка, полюбоваться нам такой красотой?» Ответила ему на это странница: «От восхищения ее красой изобразила я Мандаравати тогда же на полотне. Со мной эта картина. Коли интересно, так посмотрите». И при этих словах вытащила она портрет Мандаравати из сумки и показала

обрадованному царевичу. А Сундарасена, хоть и увидел небывалую красавицу только лишь нарисованной, пришел в такой восторг, что дух у него занялся и он словно окаменел, но тотчас же все волоски у него на теле вздыбились от восхищения, словно бы впились в его тело мириады стрел бога, оружием которому служит лук, сплетенный из цветов. Долго стоял он, и взгляд его был точно прикован к ней, и ничего не слышал он, ничего не говорил, ничего иного не видел вокруг — и казалось, будто не сам царевич это, а всего лишь его изображение на полотне.

Видя это, министры Сундарасены попросили странницу: «Изобрази, почтенная, и Сундарасену на полотне — тогда убедимся мы в твоём мастерстве». Тотчас же изобразила подвижница царевича на полотне, и убедились они, что вполне точно она его нарисовала, и все, кто был там, решили: «Никого нет, кто мог бы поспорить с почтенной в достоверности изображения и всякий скажет: «Вот царевич изображен! Нет сомнений, что красавица Мандаравати столь же хороша, как и на портрете!» И когда все его министры пришли к такому решению, взял Сундарасена оба портрета, и, довольный, отблагодарил подвижницу, и отпустил достойным образом эту обитательницу уединенных мест, а сам пошел во внутренние покои дворца, неся с собою изображение возлюбленной: «Что за личико у нее! Какая прелесть в нем, подобном луне, устранившей со своего лица портившие ее пятна! А перси ее прекрасны, как сосуды для помазания на царство самого бога любви! А складки на животе — словно волны океана красоты! А что за бедра, истинное ложе наслаждений самой Рати!» Так он, глядя на портрет Мандаравати, восхищаясь всем в ней, лег на ложе и с того самого дня ни на еду, ни на питье, ни на что другое смотреть не хотел, и всего за несколько дней под нестерпимо палящим бременем страсти он так изнемог, что, узнав об этом, родители его, Шашипрабха и Махасена, поспешили к нему и стали расспрашивать друзей сына о причине его болезни. И поведали отцу и матери его приятели о том, что причина этого — дочь повелителя Хансадвипы.

Укорил Сундарасену его отец: «Зачем, сынок, таишь ты от меня свою страсть? Действительно, Мандаравати истинное сокровище среди девушек, и вполне подходит тебе; отец же ее Мандарадева — мой лучший друг. Так почему ж не решить это дело, отправив к Мандарадеве посла?» Так сказав сыну и посоветовавшись с ним, царь Махасена отправил на Хансадвипу к царю Мандарадеве своего посла по имени Суратадева просить его дочь в жены своему сыну. Дал он послу с собой портрет Сундарасены, нарисованный подвижницей, чтобы мог Мандарадева убедиться в совершенстве красоты царевича.

Отправился посол в путь и скоро добрался до города, стоявшего на морском берегу и называвшегося Шашанкапурой, в котором правил царь Махендрадитья, а затем взошел на корабль и через сколько-то дней доплыл до Хансавипы, а там уж поспешил во дворец Мандарадевы. Возгласили о нем стражи, стоявшие в дверях, и вошел он во дворец, и увидел царя. Как положено, вручив ему подарок, повел посол речь: «Вот что, великий царь, велено мне моим повелителем, царем Махасеной, тебе передать: «Выдай свою дочь за моего сына Сундарасену. Видел он ее, это сокровище среди девушек, изображенной на полотне странницей Катьяяни. Совершенством изображения восхищенный, пожелал я, чтобы она и Сундарасену изобразила, — посылаю тебе его портрет, чтобы ты сам на него посмотрел. Не хочет сын никакой другой жены, кроме такой, которая бы по красоте была ему равной, — только дочь твоя подходит ему в жены, и он готов на ней жениться!» Так наказал сказать тебе мой государь и дал мне портрет царевича — соблаговоли посмотреть, а затем и соединить весенний цветок с самой весной!»

С радостью слушал царь речь посла, а потом послал за Мандаравати и за ее мать. Развернул он вместе с ними полотно с портретом, и погибла его гордыня — забыл он, что говорил: «Нет на свете никого, чтобы годился в мужья моей дочери!» Сказал он: «Если соединится она с этим царевичем, ей по красоте равным, то не бесплодна будет ее красота! Без него краса ее поблекнет, а без нее его красота увянет. Разве красив пруд, заросший лотосами, без гуся? И что за красота в гусе без пруда, заросшего лотосами^[223]?» И когда промолвил это царь, согласилась с ним царица Шраддхавати. А Мандаравати вдруг охватило любовное томление, и взор ее широко раскрытых глаз оказался прикованным к этому куску полотна с портретом царевича. Так стояла она, словно спящая, хотя и не спала, и была так недвижна, что сама казалась нарисованной. Видя все это, решил Мандарадева поскорее отдать ее за Сундарасену и сказал о том послу.

На другой день снарядил он к Махасене своего посла, брахмана Кумарадатту, и сказал обоим послам: «Ступайте немедля к повелителю Алаки, царю Махасене, и вот что поспешите ему от меня передать: «С радостью душевной готов я отдать свою дочь за твоего сына, и потому соблаговоли сказать, твой ли сын к нам приедет или мне свою дочь к вам послать?» Получив от повелителя такое поручение, взошли оба посла на корабль и быстро пересекли океан. И вот уже высадились они в городе Шашанкапуре, а оттуда посуху добрались до богатого города Алаки, столь богатого, что похож он был на настоящую Алаку, столицу самого Куберы, бога богатства. Приблизились они к царскому дворцу, вошли в него и, как

полагается, были с почетом приняты. Увидев раджу Махасену, сообщили они ему ответное послание Мандарадевы, а он их выслушал, и был посланием доволен, и обоих послов наградил.

Расспросил Махасена посла Мандарадевы о том, под какой звездой и в какой день родилась девушка, а затем велел звездочетам посчитать, какой день будет благоприятен для свадьбы, а они ему сообщили, что и для жениха, и для невесты благоприятный день наступит через три месяца и будет это пятый день светлой половины месяца картика^[224]. Велел написать повелитель Алаки царю Мандарадеве о том, что свадьбу сына он назначает на день, указанный звездочетами, и вручил это послание в руки Кумарадатты, посла отца невесты, а вместе с ним отправил еще и своего посла по имени Чандрасвамин. Отправились вместе два посла, вручили послание повелителю Хансавипы и обо всем ему сообщили. Согласился со сказанным ему раджа Мандарадева, наградил посла Махасены Чандрасвамина и отпустил его к его господину, и, после того как вернулся тот в Алаку и сообщил, что дело сделано, обе стороны стали ждать назначенного дня.

А на Хансавипе царица Мандаравати, уже давно страстно полюбившая Сундарасену по его портрету, узнав о назначенном дне, не могла и помыслить, чтобы ждать так долго: жестоко палил ее огонь страсти, и даже умощение прохладным сандалом казалось ей дождем из пылающих углей, ложе из лепестков лотоса — грудой раскаленного песка, а лунные лучи были для нее огненными стрелами, летящими от лесного пожара, и все помыслы ее были сосредоточены на одном Сундарасене, и молчала она, и не пила, и не ела, словно принявшая обет разлуки. А когда встревоженная подруга спросила ее, в чем дело, с трудом, еле слышно прошептала она: «Далек, подружка, день свадьбы, а я не могу ждать столько, не видя суженого моего, сына повелителя Алаки! Далека его страна, долго тянется время, и неисповедимы пути судьбы. Кто знает, что и с кем случится здесь? Лучше бы мне умереть!» Сказав все это, терзаемая разлукой, впала Мандаравати в печально-горестное состояние.

Узнав со слов той подруги о том, что случилось с его дочерью, — да и сам он увидал ее в таком состоянии, — обратились Мандарадева и его жена к министрам: «Царь Махасена, владыка Алаки, наш друг, а Мандаравати не может здесь ожидать назначенного времени. Так стоит ли нам стыдиться? Будь что будет — пошлем ее туда! Легче ей будет дожидаться назначенного дня, находясь вблизи возлюбленного». Рассудив так и утешив Мандаравати, посадил царь на корабль дочь вместе со свитой и с богатым приданым, мать дала ей, как полагалось, благословение, и был

дочери в сопровождение назначен Мандарадевой один из его министров, по имени Винитамати. Отплыл тот корабль в благоприятный день от Хансадвипы и устремился через океан к Алаке.

Вот уже сколько-то дней прошло, а все плыла царевна Мандаравати через безбрежный океан. Вдруг откуда ни возмись набежала, как разбойник, громыхающая грозная туча, и засвистел дикий ветер, и полились тяжелые потоки воды, точно ливень из жалящих стрел, и словно всемогущей рукой судьбы подхвачен был вихрем корабль, унесен далеко и разбит в щепы — потонули на нем и вся свита царевны, и Винитамати, и все богатое приданое. Но царевну, целехонькую и невредимую, океан поднял на волне, словно на заботливой руке, и вынес на берег в прибрежном лесу. Вот ведь совсем уже царевна пропадала в океане, а, поди ж ты, взялась неведомо откуда эта волна и спасла ее.

Когда царевна, перепуганная и отчаявшаяся, осмотрелась и увидела, что она в этом безлюдном лесу одна-одинешенька, то почувствовала, будто снова она в океане, но только теперь уж в океане горя. «Куда я отправилась? И куда я попала? Куда девались слуги мои? И что случилось с Винитамати? И что это со мной вдруг приключилось? Куда пойду я, злосчастная? О, горе мне! Что делать мне? Зачем ты, злая доля, вызволила меня из океана? О батюшка! Ах, матушка! Увы, жених мой, сын повелителя Алаки! Смотри, тебя не достигнув, погибаю я! Что ж не спасешь ты меня» — так и по-другому причитая, горько рыдала Мандаравати и заливалась слезами — падали они наземь, словно жемчужины разорванного ожерелья.

А тем временем пришел туда из находившейся неподалеку обители совершить омовение на берегу океана мудрец Матанга, а с ним его дочь, соблюдавшая обет целомудрия, которую звали Ямуна. Донесся до слуха Матанги плач, пошел он вместе с дочерью на этот звук и увидел царевну, в тревоге озирающуюся по сторонам, словно отбившаяся от стада газель. И спросил тогда ее великий мудрец ласковым голосом: «Кто ты, как попала в этот лес и почему плачешь?» И, видя, что сочувствует он ей, мало-помалу успокоилась Мандаравати и, потупясь от смущения, поведала ему обо всем, что с нею приключилось.

Подумал мудрый Матанга и так сказал ей: «Хватит горевать, доченька, успокойся! Ранят тебя, тело которой нежно, как цветок шириши^[225], горести и несчастья — ведь беды не разбирают, на кого они обрушиваются, им все одинаковы — слабые и сильные. Но вскоре обретешь ты желанного супруга, а пока иди со мной в мою обитель — она здесь неподалеку. Поживи там вместе с моей дочерью, как в своем доме». Так он ее успокоил,

совершил омовение и затем вместе с дочерью отвел царевну в свою обитель, и стала она, обуздавшая свои страсти, там жить в ожидании соединения с супругом, находя утешение в услужении мудрецу и дружбе с его дочерью.

А тем временем в Алаке, в нетерпении ожидая дня свадьбы с Мандаравати и отсчитывая оставшиеся дни, томился Сундарасена, исхудавший от ожидания, и утешали его друзья, Чандрапрабха и все прочие. Становился все ближе и ближе благодатный день, и отец царевича начал приготовления, чтобы отправить сына на Хансадвипу. И вот уже произнесены пожелания счастья, отправился Сундарасена в путь вместе со своим войском, под поступью которого содрогалась земля. Со временем он, радостный, сопровождаемый министрами, дошел до города Шашанкапура, истинного украшения океанского берега. Услыша о приближении царевича, вышел ему навстречу царь Махендрадитья и, почтительно поклонившись, ввел его вместе со всеми спутниками в город. И когда ехал Сундарасена по городу, сидя на слоне, красота его сражала всех горожанок, так же как вихрь — лотосы, пока не въехал он в царский дворец.

Славно принял его царь Махендрадитья, и Сундарасена, согласившись на то, чтобы Махендрадитья сопровождал его в путешествии на Хансадвипу, отдыхал у него в гостях целый день, а затем провел ночь, одолеваемый думами: «Когда же, переправившись через океан, встречу я с любимой и услышу, обнимая ее, как, преисполненная стыдливого страха перед любовными ласками, столь свойственного новобрачной, будет она лепетать: «Не надо! Не надо!» Когда же рассвело, он, оставив войско свое в городе, пошел вместе с царем Махендрадитьей на берег океана. Придя туда, взошел он вместе с царем и всеми своими министрами на большой корабль, нагруженный едой и водой, а на другой корабль поместил только немногих слуг. Отчалили корабли, и на мачтах у них развевались флаги, и поплыли они на юго-запад.

То ли два, то ли три дня плывут они по океану, как вдруг налетает свирепый ветер. Закачались тут из стороны в сторону на океанских берегах могучие леса, словно изумляясь: «Никогда еще не испытывали мы такого яростного ветра!» И массы вод самого океана от ветра вздымались вверх, и рушились вниз, и перемешивались так, как от времени смешиваются и переворачиваются чувства. С отчаянным воплем ужаса были принесены в жертву океану драгоценные камни. Тут же кормчие спустили паруса и оставили старания спасти корабль. Кинулись все в страхе и отчаянии спускать тяжелые камни-якоря, цепями прикованные, и одновременно

бросили надежды на жизнь: то подбрасываемые, то низвергаемые волнами, словно слоны, оставленные погонщиками в бою, метались корабли по океану.

И тогда Сундарасена, от качки лишившийся как своего места на корабле, так и мужества, прокричал царю Махендрадитье: «Настал всесокрушающий потоп и конец мира, а все из-за моих недостойных дел в прежних рожденьях. Не могу я всего этого видеть и брошусь в океан!» При этих словах обвязал он свою верхнюю одежду вокруг бедер и кинулся в океанские воды. При виде этого бросились в пучину и пятеро его министров вместе с царем Махендрадитьей. И хотя к этим смельчакам вернулось мужество и усердно били они руками по воде, но разбросали их океанские волны в разные стороны. И вдруг ветер утих, и океан застыл, безмолвный, уподобясь добродетельному человеку, укротившему гнев.

Откуда-то ветром пригнало небольшое суденышко, и Сундарасена вместе с Дридхабуддхи, оказавшимся поблизости, забрался на него, словно на качели, качающиеся между жизнью и смертью. Не знал царевич, куда плыть, ибо все кругом, казалось, состояло из одной воды, и утратил мужество— уповал он только на божество свое. И вот через три дня судно, подгоняемое тихим ветром, словно самой судьбой, достигло наконец берега. Когда ткнулось оно в песок, соскочил царевич, снова обретя надежду на жизнь, на берег вместе со своим другом. А там, придя в себя, заговорил он с Дридхабуддхи: «Переправился я наконец через океан, словно из Паталы вырвался, куда был волнами низвергнут. Но как мне теперь спокойно жить, когда погубил я министров своих Викрамашакти и Вьягхрапаракраму, Нандрапрабху и Бхимабхуджу, да еще и бескорыстно внимательного ко мне царя Махендрадитью?» Ответил ему на это Дридхабуддхи: «Приободришь, божественный. Надеюсь я, что все будет хорошо. Может, и они, подобно нам, смогут переправиться через океан. Разве ведомы кому-нибудь непостижимые пути судьбы?»

Пока он так успокаивал царевича, пришли на берег совершить омовение два подвижника, и, увидав удрученного всем случившимся юношу, подошли к нему, и, расспросив обо всем, ласково стали увещевать: «Мудр ты, царевич, и ведомо тебе, что даже у богов нет силы изменить действие дел прежних рождений, от которых и происходят и радости, и беды. Стойкий человек, желающий уничтожить беду, должен вершить добрые дела, а не предаваться сетованиям или истязанию тела. Брось горевать и позаботься о своем теле, ибо если тело здорово, то какая, скажи, цель жизни человеческой не может быть достигнута? Обладаешь ты всеми добрыми признаками, и непременно ждет тебя счастье». После этих слов,

утешив, взяли они его с собой в обитель, и сколько-то дней прожили там Сундарасена и Дридхабуддхи в ожидании.

А тем временем министры его добрались до берега силой своих рук: Вхимабхуджа в одном месте, а Викрамашакти — в другом. В надежде, что, может быть, еще кто-нибудь спасся кроме них, удрученные горем, в поисках сотоварищей углубились они в глухой и пустынный лес. Другие два министра царевича — Чандрапрабха и Въягхрапаракрама — вместе с царем Махендрадитьей тоже спаслись. Измученные, искали они Сундарасену, и не нашли, и на своем не получившем повреждений корабле приплыли в Шашанкапуру. Затем оба министра вместе с войском, оставленным в городе, зная обо всем, что случилось, заливаясь слезами, отправились к себе в город Алаку. Когда же вступили они туда, и не было с ними царевича, и оплакивали они его утрату, все горожане рыдали, и, казалось, рыдал с ними весь город. А царь Махасена и его супруга, услышав такую весть, готовы были умереть, будто истекла положенная им мера жизни. Они и расстались бы со своими телами, если бы не министры, удержавшие их от этого с помощью доводов, возвративших надежду. Отправился тогда царь вместе со своими приближенными в расположенный за городом храм Сваямбху и стал заниматься подвижничеством, ожидая вестей о сыне.

Царь же Хансадвипы Мандарадева, узнав о том, что дочь и зять погибли в океане, а двое министров его будущего зятя прибыли в Алаку и что жизнь царя Махасены держится теперь только на надежде и занимается он подвижничеством, решил и сам расстаться с жизнью. Да отговорили его министры, и он, оставив на них царство, отправился вместе с супругой своей Кандарпасеной в город Алаку к царю Махасене, которого постигло такое же несчастье, как и его: «Как он решил поступить, когда узнал о гибели сына, так и я поступлю!» А царь Махасена, узнав от Мандарадевы о горестной судьбе Мандаравати, глубоко ему посочувствовал, и стали они вместе заниматься подвижничеством — смирять чувства, воздерживаться от еды, спать на ложе из жестких и острых стеблей дарбхи.

Вот разметала людей судьба по разным сторонам, как ветер — листья, и случилось по ее воле, что вышел однажды Сундарасена из своей обители и оказался поблизости от обители мудрого Матанги, где находилась Мандаравати. Увидал он озеро, полное прозрачной воды, по берегам которого теснились деревья, отягощенные созревшими плодами, и на каждом из них плоды обладали разным вкусом. Отдохнул он у этого озера, совершил омовение, отведал вкусных и сочных плодов и, отправившись дальше вместе с Дридхабуддхи, дошел до лесной речки. А потом пошел он

дальше по ее берегу и увидел около храма, в котором высился лингам, девушек из обители, собиравших цветы. Заметил он среди них одну девушку небывалой красоты — словно лунным сиянием озаряла она весь лес. А глаза девушки, подобные синим лотосам, так лучились, что, казалось, все страны света наполнялись такими же цветами и там, где ступали ее стройные ноги, вырастали лotosовые заросли. И царевич в восторге прошептал Дридхабуддхи: «Кто она, достойная взгляда тысячеглазого Индры? Быть может, дева небесная? Или богиня, охраняющая этот лес, пальцы которой подобны побегам, касающимся цветов? Видно, смог творец создать ее прекрасное и совершенное тело лишь после того, как долгое время упражнялся в создании небесных дев! О, она так напоминает мне обликом ту, которую видел я на портрете, мою любимую Мандаравати! Уж не она ли это? Но как ей здесь очутиться? Где Хансadvипа и где этот лес? Не пойму я ничего — ни кто она, ни почему здесь, ни откуда взялась эта необыкновенная красавица!»

Посмотрел Дридхабуддхи на лучшую из девушек: «Кому же это быть, как не ей, на ней даже сделанные из лесных цветов украшения точно искусно выточенные ожерелье и пояс! Да и нежность и красота такая не рождаются в лесу! Видно, это или небесная дева, или царевна, а не дочь мудреца! Встанем-ка здесь и, наверное, все узнаем!» Сказал он это, и встали они оба за деревьями так, чтобы никто не смог их заметить.

Тем временем, набрав цветов, девушки вместе с красавицей вошли в поток, чтобы искупаться, и, пока они резвились в воде, по воле судьбы подплыл к ним крокодил и схватил лучшую из красавиц. Перепугались девушки, заплакали и закричали: «Спасите, спасите нас, божества лесные! Ведь это Мандаравати гибнет — внезапно схватил ее подкравшийся крокодил, когда купалась она в реке! О, горе!»

«Что бы значило это? Неужели это моя милая?» — подумал, услыша их крики, Сундарасена и, стремительно кинувшись в реку, убил крокодила своим мечом. Вырвав красавицу из пасти крокодила, словно из пасти смерти, вынес он ее на берег и привел в чувство. А она, оправившись от страха и видя перед собой достойного, прошептала как бы про себя: «Кто он, мой великодушный спаситель, так счастливо оказавшийся здесь? Удивительно, как напоминает он мне виденного на портрете моего возлюбленного, благородного сына повелителя Алаки! Неужели это он? Но прочь, прочь такие мысли! Да не постигнет его никогда судьба скитающегося на чужбине! Не следует мне быть наедине с другим мужчиной. Пойду я отсюда, а этому великодушному да будет благо!» И с этими мыслями обратилась она к подругам своим с такими словами:

«Поклонившись этому достойному, уйдемте отсюда!»

Слыша все это, как будто разобрав намек на свое имя, получил Сундарасена лишь немного больше уверенности, но от прежних сомнений не избавился. Тогда спросил он у одной из ее подруг: «Соблаговоли, прелестная, сказать мне, чья она дочь и какого звания? Любопытно мне это узнать!» А та, дочь отшельника, ему ответила: «Она — дочь Мандарадевы, повелителя Хансадвипы, а имя ее — Мандаравати. Просватана она была за царевича Сундарасену, но, когда везли ее на корабле в город Алаку, бурей разбило корабль, а царевну волны вынесли на берег, а потом попала она в обитель мудрого Матанги». Пустился тогда Дридхабуддхи в пляс и вскричал, обращаясь к Сундарасене, охваченному и недоумением, и радостью: «Возрадуйся же, ведь обрел ты сегодня наконец Мандаравати. Разве она не та самая, которая вела нас по пути желаний?» Дочери отшельников, в свою очередь, расспросили Дридхабуддхи обо всем, и он им все рассказал, а они доставили радость подруге, пересказав ей все, что слышали.

Тогда она, прошептав: «О благородный!» — оросилась ему в ноги, а он, обняв ее, разрыдался. И тогда, глядя на то, как рыдают они, избавившиеся от мучительной разлуки, преисполнились сострадания и прослезились даже стоявшие вокруг деревья и травы.

Пришел туда и мудрый Матанга в сопровождении дочери своей Ямуны, которому обо всем рассказали дочери отшельников. Обласкал он Сундарасену, склонившегося к его ногам, и отвел его вместе с Мандаравати в свою обитель. Провели они тот день в обители, принятые Матангой, как дорогие гости, и отдохнули, и были счастливы, а на следующий день сказал царевичу великий мудрец: «Нужно мне теперь, сынок, обязательно отправляться на Шветадвипу, а ты ступай вместе с Мандаравати к себе в Алаку, и там женись на ней, и береги ее. Принял я ее как свою дочь и отдаю тебе ее как дочь. И будешь ты вместе с ней долго и счастливо жить и править всей землей. Вскоре обретешь ты и всех своих министров». И, благословив таким образом царевича с невестой, улетел мудрый Матанга дорогой небесной вместе с дочерью своей Ямуной, равной ему по силе ума и обладающей даром божественного прозрения.

Отправились Сундарасена и Мандаравати, сопровождаемые Дридхабуддхи, из обители и, достигнув океанского берега, увидели приближающийся небольшой корабль, принадлежащий молодому купцу. Пожелав облегчить свои странствия, через Дридхабуддхи, своим криком привлечшего внимание тех, кто был на корабле, попросились на корабль. Согласился купец и повел корабль ближе к берегу. Когда же этот

недостойный купец увидел Мандаравати, одолела его злая страсть.

Помог Сундарасена сначала Мандаравати подняться на корабль, а затем сам хотел за ней последовать, да подал купец знак кормчему и велел, алчный до чужих жен негодяй, скорее отплывать — и вот уже видит Сундарасена, как стремительно исчезает из глаз корабль, уносящий его плачущую возлюбленную. Зарыдал царевич: «Увы, обманут я ворами!» Рыдая, упал он на землю и долго терзал себя плачем — пока не обратился к нему Дридхабуддхи: «Подымись, царевич! Перестань отчаиваться! Достойно ли герою вести себя таким образом? Ступай этой дорогой искать того разбойника! Мудрого не покинут мужество и стойкость даже в самом горьком несчастье!»

Приведя кое-как Сундарасену в чувство, пошел с ним Дридхабуддхи прочь с океанского берега, а дорогой царевич все продолжал рыдать: «О, божественная! О, Мандаравати!» — и заливаться слезами. Непрестанно терзал его огонь разлуки, и ничего он не ел, а свита его состояла из одного плачущего Дридхабуддхи. Так и вошел он, словно в беспамятстве, в дремучий лес. Но и здесь не слушал он добрых советов друга и метался то туда, то сюда, полный мыслей о своей возлюбленной, и когда видел он лианы в цвету, то думал: «Не приходила ли сюда возлюбленная моя, украшенная распутившимися цветами, спасаясь от разбойника-купца?» Если же попадались им на пути заросшие лотосами озера, рассуждал он: «Не ее ли очи, опущенные густыми ресницами, смотрят на меня из воды — ведь могла она спрятаться туда от страха?» А заслышав голос кокила, спрятавшегося в гуще лиан и листьев, думал так: «Уж не сладкоголосая ли робкая моя что-то говорит мне?»

Так и кидался бедный Сундарасена из стороны в сторону, и было ему все равно — день сейчас или ночь, и луна палила его так же, как и солнце.

С трудом выбравшись вместе с Дридхабуддхи из одной лесной глуши, царевич, потеряв вовсе дорогу, попал в другую, еще страшнее прежней, — и был тот лес полон ужасных носорогов, был он страшным жилищем львов, свирепым, как войско, подкрепленное полчищами разбойников. И как только углубились они вдвоем в этот лес, где не было никакого убежища, но где ожидало их множество бед, напали на них дикие пулинды, угрожавшие оружием, разыскивавшие по велению обитавшего там их владыки Виндхьякету тех, кого можно было принести в жертву благодной богине. Судьба, словно желая увидеть, как истощится мужество царевича, кроме пяти огней, уже нещадно паливших его, — скитания на чужбине, мук разлуки, унижения от недостойного, голода и усталости от странствия — напустила на него еще шестой — нападение лесных жителей!

Вдвоем встретили Сундарасена и Дридхабуддхи кинувшихся захватить их свирепых воинов, осыпавших их стрелами, и очень многих сразили своими мечами. Узнав об этом, послал Виндхьякету на них новую силу, и снова царевич, искушенный в воинском деле, уложил навсегда многих из них. Но и он сам, и друг его истекали кровью, и изнемогали от усталости, и уже теряли сознание. Тогда и схватили их шабары, увели с собой и бросили в подземелье. А в том подземелье было множество всяких червей и насекомых, и все оно заросло паутиной, в которой таились пауки, и было оно постоянным прибежищем змей, судя по шкурам, сброшенным ими у входов в их норы, а земляной пол был покрыт пылью, достигавшей щиколоток, и источен мышинными норами и ходами. И было в той темнице много убитых страхом и несчастных людей. В этой утробе, рождающей адские мучения, Сундарасена и Дридхабуддхи разглядели двух министров царевича, которые также были пойманы, связаны и ввергнуты в узилище, после того как, разыскивая своего повелителя, переправились через океан и углубились в этот же лес, — а были это Бхимабхуджа и Викрамашакти. Узнав своего владыку, с рыданиями бросились они ему в ноги, а он, заливаясь слезами, обнял их, и горести увеличились стократно оттого, что они увидели друг друга, а другие узники стали утешать их, говоря: «Что ж умирать? Разве может кто-нибудь отменить действие прежних рождений? Разве не видите, что всем нам грозит неизбежная смерть? Настанет четырнадцатый день месяца, и повелитель пулиндов принесет нас всех, собранных здесь, как скотов, в жертву богине. Что за смысл в напрасных терзаниях? Хитроумно играет судьба всеми живыми существами — сегодня она приносит вам благо, а завтра так же ввергнет в несчастье!» Так и остались они там вместе с другими узниками — страшно подумать, как даже высокочестные утрачивают во время несчастий способность сопротивляться!

Наступил четырнадцатый день, и по повелению владыки пулиндов всех узников привели, чтобы принести в жертву, в храм Амбики. Казалось, ввели их прямо в пасть к самой смерти, и пламя светильников было в ней трепещущим языком, а вереница колокольчиков — рядами зубов. Увидел Сундарасена изображение богини, склонился перед ней, преисполнившись всей душой преданности к ней, и взмолился: «О, от страха избавляющая тебе преданных! О, укротившая гордыню асуров своим кровью сочащимся трезубцем, истребившим заносчивость дайтев! Снизойди до меня, преданного тебе, и осени своим амритом источающим взором обращенного в прах всепожирающим пламенем горя! Слава, богиня, тебе!»

А пока царевич молился так богине, пришел поклониться ей

повелитель пулиндов Виндхьякету. Сразу же узнал его Сундарасена и, отвернувшись от стыда, прошептал своим сотоварищам: «О, так ведь это тот самый повелитель пулиндов Виндхьякету идет сюда, который приходил к моему отцу служить, — он и правит этим лесом. Будь что будет, но не должно нам говорить, кто мы! Дстойному уж лучше умереть, чем в таких обстоятельствах себя выдать». Пока царевич совещался со своими друзьями, Виндхьякету обратился к своим слугам: «А ну, покажите мне того героя, самую главную жертву, который столько моих воинов сразил, пока его брали». Тотчас же притащили они к нему Сундарасену, покрытого запекшейся кровью, всего израненного, покрытого пылью. Взглянув на царевича и как будто узнав его, испуганно спросил владыка пулиндов: «Кто ты и почему здесь?» Ответил ему царевич: «Что за разница, кто я да откуда? Делай, что собрался делать!»

Тут, по голосу окончательно узнав царевича, стал Виндхьякету причитать: — «О, горе! Вот беда! — и упал на землю. — О великий махараджа Махасена! Смотри, что я, грешник, наделал! Так-то милость твою я оценил! Смотри, в какое состояние привел я дорогого для тебя, как сама жизнь, сына — божественного Сундарасену, неизвестно как попавшего сюда?» Обнимал он царевича и причитал над ним, а с Виндхьякету и все, кто был там, заливались слезами, а обрадованные спутники Сундарасены успокаивали царя бхилов: «Что ж убиваться — ведь узнал ты царевича раньше, чем произошло непоправимое! Вот что бы ты стал делать, если бы оно свершилось? Так к чему же печалиться, когда нужно радоваться?» Тогда пал в ноги Сундарасене повелитель бхилов и с любовью почтил его, а царевич попросил его освободить и остальных людей, предназначенных в жертву.

Совершив поклонение богине, Виндхьякету отвел Сундарасену с его друзьями к себе и сначала дал тому целебного питья, а затем перевязал раны и после этого только спросил у царевича: «Как же все-таки ты попал сюда? Очень это интересно. Сблаговоли же рассказать!»

Когда же закончил Сундарасена рассказывать о своих злоключениях, сказал ему увлеченный повестью о них повелитель шабаров: «Какое удивительное, необычайное стечение обстоятельств! Каково странствие за Мандаравати и сколь страшно падение в океан! Как интересно, что ты попал в обитель Матанги, и как удивительно, что ты там встретился с любимой! Сколь подло оскорбил купец твое доверие! Как страшны твои скитания по лесу и как ужасно, что поймали тебя для принесения в жертву! И как счастливо, что узнали мы друг друга и избавился ты от смерти! Слава, всяческая слава судьбе, так прихотливо избирающей свои пути! И

не тревожься — встретишь ты свою возлюбленную. Как все это совершила судьба, так вернет она скоро и твою возлюбленную!»

В то самое время, когда повелитель пулиндов говорил все это, прибежал к нему предводитель его войска и, радостный, доложил: «Захватил я, божественный, какого-то купца, в наш лес вошедшего, со всем его богатством, со всеми его спутниками и с необычайно красивой женщиной, истинной жемчужиной». Как только узнал я о его приходе, поспешил туда вместе с войском, захватил его, и вот теперь он стоит здесь у входа вместе с этой женщиной и всеми своими сокровищами». Подумали, услышав это, Сундарасена и Виндхьякету: «Уж не тот ли это купец и не Мандаравати ли с ним?» И оба сказали: «Ввести его и эту женщину!» Ввел их обоих, и купца и женщину, предводитель войска, и тогда Дридхабуддхи молвил: «Да это тот самый злодей-купец! А красавица — Мандаравати! О прекрасная, что привело тебя в такое состояние! Как лиану, иссушил тебя зной, умерли цветы, тебя украшавшие, иссохли бутоны твоих губ!» Пока Дридхабуддхи так сетовал, кинулся Сундарасена к возлюбленной и страстно, обнял ее, и оба они залились слезами, смывающими горечь разлуки, и долго рыдали, словно омывая друг друга.

Утешив их обоих, спросил Виндхьякету купца: «Как смел ты похитить женщину, тебе доверенную?!» И тогда ответил ему купец голосом, прерывающимся от страха: «На погибель себе я это сделал. Ее, прекрасную, охраняло само неприкосновенное великолепие ее красоты — не смел я коснуться ее, как пылающего огня! И пришло мне, грешнику, в голову — почему бы не увести мне ее к себе на родину, а когда смирится ее гнев и смилуется она надо мной, почему бы мне и не жениться на ней?» Выслушав все это, приказал повелитель пулиндов казнить купца. Взял Сундарасена жизнь того под защиту, но был лишен купец богатства, а оно ему было дороже самой жизни: каждый день умирает тот, кто теряет богатство, а не тот, кто теряет дыхание! И пошел, куда глаза глядят отпущенный Сундарасеной бедняга, радующийся тому, что хоть жизнь сохранил.

А Виндхьякету вместе с Мандаравати и Сундарасеной пошел в покои к своей царице и там повелел ей устроить для Мандаравати омовение, и дать ей одежды, и умастить ее тело благовониями. Когда же и Сундарасена совершил омовение и облачился в одежды, усадил его Виндхьякету на красивейший трон и поднес ему разные подарки — и жемчуга, и мускус, и много всякого другого — и устроил потом по случаю соединения супругов большой праздник, во время которого плясали на радостях все женщины шабаров.

На следующий день Сундарасена сказал повелителю пулиндов: «Раны мои исцелились, и достиг я того, чего хотел, и потому пойдем мы теперь в свой город, а ты пошли вперед нас гонца с письмом, в котором пусть будет обо всем случившемся рассказано и возвещено о нашем прибытии». Как сказал царевич, так тотчас же послал повелитель шабаров гонца, дав ему с собой письмо.

Мчится гонец к городу Алаке, а царь Махасена в это время со своей супругой, удрученные тем, что нет никаких вестей о Сундарасене, готовы уже взойти на погребальный костер, сложенный перед храмом Шивы и окруженный повергнутыми в горе всеми жителями города.

Но в это время вбежал в город шабара, посланный Виндхьякету, и, увидев царя Махасену, бросился к нему, весь черный, покрытый пылью, — на бедрах у него была юбочка из листьев бильвы, в руке — лук, на голове, — пучок из волос, подхваченных сзади лианой^[226], и крикнул: «Милостива судьба к тебе, царь! Сын твой Сундарасена вместе с Мандаравати переправились через океан и прибыли к властителю моему Виндхьякету, а он, послав меня вперед, сам вместе с ним пожалует!» Выкрикнув все это и выполнив тем порученное ему, сложил гонец послание повелителя бхилов к ногам царя Махасены. И тогда под радостный гул и крики горожан было прочитано послание, и стали всем ведомы чудесные события. А царь, избавившийся от скорби, и радостный, и торжествующий, щедро наградил гонца и вместе со всеми вернулся в столицу. Когда же настал следующий день, царь Махасена, преисполненный желания скорее встретиться с сыном, вышел с правителем Хансадвипы навстречу ему, а вместе с ними пошло и бесчисленное войско, и содрогнулась земля словно от нестерпимой тяжести. Сундарасена же в это время, стремясь к своему дому, вышел из селения бхилов вместе с Мандаравати и министрами, встреченными им в темнице, — Викрамашакти и Бхимабхуджей, а также с преданно сопровождающим его Дридхабуддхи. Ехал он на коне, стремительном как ветер, а вместе с ним Виндхьякету со своими столь многочисленными воинами-пулиндами, что земля, казалось, состояла только из них.

Прошло несколько дней, и увидел Сундарасена идущего ему навстречу отца, окруженного свитой и родичами. Соскочил он с коня и на глазах у всех обрадовавшихся ему людей пал вместе со своими спутниками в ноги отцу. А отец его, переполненный радостью, простер к нему руки, как океан в день полной луны устремляет к ней радостные волны. Увидев же невестку свою Мандаравати склоненной к его стопам, посчитал себя и свой род достигшим всех благих целей и возрадовался. Обрадовался он и

всем трем министрам во главе с Дридхабуддхи, и особенно был он рад Виндхьякету. Затем подвел он сына к царю Мандарадеве, и склонился перед ним Сундарасена, горячо приветствуя тестя. Когда же увидел царевич попавших в Алаку до него своих министров Чандрапрабху и Вьягхрапаракраму, склонившихся к его ногам, то решил, что все его заветные желания исполнились. В это время прибыл туда же из Шашанкапуры и царь Махендрадитья, движимый искренней привязанностью к царевичу и преисполненный радости, после того как стало ему ведомо обо всем случившемся.

Затем Сундарасена вместе со всеми собравшимися, сопровождая Мандаравати, как Налакубара — Рамбху^[227], верхом на могучем коне отправился в город Алаку, средоточие всех богатств, населенный добродетельнейшими людьми, и въехал в столицу своего отца вместе с возлюбленной, осыпaeмый взглядами горожанок, выглядывавших из всех окон, словно лотосами. Войдя же во дворец, склонился он к стопам матери, встревоженные очи которой были полны слез радости, а затем уже провел тот день в радостном празднике, окруженный родными и слугами.

А на следующий день наступил час, предсказанный звездочетами, — давно ожидал его Сундарасена, — и взял он, сын защитника людей, руку Мандаравати, отданную ему ее отцом. Одарил Мандарадева царевича бесценными драгоценными камнями и, поскольку не было у него своего сына, сделал так, чтобы унаследовал Сундарасена после его смерти царство. Отец же царевича, царь Махасена, устроил соответствующий его желаниям великий праздник, и отпустил всех, кто был в тюрьмах, и щедро рассыпал золото по земле, но не истощилось его богатство.

А после, обрадованные тем, как счастлив Сундарасена, соединивший жизнь свою с Мандаравати, и насладившиеся ликованием свадебных торжеств, когда пели и плясали все женщины, щедро одаренные царем Махасеной, отправились царь Мандарадева к себе на остров, другой царь, Махендрадитья, — в свой город Шашанкапуру, а повелитель лесов Виндхьякету — в свои владения. Прошло сколько-то времени, и царь Махасена, видя, что Сундарасена добродетелен и народ его любит, возвел его на трон, а сам удалился в лес. Воцарившись же, Сундарасена мощью руки своей смирил всех врагов, вместе с министрами правил всей обширной землей и испытывал все большее счастье от обладания Мандаравати».

Так закончил рассказывать на берегу озера Мриганкадатте эту историю его министр Вьягхрасена. А затем сказал: «Вот эту самую повесть и поведал нам мудрый Канва в своей обители, а когда завершил ее, то он,

сострадательный, вот что нам сказал: «Вот, сынки, только твердые сердцем преодолевают даже самые неодолимые и гибельные препятствия и достигают желаемого, а не слабые душой и нерешительные в условиях. Поэтому оставьте уныние и отправляйтесь в путь. Ваш повелитель Мриганкадатта тоже встретится снова со всеми своими министрами и, соединясь с Шашанкавати, будет долго и счастливо править всей землей». После этих слов мудрого Канвы обрели мы снова мужество и, проведя ночь в обители, покинули ее, а потом попали в лес, изнуренные долгим блужданием, и наконец вышли к озеру. Измученные жаждой и голодом, полезли мы — за плодами на это дерево повелителя ганов и сами обратились в плоды, и только ты, повелитель, своим подвижничеством избавил нас от этого. Вот что с нами четырьмя случилось, после того как были мы проклятием нага разлучены с тобой. А теперь, когда избавились мы от проклятия, вместе с нами ступай вперед к своей цели».

Выслушал все это Мриганкадатта от своего министра Вьягхрасены, и снова утвердился в надежде на встречу с Шашанкавати, и провел с этой надеждой ту ночь.

Волна тридцать пятая

Затем рано утром, вместе со всеми обретенными им министрами, в сопровождении Шрутадхи, снова отправился Мриганкадатта, жаждущий обрести Шашанкавати, в путь к Удджайини. А перед тем как двинуться с берега того лучшего из озер, вознес он хвалу волшебному дереву Сокрушителя препятствий.

Пришлось проходить им через густые леса, изобиловавшие множеством озер, темные от зарослей деревьев тамала, словно беспросветные ночи времени дождей, и через леса, где бамбук был искрошен свирепыми и безумными слонами и где из-за светлой коры деревьев арджуна чудилось, будто блуждали путники среди бесчисленных городов царя Вираты, и через горные долины, чистые и светлые, заросшие цветами, где находили убежище не только святые подвижники, но и свирепые хищники. А пройдя сквозь все это, наконец добрались они — мужественный царевич и все его друзья — до окрестностей города Удджайини. Дошел он до реки Гандхавати и, омывшись в ее водах, избавился от усталости, вместе со спутниками переправился через ту реку и попал на кладбище, посвященное Махакале. Увидел он на нем среди множества костей и черепов возвышавшегося над ними великого Бхайраву, любезного веселящимся ведьмам, окруженного сонмами духов, почерневшего от дыма погребальных костров, держащего в руках человеческие скелеты, перед которыми склонялись при поминальных жертвах сыновья. Когда же прошли Мриганкадатта и его спутники через обиталище Бхайравы, предстал перед царевичем вечный город Удджайини, тщательно охраняемый царем Кармасеной.

Улицы города были полны стражников, вооруженных разным оружием, и каждого из стражей окружало множество высокородных раджпутов, и вокруг города высились неприступные укрепления, подобные вершинам гор, а сам он был заполнен слонами, конями и колесницами. И никто чужой не мог попасть в него. Убедившись, что со всех сторон город неприступен, удрученный Мриганкадатта сказал своим советникам: «Увы мне, злосчастному! Претерпел я сотни мучений, а в город мне не попасть! Как же добыть мне возлюбленную?» Возразили ему на это министры: «Что это? Неужели ты, божественный, думал, что нам, немногочисленным, возможно взять столь мощно укрепленный великий город? Следует нам подумать, что делать, — непременно что-нибудь найдем. Неужто забыл ты,

что уже много раз подсказывали нам боги, что делать?» Выслушав советников, несколько дней бродил Мриганкадатта около города. Вспомнил тут его министр Викрамакесарин, что когда-то одолел он ветау, и, желая использовать его, чтобы заполучить возлюбленную царевича из ее покоев, вызвал того. Тотчас же явился тот, высоченный, черным-черный, с верблюжьей шеей, со слоновьей мордой, с совиными глазами, с бычьими копытами и ослиными ушами. Но не смог он проникнуть в город, так как по воле Шивы не могли туда входить подобные существа, — и тотчас же исчез ветау.

И тогда обратился к окруженному министрами Мриганкадатте, удрученному и жаждущему всем сердцем попасть в город, брахман Шрутадхи, искушенный в политике: «Как же ты, божественный, знающий суть политики, и вдруг повергаешь себя подобно невежественному в смятение? Что за доблесть у того, кто не видит разницы между своим положением и положением противника? У каждого из четырех ворот днем и ночью для защиты города, неодолимой твердыни героев, стоят по две тысячи слонов, да по двадцать пять тысяч всадников, да по десять тысяч колесниц, да по сто тысяч пеших воинов в полном снаряжении, так что для нас, столь немногочисленных, попытка проникнуть туда была бы бесплодной фантазией и не повела бы к успеху. Малой силой не сокрушить эту твердыню, как пешему воину не одолеть слона, а нужна для этого сила превосходящая. Почему бы не соединить тебе свои силы с силами повелителя пределов, населенных пулиндами, Маябату, твоего друга, которого спас ты в водах Нармады от водяного чудовища, и войсками Дургапишачи, могучего повелителя матангов, друга Маябату, готового последовать за тобой ради преданности тому, и царя киратов Шактиракшиты, доблестного и могучего, еще в детстве принявшего обет целомудрия? Тогда, объединив все могучие войска, заполнив все страны мира своими воинами и опираясь на верную помощь, добейся задуманного тобой. Разве забыл ты, что вождь киратов ждет лишь прибытия твоего вестника? Маябату, как условился ты с ним, стоит уже наготове на земле царя матангов. Так отправимся же немедля в крепость повелителя матангов, стоящую на южном склоне гор Виндхья и названную Карабхагровкой. Туда призовем мы и царя киратов Шактиракшиту, а затем, объединившись с ними, вместе начнем наше дело, и да сопутствуют нам успех и благо».

Выслушав исполненные мудрости слова Шрутадхи, направленные на достижение цели, Мриганкадатта и все его министры согласились с ним и молвили: «Так тому и быть!» На следующий день, поклонившись только

что взошедшему другу добродетельных, распростершему над миром свои лучи, постоянно странствующему по небу солнцу, отправился царевич в путь к твердыне повелителя матангов Дургапишачи на южный склон Виндхийских гор, и сопровождали его министры Вьягхрасена и Бхимапаракрама, Гунакара и Мегхабала вместе с Вималабуддхи, Вичитракатхой, Стхулабаху, Викрамакесарином, Прачандашакти, Шрутадхи и Дридхамушти. Вместе с ними проходил он через пустыни, необъятные, как его деяния, леса, глубокие, как его замыслы, не находя лучшего убежища по ночам, чем корни дерева, растущего на берегу пруда, и наконец взошел на горы Виндхья, столь же возвышенные, как и его душа. Когда же спустился он с их вершин на южный склон и взглянул окрест, то увидел вдалеке селение бхилов, полное слоновых бивней и газельих шкур, и подумал: «Где же тут дом повелителя матангов? Как мы узнаем это?» И тогда, увидев сына какого-то мудреца и приветствовав его, спросил у него Мриганкадатта вместе с министрами: «Не знаешь ли, почтенный, где здесь дом повелителя матангов Дургапишачи? Надобно нам его повидать».

Ответил им на это добродетельный сын подвижника: «Всего лишь в одном косе отсюда есть место, которое называется Панчавати. А неподалеку от него была обитель мудреца Агастья^[228], который за нанесенное ему высокомерным царем Нахушей оскорбление низверг того с небес. Там по повелению отца жил, долго ожидая этого мудреца, Рама с братом Лакшманой и своей супругой Ситой. Там ракшас Кабандха попытался напасть на Раму и Лакшману, словно асура Раху на Солнце и Месяц, и навлек тем на ракшасов гибель. Именно там, после того как Рама обрубил ему руки длиной в целую йоджану, он упал, уподобившись телом змею Нахуше, приползшему умиловить Агастью. Даже и теперь, когда наступает время дождей и гремит гром, вспоминают там ракшасы о громе палицы Рамы; там дряхлая газель, некогда возвращенная Ситой, с глазами, полными слез, видя, что все пусто кругом, не прикасается к траве; там словно для того, чтобы избавить уцелевших газелей от истребления, увел золотой олень потомка Раху в дебри, вызвав тем его разлуку с Вайдехи, там множество озер, оставленных водами Кавери, кажутся каплями воды, появившимися после того, как Агастья изрыгнул выпитый им океан. Вот как раз неподалеку от того места, на плоской вершине Виндхья, стоит хитроумно устроенная и неодолимая крепость, названная Карабхагрива. В ней и обитает неукротимо доблестный Дургапишача, могучий и непобедимый повелитель матангов, повелевающий ста тысячами лучников, за каждым из которых следует по двести пятьдесят воинов. С их помощью грабит он караваны, подавляет врагов, правит в

этой великой пустыне и не считается ни с какими царями».

Дослушав сына мудреца и поблагодарив его, поспешил Мриганкадатта со своими спутниками по дороге, указанной ему, и через некоторое время достиг крепости повелителя матангов, окруженной деревнями бхилов, — куда ни бросишь взгляд, везде видны бесконечные множества шабаров, украшенных павлиньими перьями и слоновыми зубами, одетых в тигровые шкуры и питающихся мясом газелей.

«Смотрите-ка, живут они, как звери в лесах, но занятно, Дургапишач, у называют царем. Видно, нет такого народа, чтобы у него не было царя. Наверно, боги создали это слово, чтобы люди жили, не пожирая, как это делают рыбы, сильный слабого^[229]», — сказал Мриганкадатта друзьям, и, пока пытался он разузнать, как пройти к крепости Карабхагрива, разведчики Маябату, узнав Мриганкадатту, прежде виденного ими, поспешили к своему повелителю и доложили о приходе царевича. Вышел Маябату ему навстречу со своим войском. При виде же царевича спешил Маябату, владыка пулиндов, с коня, подбежал и пал в ноги Мриганкадатте. А затем, обняв царевича, осведомился царь пулиндов о его здоровье и после этого, усадив на коней Мриганкадатту и его министров, привел их в свой стан, а потом послал своего пратихару к повелителю матангов уведомить о прибытии царевича. Тогда пожаловал к ним сам царь матангов Дургапишача — «демон твердыни». И имя его соответствовало его облику — было у Дургапишачи мощное тело, словно высеченное из твердого камня, темное, точно листья тамалы. Окруженный склонившимися к его ногам пулиндами, был он подобен самым горам Виндхья. Его наводящий ужас лик, с гневно изогнутыми бровями, был отмечен на лбу тремя морщинами — будто пометила его в знак покровительства сама богиня, живущая в Виндхийских лесах, своим трезубцем. Был Дургапишача юн, но видел падение многих птиц, был черен, как Кришна, но некрасив. Ни перед кем он не склонялся, хотя и обитал у подножия царственных гор. Украшенный перьями из павлиньего хвоста, был он подобен павлину, завидевшему облака, предвещающие наступление периода дождей. В руках его был мощный лук, подобный радуге. Тело его, как и у Хираньякши^[230], было покрыто шрамами от клыков свирепого вепря. Был Дургапишача мощен, как Гхатоткача^[231], и столь же высокомерен и ужасен. Словно в век Кали позволял он своему народу предаваться безверию и своеволию. Пришедшее с ним войско наводнило собой всю землю, словно поток Нармады, освобожденной из объятий Арджуны, и при виде полчищ чандалов^[232], закрывших тучей все страны света, усомнился

Мриганкадатта: «Уж не лавина ли это, рушащаяся с горы Анджана, не прежде времени ли надвигающиеся на землю грозовые тучи последнего дня творения?»

Приближаясь, этот владыка Дургапишача еще издали поклонился, склонив свою голову до земли, Мриганкадатте: «Видно, довольна нынче мною богиня, живущая в Виндхийских лесах, коли пожаловал ко мне господин из высочайшего рода! Потому счастлив я и благодарен!». И с этими словами поднес он Мриганкадатте в дар жемчуга, камфару и всякое прочее. Как должно, учтиво поблагодарил его за все Мриганкадатта.

Затем стали они там лагерем. В том обширном лесу было множество слонов, привязанных к деревьям, коней у коновязей, воинов в шатрах, и был лес так всем этим взволнован, что, казалось ему, обратился он в город, чего с ним никогда прежде не бывало. Тогда, после того как в рощице Мриганкадатта совершил ради успеха задуманного омовение, а затем совершил вместе со всеми министрами трапезу в присутствии Маябату, в разговоре спросил царевича Дургапишача почтительно и с любовью: «Вот, повелитель, раджа Маябату давно уже здесь стоит, а с ними я, в ожидании твоих повелений. Скажи, царевич, где ты так долго отсутствовал, и что сделано, и что сделать надлежит». На эту речь повелителя матангов ответил Мриганкадатта так: «Когда я отправился из дома Маябату в путь вместе с Вималабуддхи, Гунакарой и Шрутадхи и встреченным мной Бхимапаракрамой, я нашел еще Прачандашакти и Вичитракатху, а пойдя еще дальше, встретил я и Викрамакесарина. Когда же дошли мы до озера, на берегу которого растет дерево Сокрушителя препятствий, они, желая вкушать от его плодов, взобрались на дерево и сами оказались обращенными силой проклятия Ганеши в плоды. Кое-как умиловив Ганешу, смог я вызволить их из беды, а с ними вместе и всех остальных, обращенных в плоды еще до того, как я с ними встретился, — моих министров Дридхамушти, Вьягхрасену, да Мегхабалу, да еще Стхулабаху. Когда же все мы собрались вместе, направился я к Удджайини, но проникнуть туда не смог, так как все ворота там под надежной охраной. Уж где там думать о похищении Шашанкавати! Войска у меня не было, и поэтому не следовало направлять посла. Потом, посоветовавшись, пошли мы к вам, и теперь, друзья, вы — залог нашего успеха».

И когда кончил Мриганкадатта рассказывать, что с ним было, сказали ему Дургапишача и Маябату: «Мужайся! Это дело для нас нетрудное. Жизни наши с самого рождения предназначены для того, чтобы тебе помочь. Приведем мы сюда царя Кармасену связанным и сумеем привести сюда и дочь его Шашанкавати». И когда обещали они это, с великим

уважением и любовью отвечал им Мриганкадатта: «Как не сбыться тому, о чем вы говорите! Истинно, исполнены вы решимости выполнить дело, обещанное другу. Когда создавал вас творец, то взял он для вас твердость от гор Виндхийских, смелость — от тигров, привязанность к друзьям — от лесных лотосов. Так подумайте и совершите то, что можно!»

А пока Мриганкадатта говорил все это, дневное светило склонилось на покой к вершине горы Заката, и все они тоже ушли спать в шатры, сооруженные, как полагалось, для них мастеровыми.

Наступило утро, и царевич послал Гунакару к другу своему Шактиракшите, властителю киратов^[233], чтобы позвать и его. Поспешил туда министр и рассказал тому обо всем, что случилось. А через несколько дней пришел вместе с ним повелитель киратов во главе могучего войска. Десять раз по сто тысяч пеших воинов, да двести тысяч конных, да тьма слонов, на каждом из которых сидели великие герои, да восемьдесят восемь тысяч боевых колесниц следовали за Шактиракшитой, затмившим небо своим зонтом и знаменами. Вышел навстречу ему радостный Мриганкадатта со своими друзьями и министрами, почтил царя своим приветствием и провел его в лагерь. Тем временем и другие друзья и сородичи царя матангов и Маябату собрались туда, узнав все от послов, и все ширился лагерь, словно океан, от сотен армий, вливающихся в него, точно реки, и рос гул над лагерем, словно рев океанских волн, и все это радовало душу Мриганкадаты. Всех царей почтил Дургапишача подношениями жемчуга, мускуса, одежды, отменного мяса, хмельного питья, а Маябату устроил для них отменные омовения, умащение благовониями, еду, питье и ложа, и Мриганкадатта принял участие в трапезе со всеми царями, каждый из которых сидел на положенном ему по чину месте, и даже царь матангов сидел неподалеку от царевича, ибо деяния, место и время определяют человека, а не он сам по себе.

На следующий день, когда вновь прибывшие силы киратов и прочих отдохнули, Мриганкадатта, сидя в собрании царей на троне из слоновых бивней, после того как был воздан ему почет и все лишнее были устранены, сказал повелителю матангов и прочим своим друзьям: «Что же мы теперь теряем время? Почему бы не поспешить со всеми силами к Удджайини?» И возразил ему тогда на это брахман Шрутадхи: «Послушай, божественный, что думают об этом знатоки политики. Желающий одержать победу прежде всего должен рассудить, что исполнимо, а что — нет. От замысла, для выполнения которого нет средств, следует отказаться. Если же средство обеспечивает выполнение дела, то может оно быть четырех видов — замирение, подношение, разъединение сил недруга и

сила. Первый из них наилучший, а все прочие — каждый хуже предыдущего. Посему, божественный, прежде всего следует попытаться использовать примирение. Поскольку царь Кармасена не алчен, дары успеху не послужат. И сеять раздоры также не годится, так как нет у него людей озлобленных, алчных или обиженных. Что до применения силы, так этот царь живет в труднодоступной стране, и есть у него могучая армия, благодаря которой никто из царей его не одолевал, и потому применение силы сомнительно. В бою даже очень могущественные не могут полагаться на Деву победы, да и не годится сватающемуся учинять расправу над родичами желанной девушки. Так что следует послать к Кармасене посла с предложением примирения, а уж если посольство не будет иметь успеха, тогда и будем мы вынуждены прибегнуть к силе»^[234].

И все согласились с тем, что сказал Шрутадхи, и стали хвалить да восславлять его осведомленность в ведении государственных дел. Затем, посоветовавшись со всеми, отправил Мриганкадатта послом к царю Кармасене лучшего из брахманов из свиты царя киратов, наделенного необходимыми для этого качествами Сувиграху и вручил ему свое послание. Отправился посол в Удджайини и, когда имя его было провозглашено пратихарой, вошел в блистательный дворец, подходы к которому были заполнены прекрасными конями и слонами, и увидел самого царя Кармасену, восседающего на троне, осведомился, здоров ли он, и приветствовал его, и после этого Сувиграха вручил царю послание.

И тогда, взяв его, министр Кармасены, звавшийся Праджнякоша, поспешил сломать печать и весьма внятно прочел: «Да будет благо! Достойный Мриганкадатта, украшение круга земного, сын повелителя Айодхьи, верховного владыки над великими царями, Амарадатты, стоящий вместе со всеми подвластными ему царями в лесу у подножия крепости Карабхагрива, свидетельствует свое почтение великому правителю Удджайини царю Кармасене, истинному месяцу Молочного океана своего рода, и сообщает следующее: есть у тебя дочь на выданье, и ты ее никому не давай, а отдай в жены мне, ибо самими богами ей предназначено быть моей супругой, и будет благодаря этому между нами дружба, и погибнет прежняя неприязнь, а если нет, то обращаюсь к силе моих рук, чтобы добыли они мне желанное».

Дочитал министр Праджнякоша послание, и обратился тогда разгневанный Кармасена к министрам: «Всегда они были к нам враждебны. И посмотрите, как этот недостойный, не знающий своего места, обращается к нам — по невежеству себя он поставил первым, а нас на второе место, да еще в конце он, чей ум помутился от чванливости,

бахвалится геройством. Так что не считаю я достойным посылать ответ на такое послание. Что уж говорить о сватовстве! Ступай, посол, и пусть твой господин как знает, так и поступает.»

Выслушал посол брахман Сувиграха слова Кармасены и, полный достоинства, ответил высокородному: «Глупец, хвастаешься ты, не видя царевича, но явится он сюда, и узнаешь ты тогда разницу между собой и им!» Зашумело царское собрание при таких словах, и царь, разъяренный, крикнул: «Прочь отсюда! Ты неприкосновенен, и ничего мы не можем сделать с тобой!» И одни в злобе скрежетали зубами, прикусывали губы, размахивали руками и восклицали: «Почему не убьем мы его теперь же?!» А другие, владевшие собой, возражали: «Что злиться впустую на болтовню этого молодца? Пусть уходит! Будет видно, что нам делать!» Третьи же, с лицами, искаженными гневом, стояли молча, хмуря брови, словно намекая на натянутые луки^[235].

Вышел из этого разъяренного сборища посол Сувиграха, и отправился в лагерь к Мриганкадатте, и рассказал ему и его друзьям все, что было произнесено Кармасеной, и тогда царевич приказал войску выступить в поход. И словно порывом ветра вздыбленный океан по велению владыки пришел в движение океан войска, в котором пешие воины, кони и слоны двигались подобно морским чудовищам. И в то время как все это вызвало удовлетворение в душах царей и их союзников, в душах людей возникало смятение, порождавшее ужас.

Так Мриганкадатта, покрыв землю пеной, падающей с взмыленных коней, и слоновым потом и оглушая мир громом боевых барабанов, двинулся к Удджайини за победой.

Волна тридцать шестая

Затем во главе войска преодолел Мриганкадатта вместе с друзьями горы Виндхийские и подошел к пределам Удджайини. Узнав об этом, царь Кармасена приготовился, доблестный, к битве и вышел из города ему навстречу. Когда сблизились они так, что различали уже друг друга, завязалась между их полчищами битва, радующая героев. Уподобилось поле сражения жилищу Хираньякашипу^[236], полному трусливых асуров, трепещущих от рева человеко-льва, и покрылось небо тучами стремительных стрел, непрерывно уничтожающих воинов, как саранча траву. От ударов мечей сыпались со слоновых налобий жемчуга, словно с разорванного от волнения ожерелья богини Победы, и поле битвы походило на пасть бога Смерти, острые клыки которого в виде копий вонзались в людей, коней и слонов. Взлетали к небу головы воинов, словно для того, чтобы поцеловать небесных дев, а тела этих героев продолжали танцевать на каждом шагу, будто в восторге от битвы, озаренной присутствием их повелителя. Так пять дней и ночей среди рек крови и гор из мертвых голов кипела битва, погубительница героев.

А на пятый день, когда смерклось, пришел тайком к Мриганкадатте, сидевшему вместе с министрами, брахман Шрутадхи, и рассказал: «Пока вы здесь сражаетесь, я под видом монаха проник в Удджайини через ворота, оставленные почти без стражи, и слушай, божественный, поведаю я тебе, что мне, оставшемуся благодаря моему знанию невидимым, удалось разузнать». Только отправился раджа Кармасена на битву, как с позволения матери Шашанкавати вышла из дома и пошла в храм Гаури, чтобы молить богиню об успехе ее отца в бою, и, пока была там, вот что поведала по секрету одной верной своей подруге: «Ради меня, подружка, пошел отец на это сражение; и если одолеют его, то отдаст он меня в жены этому царевичу. Ведь ради интересов государства не считаются цари с любовью к детям. А я не знаю, достоин ли меня царевич, и не ведаю, безобразен он или красив. По мне же лучше умереть, чем любить урод. По мне пусть муж даже бедняк, только был бы он хорош собой, а если урод, так пусть хоть повелевает всей землей, не пойду я за него! Так ступай, подруженька, к войску, посмотри, каков он есть, и возвращайся! Благодаря мудрости твоей, счастливица, и имя дано тебе Чатурика — «сметливая». Как только Шашанкавати наказала так подруге, пошла Чатурика, и ловко пробралась в наш лагерь, и, увидав тебя, могущественный, вернулась, и

рассказала царевне так: «Что уж говорить, подруга милая, даже у великого змея Васуки не хватило бы языка, чтобы описать красоту царевича. Но скажу тебе, что как нет на земле равной тебе по красоте, так и ему нет на земле равного. Да что это я говорю! Что там на земле! Во всех трех мирах нет ни сиддха, ни гандхарвы, ни бога, равного ему!»

После того, что рассказала ей о тебе подруга, сердце Шашанкавати любовью, словно стрелами бога любви, оказалось пригвождено к тебе. С этого мгновения желает она успеха и тебе, и своему отцу, а от разлуки с тобой и от подвижничества стала таять. Ступай ночью тайком в храм Гаури, где никого сейчас не бывает, и унеси незаметно оттуда Шашанкавати, и помести ее во дворце Маябату. А затем за тобой и все эти цари, охраняя тыл от ярости врагов, пойдут вместе со мной. И пусть эта война, истребительница воинства, будет кончена так, чтобы и ты и твой тесть были целы и невредимы. Считают мудрые, что среди всяких средств политики война самое пагубное, за которое расплачиваются жизнями, и к этому пути прибегать нужно только в крайности».

Как Шрутадхи посоветовал, так Мриганкадатта и сделал — он и его министры вскочили на коней, и тайно под покровом ночи отправились в Удджайини, и проникли в город, в котором оставались только спящие женщины, дети да лишь немногие стражники, спавшие у ворот. По указанным Шрутадхи приметам нашел он святилище Гаури, стоявшее в просторном саду, называвшемся Пушпакаранда, и озаренное лучами месяца только что украсившего собой лик Востока. А там в это время среди спящих подруг, утомленных службой, сидела Шашанкавати, к которой сон не шел, и раздумывала: «Вот ради меня цари, и царские дети, и многие герои с обеих сторон день за днем друг друга убивают. А ведь царевич, из-за меня затеявший эту войну, когда-то предназначен мне в мужья самой Амбикой, явившейся мне во сне. И бог любви, непрерывным потоком стрел без промаха рассекающий мое сердце, отдал его царевичу. Почему же батюшка меня, несчастную, не отдаст Мриганкадатте? Из-за прежней вражды, из-за гордости или, как я сегодня слышала, из-за неудачного послания? Ежели судьба отвернулась от меня, то что толку в предсказании, богини, услышанном мною во сне?! Вижу я, что никак не достичь мне возлюбленного. Ах, почему не покончить с собой, пока не пришла мне с поля битвы какая-нибудь недобрая весть о нем или о батюшке!»

И тогда встала она и подошла, горемычная, к дереву ашока, росшему около изваяния Гаури, сделала из своей одежды петлю, — как раз в это время Мриганкадатта с друзьями въехал в сад. Привязали они коней к

деревьям и подошли к обители Гаури. И тогда, заметив поблизости царевну, Вималабуддхи прошептал Мриганкадатте: «Взгляни, божественный, здесь какая-то красивая девушка собирается удавиться. Кто бы это мог быть? При этих словах посмотрел царевич и воскликнул: «Ох, уж не Рати ли это? Уж не Счастье ли это в облике красавицы? Или это Канти, супруга Месяца, воплощенное прелестное лунное сияние? Или само веление Камы, гуляющее по земле? Или дева небесная? Но вряд ли — зачем вешаться деве небесной? Постоим пока здесь, может, как-нибудь узнаем, кто она такая?»

Пока стоит он с друзьями, не замеченный ею, горестная Шашанкавати взмолилась богине: «Если не суждено мне в этом рождении, чтобы стал Мриганкадатта моим супругом из-за грехов, совершенных мной в прежних рождениях, то, благостная Гаури, облегчающая страдания несчастных, пусть по милости твоей будет он мне мужем в следующем!» Произнесши такое моление, склонилась царевна перед Гаури и, заливаясь слезами, стала надевать петлю на шею. Но как раз в это время пробудились ее подруги и, не видя ее, встревожились, а заметив ее наконец, кинулись к ней, восклицая: «Ох! Ах! Да что это ты затеяла? Фу! Не стыдно ли тебе за свою опрометчивость?» — сняли с ее шеи петлю. Стоит Шашанкавати, в горе поверженная, и пристыженная, как вдруг раздается божественный голос из святилища Гаури: «Не кручинься, доченька Шашанкавати! Не ложно слово мое, счастливица, слышанное тобою во сне. Вот стоит здесь супруг твой в прежнем рождении — Мриганкадатта. Ступай с ним, и будешь ты вместе с ним наслаждаться всем миром!» Услыхала Шашанкавати эту неожиданную речь, и стала она смущенно осматриваться вокруг. Подошел тут к ней министр Мриганкадатты — Викрамакесарин и, показал рукой на царевича, сказал: «Правду Бхавани тебе сказала, божественная! Вот тот царевич, супруг твой, стоит перед тобой, приведенный к тебе любовью». И когда дошло это до ее ушей, боязливо и кокетливо взглянула она на блистательного возлюбленного, стоявшего среди своих спутников, словно Месяц в окружении созвездий, сошедший с неба светоч красоты, проливающий нектар на глаза смотрящих на него. И тогда она, на теле которой поднялись от восторга волосы, так что казалось, будто торчат это оперенные концы стрел Камы, осыпавших ее, стала недвижимой, словно колонна. Подошел к ней Мриганкадатта и, чтобы помочь ей избавиться от стыда, произнес голосом, напоенным медом любви, такие приличествующие слова: «Заставила ты меня покинуть свою страну, царство и родных — издалека, прекрасная, пришел я к тебе, как раб, опутанный цепями твоих добродетелей, а ныне достался мне такой плод

моих скитаний в лесу, сна на земле, питания лесными кореньями, нестерпимых ожогов от солнечных лучей и прочих мучений и тягот подвижничества, что в очи мои льется сладость, исходящая от твоей. И если ты любишь меня, газелеокая, то доставь такую же радость глазам жительниц нашего города. Пусть кончится война! Да будет благо воителям обеих сторон! Да будет мое рождение служить благодатной цели и да будет на мне отеческое благословение!»

Лишь только молвил так Мриганкадатта, как тихо проговорила ему в ответ Шашанкавати, опустив очи долу: «Куплена я ценой твоих добродетелей и теперь твоя служанка, так что, благородный, поступай, как сочтешь нужным». Орошенный сладостной и освежающей амритой таких слов Мриганкадатта вознес хвалу богине Гаури и поклонился ей, а затем посадил царевну на коня за собой, а его десять друзей сделали то же самое с ее десятью подругами, и с мечом в руке отправился царевич под покровом ночи обратно вместе с десятью своими друзьями, у каждого из которых был наготове меч. Хотя и заметили тех городские стражники, но остановить не посмели — ибо были подобны они разгневанному рудрам^[237]. Покинув пределы Удджайини, устремились они ко двору Маябату, где, как советовал Шрутадхи, следовало поместить Шашанкавати.

Пока перепуганные стражники гадали, кто это да куда они поехали, постепенно по городу Удджайини разнеслась весть, что царевна похищена. Поспешила великая царица послать смотрителя города уведомить о случившемся царя Кармасену. А тем временем в лагерь к Кармасене явился ночью начальник соглядатаев и доложил: «Тайно покинув свое войско, Мриганкадатта с министрами верхом на конях отправились в Удджайини, чтобы похитить Шашанкавати, находившуюся в храме Гаури. Точно я все разузнал, а государю лучше меня ведомо, что дальше делать!» Выслушав его, позвал царь Кармасена военачальника и, сообщив по секрету все, что слышал, повелел ему: «Тотчас же ступай в Удджайини, взяв с собой пятьсот лучших воинов на конях, и убей Мриганкадату или захвати этого грешника в плен и знай, что я вскоре прибуду сам, оставя здесь войско». Как повелел царь, так и сделал военачальник и, сказав: «Так тому и быть!» — поспешил в ночной тьме к Удджайини, сопровождаемый теми воинами. По дороге встретил он смотрителя города и узнал от него, что похищена царевна какими-то смельчаками и увезена неизвестно куда. Вместе с ним вернулся военачальник и доложил Кармасене о случившемся. Задумался царь и, посчитав это невозможным, спокойно провел ночь, не предпринимая нападения, а Мриганкадатта со всем своим войском и

царями во главе с Маябату по совету Шрутадхи провел эту ночь, будучи готов отразить нападение.

А поутру, выяснив, что и как случилось, мудрый царь Кармасена отправил к царям в лагере Мриганкадатты посла, велев ему сказать так: «Обманом похитил Мриганкадатта мою дочь. Пусть так и будет — кто иной, кроме него, достоин быть мужем моей дочери? Но пусть он теперь вместе с вами приедет в мой дом, чтобы мог я, как положено, устроить свадьбу дочери». Так вот царь повелел послу своему передать, и, когда цари вместе с Шрутадхи это выслушали, согласились они с Кармасеной и сказали послу: «Пусть твой повелитель возвращается в свою крепость, а мы доставим туда царевича». Тот же, вернувшись, все точно пересказал Кармасене, и царь вместе со всем войском вернулся в Удджайини, и, убедившись в этом, цари во главе с Маябату и вместе с Шрутадхи отправились к Мриганкадатте.

Тем временем царевич вместе с Шашанкавати и своими друзьями достигли дворца Маябату, стоявшего в городе Канчанапуре, и там встретили их жены Маябату, как дорогих гостей, и Мриганкадатта, достигший цели, отдохнул вместе с возлюбленной и друзьями,

На другой день прибыл туда Шрутадхи с царями — доблестным предводителем киратов Шактиракшитой и его войском, могучим вождем шабаров царем Маябату, повелителем полчища матангов героем Дургапишачей, и когда они увидели Мриганкадатту и Шашанкавати, неразлучных, как ночь с белым лотосом, возрадовались, и устроили праздник и, после того как воздали ему должное, сообщили о послании Кармасены и о том, что вернулся тот к себе во дворец.

Устроив свой лагерь, подобный движущемуся городу, сел Мриганкадатта со всеми и стал советоваться. «Следует ли мне идти на свадьбу в Удджайини или нет?» — спросил он царей и министров, и они ответили ему на это: «Злопамятен этот царь, и с чего бы быть добру от посещения его дворца? Да и нет никакой нужды — ведь его дочь у нас!» И когда так единодушно они порешили, спросил царевич брахмана Шрутадхи: «Почему молчишь ты, брахман, словно опечален чем-то? Скажи нам, согласен ты с этим или нет?» И ответил ему Шрутадхи: «Если будешь ты слушать, то вот что я тебе скажу — думаю я, что нужно отправиться тебе в палаты Кармасены. Нет в его послании злого умысла — иначе почему бы он, могучий, у которого похищена дочь, покинул поле битвы и ушел восвояси? Что сделает он тебе, если ты с войском своим поженешься к нему? Только подружиться с тобой он может и будет твоим союзником. Не хочет он, чтобы свадьба твоя с его дочерью не по закону

была устроена. Так что сказал он правду, и следует тебе пойти к нему!»

И когда Шрутадхи кончил свои слова, все одобрили его мудрую речь и говорили: «Верно! Верно!» Заговорил тогда царевич: «Что ж, пусть так! Но не пристало мне устраивать свадьбу без моих отца и матери. Пусть кто-нибудь отсюда отправится позвать их, и, когда узнаю я о их согласии, тогда сделаю все то, что следует сделать». Сказав это, подумал он и направил послом к родителям своего министра доблестного Бхимапаракраму.

Пока все это происходило, там, в городе Айодхье, его царственный отец Амарадатта со временем узнал от людей, что то дело, из-за которого изгнал он царевича Мриганкадатту из страны, было клеветническим наветом Винитамати. В гневе казнил он злокозненного министра со всей его родней и, сильно загоревав оттого, что несправедливо изгнал сына, оставил столицу, уединился вместе с женами в святилище Хари, называемом Нандиграма, и стал совершать великие подвиги. Он уже долго там находился, когда донесли ему соглядатаи, что в Айодхью примчался верхом Бхимапаракрама. Увидел герой город Айодхью повергнутым в горе изгнанием царевича, словно снова переживал он потрясение, случившееся в ту пору, когда был изгнан Рама. Расспрашивали горожане Бхимапаракраму о том, что случилось с царевичем, а из уст их услышал о том, что происходило в городе. И тогда отправился министр в Нандиграму. Увидел он там царя, тело которого истощено было непрерывными подвигами, и его цариц, — всех истосковавшихся по вестям о сыне. Подошел к нему Бхимапаракрама и пал в ноги, и, когда царь поднял его и обнял, и стал расспрашивать, заливаясь слезами, сказал ему министр: «Добыл сын твой Мриганкадатта благодаря своей доблести, божественный, дочь царя Кармасены Шашанкавати. Но, преданный родителям, считает он, повелитель, недостойным праздновать свадьбу без тебя и твоей божественной супруги. Потому послал он меня сюда, и вот я здесь перед тобой. Склонив голову к земле, велел передать твой сын, что ожидает он вас, а сам находится в Канчанапуре, во дворце повелителя шабаров Маябату. Послушай теперь о том, что с ним было». Произнеся это, поведал Бхимапаракрама обо всем случившемся с его повелителем, начиная с жизни в лесу и горести разлуки и кончая битвой с царем Кармасеной, закончившейся примирением.

Услышав, что все с сыном благополучно, и преисполнившись решимости поскорей увидеть сына, пожелал царь Амарадатта немедля отправляться ему навстречу. Сел он с царицей на слона и с царями, ему подвластными, и с министрами, и с войском из слонов и всадников

отправился в путь. Немного прошло дней, и ничто ему в пути не препятствовало — вскоре достиг царь лагеря сына в стране правителя шабаров. Узнав об этом, поспешил ему навстречу заждавшийся Мриганкадатта со всеми царями и друзьями. Только завидя отца, соскочил Мриганкадатта с коня и припал к стопам отца и матери, сошедших со слона. И вот уже обнял его отец: наполнило тело — руки, любовь — сердце, слезы — глаза. Обняла его и мать, долго тосковавшая в разлуке с ним и теперь снова и снова вглядывавшаяся в лицо сына — никак не могла она отпустить его от себя, словно страшась новой разлуки.

Склонились перед Амарадаттой и его супругой все цари, друзья Мриганкадатты, имена которых он назвал отцу, а супруги с любовью приветствовали друзей своего единственного сына, не оставивших его в беде. Когда же вступил Амарадатта в столицу царя Маябату, увидел он и невестку свою, склонившуюся к его стопам. Приняв дары, царь с женой и невесткой вернулся к себе в лагерь, и там совершил трапезу вместе с сыном и со всеми царями, и счастливо провел тот день, наслаждаясь пением и танцами, — считал он, что достиг цели жизни благодаря тому, что сын его Мриганкадатта, будущий верховный повелитель царей, обрел такую славу.

В это время мудрый царь Кармасена посовещался со своим министром и отправил к Мриганкадатте посла, вот что поручив передать царевичу: «Раз, почтенный, не прибудешь ты в Удджайини, то посылаю я к тебе сына моего Сушену — он, как положено, отдаст тебе в жены свою сестру Шашанкавати, так что будет свадьба совершена без нарушения обычая, о безупречный, если считаешь ты нашу дружбу». Так было написано в послании, и так было велено послу передать царевичу на словах. И когда Мриганкадатта в отцовском шатре выслушал это послание, его отец сам дал ответ послу: «Кто еще, кроме царя Кармасены, может произнести такие прекрасные слова? Любит он нас и уважает и потому пусть присылает своего сына Сушену, а мы все сделаем, чтобы свадьба была, как положено». С этими словами, с таким ответным посланием отправил царь посла, как следует почтив его, а сам обратился к сыну и Шрутадхи, а также и ко всем царям: «Отправитесь вы теперь в Айодхью — там достойнее будет отпраздновать свадьбу и принять Сушену! Пусть царь Маябату дождется здесь Сушену, а когда тот придет, пусть тоже поспешает с ним в Айодхью! Мы же направимся туда пораньше, так как нужно как следует подготовиться к свадьбе». И все согласились с тем, что сказал царь.

На другой день все, добившиеся успеха, — великий царь Амарадатта вместе с царицей, Мриганкадаттой, Шашанкавати, царями, министрами и

воинством, — оставив Маябату дожидаться Сушену, отправились в путь. И движение войска было подобно движению могучего и грозного океана, где сотнями волн вздымались бесчисленные ряды скакавших всадников, а несметные полчища пеших воинов двигались бесчисленными рядами, заполняя все страны света; и из-за гула идущего войска неслышными были какие-либо иные звуки. Тучи пыли были подняты войском, и Земля спутала день с ночью, а из-за того, что покрыта она была подобными грозным тучам, яростно ревущими слонами, стала она сама похожей на небо. Так продвигаясь путем-дорогой, отец с сыном достигли дворца повелителя киратов Шактиракшиты. Остановились они там на один день отдохнуть, а Шактиракшита и отца, и сына, и всю их свиту, и всех их слуг одарил богатыми дарами — драгоценными камнями, золотом и одеждой — и угостил их. А затем они снова двинулись в путь и со временем достигли города Айодхьи. Вступили они в него словно в озеро, по которому точно от ветра ходили волны от развевающихся знамен и над которым летали красные гуси. Дворцы же, крыши которых были усеяны непередаваемой красоты горожанками, казалось, качались, будто расцветшие на нем лотосы, и глаза горожанок, жаждущих узреть царевича, возвращавшегося после долгого отсутствия, да еще с невестой, трепетали, будто белые лилии под порывами ветра. Приветствовали возвращающихся горожане, благословляли их обоих брахманы, воздавали им хвалу поэты, и пели славу странствующие певцы.

«Если б видели Океан и Химават дочь Кармасены, то перестал бы Океан гордиться своей дочерью Лакшми, а Химават — своей Гаури» — так восклицали люди, потрясенные совершенной красотой и прелестью Шашанкавати. И тогда рокошующие звуки благовестных карнаев^[238] огласили все страны света, словно оповещая царей о начале праздника, и город, охваченный восторгом, точно плясал, окутанный облаками шафрана, словно выражая его цветом силу своего чувства^[239].

На другой день после того, как звездочеты определили благоприятный для свадьбы день, царь Амарадатта приготовил все нужное для нее и наполнил город всяческими драгоценностями, добытыми из разных стран, и стала Айодхья подобна Алаке, столице бога богатств Куберы. А вскоре радостно возвестил страж, стоявший у входа, о прибытии гонца от Маябату, и гонец тот сообщил Амарадатте: «Божественный, царевич Сушена и царь Маябату уже достигли пределов Айодхьи!» Услыхав такую весть, тотчас же послал Амарадатта своего полководца с войском навстречу царевичу Сушене, а вместе с ним поехал из Айодхьи и царевич

Мриганкадатта, полный искренне дружеских чувств. Еще издали заметив друг друга, Сушена и Мриганкадатта спешили, бросились навстречу друг другу, и крепко обнялись, и осведомились друг у друга о здоровье, и, из любви друг к другу, встали они на одну колесницу и въехали в город, доставляя великий праздник очам горожанок.

Повидался Сушена с царем и был им весьма почтен, а потом пошел в покои к Шашанкавати, а она кинулась к нему и вся в слезах обняла брата, а потом они сели, и Сушена сказал сестре, мучимой стыдом: «Передаст тебе батюшка — ничего, мол, недостойного ты, доченька, не сделала. Стало мне теперь ведомо, что был царевич Мриганкадатта предречен тебе самой Амбикой в мужья, а высший долг для жен — следовать своему мужу». И когда он сказал это, задумалась она, а потом молвила, потупясь, своему брату: «Вот и исполнилось предназначенное!» — и отбросила стыд. Тогда Сушена отвел ее к царю и в его присутствии передал Шашанкавати ее личные богатства — две тысячи нош золота да пять верблюдов, тяжело груженных драгоценными камнями и украшениями да золотой утварью, и сказал при этом: «Это то, что твое, а уж то, что батюшкой послано, то я в подходящее время возложу на свадебный алтарь». И после всего этого они совершили трапезу вместе с царем, и Мриганкадатта и все прочие радостно провели тот день.

А следующий день был как раз днем, предсказанным звездочетами. И когда занялся тот день, взволнованный Мриганкадатта совершил омовение и все прочее, что ему полагалось. Женщины же нарядили Шашанкавати только потому, что таков обычай, поскольку сама красота служила ей достаточным украшением. Затем вышли жених и невеста из покоев, где их убрали и нарядили, и, предводительствуемые Сушеной, вошли на алтарь, где уже горел огонь для жертвы. Взял царевич руку царевны, украшенную лотосом, который она держала, как Ачьюта некогда взял руку Лакшми^[240], и, когда обходили они огонь, то ли от зноя, то ли от дыма, хотя и не было никаких причин для огорчения, увлажнилось лицо Шашанкавати слезами. Были брошены в огонь пригоршни обжаренных зерен с пожеланием счастья, и были они подобны улыбкам бога любви, радующегося успеху своих усилий. Как только первая пригоршня была брошена в огонь, Сушена отдал пять тысяч коней и сто слонов, двести нош золота и девяносто слоних, несущих на себе вьюки с украшениями, жемчугами, драгоценными камнями и нарядными одеждами. Со всякой следующей пригоршней брат невесты давал больше этого богатств, добытых завоеванием земли.

Когда же умолкли трубы радостного празднества, Мриганкадатта,

счастливый тем, что свершилась свадьба, вошел с Шашанкавати в свой дворец, а отец его наградил, как полагалось по чину, слонами, конями, драгоценностями, украшениями, едой и питьем всех — от собравшихся у него царей, своего народа и горожан вплоть до попугаев и скворцов, живших во дворце. И до того простерлась его щедрость, что даже деревья, на ветви которых были привязаны одежды и повешены украшения, стали похожи на «пожелай-дерево», по ошибке выросшее на земле.

После этого раджа Амарадатта с Мриганкадаттой и Шашанкавати, с царевичем Сушеной и с другими царями поели и провели остаток дня, наслаждаясь питьем и беседой, и, после того как все, насладившись представлениями, состоящими из танцев и музыки, отменно напившиеся и наевшиеся, разошлись по своим домам, Солнце, завершившее дневной путь и упившееся соком земли, удалилось в пещеру горы Заката, и Слава дня, заметив, что Солнце куда-то исчезло, словно воспылав новой страстью, с Сандхьей, девой сумерек, поспешила вслед за ним, словно распаленная ревностью, в колышущемся опояске из птиц. А затем, видя все это, явилась игривая Ночь в развевающемся наряде из тьмы, и лицо ее было полно любви, а мерцающие очи подобны звездам. Склон же горы Восхода посветлел, словно припорошенный свежим шафраном, и месяц, родной брат уголка глаза разгневанной красавицы, обратил своей серп в анк, занесенный над головой слона, и тот, подобный юному побегу лианы страсти, рассеял тьму и заставил лицо Востока улыбнуться.

Совершив все вечерние обряды, вошел ночью Мриганкадатта с обвенчанной Шашанкавати в опочивальню, украшенную драгоценным ложем, и сияние луноподобного лица его возлюбленной рассеяло ночной мрак и озарило украшенные картинами стены — и ненужным стало сияние драгоценных светильников. Опустился он с ней на ложе, и обнял возлюбленную, и в объятиях поцелуями и покусыванием ее нижней губки постепенно усыпил ее стыдливость. И меж тем как она только и могла прошептать: «Не надо, не надо!» — был снят драгоценный пояс с ее бедер. И царевич вкусил давно ожидавшееся им блаженство, истинное заклятие юной страсти, и насладился луноподобным лицом ее с полузакрытыми очами и разметававшимися локонами, а под конец тело ее, утомленное любовными ласками, расслабилось, и на нем почти не осталось следов умщений. И той любовной игрой словно была истреблена ночь, любовь же их возросла, умноженная желанием, порожденным блистательным праздником страсти...

Проснись, о юноша!

Ведь миновала ночь,
И дуновенье утреннего ветра колышет
Возлюбленной твоей разметанные кудри.
Проснись, проснись и отряхни истому страсти!
Взгляни, сверкают дивным блеском
Рожденные Утренней росой жемчуга,
Просыпанные из ожерелья Ночью,
Когда она за Месяцем спешила
И впопыхах рванула ожерелье.
Смотри! Иссиня-черная пчела,
Упившись белых лотосов медвяным соком,
Пока под лаской лунного сиянья
Они открыты были, — теперь спешит от них —
Они уже закрылись, и их померкла красота! —
Так черная душа, ограбив дом,
Спешит к другому поживиться.
Открой же очи — сам Бог любви,
Заметив, что Светоч дня свой палец положил
На губы Ночи, спешит с ее чела
Сорвать серп Месяца... И тьма
Растаяла бесследно...

Такими сладостными песнями, распеваящимися придворным певцом на заре, пробужденный, Мриганкадатта отпустил из объятий своих Шашанкавати и, стряхнув сон, которому он предался, усталый после всех любовных наслаждений, покинул ложе. Поднялся он и выполнил все дневные дела, для которых отец его сам сделал все приготовления. Так провел царевич многие дни в радостных празднествах со своей возлюбленной. Затем царь Амарадатта, его родитель, повязал царевичу Сушене почетный тюрбан^[241], и помазал его на царство в подаренном ему достойном его уделе, и, одарив слонами, конями, ношами золота и одеждой, дал ему еще вдобавок сто прекрасных женщин. Правителю же шабаров Маябату, царю киратов Шактиракшите с их родичами и женами, повелителю полчищ матангов — царю Дургалишаче и министрам Мриганкадаты, а также брахману Шрутадхи оказал честь и наделил их уделами, коровами, конями, золотом и одеждой. А потом отпустил он всех царей во главе с царем киратов и Сушену в их страны и счастливо правил, довольный геройством сына, царством. Мриганкадатта же, одолев

недругов и обрета долгожданную Шашанкавати, счастливо жил вместе со своими министрами — Бхимапаракрамой и прочими. Шло время, и однажды, подкравшись, припала к уху царя Амарадатты его Старость, словно обратившись во плоть, и прошептала: «Насладился ты счастьем, преклонны года твои, настало время уйти от дел». Тогда отвратил он дух свой от наслаждений и сказал министрам: «Соблаговолите выслушать то, что я сообщу вам и что должно быть выполнено, ибо лежит это у меня на сердце. Подходит век мой к концу, и седина, вестник кончины, уже прокралась в мои волосы. Когда старость приходит и притупляется вкус к радостям жизни, людям, мне подобным, недостойно предаваться наслаждениям. Если с преклонными годами увеличивается, растет и жадность и старость, это — признак низких людей! И не должны добродетельные этому подражать! Есть у меня сын, прославившийся по всей земле победой над царем Аванти и союзными ему царями, исполненный добродетелей, Мриганкадатта, любимый народом и наделенный добрыми друзьями. Ему передам я царство, а сам уйду на святые места и стану подвижником. Всегда достойно жить соответственно возрасту — даже враги не осудят за это».

Такую хорошо обдуманную речь повелителя земли внимательно слушали рассудительные министры, и со временем все с этим, начиная от царицы и кончая горожанами, согласились. Тогда царь вместе с мудрейшими из брахманов в благоприятный день, определенный звездочетами, совершил церемонию помазания на царство сына своего Мриганкадатты. И был в этот же день царский дворец полон людей, снующих туда и сюда по повелению устроителя церемоний, и были все чины во дворце заняты, и гудел сам дворец, словно в радости, от плясок лучших танцовщиц и песнопений странствующих поэтов. Когда пролилась на головы Мриганкадатты и его жены вода из святых мест, излились на них потоки радости из очей отца и матери, а когда вступил он, мощью подобный льву, на львиный трон, все недруги его, казалось, жалко пресмыкались перед ним, опасаясь возбудить его гнев.

Семь дней продолжался этот великий праздник, во время которого был нарядно украшен царский путь, а цари, собравшиеся на праздник, были вознаграждены в соответствии с достоинством каждого. На восьмой же день вместе с супругой покинул Амарадатта город и, заставив вернуться обливающихся слезами Мриганкадатту и горожан, провожавших его, в Айодхью, отправился с министром в священный город Варанаси. Там он, омывающийся в водах Ганги трижды в день, вместе с супругой совершал приношение Погубителю Трипуры, питался плодами и

кореньями и совершал тяжелые подвиги.

Мриганкадатта же взошел на трон, как блистательное Солнце восходит на бескрайнее и чистое небо, и, подобно тому как лучами своими оно охватывает все горы, он, обложив всех царей данью, стал сверкать нарастающей мощью. Вместе с Маябату, и с другими союзными с ним царями, и с царем Кармасеной, и со всеми своими министрами, и с брахманом Шрутадхи, пройдя по всей земле, собрал он под один зонт все четыре страны света и правил ими^[242]. И при нем там только в сказаниях о прежних временах существовали такие беды, как опасение вторжения, нападение разбойников или нищета, — наслаждалась земля счастьем и радовалась, словно вновь наступили благодетельные времена справедливого правления добродетельного Рамы. Долго верховный повелитель Мриганкадатта, утвердившийся со своими министрами в Айодхье, куда со всех сторон стекались цари, жаждущие почтить прикосновением лотосы его стоп, наслаждался вместе со своей женой счастьем, не омраченным врагами».

Такую повесть поведал мудрый Пишангаджата в лесу на горах Малая царевичу Нараваханадатте, тоскующему в разлуке, и молвил: «Так же вот, как Мриганкадатта, претерпев множество злоключений, обрел Шашанкавати, так и ты, сынок, добудешь свою Маданаманчуку».

Когда выслушал царевич Нараваханадатта эту сладостную речь из уст величайшего из мудрецов Пишангаджаты, в сердце его вселилась уверенность, что обретет он Маданаманчуку. Всеми помыслами сосредоточившись на ней, попрощался он с лучшим из мудрецов и стал бродить по горам Малая в надежде найти приведшую его в эти края и потерянную Лалиталочану.



Книга о Мадиравати



Те, кто без промедления вкусят сладость Океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

Волна первая

И да пошлет вам благо Сокрушитель препятствий, с которым в сумерках между югами пританцовывает, то вздымаясь, то опускаясь, вселенная! Да будет ниспослано вам счастье благосклонным взором третьего ока Шивы, измазанного лаком прикоснувшейся к нему ступни Гаури!

Мы поклоняемся Сарасвати^[243] воплощению речи, доставляющей радость ценителю, пчеле, устроившей свое жилище в лотосе духа величайшего поэта!

Истомленный разлукой, все еще не нашедший Маданаманчуку, сын царя ватсов Нараваханадатта скитался у подножий гор Малайских и в раскинувшихся по склонам их лесам, прекрасным весной, но нигде не мог он найти свою Рати. И казалось ему, что нежный побег манго, усеянный пчелами, — это тетива лука Камы, и чувствовал он, будто стрела, спущенная с той тетивы, разила его сердце. И невыносимо было уху царевича слышать сладостный призыв кояла, похожий на укоры бога любви. И даже прохладный, желтоватый от цветочной пыльцы ветерок с вершин гор Малайских, когда прикасался к телу царевича, казалось, обращался в пламя страсти. И покинул в конце концов истомленный разлукой Нараваханадатта чащи, наполненные оглушающим гулом пчелиных роев.

Шел он и шел, охраняемый богами, устремляясь к Ганге, и дошел до озера на опушке леса, на берегу которого под деревом сидели два красивых юных брахмана, погруженных в беседу, а те, заметя его, похожего на Мадану, поклонились и так к нему обратились: «Слава тебе, владыка! Скажи, о цветолукий бог, как случилось, что бродишь ты здесь, лишенный своего лука, сделанного из цветов? И где же твоя спутница Рати?» А им на это ответил сын повелителя ватсов: «Нет, не Кама я, а просто человек! Но, истинно, пропала моя Рати!» И после этого он им рассказал все, что с ним случилось, и сам, в свою очередь, спросил их: «А кто вы и о чем ведете здесь беседу?» Тогда один из них смиренно ответил: «Как можем мы, достойный, перед подобными тебе раскрыть нашу недостойную тайну? Но все же расскажу я тебе о ней, ничего не тая, из уважения к твоей просьбе, а ты сообрази выслушать.

Есть в краю калингов город, названный Шобхавати. Никогда не проникал туда Кали, не знали там злодеев, и жители не испытывали

чужеземных вторжений — уж так он был создан творцом. Жил в нем брахман Яшаскара, мудрейший из мудрых, совершивший множество жертв, а у него была добродетельная супруга по имени Мекхала. Когда уже были они в годах, родился у них единственный сын — это был я. Когда же достиг я положенных лет, надели на меня брахманский шнур, и стал я учиться, а пока учился, случилось так, что в той стране не пришли вовремя дожди — поразила землю жестокая засуха, и наступил голод. По этой причине батюшка и матушка, забрав меня, все свое имущество и всех слуг, переселились в город Вишалу, ставший обиталищем счастья и мудрости благодаря тому, что Лакшми и Сарасвати, перестав ссориться, поселились в нем обе. Дал нам приют купец, друг отца, и стали мы там жить.

Определили меня для обучения наукам к наставнику, и стал я у него жить вместе с другими учениками, моими ровесниками. Подружился я с одним из них, добродетельным сыном кшатрия, по имени Виджаясена — был он из высокого кшатрийского рода. Однажды в дом нашего наставника пришла вместе с моим другом его сестра по имени Мадиравати, и понял я тогда, что творец создал луну, доставляющую радость людским очам, лишь после того, как сотворил ее лицо, а бог любви, я думаю, увидав ее стан, посчитал его шестым оружием покорения вселенной, более сильным, чем его пять стрел.

Увидав ее, и услышав от друга ее имя, и узнав о ее семье, я немедленно оказался во власти бога любви, и вся душа моя устремилась к ней. Она же украдкой поглядывала на меня, робко и ласково, и пушок, поднявшийся на ее щеках, говорил о зародившейся любви. Долго оставалась она там под предлогом игры, а затем поспешила домой, бросив на меня искоса взгляд, истинный вестник любви. Я же, мучимый разлукой с ней, ушел домой и, кинувшись на пол, стал биться, словно рыба, выброшенная на берег: «Увижу ли я когда-нибудь ее милый лик, хранилище совершенства, прелести и красоты? Счастливы подруги ее, на которых с улыбкой смотрит она и с которыми непринужденно болтает своими прелестными устами». В таких и подобных им мыслях с трудом провел я остаток дня и ночь, а на следующий день снова пришел в дом наставника. Подошел ко мне дорогой друг Виджаясена и по секрету, радостный, вот что мне сообщил: «Услышав от моей сестры Мадиравати о тебе, как о моем друге, матушка моя захотела тебя повидать, ибо ты ей понравился. Так пойдем ко мне домой, и если ты ко мне благосклонен — да будет наш дом украшен пылью от твоих лотосоподобных ног!» Такая речь друга освежила меня, словно нежданный проливной дождь — путника, бредущего через песчаную пустыню. Согласился я. Пошли мы к нему домой, и увидел я его матушку, и был

принят ею, как гость, и был счастлив тем, что смог повидать возлюбленную.

Потом Виджаясену позвал отец, и он ушел от меня, а ко мне подошла сводная сестра Мадиравати и, поклонившись, заговорила: «Взращена у нас в саду, царевич, царевной нашей Мадиравати лиана малати, и покрылась она вся только что раскрывшимися цветами, радостное сияние которых, нежность и свежесть возвещают приход Мадху. Хотя и трудно было собирать цветы из-за вившихся над ними пчел, но царевна наша сама их собрала и сделала из них, словно из жемчугов, гирлянду — посылает она ее тебе как новый подарок дорогому другу!» И при этих словах дала мне лукавая девушка гирлянду, а вместе с ней листья бетеля^[244], камфору и пять плодов. Надел я на себя гирлянду, сделанную собственными руками моей любимой, и испытал счастье большее, чем от множества сладостных ее объятий, а затем, положив в рот бетель, обратился к подруге моей возлюбленной с такими словами: «Что говорить мне о том, милая, сколь велика в сердце моем любовь? Если смогу я жизнь свою отдать ради твоей подруги, значит, не напрасно я родился — она повелительница моей жизни!» И при этих словах отпустил я ее, а сам с вернувшимся в это время Виджаясеной отправился в дом наставника. А на другой день Виджаясена вместе с Мадиравати, к радости моих родителей, пришел к нам в дом. Стала день ото дня расти от таких взаимных посещений скрываемая нами страсть.

Однажды старая женщина, прислуживавшая Мадиравати, сказала мне по секрету: «Послушай, высокодостойный, что я тебе скажу, и запомни это. С того самого времени, как милая моя Мадиравати увидела тебя в доме наставника, грустит она, и в рот ничего не берет, и собой не занимается, и чахнет — не радуют ее ни музыка, ни забавы с попугаями и другими птицами. Не приносят ей облегчения ни овеивание листьями кадали, ни умащение маслом сандаловым. Даже лунные ночи, прохладные, как зимний снег, опаляют ее, и день ото дня она становится все тоньше и тоньше, словно серп луны в темную половину месяца, и только беседа с тобой может успокоить ее. Об этом рассказала мне дочь моя, знающая обо всех делах и следующая за Мадиравати как тень, не оставляя ее даже на мгновение. А однажды довелось мне самой по секрету поговорить с Мадиравати, и она сама мне сказала, что душа ее к тебе привязана. Так что теперь, любезный, поступи так, чтоб желание ее поскорее исполнилось, если хочешь, доблестный, чтобы она осталась живой». И я, обрадованный ее словами, словно орошенный амритой, промолвил: «От тебя это зависит, а я — в твоей власти». И она обрадовалась, слыша это, и ушла, как пришла,

а я, возложив на нее все свои надежды, вернулся, довольный, домой.

На следующий день пришел из Удджайини к отцу Мадиравати сын знатного кшатрия просить ее себе в жены, и согласился тот отдать ему ее. Я же узнал эту страшную для меня весть от его слуг, и поразила она меня — словно ударом ваджры сброшен был я с небес. Надолго нашло на меня помрачение, и стал я словно одержимый бесом. Когда же пришел я в себя, подумал: «Что за смысл сокрушаться? Посмотрим, что делать, — ведь достигает желанного тот, кто не сокрушается». Надеясь на это, провел я несколько дней, и поддерживали меня вести о возлюбленной, которые доставляли мне ее подруги.

Но вот дала мне знать Мадиравати, что уже определен день, благоприятный для свадьбы. А потом и сам этот день уже наступил в суе и приготовлениях, и заперли ее в отцовском доме так, что никуда по своей воле выйти она уже не могла. И вот уже дружки и родня жениха под звуки труб и рогов вступили в дом.

При виде всего этого пришел я в отчаяние — увы, разбита жизнь моя! — и, решив, что лучше мне умереть, чем жить в разлуке с любимой, вышел из города, взобрался на баньян и, сделав петлю, собрался покончить и с собой, и с бесплодной мечтой о соединении с возлюбленной. Прыгнул я с дерева с петлей на шее и потерял сознание, а придя в себя, увидел, что лежу на руках у какого-то молодца, обрезавшего веревку. «Вот кто спас мне жизнь!» — подумал я и сказал ему: «Хоть и явил ты свое сострадание, великодостойный, но мне, страдающему от разлуки, смерть слаще жизни! Свет луны для меня — огонь палящий, яства — яд, цветущий сад — мрачная темница, цветы в венке — отравленные стрелы, сандаловые умащения — жгучие уголья, песни терзают слух мой. Что, скажи мне, друг, для таких, как я, убитых разлукой, злосчастных, осталось в этой изменчивой жизни!» И тут, когда он стал меня расспрашивать, поведал я подробно ему, другу, поспешившему на помощь в беде, о любви моей к Мадиравати.

А тот, добродетельный, упрекнул меня: «Что же ты, сама воплощенная мудрость, а растерялся! Сам отказываешься ты от плода, ради которого все совершается! Расскажу вот я тебе свою историю, а ты слушай.

Есть на земле страна, которую называют Нишадой, а покоится она на лоне Гималаев — единственное убежище справедливости, изгнанной из всех других стран демоном Кали, родина правды, жилище Критаюги. Никогда там не слышали люди о нужде и не гнались за накоплением сокровищ, а блаженство всегда вкушали со своими женами, а не в притонах. Я же — сын тамошнего брахмана, повсеместно прославленного

добродетелью. А из дома меня погнало любопытство — хотел я посмотреть, как люди живут в других странах. Скитаясь везде, встречаясь с разными наставниками, пришел я, друг, наконец в город Шанкхапуру, находящийся недалеко отсюда. Есть там большое озеро под названием Шанкхахрада, полное чистой воды, охраняемое царем нагов Шанкхапалой.

Поселился я в доме у наставника. Но вот однажды пошел я полюбоваться праздником церемониальных омовений на то озеро. Берега его были переполнены бесчисленным множеством людей, пришедших из разных стран, и было оно похоже на океан, взбудораженный пахтанием, начатым богами и асурами. Смотрел я на то великое озеро, и казалось, что от него становились еще прелестнее женщины, купавшиеся в нем, меж тем как оно само словно ласкало руками-волнами округлые перси и бедра женщин, у которых развязались вплетенные в волосы гирлянды цветов и распустились надетые на них венки. И, обнимая красавиц, озеро само становилось желтоватым от притираний и умщений. Пошел я на юг от него и там увидел рощу, покрытую цветами тапиччха^[245], точно дымом, вспыхивающими среди них, словно угли, цветами кимшуки^[246] и полыхающую пламенем расцветающей ашоки. И потому похожа была та роща на тело супруга Рати, воспламенившегося от молнии, извергнутой из глаза Хары. В роще увидел я девушку, собиравшую цветы у входа в беседку, образованную лианами атимуктаки, — игривый взгляд ее как бы грозил лотосу, заложенному за ухо, а взвивающиеся лианы-руки обнажали грудь, черные же волосы ее рассыпались по спине и казались тьмой, ищущей убежища в страхе перед лунным сиянием ее лица. Право же, создана она была рукой самого творца, набравшейся опыта после сотворения Рамбхи и других небесных дев, и лишь потому, что мигали ее глаза, можно было понять, что она из смертных.

И только лишь увидел я газелеокую, как пронзила она мое сердце, словно дротик Мары, властно подчиняющий себе все три мира. Да и она, заметив меня, тотчас же попала под власть Смары и, забыв о своем занятии, от любви совершенно обессилела. Вспышки рубина в середине ожерелья на ее вздымающейся груди были подобны пламени страсти, вырывавшемуся наружу из ее сердца. Каждый миг она оборачивалась ко мне и бросала взгляды, и, когда зрачки устремлялись в уголки глаз, очи ее становились еще прекрасней.

Так мы стояли и смотрели друг на друга, как вдруг раздались полные ужаса крики людей — разбегались они от слона, обезумевшего от донесшегося до него запаха диких собратьев. Порвал тот слон цепь,

сбросил корнака и с анком, болтающимся у него на ухе, мчался в нашу сторону. Заметив это, кинулся я к возлюбленной, служанки которой разбежались, схватил ее на руки и бросился в середину толпы. Но только пришла она в себя от страха и ее служанки вернулись, как привлеченный шумом толпы слон кинулся на нас и тут среди всеобщего смятения она исчезла, куда-то унесенная слугами, и меня отнесло людским потокам совсем в другую сторону.

Когда же утихло смятение, вызванное слоном, стал я разыскивать ту стройнотелую, но не мог найти — ведь не знал я ни имени ее, ни рода, ни где она живет, и, с опустошенной душой, блуждая, словно видьядхар, утративший знания, кое-как добрался я до жилища наставника. И был я тогда словно в тяжком забытии, и содрогался при мысли о том, что пропала моя любовь, и вспомнил, какое испытывал счастье, держа ее в объятиях. Время шло, и неотвязная Дума, словно из сострадания, свойственного добрым женщинам, убаюкала меня, открыв мне надежду на встречу с прекрасной. Но не было ничего слышно о ней, и я, с истерзанным сердцем, мучаясь душой, упал на ложе, и все более жестокой становилась моя боль. Вместе с мужеством моим иссяк и день. Зашло солнце, лотосы закрыли свои чаши, и ужас лег на мое лицо, и словно вместе с моими мечтами о любимой разлетелись неразлучные пары ратханг. Затем поднялся Месяц, лучший друг бога Любви, благовестное пятнышко на челе Востока, праздник для очей счастливых, повелитель ночи. Раскинул он свои напоенные живительной амритой лучи, а меня они обожгли, словно пламя, и сиянием своим, порождающим надежды, убил во мне всякую надежду на жизнь.

Тут один из моих соучеников, видя, что пришел я в отчаяние и тело мое в лунном сиянии, словно на костре жаждущее обрести смерть, обратился ко мне: «Почему это ты так несчастен? Не видно, чтобы ты был болен или ранен, а если одолеваем ты жаждой богатства или любви, то послушай, что я скажу тебе. Те богатства, которые от чрезмерной алчности добываются похищением чужого имущества или с помощью обмана, не прочны. Деревья, источающие яд богатства, коренятся в грехе, и рождают плоды грехов и под их тяжестью вскоре рушатся. На земле стремление к деньгам порождает лишь мучения, связанные с приобретением тех денег, а на том свете великую адскую муку до той поры, пока светят звезды и месяц. Любовь же если недостижима, то обращается в пагубу, а если незаконна, то становится предвестником адского огня. Предприимчивый и энергичный человек благодаря добрым делам в прежних рождениях, обладающий умом и трезвостью, достигает успеха и в богатстве, и в

любви, не то что трус, вроде тебя! Так что, любезный, укрепи мужество и ступай к успеху в желанном!»

Не помню уж, что я ответил на эти слова, но, скрыв свои надежды, провел ночь спокойно, а потом пришел сюда в надежде, что, может быть, живет она в этом городе. Пришел я сюда и увидел тебя с петлей на шее, а когда был ты вызволен из петли, узнал о твоей беде и поведал о своем горе. Вот так, друг, пытался я разыскать ту стройную, а ведь ни имени ее, ничего другого о ней не знаю. Но как же ты, как недостойный трус, бросил всякие, даже самые естественные для мужественного человека попытки добыть свою Мадиравати, хотя она и в пределах досягаемости? Или не слышал ты никогда сказания о том, как Рукмини, хоть и отдана была за повелителя чедиев, оказалась похищенной Хари?» [\[247\]](#).

Пока говорил все это мой друг, пришла туда предшествуемая музыкантами Мадиравати в сопровождении родни, чтобы принести в возвышавшемся в этом месте храме, посвященном — семи Матерям, жертву Каме. И сказал я другу: «Обычно накануне свадьбы приходят сюда девушки, чтобы восславить Каму. Потому-то я и сделал петлю на баньяне перед храмом — пусть, мол, придет она сюда и увидит меня, умершего ради нее». А мой друг сказал мне тут: «Давай-ка поспешим войти в храм, спрячемся за Матерями [\[248\]](#). Посмотрим, может быть, выпадет нам какой-нибудь удачный случай!»

Согласился я с другом, предлагавшим это, вошли мы с ним в храм и там притаились. После этого медленно подошла к входу в храм Мадиравати, сопровождаемая свадебными песнями и пожеланиями счастья. А затем вошла она в храм, попросив всех остаться снаружи, одна, чтобы попросить у Камы исполнения сердечного желания. Когда же все подруги и слуги оставили ее, вознесла она хвалу Каме, а после произнесла: «Зачем ты, о Живущий в сердце, не дал мне милого, который лежит у меня на сердце? Ведь знал ты об этом, а разлучил меня с ним! Зачем ты меня убил? Если не может быть он супругом моим в этом рождении, то смилуйся надо мной, супруг Рати, — пусть будет он мне мужем в другом рождении! Сжался надо мной и сделай так, чтобы хоть и в другом телесном облике, но чтобы был моим повелителем этот достойный сын брахмана!» И при этих словах, которые мы оба слышали, у нас на глазах девушка в смятении делает из сари петлю и надевает себе на шею, желая разлучиться с жизнью.

«Ступай, — сказал мне друг, — покажись ей и сними петлю с ее шеи». При этих словах друга бросился я к ней: «Не надо! Не торопись, любимая!

Вот тот перед тобой, о ком просишь ты ценой своей жизни! Вот перед тобой раб твой, любовь которого проявилась в минуты опасности». Произнося все это прерывающимся от счастья голосом, спешил я освободить красавицу от петли, и, пока она, уже видя меня, все еще находится где-то между радостью и ужасом, друг торопливо прошептал мне: «Уже спустились сумерки — давай выйду я отсюда в одежде Мадиравати и уйду с ее слугами, а ты, одев красавицу в мою одежду, уходи с ней через другую дверь и ступай с ней, пока ночь позволяет идти незамеченным, в другую страну. А обо мне не беспокойся — устроит судьба мое благополучие». С этими словами мой друг, обменявшись с Мадиравати одеждой, вышел из храма и ушел в темноте в окружении ее спутников, а я с Мадиравати, венцом бесценных драгоценностей, выскользнул через боковой ход. И за ночь прошли мы целую йоджану^[249], а утром перекусили и уже при свете дня добрались до города Ачалапуры, где некий добросердечный брахман, сжалившись над нами, приютил в своем доме и вскоре совершил над нами свадебный обряд, как и полагалось по обычаю.

Вот живу я там, счастливый тем, что осуществилось желанное мной. И тревожила меня только мысль о том, что же случилось с моим другом. И вот как раз сегодня, в день летнего солнцестояния, пришел я сюда, на Гангу, совершить омовение и увидел вдруг моего бескорыстного друга. Долго мы в изумлении обнимались, а когда стал я расспрашивать его, что с ним было, ты, божественный, подъехал. Узнай, сын повелителя ватсов, что стоящий со мной брахман и есть тот самый мой истинный друг, которому обязан я и жизнью самой, и обретением возлюбленной».

Закончил на этом свой правдивый рассказ один брахман, и спросил тогда Нараваханадатта другого: «Благодарен я, но Расскажи теперь ты, как сумел выпутаться из такого трудного положения. Трудно ведь найти такого, подобного тебе человека, чтобы не считался он ради друга со своей собственной жизнью».

Выслушав вопрос сына повелителя ватсов, другой брахман начал рассказывать свою историю:

«В то время, когда вышел я из храма в нарядах Мадиравати, приняли меня ее спутники за нее, окружили, усадили в паланкин и, охмелевшие от вина, плясок и музыки, унесли в пышно разукрашенный дом Сомадатты. А там уже было полным-полно всего и всякого: в одном конце сложены груды наилучших одежд, в другом — украшения, здесь уже кончили приготавливать праздничные яства, там сооружают свадебный алтарь, тут поют служанки, там собрались странствующие певцы, а еще где-то

толпились брахманы, ждавшие наступления благословенного момента. Слуги, захмелевшие от праздничного питья и принявшие меня, скрытого под свадебным покрывалом, за невесту, поместили меня на ночь в какой-то покой, и только присел я там, как был окружен множеством женщин, радостно хлопотавших по случаю устройства свадебного обряда.

В этот момент послышался у двери мелодичный перезвон ожерелий и браслетов, и вошла в покои какая-то девушка со своими служанками — словно у змейки, на голове у нее сверкал драгоценный камень^[250], было на ней белоснежное чоли^[251], точно волна океанская, украшенная жемчугами пены, а сама она, в жемчужном ожерелье, исполненная красоты и прелести, подобна была лесной богине, представшей передо мной в гирляндах из наилучших цветов, и руки ее казались гибкими лианами, пальцы — еле раскрывшимися бутонами. Подсела она ко мне, думая, что я — ее дорогая подруга, и я вдруг увидел, что ведь это же сама похитительница сердца моего явилась ко мне, та самая, которую я встретил, когда приходила она совершить омовение на озере Шанкххрада, та самая, которую спас я от слона, чтобы тут же потерять ее в толпе. «Что это? Наваждение какое-то, сон или явь?» — переполненный радостью, подумал я при виде своей возлюбленной.

В это мгновение подруги Мадиравати спросили ее: «Что с тобой, почитаемая? Ты, кажется, опечалена?» Тогда она, утаив свою надежду, ответила на это: «Разве неведомо вам, как дорога мне Мадиравати? Пройдет свадьба, и уйдет она в дом свекра. И уж тогда буду я с ней разлучена и не смогу бывать у нее. Разве не причина это для горести? Пожалуйста, оставьте меня с Мадиравати одну — поговорим мы с ней по душам!» Так она всех выпроводила, закрыла дверь на замок и, все еще принимая меня за свою подругу, подсела ко мне и вот что сказала: «Нет, Мадиравати, горя большего, чем твое горе — любишь ты одного, а отец отдает тебя другому! И все-таки, может, ты встретишь его — ведь ты его знаешь, любимого своего! Но расскажу я тебе, что за беда случилась со мной — ведь нет у меня от тебя, как и у тебя от меня, никаких секретов. Пошла я во время праздника совершить омовение в озере Шанкххрада и отвлечься от печали, вызванной предстоящей разлукой с тобой, и увидела в саду красивого юного брахмана, и был он словно Месяц, сошедший средь бела дня на землю, словно золотой столб для слона красоты^[252], а вокруг лотосоподобного лица его курчавилась борода, словно роящиеся пчелы около лотоса. Тогда и сказала я себе: «Хорошо, что дочери мудрецов, предающиеся в лесах подвигам во имя веры, не видели этого юношу, а то

пропали бы все плоды их подвигов». Только я так подумала, как не знающий пощады бог любви Кама пронзил сплетенными из цветов стрелами своими мое сердце и лишил меня стыда и страха.

Пока мы с ним смотрели друг на друга, неожиданно примчался туда взбесившийся слон, сорвавшийся с привязи. И этот юноша, видя, что слуги мои разбежались, а я перепугалась, подбежал, подхватил меня на руки и унес далеко в самую гущу толпы. От прикосновения его испытала я небывалое блаженство, словно глотнула амриты, — и что там слон, что страх, — я уже и не знала, где я! Затем слуги мои вернулись, и, когда снова кинулся на нас яростный слон, словно сама разлука, воплотившаяся в телесную оболочку, испуганные, подхватили меня и унесли домой. А куда исчез мой возлюбленный в людской сумятице, я не знаю. С того самого времени вспоминаю я о нем, моем спасителе, ни рода которого, ни имени не знаю, словно о сокровище, моими руками добытом и кем-то похищенном, а по ночам брожу я и рыдаю, как чакравака^[253], призывая сон, уносящий все горести, желая увидеть возлюбленного хоть в грезах. Вот и пришла я к тебе в горе, из которого нет выхода, чтобы ради утешения на тебя посмотреть, да и это теперь будет для меня недостижимо. Так что наступает, Мадиравати, мой смертный час — вот почему снова хочу я полюбоваться тобой!».

И, произнеся эти слова, бывшие для моих ушей потоком амриты, пачкая луноподобное лицо свое пятнами черной краски, смываемой с ее ресниц, подняла она вуаль и, взглянув мне в лицо, узнала меня — обрадовалась она, удивилась и даже пришла в ужас. Тогда промолвил я: «Что ж ты, милая, смутилась? Истинно, это я — ведь судьба осыпает иной раз нежданными благами. И мне пришлось из-за тебя испытать нестерпимые муки — уж, видно, таковы причуды судьбы! Но я еще поведаю тебе подробно о том, что мне выпало на долю, а сейчас не время. Не придумаешь ли, милая, как нам отсюда выбраться?» Выслушала она это от меня и сказала как раз ко времени: «Давай выберемся отсюда потихоньку через заднюю дверь — там, за ней, есть сад, принадлежащий моему отцу, благородному кшатрию. Мы проберемся через тот сад, а потом выберемся из города и отправимся куда глаза глядят».

Спрятала она при этих словах украшения, и выбрались мы с ней тем путем, который она показала. Из опасения погони шли мы всю ночь и проделали долгий путь, а наутро вступил я с возлюбленной в глухие джунгли. Вот пробираемся мы сквозь дикую и безлюдную чащу и, не имея никаких иных утешений, рассказываем друг другу о своих злоключениях.

Но вот подкрался полдень, иссушающий беспощадными лучами

солнца землю, лишая ее возможности дать убежище путнику и' даже лишая голоса, чтобы пожаловаться, как делает это жестокий правитель, облагающий народ тяжелыми налогами^[254]. Устала моя милая, измучила ее жажда, и с большим трудом донес я ее до тенистого дерева, но только усадил под ним и стал обмахивать платком, как вдруг увидел, что мчится к нам раненный кем-то воин, вооруженный луком, и видно по облику его, что он высокородный человек, и он шлет в буйвола стрелу за стрелой и повергает его на землю, так же как Индра низвергал горы на землю, обламывая им ваджрой крылья.

Заметил нас воин, подошел и дружелюбно спросил: «Кто ты и кто она, почтенный, и зачем пришли вы сюда?» Тогда, показав ему брахманский шнур, сказал я ему то, что лишь наполовину было правдой: «Я — брахман, а она — моя жена, и шли мы в другую страну по делам. Напали на наш караван разбойники и разграбили его, а мы потеряли дорогу и попали сюда, а теперь, когда увидели мы почитаемого, миновал наш страх». И когда проговорил я это, он, исполненный почтения к моему брахманскому достоинству, сказал: «Я — вождь живущих в лесу и пришел сюда на охоту. Вижу я, что утомились вы от дороги, и теперь вы — мои гости. Пожалуйста отдохнуть в мое жилище, которое находится здесь неподалеку». И с этими словами усадил он мою любимую на своего коня, а сам, идя пешком, повел нас в свое жилье, а там, словно брат родной, потчевал нас и едой, и всем прочим. Видно, и в диких странах где-то и как-то появляются на свет высокоблагородные люди.

Выбравшись из этой глуши с помощью проводников, которых он назначил, добрались мы до одной аграхары^[255] — там и стала милая мне женой по закону. А затем, странствуя по разным странам, встретили мы караван и вместе с ним сегодня пришли сюда, а затем пошел я с женой на берег Бхагиратхи совершить омовение. Здесь и нашел я того, которого избрал своим другом, да и тебя, божественный, встретил. Вот и вся моя история, господин!»

Так завершил свой рассказ второй брахман. И пока сын повелителя ватсов всячески восхвалял его, достигшего желанной цели благодаря своей незапятнанной добродетели, министры царевича во главе с Гомукхой, после долгих блужданий в поисках царевича наконец увидели Нараваханадатту, а он их, склонивших к его стопам лица, омытые слезами радости, учтиво и с почтением приветствовал. После этой встречи царевич со всеми министрами, и Лалиталочаной, и еще с двумя брахманами, знающими пути к достижению доброй цели, вернулся в свой город.



Книга о пяти красавицах



Те, кто без промедления вкусят сладость Океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

Волна первая

Да одарит вас желанным Исполнитель желаний, супруг Парвати, от полноты блаженства отдавший Уме половину своего тела!

Да охранит вас устремляющийся ввысь, покрытый шафраном хобот Устранителя препятствий, несущегося в бешеном танце во мраке ночи, обращающийся в ручку из кораллов для зонтика из лунного диска.

Нараваханадатта, сын властителя ватсов, обретший в жены красавиц, покоряющих все три мира, и главную среди них Маданаманчуку, стал жить вместе с Гомукхой и прочими министрами в Каушамби, и все его желания исполнялись благодаря неистощимым богатствам его отца. Так проходили его дни, полные счастья общения с желанной супругой, в наслаждении танцами, песнями, рассказами и беседами.

Однажды случилось так, что не нашел он главной своей супруги Маданаманчуки в женских покоях, и никто из слуг не знал, где она. Не видя любимой, побледнел царевич, как месяц на заре бледнеет, убитый разлукою с ночью. И душа его, в жажде узнать, что случилось, обуреваема была сомнениями: «Уж не спряталась ли куда-нибудь моя милая, чтобы подвергнуть испытанию мои чувства к ней? Уж не прогневалась ли она из-за какого-нибудь моего ничтожного прегрешения? Уж не похитил ли ее кто-нибудь, окутав майей?» — и раздирало душу ему множество таких тревог. Тщетно разыскивал он ее и почему-то нигде не мог найти, и беспощадно палил его полыхающий, как лесной пожар, огонь разлуки. Пришел отец его, повелитель ватсов, узнав, что случилось, и мать царевича, и его министры, и слуги — все встревоженные. Ни жемчуг, ни сандаловые умощения, ни лунные лучи, ни нежные лепестки и волоконца лотоса не только не могли смягчить все возрастающую боль, а, напротив, еще больше усиливали его терзания от разлуки с любимой. Калингасена же, внезапно потерявшая дочь, уподобилась видьядхари, утратившей свое волшебное знание^[256].

Но вот о чем однажды рассказала Нараваханадатте — и все присутствовавшие слышали это — одна старая прислужница из антахпура:

«Еще будучи девушкой, Маданаманчука однажды гуляла по крыше дворца, и заметил ее некий юный видьядхар и, тотчас же спустившись с небес, и приблизясь к Калингасене, и назвав свое имя — а звали его Манасавега, — попросил: «Соблаговоли отдать мне в жены твою дочь». Но она ему отказала, и он ушел, как и пришел. А не он ли теперь, тайком

явившись, обманом похитил Маданаманчуку? И хотя божественные существа не покушаются на похищение жены другого, но кто в ослеплении страсти различает правую дорогу от неправой?» При этих ее словах сердце Нараваханадатты вскипело от возмущения, неожиданности и боли разлуки и затрепетало, словно лотос на волнах.

И промолвил тогда Руманват: «Со всех сторон охраняется этот город — ни войти, ни выйти из него нельзя, разве что по воздуху. По милости Шивы ничего нежеланного не может случиться с нею. Наверное, где-нибудь здесь спряталась она из-за любовной обиды. Соблаговолите послушать вот какую историю: «Жил в давние времена мудрец Ангирас, который попросил себе в жены Савитри, дочь Аштавакры, но не отдал отец ее в жены ему, хотя и обладал тот многими достоинствами, потому что раньше была она обещана другому. Тогда Ангирас взял себе в жены дочь его брата, имя которой было Ашрута, и счастливо жил с ней, но знала его жена, что прежде желанна была ему Савитри.

Однажды мудрый Ангирас долго молился, произнося про себя молитвы, и тогда приблизилась к нему Ашрута и почтительно спросила: «О ком ты, благородный, так долго думаешь, скажи мне!» И ответил он на это Ашруте: «Размышляю я, милая, о савитри^[257]». Та же, решив, что по-прежнему думает он о Савитри, дочери мудреца, очень разгневалась. «Вот злосчастный!» — подумала и, решив покончить с собой, поспешила в лес. А там, помолившись о счастье для мужа, набросила себе на шею петлю, но тут раздался предостерегающий голос: «Не торопись, дочь моя, не о женщине твой супруг думал, а обо мне, о савитри!» И явилась перед ней сама Гаятри с четками из орехов и с чашей для подаяния и, сострадательная к преданным, сняла с ее шеи петлю, успокоила и исчезла. Потом разыскал Ангирас жену и привел из леса домой. Нестерпимо для женщин земных нарушение их привязанности! Так что и Маданаманчука, разгневанная из-за какого-нибудь незначительного твоего поступка, где-нибудь спряталась здесь, оберегаемая самим Шамбху. Следует нам поискать супругу царевича!»

Закончил свой рассказ Руманват, и молвил тогда повелитель ватсов: «Так и есть — ведь ничто дурное не может с ней случиться. Не может же быть ложным благовестив с небес: «Вот назначенная богом в жены Нараваханадатте, воплощению Камы, Маданаманчука, сошедшая на землю Рати. Будет он править видьядхарами целую божественную кальпу, и она будет вместе с ним». Следует хорошенько поискать ее». И когда сам царь так сказал, Нараваханадатта, хоть и был сильно расстроен, отправился на поиски, но, где бы ни высматривал он ее, нигде не мог найти, и, куда бы ни

шел, был он словно в беспамятстве. Приближался он к ее покоям, но двери их были закрыты — словно от горя при виде его отчаяния сомкнули они веки. А лесные деревья в рощах, когда спрашивал он их, размахивали ветвями-руками: «Нет, не видели мы ее, твою возлюбленную!» И лебеди в садах, когда приходил он туда в поисках своих, взлетая в небо, как бы говорили ему: «Нет, не проходила она здесь!» И искали вместе с царевичем Маданаманчуку его министры: Марубхути, Харишикха, Гомукха и Васантака.

А тем временем девушка из видьядхаров по имени Вегавати, видевшая прелестную Маданаманчуку, приняла ее образ и стала на опушке леса под деревом ашоки. Блуждая по лесу в поисках Маданаманчуки, заметил ее Марубхути, и тотчас один вид красавицы извлек копье тревоги, пронзившее его сердце. Поспешил он, радостный, к Нараваханадатте и крикнул ему: «Успокойся! Видел я твою любимую в лесу!» И бросился туда обрадованный Нараваханадатта вместе с ним, и измученный разлукой, увидел свою супругу Маданаманчуку, и кинулся к ней, как истомленный жаждой путник бросается к потоку воды. Вот хочет он увидеть ее, истосковавшийся, обнять ее, а она, плутовка, жаждущая обвенчаться с ним, и говорит: «Ты меня не трогай, а слушай, что я тебе скажу. Ради того, чтобы тебя добыть, до свадьбы посулила я якшам, что во время свадьбы своею рукой принесу я им жертвы, но, повелитель жизни моей, забыла сделать это во время свадьбы. Разгневались за это якши и похитили меня, а теперь принесли они меня сюда и отпустили, наказав при этом: «Ступай, снова устрой свадьбу и принеси нам жертву, и только так — не иначе — обретешь ты себе супруга, и да будет тебе благо». Так поспеши же снова обвенчаться со мной, и я тогда совершу жертву, желанную якшам, а после этого утолишь ты свое желание».

Выслушав это, Нараваханадатта немедленно позвал пурохиту ^[258] Шантисому, и тотчас же были сделаны все необходимые приготовления, и был царевич, сбитый с толку разлукой с возлюбленной, обвенчан с ложной Маданаманчукой — видьядхари Вегавати. И радостный повелитель ватсов вместе с царицей возрадовался торжеству, и Калингасена радовалась празднику, звеневшему голосами разных музыкальных инструментов. И эта видьядхари, прикинувшаяся Маданаманчукой, своими руками принесла жертву якшам вином, мясом и прочим.

Нараваханадатта же, находясь вместе с нею в покоях, торжествующий, отведал хмельного питья, хоть охмелел он еще до того от ее голоса, и после извели они счастье живых существ, когда удалился он с нею, изменившей облик, как Повелитель дня с тенью. И тут говорит она ему:

«Пока сплю я, любимый, не открывай моего лица и не смотри на меня». А он подумал: «Почему бы это?» — и, из любопытства на следующий день взглянув ей в лицо, пока она спала, обнаружил, что это не Маданаманчука, а какая-то другая женщина, принявшая ее облик, но во сне утратившая способность удерживать его^[259].

А пока сидел он подле нее, бодрствующий, она проснулась, и спросил он ее: «Кто ты? Скажи правду, кто ты?» Она, мудрая, очнувшись от сна и увидав, что царевич сидит около нее, поняла, что раскрыт ее секрет, и заговорила: «Слушай же, скажу я тебе всю правду, любимый.

Есть в царстве видьядхаров гора, называемая Ашадхапура. Живет там царь видьядхаров по имени Манасавега, гордящийся силой своих рук, сын царя Вегавата, а я — младшая сестра Манасавеги, и имя мое — Вегавати. Но так ненавидит меня брат, что не захотел он дать мне своих волшебных знаний. Тогда я с большим трудом получила эти знания от отца моего, удалившегося в лес, населенный подвижниками, и стала много сильнее, чем кто-либо из видьядхаров.

Видела я несчастную Маданаманчуку, окруженную стражниками, в саду у моего брата на горе Ашадха. Была она обманом похищена им, как Раваной — несчастная Джанаки, супруга благородного Рамы. Она, добродетельная, отвергла его посягательства, а ему нельзя было взять ее силой, потому что лежит на нем проклятие — если силой захочет взять женщину, то умрет. Тогда, чтоб ее вразумить, мой брат-злодей решил воспользоваться моей помощью. Пошла я к ней и стала ее уговаривать, но ничего она не слушала, а только рыдала по тебе. В беседе с ней прозвучало твое имя, словно веление бога любви, и с той поры ни о ком я, кроме тебя, не помышляла. И припомнилось мне, что однажды Девы^[260] сказала, явившись мне во сне: «Тот станет мужем твоим, от одного звука имени которого тебя охватит любовь!» Вспомнив об этом, приняла я облик Маданаманчуки и так пришла сюда. С помощью такой уловки была с тобой обвенчана. Так ступай же теперь туда, где находится супруга твоя Маданаманчука, а я отведу тебя, повелитель дыхания моего, охваченная состраданием к ней. Она тебе любезна, но и я ведь теперь твоя, и стали мы с ней соперницами. Совсем забыла я о себе, но что же делать, когда любовь к тебе обратила меня в твою рабу и служанку соперницы?» И, вымолвив это, силой своего волшебства взвилась она в ночное небо, взяв с собой Нараваханадатту. А пока летели они в поднебесье, наступило утро, и слуги, не видя ни мужа, ни жены, переполошились, и, узнав об их исчезновении, повелитель ватсов, Васавадатта, Падмавати и все прочие были поражены,

словно ударом грома. Встревожились Яугандхараяна, и все министры, и все их сыновья во главе с Марубхути, и горожане, и тогда, словно новое солнце, спустился с неба на землю окруженный сиянием мудрый Нарада: «Увела его видьядхари в свою страну, но скоро вернется твой сын Нараваханадатта, а я послан Держащим трезубец богом, чтобы тебя подбодрить». После же того, как мудрец закончил свою речь, принес повелитель ватсов Нараде жертву почтения, а после этого мудрец поведал им во всех подробностях о жизни Вегавати. Когда же он всех успокоил, то исчез. Тем временем Вегавати доставила Нараваханадатту на гору Ашадхапуру. Проведав об этом, в жажде уничтожить обоих, ринулся на них Манасавега, и тогда началась битва волшебных знаний между братом и сестрой, ибо для всех женщин не родственники, а супруг дороже жизни.

Вот силой волшебства своего приняла Вегавати облик свирепого Бхайравы и, лишив Манасавегу памяти, бросила его на огнедышащую гору, а затем, поручив Нараваханадатту вначале одной из волшебных наук, отвела она его в Гандхарвапур, и поместила для безопасности в высохший колодец, и при этом сказала: «Побудь пока здесь, благородный, и да будет тебе благо! И пусть не будет тревоги в твоей душе, сосуд счастья, ибо предуготовано тебе быть верховным повелителем всех видьядхаров. А я сейчас пойду лечить мои науки, поврежденные при отражении подлого нападения моего старшего брата, но скоро я вернусь к тебе». Промолвив так, куда-то улетела Вегавати.

Волна вторая

Пока Нараваханадатта сидел в этом колодце, увидел его некий гандхарва по имени Винадатта. Если б не было на свете великодушных людей, цель жизни которых — заботиться о благе другого, подобных придорожным деревьям, избавляющим путников от палящего зноя, был бы мир подобен иссохшему лесу! Этот добряк спросил у Нараваханадатты о роде и племени и, протянув руку, вытащил Нараваханадатту из колодца, а затем спросил его Винадатта: «Ведь ты человек, а не бог, — скажи, как же сумел ты попасть в город гандхарвов^[261], недоступный для людей?» Ответил ему на это Нараваханадатта: «Силой волшебства принесла меня сюда видьядхари и оставила в этом колодце». И тогда добродетельный Винадатта, видя, что царевич обладает приметами истинного верховного повелителя, привел его к себе домой и угождал ему всем, чем был богат.

На следующий день, заметив, что жители города держат в руках вины, спросил царевич у Винадатты: «Почему здесь у каждого, даже у малых детей, в руке вина?» А тот ему ответил: «Живет здесь царь гандхарвов Сагарадатта, а у него есть дочь, имя которой Гандхарвадатта, своей красотой обрекающая небесных дев на презрение. Тело ее — воплощение мастерства творца в создании совершенства красоты, словно сочетавшего в нем амриту, свет луны, сандал и тому подобные прекрасные вещества. Она всегда поет, подыгрывая себе на вине, песню свою, пожалованную ей самим Вишну, и благодаря этому стала весьма искусной в музыке. И решила она: «Тот, искушенный в музыке, кто сможет спеть хвалебную песнь Вишну с равным искусством в трех октавах, подыгрывая себе на вине, тот и будет моим мужем». Поэтому то здесь все учатся играть на вине, но пока еще никто не стал таким искусным». С радостью услышал это царевич от Винадатты и сказал ему: «Все девы искусств сами избрали меня в мужья, и ведома мне всякая музыка во всех трех мирах».

Когда Нараваханадатта молвил это, подружившийся с ним Винадатта отвел его к царю Сагарадатте и сказал: «Вот Нараваханадатта, сын повелителя ватсов, заброшенный в твой город рукой видьядхари. Он великий знаток музыки и знает хвалебную песню Кешаве^[262], которую так любит Гандхарвадатта». Молвил царь на это: «Истинно, я и сам об этом слышал от гандхарвов, и сегодня почет для нас принять его. Видно, есть в нем частица божества, иначе как бы попал он в страну нашу, доступную только богам! Будь он человеком, как бы мог он с помощью видьядхари

попасть сюда? Пусть позовут сюда Гандхарвадатту, и будем мы свидетелями чудесного!» Только вымолвил он это, как поспешили придворные за Гандхарвадаттой.

Пришла она, прекрасная, сверкающая украшениями, сделанными из цветов, полная юного задора, словно ветром приводящая в движение лиану желаний, и села подле отца, и по ее слову тотчас же слуги рассказали, что случилось, и она запела, подыгрывая себе на вине, и когда сплетала она звуки в созвучия, словно супруга Брахмы, поражен был Нараваханадатта и пением ее, и ее красотой. Но ей он сказал: «Кажется мне, царица, что не очень хорошо звучит твоя вина. Видно, волосок попал под струну!» После таких слов царевича бросились смотреть вину и действительно нашли волосок.

Тут уже все гандхарвы пришли в крайнее изумление. И тогда царь взял из рук дочери вину и передал ее царевичу с просьбой: «Возьми вину, царевич, и пролей нам в уши поток амриты!» Запел Нараваханадатта хвалебную песнь Вишну, да так, что все гандхарвы замерли от удивления и стали как нарисованные, а Гандхарвадатта бросила на него исполненный нежности взгляд, подобный венку из широко раскрывшихся синих лотосов, избирая царевича себе в мужья. Заметил это царь, и вспомнил, что случившееся соответствует его обещанию, и отдал Гандхарвадатту царевичу в жены, и была под гром небесных барабанов сыграна их свадьба. Сравнить же это несравненное торжество ни с чем нельзя, раз уж стало оно мерилом для всех прочих торжеств. Стал после этого там жить Нараваханадатта, наслаждаясь с Гандхарвадаттой божественными радостями.

Однажды пошел он полюбоваться городом, и посмотрел разные места, и наконец вошел в сад около города, и там увидел спускающуюся с небес божественную женщину, сопровождаемую дочерью, подобную сверкнувшей среди безоблачного неба молнии, сопровождаемой дождем, а она, увидев его и узнав благодаря своему знанию кто это, промолвила, обратившись к дочери: «Вот, доченька, сын повелителя ватсов, твой будущий муж!» Когда же приблизилась она, спросил царевич эту божественную женщину: «Кто ты и зачем сюда пришла?»

И та божественная женщина, думая о своей цели, молвила ему: «Я — супруга видьядхарского царя Девасинхи, а зовут меня Дханавати, а это — дочь моя, сестра Чандасинхи, и имя ее — Аджинавати, и небесным благовестием предсказано ей, что ты станешь ее мужем. Узнав благодаря своим знаниям, что будущего верховного повелителя видьядхаров принесла сюда видьядхари Вегавати, пришла я сама, чтобы сообщить тебе

о своем желании. Не следует тебе оставаться в месте, легко достижимом для видьядхаров, — ведь они из ненависти могут убить тебя, пока ты еще не достиг предреченного тебе поста, — и гулять одному. Так идем, доставим мы тебя туда, куда нет им доступа. Разве не откладывает появления своего на небе Месяц, когда затмевается Солнце? Когда же наступит подходящий день, то возьмешь ты в жены мою дочь». И с этими словами забрала она его и свою дочь и взвилась в небо, доставила его в город Шравасты и оставила там в роще, а сама вместе с Аджинавати исчезла.

Там и увидел царевича, наделенного добрыми приметами и благородной внешностью, царь Прасенаджит, возвращавшийся издалека после охоты. Приблизясь к нему, с любопытством спросил об имени и роде, и когда услышал ответ, то обрадовался и с почтением привел его к себе во дворец, полный слонов, привязанных к столбам, и коновязей со множеством коней, подобный покою отдохновения Шри, богини царского счастья, утомленной от странствий. Где бы ни находился человек, которому предречено наслаждаться счастьем, всюду богатства и радости бегут за ним, словно женщины за возлюбленным, — потому. — то и отдал царь, алчущий совершенства, Нараваханадатте в жены дочь свою Бхагиратхаяшу. Стал царевич жить в блеске и величии с нею, словно с самой Лакшми, сотворенной для своего удовольствия творцом во плоти и крови.

Однажды вечером, когда на челе Девы Востока засиял Месяц, возлюбленный Ночи, льющий свет радости в людские глаза, — или это прелестное, как амрита, лицо Бхагиратхаяши отразилось в зеркале безоблачного ясного неба? — сидел царевич с нею на залитой лунным светом плоской крыше дворца и по ее желанию пил вино — и становилось оно еще слаще оттого, что отражалось в нем радующее взгляд прелестнейшее лицо, словно услаждая и вкус, и взор царевича. И ничтожной представилась ему красота луны по сравнению с красотой его возлюбленной — разве обладает луна игрой полных страсти карих глаз и жгуче-черных бровей? Когда же насладились они вином, удалились они в покои, и царевич разделил ложе с Бхагиратхаяшей.

Заснула его возлюбленная, а к самому Нараваханадатте сон не шел, и царевич, предавшись воспоминаниям, вдруг проговорил: «Как это любовь к Бхагиратхаяше заставила меня позабыть о других моих супругах? Видно, судьба всему госпожа! И министры мои далеко от меня. Из них для Марубхути самое главное дела доблести, а для Харишикхи нет ничего важнее, чем политика, но вот о ком я очень тоскую, так это о хитроумном

Гомукхе, верном помощнике моем во всех делах». И вдруг размышления его были прерваны — донесся до него звук сладостного, прогоняющего сон женского голоса: «О, горе!» Стал он, держа в руке яркий светильник, искать ту женщину повсюду, как вдруг заметил в окне прекрасное женское лицо — было оно столь прекрасно, что, казалось, виденная им сегодня на небе покрытая пятнами луна была творцом из озорства подменена другой луной, лишенной пятен, здесь, на земле. Не видя ее тела, но желая увидеть его, ибо Нараваханадатта был очарован красотой ее, подумал тотчас же царевич: «Когда дайтъя Атапи^[263] пытался в давние времена препятствовать творению Брахмана, тот послал его в сад Нандана со словами: «Пойди туда, посмотри чудо!» Пошел туда дайтъя, но увидел там только лишь женскую ногу совершенной красоты, и тогда страстно захотелось ему увидеть все тело той красавицы, но не дано ему было удовлетворить это желание, и он умер. Видно, и мне на погибель творец сотворил это лицо».

А пока он так раздумывает, поманила его пальчиками, нежными, как побеги, божественная красавица, подав ему знак: «Иди сюда!» Тогда, тихо выйдя из покоев, где спала супруга, приблизился он, исполненный любопытства к той божественной женщине, а она в это время воскликнула: «Ах, погибла ты, Маданаманчука, супруг твой, говорят, к другой привязался!» И, слыша это, вспомнил Нараваханадатта о возлюбленной, и опалил его огонь разлуки, и спросил он красавицу: «Кто ты и где ты видела мою милую Маданаманчуку, и скажи, почтенная, зачем ты ко мне пришла?». А она, смелая, отвела его подальше во тьме и заговорила: «Слушай же, все я тебе расскажу! Живет в городе Пушкаравати повелитель видьядхаров Пингалагандхара, пожелтевший от постоянного поклонения богу огня Агни, и есть у него дочь, которую зовут Прабхавати, — знай, что это я, а родилась я у него в награду за постоянное поклонение богу огня. Отправилась я на Ашадхапуру повидать мою подругу Вегавати, но не нашла ее, так как ушла она совершать подвиги во имя веры, но узнала я от ее матери Притхвидеви, что гостит у них Маданаманчука. Пошла я посмотреть на нее. Увидала я ее, исхудавшую от поста, смертельно бледную, в знак разлуки с тобой заплетшую одну лишь косу, горько рыдающую и восхваляющую сквозь рыдания твои достоинства, окруженную множеством видьядхарских царевен, заливающихся слезами, горящих при виде ее и восторгающихся, слыша о тебе. Поведала она мне о том, каков ты, и я, охваченная состраданием к ней и очарованная твоими достоинствами, утешила ее, пообещав разыскать тебя и привести к ней. Силой волшебных знаний моих узнала я, что ты здесь, поспешила к тебе

ради нее и ради себя. Но, увидав сегодня, что забыл ты о своей возлюбленной и воркуешь с другой, воскликнула я, преисполнившись состраданием к твоей супруге: «О, горе!»»

Замолчала она, и опечалившийся царевич попросил ее: «Делай со мной что хочешь, но отведи меня к ней». Взяла его видьядхари Прабхавати, взвилась в небо и полетела в сиянии лунной ночи. Вот летит она и, заметив где-то пылающий огонь, взяла руку Нараваханадатты и облетела тот огонь слева направо, тем самым ухитрившись совершить свадебный обряд, — ведь все действия божественных имеют какую-нибудь цель — и полетела дальше, показывая любимому землю, казавшуюся всего лишь алтарем, реки, извивавшиеся подобно змеям, горы, казавшиеся всего лишь муравейниками, и всякие привлекательные виды, то и дело открывавшиеся перед ними. Так со временем проделали они немалый путь.

Утомился Нараваханадатта от полета в поднебесье, измучила его жажда, и попросил он воды. Спустилась тогда видьядхари из поднебесья на земную твердь, к озерцу на лесной опушке, серебрившемуся под лунным светом, словно вместо воды было наполнено оно серебром. Утолил он жажду, напившись в этом лесу воды, но разгорелась тогда в нем жажда наслаждения объятиями этой красавицы, но, когда стал он настойчиво домогаться этого, Прабхавати, исполненная сострадания к Маданаманчуке, думая о ней, о той, которую пыталась утешить, уклонялась от его ласк — ведь благородные, заботящиеся о благе другого, не заботятся о своем! — и сказала ему: «Не сердись на меня, благородный царевич, но цель у меня здесь совсем иная, а какая — вот послушай-ка.

Жила когда-то в Паталипутре женщина, у которой умер муж. Была она молода и красива, но бедна. И был у нее единственный сынок. По ночам уходила она из дома, и бродила там и сям, и для своего удовольствия сходилась с другими мужчинами, а утром, возвращаясь домой, приносила мальчику сладкий пирожок. Вечером перед уходом каждый день утешала она мальчика: «Принесу я тебе утром вкусенького». И мальчик спокойно оставался дома в надежде на пирожок. Случилось однажды, что забыла она об обещанном и не принесла пирожка, а когда стал он у нее просить пирожок, сказала: «Не знаю я, сынок, никакого пирожка слаще моего возлюбленного». И когда он услышал это, то подумал: «Не принесла она мне пирожка, другого она любит!» И от отчаяния разорвалось сердце у мальчика.

Если бы я, любимый, завладела теперь тобой, который уже прежде был мне дорог, да об этом узнала бы Маданаманчука, которую я утешала, внушив ей надежду на великий праздник соединения с тобой, то она

обезумела бы и пришла в отчаяние, и разорвалось бы ее сердце, нежное, как цветок. Из милосердия к ней, прежде чем не утешу ее, не домогаюсь я тебя, милый мой, дорогой мне больше, чем сама жизнь!»

И когда сказала это Прабхавати, с радостью и удивлением подумал Нараваханадатта: «О, судьбе, видно, нравится создавать новые и новые чудеса, раз создала она Прабхавати, немыслимо благородную, в своих поступках». И так, думая, с любовью похвалил ее царевич и молвил: «Так веди же меня туда, где находится Маданаманчука!» Подхватила Прабхавати его и мигом домчала до Ашадхапуры и привела его, словно дождь к иссохшей реке, к исхудававшей Маданаманчуке. Увидел Нараваханадатта супругу свою, измученную разлукой, исхудававшую и бледную, подобную луне в день новолуния, и встреча их радовала мир, как соединение ночи и луны. Обнялись супруги, опаленные огнем разлуки, и ручьем струился с них пот, и потому казалось, что они сплывались воедино. И тогда ночью вкусили они вволю разных яств, созданных Прабхавати тут же силой волшебных знаний. Но благодаря Прабхавати никто, кроме Маданаманчуки, не мог видеть Нараваханадатту.

Настало утро, и начал было Нараваханадатта расплетать косу любимой, но остановила возлюбленного Маданаманчука, преисполненная гнева на своего врага: «Пусть благородный распустит мне косу тогда, когда будет сражен Манасавега, а если раньше умру я, то пусть распустят мне ее птицы или спалит огонь!» — такой обет я дала. Но ты распустил ее, пока жив еще недруг, и это омрачает мне душу. Ведь хоть и бросила его Вегавати на огнедышащую гору, но не умер он. Ты благодаря силе волшебных знаний Прабхавати сделан незримым — иначе разве стерпели бы твое присутствие здесь приспешники твоего врага, постоянно рыщущие вокруг тебя?»

На такие слова верной своей супруги, понимая, что время еще не пришло, успокаивая ее, молвил Нараваханадатта: «Исполнится твое желание — вскоре уничтожу я врага, но подожди немножко, милая, пока овладею я знаниями». И, так утешая Маданаманчуку, оставался Нараваханадатта в том видьядхарском городе.

Прабхавати с помощью своих волшебных знаний каким то непостижимым образом передала ему свой облик, а сама исчезла, и царевич стал там жить под ее, Прабхавати, видом счастливо, никем не распознаваемый, и наслаждаться всем, что доставляли знания видьядхари. «Это подруга Вегавати прислуживает Маданаманчуке из любви к ней и по воле своей подруги» — так доносили Манасавега, принимая Нараваханадатту, скрытого под обликом Прабхавати, за саму Прабхавати.

Вот однажды в беседе поведала Маданаманчука Нараваханадатте о том, что же с ней случилось. «Когда Манасавега принес меня сюда и стал сначала очаровывать своим волшебством, а потом угрожал прибегнуть к жестоким деяниям, явился сюда сам Шива в образе Бхайравы с воздетым к небу мечом, с кроваво-красным языком, и громовым голосом изрек: «Как смеешь ты при мне унижать супругу того, кому назначено стать верховным повелителем видьядхаров?» И когда сказал это великий бог, рухнул на землю грешный Манасавега, и изо рта у него хлынула кровь. Исчез после этого могущественный бог, а Манасавега пришел тотчас же в себя, вернулся к себе во дворец и снова начал мучить меня. Вот что поведали мне, перепуганной, измученной тоской, готовой расстаться с жизнью, прислужницы в антахпуре, утешая меня: «Давно уже случилось это. Где-то увидав красивую дочь отшельника, попытался Манасавега силой увести девушку с собой, но ее родичи прокляли его: «Коль свершишь ты грех, попытаешься овладеть чужой женой против ее воли, разлетится твоя голова на сто частей». Поэтому никогда не посмеет он насильно овладеть тобой — ты не бойся, а по воле бога ты непременно встретишься с супругом». Вскоре после того, как рассказали мне все это прислужницы, пришла Вегавати, сестра Манасавеги, уговаривать меня, но, проникнувшись жалостью ко мне, утешала, пообещав тебя привести. А как она тебя нашла, то тебе ведомо».

Затем пришла в ослепительно белых одеждах, непорочно чистая, словно лунный свет, своим нежным взором словно проливающая на меня амриту, Притхвидеви, достойная матушка недостойного Манасавеги, и ласково спросила меня: «Зачем ты, которой предназначено славное будущее, перестала есть и не заботишься о себе? И не решай в душе своей: «Как это буду есть я пищу из рук врага?» Моей дочери Вегавати в этом царстве отцом была назначена доля, и твоему супругу она тоже венчанная жена, так что ее богатство принадлежит ему и, следовательно, тебе тоже. Так пользуйся им — истину говорю я тебе, открытую благодаря моему волшебному знанию». Сказала она это и, поклявшись в истинности, расположенная ко мне из-за связывающих меня с ее дочерью уз, покормила меня едой, подобающей моему состоянию. После того прилетела с тобой Вегавати, одолела своего брата и охранила тебя, а про остальное я не знаю.

Вот помню я победу Вегавати и божественную речь, а с собой я не покончила только в надежде на соединение с тобой. Затем с помощью благородной Прабхавати хоть и среди врагов, но снова обрела я тебя. Но тревожно мне — что, если погибнет Прабхавати и оттого утратишь ты ее облик. Что с нами тогда будет?» Так сетовала Маданаманчука, томимая

мыслями о будущем, а мужественный Нараваханадатта старался ее подбодрить.

Однажды улетела Прабхавати во дворец к своему отцу, и раз она удалилась, то с наступлением утра утратил Нараваханадатта ее облик. Служители же, увидав царевича в его действительном облике, перетревожились и от страха, с криком: «Проник сюда прелюбодей!» — оттолкнув перепуганную и пытавшуюся их остановить Маданаманчуку, помчались к царю и обо всем тому доложили.

Тогда окружил антахпур своей дружиной Манасавега и сам набросился на Нараваханадатту, но тут прибежала Притхвидеви, мать Манасавеги, и сказала царю: «Сын, ни тебе, ни мне не следует его убивать! [264]. Не прелюбодей он, а сын повелителя ватсов Нараваханадатта, пришедший к своей собственной жене. Знаю я это благодаря своему волшебному знанию, а ты, ослепленный гневом, что же, этого не видишь? И он мой зять, и должно его почитать, и принадлежит он к Лунном роду [265]». И хоть и говорила ему так Притхвидеви, но он, охваченный злобой, твердил: «Все равно он враг мой!» Из любви к зятю возразила сыну Притхвидеви: «Не должно, сын, совершать беззаконие в мире видьядхаров. Ведь есть же суд видьядхаров для защиты закона — там, перед главным судьей, возложи вину на голову врага! Как вас рассудят, так и будет справедливо, но не иначе — ведь ни видьядхары, ни боги не потерпят твоего самоуправства».

Признал царь убедительными слова своей матери и, желая отвести Нараваханадатту в суд, велел его связать, а тот, не желая быть связанным, вырвал столб, подпиравший вход, и уложил многих слуг Манасавеги, и, вырвав из руки одного из них меч, тотчас же божественно-доблестный герой сразил многих других. Тогда сам Манасавега силой своего волшебства связал царевича и вместе с женой привел в суд. Туда под громкий бой барабанов отовсюду собирались видьядхары, как боги в Суд Высшего Закона. Пришел туда и сел на трон, изукрашенный драгоценными камнями, старший в суде, царь Ваюпатха, окруженный видьядхарами, и его оведали опахала, как бы отгонявшие беззаконие.

Стал перед ним злодей Манасавега и сказал: «Хоть и смертный, но вот этот враг мой проник ко мне в антахпур и обесчестил сестру мою, и потому должно нам сегодня же убить его, жаждущего стать господином нашим!» Выслушав его, главный в суде дал слово и другой стороне. Тогда Нараваханадатта смело заявил: «Там суд, где есть главный в суде, и тот главный в суде, кто говорит справедливое слово, и то слово справедливо, в

котором нет ничего, кроме правды, и то есть правда, в чем нет обмана. Но стою я здесь, на этой земле суда, связанный волшебством, а недруг мой сидит на троне и свободен. Разве может решаться при этом дело по справедливости?» Выслушал его Ваюпатха и ради справедливости посадил Манасавегу на землю, а Нараваханадатту освободил от пут.

И тогда все исполнились слуха, и Нараваханадатта перед Ваюпатхой изложил свое возражение на обвинения Манасавеги: «Похитил он мою жену Маданаманчуку и принес ее сюда, а я обрел свою жену снова — так чем же нарушил я чистоту его антахпура? Приняв ее прекрасный облик, приблизилась ко мне сестра врага и, обманом совершив свадебный обряд, сделала меня своим мужем — так в чем моя вина? А что касается моего желания господства, то кто и где не желает, чтобы желания его осуществились».

Дослушав его и поразмыслив, вынес Ваюпатха решение: «Справедливо сказал этот благородный, и предстоит ему великое будущее. А ты, любезный Манасавега, не совершай по отношению к нему ничего несправедливого!» Когда ж огласил Ваюпатха свое решение, Манасавега, ослепленный гневом, отверг его и не захотел сойти с неправого пути. Рассердился Ваюпатха, и началась тогда перепалка у Манасавеги и его вооруженных воинов с тем, отстаивающим справедливость, и его воинами. Решительные люди, заботящиеся только о справедливости, сидящие на троне закона, своим и могучим считают даже чужого и слабого. И тогда, взглянув на небесных дев, с любопытством следивших за битвой, Нараваханадатта крикнул Манасавеге: «Брось свое волшебство и сразись со мною один на один в открытую! Увидишь, как одним ударом я сражу тебя!».

Так ссорились между собой видьядхары, но вдруг в стоявшей посреди зала высокой колонне раздался ужасный грохот— раскололась она, и вышел из нее бог в ужасающем облике Бхайравы. Жгуче-черный, затмивший солнце мечущий огни яростных взоров, подобные лианам молний, блещущий рядами белых зубов, подобных стае белоснежных лебедей, яростный, словно грохочущая громами туча, возвещающая конец света, заполнил он весь небосвод и произнес: «Негодный, да не будет никакого поношения грядущему верховному повелителю видьядхаров!» И при этих словах изгнал Манасавегу, понутившего голову, а Ваюпатха возрадовался. Взяв на руки Нараваханадатту, отнес его благородный бог, чтобы избавить от опасности, на лучшую из гор Ришьямуку, оставил там, а сам исчез.

И затихла распря между видьядхарами в зале суда, и разошлись, как и

собрались, Ваюпатха со своими и не своими, а Манасавега, удрученный случившимся, улетел к себе на гору Ашадхапура, отправив впереди себя Маданаманчуку, душа которой была полна и радости, и горя.

Волна третья

Уж таков, наверное, закон судьбы, чтобы человек не всегда жил счастливо, — каждый миг в горестях и радостях подвергает она его стойкость жестоким испытаниям! Вот и устраивала она так, чтобы, куда бы ни попадал, в какой бы стране ни оказывался Нараваханадатта, всюду она соединяла его с супругами или разлучала с ними. Вот и теперь, когда оказался он на горе Ришьямука, встретила с ним его любимая Прабхавати и сказала: «Потому, милый, так случилось, что потащил тебя в суд Манасавега, желая причинить тебе зло, что не было меня тогда с тобой. Узнав обо всем, примчалась я туда и, приняв образ бога, перенесла тебя сюда. Нет силы у видьядхаров при всей их мощи добраться до этой горы, потому что здесь страна сиддхов. Да и мое волшебство здесь не действует, так что горестно мне подумать, как ты будешь здесь питаться лесными кореньями».

Нараваханадатта проводил время с говорившей так Прабхавати, а сам думал о томящейся в плену, ожидающей своего срока Маданаманчуке. Купался он в озере Пампа, что находилось около той горы, питался божественно вкусными плодами и кореньями, закусывая ими мясо газелей, и пил воду из озера, душистую и вкусную от плодов, падавших в нее с деревьев, росших на берегах озера, а жил он то между корней деревьев, то в глубине пещер, подражая тем самым Раме, когда тому пришлось жить в этом самом лесу.

Прабхавати, зная все места, где жил Рама, для развлечения поведала царевичу историю Рамы: «Здесь, в этом лесу, жил Рама, и были вместе с ним Лакшмана и Сита, и жил он вместе с подвижниками, устроив себе хижину у подножия дерева, а Сита, заставившая благоухать весь лес благодаря благовонию, подаренному ей Анасуйей, одетая в лубяные одежды, находилась здесь же среди жен мудрецов. Здесь, в пещере, Балин убил дайтью Дундубхи, из-за чего и началась распря между Балином и Сугривой, так как Сугрива, подумав, что дайтья убил Балина, завалил горными скалами пещеру, а сам в страхе сбежал. Но Балин пробился сквозь завал и, изгнал Сугриву, решив: «Жаждет Сугрива захватить власть, потому и завалил меня». Сугрива же, повелитель обезьян, бежал и утвердился вместе с другими, среди которых главным был Хануман, на этой вершине Ришьямуке. Потом явился сюда Равана и, обманув Раму призраком золотой газели, похитил дочь Джанаки, а после этого потомок

Рагху, жаждавший узнать, что с нею, заключил союз с Сугривой, стремившимся погубить Балина, а для того чтобы показать свою силу, расщепил одной стрелой семь пальм, а могучий Балин с большим трудом сумел расщепить лишь одну. Отсюда отправился Рама в Кишкиндху, и, выпустив всего лишь одну стрелу, играя сразил герой Балина и отдал его царство Сугриве. Вот помчались уже на все четыре стороны подданные Сугривы во главе с Хануманом, чтобы разузнать что-нибудь о Сите, а Рама оставался здесь с ревущими тучами поры дождей, изливавшими потоки воды, истинные реки слез, словно разделявшими его горе. Когда же Хануман по слову мудрого коршуна Сампати переправился через океан и разузнал, где скрывают Ситу, отправился герой с обезьяньим войском, перебросил мост через океан и, сразив повелителя Ланки, пролетел, возвратив царицу Джанаки, в своей воздушной колеснице над этим местом»^[266].

И ты, благородный, обрешь счастье — сам приходит успех к людям, стойким в несчастьях!» Так рассказывала ему эту и всякие другие истории Прабхавати, а Нараваханадатта развлекался с нею то здесь, то там.

Однажды, когда был он на озере Пампа, приблизились к нему, сойдя с небес, две видьядхари — Дханавати и Аджинавати, которые прежде перенесли его из Гандхарвапура в Шравасты, где он взял в жены Бхагиратхаяшу. Пока Прабхавати обнималась со своей подругой Аджинавати, Дханавати сказала Нараваханадатте так: «Вот Аджинавати, обещанная мною тебе прежде. Возьми ее теперь в жены. Наступает время твоего торжества!» И Нараваханадатта согласился на это предложение Дханавати. Согласилась и Прабхавати из любви к подруге. Тогда отдала Дханавати дочь свою в жены сыну повелителя ватсов, устроив, как положено, свадьбу, и была та счастливая свадьба украшена всякими божественно великолепными церемониями и приготовлениями, придуманными с помощью ее собственных знаний.

Наступил следующий день, и сказала Дханавати царевичу: «Не следует тебе, сынок, долго оставаться на одном месте, ибо видьядхары коварны, а у тебя здесь вовсе нет никакого дела. Отправляйся теперь с женой к себе в родной Каушамби. Прилечу и я туда вместе с сыном моим Чандасинхой и верными мне повелителями видьядхаров, чтобы помочь твоему возвышению». С этими словами Дханавати взвилась в небо и, хоть стоял ясный день, озарила его, словно молнией, своими белоснежными одеждами, а Прабхавати и Аджинавати перенесли Нараваханадатту небесной дорогой в город Каушамби.

Когда опустился Нараваханадатта с небес в сад, увидели его слуги, и

поднялись со всех сторон шум и крики: «Царевич вернулся, царевич! Счастливы мы его видеть!» Узнав о том, возрадовался тогда повелитель ватсов, словно орошенный неожиданным потоком оживляющей амриты, возрадовались и Васавадатта с Падмавати, и супруги царевича Ратнапрабха и прочие, и министры Удаяны — Яугандхараяна и прочие — и Калингасена, и министры самого царевича — Гомукха и другие. Все они устремились к нему, как знойным летом истомленные дорогой путники бросаются к озеру, и увидели его, предуготованного от рождения к великой участи, сидящим между двух жен, подобно Кришне, сидящему между Рукмини и Сатьябхамой, и очи их затуманились слезами словно от страха, что выскочат они от радости из орбит. Долго обнимали повелитель ватсов и обе его царицы сына и никак не могли оторваться от него, словно волосы на коже, поднявшиеся от радости, крепко сшили тела их воедино.

Громко ударили барабаны, возвестив начало праздника, и в то же время с небесных гор сошла на землю супруга Нараваханадатты, дочь Вегаваты и сестра Манасавеги — Вегавати, узнавшая о случившемся благодаря силе своего вновь обретенного волшебного знания, и, пав в ноги свекру, свекровям и своему супругу, сказала Нараваханадатте, припав к его коленям: «Истощенные в битве за тебя мои волшебные знания пополнила я в обители отшельников, и теперь снова я с тобой, о счастливый!» Кончила она говорить, и супруг, и все прочие приветствовали ее, а она присоединилась к подругам своим — Прабхавати и Аджинавати, — и обнялась с ними. Когда же села она между ними, прилетела Дханавати, матушка Аджинавати, и с ней множество видьядхарских царей со своими воинами, покрывшими, словно тучи, все небо, и сын ее мужественный могучерукий Чандасинха, и родич ее Амилагати, сопровождаемый могучим войском, и мощный Пингалагандхара, отец Прабхавати, и Ваюпатха, бывший главным в суде, и герой Хемапрабха, отец Ратнапрабхи, вместе с сыном Ваджрапрабхой и своим войском, и царь гандхарвов Сагарадатта с дочерью Гандхарвадаттой и сыном Читрангадой. И все они были с почетом встречены повелителем ватсов и его сыном и были рассажены по местам.

Вот царь Пингалагандхара обратился к зятю своему Нараваханадатте, находившемуся в зале совета: «Тебе предназначено стать верховным повелителем над всеми нами, и мы из великой любви к тебе собрались здесь. Вот теща твоя царица Дханавати, твердая в обетах, наделенная божественным знанием, с четками в руках, одетая в шкуру черной антилопы, словно сама Дурга, готовая защищать тебя, или Савитри, достигшая мудрости сиддхов, почитаемая лучшими из видьядхаров. Что еще нужно, чтобы был обеспечен тебе успех?! Но слушай, что я скажу!

Здесь, на Гималаях, разделен мир видьядхаров на две половины — северную и южную, — простирающиеся на множество вершин. По ту сторону Кайласы лежит Северное царство, по эту сторону — Южное. Амилагати совершил немалые подвиги во имя веры, чтобы умиловать Шанкару и добиться власти над Северным царством, и, когда тот сказал ему: «Нараваханадатта, твой верховный повелитель, даст тебе желанное!» — Амилагати поспешил к тебе. Над Северным царством властвует сейчас злобный царь Мандарадева, могучий и неукротимый, но ты одолеешь и его, лишь нужно тебе обрести волшебные знания.

А имя того, под властью которого находится Южное царство, — Гауримунда, исполнен он злых козней, и трудно одолеть его, ибо обладает он могущественными волшебными знаниями. К тому же он крепко дружит с твоим врагом Манасавагой, и, пока с ним не справишься, не преуспеешь ты в своем деле. Потому самое для тебя важное теперь — как можно скорей обрести мощь великих знаний». Когда же замолчал Пингалагандхара, заговорила Дханавати: «Все, сынок, так, как говорил раджа. Ступай отсюда в страну сиддхов и умоли Шиву, чтобы пожаловал он тебе совершенные знания, ибо разве может быть достигнут успех без его соизволения? И все эти цари собрались, чтобы защищать тебя». И подтвердил Читрангада: «Именно так, а я пойду впереди всех, и да одержим мы победу!»

И, согласившись с тем, что ему советовали, устроив обряд, обеспечивающий благое начало, поклонившись в ноги родителям, заливавшимся слезами, и наставникам, и осыпавшись со всех сторон благословениями, взошел Нараваханадатта со своими супругами и с министрами на чудесный паланкин, сооруженный мудростью Амилагати, и отправился в путь, затмив небо своими дружинами, подобными водам океанским, вздыбленным ураганом, предвещающим конец света, и шум войска разносился по всем странам, отзываясь эхом, словно возвещая всем движущимся в поднебесном пространстве о приходе верховного повелителя. Быстро привели Нараваханадату повелитель гандхарвов, вожди видьядхаров и Дханавати на гору Сиддхакшетра, где царствуют сиддхи, и стал он там исполнять разные обеты, наложенные на него сиддхами, — совершал рано утром омовение, питался лесными плодами, спад на земле, — и тем радовал Шанкару. Днем и ночью охраняли его неустанно видьядхарские цари, а видьядхарские царевны, любясь им, погруженным в подвижничество, полюбили его всей душой, и одни из них бросали на него жгучие взгляды, словно одевавшие его в шкуру черной антилопы, другие, страшась за него, закатывали глаза, а третьи складывали

руки на груди, как бы заключая его в свое сердце.

Пять же видьядхарских красавиц при виде его возгорелись огнем любви и дали такой зарок: «Вот мы все, пятеро подруг, избираем его своим мужем, и свадьба должна быть одна для всех. А если одна из нас устроит с ним свою свадьбу отдельно, то остальные должны вступить на погребальный костер, объявив ее предательницей и своим врагом!». Так вот поразил этих божественных красавиц величественный облик Нараваханадатты!

Между тем в лесной обители неожиданно явились великие знамения. Завыл свирепый яростный ветер, вырывая с корнем могучие деревья, словно предвещая, что так же будут падать сраженные в битве герои, и точно в страхе — «Что-то здесь будет?» — содрогнулась земля, и раскололись горы, будто давая укрытие тем, кто перепуган, и гром гремел среди безоблачного неба, казалось, говоря: «Берегите, видьядхары, старательно берегите вашего повелителя!» Но при всеобщем смятении Нараваханадатта, оставаясь невозмутимым, продолжал размышлять о трехглазом боге, и стояли вокруг царевича, охраняя его, полные решимости и предчувствующие что-то недоброе цари гандхарвов и повелители видьядхаров, и издавали они боевые кличи, подобные львиному рыку, и вздыбился целый лес из лиан потрясаемых ими мечей, и, словно отпугивая их, обрушивали они брань на знамения, предвещавшие приход беды.

Наступил следующий день, и в поднебесье показалась несметная сила видьядхаров, мрачно непроглядная, словно туча, возвещающая конец мира, издающая ужасающий рев. Тогда, применив свои знания, промолвила Дханавати: «Это пришел Гауримунда с Манасавегой!» И пока вожди видьядхаров и цари гандхарвов готовились к битве, налетели Гауримунда с Манасавегой, крича: «Что этот человечешка и что мы? Усмирим гордыню вашу, перекинувшись к нему!»

И когда они произнесли это, набросились на них в гневе Читрангада, а с ним раджа Сагарадатта, повелитель гандхарвов, Чандасимха, Амитагати и царь Ваюпатха, и уж что говорить о Пингалагандхаре и всех прочих предводителях видьядхаров! Кинулись великие воины, рычащие, словно львы, на злодея Манасавегу, а за ними хлынули их дружины, и начался страшный день битвы, пасмурный от пыли, поднятой воинами, сквозь которую сверкали молнии от ударов мечей, и лил дождь из крови, а не из воды. Читрангада и все прочие словно устроили великое жертвоприношение в волны вскипевшей морской пены, полные трупов, плывущих, как крокодилы, а луки и копья — как змеи.

Было истреблено войско Гауримунды. да и сам он уже погибал, но тут вспомнил о волшебном знании, пожалованном ему Гаури после долгого и трудного служения ей. И тогда явилось оно в облике трехглазой богини, держащей в руках трезубец, и зачаровало воинов, сражавшихся на стороне Нараваханадатты. А Гауримунда вновь обрел силу, издал боевой вопль и ринулся на Нараваханадатту, желая схватиться с ним врукопашную, но в схватке был побит. Снова вспомнил этот колдун о волшебном знании своем, и с его помощью схватил Нараваханадатту, и унесся с ним в небо. Но не смог его сразить Гауримунда из-за знаний Дханавати, оберегавших Нараваханадатту. Тогда бросил он людей царевича на огнедышащую гору.

Манасавега же тем временем захватил министров Нараваханадатты — Гомукху и других — и, взлетев в небо, расшвырял их в разные стороны. Однако и здесь знания Дханавати; оберегли их и, обрета телесную форму, опустили их в разных местах на землю, и исчезли со словами: «Скоро обретете вы вновь повелителя, счастливого и достигшего успеха».

Решив, что расправились они со всеми, Манасавега и Гауримунда ушли по домам так же, как и пришли. Но сказала Дханавати: «Встретится еще с вами Нараваханадатта, когда достигнет своей цели, — ничего не случится с ним нежеланного!» И тогда, избавившись от наваждения, цари гандхарвов и повелители видьядхаров — Читрангада и другие — разошлись по своим местам, и Дханавати, забрав Аджинавати и ее подруг, отправилась домой. А Манасавега поспешил к Маданаманчуке и сказал ей: «Убит твой супруг, бери меня в мужья!» Она же ему в лицо на это со смехом бросила: «Он тебя убьет, а ему не быть убитым — так назначено богом!».

А Нараваханадатту, когда враг бросил его на огнедышащую гору, подхватил какой-то божественный муж и, избавив тем от гибели, отнес тотчас же на прохладный берег Мандакини. Спросил его Нараваханадатта: «Кто ты?» И тот, успокоив его, сказал: «Мое имя, божественный, — Амритапрабха. Я царь видьядхаров, и послал меня Шива, чтобы тебя оберечь от опасности. Вот перед тобой высится Кайласа, жена Кайласу, а сам удалился.

Нараваханадатта же, оказавшись на Кайласе, умилиствовал богов. Так наставлял его Нандин: «Только подвижничеством сумеешь достичь милости богов. И даже знания Гаури будут тебе подвластны!^[267]» И вот вступил владыка сиддхов в храм супруга дочери гор, и, увидев у входа Нараваханадатту сказал ему ласково: «Достиг ты успеха почти во всех делах, и ныне препятствия, чинимые тебе, устранились. Оставайся здесь и порадууй подвижничеством бога, ибо успех зависит от чистоты

подвижничества, истребляющего грехи!»

Остался там Нараваханадатта, размышляя о Шиве и Парвати. Явились к нему боги и произнесли: «За твои подвиги все, что скажешь, все сделаем!»

Итак, Нараваханадатта, получивший множество наград, поклонился высшему богу, с его позволения взошел на воздушный корабль «Падма» и сначала отправился в город Вакрапуру, где царствовал Амитагати, и знания показали ему дорогу, а сиддхи и чараны^[268] пели ему славу. Издалека еще заметив приближающийся воздушный корабль, Амитагати вышел навстречу Нараваханадатте и привел его к себе во дворец, и принял с почетом. Поведал ему Нараваханадатта, как достиг он своих знаний, а затем обрадованный Амитагати выдал дочь свою Сулочану за царевича. И тогда верховный повелитель видьядхаров провел с ней, словно с новой богиней счастья видьядхарского царства, полный радости день.

Волна четвертая

Наступил следующий день, и к новому верховному повелителю видьядхаров — Нараваханадатте, находившемуся в приемном зале дворца в Вакрапуре, с небес спустился некий муж, державший в руках жезл, приблизился и, поклонившись, изрек: «Узнай, божественный, что я наследственный пратихара верховного повелителя, и имя мое — Паураручидева, и пришел я к тебе нести свою службу». При этих словах взглянул Нараваханадатта в лицо Амитагати, и тот подтвердил: «Истинно молвил он, божественный!» А верховный повелитель был рад увидеть Паураручидеву своим пратихарой.

Благодаря силе своих знаний Дханавати узнала обо всем, что произошло, отправилась к Нараваханадатте с Вегавати и другими его женами, с сыном своим Чандасинхой, а также с Пингалагандхарой и царем Ваюпатхой, с Сагарадаттой и Читрангадой, Хемапрабхой и прочими, затмевавшими своим воинством само солнце, словно предупреждая, что не потерпят они вражеского сияния. Когда же прибыли они, то все пали к стопам верховного повелителя, а он приветствовал их, как кого положено, и сам склонился в почтении к стопам Дханавати, а та, радуясь зятю, осыпала его своими благословениями. Рассказал тут Нараваханадатта о том, как достались ему совершеннейшие знания, а Чандасинха и все прочие весьма были рады этому.

Видя, что супруги теперь с ним, спросил Нараваханадатта у Дханавати: «А где же министры мои?» А она ему ответила: «Хоть и разметал их Манасавега по разным местам, но я их оберегла с помощью моих волшебных знаний». Повелел он тогда знанию в облике красавицы привести их и, когда они явились и, склонившись к его ногам, осведомились о его здоровье, спросил их: «Где, как и по какой причине провели вы столько дней? Пусть каждый из вас расскажет — мне это интересно».

Первым начал рассказывать свою историю Гомукха: «Низвергнутый врагом, летел я, пока какая-то богиня не подхватила меня на руки, успокоила и, оставив меня в глухом лесу, исчезла. Убитый горем, я решил покинуть свое тело, бросившись со скалы, но остановил меня какой-то подвижник: «Не поступай так, Гомукха. Снова увидишь ты повелителя, достигшего своей цели!» Спросил я его тогда: «Кто ты и откуда тебе это ведомо?» — «Идем ко мне в ашрам, и там расскажу тебе об этом!» —

ответил тот. Отправился я с этим человеком — ведь доказал он мощь своего знания тем, что узнал, не спрашивая, мое имя, — в его обитель, называвшуюся Шивакшетра. Принял он меня там, как гостя, и вот какую историю о себе рассказал: «Имя мое — Нагасвамин, брахман я из города Кундина. Когда умер мой отец, отправился я в город Паталипутру и стал учиться у наставника Джаядатты. Но как ни учился я, а по глупости даже азбуки не одолел, и из-за моего невежества смеялись надо мной все другие ученики. Удрученный таким пренебрежением, отправился я поклониться богине, живущей в Виндхийских горах, а на полпути попался мне город Вакролака. Вошел я в него, чтобы попросить милостыню, и одна хозяйка вместе с милостыней дала мне красный лотос. Взял я подаяние и пошел в другой дом, а там хозяйка, увидев меня, воскликнула: «О, вот беда-то! Околдовала тебя, почтенный, йогини! Смотри-ка, под видом лотоса сунула она тебе человеческую руку!».

Услыхав такое, посмотрел я — и правда, лежит у меня в чаше для подаяния не лотос, а человеческая рука. Выбросил я ее, а сам упал к ногам хозяйки и взмолился: «Матушка, найди способ мне остаться в живых!» И тогда ответила она: «Пройди отсюда три йоджаны и найди там в деревне Карабхака брахмана Деваракшиту. Есть у него рыжая корова, воплощенная Сурабхи, сошедшая на землю, — у нее найдешь ты прибежище на эту ночь». Только она это сказала, как, перепуганный, бросился я бежать, и на исходе дня добрался до деревни Карабхака, и нашел дом того брахмана. Вошел я к нему на двор, и поклонился рыжей корове, и воззвал к ней: «Божественная, в страхе прибегаю к тебе ради убежища и защиты!» И как раз в это время — а уже наступила ночь — прилетела вместе со своими приятельницами та самая йогини и, жаждущая выпить из меня кровь и пожрать мою плоть, попыталась схватить меня. И тогда рыжая корова поместила меня между своими копытами и, защищая меня, сражалась с этими колдуньями всю ночь. Когда же с наступлением рассвета исчезли они, сказала мне рыжая корова ясным голосом: «Не смогу я тебя защищать, сынок, в следующую ночь. Так ступай ты отсюда, — пройдя пять йоджан, найдешь в лесу храм Шивы, в котором живет лучший из подвижников пашупатов, имя которого — Бхутишива. Он, мудрый, охранит тебя в эту ночь». Выслушал я это, поклонился ей и отправился в путь. Быстро добрался я до Бхутишивы и обрел у него прибежище и защиту, а ночью снова примчались йогини и снова начали меня домогаться. Завел меня Бхутишива в храм, а сам с трезубцем в руке стал у дверей, отгоняя колдуний. Одолел их Бхутишива, а когда настало утро, накормил меня и молвил: «Не смогу я больше тебя защищать, брахман. Живет в селении

Сандхьяваса в десяти йоджанах отсюда брахман Васумати. Так ты ступай к нему. Коли проведешь ты у него третью ночь, так и вовсе избавишься от опасности!» И когда замолчал он, поклонился я ему в ноги и двинулся в путь.

Но пока одолевал я этот долгий путь, солнце зашло, и наступила ночь. Настигли меня йогини, и, подкравшись сзади, схватили, и в восторге унесли в поднебесье. Да встретились им там другие йогини, еще более могущественные, и вспыхнула между ними жестокая потасовка — тут-то и выпустили они меня из рук, и упал я в каком-то пустынном краю. Заметил я там большой храм, раскрытые двери которого как бы говорили: «Входи!» И когда я, охваченный страхом, вбежал туда, то увидел окруженную сотней прислужниц женщину необычайной красоты, спасительный цветок, словно из сочувствия ко мне сотворенный творцом, сиянием своим рассеявший крошечную тьму. Тотчас же пришел я в себя, и, когда спросил ее, кто она, красавица мне сказала: «Я — якшини, и зовут меня Сумитра. Проклятием обречена я жить здесь. Но предречено мне, что кончится оно, когда сойду с человеком. Не бойся, обними меня, неожиданно пришедший, и насладись мной!» Сказала она это и тотчас же велела служанкам устроить мне, обрадованному этим, омовение, умастить притираниями и облачить в наилучшие одежды, а затем накормить и напоить. Только, только избавился я от ужаса перед колдуньями, как обрушилось на меня счастье! Воистину, немислимо знать, когда судьба обрушит на человека горе, когда — радость!

После этого счастливо провел я с якшини много дней, но однажды она по своей воле молвила мне: «Истощилось, брахман, проклятие, тяготевшее надо мной, и сегодня я отсюда ухожу. По моей милости достанется тебе божественное знание и, хоть ты и подвижник, все наслаждения будут тебе доступны, но не будешь ты знать страха. Оставайся здесь, но не заходи в средний покой моего дворца». С этими словами она исчезла, а я из любопытства пошел в средний покой и увидел там коня, а когда приблизился к нему, то ударил меня конь копытами, и тотчас же увидел я себя в храме Шивы.

С тех пор живу я здесь. Со временем стал я сиддхом и, хоть и смертный человек, обладаю знанием трех времен. С такими трудностями связано достижение успеха во всех делах. Оставайся здесь, и наделит тебя Шамбху желанным успехом». И когда мудрый так посоветовал мне, провел я с ним много дней, мечтая о прикосновении к твоим стопам. А нынче явился мне во сне сам Шарва и поведал о твоём успехе, а какая-то божественная женщина подхватила меня и принесла сюда. Вот и весь мой

рассказ».

Молвил так Гомукха, а потом стал рассказывать Марубхути:

«После того как швырнул меня Манасавега, какая-то богиня подхватила меня на руки и, отнеся в глухой лес, сама исчезла. Скитался я там, убитый горем и помышляющий о каком-нибудь способе обрести смерть, и увидел ашрам, расположенный по обоим берегам реки. Вошел я туда и увидел сидящего на камне подвижника. Поклонившись, подошел я к нему.

«Кто ты и как попал в эту страну, недостижимую для людей?» — спросил он меня. Рассказал я ему обо всем, а он, узнав мою историю, молвил: «Не убивай себя! Узнаешь ты все о господине своем и тогда сделаешь, что возможно». По его совету и остался я там, жаждущий вестей о тебе. Вот пришли однажды туда на реку купаться небесные девы. И посоветовал мне подвижник: «Иди-ка, быстро унеси одежды одной из них, и получишь ты вести о своем повелителе!» Как он сказал, так я и сделал. И та дева, у которой я унес одежду, одетая только во влагу, сложенными крест-накрест руками прикрывая грудь, побежала за мной. Сказал ей подвижник: «Расскажи нам, где и что делает сейчас Нараваханадатта, и забирай свою одежду». Тогда и сообщила она: «Находится Нараваханадатта на горе Кайласа и поклоняется Шиве, а через несколько дней станет он верховным повелителем видьядхаров». Произнесла это, и, ответив таким образом на его вопрос, обреченная проклятием, тяготевшим над ней, стала она, поскольку с ним познакомилась, женой этого подвижника. Стал он с этой видьядхари жить, а я, благодаря ее словам обретший надежду на встречу с тобой, остался жить там.

Через некоторое время та божественная красавица понесла под сердцем и родила дитя. Сказала она тогда подвижнику: «Благодаря близости с тобой истощилось тяготевшее надо мной проклятие — уйду я. Но если захочешь ты увидеть меня, свари этого младенца с рисом и съешь его — тогда снова меня обретишь». Когда же она, промолвив все это, улетела, взял он и сварил ее младенца с рисом, съел и улетел вслед за ней на небо.

Не хотел я отведать кушанья, о котором он рассказал, но видя, что благодаря ему достигается такая сверхъестественная сила, взял из котла два зернышка риса да и съел. А получилось от этого вот что — где я плюну, там и золото. Избавившись от нищеты, стал я бродить везде и наконец дошел до одного города. Там поселился я у гетеры и благодаря тому золоту жил богато, но сводня, жаждавшая вывести тайну моего богатства, обманом дала мне рвотное. Вырвало меня от того средства, и

выскочили при этом у меня изо рта два зернышка, сверкающие, как рубины. И только они выскочили, как сводня схватила их и проглотила! Так и погибла моя способность плевать золотом, похищенная сводней!

Вот ведь сейчас у Шивы на лбу полумесяц, а у Вишну на груди волшебный камень каустубха^[269], да я-то знаю, что с ними было бы, попади они в лапы к сводне! Уж таков мир — полон он и чудес, полон и мошенничеств, и кто и когда мог бы отделить одно от другого или измерить океан? В таких думах, убитый горем, забрел я в храм Чандики и стал подвигами радовать ее ради встречи с тобой. Трое суток постился я, и явилась мне во сне богиня и велела: «Достиг твой повелитель желанного, ступай и смотри на него!» Проснулся я при этих словах, а на заре снова какая-то богиня подхватила меня и принесла к твоим стопам, и вот, божественный, весь мой рассказ».

Всласть посмеялся Нараваханадатта и все, кто был с ним, над тем, как сводня надула Марубхути.

А после этого начал рассказывать Харишикха: «Когда швырнул меня наземь враг, какое-то божество, государь, оберегло меня и опустило в городе Удджайини. Убитый горем, решил я покончить с собой и, когда опустилась ночь, пошел на кладбище и сложил из поленьев погребальный костер. Разжег я его и стал поклоняться огню, как вдруг приблизился ко мне предводитель духов по имени Таладжангха и произнес: «Ради чего хочешь ты взойти на костер? Ведь жив твой повелитель и, когда достигнет он желанного, встретишься ты с ним». Так он, жестокий по натуре, возлюбив меня, уберег от смерти. Случается, что и камни тают, если судьба обратит к тебе свое лицо. Ушел я с кладбища и стал совершать подвиги, чтобы умиловать Шиву, а сегодня какое-то божество принесло меня к тебе, повелитель!»

Так закончил свой рассказ Харишикха, а за ним и все другие по очереди рассказали, что было с ними. Затем Нараваханадатта по совету царя Амитагати попросил достойную Дханавати, высокопочитаемую видьядхарами, пожаловать и его министрам все могущественные волшебные знания, и она это сделала. Когда же в этот благостный день все они стали таким образом видьядхарами, повелевающими знаниями, сказала Дханавати Нараваханадатте: «Теперь одолей врагов!»

Приказал верховный повелитель войскам выступить в поход на Говиндакуту, столицу Гауримунды. И двинулось в поднебесье несметное видьядхарское воинство, затмившее солнце, словно не ко времени явившийся Раху^[270], его враг, решил остудить своего недруга, и леденящее

кровь врагов. Сам же Нараваханадатта вошел на среднюю часть своего воздушного корабля «Лотос», разместив жен в его тычинках, а министров и друзей своих — в лепестках, и помчался по небу, устремляясь к победе. На полдороге остановились они в доме у Дханавати, называвшемся Матангапура, — был Нараваханадатта ею почтен, и провел он там день. А пока находился там Нараваханадатта, послал он к повелителям видьядхаров Гауримунде и Манасавега посла с вызовом на бой. На другой день, оставив своих жен в Матангапуре, двинулся он с видьядхарскими царями на Говиндакуту. А там уже вышли сразиться с ним Гауримунда и Манасавега, и схватились с ними Чандасинха и другие. И началась битва, в которой воины падали, словно деревья, обреченные на вырубку, и побежали с горы Говиндакута реки крови. Самграмакала, бог битвы, алчущий все новых и новых жизней воинских, разверз пасть, в которой мечи, липкие от крови, метались подобно извивающимся лианам, и была сама битва праздником, доставлявшим удовольствие демонам, во время которого трупы плясали в такт хлопкам ладоней вета, обожравшихся мертвечиной и упившихся кровью.

Но вот вступил в бой сам исполненный гнева Нараваханадатта, и, встретив лицом к лицу Манасавега, ринулся на него, и, схватив за волосы, немедля мечом отсек злодею голову, а когда кинулся на него разъярившийся при виде этого Гауримунда, то верховный повелитель видьядхаров схватил его, которого при виде Нараваханадатты покинули знания, за волосы, швырнул его наземь, а потом, взяв за ноги, раскрутил над головой да взметнул в небо, и разбился тот о скалу. Так уничтожил он Гауримунду и Манасавега, а их войско в страхе разбежалось. И тогда пал на повелителя дождь цветов, а все боги на небесах восклицали: «Славно! Славно!»

Вступил Нараваханадатта со всеми другими государями в столицу Гауримунды, и склонились перед ним повелители видьядхаров, подчинявшиеся Гауримунде и прочим, и покорились его власти. В разгар ликования по случаю достижения власти и уничтожения врагов приблизилась к Нараваханадатте Дханавати и обратилась к нему: «Божественный, есть дочь у Гауримунды — Атманика, красавица такая, какой во всех трех мирах не сыщешь. Возьми ее в жены!» И он по ее совету тотчас же послал за той и, взяв девушку в жены, счастливо провел с ней тот день.

Когда же наступило утро, послал он Вегавати и Прабхавати привести из города Манасавеги Маданаманчуку, и те привели ее. Увлажнилось лицо ее слезами радости, когда увидела она супруга, озаренного сиянием славы,

истребившего тьму врагов, — кончилась ночь разлуки, и лицо Маданаманчуки просветлело и раскрылось от счастья, словно лотос со слезинками утренней росы. А он обрадованный, отдал ей все волшебные знания и, истосковавшийся по ней, возрадовался с ней, достигшей положения видьядхари. Проводил он дни с супругами своими в саду города Гауримунды, наслаждаясь вином и прочими радостями. Потом послал он Прабхавати за Бхагиратхаяшей, и когда ее привели, то и ей передал он волшебные знания.

Но однажды приблизились к находившемуся в городе Гауримунды верховному повелителю два видьядхара и почтительно доложили: «По повелению Дханавати ходили мы, государь, в Северное царство разузнать, что делает Мандарадева. Там, в его стане, мы, переодевшиеся, увидели его и слышали, как он против тебя говорил: «Стало мне ведомо, что Нараваханадатта, сразивший Гауримунду и всех, кто с ним был, достиг ныне верховной власти над видьядхарами. Не следует пренебрегать им, а должно нам уничтожить этого врага, набирающего силу!» Услыхав такое, пришли мы сюда, чтобы все сообщить тебе».

От этих слов соглядатаев содрогнулись охваченные гневом все собравшиеся приближенные Нараваханадатты, словно лотосы под резким порывом ветра. А руки Читрангады взметнулись вверх и вперед, и забренчали браслеты на них, словно подавая сигнал к битве. Ожерелье на груди Амитагати, возмущенно вздыхавшего от ярости, вздымалось, как бы говоря тем самым: «Вставай, доблестный, вставай!» Пингалагандхара громко скреб рукой землю, точно провозглашая начало сокрушения врагов. Брови на лице Ваюпатхи искривились, и казалось, это гнев натянул лук на погибель врагам. Возмущенный Чандасинха сжимал одной рукой другую, словно восклицая: «Так сокрушу я врагов!» Звук ударов руки Сагарадатты, когда бил он себя в грудь, заполнял все небо и будто вызывал врага на битву. Нараваханадатта же, хотя и разгневался, оставался невозмутимым, а невозмутимость — признак величия великих!

Тогда решил он, добыв все драгоценности, долженствующие украсить тело верховного повелителя видьядхаров, движущихся в поднебесье, идти в поход, сокрушить врага. Вот он со всеми супругами, в сопровождении министров взошел на воздушный корабль и вылетел из Говиндакуты, и последовали за ним все цари гандхарвов и предводители видьядхаров со своими дружинами — окружили они его, как планеты Месяц, увлекаемые его движением. Вслед за Дханавати, летевшей впереди, долетел Нараваханадатта до Гималая и достиг обширного озера. И то озеро словно приглашало его приблизиться раскачивающимися зонтами — белыми

лотосами и опахалами — белыми лебедями, распростершими крылья свои над водой, призывало его омыться ради упрочения власти, высоко всплескивая волнами-руками, и оказывало тем торжественный прием, достойный верховного повелителя видьядхаров.

Промолвил тут Ваюпатха: «Надлежит повелителю совершить омовение в этом озере». Спустился к озеру Нараваханадатта, чтобы совершить омовение, и тогда прозвучало в поднебесье: «Никто, кроме верховного повелителя, не может омыться в этом озере, и потому ныне власть твоя упрочена!» Услыхав такие слова, вступил верховный повелитель в воды озера и забавлялся там со своими женами, как повелитель вод Варуна в океане, и любовался ими — намокшие одежды их красиво облегали тела, прически распускались, а от смытых притираний краснели глаза. С криками взлетали с озера вереницы птиц, словно мелодично позванивали пояса дев озера, спешивших навстречу Нараваханадатте, а лотосы скрывались в волнах, словно от стыда, за то, что превзошли их красотой лотосов своих лиц жены повелителя.

Совершив омовение, провел Нараваханадатта тот день со всей свитой, женами и министрами на берегу озера, а на следующее утро снова отправился на воздушном корабле, сопровождаемый всем своим войском. Привела его дорога в столицу Ваюпатхи, и по просьбе этого царя остановился он там на целый день. Случайно заметил он девушку, сестру Ваюпатхи, имя которой было Ваювегаяша, развлекавшуюся в саду, и возжелал ее. И она, гулявшая в саду на берегу реки Хемабалука, русло которой устлано золотым песком, лунолика, милая своим нежным щебетанием, полнобедрая, звонкосмеющаяся, отмеченная знаками добрых планет, заметила его, но хоть и привязалось ее сердце к нему, она исчезла.

Огорчился он, не зная истинной причины ее исчезновения, и, подумав, что отвернулась она от него, ушел в свои покои. Тогда его жены, узнав не от Гомукхи, уж слишком проникательного, а от Марубхути, бывшего с царем, что случилось с Нараваханадаттой, стали смеяться да подшучивать над верховным повелителем. А Гомукха в то время был здесь же, стыдясь неразумности Марубхути. Видя, что повелитель полон смущения, Гомукха утешил его и отправился в город узнать, что же на сердце у Ваювегаяши. А там Ваюпатха, увидев его, будто бы пришедшего посмотреть город, принял его, как дорогого гостя, и, отведя в сторону, сообщил: «Есть у меня сестра, девушка по имени Ваювегаяша, и когда-то мудрецы предрекли ей быть супругой верховного повелителя. Потому и хочу я подарить ее Нараваханадатте, а ты бы помог мне осуществить желаемое! Ради этого собирался я посетить тебя!» Отвечал ему на это Гомукха: «Хотя и

находится государь наш в походе, желая одолеть врага, но ты скажи ему сам, а я тебе помогу в этом!» И так уговорившись, оставил его Гомукха, а сам отправился к Нараваханадатте и сказал тому, что дело улажено без упрасиваний. А на следующий день пришел ради этого сам Ваюпатха, и, когда попросил он оказать ему такую честь, мудрый Гомукха вставил свое слово: «Не следует, божественный, отвергать просьбу. Предан он тебе, и то, о чем просит, следует выполнить!»

Согласился Нараваханадатта, и отдал Ваюпатха ему в жены свою сестру, хотя та и не хотела этого. Когда же состоялся свадебный обряд, она, не желающая замужества, взмолилась: «Силой отдает меня брат, против воли моей, и потому, о хранители мира, нет в этом греха моего!» Но при таких ее словах все женщины из дома Ваюпатхи подняли такой шум, что никого и ничего нельзя было услышать, — так что посторонним не могло быть слышно сказанное Ваювегаяшей. Тут же Гомукха начал бродить везде взад и вперед, пытаясь найти способ, чтобы умерить стыд, в который был ввергнут царь такими словами этой девушки, и, расхаживая так, увидел он в безлюдном месте четырех девушек-видьядхари, готовящихся одновременно взойти на костер. Спросил он у них о причине, и ответили ему стройные, что Ваювегаяша нарушила условие и потому они должны умереть. Поспешил тогда Гомукха к Нараваханадатте и при всех сказал ему, в чем дело.

Выслушал его Нараваханадатта и улыбнулся, а Ваювегаяша воскликнула: «Скорей идемте — должны мы тех дев спасти! Потом скажу я тебе, благородный, в чем причина!» И царь, и все, кто были там, поспешили за нею и увидели тех девушек перед пылающим костром. Она же, оттянув их от огня, стала называть их повелителю: «Вот эта — Калика, дочь владыки Калакуты, вторая — Видьютпунджа, дочь царя Видьютпунджи, имя третьей — Матангани, и она дочь царя Мандары, а четвертая, повелитель, Падмапрабха, дочь царя Махаданштры. А я — пятая, и мы все впятером, увидав тебя во время твоего подвижничества на Сиддхакшетре, были сражены любовью к тебе и дали такой обет: «Все вместе — никто из нас отдельно — избираем мы этого милого мужем. Если же кто-нибудь из нас отдельно возьмет его в мужа и будет устроена свадьба, то остальные все взойдут на костер, объявив такую предательницей!» Раз положено было такое условие, то и не желала я отдельной свадьбы, да и теперь не стану я тебе женой, благородный! Ты, мой благородный супруг, и хранители мира — свидетели того, нарушено ли это условие по моей вине! Так возьми же их себе в жены, благородный, а вы, мои подружки, ни на что иное не соглашайтесь!»

И когда она сказала все это, девушки, избавившиеся от смерти, обрадовались и стали обниматься. Обрадовался и царь. Узнав о случившемся, прибыли тотчас же их отцы, и отдали Нараваханадатте в жены своих дочерей, да и власть его над собой признали эти вожди видьядхаров во главе с повелителем Калакуты. Так за один раз взял Нараваханадатта в жены пятерых дочерей великих видьядхаров, и еще ярче засверкало его величие.

Провел он с ними там сколько-то дней, пока не сказал его военачальник Харишикха: «Искушен ты, государь, в шастрах, но почему же нарушаешь ты законы политики? Что означает твоя увлеченность любовными забавами, когда наступило время битвы? Где же твоя готовность к походу, чтобы нанести поражение Мандарадеве, и где те дни, что улетели в наслаждениях с обитательницами антахпура?» Возразил на это Харишикхе государь: «Верно сказано, но разве ради наслаждений тружусь я? Ведь общение с женами помогает получить союзников, а сейчас для поражения противника это самое важное — потому и избрал я этот путь! А теперь пусть идут вперед, на победу над врагом, мои войска!»

И тогда заговорил тесть верховного повелителя Мандара: «Трудна победа, божественный, если не добудешь ты все драгоценности, которыми должно быть украшено твое тело! Живет Мандарадева в краях далеких и труднодостижимых, а пройти в его страну можно лишь через пещеру Триширша, охраняемую могучим героем Девамаей, да и пройти сквозь нее сможет только верховный повелитель, овладевший необходимыми драгоценностями. Одно же из сокровищ верховного повелителя — сандаловое дерево — стоит в этой стране. Овладей им ради желанного успеха — никто, кроме верховного повелителя, не может подойти к нему».

Услыхав это от Мандары, провел Нараваханадатта ночь в посте и пошел к тому сандаловому дереву. Шел он, не испытывая страха, хотя на пути его были ужасающие препятствия, но он не дрогнул и дошел до подножия великого дерева. Увидел он это великое сокровище, окруженное высоким алтарем, подошел к нему, поднялся по ступеням и поклонился сандаловому дереву. «Верховный повелитель, покори ты меня, сандаловое дерево, и, если ты в нужде вспомнишь обо мне, тотчас же явлюсь я перед тобой, а сейчас ступай на Говиндакуту — обретешь другие сокровища и легко одолеешь Мандарадеву», — раздалось в ночном мраке бестелесное слово. Поклонился одержавший победу чудесному дереву и, произнеся: «Да будет так!» — улетел радостный великий повелитель видьядхаров Нараваханадатта небесной дорогой в свой стан.

Проведя там ночь, поутру в зале собраний всем поведал

Нараваханадатта о том, как досталось ему сандаловое дерево. Когда же узнали все его жены, сверстники-министры и верные ему видьядхары — Ваюпатха и прочие — со своими дружинами, гандхарвы во главе с Читрангадой, обрадовались они тому, как замечательно был достигнут великий успех, и восхвалили доблесть Нараваханадатты, сопряженную с величием, мощью, стойкостью, энергией и смелостью. Посоветовавшись с ними, царь отправился на небесном корабле на гору Говиндакуту, чтобы добыть остальные сокровища, как велело ему сандаловое дерево, и сокрушить гордыню Мандарадевы.



Книга о Великом Помазании



Те, кто без промедления вкусят сладость Океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а. сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

Волна первая

Да избавит вас от тьмы Сокрушитель препятствий, рассеивающий яркие звезды из воздетого ввысь хобота во время яростно сокрушительной пляски по ночам!

И пока верховный повелитель Нараваханадатта находился в своем стане на горе Говиндакута, примчался к нему небесной дорогой видьядхар по имени Амритапрабха, спасший Нараваханадатту, когда был тот брошен врагом на огненную гору. Приблизился он, назвал себя, и склонился в поклоне, и, когда повелитель явил ему свое расположение и гостеприимство, молвил: «Стоит далеко на юге большая гора, и называется она Малая, и живет там в ашраме, расположенном на ее склоне, великий мудрец Вамадева. Хочет он, повелитель, по какой-то причине, чтобы ты пожаловал к нему один — ради этого послал он меня сегодня к тебе. Ты — повелитель мой благодаря прежним моим заслугам, а я пришел по повелению того мудреца. Так давай ради успеха поспешим к мудрому Вамадеве».

И как только договорил это видьядхар, Нараваханадатта, оставив на горе, с согласия их, жен и войска свои, вознесся в поднебесье и, быстро достигнув горы Малая, предстал пред мудрым Вамадевой. Увидел он высокого, убеленного сединами старца. Волосы того, ниспадавшие волнистыми прядями, были подобны лианам, а глаза, сверкавшие из глубоких глазниц, — драгоценным камням. Был он словно хранилище драгоценностей верховного повелителя видьядхаров, увенчанный снегами хребет Гималайский, явившийся ради помощи в достижении успеха. Почтительно склонился к его стопам Нараваханадатта, а мудрый, оказав царю гостеприимство, молвил: «Ты — Кама, прежде сожженный Шивой, а ныне возрожденный им, обрадованным подвижничеством Рати, и поставленный верховным повелителем над всеми царями видьядхаров. Здесь в моем ашраме, в глубокой пещере, хранятся драгоценности, и я покажу их тебе. Ты их возьми, и с ними одолеешь ты Мандарадеву. Ради этого по велению Шамбху призвал я тебя сюда».

Затем мудрец, а вместе с ним, указавшим средство для достижения цели, и радостный Нараваханадатта проникли в пещеру. Преодолев в ней разные препятствия, увидел герой царственного слона, безумно яростного, мчащегося на него, издавая грозный рев. И тогда ударом кулака в лоб остановил Нараваханадатта слона и, встав ногами на его бивни, легко

поднялся на этого безумца, и тотчас же из недр пещеры раздался голос: «Садху! Отменно! Досталось тебе, повелитель, истинное сокровище среди слонов!»

Затем увидел он меч повелителя земли, подобный царственному змею, и бросился к нему. Схватил он тот меч и тем самым словно схватил за косы саму богиню счастья верховного над всеми царями видьядхарскими властителя. И снова загремело под сводами пещеры: «Садху! Добро! Достался тебе меч, сокрушающий врагов и приносящий победу, истинный алмаз среди мечей!» А после этого обрел Нараваханадатта еще лунный камень, сокровище среди жен Камини, и еще сокровище знаний — камень, разрушающий действие чар. И вместе с первыми двумя — озером и сандаловым деревом — обрел он все семь сокровищ повелителя видьядхаров, необходимые в нужде и порождающие величие. Вышел повелитель с ними из пещеры и поведал мудрому Вамадеве обо всем добытом.

Тогда ласково молвил мудрый верховному повелителю: «Достались тебе, сынок, сокровища верховного повелителя^[271], дарующие успех, а теперь в путь — одолей Мандарадеву, господствующего над всем, что находится к северу от Кайласы, и насладись счастьем правления обоими царствами!» После таких слов мудреца склонился перед ним в поклоне достигший успеха Нараваханадатта и умчался вместе с Амритапрабхой небесным путем. Мгновенно достиг он своего лагеря, раскинувшегося на горе Говинда, оберегаемого могучей силой его тещи Дханавати, и все, устремлявшие взоры в небо в ожидании повелителя и его союзника — цари видьядхаров, и его жены, и министры, — обрадовались, видя его, и приветствовали. Когда же он спустился к ним, стали все расспрашивать о его встрече с мудрецом Вамадевой, а он поведал им и о том, как проник в пещеру, и о том, как обрел сокровища. И было по этому случаю великое торжество, и гремели радостно небесные барабаны, и плясали все видьядхары, а люди все были крепко навеселе.

На другой день, когда неблагоприятная планета вступила в созвездие его врага, а покровительствующая повелителю и сулящая ему успех планета затмила вражеское созвездие, свершив все церемонии для обретения счастья, поднялся Нараваханадатта на пожалованную Шивой колесницу, созданную самим Брахмой, и отправился в сопровождении всего войска и обитательниц антахпура небесным путем сразить Мандарадеву, и шли с ним, окружая его, преданные повелителю и бесстрашные герои, цари видьядхаров и предводители гандхарвов, послушно выполнявшие повеления военачальника Харишикхи. И были там

Чандасинха со своей многомудрой матерью Дханавати, и мужественный Пингалагандхара, и могучий Ваюпатха, и Видьютпунджа, и Амитагати, и повелитель Калакуты, и Мандара, и Махаданштра, и друг его Амритапрабха, и герой Читрангада с Сагарадаттой, и эти, и другие, и еще те, которые следовали Гауримунде, — и все они со своими дружинами двинулись за повелителем, устремившимся к победе. И заполнило войско повелителя все небо, и солнце куда-то скрылось, словно потонуло в море стыда, усомнившись при виде сияния верховного повелителя в собственном блеске.

Вот миновав озеро Манаса, на берегах которого находилось множество божественных мудрецов, выполнявших святыя обеты, и пройдя стороной мимо Гандашайлы, сада забав для небесных дев, верховный, повелитель достиг подножия царственной Кайласы, сверкающей, словно горный хрусталь, подобно собственному величию Нараваханадатты, и когда приблизился он к берегу Мандакини, обратился к нему повелитель видьядхаров многоумный Мандарадева с дружеским советом: «Остановись здесь, божественный, на берегу небесной реки! Не следует переправляться через нее и устремляться на Кайласу — у тех, кто нарушает покой обиталища Хары, погибают все волшебные знания, — а следует тебе идти на север и там пройти через пещеру Триширша. Охраняется она царем по имени Девама, весьма заносчивым, и не сможем мы идти дальше, если не одолеем его». Все сказанное подтвердила Дханавати. И тогда Нараваханадатта провел в том месте день, а к Деваме отправил посла с дружественным посланием, но не принял тот его повелений.

Когда же забрезжил новый день, верховный повелитель Нараваханадатта со всеми снарядившимися к битве царями пошел на Девама, а Девама, лишь только узнал об этом, вместе с войском своим и в сопровождении царей Варахи, Ваджрамушти и многих прочих вышел, чтобы сразиться с Нараваханадаттой. И началась между двумя могучими армиями битва при Кайласе, и небо померкло от колесниц богов, собравшихся посмотреть на сражение. Ужасна была эта грозная туча войны, разражавшаяся громами боевых кличей воинов, проливавшаяся ужасным дождем из отсеченных голов и разрубленных тел.

Ничего не было удивительного в том, что Чандасинха сразил бившегося впереди всех Вараху, предводителя полчищ Девама, но удивительно было то, что сам Нараваханадатта, не использовав никаких волшебных сил, пленил Деваму, упавшего в беспамятстве от жестоких ран, нанесенных ему в бою. А раз попал в плен, то все войско его с великими богатырями Ваджрамушти, Махабаху, Тикшнаданштрой и

другими обратилось в бегство. И тут все боги, стоя на колесницах, возглашали: «Садху! Отлично! Славно!» — и все восславили победоносного верховного повелителя. Когда же привели к нему связанного Девамаю, великий повелитель милостиво принял его и освободил, а тот, покоренный дланью Нараваханадатты, вместе с Ваджрамушти и прочими стал под высокую руку верховного повелителя. Так завершилось сражение, и вместе с ним истощился свет дня.

На следующий день, когда Девамая пришел в шатер верховного повелителя и остался около него, Нараваханадатта, жаждущий пройти сквозь пещеру Триширша, спросил у него о ней, и вот какую подлинную историю поведал Девамая:

«В давние времена, божественный, была Кайласа разделена на два царства: южное — Дакшина и северное — Уттара, предназначенные для лучших из видьядхаров. Своим подвижничеством заслужил один из них, по имени Ришабха, повеления Шамбху о том, что назначается верховным повелителем обоих царств. Но когда Ришабха полетел над Кайласой на северную ее половину, то оказавшийся под ним внизу Хара пришел в гнев из-за того, что посмел Ришабха оказаться выше его, и лишил видьядхара всех волшебных знаний, и рухнул тот с небес. Жестокими подвигами снова умиловил он Хару, и снова блистательный бог объявил Ришабху верховным властителем обоих царств. Но спросил его видьядхар: «Как могу я, божественный, быть верховным повелителем обоих царств, если не смею я пролететь над Кайласой? Как попасть мне в царство Уттара?» Услышав такой вопрос, бог, держащий в руке трезубец, чтобы помочь Ришабхе проникнуть в царство Уттара, пробил в теле Кайласы великий проход, И пронзенная Кайласа, содрогнувшаяся от жестокой раны, удрученная, взмолилась Шиве: «Никогда, повелитель, не была доступна людям моя северная сторона, но теперь через этот проход смогут пройти и они. Прошу тебя, сделай так, чтобы никто не мог нарушить этот предел». И тогда Хара, упрощенный Кайласой, назначил, чтобы проход охраняли слоны, сторожащие страны мира, цари змеиные со смертельным для людей взглядом, гухьяки, таящиеся во мраке; у южного входа поставил он владыку видьядхаров Махамаю, а на севере — Каларатри^[272], мрачную ночь конца мира, несокрушимую Чандику, и, создав защиту для этого прохода, сотворил он великие сокровища и так решил благостный Шанкара: «Да будет этот проход доступен с двух сторон лишь для добывшего сокровища верховного повелителя, движущегося в поднебесье с его супругами и с его посланцами, и для тех, кто будет им назначен управлять северным царством! Пусть будет доступен он только лишь для

тех, кого назвал я, и ни для кого иного!» Так был назначен Ришабха веле́нием Трехглазого верховным повелителем обоих царств, но когда обуреваемый гордыней стал он воевать с богами, то был сражен Индрой, держателем ваджры.

Такова, повелитель, подлинная история этой пещеры, называемой Триширша, недоступной никому, кроме таких, как ты. Со временем в роду Махамаи, назначенного охранять южный вход в Триширшу, родился Девама́я — это я, повелитель. При моем рождении, повелитель, прозвучало с небес: «Вот родился среди видьядхаров тот, кого не победит никто из врагов, — только тот одолеет его, кому предназначено быть верховным повелителем видьядхаров, и лишь тот будет его господином, и за ним последует это дитя!» Вот побежден я тобой, обретшим волшебные сокровища, могущественным, верховным повелителем обеих сторон Кайласы, и ты нам теперь господин. Так пройди же по Триширше и одолей оставшихся врагов».

Замолчал Девама́я, и верховный повелитель изрек: «Сегодня мы отправляемся к входу в Триширшу и станем там лагерем, а завтра утром, совершив необходимые приготовления, проникнем в пещеру». Решив так, отправился он со всеми союзными царями к пещере. Остановившись перед ее входом, увидел он непроглядно-мрачную глубину, подобную той, в которой рождался лишенный солнца и света день конца мира. На следующий день, совершив жертвоприношение, стоя на колеснице, проник он в пещеру, и были с ним семь священных сокровищ, явившихся, как только он о них подумал, и сопутствовали ему вся свита и все войско. Рассеял он тьму лунным камнем, отвратил убийственные взоры змеев сандаловым деревом, усмирил слонов, охраняющих страны света, волшебным слоном, и разогнал гухьяков своим волшебным мечом, а прочие препятствия разрушил разными волшебными камнями, прошел вместе с войском через Триширшу и вышел через северный ее вход. И тут же увидел он северный склон Кайласы, подобный другому миру, достигнутому без нового рождения, и услышал с небес голос: «Слава тебе, верховный повелитель! Прощел ты через Триширшу благодаря величию, достигнутому с помощью волшебных сокровищ!»

Тогда обратились к повелителю Дханавати и Девама́я: «Здесь всегда, божественный, у этого входа витает Каларатри, сотворенная самим Вишну в ту пору, когда добывалась амрита из океана, чтобы разорвать на части повелителей данавов, жаждавших ее похитить. Вот ее-то Шарва и назначил охранять этот вход в пещеру, так чтобы никто иной не мог выйти из него, кроме тех, кто тебе подобен. Ты, верховный повелитель, овладевший

волшебными сокровищами, вышел из пещеры, и нужно ради успеха почтить ее, достойную поклонения». Этими словами Дханавати и Девамай закончился тот день для Нараваханадатты.

Когда же зарозовели под лучами вечерней зари вершины Кайласы, словно предвещая потоки крови в грядущей битве, опустилась на войско Нараваханадатты обретшая силу непроглядная тьма — казалось, вспомнила она, что, пройдя через пещеру, ее обитель, нанесло ей войско повелителя оскорбление, и преисполнилась вновь вражды, — и точно побегу гнева Каларатри, разъяренной тем, что не было оказано ей почтение, закружились в вихре бхуты, ветапы, дакини, ганы и оборотни. Тотчас же все войско утратило сознание, будто впад в сон, и лишь один Нараваханадатта остался не подвержен такому помрачению. Понял он: разъярена Каларатри тем, что не оказано ей почтения. И принес верховный повелитель жертву ей цветами красноречия: «О ты, искусная в метании диска, обезглавливающая! Ты, воплощение священного слона! Ты, сила жизни, жизнь вдыхающая во все существа, тебя славлю я! Да будет слава тебе в образе Дурги, успокаивающей все три мира, три острия трезубца которой орошены потоками крови, извергающимися из горла Махиши! Тобою, вздымающей во время пляски в своей трепещущей руке череп, наполненный кровью Руру, словно чашу^[273], содержащую спокойствие трех миров, победа одержана! Ты, богиня, любезная Шиве, держащая череп в руке, сверкаешь словно держащая солнце и луну, хотя и зовешься Каларатри, беспросветной ночью! Ты, череп в руке которой украшен, словно разливающими свет светильниками, возведенными вверх глазами!»

Не была обрадована Каларатри таким молением, и тогда, чтобы умиловить ее, решил Нараваханадатта принести в жертву богине свою голову, но только схватился за меч, как раздался голос богини: «Не спеши, сынок, не спеши! Добился ты успеха, герой, и да будет войско твоё цело и невредимо, и да одержишь ты победу!» И тотчас же войско очнулось, словно от сна, и очнулись супруги Нараваханадатты, и его друзья, и все видьядхары, и восславили они могущество верховного повелителя. И тогда герой отведал и еды, и питья, и совершил все необходимые дела, и провел эту ночь из трех страж в ожидании таком томительном, что казалось, будто состояла она из ста страж.

Наступило утро, и, совершив жертвоприношение Каларатри, устремился Нараваханадатта навстречу Дхумашикхе, преградившему со своим войском из видьядхаров ему путь. Началась тогда у Нараваханадатты с этим царем, главным из стана Мандарадевы, такая жестокая битва, что небо казалось состоявшим из одних мечей, земля — из

голов героев, а речь — из одних свирепых боевых кличей: «Рази! Рази!» Был Дхумашикха схвачен в бою и приведен к верховному повелителю. Нараваханадатта же, сломив его сопротивление, оказал — ему почет и заставил его признать над ним свою власть. И в этот день ввел повелитель войско свое в город поверженного врага, и было оно словно дым от костра, на котором сгорела слава Дхумашикхи.

А на другой день узнал верховный повелитель от соглядатаев, что Мандарадева, проведавший обо всем, вышел ему навстречу, и решил Нараваханадатта вместе со всеми царями видьядхаров идти на него и одолеть. Пройдя немного, увидел он войско Мандарадевы, окруженного сонмом царей, стоявшее в порядке, удобном для битвы, и, построив свое войско в боевом порядке, Нараваханадатта, сопутствуемый царями, налетел на вражескую силу. Столкнулись в яростной схватке оба войска, и каждое из них, подобно было океану, неотвратимо заливающему все сущее в день конца мира^[274], и бились с одной стороны славные герои на колесницах, возглавляемые Чандасинхой, а с другой — богатыри во главе с царем Канчанаданштрой. И содрогались все три мира, и колыхались горы, и словно от беспощадного ветра конца времен разгоралось сражение, и Кайласа с одной стороны стала красной от пролитой крови героев, а с другой — пепельно-серой, уподобившись тем самому супругу Гаури! И стала та битва, в которой сверкали в лезвиях мечей мириады отражений солнца, истинным концом света для героев, и вызвала она такое изумление у Нарады и других небожителей, пришедших посмотреть на нее, что перехватило у них дыхание, хотя и доводилось им видеть страшные битвы между богами и асурами.

В этой свирепой схватке кинулся на Чандасинху Канчанаданштра и свалил его жестоким ударом боевой палицы. Видя сына своего павшим под ударом, прокляла Дханавати с помощью своего волшебства оба войска и повергла всех в сон — лишь верховный повелитель Нараваханадатта и Мандарадева остались бодрствовать. Боги же, увидев Дханавати разъяренной и зная, что способна она в гневе сокрушить мир, разбежались во все стороны. Заметя, что остался Нараваханадатта один, накинулся на него алчущий боя Мандарадева, а тот сошел с колесницы и, выхватив свой волшебный меч, немедля отразил нападение. Тогда решил Мандарадева одолеть соперника волшебством и с помощью знаний своих принял образ обезумевшего от ярости слона, но Нараваханадатта с помощью своего превосходства в знаниях обратился в громадного льва. Тогда освободился Мандарадева от облика слона, а Нараваханадатта — от облика льва, и стали они сражаться в своем естественном облике, и, сверкая искусством в

разнообразных приемах и выпадах, действовали они словно актеры, разыгрывающие представление на сцене.

Вот ловким выпадом выбил Нараваханадатта из рук Мандарадевы меч и тем отнял у него надежду на победу, а когда тот, лишенный меча, схватился за кинжал, то и его точно так же выбил из руки Мандарадевы верховный повелитель. Кинулся обезоруженный враг на Нараваханадатту врукопашную, но тот, схватив противника за лодыжки, свалил недруга на землю и уже схватил за волосы, готовый отсечь мечом голову, и поставил ногу на грудь поверженного, как подбежала к нему сестра врага Мандарадеви и, желая уберечь брата, заговорила: «Еще в те времена, когда увидела я тебя в обители отшельника, решила, что станешь ты мне супругом. Так не убивай же, царь, шурина своего, моего брата!» И когда прекрасная молвила так, отпустил великий и отважный царь пристыженного поражением Мандарадеву и сказал: «Отпускаю я тебя, царь видьядхаров, и не стыдись этого — равно изменчивы для героев в бою и победа, и поражение!»

На это ответил царю Мандарадева: «Что мне теперь жизнь, спасенному в битве женщиной? Пойду теперь к отцу, живущему в обители лесной, и предамся подвигам во имя веры. Ведь тебе предназначено быть верховным повелителем обоих царств. Давно уже отец предсказывал мне это!» И с этими словами отправился гордый воин в обитель к отцу своему. «Слава тебе, верховный повелитель, покоривший всех своих врагов, — достиг ты всей полноты власти!» — говорили взиравшие с небес боги.

Когда же Мандарадева удалился, Дханавати своею волшебной силой пробудила и своего сына, и враждующие войска. Восстав от сна и узнав, что Нараваханадатта одолел всех врагов, министры и все прочие вознесли хвалу победоносному, а цари Канчанаданштра, Ашокакари, Рактакша, Каладжихва и другие, принадлежавшие к партии Мандарадевы, приняли власть Нараваханадатты. Увидев Канчанаданштру, вспомнил Чандасинха об ударе, нанесенном ему в бою палицей, и пришел в ярость — крепко сжав рукоятку меча, замахнулся он на врага, но Дханавати охладила пыл сына словами: «Хватит, сынок, буйства! Кто тебя в бою одолеет? Чтобы избавить оба войска от истребления, на мгновение повергла я их в сон!» И тем обрадовала она верховного повелителя и все войско его. Нараваханадатта испытал величайшее наслаждение, завоевав власть над всем Северным царством, в котором теперь уже не было места войне, поскольку врагов либо победил, либо подчинил, либо обратил в бегство, в то время как все друзья и союзники его остались невредимыми.

И тогда оглушительно загрохотали барабаны, возвещая торжество

победы над врагами, и довольный Нараваханадатта, окруженный возлюбленными, и министрами, и множеством могущественных государей, провел тот день, украшенный великолепными песнями и плясками небесных дев, наслаждаясь им, словно упиваясь медом сломленного мужества врагов.

Волна вторая

Наступил новый день, и верховный повелитель Нараваханадатта со всем воинством своим ушел с плоской вершины Кайласы и по совету Канчанаданштры, шедшего впереди, указывая путь, направился в столицу Мандарадевы город Вималу. Дошел он до Вималы, прекрасные стены и башни которой сверкали золотом, будто сама гора Меру явилась поклониться горе Кайласе, и вошел в тот чудесный город, находящийся под покровительством великих Вишну и Шри и переполненный неистощимым богатством, точно собрание несметных сокровищ, подобный океану, только лишенному воды.

Когда сел Нараваханадатта в зале совета, окруженный царями и небожителями, приблизилась к могущественному повелителю старуха из царского антахпура и молвила: «Побежденный тобой, удалился Мандарадева в лес, а его царицы, узнай, о повелитель, услышав об этом, исполнены жажды взойти на погребальный костер». Но не дал им покончить с собой верховный повелитель вместе с видьядхарами, а наделил, словно своих сестер, и жильем, и всякими другими дарами, и тогда все видьядхарские цари посчитали себя обязанными верховному повелителю за проявленное сострадание. А благодарный Нараваханадатта отдал царство, брошенное Мандарадевой, царю Амитагати, как это и было предназначено, и, так как Амитагати был верен и предан Нараваханадатте, отдал под его державу следовавших за Мандарадевой царей Канчанаданштру и других. Провел верховный повелитель в тех богатых садах семь дней, словно предаваясь наслаждениям в объятиях новой супруги своей, богини — покровительницы царства северного склона Кайласы.

Обретя верховную власть над видьядхарскими царями обеих сторон алтаря, возжелал Нараваханадатта большего, и хотя отговаривали его министры, но выступил он в поход, чтобы завоевать саму страну Меру, неприступное обиталище богов. Блистательно преуспевающие, даже когда они обретают чрезмерные, богатства, не останавливаются в жажде достичь чего-то особенного, точно неукротимый лесной пожар. Тогда явился пред ним мудрый Нарада и обратился к нему с такими словами: «Хоть и сведущ ты в политике, но что означает, государь, стремление твое к недостижимому? Тот, кто из гордыни затевает достичь недостижимого, навлекает на себя позор — подобен он Раване, вознамерившемуся вырвать

из земли Кайласу^[275]. Ни солнце, ни луна не могут пройти над страной Меру — и ты не сможешь. Ведь Шарва повелел тебе властвовать над видьядхарами, а не над богами! Завоевал ты Хималай, страну видьядхаров, так что тебе за дело до Меру, страны богов? Откажись от этого невыполнимого дела. Коли желаешь себе блага, повидайся лучше с живущим в лесу Акампаной, отцом Мандарадевы». И когда мудрый Нарада закончил говорить и дал таким образом совет верховному повелителю, а затем услышал от того слова согласия, то удалился так же, как и появился.

Верховный повелитель, получивший такое предостережение от Нарады и понимающий порядок дел, вспомнил, что рассказывал ему Девама о гибели Ришабхи, и, поразмыслив над этим, отказался от похода на страну богов. Вместо этого отправился он в ашрам повидаться с царственным мудрецом Акампаной. Вступил он в него, напоминающий мир Брахмы, полный великих мудрецов, искусных в йоге и сидящих в позе падмасана^[276], и, увидев престарелого Акампану, облаченного в лубяную одежду и украшенного косой, подобного раскидистому дереву, окруженного множеством великих мудрецов, приблизился к нему и поклонился, а царственный мудрец, оказав ему гостеприимство, молвил: «Хорошо поступил ты, государь, что пришел в нашу обитель, — если бы миновал ты ее, прокляли бы тебя великие мудрецы!»

А пока царственный мудрец говорил это верховному повелителю, живший в той пустыне Мандарадева, принявший на себя обет подвижничества, пришел к отцу в сопровождении своей сестры, царевны Мандарадеви. Увидел его Нараваханадатта и обнял — ведь у доблестных естественна и уместна любовь к побежденным и смирившимся врагам. Видя, что вместе с братом пришла Мандарадеви, обратился царственный мудрец к верховному повелителю: «Вот, государь, дочь моя, и имя ее — Мандарадеви. Предречено ей божественным соизволением быть женой верховного повелителя. Так прими ее, повелитель, мною тебе отданную!» Промолвил это царственный мудрец, и сказала тогда его дочь: «Есть у меня четыре подруги: одна из них — Канакавати, дочь Канчанаданштры, другая — дочь Каладжихвы по имени Калавати, третья — Диргхаданштры дочь по имени Шрути и четвертая — дочь Патрараджи, и зовут ее Амбарапрабха, а я — пятая из тех дочерей царей видьядхарских. Давно как-то впятером гуляли мы и увидели в пустыне этого благородного, и так он всем нам понравился, что решили мы: будет он всем нам пятерым мужем, а если одна из нас сделает его своим мужем, то все другие покончат с собой, а та

будет в том виновна. Так что не годится устраивать мне свадьбу без подружек. Как таким людям, как я, нарушать условленное?» Только сказала все это верная слову дева, как отец ее Акампана позвал четырех вождей видьядхаров, отцов этих девушек, и поведал им о том, что случилось. И каждый из них посчитал, что достиг цели своей жизни, и привел дочь свою. И тогда Нараваханадатта женился по очереди на каждой из дев, начиная с Мандарадеви, и провел там с ними много дней, трижды в день поклоняясь мудрецам, а вся его свита предавалась торжеству.

«Теперь, государь, ступай на гору Ришабха — там должно совершить обряд великого помазания!» — велел ему Акампана, а Девамая подтвердил: «Да, божественный, именно так и надлежит поступить, ведь и прежде бывшие верховными повелителями видьядхаров Ришабхака и другие приняли помазание на той самой горе». Слыша это, стал Харишикха восхвалять находящуюся неподалеку гору Мандару, как удобную для совершения помазания, но вдруг с небес раздалось: «Все, прежде достигавшие сана верховного повелителя, о царь, принимали великое помазание на горе Ришабха, и потому ты теперь же ступай на совершенное место!»

Выслушав повеление с небес и поклонившись Акампане и другим мудрецам, в благословенный день отправился в путь Нараваханадатта и вместе со всеми повелителями видьядхаров, возглавляемыми Амитагати, дошел до северного входа в пещеру Триширша, и, принеся жертву Каларатри, вошел в ту пещеру, и вышел из нее на юге. Когда вышел он оттуда со всеми своими войсками, то по просьбе Девамаи провел в его дворце целый день вместе со всей своей свитой. А помыслив о том, что рядом, на Кайласе, находится сам Хара, тотчас же вместе с Гомукхой поспешил он туда поклониться ему. Достигнув обители Хары и поклонясь Сурабхи, священной корове, и быку Нандину, охраняющему вход в святилище, обратился Нараваханадатта к нему с мольбой допустить пред очи бога, и тот, довольный тем, что обошел он его слева направо, открыл ему ход. Войдя же, увидел повелитель видьядхаров сидящего вместе с Парвати бога, несущего на знамени быка и далеко рассеивающего наслаждение снопами лучей месяца, украшавшего божественное чело, мечущимися в разные стороны, словно желая спастись бегством от всепобеждающего сияния лика блистательной Гаури. И развлекались бог и его супруга игрой в кости, которые, словно глаза, как хотели, так и поворачивались, выполняя каждая назначенное ей дело — оставалась свободной, игривой и непостоянной, но подчинялась его воле. И когда Нараваханадатта узрел Подателя желаний, пал он ему и дочери повелителя

гор в ноги и дважды прополз вокруг них слева направо.

«Достойно поступил ты, что пришел сюда, не то совершил бы ошибку. Отныне же да будут все твои знания несокрушимы. Теперь, сынок, ступай на гору Ришабха и без промедления, в назначенное время, прими великое помазание», — рек ему Шива, и верховный повелитель видьядхаров, получив от бога такое повеление, молвил: «Так и быть тому!» — и, поклонившись богу и его супруге, вернулся во дворец Девамаи. Когда же вступил он туда, шутливо спросила его Маданаманчука: «Куда ходил ты, благородный, что такая радость сверкает на твоём лице? Уж не обрел ли ты, подобно тому как это случилось здесь, еще пятерых невест?» А он в ответ на это поведал ей, что с ним было на самом деле, и обрадовал ее, и были они счастливы.

На другой день, словно даруя небу своим сиянием второе солнце, взошел на лучшую из колесниц Нараваханадатта вместе со своими супругами и министрами и, сопровождаемый воинством гандхарвов и видьядхаров, отправился на гору Ришабха. Доехал он до этой божественной горы, а пока ехал к ней, придорожные деревья, ветви, и листья, и лианы, их опутывающие, под ветром развевались, словно пряди волос подвижников, приносили ему в жертву цветы, подобно тому как подвижники приносят жертву, совершая подвиги во имя веры.

Там, на той горе, собрались цари видьядхаров, завершившие все приготовления, приличествующие великому помазанию их верховного повелителя, и собрались они со всех сторон, держа в руках подобающие дары, и одни из них были преданы ему, другие — испуганы, третьи — покорны, а четвертые — почтительны. Спросили у него видьядхары: «Которая из цариц, божественный, займет рядом с тобой место на троне при совершении великого помазания?» И когда сказал он: «Со мной на троне при совершении великого помазания будет царица Маданаманчука!» — то всех охватило сомнение, ибо была она рождена смертной женщиной. Но тут зазвучало в поднебесье божественное слово: «Внемлите, видьядхары: Маданаманчука не смертная женщина, а сама Рати, снизошедшая на землю, чтобы стать супругой вашего властелина, в котором воплощен Кама. Не была она рождена Калингасеной от Маданавеги, а боги подменили ею, не из чрева рожденной, младенца действительно рожденного, который был убран от матери — творец отдал его Маданавеге, при котором ребенок, получивший имя Итьяка, и вырос. Так что по праву и достоинству займет место на том троне рядом с мужем Маданаманчука, и это давно было ей обещано самим Харой, довольным ее подвижничеством». На этом закончилась божественная речь, и все

видьядхары возрадовались и восславили божественную Маданаманчуку.

В день, отмеченный благодетными приметами, начал пурохита Шантисома обряд, и зазвучали благовестные трубы, и раздались благозвучные песни небесных дев, и голоса брахманов, читавших веды, заполнили все десять стран света, и тогда великие мудрецы пролили на Нараваханадатту и Маданаманчуку, сидевшую на троне слева от него, воду, принесенную в золотых сосудах с разных мест святых купаний, и — вот что чудно — стоило лишь каплям воды, освященной чтением мантр, коснуться головы повелителя, как из душ его врагов ушла былая вражда. Сама же Лакшми, рожденная из океанских вод, присутствовала в воде во время великого обряда, чтобы на виду у всех заключить властелина в свои объятия, а сброшенные руками небесных Дев бесконечные гирлянды цветов падали на него, словно струи Ганга, нисходящей с небес, обнимали его тело, умащенное шафраном, точно доблестью. А сам повелитель был подобен солнцу, восходящему в блеске зари после омовения в океанских водах, и, сверкающий богатыми одеждами и украшенный венцом из сплетенных цветов мандары, когда увенчали его короной, похитил славу Индры. И во все время великого обряда была рядом с ним Маданаманчука, блиставшая божественными украшениями, как сама Шачи, супруга Индры. И хоть стало темно в тот день, оттого что, подобно ливню и грому из грозовой тучи, падал с неба дождь небесных цветов и гремели небесные литавры, но был он светел — ведь озарялся он, словно вспышками молний, сиянием красоты небесных дев. А затем в городе повелителя гор поплыли в танце не только лучшие из видьядхарских дев, но и лианы, колеблемые дуновением ветра. Голоса же сказителей, подыгрывавших себе на тамбуринах, умножались, бессчетно отзываясь эхом в пещерах горы, и переполненная видьядхарами, охмелевшими от божественного питья и ходившими уже неверной походкой, сама гора, казалось, шаталась от хмеля. Видя только что описанный праздник, великий Индра, стоявший на своей колеснице, почувствовал, что торжество по поводу помазания Нараваханадатты затмило его собственное^[277].

Когда же свершилось давно желанное великое помазание верховного повелителя, вспомнил Нараваханадатта о своем отце и пожелал увидеть его. Посоветовавшись с Гомукхой и другими министрами и позвав царя Ваюпатху, повелел он тому: «Ступай и привези сюда моего отца, сказав ему: «Нараваханадатта тоскует по тебе, и, поведав затем обо всем, что тут было, а вместе с ним привези сюда и супруг его, сказав и им также, что я тоскую по ним, и всех его министров». И молвил Ваюпатха на это: «Так тому и быть!» Умчавшись в поднебесье, тотчас же достиг он Каушамби, и

жители этого города со страхом и удивлением увидели, как опускается он, окруженный семьюдесятью миллионами видьядхаров.

Увидел тут Ваюпатха Удаяну, владыку ватсов, с его министрами и женами, а тот оказал посланцу должный почет и посадил возле себя. Царь же видьядхаров, осведомившись о здоровье Удаяны, на которого все смотрели с удивлением, повел такую речь: «Твой сын Нараваханадатта, умиловив Шанкару и удостоившись лицезреть его, вознагражден был милостью бога, сделавшего все волшебные знания Нараваханадатты несокрушимыми для врагов. Сразив Манасавегу и Гауримунду в Южном царстве и одолев Мандарадеву, правившего Северным царством, и тем объединив оба царства, обрел он великий сан верховного повелителя всех видьядхарских царей, и подчинились они его власти. Теперь состоялось на горе Ришабха великое помазание, и сын твой, государь, тебя помнит и жаждет видеть вместе с супругами, и министрами, и прочей свитой, а я послан верховным повелителем, чтобы помочь тебе поскорей отправиться, — блаженны те, кто видит, как их потомство возвышает честь рода».

Выслушав эту весть от Ваюпатхи, повелитель ватсов исполнился столь горячим стремлением увидеть сына, что уподобился павлину, начинающему приплясывать, только заслышав громохание грозовой тучи, и согласился на приглашение. Сел он в паланкин, который был у Ваюпатхи, и тотчас же благодаря могуществу знаний видьядхара вместе с Васавадаттой и прочими женами своими и всеми министрами оказался на великой горе, имя которой Ришабха. Там увидел он сына, сидящего на божественном львином троне в окружении множества жен и царей видьядхарских, подобного месяцу в окружении сонма планет и множества звезд, украсившему чело горы Востока. При виде сияния славы, окружавшего сына, испытал Удаяна такую полноту счастья, будто его оросило животворной амритой, и уподобился он океану, вздымающемуся при восходе луны.

Нараваханадатта же, который давно не видел отца, взволнованный, пошел навстречу ему со своей свитой, и обнял его отец и прижал к груди, и верховный повелитель, орошенный радостными отцовскими слезами, словно снова прошел через великое помазание. Долго обнимала сына царица Васавадатта, и при виде сына грудь ее стала источать молоко, и он вспомнил детство, а Падмавати, Яугандхараяна, и все министры отца, и Гопалака, брат его матери, ненасытно упивались красой его амритоподобного тела, словно чакоры — сиянием луны. Каждого же из них повелитель привечал, как то подобало. Калингасена же при виде зятя и

дочери своей почувствовала радость, для которой оказались тесны все три мира, — что уж говорить о собственном теле Калингасены. Яугандхараяна и другие министры, видя лица Марубхути и прочих своих сыновей, которым благодаря милости их повелителя досталась божественная благодать, возрадовались этому.

Убранная божественными украшениями царица Маданаманчука вместе с Ратнапрабхой, Аланкаравати, Лалиталочаной, Карпурикой, Шактияшей, Бхагиратхяшей, и с сестрой Ручирадевы божественной красоты, с Вегавати и Аджинавати, а также с Гандхарвадаттой, Прабхавати, и с Атманикой и Ваювегаяшей с ее четырьмя подругами во главе с Каликой, и с Сулочаной, и еще пятью небесными красавицами, среди которых старшей была Мандарадеви, — все супруги Нараваханадатты, верховного повелителя видьядхаров, склонились к стопам своего свекра, державного повелителя ватсов, и Васавадатты с Падмавати. А те от радости обрушили на них бремя благословений. Когда же повелитель ватсов и его супруги заняли подобающие им места, взошел сам Нараваханадатта на доставшийся ему величественный трон. Царица Васавадатта радовалась, видя новых невесток своих, и у каждой из них спрашивала, как имя ее и из какого она рода, а властитель ватсов и другие, видя божественное величие Нараваханадатты, утвердились в мысли, что не напрасно было их рождение и цель его достигнута.

Так началось великое торжество встречи родных, и, когда уже все были охвачены радостью, вошел пратихара, доблестный Ручидева, и возгласил: «Да пожалуют высокочтимые в трапезную!» Услыша это, вошли все в нарядную трапезную, где приготовлены были кубки, усыпанные разными драгоценными камнями, подобные раскрывшимся лотосам, — такие, что сама трапезная, казалось, обратилась в пруд в саду, заросший лотосами. И было в той трапезной столько стройных жен, держащих кувшины, полные хмельного, что казалось, будто странствовала по трапезной вырванная из рук похитителя сама амрита. Отведали гости вина, разрушающего речь осмысленную и лишаящего женщин стыда, распаляющего страсть, составляющую суть жизни Смары и наставника в наслаждениях Мадху, и у них, отведавших вина мадху, лица раскраснелись, словно расцвели пурпурные лотосы на озере под лучами солнца на заре. А кубки цвета розового лотоса, словно испугавшись, что порозовели они от прикосновения превзошедших их цветом розовых губ цариц, скрыли свой цвет вином. Когда же у красавиц от хмеля, словно при надвигавшемся гневном, стали краснеть глаза и гневно ломаться брови, расселись гости в трапезной по чину, кому где положено, и было там

множество всяческих по-разному приготовленных яств, порожденных богатством воображения и мастерством изготовления. А столы в той трапезной были устланы превосходными скатертями и уставлены драгоценнейшими чашами, и увешана она была занавесами и тканями, и было там много всякого, устроенного на разные вкусы, словно в театре богини счастья. Пока вкушали гости приготовленные яства, солнце склонилось в сумерках к горе Заката, и разошлись все по покоям на отдых. Нараваханадатта же с помощью волшебного знания разделил себя на множество подобных так, что одновременно находился с каждой из цариц в ее покое, но сам наслаждался объятиями исполненной страсти супруги своей Маданаманчуки, лицо которой было подобно луне, а очи сверкали, как звезды, а сама она была прекрасна, как ночь. Повелитель ватсов вместе со своими спутниками провел ночь, предаваясь божественным наслаждениям, словно достиг нового рождения, оставаясь в старом теле. Когда же наступило утро, стали они предаваться всяческим наслаждениям, как и раньше, в садах и дворцах, порожденных волшебным знанием.

Так много дней провел исполненный любви к сыну повелитель ватсов, но однажды пришел он, желая вернуться в свою столицу, к верховному повелителю тех, кто движется в поднебесье, и сказал: «Какой разумный не возрадуется, сынок, этим божественным наслаждениям? Но неистребимо тянет людей любовь к жилищу на родной земле, так что отправимся мы теперь в свою столицу, а ты наслаждайся властью над видьядхарским царством, потому что вполне подобает это твоей природе наполовину человеческой, наполовину божественной. Но тебе снова следует призывать меня, когда представится случай, потому что в том плод моего рождения, чтобы видеть твой луноподобный лик, исполненный амриты прелести, радующей глаза, и радоваться твоему божественному счастью!»

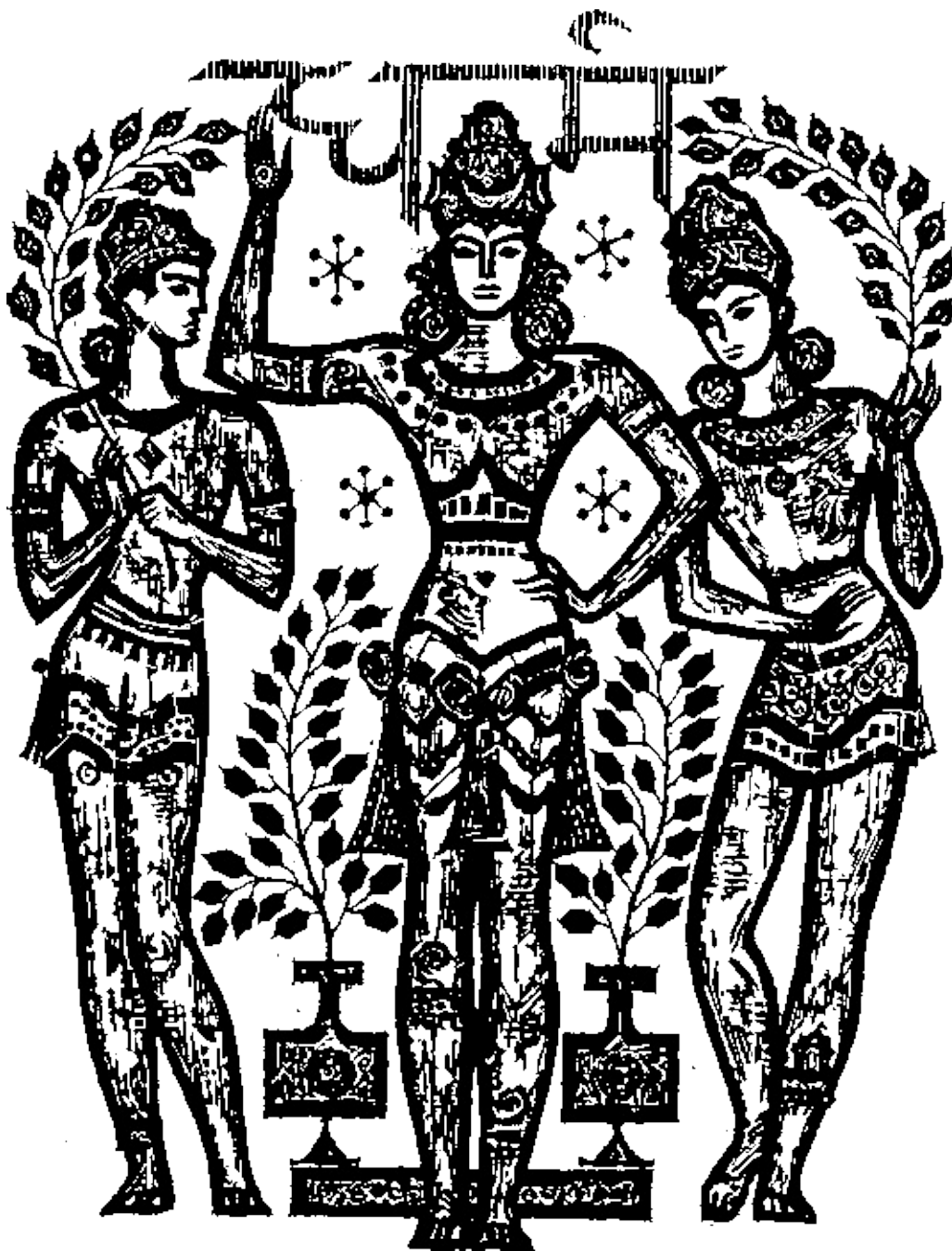
Выслушав эту искреннюю речь отца своего, повелителя ватсов, божественный Нараваханадатта призвал царя видьядхаров Девамаю и голосом, прерывающимся от рвущихся из сердца слез, вымолвил: «Отправляется батюшка мой с матушками моими, со своими министрами и прочими, кто с ним пришел, в свою столицу, так пошли вперед караван из тысячи слуг видьядхарских и распорядись, чтобы каждый нес ношу, полную золота и драгоценностей». Девамая же, получив от господина такое повеление, склонился перед ним и ответил: «Сам я, благодетель, буду сопровождать его со всей свитой до самого Каушамби, чтобы обеспечить успех и благополучие!»

Одарил верховный повелитель видьядхаров отца своего одеждами и украшениями, назначил ему и его свите в попутчики Ваюпатху и Девамаю,

и тогда снова взошел владыка ватсов со всеми спутниками на божественную колесницу и отправился в свою столицу. Когда же он велел сыну, долго провожавшему отца, возвратиться, то при расставании у царицы Васавадатты тоска, которую почувствовала она при расставании, усилилась во сто крат — сквозь слезы смотрела она на склонившегося перед ней сына. С трудом заставила она себя продолжать путь! Нараваханадатта же, сопровождаемый министрами, проводив родителей, с лицом, залитым слезами, вернулся на гору Ришабха и стал там вместе с Гомукхой и другими министрами, с которыми рос с детства, и со множеством царей видьядхарских вершить дела, достойные верховного повелителя видьядхаров. И никогда не испытывал он пресыщения, предаваясь небесному блаженству с Маданаманчукой и другими жительницами своего антахпура.



Книга о Суратаманджари



Те, кто без промедления вкусят сладость Океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

Волна первая

Да хранит вас Сокрушитель препятствий, на щеках которого трепещет наведенный шафраном узор, словно его мужеством низвергнутые препоны!

Вот живет Нараваханадатта на горе Ришабха вместе со своими супругами и министрами, наслаждаясь высочайшим счастьем положения верховного повелителя видьядхаров. Но однажды явилась весна, увеличившая еще больше его радости и удовольствия, — лунное сияние стало наконец чарующе-ясно, земля покрылась молодой травой и окутывалась росой, леса налились соками и трепетали, волновались, покрывались мурашками почек от прикосновений ветров, то и дело налетавших с гор Малая, и кокил, церемониймейстер Повелителя цветочного лука, оглядывая ствол манго, мелодичным призывным пением словно сбивал спесь с горделивых красавиц, а из сплетения цветущих лиан с жужжанием вылетали рой за роем пчелы точно потоки стрел, срывающиеся с тетивы доблестного Мары.

Любуясь расцветом весны, сказали Нараваханадатте его советники Гомукха и другие: «Посмотри, божественный, гора Ришабха обратилась в гору цветов, ибо леса, покрывающие ее, раскрылись навстречу весне. Взгляни на лианы, колеблемые ветром, — цветы на них ударяются друг о друга и позванивают, словно цимбалы, а песней кажется жужжание пчел. Лианы же колышутся в роще, разукрашенной весною, словно это приют Манматхи. Окутанные пылью, они кажутся увенчанными гирляндами. Побег манго с вереницей летящих пчел напоминает лук Камы с ослабленной тетивой, когда тот отдыхает после покорения мира. Пойдем же, повелитель, на берег Мандакини, в прекрасные рощи и, пока длится праздник весны, вкусим там блаженство!»

Когда сказали так советники, Нараваханадатта вместе с обитательницами женских покоев отправился на берег Мандакини и предался развлечениям в роще, оглашаемой криками разных птиц и украшенной деревьями кардамоновыми, гвоздичными, бакулами, ашоками и мандарами. Он восседал на широкой плите из лунного камня, поместив слева от себя царицу Маданаманчуку с остальными женщинами, и его окружали властители видьядхаров во главе с Чандасинхой и Амилагати. Распивая вино за легкой беседой, любуясь прелестью весенней природы, царь обратился к своим советникам: «Южный ветер мягок и ласков, небосвод чист, всюду цветут и благоухают леса. Сладка песнь кукушки,

блаженно наслаждение от вина. Какой радости нет весной! Только разлука с любимой в эту пору еще тяжелее. Даже животным тяжело разлучаться — что уж говорить о людях! Взять хотя бы вот эту кукушку, которая чахнет в разлуке. Она слишком долго искала своего исчезнувшего возлюбленного, призывала его своей песней и теперь, не обрета его, сидит, прикинувшись к дереву манго, безгласная, словно мертвая»^[278].

Советник Гомукха ответил царю на это: «Воистину, для любых существ разлука в это время года особенно тяжела. Слушай, божественный, поведаю я тебе для примера

о том, что случилось в Шравастии

Был там один раджпут, состоявший на службе у царя и живший на доходы с деревни. Имя его было Шурасена, и была у него достойная супруга по имени Сушена родом из страны Малавы. Любил он ее больше жизни. Однажды призвал его царь, и Шурасена стал собираться в лагерь, но любимая принялась умолять его: «Ты, благородный, не можешь уйти и оставить меня одну. Не в силах прожить я без тебя и мгновения». В ответ на слова возлюбленной Шурасена сказал ей: «Как я могу не пойти, если царь призывает меня. Ты не ведаешь, стройная, что говоришь. Я — раджпут, слуга, человек подневольный». Выслушав это, супруга сказала ему со слезами: «Если непременно должен ты идти, я постараюсь как-нибудь вынести это, но только если ты возвратишься ни на один день не позже, чем наступит весна». Услышав такое, ответил он ей: «Любимая, решено — я вернусь в первый же день месяца чайтра^[279], даже если придется нарушить свой долг». Когда он сказал так, возлюбленная с трудом, но отпустила его, и Шурасена отправился к царю, в свой лагерь. А супруга его, считая с надеждою дни, стала ждать начала весны и его возвращения.

Время шло, и вот наступил день весны, когда песня кукушек зазвучала заклинанием — призывом к Манматхе, а гудение пчел, хмельных от цветочного аромата, казалось звоном лука, натягиваемого Камой. «Вот и настал праздник весны. Сегодня непременно вернется мой любимый!» — с этой мыслью в тот день Сушена совершила положенное омовение, украсила себя, почтила Смару и стала в ожидании смотреть на дорогу. Но

супруг ее не вернулся и на исходе дня. Ночью, терзаемая отчаянием, она решила: «Настал мой смертный час — не возвратился мой супруг. Какая уж любовь к своим близким у тех, кто посвятил себя служению другим!» Едва она так подумала, устремившись сердцем к любимому, душа ее, сжигаемая пламенем любви, подобным лесному пожару, покинула тело.

Меж тем Шурасена, не забывший о назначенном дне, стремясь к своей любимой, с трудом освободился от службы у царя. Сев на лучшего верблюда, преодолел он долгий путь, прибыл в последнюю стражу ночи, вошел в дом, и увидел там свою возлюбленную бездыханной. В полном убранстве была она подобна покрытой распустившимися цветами лиане, с корнем вырванной порывом ветра. При виде ее зарыдал он отчаянно, поднял ее на руки, и в тот же миг душа его, осиротевшего, отлетела.

Увидела супругов мертвыми богиня Чанди, божество их рода, подательница даров, и из сострадания оживила их. Жизнь возвратилась к ним, и с тех пор они, убедившись в любви друг к другу, стали неразлучны. Так-то царь! В весеннюю пору разве способен кто-нибудь перенести огонь разлуки, раздуваемый ветром с Малайских гор?»

После рассказа Гомукхи Нараваханадатта, размышляя о рассказанном, внезапно словно бы опечалился, — а когда великий душой человек без видимой причины приходит в доброе или дурное расположение духа, это предвещает грядущую радость или невзгуду. Но истек день, и царь, сотворив вечернюю молитву, отправился усталый в опочивальню и лег на ложе, а на исходе ночи увидел он во сне отца — силой тащила его в южную сторону черная женщина. Едва это увидев, тут же проснулся Нараваханадатта в страхе, что с отцом случилась беда, и обратился к видье, называемой Праджняпати, которая явилась, как только он подумал о ней: «Скажи, как обстоят дела у отца моего, царя Ватсы, ибо я встревожен привидевшимся мне дурным сном».

И когда сказал он так, видья, наука, воплотившаяся в телесном облике, ему отвечала: «Слушай, царь, что приключилось с твоим отцом, властителем ватсов. Когда он был в Каушамби, то неожиданно услышал от гонца, вернувшегося из Удджайини, что царь Чандамахасена умер, а супруга его, царица Ангаравати, взошла на его погребальный костер. Узнав об этом, твой отец в беспамятстве рухнул на землю, а когда пришел в себя, то вместе с царицей Васавадаттой и своей свитой долго оплакивал отправившихся на небеса тестя и тещу. «Что постоянно в этом преходящем мире? Не следует горевать о царе, зять которого — ты, сын — Гопалака, а внук, сын дочери, — Нараваханадатта», — утешали его советники, и поднялся он, и совершил возлияние воды в память тестя и тещи.

Затем владыка ватсов со слезами в голосе обратился к Гопалаке, своему шурину, удрученному горем, — из любви к владыке ватсов находился тот рядом с ним: «Собирайся, ступай в Удджайини, позаботься об отцовском царстве. Народ ожидает тебя, слышал я от гонца». Выслушав, Гопалака, плача, ответил повелителю ватсов: «Не могу я, царь, уйти, оставив тебя и сестру. Я не вынесу зрелища родного города, где теперь нет отца. Поэтому пусть Палака, мой младший брат, с моего согласия станет царем». Так выразил Гопалака нежелание принять царство, и тогда владыка ватсов, послав в город Удджайини своего военачальника Румавана, передал царство младшему шурину по имени Палака, заручившись согласием его старшего брата. Убедившись в бренности всего сущего, проникшись безразличием к мирским делам, он так сказал своим советникам во главе с Яугандхараяной: «В этом преходящем мире все теряет в конце концов свою ценность. Я правил царством, наслаждался удовольствиями, побеждал врагов. И сына своего я увидел добившимся верховной власти над видьядхарами. А теперь время мое и моих близких прошло. Старость тащит меня за волосы, чтобы предать в объятия смерти, морщины изрезали мою кожу — так те, кто силен, нападают на царство слабого. Поэтому я отправлюсь к горе Каланджаре и там, покинув бренную плоть, достигну, как говорят, вечного бытия».

Все советники и царица Васавадатта, обдумав сказанное царем, были единодушны в своем решении: «Как ты пожелаешь, о царь! Если будет на то твоя милость, мы тоже хотим достичь высочайшего в мире ином!» Так обратились они к нему, согласные с ним душой, и царь, утвердившись в своем решении, передал бразды правления находившемуся там Гопалаке, своему шурину: «Нараваханадатта и ты — одинаково дороги мне как сыновья. Так позаботься о царстве Каушамби, которое я вверяю тебе». В ответ на слова повелителя ватсов Гопалака молвил: «Ваша судьба — это моя судьба, и не могу я вас оставить!» Любил он сестру и потому говорил решительно, но властитель ватсов, притворившись разгневанным, возразил ему: «Ты стал теперь таким независимым, что соглашаешься со мной лишь для вида. Да и кто считается с приказами царя, утратившего власть!» Очень резко сказал это царь Гопалаке, и зарыдал тот, опустив голову, — хотя и намеревался он уйти в лес, тотчас же отказался от своего решения. А царь с царицами Васавадаттой и Падмавати поднялся на слона и вместе с советниками отправился в путь. Когда же покидал он Каушамби, следом за ним, стеной и проливая потоки слез, шли горожане с женщинами, детьми, стариками. Владыка ватсов едва успокоил их: «Гопалака будет о вас заботиться». Заставил он их повернуть назад, а сам отправился к горе

Каланджаре. Достигнув ее и взойдя на ее вершину, почтил он бога, несущего на знамени быка, взял в руки вину Гхошавати, во всякий час дорогую ему, и вместе со стоящими по обе стороны от него царицами и советниками, первым из которых был Яугандхараяна, бросился со скалы. Но тут подхватила царя вместе со спутниками сверкающая колесница, и он, окруженный сиянием, отправился на небеса».

Когда Нараваханадатта услышал все это из уст видьи, он с криком «Отец мой!» упал без чувств на землю. Потом, придя в себя, он вместе с советниками, потерявшими своих отцов, стал оплакивать отца, мать и отцовских министров. «К чему убиваться, царь, зная природу этого мира, где все разрушается в миг, словно по волшебству! Зачем печалишься о своих родителях, о которых не следует горевать, ибо они совершили все, что должны были совершить, а ты, их сын, стал единым верховным владыкой сильнейших из видьядхаров?» — так утешали его властители видьядхаров и Дханавати. И он, совершив в честь матери и отца возлияние воды, снова спросил у видьи: «Мой дядя, Гопалака, — где он, что делает?» И видья опять обратила к царю свою речь: «Когда повелитель ватсов ушел туда, где суждено ему было принять смерть, Гопалака оплакал его и сестру и, постигнув бренность всего, остался за пределами города. Призвал он из Удджайини своего родного брата Палаку и передал ему также и царство Каушамби. Так младший брат стал теперь правителем обоих царств, а благородный Гопалака, проникшийся отвращением ко всему мирскому, отправился в лес подвижников, в обитель Кашьяпы — на Черную гору. И нынче, царь, твой дядя Гопалака, облачившись в лубяные одежды, пребывает там среди подвижников, предающихся умерщвлению плоти».

Узнав об этом, Нараваханадатта вместе со свитой отправился на колеснице к Черной горе, страстно желая встретиться со своим дядей. Спустившись с небес, окруженный царями видьядхаров, увидел он обитель отшельника Кашьяпы, а она, казалось, бросала на него взгляды — то мелькали во множестве черно-белые антилопы — и приветствовала щебетанием птиц. Струйками дыма, устремлявшимися ввысь, она словно указывала путь на небеса подвижникам, совершающим жертвенные возлияния огню. Здесь нашли прибежище стада огромных, как горы, слонов и стаи обезьян. Это была словно вторая Патала, только находящаяся на поверхности земли, уходящая в вышину и не знающая мрака. Посреди обители увидел он своего дядю, окруженного отшельниками; волосы его были стянуты в узел, и, облаченный в лубяную одежду, он выглядел как само воплощение смирения. Гопалака, увидев, что приближается сын его сестры, поднялся ему навстречу и прижал его к

груди со слезами на глазах. И оба они в печали, охватившей их с новой силой, стали скорбеть о родных. Кого не опалит едва утихнувшее пламя страдания, но вспыхивающее с новой силой, будто от ветра, при встрече с близким!

Даже звери прониклись горем, глядя на их отчаяние, а отшельники во главе с Кашьяпой, приблизившись к ним, стали их утешать. И вот прошел тот день, а на рассвете следующего верховный повелитель видьядхаров предложил Гопалаке: «Иди жить в мои владения». А Гопалака ему на это отвечал: «Разве я и так не обрел всего, увидев тебя? Если я дорог тебе, проводи здесь, в обители, приближающееся время дождей». Так Нараваханадатта, приглашенный своим дядей, со всеми спутниками остался на это время в обители Кашьяпы на Черной горе.

Волна вторая

Однажды, когда Нараваханадатта находился в месте для приемов на Черной горе, к нему обратился его военачальник: «Сегодня ночью, о повелитель, когда я, стоя на крыше дома, наблюдал за войсками, то увидел, как небесное существо влечет по воздуху женщину. Она же кричала «О мой супруг!» И показалось мне, что это столь могучий в тот час бог Луны похитил ее потому, что своей красотой она затмевала его. «Ах, ты, злодей! Куда спешишь, похитив чужую жену? В царстве Нараваханадатты, правителя-заступника, в стране видьядхаров, протянувшейся на шестьдесят тысяч йоджан, даже звери, не говоря о других, не совершают бесчестных поступков!» — с такими словами я с помощниками стремительно бросился на него, задержал и принудил спуститься с небес вместе с женщиной. А когда мы заставили его сойти на землю, то увидели, что это брат твоей супруги-царицы, небожитель по имени Итьяка, рожденный Калингасеной от Маданавеги. «Кто она, и почему ты силой тащишь ее?» — спросили мы у него. А он ответил: «Это Суратаманджари, дочь Матангадевы, царя видьядхаров, родила ее Ашокаманджари. Давным-давно мать Суратаманджари обещала отдать ее мне в жены, а теперь отец выдал ее за другого — за человека. И если сейчас я унесу свою собственную жену, в чем же моя вина?» И с этими словами Итьяка умолк.

«За кого тебя выдали замуж и как ты попала к нему?» — спросил я Суратаманджари. Она же мне в ответ поведала: «Есть в Удджайини славный царь по имени Палака, а у него — сын, и имя царевича — Авантивардхана. За него и была я выдана замуж. Сегодня, когда я спала на веранде и супруг мой спал тоже, похитил меня этот злодей». Когда она это сказала, задержал я их обоих, а Итьяку связал. Пусть властитель рассудит их». В замешательстве направился Нараваханадатта к Гопалаке и рассказал ему об услышанном от военачальника Харишикхи, а дядя ответил: «Неизвестно мне об этом, сынок! Я знаю, что недавно она выдана замуж за сына Палаки. Надо позвать сюда из Удджайини царевича и министра Бхаратарохаку, и тогда мы узнаем, в чем дело».

Выслушав совет дяди, верховный повелитель видьядхаров послал видьядхара Дхумашикху к царю Палаке, младшему своему дяде, и повелел вызвать из Удджайини тех двоих — царевича, его сына, а также министра. Когда те прибыли и воздали правителю почести, он вместе с Гопалакой приветствовал их ласково и почтительно и затем спросил о деле. В

присутствии Авантивардханы, подобному Месяцу, разлученному с Ночью, а также Суратаманджари, ее отца и Итьяки, перед Ваюпатхой и отшельниками, при Кашьяпе и прочих наставниках Бхаратарохака рассказал: «Выслушай с самого начала и по порядку, владыка! Однажды жители Удджайини собрались все вместе и обратились к царю Палаке: «Сегодня в нашем городе праздник возлияния воды. Если тебе неизвестно, в чем его истинный смысл, слушай, владыка!

Когда-то твой отец Чандамахасена решил умиловить подвижничеством богиню Чанди, чтоб получить супругу и несравненный меч. Богиня дала ему свой меч, а про супругу сказала так: «Убей асуру по имени Ангарака, и тогда, сын мой, ты тотчас получишь в жены его прекрасную дочь по имени Ангаравати». Выслушав наставление богини, царь стал его обдумывать. А в это время в Удджайини некое существо каждую ночь пожирало начальников городских стражей, кто бы они ни были. И вот сам Чандамахасена, решив разобраться в этом, медленно проходил ночью по городу и наткнулся на некоего прелюбодея. Мечом он снес его красиво убранную голову, и тут же какой-то ракшаса набросился на обезглавленное тело. «Так вот кто пожирает начальников городских стражей!» — бросился царь на того ракшасу и, схватив за волосы, хотел убить. Но ракшаса принялся умолять его: «Не убивай меня напрасно, о царь! Кое-кто другой пожирает здесь стражей города». «Назови, кто это», — потребовал царь. И тот ответил: «Есть асура по имени Ангарака, обитатель Паталы. Это он по ночам пожирает твоих хранителей порядка, о губитель недругов! Силою, владыка, он захватывает повсюду царских дочерей и посылает их в услужение к своей дочери Ангаравати. Когда ты увидишь его бродящим по лесу, убей его, и достигнешь того, чего желаешь!» На том ракшаса кончил речь, а царь, отпустив его, вернулся к себе во дворец.

Однажды отправился он на охоту и увидел кабана-великана с глазами, горящими яростью. Был тот кабан огромен— подобен горе Анджане со множеством расселин. «Таким не может быть кабан. Не Ангарака ли это, владеющий волшебными чарами?» — подумал царь и стал осыпать кабана стрелами, но тот даже их и не почувствовал. Перевернул он колесницу царя, помчался и исчез в громадной яме в земле. Ринулся следом за ним мужественный царь, но кабана нигде не было, а открылся его взору удивительный город. Сел он на берегу пруда и увидел девушку, истинное воплощение Рати, окруженную сотней подружек. Та дева приблизилась и спросила, зачем он явился, а услышав ответ и чувствуя расположение к нему, со слезами на глазах промолвила: «Ах, куда ты попал! Тот кабан,

которого ты повстречал, на самом деле могучий дайтъя по имени Ангарака, тело которого твердо, словно алмаз. Сейчас он сбросил кабанье обличье и, утомленный, погрузился в сон, но проснется, чтобы поесть, и худо тебе придется. Я, достойный, его дочь, а имя мое — Ангаравати. Страшно подумать мне, что тебе угрожает, и жизнь моя вот-вот покинет меня».

Когда она это сказала, царь, помня о даре богини, подумал: «Настало время исполнить то, что мне нужно», — а вслух произнес: «Если дорог я тебе, сделай то, что скажу. Ступай к отцу, сядь подле него и, едва он проснется, заплачь. Спросит он о причине твоих слез, а ты, прекрасная, скажи ему так: «Что будет со мной, если кто-нибудь убьет тебя, безрассудного?». Сделаешь так, и нас с тобой ждет скорое счастье». После таких слов царя она, опьяненная страстью, удалилась. Села она рядом с отцом, пробудившимся от сна, и заплакала, а когда он спросил, в чем дело, сказала, что, мол, боится, как бы его не убили. А дайтъя ей в ответ: «Кто сможет меня убить, если тело мое твердо словно алмаз! Единственное уязвимое место мое — на левой руке, да и то скрыто луком». Царь подслушал тайком эти его слова. Тут дайтъя, совершив омовение, решил поклониться Харе. В это время пред ним и появился царь и, воздев лук, стал вызывать на бой дайтъю, а тот от неожиданности онемел, словно принявший обет молчания. Дайтъя поднял левую руку, правая была занята — и сделал царю знак подождать немного, но тотчас же царь меткой стрелой поразил его в ту самую руку, где было уязвимое место, и дайтъя рухнул на землю. «Если тот, кто убил меня, когда я мучился жаждой, не будет ежегодно совершать для меня жертвенное возлияние воды, пять министров его лишатся жизни», — проговорил, умирая, дайтъя, а царь, взяв с собой дочь его Ангаравати, отправился в Удджайини. Женившись на ней, царь, твой отец, о повелитель, повелел ежегодно совершать возлияние воды в честь Ангараки. С тех пор здесь все принимают участие в великом торжестве, называемом «возлияние воды». Сегодня как раз этот день. Сделай и ты то, что делал твой отец.

Вот что сказали царю его подданные, и Палака повелел устроить в городе празднество возлияния воды. Шумный праздник был в полном разгаре, народ был возбужден суматохой, как вдруг откуда ни возьмись появился разъяренный слон, сорвавшийся с привязи. Отшвырнув анк и сбросив погонщика, мчащийся слон за короткое время подавил много народу в городе. Хотя погонщики, сторожа слона и горожане бежали следом, никто не мог остановить его, пока, беспрепятственно продолжая свой путь, слон не достиг поселения чандалов^[280], а там вышла ему навстречу девушка-чандала, осветив землю красотой лотоса, который

льнул к ее ногам и, казалось, радовался: «Своей красой она затмевает луну — моего врага». Была она подобна сну, приносящему отдых глазам всего мира, когда душа его не томима чувствами и он находится в покое. Когда могучий слон приблизился к девушке, она похлопала его по хоботу и стала как бы околдовывать его лукавым взглядом, а он, зачарованный прикосновением девичьей руки и послушный ее взгляду, смотрел на нее, опустив голову и боясь шелохнуться.

А девушка сделала из своей одежды качели, прикрепила их к его бивням, уселась на них и принялась качаться. Заметив, что ее тяготит жара, слон перешел в тень под деревья. Увидев такое великое чудо, горожане, бывшие при этом, сказали: «Это, наверное, небесная дева, всех очаровывающая своей красотой: даже животное покорилося ей». А тем временем царевич Авантивардхана, услышав об этом, пришел посмотреть на чудо и увидел девушку из племени чандалов. Едва царевич взглянул на нее, как сердце его, словно олень на бегу, попало в силки, расставленные любовью-охотником. И девушка, увидев его, пленилась его красотой. Слезла она с качелей, устроенных на бивнях этого Индры среди слонов, и взяла свою одежду. Погонщик поднялся на слона, а девушка, стыдливо и нежно взглянув на царевича, удалилась в свою хижину.

Когда волнение, вызванное побегом слона, улеглось, Авантивардхана, опустошенный — сердце его похитила эта девушка, — тоже отправился к себе во дворец. Тоскуя по прекраснейшей из дев и позабыв, что совершается торжество возлияния воды, спросил он у своих приближенных: «Известно ли вам, чья дочь эта девушка и как ее имя?» В ответ на это друзья сказали: «Есть тут, в поселении чандалов, некий матанга^[281] по имени Утпалахаста, так это его дочь, а имя ее — Суратаманджари. Праведные черпают удовольствие лишь в созерцании ее красоты, словно она нарисованная, и потому тело ее недоступно для наслаждений. Выслушав то, что сказали друзья, царевич произнес: «Не думаю, что она — дочь матанги, это, без сомнения, небесная дева. Не может быть столь прекрасной девушка из чандалов. Если она, эта красавица, не будет моей женой, к чему тогда жить?!^[282]» Он говорил так, и советники не могли его переубедить: царского сына сжигало жаркое пламя разлуки с ней.

Царица Авантивати и царь Палака, его родители, надолго утратили покой, услышав об этом. «Как мог наш сын, рожденный в царском роду, полюбить эту низкородную?» — вопрошала царица. Но царь Палака произнес: «Если сердцем наш сын так стремится к ней, ясно, что она иного

происхождения, но по какой-то причине стала матангой. Сердца праведных подсказывают им, что предпочесть, а чего избежать, что следует делать, а чего не следует. Соблаговоли выслушать по этому поводу историю, если ты еще не слыхала,

о царевне Куранги и юноше-чандале

Давным-давно в городе под названием Супратиштхита жил царь Прасенаджит, и была у него дочь-красавица по имени Куранги. Вышла она однажды в сад, но тут примчался порвавший привязь слон и поднял ее вместе с паланкином, в который она спряталась, на бивни. Прислужницы с криками бросились кто куда, но тут какой-то юноша-чандала обнажил меч и ринулся на слона. Ударом меча отсек герой хобот тому огромному слону и, сразив его, освободил царскую дочь. Вместе с собравшейся свитой удалилась она во дворец, но сердце ее было покорено отвагой юноши, равной его красоте. Тоскуя в разлуке с ним, она думала: «Или тот, кто спас меня от слона, будет моим супругом, или мне смерть!»

Юноша-чандала, тихо бредя к своему дому, тоже думал о ней, и душа его, плененная девичьей красотой, томилась: «Что для нее я, рожденный в самой низкой касте: ведь она — царская дочь! Какой уж союз между вороном и лебедью^[283]! Смешно не только сказать, но даже и подумать об этом. В таком несчастье единственный для меня выход — смерть». С такими мыслями отправился тот юноша ночью на кладбище, совершил омовение, соорудил погребальный костер и произнес: «О бог, очищающий, душа всего сущего, я приношу себя тебе в жертву. Пусть же в следующем рождении та царская дочь станет моей женой». Проговорив все это, он собрался уже предать себя Пожирателю жертв, как вдруг бог огня, умиловивленный, явился ему и возгласил: «Не поступай опрометчиво, сын мой, — будет она твоею женой. Ты не чандала по рождению. Скажу я тебе, кто ты, слушай внимательно!

Есть в этом городе лучший из брахманов по имени Капилашарман. Я живу у него, там, где постоянно поддерживается жертвенный огонь, и принимаю зримый облик. Однажды приблизилась ко мне его дочь, и, плененный ее красотой, сделал я ее, даровав ей защиту, своею супругой. Тогда же благодаря моей мощи родился у нее ты, сын мой, а она от стыда тотчас же бросила тебя прямо на улице. Тебя нашли чандалы и выкормили

козьим молоком. Так что ты — мой сын, рожденный брахманкой. Ты, порождение моей мощи, не можешь быть нечистым и потому получишь в жены царскую дочь Куранги!» С этими словами Агни скрылся, а приемный сын матанги послушался его и, радостный, пошел к себе домой. Царь Прасенаджит, которому во сне явился бог огня, узнав правду, отдал свою дочь в жены сыну Агни. Всегда, царица, есть на земле небожители, живущие неузнанными. Вот и Суратаманджари не из низкой касты, а, наверное, небесная дева. Такая жемчужина, конечно же, из иной касты. Мой сын, без сомнения, любил ее в прежнем рождении — этим и объясняется их любовь, вспыхнувшая, едва они увидели друг друга».

Когда царь Палака поведал нам эту историю, я рассказал историю

о рыбаке

Жил когда-то в Раджагрихе царь по имени Малаясинха, а у него была дочь Маявати, девушка несравненной красоты. Однажды, когда она развлекалась в цветущем саду, увидел ее юноша из рыбаков, красивый и молодой, по имени Супрахара. Лишь только взглянул он на нее, как тут же и попал во власть Смары: судьбе безразлично, осуществима мечта или нет.

Придя домой, перестал Супрахара ловить рыбу и бросил все прочие занятия, не пил и не ел, а лишь метался на постели от любовных терзаний. В ответ на настойчивые расспросы матери своей Ракшитики поведал он ей о своей любви, и она принялась утешать сына: «Не тоскуй, сын мой, и не отказывайся от еды. Хитростью помогу я тебе достичь того, о чем мечтаешь». От таких ее слов успокоился Супрахара, послушался и поел, а она, выбрав самую лучшую рыбу, отправилась к царской дочери во дворец. Там, прислужницы разрешили рыбачке войти к царевне. Вошла Ракшитика и, сказав, что хочет выразить царевне свое почтение, преподнесла ей в подарок ту рыбу. Так день за днем одаривала она царскую дочь и постепенно добилась ее расположения. Захотела царевна поговорить с Ракшитикой: «Скажи, чего ты желаешь от меня? Я сделаю то, как бы ни было мне трудно», — сказала довольная царская дочь жене рыбака, а та, осмелев, бесстрашно высказала ей наедине свою просьбу: «Мой сын увидел тебя в саду и с тех пор чахнет без тебя, царевна! Только я поддерживаю в нем надежду и тем спасаю от смерти. Пожалей меня, верни к жизни сына своим прикосновением». Когда рыбачка это сказала, царская

дочь, верная своему слову, задумалась и стыдливо промолвила: «Когда наступит ночь, тайно приведи сына ко мне во дворец». Услышав такое, рыбацка радостно поспешила домой.

Ночью провела Ракшитика сына, украсив, как могла, во внутренние покои к царевне. А царская дочь взяла истомившегося любовью Супрахару за руку и ласково уложила на ложе. Поглаживая его рукой, прохладной, как умещение сандалом, она упокоила его тело, пылавшее в огне разлуки с нею, и сына рыбацки словно окропили животворной амритой. Он ощутил, что наконец достиг того, о чем так долго грезил, но тут вдруг неожиданно его, усталого, стало клонить в сон, и уснул он, а царская дочь, оставив его, легла отдохнуть в другом месте — и сыну рыбацки доставила она радость, и себя уберегла от бесчестья.

А он, пробудившись, почувствовал, что рука ее перестала его ласкать, и не увидел любимой — только что была она рядом и вдруг исчезла. Рыбак пришел в отчаяние, словно бедняк, нашедший и тут же утративший сосуд с несметным богатством, и тотчас же жизнь покинула его. Узнала царевна об этом, прибежала туда и, казнясь в душе, решила, что завтра же последует за ним на погребальный костер. Услышал про это ее отец, царь Малаясинха, пришел к ней и понял, что невозможно ее остановить. Тогда в знак очищения он испил воды из сложенных ладоней и произнес такие слова: «Если верен я в своей любви к Трехокому, богу богов, вразумите меня, хранители мира, — что должен я сделать?» Едва царь это промолвил, раздался с небес глас: «Твоя дочь в прежнем рождении была супругою этого юноши-рыбака. Когда-то в деревне под названием Нагастхала жил достойнейший брахман Баладхара, сын Махидхары. Когда отец его отправился на небеса, родичи лишили Махидхару состояния. Отвратившись от мира, вместе с супругой удалился он на берег Ганги и отказался от пищи, желая расстаться с жизнью.

Однажды увидел он рыбаков, евших рыбу, и, мучимый голодом, допустил саму мысль о еде. Умер он, запятив себя этим желанием, и жена его, сохранив в подвижничестве чистоту помыслов, отправилась вслед за ним. Тот самый брахман, осквернивший себя таким желанием, родился вновь в семье рыбака, а супруга его, выдержав подвижничество, появилась на свет как твоя дочь, царь! Твоя безупречная дочь ценой половины своей жизни оживит умершего, который прежде был ее супругом. Силой ее подвижничества и смертью на той тиртхе он очистил себя. Став твоим зятем, он будет царем!»

Небесный глас умолк. Отдал царь свою дочь в жены Супрахаре, который воскрес, потому что она отдала ему половину жизни своей.

Супрахара стал царем, получив в дар землю, слонов, коней, драгоценности, и зажил в довольстве вместе с супругой, дочерью того царя. Так часто связь в прошлом рождении приводит живущих к любви. Соболаговолл выслушать еше одну историю

о воре

Жил в Айодхье царь Вирабаху, который всегда охранял своих подданных так, словно все они были его сыновьями. Однажды явились к царю горожане с жалобой: «Каждую ночь, о могучий, воры грабят наш город. Мы не спим, пытаемся их подстеречь, но ничего не выходит». Услышав об этом, царь выслал ночью соглядатаев, но и они не поймали воров. Тревога не улеглась, и тогда царь сам вышел ночью нести стражу. Один-одинешенек, с обнаженным мечом в руках, он обходил город и увидел какого-то человека, кравшегося по крепостному валу. Тот ступал осторожно, боясь быть замеченным, глаза его бегали, как у вороны, он озирался, будто лев, то и дело пригибая голову, фигура его ясно проступала в бликах, которые отбрасывал его обнаженный меч, и даже блики эти были подобны веревкам, с помощью которых он вознамерился похитить сокровища — звезды.

Увидев его, царь решил: «Наверняка это и есть вор, это он, бродя в одиночку, грабит мой город». С этой мыслью хитроумный царь кинулся к вору. Вор, испугавшись, спросил: «Кто ты?» На это царь ответил: «Я дерзкий грабитель, на счету у меня много тяжких грехов. Ты мне скажи, кто ты такой?» Вор сказал: «Я — вор, орудую в одиночку и очень богат. Пойдем ко мне в дом, и утолю я твою жажду богатства». Царь выслушал и согласился. Вместе с грабителем отправился он в его лесное жилище, скрытое глубоко под землей. Там обитали прекрасные женщины, сверкало множество драгоценностей и всяческих сокровищ, словно это был город нагов.

Когда вор ушел во внутреннюю часть своего жилища, к царю, оставшемуся снаружи, приблизилась одна из прислужниц и сочувственно произнесла: «Куда ты пришел! Уходи поскорее. То вероломный убийца, он промышляет в одиночку и, не колеблясь, убьет тебя, опасаясь, что ты его выдашь». Услышав такое, царь тотчас же удалился, пришел к себе во дворец, вызвал военачальника и вернулся туда вместе с войском. Придя к

тому месту, он окружил логово вора, послал внутрь отважных людей, отобрал все награбленное и схватил грабителя. Когда ночь была на исходе, царь назначил ему наказание. Вора повели через рыночную площадь — к месту казни. Пока вели туда вора, увидела его дочь торговца и полюбила с первого взгляда. Бросилась она к своему отцу и сказала: «Если тот, кого ведут сейчас под барабанный бой к месту казни, не будет моим супругом, считай, что я умерла». Отец понял, что ее не остановишь, отправился к царю и предложил ему десять миллионов, чтобы тот освободил вора. Царь разгневался на торговца и не только не отпустил грабителя, а повелел немедленно посадить его на кол. Тогда дочь торговца, которую звали Вамадатта, взяла тело вора и, любящая, вошла вместе с ним на погребальный костер.

Так проявилась их связь в прежнем рождении. Кто может избежать того, что ему уготовано, и кто от чего может кого-то удержать? Вот и твой сын Анандавардхана, царь, был связан в прошлом рождении с Суратаманджари. Иначе как могла бы возникнуть подобная любовь у высокородного царского сына к девушке из матангов? И потому следует просить отца ее, матангу Утпалахасту, отдать за царевича свою дочь, могучий, и тогда мы узнаем, что он скажет». Когда посоветовал я это царю, Палака послал гонцов к Утпалахасте просить руки девушки. Гонцы передали просьбу царя, и матанга ответил им: «Мне это по душе, но я отдам свою дочь Суратаманджари тому, кто заставит восемнадцать тысяч брахманов, живущих в городе отведать пищи в моем доме». Это были слова, прозвучавшие как обет. Тут же вернулись гонцы к царю Палаке и все ему рассказали. Понимая, что у матанги есть на это свои причины, царь созвал брахманов города Удджайини, поведал им обо всем и объявил свою волю: «Вас восемнадцать тысяч, и все вы должны принять пищу в доме матанги Утпалахасты. Я не желаю иного».

Дваждырожденные, к которым царь обращался, убоялись принять еду от чандалы^[284] и, не зная, что делать, собрались в храме Махакалы, предавшись умерщвлению плоти. «Без опасений примите еду в доме Утпалахасты, ибо не чандала он, а видьядхар, и весь род его тоже не чандалы», — так повелел явившийся во сне брахманам Шамбху. Они поднялись, пошли к царю, рассказали об этом и возгласили: «Пусть Утпалахаста, о царь, приготовит чистую еду где-нибудь за пределами поселка чандалов, и тогда мы примем ее». Выслушав это, царь повелел построить для Утпалахасты другое жилище и, радостный, повелел чистым слугам приготовить для него еду. Восемнадцать тысяч брахманов вкушали угощение, а Утпалахаста стоял перед ними, совершив омовение, в чистой

одежде.

Когда кончили брахманы трапезу, Утпалахаста приблизился к царю Палаке, поклонился ему и в присутствии свиты сказал: «Был у видьядхаров могучий властитель по имени Гауримунда. Я, Матангадева, пользовался его покровительством. Когда родилась моя дочь Суратаманджари, Гауримунда, о царь, тайно мне сообщил: «Сын царя ватсов по имени Нараваханадатта будет нашим верховным повелителем — так говорят боги. Поэтому пока наш недруг не обрел высшей власти, ступай немедленно и уничтожь его силой твоего волшебства». Вот с какой целью послал меня грешный Гауримунда. Мой путь проходил по небу, и вдруг я увидел перед собою самого Махешвару. Владыка внезапно издал грозный клич и в гневе проклял меня: «Как ты, несчастный, вознамерился причинить зло достойному мужу? В том же самом обличье, глупец, ступай вместе с супругой и дочерью к чандалам в Удджайини. Когда кто-нибудь в качестве дара-выкупа за твою дочь заставит восемнадцать тысяч брахманов, живущих в городе, принять у тебя в доме пищу, наступит конец твоему проклятию. И тогда ты отдашь твою дочь тому, кто даст тебе такой выкуп». Проговорив это, Шамбху скрылся, а я был низринут с небес и стал Утпалахастой, жил среди самых низких людей, но не имел с ними дела. Теперь благодаря милосердию твоего сына мое проклятие кончилось. Поэтому я и отдал ему свою дочь Суратаманджари. Теперь я отправляюсь на подобающее мне место среди видьядхаров, чтобы служить их верховному повелителю Нараваханадатте».

Вот что поведал Матангадева. Затем передал он свою дочь царевичу, вознесясь вместе с супругой на небо, и явился, повелитель, к твоим стопам. Царь Палака и другие, узнавшие истину, радостно устроили свадьбу царского сына и Суратаманджари. И Авантивардхана, получив в жены дочь видьядхара, был счастлив тем, что обрел больше того, что желал.

Однажды царевич отдыхал вместе с ней на крыше дворца. Проснувшись на заре, он не нашел рядом возлюбленной. Тщетно искал ее царевич и в горе рыдал так, что прибежал царь, его отец, и тоже встревожился не на шутку. «Город надежно охраняется, и чужой не проникнет сюда ночью. Наверное, ее похитил какой-то нечестивец из небожителей», — так переговаривались мы между собой, собравшись там, и в это время с небес спустился гонец от тебя, видьядхара Дхумашикха. Он и доставил сюда царевича Авантивардхану. Царь Палака повелел мне рассказать, как было дело. Здесь вместе с отцом и сама Суратаманджари. Вот что с ней приключилось. Пусть царь решает, что делать дальше».

Когда Бхаратарохака, министр Палаки, окончил рассказ и умолк,

советники обратились к Матангадеве в присутствии Нараваханадатты: «Скажи, за кого ты выдал Суратаманджари?» Тот ответил: «Я отдал ее Авантивардхане». Тогда они спросили Итьяку: «Скажи, почему ты похитил ее?» Он сказал: «Ее мать раньше дала обещание выдать ее за меня». — «Разве дело матери выдавать замуж дочь, если жив отец? Да и кто подтвердит твою правоту? Она для тебя — чужая жена, нечестивец!» — изрекли судьи. Итальяке нечего было ответить на их веские доводы. Верховный повелитель видьядхаров Нараваханадатта в гневе приказал казнить Итальяку за его недостойный поступок. Но лучшие из отшельников во главе с Кашьяпой попросили царя: «Прости его, ведь это его единственное преступление. Он — сын Маданавеги, твой шурин». И повелитель, показав тому свое осуждение, нехотя отпустил его на свободу. А сына своего дяди, Авантивардхану, соединившегося с супругой, он, поручив заботам Ваюпатхи, отправил вместе с советниками в город Каушамби.

Волна третья

Так на Черной горе Нараваханадатта отобрал у своего шурина Итьяки похищенную им достойную Суратаманджари, осудил его и вернул жену ее супругу. Однажды, когда Нараваханадатта сидел среди отшельников, Кашьяпа сказал ему: «Не было и не будет, повелитель, верховного владыки, подобного тебе, чтобы разум его, когда он становится вершителем правосудия, не был подвластен ни любви, ни другим чувствам. Счастливы те, что постоянно видят тебя, истинно любящего правду. Даже в такой большой державе нет никого, кто смог бы тебя в чем-нибудь упрекнуть. Были в прошлом и Ришабха, и другие властители, но они, запутавшись в разных грехах, погибли, лишившись почестей. Ришабха, Сарвадамана и еще Бандхудживака — все они из-за своей непомерной гордыни приняли кару от Шакры. Джимутавахана, владыка видьядхаров, когда к нему явился мудрец Нарада и спросил, как он достиг положения верховного повелителя, рассказал ему, что отдал в дар «пожелай-дерево» и собственное тело, а лишился он своего сына, ибо похвалялся собственными благодеяниями. Вишвантара тоже был когда-то верховным владыкой. Когда сын его Индиваракша был убит царем Чеди по имени Васантатилака за то, что совратил жену царя, Вишвантара обезумел от тоски по своему недостойному сыну, мужество покинуло его, и он лишился жизни.

Только один Таравалока, о Индра среди царей, по происхождению человек, благими деяниями обретший верховную власть над видьядхарами, долго наслаждался благами власти, не допуская греха, а когда почувствовал отвращение ко всему мирскому, отрекся от царства и удалился в лес. Так, в прежние времена видьядхарам не шло впрок достигнутое ими положение. Вступали они на несправедный путь и, ослепленные страстью или другим чувством, лишались того, что имели. Поэтому ты должен всегда быть осмотрительным, чтобы не оступиться на стезе добродетели. И своих подданных — видьядхаров ты должен удерживать от нарушения дхармы».

Царь Нараваханадатта, к которому обратил речь Кашьяпа, с почтением спросил у него: «Соблаговоли нам поведать, достойный, каким образом Таравалока^[285], человек, обрел некогда власть над видьядхарами?» В ответ на это Кашьяпа сказал: «Слушайте, я расскажу вам

Был у народа Шиби царь по имени Чандравалока, а старшей женой у него была Чандралекха, род которой был чист, словно Молочный океан. Да и сама она чистотою и нравом была подобна Ганге. Был у того царя огромный слон, которого называли люди Кувалаяпида, сокрушавший неприятельскую рать. Благодаря его мощи царству, которым управляли горожане, не был страшен ни один даже самый могучий недруг. Когда уже прошла молодость царя, родился у царицы Чандралекхи единственный сын, отмеченный добрыми знаками. Царевича звали Таравалока. По мере того как он рос, с ним вместе росли и родившиеся вместе с ним его добродетели, и прежде всего щедрость, благочестие, мудрость. Многомудрый юноша постиг суть каждого слова без исключения, но, щедрый к просителям, не ведал он единственно смысла слова «нет». Постепенно уже в юные лета в своих деяниях он стал проявлять себя, как умудренный жизнью старец. Мощью он был подобен солнцу, а совершенством облика походил на Луну, прекрасную в полнолуние, прекрасную законченностью своей формы. Так и пробуждал он к себе любовь всего мира, подобно Кандарпе. Он понимал, что, для того чтобы угодить своему отцу, ему надо превзойти Джимутавахану, ибо был отмечен явными признаками великого верховного владыки.

Царь Чандравалока выбрал для своего сына невесту — царевну Мадри, дочь царя мадров. После свадьбы отец, великий царь, радуясь обилию добродетелей сына, сделал его наследником престола. Таравалока с согласия отца повелел соорудить дома, где раздавалась пища и прочее. Каждый день, поднявшись с постели, он садился на слона Кувалаяпиду и сам отправлялся навещать тех, кому предназначалось подаяние. Кто бы о чем его ни просил, Таравалока готов был отдать все, вплоть до собственной жизни. Поэтому слава о молодом царевиче разлетелась по всем странам света.

И вот родились у него от Мадри два сына-близнеца, и назвал их отец Рамой и Лакшманой. Мальчики росли, и вместе с ними росла любовь и радость их родителей, а деду и бабушке они были дороже жизни. Таравалока и Мадри не могли наглядеться на них, когда те стояли перед ними в поклоне, ладные, словно луки с натянутой тетивой.

Недруги Таравалоки, завидуя его слону Кувалаяпиде, его сыновьям, его славе щедрого человека, подговорили брахманов, своих сторонников:

«Пойдите и попросите у Таравалоки слона Кувалаяпиду. Если он отдаст его вам, мы завладеем его царством, так как он лишится защиты, а не отдаст, слава его, как щедро одаривающего, померкнет». — «Да будет так», — отвечали брахманы и отправились к Таравалоке, и высказали прославившемуся щедростью царю свою просьбу. С какой целью просят дваждырожденные моего всемогущего слона? Уверен, что кто-то подучил их прийти ко мне. Ничего не поделаешь, придется отдать им лучшего из слонов. Разве может, пока я жив, уйти от меня проситель, желание которого не исполнено?» — так думал Таравалока. На душе у него было смутно, но отдал он дваждырожденным своего превосходного слона.

Увидев, что дваждырожденные уводят прославленного слона, горожане, разгневанные, поспешили к царю Чандравалоке и сказали ему: «Твой сын, видно, бросил царство, отстранившись от дел, и принял обет молчальника. Посмотри, он отдал просителям славнейшего из слонов Кувалаяпиду, а ведь на нем держалось благополучие царства, ибо он одним своим запахом разгонял других слонов. Поэтому ты или пошли своего сына подвижником в лес, или верни слона, иначе мы поставим царем другого». Вот что сказали горожане Чандравалоке, а он через пратихару сообщил об этом сыну.

Когда услышал об этом его сын Таравалока, он сказал: «Но я уже отдал слона. Нет ничего, что бы я не отдал тому, кто пришел ко мне с просьбой. И что для меня это царство, которым на деле управляют горожане, на что мне богатство, которым не могут наслаждаться другие, — оно, словно молния, блеснет и исчезнет. Лучше мне жить в лесу, среди деревьев, богатых плодами, которых каждый волен отвесть, чем здесь, среди людей, которые все равно что звери». Такие слова произнес Таравалока. Вместе с супругой, которая помогла ему укрепиться в этом решении, поклонился он в ноги своим родителям, раздал все накопленное нуждающимся, облачился в лубяную одежду и вместе с обоими сыновьями пошел прочь из своего города, утешая горько рыдавших дваждырожденных. Видя, что он уходит, даже звери и птицы горько его оплакивали, так что земля оросилась потоками слез.

Когда Таравалока тронулся в путь, у него оставалась только колесница, единственное средство передвижения для его сыновей. Но нашлись дваждырожденные, которые попросили отдать им коней от колесницы. Он отдал коней и сам вместе с женой потащил колесницу, чтобы довести малолетних сыновей до леса подвижников. Едва они вошли в лес и решили передохнуть, как появился какой-то брахман и попросил у царя колесницу, в которой коней уже не было. Стойкий царь отдал ее без

колебаний и вместе с женой и сыновьями едва добрался пешком до леса подвижников. У подножия дерева соорудил он себе жилище и зажил там, окруженный нежной заботой жены своей Мадри, а свиту его составляли олени. Казалось, лес постарался, чтобы вокруг героя, попавшего в край, чуждый всего мирского, были привычные вещи: цветочные гроздья, колеблемые налетающим ветром, напоминали прекрасные опахала, густотенистые деревья — зонты от солнца, листва — мягкое ложе, камни — его трон, пчелы — поющих женщин, а сок различных плодов — хмельное питье.

Однажды, когда Мадри вышла за пределы обители, чтобы набрать для него фруктов, цветов и прочего, к Таравалоке, оставшемуся в лесной хижине, явился некий престарелый брахман и попросил отдать ему обоих сыновей, Раму и Лакшману. «Я лучше перенесу, чтобы увели моих совсем еще маленьких сыновей, чем не исполню желание пришедшего с просьбой. Коварной судьбе угодно испытать, тверда ли моя решимость!» — подумал Таравалока и отдал брахману своих сыновей. Брахман попытался их увести, но они упирались, и тогда он связал им руки и отхлестал лозой. Злодей потащил их, а они звали мать и, оборачиваясь, смотрели на отца полными слез глазами, но Таравалока, видя все это, не дрогнул, и его твердость привела в трепет все живое — и движущееся, и неподвижное.

Собрав цветов и фруктов, кореньев и прочего, достойная Мадри, усталая, тихо брела с окраины леса в обитель к своему супругу. Она увидела его, с поникшей головой, а сыновей нигде не было видно, лишь были разбросаны их глиняные игрушки — лошади, колесницы, слоны. Сердцем почуяв беду, в тревоге кинулась она к своему супругу: «О, смерть мне! Где мои сыновья?» И тот тихо ответил ей: «О безупречная, отдал я их бедному дваждырожденному, который попросил меня об этом». Выслушав это, достойная женщина, поборов смятение, сказала мужу: «Если так, правильно ты поступил: как отпустить просителя, не исполнив его желания!» Едва она это промолвила, как от такой праведности обоих супругов содрогнулась вселенная и пошатнулся трон Индры.

Индра силой глубокого самососредоточения узрел, что мир потрясен величием щедрости Мадри и Таравалоки. Тогда обернулся он брахманом, явился в обитель Таравалоки и, желая его испытать, попросил отдать единственную супругу царя. Таравалока, совершив обряд возлияния воды на руки, без колебания согласился отдать и ее, разделившую с ним жизнь в лесу. «О мудрый царь, чего ты достигнешь, расставшись с подобной супругой?» — спросил его Шакра, принявший обличье дваждырожденного, и тот ответил: «Нет такого, чего я желал бы достичь

для себя, но вот к чему я — стремлюсь: быть всегда готовым отдать брахманам все, вплоть до собственной жизни, о дваждырожденный!» Выслушав это, Шакра, принявший свой собственный облик, сказал ему: «Я испытал тебя и доволен тобой. Поэтому говорю: не надо тебе отдавать супругу. Вскоре ты станешь верховным повелителем видьядхаров!» С этими словами он исчез.

Меж тем тот самый старик брахман, который получил в дар обоих сыновей Таравалоки, сбился с пути и, бредя наугад, случайно пришел в город могучего Чандравалоки. Он явился на рынок, чтобы продать царских детей. А там горожане узнали их, поспешили оповестить царя и привели детей вместе с брахманом к Чандравалоке. Тот увидел родных своих внуков и со слезами стал расспрашивать того дваждырожденного, а услышав его рассказ, долгое время то радовался, то горевал. Осознав величие добродетели родного сына, он оставил заботы о царстве, хотя горожане пытались его удержать, и, выкупив внуков у дваждырожденного, взял их с собой и вместе со свитой отправился в обитель своего сына Таравалоки. Тот предстал перед ним в облике отшельника — волосы его были стянуты в узел, тело его покрывали лубяные одежды, и оно напоминало мощное дерево, чьи обильные плоды склевали слетевшиеся отовсюду птицы, — так обобрали его жадные брахманы! Сын бросился к нему издалека, приник к отцовским стопам, а царь поднял его и прижал к груди, орошая слезами, как бы предуготовляя этим его к помазанию на верховное правление над видьядхарами и к восхождению на трон.

Царь передал Таравалоке обоих его сыновей, Раму и Лакшману, рассказав, как он выкупил их. Пока каждый рассказывал другому, что приключилось с ними, с небес спустились Лакшми и слон с четырьмя бивнями. И когда явились на землю другие властители видьядхаров, Лакшми, держащая лотос в руке, обратилась к Таравалоке: «Садись на этого слона, ступай в страну видьядхаров и наслаждайся там благами верховной власти, которую ты завоевал величием своей щедрости». Когда Лакшми изрекла эти слова, Таравалока вместе с супругой и сыновьями поклонился отцу в ноги, поднялся на глазах у живущих в обители на небесного слона. и, окруженный властителями видьядхаров, отправился по небу в страну видьядхаров. Там он долго наслаждался верховной властью, осененной науками, со временем почувствовал безразличие к миру и удалился в лес подвижников.

Так некогда праведный Таравалока, человек, своей незапятнанной добродетелью достиг положения Индры среди видьядхаров. Другие же, обрета подобную власть, теряют ее из-за своих прегрешений. Поэтому ты

должен остерегаться оплошностей как своих, так и своих подданных».

Когда мудрый Кашьяпа поведал эту историю в назидание верховному владыке, Нараваханадатта обещал следовать его совету и повелел: «Слушайте, о видьядхары! Отныне всякий из моих подданных, кто преступит закон справедливости, будет мной предан смерти!» Так возгласил он свою волю обитателям горы Хары. Он зажил там вместе с небожителями, покорно принявшими его повеление, и слава о нем, освободившем Суратаманджари, широко разнеслась по всем мирам. Вместе со своим дядей в окружении свиты он провел время дождей там, на Черной горе, в обители первейшего среди мудрецов.



Поэт и его наследие

Множество сказаний и легенд связано с Гималаями. В представлениях народов Индии они вошли как жилище богов. Великий хребет персонифицировался в индийской мифологии в седом Хималае, отце Ганги, великой реки Индии. Народная фантазия не только населила величественные горы множеством всяких существ — добрых и злых, прекрасных и уродливых, но и поставила все эти существа в определенную связь между собой и с человеком и запечатлела свои создания во множестве сказок, легенд, преданий, притч.

Из этого океана мысли и красоты издавна черпали сюжеты, образы, идеи творцы индийской литературы. День ото дня все более знакомится с ней советский читатель и в переводах, и в литературоведческих работах. Представляемая ему книга — это третья часть одного из величайших произведений не только индийской, но и мировой литературы — «Катхасаритсагары», или «Океана сказаний» Сомадевы. Первая часть его вышла в переводе на русский язык в 1967 г. как «Повесть о царе Удаяне»^[286], вторая — в 1972 г. как «Необычайные похождения царевича Нараваханадатты»^[287]. В этой же части основной герой «Океана сказаний» — Нараваханадатта завершает свои похождения и достигает положения верховного правителя мира полубогов — видьядхаров, тех, кто наделен волшебным знанием, своего рода гениев индийской мифологии. Последние две книги «Океана сказаний» — «Книга о Падмавати» и «Книга о Вишамашиле» — представляют собой две самостоятельные повести, в которых повторяются и развиваются некоторые мотивы из предыдущих книг. Увязка их с историей Нараваханадатты формальна — они лежат уже вне сюжета о его похождениях и потому в данное издание не включены.

Пока еще мало известно о жизни Сомадевы. Придворный поэт кашмирского царя Ананты, правившего в 1029–1064 гг. н. э., брахман по происхождению, Сомадева написал «для развлечения царицы Сурьявати», жены царя Ананты и матери царя Калаши, свой «Океан сказаний», громадную эпопею, состоящую из 21 388 двойных стихов. Поскольку Сурьявати скончалась в 1084 г., можно полагать, что «Океан» существовал как законченное произведение уже в 1083 г.

Развлекать государя или кого-то из членов его семьи — в средние века обычная; заурядная задача придворного поэта. Но когда в результате ее решения возникает такое яркое и многогранное, самобытное и

высокохудожественное произведение, как «Океан сказаний», не вправе ли мы думать, что за этим скрывалось что-то большее и значительное? Ради чьего развлечения была написана такая замечательная книга? Чем известна царица Сурьявати? Чтобы дать ответ на подобные вопросы, необходимо на некоторое время обратиться к истории Кашмира времен Сомадевы.

При всем разнообразии внешних проявлений феодальная эпоха породила, в сущности, одинаковые на Востоке и Западе конфликты, в результате которых распадалась «связь времен» и люди тонули в крови, насилиях, братоубийственных распрях. История Кашмира в XI столетии убедительно иллюстрирует именно эту сторону феодальных времен. Этот период подробно освещен в седьмой главе знаменитой хроники «Река царей» («Раджатарангини») кашмирского историка-поэта Калханы^[288]. Перечислим только лишь некоторые события бурного столетия. В 1005 г. умерла царица Дидда, выдающаяся правительница, своей политикой способствовавшая усилению центральной власти в Кашмире. С помощью своего фаворита Тунги она сумела подавить сопротивление местных князей. Перед смертью Дидда передала корону своему племяннику Самграмарадже. Он ничем не проявил себя, но был еще жив Тунга, который, собственно, и осуществлял правление страной. В 1013 г. Тунга потерпел поражение от Махмуда Газни и вскоре после этого, в результате заговора, был заколот теми самыми князьями, против которых была направлена его политика. За время правления Самграмараджи дважды — в 1015 и 1021 гг. — Махмуд Газни пытался вторгнуться в Кашмир, чем причинил стране немало бед. В 1028 г. Самграмараджа умирает и ему наследует Харираджа, его сын. Царствование Харираджи длилось всего двадцать два дня — он был умерщвлен собственной матерью, самой жаждавшей усесться на трон. Однако эканги, своего рода гвардия при дворе кашмирских царей, сорвали ее замысел и возвели на трон ее же сына Ананту.

При дворе Ананты значительным влиянием пользовались члены династии Шахи, государство которых было разгромлено Махмудом Газни. Один из них взял в жены Ашавати, дочь правителя Джаландхара, младшая сестра которой, Сурьявати, стала супругой Ананты, той самой царицей, ради которой Сомадева и написал «Океан сказаний». Борьба за власть продолжалась. Шла она и внутри династии, выражалась и в мятежах дамаров, т. е. феодалов, проявлялась и во вторжениях соседей, например царя страны Дарада, возглавившего враждебную Ананте коалицию семи царей.

Разорительные войны подорвали экономику страны. Упадок,

усугублявшийся неспособностью Ананты заниматься государственными делами и его безрассудной расточительностью, дошел, по свидетельству Калханы, до того, что даже «корона, украшенная пятью полумесяцами, и сам царский трон оказались в закладе» и приносились в тронный зал только для специальных церемоний. В это время в дела государства как раз и вмешалась Сурьявати, она отдала все свое богатство для восстановления престижа царя и поправки экономики. С этого времени царица стала заниматься государственными делами, а царь должен был перестать похвастаться своими подвигами и лишь исполнять то, что ему поручалось. Непосредственно же делами государства занимался Халадхара, приближенный царицы, показавший себя опытным администратором, дипломатом, воином.

Оценивая положение Кашмира в то время, Калхана писал: «В период царствования Ананты на страну, наряду с войнами и походами, время от времени обрушивались разные беды». Одной из них оказались материнские чувства Сурьявати — в 1063 г. она убедила мужа короновать их сына Калашу. Вскоре, однако, они раскаялись в этом, и, хотя коронация уже состоялась, Калаша был отстранен от действительной власти. Дворцовые интриги усугубили отчуждение между Калашей и родителями. Начавшаяся распря приняла отвратительный характер, и в результате ее Ананте и Сурьявати пришлось бежать и укрыться в монастыре Виджаешвара, правда, прихватив с собой казну. Разъяренный Калаша осадил монастырь, и лишь вмешательство Сурьявати, казалось, предотвратило отцеубийство. Дальнейшие события привели к разграблению и сожжению монастыря Виджаешвара и в конце концов к самоубийству Ананты (1084 г.). Калхана свидетельствует, что Сурьявати взошла на погребальный костер мужа.

Калаша, наконец-то почувствовавший себя полновластным хозяином, попытался упорядочить дела в стране, наладить отношения с соседями. Он даже добился признания его суверенитета правителями довольно крупных государств. Тем временем его сын Харша, в душе которого жило недоверие к отцу, посеянное еще его бабкой, царицей Сурьявати, возглавил заговор, но тот был раскрыт, а Харша заключен в тюрьму. После смерти Калаша, последовавшей в 1089 г., его приближенные возвели на трон не Харшу, а его брата Уткаршу, правившего в это время царством Лахора. Однако дамары, владетельные феодалы, были настроены против Уткарши, и в результате их заговора на трон был возведен Харша. Уткарша же, процарствовав всего несколько дней, покончил с собой.

Харша — один из образованнейших людей своего времени, поэт и

меценат, — был неудачлив в политических и денежных делах. Хотя он и пытался решить вечную задачу кашмирских царей — упрочить централизованную власть, но заговоры и мятежи, во главе которых стояли братья Харши, вспыхивали один за другим. Не задумываясь, по одним лишь подозрениям, он казнил не только непосредственных участников заговоров, но и многих родственников. Поддерживая пышный двор и щедро награждая своих фаворитов, Харша пытался восполнить казну за счет сокровищ, изъятых из индуcских храмов и буддийских монастырей, и даже назначил специальных чиновников, которые должны были собирать по храмам и монастырям золотые изваяния богов и предметы культа. Собранные сокровища обращались в деньги; Харша не останавливался перед введением все новых и новых налогов — по словам Калханы, «даже дерьмо было обложено налогом».

Разорение народа было усугублено катастрофическим наводнением и голодом в 1099 г., а затем эпидемией чумы. Ослабление центральной власти, хаос и разорение снова позволили дамарам возвыситься, и Харше пришлось вступить с ними в борьбу. В это время Харша заподозрил двух своих родственников — Уччалу и Суссалу — в покушении на трон. Расправиться с ними ему не удалось. Столкнувшись с ними в битве, Харша потерпел поражение, войско Уччалы и Суссалы вступило в Сринагар и разграбило дворец Харши. Сын Харши был немедленно умерщвлен, а сам царь, пытавшийся спастись в хижине нищего, был окружен и, хотя и пытался сопротивляться, убит. Это случилось уже в 1101 г.

Таковы только наиважнейшие вехи политической истории Кашмира в XI в., каждая страница которой пропитана кровью. Таков был тот век, когда жил и творил Сомадева.

Калхана, весьма подробно и с тонким пониманием человеческих характеров описавший царствование Ананты, деятельность царицы Сурьявати и ее приближенного Халадхары, важные события в жизни страны, ничего не сообщил о поэте Сомадеве. О нем ничего не известно, кроме того, что он сам рассказал о себе. Неизвестно, сколько времени заняла у него работа над таким масштабным произведением, как «Океан сказаний», неизвестно и то, что мы называем сегодня творческой историей произведения. Единственным источником представлений о ней может быть лишь само произведение. Что же оно собой представляет?

В предпоследней шлоке своего послесловия Сомадева писал: «Это изложение сути «Брихаткатха», амрита разнообразных сказаний, полная луна, привлекающая океан умов добрых людей, истинно написана достойным брахманом Сомой, сыном Рамы». Открывал же он эпопею

такими словами: «Те, кто без промедления вкусят сладость Океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!»^[289].

После кратких посвящений Шиве, Парвати и Ганеше, а также Сарасвати, богине Мудрости, «которая словно светильником озаряет все сущее», Сомадева перечисляет содержание восемнадцати частей «Океана сказаний» и излагает свои творческие принципы:

«Все, что содержится в «Великом сказе», сохранил я в своей книге. Все, о чем поведал Гунадхья, пересказано мною точно, без отступлений, — только слишком обширные рассказы сделал я короче, да к тому же писал на другом языке. Как мог, следовал я принципу уместности, воплощенному в «Великом сказе», и если вставлял в повествование новые рассказы, то лишь так, чтобы не нарушить его стиля. Не в погоне за славой ученого, но только ради того, чтобы легче было постичь хитросплетения различных рассказов и повестей, взялся я писать эту книгу»^[290].

За отсутствием оригинала невозможно сказать, насколько точно поэт следовал определенной им программе.

Открывающая эпопею книга «Вступление к рассказу» построена автором, исходя из традиционных образов индийской мифологии, но не имеет по своему творческому характеру каких-либо прототипов, даже отдаленных, во всей предшествующей литературной традиции. Верховный бог Шива и его супруга Бхавани, при всем их мифологическом величии, антураже и всемогуществе, ведут себя как самая обычная человеческая семья. Сомадева вкладывает в уста Шивы многозначительные слова: «Всегда счастливо живут боги, люди же всегда несчастны. Из-за трудностей людская жизнь не может быть интересной, а потому расскажу я тебе о жизни видьядхаров, в которых слилась и человеческая, и божественная природа». Рассказ, подслушанный одним из приближенных Шивы — Пушпадантой, — обрекает и его самого, и его друга Мальявана, и якшу Супратику на длительные испытания в земной жизни — они прокляты Бхавани, супругой Шивы, но избавятся от проклятия, когда поочередно встретятся друг с другом и перескажут один другому подслушанную историю. Далее сообщается, что Пушпаданта родится на земле под именем Вараручи в Каушамби, а Мальяван — в городе Супратиштхита и он-то и станет Гунадхьей. С самого начала Сомадева

вводит действие во все три плана — мир богов, мир полубогов и мир людей, точно связывая несколько сложных линий, которые в дальнейшем будут расщепляться на многие другие, переплетаться, возвращаться в первоначальное русло, обтекая многочисленные самостоятельные сюжетные циклы, завершающиеся вне связи с основным повествованием, но увязываемые с ним волей автора, предлагающего уместное для данной ситуации обоснование, исходящее иногда не из логики развития событий, а из потребностей композиции.

На некоторые существенные стороны первой книги необходимо обратить особое внимание. Наиболее важной из них является то, что рассказывается о пишачах и их языке пайшачи, противопоставленном санскриту, пракриту и бхаша. Мальяван — Гунадхья осваивает речь пишачей; далее Канабхути пересказывает ему услышанное от Вараручи «божественное сказание, состоявшее из семи частей, на языке пайшачи». Гунадхья пишет его семь лет — по сто тысяч строк в год, причем пишет собственной кровью.

Труд поэта должен стать известен по всей земле — так повелела Бхавани, налагая проклятие. Но при попытке обратиться к помощи царя Сатаваханы для распространения творения Гунадхьи, несмотря на божественное предопределение, разгорается конфликт. В ответ на обращение учеников Гунадхьи царь презрительно заявляет: «Бессмысленна речь пишачей, хотя бы и в семистах тысячах шлок, написанных кровью. Прочь убирайтесь с этим рассказом на пайшачи!».

Дальнейшее развитие конфликта, детали судьбы произведения Гунадхьи дают возможность заметить некоторые черты реальной борьбы, развернувшейся во второй половине I тысячелетия н. э., за утверждение народных языков в качестве литературных и официальных. Но и не только это — первая ламбака эпопеи Сомадевы есть еще и историческая увязка его произведения с местной, кашмирской традицией.

Дело в том, что пишачи, согласно кашмирской исторической традиции, в частности «Ниламатапуране», были одними из первых обитателей Кашмирской долины. Вытеснив племена нагов, они обосновались в ней, но позднее, в свою очередь, были вытеснены другими этническими общностями. Таким образом, для Сомадевы, равно как и для его предшественника Кшемендры, история о создании «Великого сказа» на языке пайшачи имела значение исторического обоснования обращения к произведению Гунадхьи как к образцу. Не следует это понимать в смысле, так сказать, документального обоснования — география и время здесь литературные, используемые автором в интересах решения его творческого

замысла, а не документального подтверждения, которое для художественного обобщения в данном случае значения не имело.

Другая черта первой книги заключается в том, что многие из ведущих персонажей носят имена реально живших грамматистов и поэтов. Известно, например, что Вараручи был не только грамматистом, но и поэтом, причем поэтом, согласно джайнской традиции собиравшим песни, которые пели женщины. Он обрабатывал их и затем пел сам. Это привело к обвинению его в плагиате и, как следствие этого, к отказу в покровительстве. Панини — знаменитый индийский грамматист, Пушпадантой звали видного джайнского поэта. Катьяяна — грамматист, автор реально существовавшего и дошедшего до наших дней грамматического трактата «Катантра». Не менее подлинна и борьба различных грамматических школ, равно как и борьба вокруг судеб народных языков и литературы на них. Любопытно, что Д. Бхагават, автор фундаментального исследования «Древняя Махараштра» («Прачина Махараштра»), считает, что от эпохи битвы на поле Куру до времени жизни Вараручи «сфера действия народных языков в значительной степени сузилась. У них было два соперника — санскрит в области религии и пайшачи в области политики»^[291]. Это утверждение выглядит несколько преувеличенным хотя бы потому, что в таком случае от пайшачи как от языка могло бы уцелеть гораздо больше, чем несколько известных в настоящее время разрозненных фраз, содержащих 74 слова (от родственного ему чулика-пайшачи уцелело всего 38 слов).

Что касается Гунадхьи, то, на основании данных Кшемендры и Сомадевы, он предстает в образе ученого-брахмана, оказавшегося в силу каких-то обстоятельств среди носителей языка пайшачи и ставшего в их среде чем-то вроде просветителя. Во всяком случае, благодаря его труду можно утверждать, что на пайшачи существовала литература как нечто самостоятельное и цельное — некоторое представление о ней мы можем получить, ознакомившись с кашмирскими переработками «Великого сказа», стоявшими, видимо, достаточно близко к оригиналу.

Повествовательные жанры джайнской, буддийской или какой-либо иной канонической литературы неизбежно несли на себе печать дидактизма, их функцией было поучение, как таковое. «Великий сказ» задачи непосредственно дидактической или проповеднической не имел, не обладали такой задачей и ее кашмирские варианты. Сомадева рассказывает о жизни видьядхаров, существ, живущих в воздушном пространстве, но входящих и в мир богов, и в мир людей. Тем не менее автор всеми своими помыслами привязан к реальной жизни людей — люди играют основную

роль в произведении, даже тогда, когда автор повествует нам о богах или видьядхарах.

Весь текст «Океана сказаний» распадается на четыре неравные части. Первая книга содержит рассказ о том, как возникло само это произведение. Затем четыре книги посвящены повествованию о царе Удаяне, еще одиннадцать книг — своего рода роман о его сыне царевиче Нараваханадатте и последние две, стоящие несколько особняком, — сказаниям о царе Викрамадитье. Таким образом, перед нами четыре цикла, тематически организованных богатейший фольклорный и литературный материал, использованный поэтом.

«Повесть об Удаяне» опирается на длительную фольклорно-литературную традицию. Он был, видимо, конкретной исторической личностью, обратившейся в героя многочисленных народных сказаний и литературных произведений. Ко времени Сомачедевы он уже был популярным литературным героем. Достаточно назвать произведения и авторов, так или иначе обращавшихся к этому образу. Калидаса в «Облаке-вестнике» («Мегхадута»)^[292] упоминает о стариках сказителях, рассказывающих истории об Удаяне. Сказания о нем включены в состав джатак и пуран. Первые собственно литературные произведения о нем — две пьесы Бхасы: «Увиденная во сне Васавадатта» и «Клятва Яугандхараяны»^[293]. Далее, он же выступает героем двух пьес Харши — «Ратнавали» и «Приядаршика»^[294], появляется у многих других авторов, как у тех, чьи произведения до нас дошли, так и у тех, о чьих творениях мы знаем только по цитатам или упоминаниям в трудах по поэтике и эстетике. Естественно, фигурирует он и в тех произведениях, авторы которых, подобно Сомачедеве, черпали свой материал из «Великого сказа», — у Будхасвами в «Избранных шлоках из Брихаткатха» и у Кшемендры, непосредственного предшественника, а может быть, и наставника Сомачедевы. «Отрасли Великого сказа» («Брихаткатхаманджари»), завершенное Кшемендрой в 1037 г. переложение эпоса Гунадхьи, хронологически почти вплотную примыкает к произведению Сомачедевы. Их отделяет всего лишь сорок лет.

И само повествование об Удаяне, и его образ у Кшемендры и Сомачедевы очень близки, и причину этого усматривают в том, что и тот, и другой, возможно, имели в руках оригинал «Великого сказа». В основном они рисуют образ Удаяны, близкий к традиционному, известному по пьесам Бхасы и Харши. Но самый важный момент для обоих кашмирских авторов в истории Удаяны — рождение его сына Нараваханадатты,

которому при рождении предназначается стать верховным повелителем видьядхаров.

История воспитания, походов, подвигов и возвышения Нараваханадатты до положения верховного повелителя видьядхаров и есть главная задача Кшемендры и Сомадевы, которую каждый из них решал по-своему. Но если за образом Удаяны скрыта почти полтора тысячелетняя традиция, то с образом Нараваханадатты дело обстоит иначе. Есть в предшествовавших «Океану сказаний» литературных памятниках герои, родственные ему по духу и характеру, как, например, царевич Раджавахана из «Походов десяти принцев» («Дашакумарачарита»)^[295] Дандина; есть, в частности, в памятниках буддийской литературы на пали («Мадджхиманикае», «Винайпитеке», на русском языке не издававшихся) персонажи, которые могли бы быть сопоставлены с Нараваханадаттой либо в силу родства — единственный сын Удаяны от царицы Васавадатты, либо по созвучию имен, достаточно отдаленному.

Но как литературный герой Нараваханадатта остается уникальным — вся его литературная родословная ограничена известными переработками «Великого сказа» — она восходит к Гунадхье. Каким царевич был в эпосе на пайшахи, сказать невозможно, если только мы не положимся на заявление Сомадевы, что он точно следовал плану своего великого предшественника. Во всяком случае, царевич Нараваханадатта — прежде всего герой литературный, связь которого с предшествующей фольклорной, мифологической, литературной традицией, его действия и мысли находились в воле автора.

Повесть об Удаяне и роман о Нараваханадатте, равно как и вся эпопея Сомадевы, по структуре своей принадлежит к жанру «обрамленной повести». Он крайне популярен и лучшие его образцы, такие, как «Панчатантра»^[296], «Хитопадеша»^[297], «Двадцать пять рассказов Веталы»^[298] («Веталапанчавиншатика»), «Семьдесят рассказов попугая»^[299] («Шукасаптати») и целая вереница разноязычных их переработок и версий, украшают мировую литературу. Сомадева свободно пользуется всеми возможностями этой испытанной литературной формы не только в интересах композиции, но и в интересах общей структуры повествования, подчиненной задаче создания образа Нараваханадатты.

В «Океане сказаний» Удаяна и Нараваханадатта, несмотря на родство, на очень корректные и соответствующие тогдашним нормам, скажем даже — идеалам, взаимоотношения отца и сына, представляют два разных типа государя. Удаяна традиционен, он олицетворяет собой «божественное

право королей» в его индийском варианте. Он — вершина, ради которой существует все. Главнейшие его занятия — любовные истории, которым его министр придает государственный смысл, или военные походы, осуществляемые полководцами, делающими все для того, чтобы государь мог нанести решающий, но уже чисто символический удар.

Нараваханадатта предстает иным. Ему известно и его предназначение, и то, что ради этого предназначения он должен пройти долгую и трудную дорогу. Ему хорошо известны и традиции, и науки, и искусства. Но при этом он не один на вершине пирамиды, у него иной уровень отношений с людьми, чем у Удаяны. Сомадева провел его по всем царским дорогам и житейским закоулкам тогдашнего мира, поднимая на небо и опуская в подземные миры, столкнул с людьми, видьядхарами и богами, оставив его человеком, которого интересуют земные дела, даже в положении верховного повелителя видьядхаров. Проследим бегло его восхождение к этой вершине.

В четвертой книге «Океана» читателю стало известно и о рождении у Удаяны и Васавадатты сына, и о предвестии его славного будущего, и о том, что все министры привели своих сыновей и племянников, которые стали ему друзьями и «постоянно находились рядом с царевичем, словно его собственные добродетели, сулящие ему благую участь». В пятой книге царевич впервые сталкивается с видьядхарами, представителями его будущих подданных. А вот шестая книга своим началом неожиданно переносит нас в самый конец повествования: «После того как Нараваханадатта покорил видьядхаров и установил над ними свою власть, где-то по какому-то случаю великие мудрецы и их жены спросили, как он этого достиг. И тогда сам он рассказал о жизни своего отца, царя Удаяны, и о всей своей божественной жизни». Таким образом Сомадева очертил рамки самого повествования, которым соответствуют II–XVI книги «Океана сказаний», естественно, опустив I книгу, как содержащую рассказ о возникновении самого произведения и его судьбе.

Предлагаемый далее вниманию читателя рассказ не так уж занят собственно Нараваханадаттой: ему самому посвящена относительно небольшая часть — менее одной десятой — повествования. Решающее место занимают многочисленные, разнообразные и по теме, и по жанру, и по размерам вставные истории.

Уместно поставить вопрос о их функциях — в этом отношении они могут быть сгруппированы таким образом; а) иллюстрирующие; б) приводимые в качестве аргумента и таким образом выступающие в качестве развернутых реплик; в) синтезирующие; г) требующие решения

конфликта. В первом и наиболее распространенном случае история приводится в качестве примера, т. е. связь ее с основным сюжетом рассказа обрамления и его действующими лицами достигается формальной привязкой типа «Послушай, как это бывает...». Так, например, включены все рассказы непосредственно фольклорного происхождения. Во втором случае участники рассказа-обрамления высказывают свое отношение к теме или к герою вставного рассказа. В третьем — герои рассказа-обрамления принимают участие в сюжете вставного рассказа. В четвертом — тот или иной участник рассказа-обрамления разрешает конфликт вставного рассказа, придавая необходимую цельность сюжету и завершая тем самым композицию.

При всем различии функций все они «работают» на образ Нараваханадатты, позволяя либо продемонстрировать его ум, те или иные добродетели, либо оттенить ситуацию, в которой он оказался, или подсказать выход из нее, обосновать справедливость его действий и тем самым объективную обоснованность божественного предвестия о его предназначении. Среди них есть несколько особенно показательных в этом смысле — таковы сказание о Сурьяпрабхе в VIII книге и роман о Мриганкадатте, самый большой в «Океане сказаний», распространившийся на две книги — XII и XIII, а также включенная в историю Мриганкадатты обрамленная повесть «Двадцать пять рассказов Веталы».

Сурьяпрабха и Мриганкадатта при всем их различии являются своего рода литературными ипостасями Нараваханадатты. Первый ведет жестокую борьбу с богами, не желающими видеть, как человек станет верховным повелителем видьядхаров и окажется почти на одном уровне с ними. Второй претерпевает напрасную отцовскую несправедливость и странствует со своими друзьями-министрами в поисках возлюбленной, подобно тому как это делает Нараваханадатта. Образы Сурьяпрабхи и Мриганкадатты как бы акцентируют два разных аспекта образа Нараваханадатты: Сурьяпрабха — его божественное предназначение, Мриганкадатта — его человеческую суть. Речь может идти только лишь об акценте, поскольку и Сурьяпрабха не менее человечен, чем Мриганкадатта, он просто относится к другим, более давним нормам общественного бытия и сознания, к той поре, когда еще боги ведической литературы были полновластны, хотя и напуганы уже мощью человеческого разума. Мриганкадатта принадлежит к иной эпохе, ко времени собственно феодальному; он, современник Нараваханадатты, мог бы быть его сверстником или соперником.

Все три героя находят в своих министрах-друзьях верных соратников,

помогающих выбирать правильный выход и из житейских ситуаций, и из политических во имя достижения конечной цели. Они пребывают в постоянном общении со своими друзьями-министрами, и притом, что они соблюдают внешне необходимые нормы этикета, само их общение происходит на равных. О чем же беседует Нараваханадатта со своими друзьями? А о самых разных вещах — и о том, кто более добродетелен — мужчины или женщины, и о пьяных упрямах, и о том, почему творец не создал человека нестареющим и бессмертным, и об истории распри богов и асуров, и о власти над материей, и о том, что великие духом и мыслью не стремятся к небесному блаженству, о случившемся с теми, кто живут рядом, о том, что разум — главная опора живущих, о том, что необходимо быть решительным — нерешительного не изберет богиня счастья, о дивных проявлениях ума, о мудрости, о прихотях судьбы, обо всех возможных проявлениях жизни.

И не только — они возражают друг другу, ведут спор не по случайным поводам вольного разговора, а воссоздавая картину жизни, стремятся, в полном соответствии с мировоззрением тех времен, отдать себе отчет в том, какова цель жизни вообще и какова мера ответственности человека за нее, т. е. в том, что же составляет сущность взаимоотношений человека и общества.

Автор не ограничивается только подобными рассуждениями своих героев — он вводит еще и проблему общественной роли литературы. Та самая формула, которой открывается каждая книга «Океана сказаний», содержит утверждение, что те, кто без промедления вкусят «сладость» «Океана сказаний», «беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов», т. е. что они смогут быть и на земле столь же счастливыми, как боги. Этому утверждению предшествует прямая аналогия с исходной для всей индусской мифологии легендой о споре богов и их соперников-асуров из-за сокровищ, скрытых океаном, и особенно напитка, дарующего бессмертие, — амриты, без которой даже боги не могут быть бессмертны. Столь высоко для Сомадевы значение литературы, как таковой, что он «сладость» своего повествования ставит на один уровень с божественной амритой.

Автор не сводит столь большое для людей значение литературы только лишь к своему собственному произведению. Это ощутимо не только по тому глубокому уважению, которое он испытывал и выразил в отношении своего великого предшественника Гунадхьи, но и по тому, что включил в пространный роман о Нараваханадатте материал других литературных произведений, приводя их иной раз и целиком, но, как

правило, подвергая своей собственной авторской обработке. К последним относятся «Панчатантра», джатаки, повесть о Суманасе и ряд других, к первым же — и это наиболее яркий пример — «Двадцать пять рассказов Веталы». Разумеется, Сوماдева не ввел эту обрамленную повесть механически, как была она представлена тем или иным из ее распространенных вариантов, а подверг ее стилистической и композиционной доработке в той мере, в какой это было ему необходимо, чтобы повесть стала органичной частью его произведения.

Концовка ее вполне согласуется с задачей, сформулированной Сوماдевой во вступительном стихе к «Океану сказаний». Если в нем поэт увязывал свое произведение с официальной, «высокой» мифологией, то концовка «Двадцати пяти рассказов Веталы» обращает внимание читателя или слушателя к совершенно иному уровню — к богатой и разнообразной демонологии, порожденной не только религией, суевериями и предрассудками, но и бурной народной фантазией, запечатленной в народном творчестве. Ветала, род вампира, вселяющегося в мертвое тело и заставляющего его действовать как живое, отвечая своему собеседнику царю Тривикрамасене на просьбу сделать эту повесть «прославленной и почитаемой по всей земле», говорит: «По всей земле это собрание двадцати четырех историй и еще одной, их завершающей, называющееся «Веталапанчавиншати», прославится повсеместно и будет приносить благо, и всякий, кто с почтением прочтет хотя бы две строки из них, и всякий, кто их прослушает, навсегда избавится от грехов. Всюду, где будет славиться эта книга, не будут иметь власти ни якши, ни веталы, ни кушманды, ни дакини, ни ракшасы и никто из им подобных». Таким образом Сوماдева обещает человеку с помощью своего «Океана сказаний» счастье на земле, независимо от сил небесных, а с помощью повести о ветале — избавление от влияния сил тьмы. Человек у Сوماдевы зависит от двух сил — судьбы, влиянию которой подчинены даже боги, и разума, которому иногда придается и самодовлеющее значение. Разуму сопутствуют и такие качества, как решительность, стойкость и целеустремленность, без которых даже судьба бессильна.

Основные идейные установки романа иллюстрируются множеством больших и малых рассказов на сюжеты, заимствованные из самых различных источников, в том числе из «Панчатантры», предстающей перед читателем расчлененной на три самостоятельные повести, из джатак, из эпоса, пуран и т. д. Однако откуда бы ни брал Сوماдева сюжет, он освобождает его от идеологической направленности источника. Характерна в этом смысле история, избранная Сوماдевой для иллюстрации

одной из таких фундаментальных для буддизма категорий, как шесть «парамита» («совершенств»). Если для пяти из них автор обращается к хорошо известному и соответствующему теме материалу джатак, разумеется привнося в него кое-что новое, то для «совершенства ума» он избирает новеллу явно фольклорного происхождения, о том, как разбойник Синхавикрама сумел обмануть самого бога Яму и вопреки всем своим прегрешениям обосноваться в раю. Сюжет этот вообще неизвестен ни в буддийской, ни в индуистской, ни в джайнской литературных традициях. Этот сюжет один из самых ярких примеров известной нейтральности Сомадёвы по отношению к собственно религиозным сюжетам.

Поэта интересует все то, что уместно для решения его замысла, — создать образ Нараваханадатты как универсального и совершенного героя. Для этого Сомадёва и использует все богатство предшествующей литературной традиции во всех ее аспектах. Здесь для него основное мерило — категория «аучитья», «уместность», известная индийским теоретикам литературы с довольно ранних времен: впервые она упоминается в VII в. Но особенно обстоятельно и полно она получила разработку у Кшемендры, предшественника Сомадёвы, бывшего не только поэтом, но и теоретиком литературы, — он написал об этой важной категории специальную работу «Аучитьявичарачарча», т. е. «Рассуждение об уместности» [\[300\]](#).

Сомадёва в «Океане сказаний» выступает наследником всего предшествующего литературного опыта народов Индии, запечатленного и в литературе на народных языках. И это отразилось не только в сюжетном богатстве и в искусной композиции романа, но и в его изощренном стилистическом мастерстве, что дало ему возможность находить краски, уместные для изображения того или иного явления, ситуации, чувства, лица, предмета. Будет, конечно, справедливо отметить известную стереотипность его описаний, например бури на море, или прихода весны, или любовных томлений, но при этом нельзя не обратить внимания и на то, что речь персонажей Сомадёвы весьма существенно различается. Многочисленные анекдоты о глупцах и простаках отличаются характером прямой речи персонажей, примитивно прямолинейной, наивной, которой, например, противостоит выпренный стиль придворных церемоний, переговоров, царских посланий. Непосредственность прямого рассказа сменяется внутренней речью, размышлением про себя и т. д.

Ко всему этому добавляется искуснейшее владение художественными средствами, специфичными для литературы на санскрите, порождающими некоторую вычурность повествования. Но и здесь категория «уместности»

играет у Сомадевы роль ограничителя — нелепо рассказывать анекдот витиеватым языком, но неуместно и посла заставлять говорить плоскими, примитивными фразами, если только крайний гнев не заставляет его отбросить предписанные этикетом формулы. Автор «Океана сказаний» предпринял попытку увязать стилистические и собственно художественные приемы с конкретными образами, с их характерами, их местом в жизни.

Да и сама жизнь получила в «Океане сказаний» высокохудожественное и уже потому крайне обобщенное выражение — читатель не сможет найти в эпосе, в противоположность замечательной исторической хронике Калханы «Река царей», изображения реальных фактов истории или современности. Но намеки на конкретные факты все-таки можно обнаружить. В заключении, например, в котором Сомадева сообщил, ради чего был написан «Океан сказаний», есть несколько интересных в этом плане шлок.

Сомадева начинает этот текст с характеристики Самграмараджа, свекра царицы Сурьявати, но, чтобы описать его деятельность, обращается к мифологическим образам. Поэт сопоставляет Самграмараджу самого с волшебным деревом Париджата, способным выполнять любые пожелания и просьбы. Оно когда-то было поглощено вместе с другими волшебными сокровищами Океаном и возвращено только благодаря совместным усилиям богов и асуров. Отсюда идет следующий образ: Самграмараджа — это дерево Париджата, рожденное Океаном рода Сатаваханов, к которому принадлежал Самграмараджа. Но на этом сравнении поэт не останавливается. Самграмараджа обратил Кашмир «в истинный сад Нандана», т. е. в рай неба Индры, в сад верховного божества, называемый Нандана, куда было помещено дерево Париджата. Таким образом, сам царь уподоблен и Индре, которому досталось дерево Париджата после раздела сокровищ, извергнутых Океаном, и самому дереву, а Кашмир — небесному саду Нандана, особенно украсившемуся благодаря появлению в нем такого царя, подобного волшебному дереву.

Однако для поэта более интересны его современники — сын Самграмараджа царь Ананта и его супруга царица Сурьявати. Эпитеты и метафоры, субъектом которых становится царь Ананта, очень многозначительны. Воцарившийся в 1028 г. Ананта унаследовал централизованное царство с относительно благополучным состоянием аппарата государственного управления и хозяйства. Оказавшись во главе государства, он провел несколько войн, не всегда успешных, но дорогостоящих и нанесших урон благосостоянию страны. Вторая шлока

содержит лестную похвалу Ананте — он как правитель столь велик, что покоренные им цари должны кланяться, касаясь коронами подставки для его ног. Он — «сокровищница доблести», т. е. доблестный воин, «дерево щедрости его рода», т. е. человек, раздающий накопленные его предшественниками сокровища.

С военными предприятиями Ананты связана третья шлока, целиком являющаяся парафразом одной из старых легенд. Известно из преданий, что дележ сокровищ, возвращенных Океаном, вызвал тяжкую ссору между богами и их соперниками-асурами. Самым драгоценным из сокровищ был сосуд с амритой — напитком, дарующим бессмертие. В результате дележа сосуд с амритой достался асурам, но боги решили похитить его и поручили это Вишну. Прикинувшись женщиной, Вишну проникает в стан асуров и похищает этот сосуд. Когда это было обнаружено, за похитителем погнался дайтья Раху. Вишну, обретший свой собственный вид, метательным диском отсек ему голову, которая отлетела в небо и была обречена на вечное скитание, поскольку Раху успел отведать амриты, дарующей бессмертие.

С головой Раху сравнивается голова сраженного Анантой некоего царя. Голова же Раху, столь могущественная, что может проглотить солнце или луну, — так объяснялись затмения этих светил — прикатилась к дверям дворца Ананты, а это означает, что она готова ему служить всем своим могуществом и таким образом помочь ему постоянно угрожать государям Лунной и Солнечной династий, правившим на равнине. Причина подчинения головы Раху в том, что символ державной власти (чакра) Ананты по славе своей превзошла славу метательного диска (чакры) самого Вишну, заклятого врага Раху.

Но все это лишь предисловие, позволяющее Сوماдеве обратиться к восхвалению того человека, которого он действительно считал заслуживающим похвалы, — царицы Сурьявати. И ее свекр, и ее муж всего лишь воины, занятые военными делами и властью. Но как только Ананта, этот «светлый месяц» среди царей, взял в жены Сурьявати, она «словно вспышка зари рассеяла мрак над подданными и обрела всеобщее уважение». Дальше Сوماдева перечисляет ее благочестивые деяния, которые хотя и рисуются в рамках обычных добродетелей правителя, но могут быть сопоставлены и с тем, что она действительно исторически сделала, насколько это известно сегодня со слов Калханы, — на этом мы уже останавливались выше. Объективно она сыграла позитивную роль в предотвращении грозившего стране хозяйственного и политического краха. Поэтически субъективно Сوماдева изобразил ее как «вспышку

зари», рассеявшей «мрак над подданными».

Здесь, в рамках официального славословия, Сомадева характеризует свою покровительницу и связанных с нею лиц с помощью образов, позволяющих оттенить те или иные действительно присущие этим лицам черты. Обращение к традиционной образности всегда присутствует у Сомадевы, когда ему в связи с чем-нибудь необходимо обращаться к, так сказать, «возвышенным предметам», говорить о которых простым, заурядным языком было бы «неуместно». Нужно, правда, отметить, что в данном случае анализ образности как отражающей некоторые действительные черты исторически реальных личностей возможен лишь потому, что нам о них известно многое из «Реки царей» Калханы. Мы вправе также высказать предположение, что министр Халадхара, который помогал царице Сурьявати, в какой-то степени послужил прообразом двух ремесленников — Раджьядхара и Пранадхара, фигурирующих в «Книге о Ратнапрабхе», с которыми встречается Нараваханадатта^[301]. Имя министра, на котором лежала вся полнота ответственности за жизнь государства, образовано от санскритского слова «хала», т. е., «плуг», и санскритского же корня «дхар», означающего «держать», и, таким образом, может быть интерпретировано как «державший плуг», т. е. «пахарь». Имена же ремесленников означают, в свою очередь, «Раджьядхара» — «державший государство», а «Пранадхара» — «поддерживающий жизнь». Есть, однако, область в «Океане сказаний», в которой Сомадева сообщает читателю множество подробностей о современной ему жизни, о том, как реализовались в повседневном быту общественные отношения. Вот как, например, предстает у него перед нами существенная проблема индийского средневекового общества — взаимоотношения сословий и каст. Показанная в «Океане сказаний» картина этих отношений приходит в противоречие с обычными представлениями о крайней строгости в те времена кастовых запретов. Представители основных сословных групп: брахманы (жречество), кшатрии (аристократия), вайшьи (купцы и ремесленники) и шудры (крестьянство, наемные рабочие, слуги, домашние рабы) — выступают в качестве литературных героев на равных основаниях и в общих для них обстоятельствах, отличаясь, естественно, профессиональными занятиями. Но их профессии не закреплены за ними намертво, как это предписывалось разными юридическими трактатами, например «Законами Ману» или «Законами Нарады». Брахман может оказаться земледельцем, а шудра возвыситься до положения царя (что не раз и случалось в истории Индии), кшатрий заниматься магией или торговлей, а вайшья оказываться не только смелым путешественником,

предпринимавшим дальние морские странствия, но и доблестным воином, что было, естественно, связано и с караванной и с морской торговлей. Брахманы выступают в «Океане сказаний» наравне с представителями других варн, если только не обращать внимания на то, что они, пожалуй, чаще других становятся объектом насмешки, оказываются в ситуациях, для них унижительных.

Многообразие хозяйственных и общественных укладов и соответствующих им средств производства и форм жизни, так присущих Индии на протяжении, собственно, всей ее истории, также получило в «Океане сказаний» отражение. Часто завязка того или иного рассказа связана с экономической причиной — засухой или разорением, поражающими целые районы и вызывающими переселение значительных масс населения. Персонажи Сомадевы действуют самыми разнообразными орудиями, начиная от каменного топора, пользуются различными механическими приспособлениями. Уровень их технического мышления уже породил мечту о могучих воздушных кораблях, приводимых в движение некоторыми механическими двигателями и способных перевезти по воздуху на большие расстояния сотни пассажиров, а в случае надобности и целое войско с боевыми слонами и оружием.

Получило отражение в эпосе и положение женщины, несомненно свидетельствующее о точке зрения автора. Многоженство — привилегия царей и богов, но и на этом уровне, например, в истории о Ратнапрабхе Сомадева осуждает всяческие ограничения женской свободы, поскольку, как утверждает его героиня, ничто не охраняет женщину лучше, чем ее собственная воля, но если женщиной овладела страсть, то никакие запоры не укротят ее. Сомадева дает и экономическое объяснение невозможности многоженства для простых людей, — «где уж бедняку думать о многих женах, когда и одной ему не прокормить». Женщины в «Океане сказаний» практически участвуют во всех видах деятельности, в том числе и в торговле, и в управлении государством.

Особенно широко отразилось в произведении Сомадевы многообразие духовной жизни современной ему Индии, и прежде всего религиозной. Духовная жизнь Индии в то время была крайне сложна — каждое из феодальных государств обладало своей собственной идеологией, хотя и родственной в большей или меньшей степени идеологии соседа. Непрестанно менявшиеся границы вызывали в одних случаях синтез разнообразных верований и культов, в других длительное преобладание одной веры, получавшей официальную санкцию, над другой, подчас вступающей в борьбу и ведущей ее своими специфическими средствами

или приспособляющейся к господствующей. В ходе же этой борьбы, вызывавшейся к жизни социальными противоречиями, возникали различные диссидентские секты и толки. Борьба брахманизма с буддизмом, к этому времени уже раздробленным на множество сект, конкуренция с ними обоими джайнизма, также претерпевшего немало изменений, возникновение тантристского синтеза, не только впитавшего наследие этих трех религий, но и сочетавшегося с различными проявлениями шаманизма, облаченного в мистические одежды, — такова суть религиозной жизни тогдашней Индии. К этому следует прибавить еще и то, что в IX–X вв. уже ощущается присутствие и воздействие «чужеземных» религий, в том числе и ислама.

Кашмир переживал этот процесс вместе с другими районами Индии. Разница была лишь в том, что при всем многообразии религиозной жизни в его пределах господствовал особый толк уже утвердившегося индуизма, так называемый кашмирский шиваизм, отличавшийся значительным практицизмом, достаточно четким отделением культа от повседневной жизни. Последнее характерно и для «Океана сказаний» — в нем боги и служение им занимают значительное место, но не соприкасаются с повседневной жизнью, ход которой определен не богами или служением им, а интересами людей и достаточно безличной судьбой, властвующей абсолютно над всем, в том числе и над богами. Произведение Сомадевы, несомненно, окрашено шиваизмом — ведь мифология Шивы играет роль основного фона, на котором разворачивается сюжет рассказа обрамления. В рамки шиваизма вписаны Сомадевой и другие культы и верования, на основе которых возник индуизм. Если автор и использует некоторые сюжеты и мотивы, связанные с Шивой, то придает им рациональный характер, т. е. «приземляет» их.

Более действенным началом оказывается Кубера, бог богатства, хотя и занимающий в иерархии богов гораздо более низкое место, а вместе с ним и множество представителей мира духов, оборотней, леших, якшей, кумбхандов, гандхарвов, вета, дакинь, гухьяков, часто выступающих в роли персонажей наравне с людьми и в общем-то мало отличающихся от них, кроме, разумеется, специфической своей функции. Своего главного героя Сомадева наделил именем «Нараваханадатта», образованным от одного из эпитетов Куберы — Наравакхана, т. е. тот, кто использует в качестве «вахана», ездового животного, «нара», т. е. человека.

Великолепное, цельное представление о характере религиозной жизни Сомадева дал в уникальной по характеру аллегории, выдержанной в духе кашмирского шиваизма, приведенной на стр. 37–39. Типологически и

образно она близка к целому ряду явлений в искусстве средневековья других стран, в том числе и европейских.

Религиозный и моральный идеал каждого из так или иначе затрагиваемых верований подвергается испытанию действительностью, реальными отношениями реальных же людей, и из него извлекается нечто рациональное, имеющее всеобщее, общечеловеческое значение. За этим всеобщим скрывается и определенная философская концепция, изложение которой поэт вложил в уста асура Мая. В основе своей она сводится к санкхье как теории познания, подкрепленной учением йоги как теории действия. Отметим, что в санкхье были достаточно сильны материалистические начала.

В «Океане сказаний» нашли широкое отражение и другие стороны духовной жизни, в том числе различные виды искусства: пение, танцы, представления театра марионеток, скульптура, живопись. Если некоторым сторонам религии и морали, быта и нравов, описанию обрядов и ритуалов поэт либо уделяет специальное внимание, либо строит на них даже целые циклы сюжетов, то вопросы искусства и литературы затрагиваются им попутно, в репликах персонажей или авторских ремарках. Развернутые описания, посвященные им, крайне редки. К числу последних следует отнести описание своего рода религиозной мистерии буддийского содержания, разыгранной в театре марионеток. Особый интерес в этом случае представляет характеристика устройства такого театра и его реквизита.

Литература и фольклор также занимают немалое место в «Океане сказаний», но уже в ином плане. Выше, когда речь шла о композиции всего произведения, этот вопрос был частично затронут. Он касается не только источников, из которых черпал Сомадева сюжеты, и их стиля, но еще и того, как отразилась литература того времени в произведении Сомадевы и что это дает для представлений о литературной жизни Кашмира, как общеиндийская традиция понималась в Кашмире, какие ее произведения представлены в этой эпопее, исходя из того, что нам вообще известно о древнеиндийской литературе.

Такой памятник, как веды, упоминается лишь в связи с квалификацией брахманов — какое количество вед изучено ими — две, три или четыре. Другие жанры и произведения ведического комплекса не упоминаются вовсе, равно как и пураны, хотя в «Океане сказаний» присутствуют общие с ними сюжеты. Более обстоятельно представлены и даже названы как произведения обе классические эпопеи на санскрите — «Махабхарата» и «Рамаяна»^[302]. Их материал, например, использован для построения

сложных сравнений и метафор, опирающихся на ассоциации с героями и ситуациями обеих эпопей. В «Океане сказаний» присутствует также давно известное русскому читателю сказание о Нале и Дамаянти, но построенное в ином, чем в «Махабхарате», плане, окрашенное иронией, с упором на собственно житейскую сторону сюжета. «Рамаяна» была источником нескольких сюжетов «Океана сказаний», и прежде всего для изложения основного сюжета о разлуке Рамы и Ситы, но обработанных в такой мере, что они обретают самостоятельное значение. На основе интерпретации сюжетов «Рамаяны» можно предположить, что на Сомадеву значительное влияние оказала драматургия Бхавабхути, в одной из трех пьес которого — «Дальнейшая жизнь Рамы» («Уттарарамачарита»), предложена новая, оригинальная интерпретация традиционного сюжета^[303].

Несмотря на громадный объем «Океана сказаний», нигде, кроме первой книги, нельзя найти имен поэтов, драматургов и философов (за исключением Нагарджуны, который фигурирует как собственно литературный герой, а не реальная личность). Авторы классических эпопей действуют — в очень скромных пределах — как персонажи второго или третьего плана во вставных рассказах. Тем не менее классическая литература присутствует и в сюжетах, и в стилистике, и в интерпретации отдельных сюжетов. Выше говорилось о влиянии Бхавабхути, но в тех частях (2—4-я книги), где речь шла об Удаяне, чувствуется знакомство и с драматургией Бхасы и Харши.

Коль скоро Сомадева не назвал никого из классиков, он не назвал никого и из современников или непосредственно предшествовавших ему поэтов. Но если он придавал такое большое значение категории аучитья, разработанной его земляком Кшемендрой^[304], то естественно предположить и даже говорить с уверенностью, что Сомадева знал его многочисленные произведения. Наличие в «Океане сказаний» сюжетов, имеющих и в произведениях Кшемендры, дает основание говорить и об определенной зависимости от него Сомадевы, равно как и о воздействии на поэта духа сатиры Кшемендры. «Брихаткатхаманджари», конечно, неизбежно стояла перед Сомадевой в качестве образца, когда он приступал к работе над «Океаном сказаний». Относительно небольшое различие в количестве сюжетов и структуре, разница в физическом объеме эпопей Кшемендры и Сомадевы — шесть тысяч и двадцать одна тысяча шлок — имеют второстепенное значение. Наиболее важно различие в стиле и в интерпретации. Одним из примеров такого различия является «Панчатантра». Кшемендра, сухо пересказав сюжеты, как таковые, не

уделял сколько-нибудь существенного внимания ни внешней и внутренней характеристике действующих лиц, ни мотивировке их поступков. Сомарева же не чувствует себя связанным в использовании этого замечательного произведения. Он использует материал почти целиком, но в соответствии со своим замыслом. Прежде всего он расчленяет «Панчатантру» на три самостоятельные повести, причем первая, «Война сов и ворон», обретает удивительно цельный вид, обращается из дидактического произведения в собственно художественное со стройной композицией, с типическими характерами, самостоятельной и щедро обогащенной образной системой.

Суммируя по неизбежности краткий обзор того, как и в чем Сомарева отразил духовную жизнь своего времени, вполне правильно сказать, что «Океан сказаний» явился ее высокохудожественным, объективным и детальным воспроизведением, подчиненным главной идее поэта — создать образ идеального правителя.

«Океан сказаний» — произведение художественное, и его соотнесение с реальной жизнью, а тех или иных персонажей с действительными возможно лишь через призму обстоятельного идейно-эстетического анализа, который пока еще является делом будущего. Эта эпопея содержит свыше девятисот отдельных историй, и каждая из них связана с богатой предшествующей литературной и фольклорной традицией, что и делает «Океан сказаний» наиболее репрезентативным произведением древнеиндийской повествовательной литературы. Художественно и идейно «Океан сказаний» занимает одно из выдающихся мест не только в литературе народов Индии, но и в мировой литературе.

Несмотря на столь высокое значение эпопеи Сомарева и на достаточно раннее знакомство европейских ученых с нею — первое и, насколько известно, самое раннее ее упоминание в исследовательской литературе относится к 1807 г., — она продолжает оставаться сравнительно мало известной как цельный памятник. Отдельные сказания из нее, особенно те, которые входили в состав «обрамленных книг» (например, «Двадцати пяти рассказов Веталы»), приобрели довольно значительную популярность. Имеется английский перевод Ч. Тони, изданный в Индии уже дважды (в 1880, 1968 гг.) в оригинальном виде и дважды (в 1924, 1928 гг.) в Англии с комментариями крупнейших индийских и английских филологов и историков под редакцией Н. М. Пензера, а также в 1968 г. — в Индии. Частично — первые семь книг — переведены на немецкий язык Г. Брокгаузом в 1839 г., а вся эпопея пересказана им же на немецком языке в 1843 г. На французском языке имеются только лишь книги, относящиеся к Удайне, а также перевод

«Брихаткатхашлокасанграха» Будхасвамина, выполненный Ф. Лакотом и Л. Рену в 1908–1928 гг. Последнее десятилетие принесло ряд новых публикаций, в том числе переводы и пересказы на хинди и английском языке.

Исследовательская литература об «Океане сказаний» неуклонно растет, но по-прежнему концентрируется на очень узкой, в сущности, проблеме соотношения кашмирских и непальского вариантов с произведением Гунадхьи и попытках реконструкции состава «Великого сказа». При современном состоянии вопроса решение его не может уйти дальше более или менее удачных гипотетических построений, для проверки корректности которых нет пока абсолютно никаких возможностей. При всем этом еще нет и работ, посвященных обстоятельному анализу собственно художественных достоинств известных ныне версий «Великого сказа», каждая из которых представляет собой самостоятельное художественное и идейное целое, отражающее личность его творца, и может быть понята лишь в контексте времени и места ее создания. Пока же голландским ученым Э. П. Матеном и индийским филологом и историком В. С. Агравалом предприняты лишь первые шаги по направлению к такому анализу версии Будхасвамина.

Перевод выполнен по классической публикации текста этого произведения, подготовленной индийскими филологами А. А. Дургапрасадом и К. П. Парабом еще в конце XIX в.^[305] При переводе мы придерживались тех же принципов, которые были сформулированы в послесловии к «Необычайным похождениям царевича Нараваханадатты»^[306], стремясь при этом учесть пожелания коллег, высказывавшиеся в печати и устно, а также и тот практический опыт — и положительный, и отрицательный, — который накопился в отечественной индологии за истекшее время, в частности во время работы над томами «Библиотеки всемирной литературы», содержащими индийский материал.

Продолжая традицию перевода, сложившуюся на опыте «Повести о царе Удаяне» и «Необычайных пождений царевича Нараваханадатты», мы сохранили деление текста на книги (ламбаки) и волны (таранги), допустив внутри волн подразделение на отдельные сюжеты и соответственно озаглавив их. Сопровождающие перевод примечания должны пояснить имена и реалии, разъяснение которых необходимо для понимания конкретной ситуации данного рассказа; мы сочли необходимым несколько шире дать сведения о тех мифологических персонажах, понимание образов которых важно и для понимания сюжета эпопеи в

целом.

Знакомство русских читателей с «Океаном сказаний» началось с легенды о Джимутавахане, переведенной еще в 1847 г. с санскрита^[307], и нескольких рассказов, опубликованных в переводе с английского перевода в 1854 г.^[308] За последние десять лет был опубликован перевод первых десяти книг эпоса Сомадэвы; данный том завершает публикацию сюжетно целостной части «Океана сказаний». Таким образом, девятое столетие существования одного из замечательных творений поэтического гения народов Индии завершается переводом его на русский язык, что делает «Океан сказаний» достоянием многонационального советского читателя, который наряду с радостью встречи с новым и еще неведомым ему, найдет и немало знакомого, общечеловеческого в специфически индийских образах и сюжетах.

И. Серебряков

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Хара — «схватывающий»; один из 1008 эпитетов Шивы, одного из главных, богов индуизма, бога разрушения и созидания. С именем Шивы связано множество легенд и сказаний самого разнообразного происхождения, в которых он выступает в различных образах и функциях. Мифология Шивы широко представлена в «Океане сказаний» Сомадэвы, как и во многих других произведениях древнеиндийской классической литературы и в фольклоре народов и племен древней и раннесредневековой Индии.

В образе Шивы синтезировались многие черты племенных божеств, а в сказания о нем влились многочисленные легенды и мифы о них. Потому и невозможно однозначное описание этого бога, потому и наделен он таким множеством имен — эпитетов, с которыми приходится встречаться читателю «Океана сказаний» и которые отражают какую-либо конкретную функцию и соответствующие ей легенды либо характеризуют бога по его традиционным атрибутам и чертам внешности. Так, эпитет Натараджа, или Натеша, т. е. «повелитель танца», связан с серией легенд о плясках бога, в том числе о танце тандава. В последней легенде рассказано о том, как асура Апасмара попытался напасть на Шиву, а тот, сразив его, в упоении победой плясал на теле поверженного врага. Это событие связывается с Чидамбарамом, который считается по представлениям индийской мифологии центром вселенной.

С поклонением Шиве связано множество разнообразных культов и сект, отличающихся экстатическими и оргиастическими обрядами, сочетающимися с жесткой аскетической практикой.

Как сам Шива, так и его супруга Парвати, выступают во множестве ипостасей — их число для самого Шивы доходит до ста. Он изображается с одной или пятью головами и четырьмя руками. Непременными атрибутами его являются небольшой барабан дамару, все-истребляющий огонь — в двух верхних руках; одна из нижних рук находится в позиции абхая, т. е. защиты от страха, другая — в позиции крия, т. е. действия. Иногда набор атрибутов меняется — вместо названных появляются рог, трезубец, барабан и жест, означающий даяние. Шива вооружен трезубцем (отсюда эпитет «державший трезубец», или «носитель трезубца»), дубиной, луком, петлей-удавкой.

У Шивы два сына — Ганеша (см. прим. 4) и Картикея (бог войны).

Вахана (т. е. животное, несущее божество) Шивы — бык Найди. Шива живет на горе Кайласа в Гималаях.

Хотя в «Ригведе», древнейшем памятнике литературы народов Индии, слово «шива» встречается лишь в смысле «благосклонный», «благостный», а Шива, как бог, появляется в индийской мифологии довольно поздно — в канун новой эры, тем не менее Шива прочно связан с некоторыми основополагающими легендами ведической мифологии, в частности со сказанием о пахтанье океана богами и асурами (см. прим. 3).

...к дочери великого Повелителя гор — т. е. Уме, супруге Шивы, дочери Гималая, царя гор. Другие ее имена Гаури и Парвати образованы от слов, означающих «гора».

амрита — напиток, дарующий бессмертие. С ним связано много легенд, восходящих к глубокой древности, отразившихся в ведах, но сохранившихся преимущественно в эпосе на санскрите. По поверьям древних индийцев, вселенная периодически претерпевает всеобщее разрушение— пралайя. В одном из таких пралайя погибли созданные еще на заре времен сокровища: Чандра — месяц; волшебное дерево Париджата, с золотой корой и разноцветными листьями; Айравата, слон с четырьмя бивнями; Камадхену, корова, исполняющая желания и доставляющая хозяину изобилие; Кальпаврикша, дерево, исполняющее желания; красавица Рамбха; конь Уччайшравас, оживлявший убитых в бою; богиня счастья Лакшми; раковина Шанкха, звук которой возвещает победу; палица Гада, символизирующая власть; волшебный лук Дхануш; драгоценный камень Каустубха; врач богов Дханвантари, держащий в руках сосуд с амритой.

Боги, претерпевшие немало бед от демонов и проклятые мудрецом Дурвасасом, опасались дальнейшего ослабления своей власти и обратились к Брахме за помощью. Тот спросил совета у Вишну, а уже Вишну посоветовал устроить пахтанье Молочного океана, чтобы извлечь из него все утраченные сокровища и особенно амриту. Боги призвали на помощь асуров, своих соперников-сородичей, обещав им поделить поровну все извлеченное из глубин.

Вишну обратился в черепаху, на панцирь которой в качестве мутовки была поставлена гора Мандара, обмотанная великим змеем Васуки вместо веревки. За один конец этой «веревки» ухватились боги, а за другой — асуры, и после их длительных усилий на поверхность океана всплыл смертельный яд халахала, угрожавший уничтожить все живое. Шива выпил большую часть яда, от чего у него посинело горло (отсюда его эпитет «синегорлый»). Оставшуюся же часть проглотил змей Васуки. Только после этого Океан отдал четырнадцать сокровищ, при разделе которых, особенно из-за того, кому достанется амрита, снова разгорелся конфликт между богами и асурами.

По одному из сказаний, асуры захватили кумбха (сосуд с амритой) и убежали с ним. Во время бегства они четыре раза останавливались для отдыха и ставили сосуд на землю. В этих местах справляется поочередно через каждые три года самый грандиозный из индуистских праздников —

кумбх-мела. Эти места — Аллахабад, стоящий у слияния Ганги и Ямуны, Хардвар, находящийся у выхода Ганга из гор на равнину, Удджайини, расположенный на берегу Кшипры, Насик на реке Годавари.

Слоноликий — эпитет Ганеши, сына Шивы и Парвати. Согласно одному из преданий, Шива, разгневавшись на сына за то, что тот помешал ему войти в покои Парвати, когда она совершала омовение, оторвал тому голову. Чтобы утешить Парвати, Шиве пришлось посадить на плечи сына первую же попавшуюся ему под руки голову — голову слона. Ганеша — один из популярнейших богов народов Индии. Он — бог мудрости, учености, искусств, ремесел, устранитель препятствий, предводитель ганов, составляющих свиту Шивы. Ганеша изображается розовотелым, четырехруким толстяком, подпоясанным змеей; у него слоновья голова с одним бивнем; он восседает на крысе. Особенно распространено почитание Ганеши на юге Индии и в Махараштре.

Кама — бог любви. Вооружен луком из стеблей сахарного тростника и стрелами из цветов. Его сопровождает супруга — Рати (страсть). Мифология Камы тесно связана с мифологией Шивы. Так, согласно легенде, Шива после трагической гибели Сати, первой своей жены, предался аскетическим подвигам. Между тем, Сати вновь родилась в образе Парвати, дочери Гималая, богини красоты. Влюбившись в Шиву, Парвати устроила свое жилище неподалеку от того места, где Шива совершал подвижничество, и стала поклоняться ему. Он, однако, оставался невозмутимым. В это время ракшаса Тарака стал угрожать существованию всех миров и, поскольку сразить его мог только сын Шивы, боги послали Каму, чтобы тот пробудил в нем чувство любви и таким образом отвлек его от подвижничества. Однажды, когда Парвати проходила мимо Шивы, Кама метнул в него свою стрелу. Разгневанный Шива, не желавший открывать глаза, чтобы не нарушить сосредоточения, усилием воли создал у себя во лбу третий глаз и изверг из него огонь, обративший Каму в пепел. Это, однако, не смогло уничтожить чувство любви, и Кама продолжал жить как Ананга, т. е. «бестелесный». Рати, супруга Камы, умолила Шиву о прощении мужу, и Шива, смилостивившись, разрешил Каме родиться на земле в образе Прадьюмны, сына Кришны и Рукмини, а Рати — в образе его супруги Маявати.

Эту же легенду Сомадева положил в основу сюжета о царевиче Нараваханадатте: сам царевич — земное воплощение Камы, а его возлюбленная Маданаманчука — земное воплощение Рати.

...словно венок из голубых лотосов... — т. е. совершила обряд сваямвары, выбора жениха. При этом обряде девушка надевала венок на своего избранника.

видьядхары — хранители знания, гении индийской мифологии, обширная категория полубогов, населяющих воздушное пространство.

Бали — т. е. великий царь асура Махабали, низвергнутый Вишну в подземный мир (подробнее об этом см. прим. 85 к Книге о Шашанкавати).

чакравака — утка. Эта птица — пример супружеской верности; считается, что из-за наложенного проклятия самец чакраваки день проводит с супругой, а на ночь разлучается. Отсюда образ рыдающей в разлуке чакраваки.

*бхику*у — нищенствующий монах, чаще всего буддийский.

муни — обычно отшельник, принявший обет молчания; часто — вообще мудрец, обладающий сверхъестественной силой.

Шветадвипа — согласно космографии древних индийцев, в центре земли стоит гора Меру, окруженная семью двипами, т. е. концентрическими островами-континентами, названия которых в разных источниках варьируются. Шветадвипа, «белый континент» — шестой из таких островов-континентов, окруженный океаном, состоящим из молока.

Хари — «коричневатый». Эпитет Вишну, одного из наиболее важных богов индуистского пантеона. Он наделен функцией хранителя мира. С ним связано множество легенд, значительная часть которых носит мессианистский характер, в частности циклы сказаний о его ипостасях в образе рыбы (матсья), черепахи (курма; см. прим. 3), вепря (вороха; см. прим. 217), человеко-льва (нарасимха; см. прим. 223), карлика (вамана; см. прим. 85), Рамы с топором (Парашурама), Рамы, героя «Рамаяны», одной из двух классических индийских эпикей, чернокожего бога-пастуха Кришны, Будды и Калки. Калки — последняя аватара Вишну, легенды о которой распадаются на два цикла. По одному из них в конце кали-юги (см. прим. 133) Вишну явится на земле в виде гиганта, едущего на белом коне с мечом или боевым топором в руке. Он истребит несправедливых царей и брахманов, всех, кто повинен в несправедливости, пока никого из них не останется. Тогда начнется царство справедливости, которому не будет конца. По другому циклу, Калки — аватара Вишну в образе белого коня, который будет бить копытом по земле до той поры, пока она не погрузится в океан. Только лишь после этого бог вернет ее на свет в первозданной чистоте и установит царство справедливости.

Ганапати — «предводитель ганов» (см. прим. 4 к Книге о Веле).

Смара — «заставляющий помнить»; эпитет бога любви Камы.

Индра — наиболее значительное божество ведического пантеона, царь богов. Ему посвящено много гимнов в священной книге древних индийцев — «Ригведе». В его свиту входят маруты, видьядхары и вас у. Часто Индра изображается с четырьмя руками; в одной из них он держит свое могучее оружие ваджру (палицу), удар которой слышен людьми, как удар грома, копье, колчан со стрелами и лук (радугу).

...как *Мадхаве Рукмини* была она ему — Мадхава — одно из имен бога-пастуха Кришны; Рукмини — самая любимая из его жен.

камень таркишья — селитра.

...браком по обычаю гандхарвов — т. е. по взаимной любви, не по обычаю, без совершения традиционных обрядов. Гандхарвы — род полубогов, у которых верхняя половина тела человеческая, нижняя — птичья.

...словно гора, упавшая с небес — по древним индийским преданиям некогда все горы имели крылья и летали. Чтобы избавить людей от опасностей, Индра своей ваджрой обломал им крылья и с тех пор горы неподвижно лежат на земле.

йогини — ведьма, колдунья.

...искушенная в йоге — собственно, йога — система магических ритуалов, восходящих к древности и имевших целью обретение сверхчеловеческих способностей. Кроме этого, йога — одна из систем древнеиндийской философии, воспринимающая теоретические положения школы санкхьи, являющаяся учением о методах соединения, что собственно и означает само слово «йога», человеческой души (дживатма) с мировой душой (параматма).

видьядхари — женский род от видьядхара; фея.

ветала — упырь, вампир; дух, обитающий в местах сожжения трупов. По поверью, вселяясь в труп, ветала может заставить его проделывать все, что делает живой человек.

апсары — небесные девы, населяющие небо Индры, где они принадлежат всем его обитателям. Объятия апсар служат наградой воинам, павшим в битве.

Лакшми — супруга Вишну, богиня счастья и долголетия.

Западный Океан — точная идентификация невозможна; наиболее вероятное соответствие — Арабское море.

Чандика — одно из имен Чамунды, ипостаси Гаури (см. прим. 2 к Книге о Беле).

...в следующем рождении — здесь, как и во всем «Океане сказаний», Сомадева использовал веру в перерождения души, присущую всем основным зародившимся и развившимся в Индии религиям— буддизму, джайнизму, — индуизму и всем их разновидностям.

тиртха — в индуизме место священных омовений, вообще всякое святое место. К числу таких мест относятся города Айодхья, Матхура, Гая, Бенарес, Удджайини, Хардвар, Дварака, реки Ганг, Джамна, Сарасвати, Годавари, Нармада, Инд, Кавери, горы Кайласа, Параснатх, Абу, Пални и т. д.

ашрама — в данном случае отшельническая обитель. Более широко применяется как название стадий жизни, через которые должен пройти каждый мужчина: брахмачарья (ученика), грихастха (положение домохозяина), ванапрастхья (удаление от мира, подготовительный этап к отказу от всего мирского) и санньяса (освобождение от всяких обязанностей и человеческих связей).

бетель — освежающее и дезинфицирующее рот средство, широко распространенное в Индии и других странах Южной и Юго-Восточной Азии. Состоит из орехов арековой пальмы, листьев особого вида кустарника и небольшого количества извести. При жевании бетеля губы и полость рта окрашиваются в кирпично-желтоватый или кроваво-красный цвет.

Винайка — «предводитель», «вождь»; имеется в виду предводитель ганов. Одно из имен Ганеши.

дерево шиншана — баньян. Обычно пускает много воздушных корней, обращающихся в самостоятельные стволы или срастающихся с основным стволом. И в том и в другом случае образуется естественное укрытие от зноя и от дождя.

сиддха — достигший с помощью тайных обрядов и ритуалов сверхчеловеческих способностей, сиддхи. Среди сиддхи — способность становиться бесконечно малым или бесконечно большим, увеличивать вес или совершенно его лишаться, свободно передвигаться в пространстве на любое расстояние, так что можно рукой коснуться Луны, не только достигать власти над своей волей, но и подчинять ей любые объекты, одушевленные и неодушевленные в настоящем, прошедшем и будущем, стать абсолютным господином мира, подобно богу.

...некий муж с отвислым брюхом... (см. прим. 4 к Книге о Веле).

Ишвара — бог вообще; термин может быть отнесен к любому божеству. В данном случае имеется в виду Шива.

...смеясь белым смехом — метафора, довольно часто встречающаяся в древней и средневековой индийской литературе. Ср. «красный смех» у Леонида Андреева.

шабара, бхиллы, матанги, пулинда — названия генетически различных племен, не вышедших еще из эпохи варварства. Сомадева не делает между ними сколько-нибудь значительного различия и практически даже в пределах одного сюжета может использовать все приведенные термины.

палли — селение, деревня; небольшой город.

пратихара — придворный чин, означающий церемониймейстера.

антахпур — женская половина дворца.

дерево шалмали — тут; шелковичное дерево.

Кандарпа — «доставляющий удовольствие»; один из эпитетов бога любви Камы.

...подобный Вишну, длань которого отмечена знаками лотоса и раковины — лотос и раковина обязательные атрибуты Вишну. Богиня счастья — Лакшми, супруга Вишну.

...как пророк Агастья выпил океан — во время битвы богов с асурами асуры укрылись в океане. Тогда Агастья пришел на берег океана и выпил из него всю воду, лишив таким образом асуров убежища. Только когда всей земле стала угрожать засуха, по просьбе богов, он изрыгнул океанские воды.

Несокрушимый — один из эпитетов Вишну.

шириша — название дерева; его нежные цветы и плоды съедобны.

Держащий лук — один из эпитетов Вишну.

самадхи — последняя ступень йоги, сосредоточение мысли, во время которого происходит полнейшее слияние верующего с божеством.

крош (или кос) — мера длины, равная одной четверти йоджана, т. е, примерно 3 км.

дерево вата — фиговая пальма.

...чтобы взглянуть ей в лицо — обряд первого взгляда, во время которого жених, как предполагается, впервые видит лицо невесты. Сохранился во время свадьбы у индусов до сих пор. Здесь же по сюжету очень важное место — жених никогда не видел в лицо своей суженой и, естественно, не может заметить подмены.

Супруг Лакшми — эпитет Вишну.

...пока не избавлюсь от своих грехов... — речь, очевидно, идет о грехах в прежних рожденьях, предопределивших бедственную судьбу героини. Ее обжигает ветер, бьют падающие цветы, она попала в уединенное место, совершает омовения, приносит жертвы и таким образом совершает все необходимые действия для ритуального очищения, предписываемые индуизмом.

дерево нъягородха — баньян (см. прим. 21).

...принести в жертву Благостной — т. е. Кали, или Дурге, в образе которой синтезировались многие племенные богини варварских племен. Поклонение ей связано с кровавыми жертвами, в прошлом — с человеческими. Племена шабаров и пулиндов, жившие в районе гор Виндхья, идентифицируемые Сوماдевой с бхиллами, по свидетельству «Махабхараты», поклонялись ей, как своему главному божеству.

...богиня, живущая в Виндхийских лесах — т. е. Кали, или Дурга (см. прим. 44).

...дворец самого Смертного Часа — т. е. бога смерти Ямы. Сам бог зеленого цвета, одет в красное, колченог, ездит на буйволе, держит в одной руке дубину, в другой петлю-удавку. Сам дворец называется Каличи. Души умерших вводятся к Яме, которому прислуживают двое слуг — Махачанда и Калапуруша. Докладывает о добрых и злых делах каждой души писец Читрагупта, а Яма определяет меру возмездия.

Гаури — см. прим. 2 к Книге о Веле.

Шеша — тысячеглавый змей, на котором возлежит Вишну; подобно кобре, распуская капюшон каждой головы, Шеша образует нечто вроде зонта над головой Вишну.

Вайшравана — одно из имен Куберы, бога богатств, образованное от имени его отца мудреца Вишраваса.

чакраваки — утки (см. прим. 9 к Книге о Веле).

...прямо как в царстве Рамы — сопоставление имеет в виду то, что герой древнеиндийской эпопеи «Рамаяна» Рама после воцарения устанавливает в своем царстве власть справедливости. Выражение «царство Рамы» и в настоящее время широко используется в народном обиходе как синоним счастливой жизни.

бхикишу — см. прим. 10 к Книге о Веле.

Весь абзац связан с характерной чертой жизни Индии конца I тысячелетия, острой борьбой между различными религиями и сектами. Часто она обретала форму диспутов — отсюда характеристика Ратначандры, который «для всех искусных спорщиков был тем же, что лев для слонов» (у индийцев считается, что лев — единственное животное, осмеливающееся нападать на слона), и Удаявати, как «сокрушительницы бритых», т. е. побеждавшей в спорах буддийских монахов, бривших головы. Винитамати, по условиям спора, обращается в буддизм и проявляет высшую терпимость к представителям всех других вер.

крор — единица исчисления, равная 10 миллионам.

Дхарма — здесь, несомненно, имя Будды, хотя само имя может быть приложено к широкому кругу мифологических персонажей и явлений от абсолютного закона, которому подчинен космос, до справедливости, понятой в житейском смысле. Дхармой называют и бога смерти Яму как верховного вершителя справедливости. Дхарма это и объективно понимаемый долг служения.

Агни — бог огня.

панчалы — древний этноним; название народа, населявшего территорию к северо-западу от современного Дели между предгорьем Гималаев и рекой Чамбал. В историческую эпоху они переселились далее на восток.

шастры — здесь вообще традиционная брахманская ученость во всей ее совокупности.

Камадхену — волшебная корова, дарующая ее владельцу изобилие; здесь — вообще олицетворение источника богатств (см. прим. 3 к Книге о Веле).

Шакра — одно из имен Шивы.

Рассказом о царевице, обращенном в «пожелай-дерево», Сомадева открывает серию из шести рассказов, посвященных такой популярной категории буддизма, как парамиты, т. е. совершенства. Их шесть — совершенство в щедрости, совершенство в целомудрии, совершенство в терпеливости, совершенство в настойчивости, совершенство в размышлении, совершенство в мудрости.

Из шести рассказов Сомадевы лишь первый, о совершенстве в щедрости, носит вполне серьезный, — видимо, в силу своей общественной значимости — характер. Остальные, доводящие совершенства до абсурда, свидетельствуют по крайней мере о скептическом отношении к ним автора. Последний же рассказ о совершенстве в мудрости, для которого Сомадева избрал сюжет о разбойнике, сумевшем с помощью писца Читрагупты обмануть самого бога смерти Яму — откровенная ирония; не только потому, что для столь возвышенной категории, обладание которой делает человека равным Будде, избран такой житейский, обычный для Кашмира, судя по хронике Калханы, сюжет, но и потому, что в сочетании с предшествующими он обесмысливает религиозные заслуги, как таковые, превращая их достижение в дело разума, а не веры.

яд халахала — см. прим. 3 к Книге о Веле.

карнаты — древнее название народа каннада, населяющего нынешний штат Карнатака.

кумуда — род лотоса.

...видьядхар, лишившийся знаний — в этом случае видьядхар утрачивает свое основное достоинство и обращается в обычного смертного.

архат — в южном буддизме святой, избавившийся от чувственных наслаждений, гордыни и всех уз, которые связывают человека с миром бытия, и подготовившийся к достижению нирваны, состоянию высшей отрешенности. В северном буддизме понятию архата соответствует бодхисаттва с той разницей, что бодхисаттва отказывается от личной нирваны пока не достигнет ее все сущее.

каястха — писарь, чиновник вообще. В Кашмире — любой представитель бюрократической прослойки, высмеивается поэтами, в том числе Кшемендрой. В сатирической поэме последнего «Венок шуток» («Нармамала») содержится пародийная генеалогия *каястха*, согласно которой *каястха* когда-то вел все дела у асуров, враждовавших с богами. Когда они потерпели поражение, он долго занимался подвижничеством, и, наконец, демон Кали пожаловал ему калам (тростниковое перо) и отправил на землю, сказав при этом, что с помощью этого оружия он станет на земле грозой не только для всего сущего, но даже и для самих богов. Читрагупта — писарь у бога смерти (см. прим. 46). Ему посвящен один из популярных индусских религиозных праздников читра-пурнима, отмечаемый в конце марта. У Сомадевы — один из самых ярких характеров.

Брахма — верховное божество в индуизме; абсолютный дух, в своем развитии порождающий все сущее.

Рудра — ведический бог бури.

...один день богов — по представлениям древних индийцев, один такой день равнялся 8640 млн. обычных лет.

Шанкара — одно из имен Шивы.

...солнце, наслушавшись умиротворяющих наставлений в вере, оделось в темно-шафранные одежды — т. е. Винитамати был настолько красноречив, что даже само солнце обратилось в буддийскую веру, облачилось в одежду буддийского монаха и удалилось в пещеру.

йога — см. прим. 9 к Книге о Шашанкавати.

дарбха — трава с жесткими и острыми стеблями.

тамала — дерево с очень темной корой, кокосовая пальма.

Налакубара — сын бога богатств Куберы.

пять огней — имеются в виду три огня, постоянно поддерживаемые брахманом: огонь домашнего очага — гархапатъя, и два жертвенных — с восточной стороны дома — ахавания и с южной — дакшинагни, огонь в самом доме — авасатхья и огонь для общины — сабхья.

Праяга — совр. Аллахабад, священный город индусов, стоящий у слияния рек Ганга и Джамны. По поверьям индусов, само произнесение названия города или прикладывание к телу взятой из этого города земли избавляет от всех грехов. Праяга — единственный город, оставшийся неразрушенным во время пралая (см. прим. 3) к Книге о Веле.

Кали — демон зла, царствующий, по представлениям индусов, над миром в настоящее время. Его власть началась 17 и 18 февраля 3102 г. до н. э. и удержится еще 427 тыс. лет, пока не явится снова на землю бог Вишну в ипостаси белого коня (Калки) и не уничтожит мир, чтобы затем воссоздать его и начать новую мировую эпоху, которой не будет конца, и люди во время его царствования будут справедливы и высоконравственны.

река Витаста — совр. Биас, один из притоков Инда.

...что касается сословий и ступеней жизни — т. е. не допускал смешения варн (сословий брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр) и требовал строгого соблюдения предписывавшихся индуизмом ашрам, ступеней жизни (см. прим. 18).

дайтѝ — сыновья Дити, одной из праматерей, фигурирующей в ведических мифах, от мудреца Кашьяпы, одного из семи праотцов всего сущего. От тринадцати дочерей мудреца Дакши, которых Кашьяпа взял в жены, родились от Адити — адитѝ, т. е. добрые боги Арьяман, Бхага, Дхатра, Парджанья; от Аришты, или Муни, — гандхарвы, небесные музыканты; от Дити — асуры и дайтѝ, титаны, соперничающие с богами; от Дану — данавы; от Винаты — Гаруда, небесный коршун; от Кадру — наги, змеи; от Кхасы — якши и ракшасы, соответственно добрые и злые духи; от Кродхи — пишачи и другие чудища с острыми зубами, пожирающие мясо; от Калаки и Пуломы — соответственно калаканджа и паулома, многочисленные свирепые и сильные существа; от Сурабхи — рудры, боги бури, и Рохини, прародительница всех рогатых существ, и т. д.

Кришна — воплощение Вишну.

...следы ее объятий — имеются в виду следы порошка шафрана и разных притираний, в том числе сандалового масла.

аватара карлика — одна из ипостасей Вишну. По индуистским преданиям, в давние времена правил в одной из стран Южной Индии могучий, щедрый и высокодобротельный авура Махабали. В его царстве все люди жили счастливо и мирно. Благодаря своему подвижничеству и добродетелям он покори́л все три мира — небесный, земной и подземный — и сам могущественный верховный бог Индра испугался и обратился к Вишну с просьбой укротить Махабали. Вишну, зная, что одной из добродетелей Махабали является щедрость, принял облик карлика-брахмана и явился к нему, и обратился с просьбой пожаловать столько земли, сколько он может отмерить за три шага. Махабали согласился и тогда Вишну одним шагом перешагнул все небо, другим через всю землю, третьим низверг Махабали в подземное царство.

В Керале каждый год справляется праздник о нем, когда Махабали по милости Вишну может подняться на землю и посмотреть, хорошо ли живет его народ. В Махараштре бытует пожелание «Пусть минуют нас несчастья и наступит царство Бали».

Махешвара — один из эпитетов Шивы.

чатака — род индийской кукушки. По народному поверью, чатака не может пить воду наклоняя голову, так как ей мешает султанчик на голове, доставшийся ей в наказание за то, что в прежнем рождении она выбрала невестку за ничтожную провинность. Именно поэтому она может утолять жажду лишь дождевыми каплями.

Патала — подземный мир; один из миров индийской мифологии (см. прим. 161).

Хатакешвара — повелитель хатаков, один из эпитетов Шивы.

Шрипарвата — «достойная гора», т. е. Кайласа, жилище Шивы. Название это может быть приложено и ко всякой горе, пользующейся репутацией священной. Так, оно является синонимом горы Срисайлам.

Май — замечательно искусный мастер и мудрец, наставник асуров, сын мудреца Кашьяпы и прародительницы Дану.

Здесь пересказана легенда о том, как Уша, дочь асура Ваны, увидела во сне красивого юношу Анируддху и с помощью своей приятельницы, искусной художницы Читралекхи, рисовавшей для нее людей и богов, соединилась с ним. Отец Уши разгневался и велел схватить Анируддху. На выручку Анируддхе кинулись его отец Прадьюмна, дед Кришна и двоюродный дед Баларама, вызволили его и он вместе со своей возлюбленной вернулся в Двараку.

данавы — титаны индийской мифологии, сыновья легендарного мудреца Кашьяпы, прародителя богов и асуров, и прародительницы Дану, дочери прародителя Дакши. Иногда название «данавы» употребляется как синоним «асуров».

Прадьюмна — сын Кришны, считавшийся земным воплощением бога любви Камы, после того как тот был испепелен Шивой.

Дурга, Шарика — эпитет Деви, супруги Шивы.

Шамбху — «великодушный», один из эпитетов Шивы.

джамбу — священное дерево, растущее на мифической горе Меру и покрывающее своей тенью землю. Его плоды громадные, как слоны, когда созревают, падают на склоны горы и из сока этих плодов образуется река Джамбу, воды которой даруют бессмертие.

Йогическое размышление — абсолютная концентрация мысли, позволяющая преодолевать любые препятствия и осуществлять любые желания.

...Ачьюта, Ишана и Виринчи — Ачьюта — «несокрушимый», один из эпитетов Брахмы. Ишана — «повелитель северо-востока», эпитет Шивы. Виринчи — имя Брахмы, Шивы или Вишну; в данном случае относится к Вишну. Как следует из самого текста, во времена Сомадевы идея единобожия получила значительное распространение; здесь важнейшие боги индуизма рассматриваются как проявление единого божества.

которым *Шива сжег Каму* — здесь имеется в виду легенда о том, как бог любви Кама, пытаясь пробудить у Шивы, погруженного в аскетические подвиги, любовную страсть, был обращен Шивой в пепел. Чтобы не нарушить своего духовного сосредоточения, Шива усилием воли создал себе на лбу третий глаз и изверг из него молнию, которая и сожгла Каму.

темный камень раджаварта — род гранита.

Объяснение этого иносказания содержится в следующем далее рассказе двух дев.

Бхарга — одно из имен Шивы.

...подобна самой амрите, погубившей данавов — см. прим. 3. к Книге о Веле.

Дочь Джахну — индусская легенда повествует о том, как благодаря подвижничеству мудреца Бхагиратхи небесная река Ганга была низведена на землю. Но на её пути оказалась земля, где совершал свои жертвы мудрец Джахну, который в ярости выпил всю реку. Бхагиратхе снова пришлось совершать длительное подвижничество ради того, чтобы Джахну освободил Гангу. Наконец, тот смиротворился и позволил ей вытечь из его уха. Отсюда и берет начало этот эпитет.

Шарва — «сражающий стрелой»; эпитет Шивы. Чтобы ниспадающая с Гималаев Ганга не повредила людям, Шива принял ее поток на свою голову.

...что она божественного происхождения — единственным признаком, свидетельствовавшим о ее не божественном происхождении, было то, что она моргала — боги же, в отличие от смертных, не моргают.

Манматха — «возбуждающий»; эпитет Камы, бога любви.

Гора Мандара — см. прим. 3 к Книге о Беле.

чараны — странствующие певцы.

...С помощью вета́л можно добыть все, что пожелаешь. — См. прим. 11 к Книге о Шашанкавати. Связанные с культом Шивы вета́лы в народных представлениях обладают необычайной мощью; подчинение себе вета́лы с помощью особых заклятий позволяет человеку обрести сиддхи, волшебные способности — например, становиться бесконечно малым или бесконечно большим, по своей воле изменять вес, свободно передвигаться в пространстве и т. п. Следует заметить, что в древнейших представлениях вета́лы считались группировкой среди пищачей, с которыми связана история возникновения «Брихаткатха» Гунадхьи.

шрамана — подвижник, обычно буддийский или джайнский; волшебник, кудесник.

...в первую стражу ночи — сутки у индейцев делятся на день и ночь, а те, в свою очередь, на четыре прахары (стражи) каждая; прахара равна трем часам. Исчисление обычно идет от момента наступления темноты.

...иную аватару Бхайравы — однажды Брахма и Вишну решили унижить Шиву и доказать свое превосходство над ним. Оскорбленный Шива обратился Бхайравой, «ужасающим»; ногтем пальца левой руки он срезал пятую голову Брахмы, которая посмела изрыгнуть поношение Шивы.

Пурари — одно из имен Шивы.

...понял я все ее знаки — пантомима, разыгранная Падмавати, связана с этимологией имен. Например, закладывая за ухо лотос, девушка дает понять, что живет она в царстве царя Карнотпалы, имя которого состоит из двух слов: «карна» — ухо и «утпала» — лотос и означает «обладающий ухом, подобным лотосу».

...уподобиться чакорам, питающимся лучами лунного света... — по поверьям индийцев, у чакоры (род куропатки) при виде отравленной пищи мутнеют глаза. Единственная для нее пища, в которую не может быть подмешан яд, лунные лучи.

пять первичных начал — т. е. земля, вода, воздух, огонь и эфир.

ракшасы — в индийской мифологии категория божеств, враждебных людям.

Майна — индийский скворец.

Амбика — «матушка», супруга Шивы. Эта богиня — одна из многочисленных у народов и племен Индии ипостасей богини-матери. В молитве, посвященной ей, воспроизведены некоторые черты ее иконографии, а в эпитетах содержатся указания на основные, связанные с ней легенды.

...голову свою приношу тебе в жертву! — самопожертвование воина ради царя — высшая добродетель. В некоторых районах Индии, главным образом на юге, встречаются так называемые «хиро-стоунс», высеченные из камня фигуры воинов, совершивших, подобно Вираваре, высший акт самопожертвования.

...царства *Лата* и *Карната* — территория этих царств примерно соответствует южной части штата Гуджерат и штату Карнатак Республики Индия.

месяц ашадх — месяц индийского календаря; соответствует периоду от середины июня до середины июля.

пуджа — жертвоприношение.

...разодрал изодранный ковер, их последнее достояние — т. е. продемонстрировал, что у него нет никаких иных забот, кроме служения государю.

амалака — плод миробаланового дерева. Съевший амалаку в соответствии с определенными обрядами будет пользоваться покровительством богини Счастья. По древним поверьям, мудрецы, выпившие напиток, приготовленный из сока и мякоти амалак, возвращали себе молодость, избавлялись от болезней, обретали физическую и духовную силу и могли жить несколько столетий.

Катьяяни — одно из имен Шакти, супруги Шивы.

асуры — см. прим. 3 к Книге о Веле.

Метатель диска — обычный эпитет Вишну, связанный с легендой об амрите (см. прим. 3 к Книге о Веле). Когда амрита была уже добыта, асура Раху пытался завладеть ею, но Вишну бросил свой метательный диск и отсек ему голову, отлетевшую в мировое пространство. Поскольку Раху успел попробовать амриты, голова его была обречена на бессмертие.

Вишвакарман — божественный мастер, один из ведических богов.

Кандарпа — см. прим. 31.

Юги — космические эпохи, на которые делится период существования мира между двумя пралай, мировыми катаклизмами. Юг четыре: крита-юга, равная 1728 тыс. человеческих лет, в которую люди жили праведно и справедливо и не знали зависти, вражды, ненависти, жестокости и т. п., принадлежали к брахманской варне. В следующей, трета-юге, длящейся 1296 тыс. человеческих лет, начинается упадок общества. Основной добродетелью становится знание, за всякое деяние люди ожидают награды. В продолжающейся 864 тыс. лет — двапара-юге, упадок достигает еще большей силы. Главной добродетелью становится жертвоприношение. Праведность крайне редка, появляются болезни, нищета, образуются многочисленные касты. Наконец, упадок становится всеобщим и наступает кали-юга, продолжающаяся 432 тыс. лет (см. прим. 79).

Ишвара — см. прим. 24.

ансары — см. прим. 12.

Ананга — «бестелесный»; эпитет бога любви Камы.

...с тремя складками — у идеальной красавицы, по представлениям древних индийцев, должны быть на животе три складки.

Мара — «погубитель», эпитет бога любви Камы.

...и день прошел для него, как для чакраваки— (см. прим. 50).

Бестелесный, Рожденный в душе — эпитеты бога любви.

кокил — индийская кукушка.

...подобный неиспеченному Шивой Смаре, опустившемуся на землю ради спасения своего тела — см. прим. 100.

Брихаспати — наставник Индры (Шакры); жрец богов.

...разве не пришлось Раме из-за разговоров в народе покинуть Джанаки? — имеется в виду эпизод одной из классических эпопей Индии «Рамаяна». Уже после воцарения Рамы в Айодхье ему сообщили, что в народе идут разговоры, будто Сита нарушила долг супружеской верности, пока находилась в плену у Раваны. Раме пришлось отправить ее в изгнание в лес. Этот эпизод неоднократно использовался классиками древнеиндийской литературы. Великий индийский драматург Бхавабхути (VIII в.) посвятил ему пьесу «Уттарарамачарита» («Дальнейшая жизнь Рамы»).

...жаждет душа моя дхармы — Диргхадаршин жаждет устраниваться от собственно государственных дел во имя религиозного подвижничества. Но дхарма — термин крайне емкий и включает в себя, например, понятие бескорыстно исполняемого служебного долга, в том числе и обязанности министра.

...чакра и другие знаки царского достоинства— здесь имеются в виду образуемые морщинами на подошве изображения чакры (метательного диска), лотоса и зонта. Вообще же знаков царского достоинства семь: чакра, символизирующий верховную власть; могучий боевой слон; конь, как символ воинской мощи; чинтамани — драгоценный камень, исполняющий желания; идеальная жена, безупречной красоты и добродетели; идеальный домоправитель; идеальный военачальник.

...слава тебе, Хранилище жемчужин... — обращение царя к Океану содержит эпитеты, за каждым из которых скрыты целые легенды и циклы легенд. См., напр., прим. 3 к Книге о Веле.

Мадана — «страсть»; эпитет бога любви Камы.

Дхармараджа — Повелитель Справедливости; эпитет бога смерти Ямы.

...был столицей Лучника, когда обрел он облик Рамы — метафора основана на сюжете «Рамаяны». Лучник — Вишну (см. прим. 32 и 85), когда ему взмолились боги, прося избавить их от угрозы оказаться под властью демона Раваны, обращается в Раму и его братьев, сыновей царя Дашаратхи, правившего в Айодхье.

Васава — одно из имен Индры.

...было оно подобно новой Патале, и разве что не было там самого царя Бали — жилище вора по богатству сравнивается здесь со славящимся своими богатствами подземным царством Патала (см. прим. 88), где правит царь асуров Бали, низвергнутый туда Вишну (см. прим. 85).

*...с висящим на шее анком, сбросив корнака — корнак — слоно-
вожатый, управляющий слоном с помощью металлического крюка — анка.*

радостный месяц мадху — месяц, начинающий время индийской весны, месяц чайтра, приходящийся на время от середины марта до середины апреля.

Подобно тому, как выше в качестве основы для метафоры был использован сюжет «Рамаяны», так и здесь Сомадева обращается за тем же к «Махабхарате». Согласно средневековому индийскому идеалу женской красоты, глаза красавицы должны быть миндалевидной формы и доходить до основания уха. Арджуна — имя одного из пяти братьев пандавов, героев «Махабхараты»; вещественное значение этого имени — «зрачок». Карна — имя одного из кауравов, другой группы героев «Махабхараты», враждовавших с пандавами; вещественное значение имени Карны — «ухо». Уподобив форму глаза воинству пандавов под предводительством Арджуны, стремящемуся прорваться к Карне, Сомадева придает особую динамичность образу.

обманом выиграв спор — имеется в виду спор Винаты и Кадру, дочерей прародителя Дакши, отданных им вместе с их сестрами в жены мудрецу Кашьяпе (см. прим. 82). От Винаты пошли все пернатые, в том числе и Гаруда — наполовину человек, наполовину коршун; от Кадру все змеи и другие рептилии. Когда-то сестры поспорили о том, какой масти конь Уччайшравас. С помощью тысячи своих сыновей — змеев, которые вплелись в хвост Уччайшравасу, Кадру сумела выиграть спор. По условиям спора Вината должна стать на тысячу лет рабыней Кадру.

Желая избавить мать от рабства, Гаруда полетел на небо, чтобы похитить у богов амриту и отдать ее детям Кадру в качестве выкупа за свою мать.

...Таркшья, сын самого Кашьяпы, освященный своим служением Кришне — Таркшья — одно из имен Гаруды (см. прим. 156); здесь имеется в виду то, что Кришна летал на Таркшье на небо Индры и Таркшья помогал ему в битве за «пожелай-дерево», похищенное Кришной у Индры.

Гокарна — одна из ипостасей Шивы.

...обратился в собрание пяти начал — т. е. умер, распался на пять материальных начал — эфир, воздух, огонь, воду и землю.

...вписанным на стенках яйца Брахмы — по космологическим представлениям древних индийцев, из хаоса начала времен под воздействием первичной причины образовалось золотое космическое яйцо, которое затем разделилось пополам — одна его половина стала небом, а другая — землей. Яйцо Брахмы, «брахманда», и есть собственно вселенная.

...получил от этого название «троемирье» — Вселенная (см. прим. 160) делится на три сферы — лока, которые соответственно заселены богами, мудрецами и нагами. Каждая из сфер может характеризоваться по-разному, но наиболее общее деление таково: собственно лока — имеется в виду либо вся система в целом, либо небо, состоящее из шести иерархически расположенных небес, функционально соответствующих раю, и седьмого бхурлока, т. е. земли, населенной людьми и другими земными существами. Хотя бхурлока и включена в лока, но часто рассматривается как самостоятельный мир, противопоставляемый миру богов.

Подземный мир — тала, состоит из семи слоев: Патала — царство нагов (змей); Атала — царство якшей (духи различного характера); Расатала — место обитания асуров, дайтьев и данавов, соперников богов, откуда во время пралая вырвется огонь, который уничтожит вселенную; Габхастала — царство ракшасов; Витала — мир хатаков, мифического народа, над которым царствует Шива; Сутала — царство Бали (см. прим. 8 к Книге о Веле); Махатала — мир злых духов.

Нарака — ад в смысле, близком к христианскому. Нарака делится на Пут — ад для бездетных; Авичи — для ждущих нового рождения; Салихата — для всех злодеев; Тамисра — царство адского мрака; Риджиша — царство мучений; Кудмала — мир терзаний для перевоплощающихся; Кокала — адская бездна для тех, кто из-за своих злодеяний утратил возможность нового рождения.

В различных индийских религиях и сектантских учениях картина ада может претерпевать большие или меньшие изменения.

...видимо, есть у меня дурные приметы — под дурными приметами понимались такие, как скверный запах изо рта, бородавки и родинки, сутулость и т. п.

...жители разных *джанапад* — под джанападой обычно понималась группа деревень, заселенных одним племенем. Деление на джанапады отражало древнее территориально-племенное деление царств. Позднее, с образованием союзов племен, давших начало ранней государственности, сложились этно-территориальные объединения, получившие название *махаджанапада*, т. е. великие джанапады.

В данном случае имеется в виду, что пришли жители сельских местностей.

...врагом *Трипуры* — один из эпитетов Шивы; синонимичен ему и другой эпитет — *Трипурадаха*, т. е. сжегший три города. Оба они связаны со следующей легендой. Некогда Брахма разрешил асуре Маю построить для асуров три города: Железный, Серебряный и Золотой. Когда города были построены, заселены, править ими стали три сына асуры Тараки: Таракша, Камалакша и Видьютмалин. Передавая города асурам, Май предупредил их, чтобы они не боялись богов, но и не выказывали неуважения к ним.

Поскольку жители трех городов жили праведно и не нуждались в богах, боги не могли этого потерпеть и хотели их уничтожить. Но для этого прежде всего нужно было заставить жителей городов вступить на путь неправедности. Тогда Вишну принял облик Будды и стал проповедовать среди них буддийскую веру и так распространил неверие и неправедность. Теперь уже боги получили основание уничтожить три города, и те, по их просьбе, были сожжены Шивой.

Позднее под названием «Трипура» стало пониматься имя одного асура, по просьбе Шивы уничтоженного богиней Кали.

...призвал видью, исполняющую желания — видья обозначает и знание вообще, и знание магическое. Здесь имеется в виду представительница рода божеств — персонифицированных знаний.

...не поддающийся обману майи — т. е. заботам повседневной жизни, тревогам, радостям и страданиям. «Майя» — термин, обозначающий объективное бытие как иллюзорное в противоположность, по представлению ортодоксальных индусов, единственно реальному бытию в Брахме. В ведах майя противостоит основной концепции памятника и рассматривается как лжеучение асуров, соперников богов.

...совершили над ним обряд упанаяна и надевали брахманский шнур — шнур, состоящий обычно из трех хлопчатобумажных нитей, символизирующих три веды. Над брахманами по достижении ими семи лет совершают церемонию посвящения, так называемую яджноповита — после ряда обрядов надевают брахманский шнур, означающий, что носящий его обладает всеми привилегиями брахмана, имеет право читать веды.

Джамбху — имя одного из асуров, погибшего в схватке с Индрой.

...долго нес *подательницу богатств* на своих руках — метафорическое выражение, означающее, что Сурьяпрабха долго правил землей, так как один из эпитетов земли — Васундхара, т. е. хранительница богатств.

...будет ее младенец моим сыном кшетраджа — по индийскому средневековому праву, если по каким-то обстоятельствам у жены от законного мужа не было сына, то муж мог дать согласие на зачатие женой ребенка от какого-либо другого мужчины. В этом случае родившийся младенец обладал всеми законными правами сына от законного мужа. Такого сына и называли термином «кшетраджа».

Несущий на знамени быка — эпитет Шивы.

Пурохита — первоначально жрец племени, здесь — жрец царя. Пурохиты часто кроме собственно культовых функций выполняли и государственные.

...разные одежды и разные языки — поскольку он ехал через разные страны, то соответственно менялись и нравы, и обычаи, и одежда, и языки. Средневековые индийские памятники называют на территории Индии до шестидесяти различных языков. В настоящее время в Индии говорят более чем на полутора тысячах языков и диалектов. Основная масса населения — 90 % — говорит и пишет на тринадцати главных языках, названных в конституции Республики Индия; на языке хинди говорит 140–150 млн. чел.

...сливаются воедино потоки Ганга и Ямуны — слияние этих двух священных рек Индии Ганга и Джамны происходит у города Аллахабада, древнего Праяга. Вода Ганга относительно светлее воды Джамны и поэтому на протяжении довольно большого расстояния оба потока текут в одном ложе, почти не смешиваясь. Место слияния Ганга и Джамны считается у индусов одним из наиболее священных мест.

...касты, ни одна из которых не преступает положенных ей пределов — во времена Сомадевы вопрос о чистоте каст в значительной мере был весьма сомнительным. Социальная подвижность населения в Кашмире была очень значительна, и данное место в тексте звучало, видимо, даже для самого Сомадевы, как недостижимый идеал.

враг Джамбху — т. е. Индра.

...подобных крылатым горам — см. прим. 7.

Савитри — героиня одного из вставных сказаний в «Махабхарате», олицетворение женской преданности и красоты.

...о том, что случилось с Панду? — охотясь, Панду убил юного самца газели, предававшегося любовной игре с самкой. К умирающему животному вернулся его настоящий облик мудреца, обратившегося в газель, чтобы изведать, как испытывают животные любовное чувство. Проклятие умирающего обрекло Панду на смерть во время соития.

Помня о проклятии, Панду стал жить в строгом воздержании в лесу, разрешив двум своим женам Кунти и Мадри родить детей от богов. От Кунти родились — Юдхиштхира, зачатый от Дхармы, бога справедливости; Бхима — от бога ветра Ваю; Арджуна — от верховного бога Индры, а у Мадри — Накула и Сахадева от божественных близнецов Ашвинов. Эти пятеро сыновей Панду и стали центральными персонажами «Махабхараты».

дерево ашваттха — смоковница; фиговое дерево.

...украшенный зайцем *Месяц* — по представлениям индийцев, пятна на луне образуют фигуру зайца.

брахмаракишас — брахман среди ракшасов. Мифологические существа у индийцев подчиняются тем же правовым нормам, что и обычные люди. Так, даже ракшасы, сильнейшие из мира демонов, могут оказаться брахманами и претендовать на соответствующую чистоту.

...которому исполнилось семь лет — возраст, в котором обычно осуществляется яджнопавита (см. прим. 167).

анджали — молитвенное положение рук, сложенных ладонями.

...превосходивший своими достоинствами самого Бали — т. е. великого царя асуров Махабали (см. прим. 8 к Книге о Беле).

кадали — банановая пальма.

издает она исполненные горькой боли стоны, словно вырывается наружу дым от бушующего в ее сердце огня, разожженного богом любви, и непрерывно текут по ее лицу черные от сажи слезы — последовательно развивая образ эмоции, Сомадева использует поэтические традиции и совершенно бытовые реалии — слезы черны не от сажи, образовавшейся от горения, а черны потому, что смывают с век каджал, притирание, изготовляемое на саже, которым индийские женщины подводят глаза.

ганы — многочисленная группа божеств, составляющих свиту Шивы.

...ты хочешь обречь себя самоубийством на мучения в аду — не заслуживало осуждения только самоубийство как ритуальный акт, с какой-то религиозной целью. В «Океане сказаний» немало подобных историй, например о Вираваре. Но в данной ситуации самоубийство должно было послужить, так сказать, узко личной цели и потому совершающему его был уготован ад.

Прадьюмна — см. прим. 94.

...порок присутствовал только в названии юги — т. е. в Кали-юге (см. прим. 133).

...деревня, пожалованная в кормление брахманам — одна из распространенных форм феодальных дарений. Деревня, несколько деревень или даже целая джанапада могли быть пожалованы индивидуально какому-либо брахману или группе брахманов. Они пользовались всеми услугами населения деревни и ее экономическими ресурсами.

пашупаты — одна из старейших шиваитских сект, возникновение которой относится к III в. н. э. Члены ее уже во времена Сомадевы приобрели репутацию колдунов, заклинателей, обманщиков и т. п.

ракшаси — ведьма, дьяволица.

куша — трава с жесткими и острыми стеблями.

дерево ашока — дерево с оранжево-красными цветами; по поверью, расцветает, когда его коснется нога девушки.

Рати и Прити — Рати, собственно, страсть, супруга Камы, бога любви; Прити — любовь.

бхуты — мифические существа, вселяющиеся в мертвые тела; вообще злые духи.

...«*Двадцать пять рассказов Веталы*» — один из популярнейших образцов жанра обрамленной повести, распространенной не только у индийцев, но и у других народов, в частности у тибетцев, монголов, калмыков, у которых эта книга, сохранив важнейшие признаки жанра, приобрела национальный колорит.

...не будут иметь власти ни якиши, ни ветапы, ни кушманды, ни дакини, ни ракшасы — как видно из этого перечисления, «Двадцать пять рассказов Ветапы» играют роль могучего заклятия от всех основных категорий демонических сил, недоброжелательных или прямо враждебных людям. Перечисленные категории все принадлежат к числу обитателей подземных миров (см. прим. 161).

...чтобы смог ты усмирить асуров, воплотившихся в облике варваров — одна из отсылок к актуальной современности времени Сомадевы. Как следует из ряда памятников, в том числе хроники Калханы, под варварами (млеччхами) подразумевались различные мусульманские завоеватели, вторгавшиеся на северо-запад Индии.

...напоминало Паталу, поднявшуюся на земную поверхность — Патала — подземный мир, обиталище нагов (змей), богатейший и прекраснейший из всех миров, составляющих вселенную. Его столица Бхогавати выстроена из драгоценных камней, полна всяких чудесных устройств. Попавшие туда обретают наслаждение, а воины, павшие в битве, — любовь красавиц из племени нагов. Сами наги наделены волшебными знаниями и необычайными способностями.

Предшествующее описание пейзажа полно деталей, вызывающих ассоциации с теми или иными сказаниями и легендами мифологической и эпической традиции. Название породы гусей дхартараштра напоминает об одном из главных персонажей «Махабхараты», главе рода кауравов — Дхритараштре; деревья, растущие по берегам озера, названы по имени одного из пандавов, а озеро уподоблено самому сказанию о бхаратах.

мриданг — род барабана, корпус которого может быть сделан либо из гончарной глины, либо из дерева.

...ради дарования ее супругу желанной победы над Трипурой — в приведенном обращении к Ганеше, кроме множества иконографических моментов, позволяющих почти зрительно представить себе облик этого популярного бога, отразилась еще одна специфическая черта культов и верований, входящих в систему индуизма. Она состоит в том, что божество, к которому обращается молитва, становится по крайней мере для данного верующего наивысшим божеством, по отношению к которому остальные иерархически оказываются расположены ниже. Так, в данном случае к Ганеше обращается Гаури, молящая о даровании победы ее супругу, высочайшему богу Шиве, хотя нормальный мифологический порядок должен был бы быть иным от Ганеши к Гаури и от нее к Шиве.

правая рука его была все время обращена к дереву — т. е. обходил слева направо, оказывая тем самым должное почтение.

лес Кхандава — название леса в районе Курукшетры, где происходит действие «Махабхараты», был истреблен Агни с помощью Арджуны и Кришны.

растение акша — кустарник, жесткие зерна которого служат для изготовления игральнх костей, разновесов, четок и т. п.

...ту часть света, где обитает Кубера — т. е. север, где стоит его город Алака, средоточие сокровищ и драгоценностей.

...будто новый великий змей *Шеша* — всю тяжесть земли — *Шеша* — змей, на котором среди океана возлежит верховный бог Вишну. Иногда *Шеша* изображается поддерживающим своими головами землю.

...Разве красив пруд, заросший лотосами, без гуся? И что за красота в гусе без пруда, заросшего лотосами? — Здесь перед нами один из примеров того, как может быть достигнута по индийским средневековым представлениям полнота эстетического наслаждения. И пруд, и гусь красивы и сами по себе, но только при сочетании того и другого в единой картине могут реализоваться в полной мере эстетическая сущность каждого, и в результате такого сочетания у зрителя или слушателя возникнет чувство прекрасного.

месяц картика — месяц индийского календаря, соответствует периоду с середины октября по середину ноября.

шириша — название дерева, цветы и плоды которого съедобны.

Сомадева описывает внешность шабары с этнографической точностью — мужчины из племен адиваси в районе гор Виндхья и сегодня еще сохраняют подобный облик.

Рамбха — первейшая из небесных дев, апсар, непревзойденная красавица, возлюбленная Налакубары, сына Куберы, бога богатств.

Агастья — один из древних мудрецов и поэтов, персонаж многих легенд (см. прим. 33).

...не пожирая, как это делают рыбы, сильный слабого — рассуждение Мриганкадатты по поводу того, что и шабары не могут обойтись без царя, представляет обоснование необходимости царской власти потребностями регулирования общественной жизни. Постоянное смешение Сомадовой традиционных названий племен адиваси — бхиллы, пулинды, шабары — дает основание думать, что это в свою очередь отражает существование между этими племенами союзных отношений и объединение их в рамках одного племенного союза. Мриганкадатта обращается к традиционной формуле объяснения первоначального состояния общества, когда «сильный пожирал слабого», т. е. «матсьяньяя» — «рыбьей логики».

Хираньякша — «золотоглавый»; могущественный дайтъя (см. прим. 3), захвативший землю и увлекший ее в глубь Океана, угрожавший захватить небеса и занять трон Индры. Индра и другие боги взмолились Вишну о спасении их от этой угрозы. Обратившись в вепря, Вишну целую тысячу лет боролся с Хираньякшей, пока, наконец, не убил его. После этого он поднял землю на своих клыках над водами Океана.

Гхатоткача — сын Бхимы, одного из сыновей Панду (см. прим. 179) и ракшаси Хидимбы, обладавший громадной силой. Он участвовал в битве при Курукшетре, описанной в «Махабхарате», и его смог сразить лишь Карна и только копьем, посланным Карне Индрой.

чандалы — потомство от шудры и брахманки; занимали в социальной иерархии одно из самых низших мест — они должны были селиться отдельно, пользоваться отдельными колодцами и т. п. К ним относились и некоторые племена, почему, в частности, Сомадева на равных основаниях использует этот термин с терминами собственно этническими.

кираты — название ряда горных народностей и племен.

...Тогда будем мы вынуждены прибегнуть к силе — военное решение межгосударственного конфликта с древнейших времен рассматривалось индийскими теоретиками политики как самая крайняя мера, применяемая лишь в том случае, если все иные методы решения уже использованы.

Сцена приема посла царем Махасеной написана очень живо и не только содержит типичные образцы послания и устного ответа на него, но и свидетельствует о том, что посол пользовался неприкосновенностью.

...уподобилось поле сражения жилищу Хираньякашипу — имеется в виду легенда о том, что некогда Прахлада, сын дайтьи Хираньякашипу, вопреки воле отца стал поклоняться Вишну. Поскольку Хираньякашипу не мог быть убит ни зверем, ни человеком, он осмеял могущество Вишну и его вездесущность, сказав, что Вишну нет, например, в каменной колонне, ударив при этом ее ногой. Тотчас же колонна разверзлась и из нее явился сам Вишну в образе человеко-льва — существа, которое не было ни зверем, ни человеком, и растерзал Хираньякашипу.

рудры — группа из десяти или одиннадцати божеств, сопровождающих ведического бога бури Рудру, в позднейшей мифологии ассоциировавшегося с Шивой.

карнаи — музыкальный инструмент, труба с большим раструбом на конце.

...точно плясал, окутанный облаками шафрана, словно выражая его цветом силу своего чувств а, — порошок шафрана широко употребляется во время народных празднеств, особенно во время праздника холи, когда им обсыпают друг друга.

...как *Ачьюта* некогда взял руку *Лакшми* — *Ачьюта* — одно из имен Вишну, и свадьба *Мриганкадатты* и *Шашанкавати* уподоблена свадьбе Вишну и Лакшми.

почетный тюрбан — одна из форм награждений в древней и средневековой Индии, обычно совмещавшаяся с пожалованием земельного надела или каким-нибудь другим видом материальной награды.

...собрал он под один зонт все четыре страны света и правил ими —
т. е. установил абсолютную власть над всей землей.

Сарасвати — супруга бога Брахмы, богиня мудрости и учености, речи и музыки. Сарасвати приписывается изобретение письма деванагари.

бетель — см. прим. 19 к Книге о Шашанкавати.

цветы тапичча — цветы одной из разновидностей кокосовой пальмы.

цветы кимшука — цветы дерева палаша; они красивого огненного цвета, но совершенно лишены запаха.

...Рукмини, хоть и отдана была за повелителя чедиев, была похищена Хари — Рукмини, дочь царя страны Видарбха, была просватана за царя чедиев Шишупалу. Но еще до того, как состоялось сватовство, она влюбилась в Кришну, узнав о нем из рассказов Нарады. За день до назначенной свадьбы Рукмини пошла помолиться Бхавани, встретила с Кришной и стала его супругой. Хари — одно из имен Вишну, аватарой которого является Кришна, а Рукмини — аватара Лакшми, богини счастья.

...спрячемся за Матерями — семь матерей, древние богини-матери, прародительницы всего живого на земле. В разных памятниках древнеиндийской традиции число их различно, минимально — их семь, максимально — тридцать две. Наиболее часто встречаются, однако, семь матерей — Брахми, Махешвари, Каумари, Варахи, Нарасинхи, Вайшнави, Индри. Они изображаются полунагими в венцах, ожерельях и браслетах. Культ Матерей принадлежит к числу древнейших и практически сохранился и в современном индуизме и его сектах, особенно в таком его толке, как шиваизм. Супруга Шивы стала наиболее значительной среди Матерей, своеобразным синтезом всех местных и племенных вариантов богини-матери, отразившихся в тысяча восьми ее именах. Поклонение Матерям было связано с различными самоистязаниями, с кровавыми жертвоприношениями, в том числе и человеческими. В одном из пещерных храмов Эллары сохранился горельеф, изображающий принесение человека в жертву Матерям.

йоджана — мера длины, равная примерно 15 км.

...словно у змейки, на голове у нее сверкал драгоценный камень — по поверьям индийцев на голове у некоторых змей горит волшебный камень, способный возвращать мертвого к жизни.

чоли — род лифчика, завязываемого или застегиваемого спереди.

словно золотой столб для слона красоты — т. е. настолько неотразимо привлекателен, что нельзя от него отвести очей.

рыдаю, как чакравака — см. прим. 9 к Книге о Веле.

...подобно жестокому правителю, облагающему свой народ тяжелыми налогами — не раз на протяжении всего романа Сомадева обращается к теме тяжелых налогов. Согласно древнеиндийским памятникам, нормы налогообложения и методы сбора налогов варьировались, достигая на деле иногда чудовищных размеров. Калхана свидетельствует в своей хронике «Река царей» («Раджатарангини») о том, что облагалось налогами абсолютно все, «даже дерьмо». Сборщики налогов, как об этом говорится в «Артхашастре» Каутильи, практически могли использовать любые средства, чтобы заставить платить налог.

аграхара — передача земли или деревни, или группы деревень брахману приносила дарителю благословение и очищало его от всех грехов (см. также прим. 192 к Книге о Шашанкавати).

уподобилась видьядхари, утратившей свое волшебное знание — см. прим. 65 к Книге о Шашанкавати.

Савитри — имя героини одного из вставных сказаний «Махабхараты». В нем рассказывается следующее. Дочь царя Ашвапати Савитри была столь красива, что никто не смел взять ее в жены. Отец, отчаявшись выдать дочь замуж, отправил ее разыскивать себе жениха. Но и она не смогла найти жениха среди царей. Только возвращаясь домой и проезжая через обитель отшельников, встретила она царевича Сатьявана, лишенного трона, и полюбила его. Однако он был обречен вскоре умереть, но это не могло заставить Савитри отказаться от своего решения. Когда Сатьяван умер и его душу забрал бог смерти Яма, Савитри последовала за ним. Напрасно Яма угрозами и посулами пытался отвлечь ее от решимости разделить судьбу супруга. Наконец, потрясенный ее преданностью, бог смерти разрешил Сатьявану вернуться в мир живых. Савитри — идеал женской преданности и красоты.

Но савитри также и название одного из гимнов «Ригведы» (III, 62, 10), считающегося самым священным во всей ведической литературе. Сомадева обыгрывает здесь оба значения этого слова — супруг, отвечая на вопрос супруги, говорит, что он размышляет о гимне савитри, но ревнивая супруга воспринимает это название гимна, как имя женщины.

пурохита — см. прим. 172 к Книге о Шашанкавати.

Сомадева использует здесь широко распространенный в мировом фольклоре мотив. Один из самых ранних примеров использования его в индийской традиции — история царя Пурураваса и апсары Урваши, запечатленная в одном из гимнов «Ригведы», в сказаниях «Шатапатхабрахманы» и «Махабхараты», а также в ряде других произведений древнеиндийской литературы, в том числе в знаменитой драме Калидасы «Мужество и Урваши».. Обращается к этой истории и Сомадева (см. «Повесть о царе Удаяне», М., 1967, стр. 123–124), но он при этом опускает центральный мотив сказания, приурочив его к истории своего центрального героя Нараваханадатты.

*Дев*и — одно из имен супруги Шивы. См. прим. 121 к Книге о Шашанкавати.

гандхарвы — см. прим. 6 к Книге о Шашанкавати.

Кешава — «блистательный»; один из эпитетов Вишну.

Когда дайтъя Атапи... — Атапи один из дайтьев, сыновей праматери Дити (см. прим. 82).

...не следует тебе его убивать — прелюбодеяние преследовалось, и древнеиндийские законы предписывали для уличенных-в прелюбодеянии смерть.

Лунный род — одна из двух основных полулегендарных династий, начинающаяся с Судьюмны, одного из девяти сыновей прародителя Ману. К этой династии принадлежали такие герои древних сказаний, как Пуруравас (см. прим. 4), Нахуша, Яяти, Друхью, Турвасу и др. Притхвидеви в своей следующей реплике подчеркивает, что и принадлежность к столь высокому роду не избавляет от ответственности перед судом. Но следующая за этими словами картина суда над Нараваханадаттой имеет явно сатирический характер, начиная от юридической дефиниции, что такое суд, и кончая демонстративным уходом истца, его попыткой физической расправы над несправедливо обвиненным Нараваханадаттой.

Здесь пересказаны основные моменты сюжета «Рамаяны».

...даже знания Гаури будут тебе подвластны — Сомадева таким образом ставит Нараваханадатту выше Шивы, поскольку этот верховный бог оказывается часто бессильным перед своей супругой Гаури.

чараны — см. прим. 110 к Книге о Шашанкавати.

камень каустубха — волшебный камень, одно из четырнадцати сокровищ, извлеченных богами и асурами во время пахтанья Молочного океана (см. прим. 3 к Книге о Беле). При дележе сокровищ камень достался Вишну.

...не ко времени явившийся *Раху* — отсеченная голова Раху, обретшая бессмертие, поскольку он успел отпить амриты, обречена скитаться в пространстве. Она и являлась, по поверьям древних индийцев, причиной затмений Солнца и Луны, проглатываемых ею (см. прим. 130 к Книге о Шашанкавати).

...сокровища великого повелителя — соответствуют признакам царя (см. прим. 146 к Книге о Шашанкавати).

Каларатри — иногда предстает в качестве одной из ипостасей Дурги, супруги Шивы, иногда — как самостоятельная богиня, на которую переносятся атрибуты Дурги. Ее имя буквально означает «черная ночь», главные ее подвиги — убийство асуры Махиши и дайты Руру.

Одним из характерных атрибутов Шивы и связанных с ним божеств является чаша, сделанная из черепа.

День конца мира — см. прим. 133 к Книге о Шашанкавати.

...подобен он Раване, вознамеривавшемуся вырвать из земли Кайласу — намек на инцидент, положивший начало целому циклу легенд и сказаний, и в частности сюжету «Рамаяны». Когда повелитель ракшасов Равана, которому некогда Брахмой было обещано, что никто из богов не сможет его убить, стал угрожать их существованию и даже решил сокрушить их жилище — гору Кайласу, боги взмолились к Вишну о спасении и тогда он явился на землю в облике смертного человека — Рамы, сына царя Дашаратхи и сразил Равану.

поза падмасана — одна из поз йоги, при которой у сидящего скрещены ноги; левая ступня лежит поверх правого бедра, а правая ступня поверх левого, причем обе они повернуты подошвами вверх; руки лежат на коленях. Сидящим в этой позе обычно изображают Будду, погруженного в размышление.

Помазание Нараваханадатты на царство описывается Сомадевой таким образом, чтобы подчеркнуть его богоравность. Делает Сомадева это, опираясь на предшествующую литературную традицию. Так, Индра, глава ведических богов, чувствует, что помазание царевича Нараваханадатты затмило его собственное. Подобным же образом Индра в буддийских сказаниях чувствует, как под ним нагревается трон по мере достижения царевичем Сиддхартхой просветления.

Обращение министров к Нараваханадатте и его обращение к министрам — явные парафразы лирических народных песен. Они как бы предваряют собой рассказ Гомукхи о раджпуте Шурасене.

месяц чайтра — месяц индийского календаря (март — апрель), начинающий собой сезон васант, функционально соответствующий весне.

чандалы — см. прим. 219 к Книге о Шашанкавати.

матанга — см. прим. 26 к Книге о Шашанкавати.

...не может быть столь прекрасной девушка из чандалов — для обоснования ее красоты далее и рассказана история о ее божественном происхождении.

Какой уж союз между вороном и лебедью! — выражение крайней формы несовместимости.

убоялись принять еду от чандалы — из опасения осквернения (см. прим. 219).

История Таравалоки в сущности является парафразом истории Вишвантары, рассказанной в Книге о Шашанкавати (см. также прим. 61 к Книге о Шашанкавати). Но сюжет заимствован Сомадевой из «Джатаки о Вессантаре», пространной повести, входящей в состав канонического собрания джатак — сказаний о перерождениях Будды. Сомадева вообще широко использовал этот жанр буддийской литературы, непосредственно обращаясь либо к сюжетам, либо к их образам.

Сомадева, Повесть о царе Удаяне. Пять книг из «Океана сказаний», пер. с санскр. П. А. Гринцера и И. Д. Серебрякова, предисл. и прим. П. А. Гринцера, М., 1967.

Сомадева, Необычайные похождения царевича Нараваханадатты, пер. с санскр., послесл. и прим. И. Д. Серебрякова, М., 1972.

О хронике Калханы см.: И. Д. Серебряков, Очерки древнеиндийской литературы, М., 1971, стр. 308–314.

6. Сомашева, Необычайные похождения царевича Нараванадатты, стр.

Сомадева, Повесть о царе Удаяне. Пять книг из «Океана сказаний»,
стр. 21

D. Bhagavat, Outline of Indian Folklore, Bombay, 1958, стр. 37.

Калидаса, Избранное. Драмы и поэмы, пер. с санскр., М., 1973, стр. 310.

И. Д. Серебряков, Очерки древнеиндийской литературы, стр. 114–119.

Там же, стр. 145–152.

Дандин, Приключения десяти принцев, пер. с санскр. акад. Ф. И. Щербатского, М., 1964.

«Панчатантра», пер. с санскр. А. Сыркина, М., 1962.

«Хитопадеша, полезное наставление. Собрание древнеиндийских нравоучительных рассказов», т. 1–2, СПб., 1911–1913.

«Двадцать пять рассказов Веталы», пер. с санскр. И. Серебрякова, М., 1958.

«Семьдесят рассказов попугая», пер. с санскр. М. А. Ширяева, предисл. и прим. В. И. Кальянова, М., 1960.

И. Д. Серебряков, Очерки древнеиндийской литературы, стр. 337–338.

Сомадева, Необычайные похождения царевича Нараваханадатты, стр. 166–179.

О них см.: «Махабхарата, или Сказание о великой битве потомков Бхараты. Древнеиндийский эпос». Литературное изложение Э. Н. Темкина и В. Г. Эрмана, М., 1963; «Рамаяна», Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина, М., 1965; П. А. Гринцер, Древнеиндийский эпос, М., 1974.

И. Д. Серебряков, Очерки древнеиндийской литературы, стр. 265–269.

Там же, стр. 337–338.

«The Kathasaritsagara of Somadevabhata», ed. by Pandit Durgaprasad & Kasinath Pandurang Parab, Third ed., Bombay, 1915.

Сомадева, Необычайные похождения царевича Нараваханадатты, стр. 506–507.

«Сказание о Видъядгаре Джимутавагане. Повесть Сомадевы Бгатты», пер. с санскр. и предисл. К. Коссовича, — «Москвитянин», 1847, ч. 4, стр. 17–50.

«Индийские сказки: Катга — Сарит — Сагара», пер. с англ., — «Пантеон», СПб., 1854, т. 13, № 2, отд. «Современное», стр. 5—15.